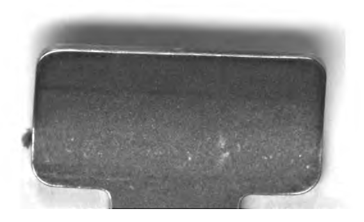
INDIANENSIS UNIVERSITATIS SIGILLUM
LUX
ET VERITAS
MDCCCXX

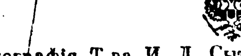


Полное собраніе сочиненій Льва Николаевича Толстого.

Томъ IX.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями
П. И. Бирюкова.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.



Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., с. д.
МОСКВА.—1913.

Левъ Николаевичъ Толстой

въ 1873 г.

Съ портрета работы ***И. Н. Крамского*** **(оригиналъ въ Ясной Полянѣ).**

АННА КАРЕНИНА.

(1873—1876 года).

РОМАНЪ

ВЪ ВОСЬМИ ЧАСТЯХЪ.

АННА КАРЕНИНА.

Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

I.

Всѣ счастливыя семьи похожи другъ на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.

Все смѣшалось въ домѣ Облонскихъ. Жена узнала, что мужъ былъ въ связи съ бывшею въ ихъ домѣ француженкою-гувернанткой, и объявила мужу, что не можетъ жить съ нимъ въ одномъ домѣ. Положеніе это продолжалось уже третій день и мучительно чувствовалось и самими супругами, и всѣми членами семьи, и домочадцами. Всѣ члены семьи и домочадцы чувствовали, что нѣтъ смысла въ ихъ сожительствѣ и что на каждомъ постояломъ дворѣ случайно сошедшіеся люди болѣе связаны между собой, чѣмъ они, члены семьи и домочадцы Облонскихъ. Жена не выходила изъ своихъ комнатъ; мужа третій день не было дома; дѣти бѣгали по всему дому какъ потерянныя; англичанка поссорилась съ экономкой и написала записку пріятельницѣ, прося пріискать ей новое мѣсто; поваръ ушелъ еще вчера со двора, во время обѣда; черная кухарка и кучеръ просили расчета.

На третій день послѣ ссоры князь Степанъ Аркадьевичъ Облонскій—Стива, какъ его звали въ свѣтѣ—въ обычный часъ, то-есть въ 8 часовъ утра, проснулся не въ спальнѣ жены, а въ своемъ кабинетѣ, на сафьянномъ диванѣ. Онъ повернулъ свое полное, выхоленное тѣло на пружинахъ дивана, какъ бы желая опять заснуть надолго, съ другой стороны крѣпко обнялъ подушку и прижался къ ней щекой; но вдругъ вскочилъ, сѣлъ на диванъ и открылъ глаза.

«Да, да, какъ это было?—думалъ онъ, вспоминая сонъ. — Да, какъ это было? Да! Алабинъ давалъ обѣдъ въ Дармштадтѣ; нѣтъ, не въ Дармштадтѣ, а что-то американское. Да, но тамъ Дармштадтъ былъ въ Америкѣ. Да, Алабинъ давалъ обѣдъ на стеклянныхъ столахъ, да,—и столы пѣли: Il mio tesoro, и не Il mio tesoro, а что-то лучше, и какіе-то маленькіе графинчики, они же женщины», вспоминалъ онъ.

Глаза Степана Аркадьевича весело заблестѣли, и онъ задумался, улыбаясь. «Да, хорошо было, очень хорошо. Много еще тамъ было отличнаго, да не скажешь словами и мыслями, даже наяву не выразишь». И, замѣтивъ полосу свѣта, пробившуюся съ боку одной изъ суконныхъ сторъ, онъ весело скинулъ ноги съ дивана, отыскалъ ими шитыя женой (подарокъ ко дню рожденія въ прошломъ году), обдѣланныя въ золотистый сафьянъ туфли и по старой, девятилѣтней привычкѣ, не вставая, потянулся рукой къ тому мѣсту, гдѣ въ спальнѣ у него висѣлъ халатъ. И тутъ онъ вспомнилъ вдругъ, какъ и почему онъ спитъ не въ спальнѣ жены, а въ кабинетѣ; улыбка исчезла съ его лица, онъ сморщилъ лобъ.

«Ахъ, ахъ, ахъ! Аа!..» замычалъ онъ, вспоминая все, что было. И его воображенію представились опять всѣ подробности ссоры съ женой, вся безвыходность его положенія, и мучительнѣе всего собственная вина его.

«Да! она не проститъ и не можетъ простить. И всего ужаснѣе то, что виной всему я, — виной я, а не виноватъ. Въ этомъ-то вся драма, — думалъ онъ.—Ахъ, ахъ, ахъ!» приговаривалъ онъ съ отчаяніемъ, вспоминая самыя тяжелыя для себя впечатлѣнія изъ этой ссоры.

Непріятнѣе всего была та первая минута, когда онъ, вернувшись изъ театра, веселый и довольный, съ огромною грушей для жены въ рукѣ, не нашелъ жены въ гостиной, къ удивленію не нашелъ ея и въ кабинетѣ и, наконецъ, увидалъ ее въ спальнѣ съ несчастною, открывшею все, запиской въ рукѣ.

Она, эта вѣчно озабоченная и хлопотливая, и недалекая, какою онъ считалъ ее, Долли, неподвижно сидѣла съ запиской въ рукѣ и съ выраженіемъ ужаса, отчаянія и гнѣва смотрѣла на него.

— Что это? это?—спрашивала она, указывая на записку.

И при этомъ воспоминаніи, какъ это часто бываетъ, мучило Степана Аркадьевича не столько самое событіе, сколько то, какъ онъ отвѣтилъ на эти слова жены.

Съ нимъ случилось въ эту минуту то, что случается съ людьми, когда они неожиданно уличены въ чемъ-нибудь слишкомъ

постыдномъ. Онъ не сумѣлъ приготовить свое лицо къ тому положенію, въ которое онъ становился передъ женой послѣ открытія его вины. Вмѣсто того, чтобъ оскорбиться, отрекаться, оправдываться, просить прощенія, оставаться даже равнодушнымъ—все было бы лучше того, что̀ онъ сдѣлалъ—его лицо совершенно невольно («рефлексы головного мозга», подумалъ Степанъ Аркадьевичъ, который любилъ физіологію), совершенно невольно вдругъ улыбнулось привычною, доброю и потому глупою улыбкой.

Эту глупую улыбку онъ не могъ простить себѣ. Увидавъ эту улыбку, Долли вздрогнула какъ отъ физической боли, разразилась, со свойственною ей горячностью, потокомъ жестокихъ словъ и выбѣжала изъ комнаты. Съ тѣхъ поръ она не хотѣла видѣть мужа.

«Всему виной эта глупая улыбка», думалъ Степанъ Аркадьевичъ.

«Но что же дѣлать? что дѣлать?» съ отчаяніемъ говорилъ онъ себѣ и не находилъ отвѣта.

II.

Степанъ Аркадьевичъ былъ человѣкъ правдивый въ отношеніи къ себѣ самому. Онъ не могъ обманывать себя и увѣрять себя, что онъ раскаивается въ своемъ поступкѣ. Онъ не могъ теперь раскаиваться въ томъ, что онъ, тридцати-четырехлѣтній, красивый, влюбчивый человѣкъ, не былъ влюбленъ въ жену, мать пяти живыхъ и двухъ умершихъ дѣтей, бывшую только годомъ моложе его. Онъ раскаивался только въ томъ, что не умѣлъ лучше скрыть отъ жены. Но онъ чувствовалъ всю тяжесть своего положенія и жалѣлъ жену, дѣтей и себя. Можетъ быть, онъ сумѣлъ бы лучше скрыть свои грѣхи отъ жены, если бы ожидалъ, что это извѣстіе такъ на нее подѣйствуетъ. Ясно онъ никогда не обдумывалъ этого вопроса, но смутно ему представлялось, что жена давно догадывается, что онъ невѣренъ ей, и смотритъ на это сквозь пальцы. Ему даже казалось, что она, истощенная, состарѣвшаяся, уже некрасивая женщина и ничѣмъ незамѣчательная, простая, только добрая мать семейства, по чувству справедливости дожна быть снисходительна. Оказалось совсѣмъ противное.

«Ахъ, ужасно! ай, ай, ай! ужасно!—твердилъ себѣ Степанъ Аркадьевичъ и ничего не могъ придумать.—И какъ хорошо все это было до этого, какъ мы хорошо жили! Она была довольна, счастлива дѣтьми, я не мѣшалъ ей ни въ чемъ, предоставлялъ

ей возиться съ дѣтьми, съ хозяйствомъ, какъ она хотѣла. Правда, нехорошо, что *она* была гувернанткой у насъ въ домѣ. Нехорошо! Есть что-то тривіальное, пошлое въ ухаживаніи за своею гувернанткой. Но какая гувернантка! (Онъ живо вспомнилъ черные плутовскіе глаза m-lle Roland и ея улыбку.) Но вѣдь пока она была у насъ въ домѣ, я не позволялъ себѣ ничего. И хуже всего то, что она уже... Надо же это все какъ нарочно! Ай, ай, ай! Но что же, что же дѣлать?»

Отвѣта не было, кромѣ того общаго отвѣта, который даетъ жизнь на всѣ самые сложные и неразрѣшимые вопросы. Отвѣтъ этотъ: надо жить потребностями дня, то-есть забыться. Забыться сномъ уже нельзя, по крайней мѣрѣ до ночи; нельзя уже вернуться къ той музыкѣ, которую пѣли графинчики-женщины; стало быть, надо забыться сномъ жизни.

«Тамъ видно будетъ», сказалъ себѣ Степанъ Аркадьевичъ и, вставъ, надѣлъ сѣрый халатъ на голубой шелковой подкладкѣ, закинулъ кисти узломъ и, вдоволь забравъ воздуха въ свой широкій грудной ящикъ, привычнымъ бодрымъ шагомъ вывернутыхъ ногъ, такъ легко носившихъ его полное тѣло, подошелъ къ окну, поднялъ стору и громко позвонилъ. На звонокъ тотчасъ же вошелъ старый другъ, камердинеръ Матвѣй, неся платье, сапоги и телеграмму. Вслѣдъ за Матвѣемъ вошелъ и цырюльникъ съ припасами для бритья.

— Изъ присутствія есть бумаги?—спросилъ Степанъ Аркадьевичъ, взявъ телеграмму и садясь къ зеркалу.

— На столѣ,—отвѣчалъ Матвѣй, взглянувъ вопросительно, съ участіемъ на барина, и, подождавъ немного, прибавилъ съ хитрою улыбкой:—отъ хозяина-извозчика приходили.

Степанъ Аркадьевичъ ничего не отвѣтилъ и только въ зеркало взглянулъ на Матвѣя; во взглядѣ, которымъ они встрѣтились въ зеркалѣ, видно было, какъ они понимаютъ другъ друга. Взглядъ Степана Аркадьевича какъ будто спрашивалъ: это зачѣмъ ты говоришь? развѣ ты не знаешь?

Матвѣй положилъ руки въ карманы своей жакетки, отставилъ ногу и молча, добродушно, чуть-чуть улыбаясь, посмотрѣлъ на своего барина.

— Я приказалъ придти въ то воскресенье, а до тѣхъ поръ чтобы не безпокоили васъ и себя понапрасну,—сказалъ онъ видимо приготовленную фразу.

Степанъ Аркадьевичъ понялъ, что Матвѣй хотѣлъ пошутить и обратить на себя вниманіе. Разорвавъ телеграмму, онъ прочелъ ее, догадкой поправляя перевранныя, какъ всегда, слова, и лицо его просіяло.

— Матвѣй, сестра Анна Аркадьевна будетъ завтра,—сказалъ онъ, остановивъ на минуту глянцевитую, пухлую руку цырюльника, расчищавшаго розовую дорогу между длинными кудрявыми бакенбардами.

— Слава Богу,—сказалъ Матвѣй, этимъ отвѣтомъ показывая, что онъ понимаетъ такъ же, какъ и баринъ, значеніе этого пріѣзда, то-есть что Анна Аркадьевна, любимая сестра Степана Аркадьевича, можетъ содѣйствовать примиренію мужа съ женой.

— Однѣ или съ супругомъ?—спросилъ Матвѣй.

Степанъ Аркадьевичъ не могъ говорить, такъ какъ цырюльникъ занятъ былъ верхнею губой, и поднялъ одинъ палецъ. Матвѣй въ зеркало кивнулъ головой.

— Однѣ. Наверху приготовить?

— Дарьѣ Александровнѣ доложи, гдѣ прикажутъ.

— Дарьѣ Александровнѣ?—какъ бы съ сомнѣніемъ повторилъ Матвѣй.

— Да, доложи. И вотъ возьми телеграмму, передай, что̀ онѣ скажутъ.

«Попробовать хотите», понялъ Матвѣй, но онъ сказалъ только: — Слушаю-съ.

Степанъ Аркадьевичъ уже былъ умытъ и расчесанъ и сбирался одѣваться, когда Матвѣй, медленно ступая поскрипывающими сапогами, съ телеграммой въ рукѣ вернулся въ комнату. Цырюльника уже не было.

— Дарья Александровна приказали доложить, что онѣ уѣзжаютъ. Пускай дѣлаютъ, какъ имъ, вамъ то-есть, угодно,—сказалъ онъ, смѣясь только глазами, и, положивъ руки въ карманы и склонивъ голову на бокъ, уставился на барина. Степанъ Аркадьевичъ помолчалъ. Потомъ добрая и нѣсколько жалкая улыбка показалась на его красивомъ лицѣ.

— А? Матвѣй?—сказалъ онъ, покачивая головой.

— Ничего, сударь, образуется,—сказалъ Матвѣй.

— Образуется?

— Такъ точно-съ.

— Ты думаешь? Это кто тамъ?—спросилъ Степанъ Аркадьевичъ, услыхавъ за дверью шумъ женскаго платья.

— Это я-съ,—сказалъ твердый и пріятный женскій голосъ, и изъ-за двери высунулось строгое, рябое лицо Матрены Филимоновны, нянюшки.

— Ну что, Матреша!—спросилъ Степанъ Аркадьевичъ, выходя къ ней въ дверь.

Несмотря на то, что Степанъ Аркадьевичъ былъ кругомъ виноватъ предъ женой и самъ чувствовалъ это, почти всѣ въ домѣ, даже нянюшка, главный другъ Дарьи Александровны, были на его сторонѣ.

— Ну что?—сказалъ онъ уныло.

— Вы сходите, сударь, повинитесь еще. Авось Богъ дастъ. Очень мучаются, и смотрѣть жалости, да и все въ домѣ вынтараты пошло. Дѣтей, сударь, пожалѣть надо. Повинитесь, сударь. Что дѣлать! Люби кататься...

— Да вѣдь не приметъ...

— А вы свое сдѣлайте. Богъ милостивъ, Богу молитесь, сударь! Богу молитесь.

— Ну, хорошо, ступай, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, вдругъ покраснѣвъ.—Ну, такъ давай одѣваться,—обратился онъ къ Матвѣю и рѣшительно скинулъ халатъ.

Матвѣй уже держалъ, сдувая что-то невидимое, хомутомъ приготовленную рубашку и съ очевиднымъ удовольствіемъ облекъ въ нее холеное тѣло барина.

III.

Одѣвшись Степанъ Аркадьевичъ прыснулъ на себя духами, выправилъ рукава рубашки, привычнымъ движеніемъ разсовалъ по карманамъ папиросы, бумажникъ, спички, часы съ двойною цѣпочкой и брелоками и, встряхнувъ платокъ, чувствуя себя чистымъ, душистымъ, здоровымъ и физически веселымъ, несмотря на свое несчастіе, вышелъ, слегка подрагивая на каждой ногѣ въ столовую, гдѣ уже ждалъ его кофе и, рядомъ съ кофеемъ, письма и бумаги изъ присутствія.

Онъ прочелъ письма. Одно было очень непріятное,—отъ купца, покупавшаго лѣсъ въ имѣніи жены. Лѣсъ этотъ необходимо было продать; но теперь, до примиренія съ женой, не могло быть о томъ рѣчи. Всего же непріятнѣе тутъ было то, что этимъ подмѣшивался денежный интересъ въ предстоящее дѣло его примиренія съ женой. И мысль, что онъ можетъ руководиться этимъ интересомъ, что онъ для продажи этого лѣса будетъ искать примиренія съ женой,—эта мысль оскорбляла его.

Окончивъ письма, Степанъ Аркадьевичъ придвинулъ къ себѣ бумаги изъ присутствія, быстро перелистовалъ два дѣла, большимъ карандашомъ сдѣлалъ нѣсколько отмѣтокъ и, отодвинувъ дѣла, взялся за кофе; за кофеемъ онъ развернулъ еще сырую утреннюю газету и сталъ читать ее.

Степанъ Аркадьевичъ получалъ и читалъ либеральную газету, не крайнюю, но того направленія, котораго держалось большинство. И, несмотря на то, что ни наука, ни искусство, ни политика собственно не интересовали его, онъ твердо держался тѣхъ взглядовъ на всѣ эти предметы, какихъ держалось большинство и его газета, и измѣнялъ ихъ только тогда, когда большинство измѣняло ихъ, или, лучше сказать, не измѣнялъ ихъ, а они сами въ немъ незамѣтно измѣнялись.

Степанъ Аркадьевичъ не избиралъ ни направленія, ни взглядовъ, а эти направленія и взгляды сами приходили къ нему, точно такъ же какъ онъ не выбиралъ формы шляпы или сюртука, а бралъ тѣ, которые носятъ. А имѣть взгляды ему, жившему въ извѣстномъ обществѣ, при потребности нѣкоторой дѣятельности мысли, развивающейся обыкновенно въ лѣта зрѣлости, было такъ же необходимо, какъ имѣть шляпу. Если и была причина, почему онъ предпочиталъ либеральное направленіе консервативному, какого держались тоже многіе изъ его круга, то это произошло не отъ того, чтобы онъ находилъ либеральное направленіе болѣе разумнымъ, но потому, что оно подходило ближе къ его образу жизни. Либеральная партія говорила, что въ Россіи все дурно, и дѣйствительно, у Степана Аркадьевича долговъ было много, а денегъ рѣшительно недоставало. Либеральная партія говорила, что бракъ есть отжившее учрежденіе и что необходимо перестроить его, и дѣйствительно, семейная жизнь доставляла мало удовольствія Степану Аркадьевичу и принуждала его лгать и притворяться, что было такъ противно его натурѣ. Либеральная партія говорила, или лучше подразумѣвала, что религія есть только узда для варварской части населенія, и дѣйствительно, Степанъ Аркадьевичъ не могъ вынести безъ боли въ ногахъ даже короткаго молебна и не могъ понять, къ чему всѣ эти страшныя и высокопарныя слова о томъ свѣтѣ, когда и на этомъ жить было бы очень весело. Вмѣстѣ съ этимъ Степану Аркадьевичу, любившему веселую шутку, было пріятно иногда озадачить смирнаго человѣка тѣмъ, что если уже гордиться породой, то не слѣдуетъ останавливаться на Рюрикѣ и отрекаться отъ перваго родоначальника—обезьяны. Итакъ, либеральное направленіе сдѣлалось привычкой Степана Аркадьевича, и онъ любилъ свою газету, какъ сигару послѣ обѣда, за легкій туманъ, который она производила въ его головѣ. Онъ прочелъ руководящую статью, въ которой объяснялось, что въ наше время совершенно напрасно поднимается вопль о томъ, будто бы радикализмъ угрожаетъ поглотить всѣ консервативные элементы и будто бы

правительство обязано принять мѣры для подавленія революціонной гидры, что, напротивъ, «по нашему мнѣнію, опасность лежитъ не въ мнимой революціонной гидрѣ, а въ упорствѣ традиціонности, тормозящей прогрессъ», и т. д. Онъ прочелъ и другую статью, финансовую, въ которой упоминалось о Бентамѣ и Миллѣ и подпускались шпильки министерству. Со свойственною ему быстротой соображенія онъ понималъ значеніе всякой шпильки: отъ кого и на кого и по какому случаю она была направлена, и это, какъ всегда, доставляло ему нѣкоторое удовольствіе. Но сегодня удовольствіе это отравлялось воспоминаніемъ о совѣтахъ Матрены Филимоновны и о томъ, что въ домѣ такъ неблагополучно; онъ прочелъ и о томъ, что графъ Бейстъ, какъ слышно, проѣхалъ въ Висбаденъ, и о томъ, что нѣтъ болѣе сѣдыхъ волосъ, и о продажѣ легкой кареты, и предложеніе молодой особы; но эти свѣдѣнія не доставляли ему, какъ прежде, тихаго, ироническаго удовольствія.

Окончивъ газету, вторую чашку кофе и калачъ съ масломъ, онъ всталъ, стряхнулъ крошки калача съ жилета и, расправивъ широкую грудь, радостно улыбнулся, не отъ того, чтобы у него на душѣ было что-нибудь особенно пріятное, — радостную улыбку вызвало хорошее пищевареніе.

Но эта радостная улыбка сейчасъ же напомнила ему все, и онъ задумался.

Два дѣтскіе голоса (Степанъ Аркадьевичъ узналъ голоса Гриши, меньшого мальчика, и Тани, старшей дѣвочки) послышались за дверьми. Они что-то везли и уронили.

— Я говорила, что на крышу нельзя сажать пассажировъ, — кричала по-англійски дѣвочка; — вотъ подбирай!

«Все смѣшалось, — подумалъ Степанъ Аркадьевичъ, — вонъ дѣти одни бѣгаютъ». И, подойдя къ двери, онъ кликнулъ ихъ. Они бросили шкатулку, представлявшую поѣздъ, и вошли къ отцу.

Дѣвочка, любимица отца, вбѣжала смѣло, обняла его и, смѣясь, повисла у него на шеѣ, какъ всегда, радуясь на знакомый запахъ духовъ, распространявшійся отъ его бакенбардъ. Поцѣловавъ его наконецъ въ покраснѣвшее отъ наклоненнаго положенія и сіяющее нѣжностью лицо, дѣвочка разняла руки и хотѣла бѣжать назадъ, но отецъ удержалъ ее.

— Что мама? — спросилъ онъ, водя рукой по гладкой, нѣжной шейкѣ дочери. — Здравствуй, — сказалъ онъ, улыбаясь здоровавшемуся мальчику.

Онъ сознавалъ, что меньше любитъ мальчика, и всегда старался быть ровенъ; но мальчикъ чувствовалъ это и не отвѣтилъ улыбкой на холодную улыбку отца.

— Мама? Встала, — отвѣчала дѣвочка.

Степанъ Аркадьевичъ вздохнулъ.

«Значитъ, опять не спала всю ночь», подумалъ онъ.

— Что, она весела?

Дѣвочка знала, что между отцомъ и матерью была ссора, и что мать не могла быть весела, и что отецъ долженъ знать это, и что онъ притворяется, спрашивая объ этомъ такъ легко. И она покраснѣла за отца. Онъ тотчасъ же понялъ это и также покраснѣлъ.

— Не знаю, — сказала она. — Она не велѣла учиться, а велѣла идти гулять съ миссъ Гуль къ бабушкѣ.

— Ну, иди, Танчурочка моя. Ахъ да, постой, — сказалъ онъ, все-таки удерживая ее и гладя ея нѣжную ручку.

Онъ досталъ съ камина, гдѣ вчера поставилъ, коробочку конфетъ и далъ ей двѣ, выбравъ ея любимыя, шоколадную и помадную.

— Гришѣ? — сказала дѣвочка, указывая на шоколадную.

— Да, да. — И еще погладивъ ея плечико, онъ поцѣловалъ ее въ корни волосъ и шею и отпустилъ ее.

— Карета готова, — сказалъ Матвѣй. — Да просительница, — прибавилъ онъ.

— Давно тутъ? — спросилъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Съ полчасика.

— Сколько разъ тебѣ приказано сейчасъ же докладывать!

— Надо же вамъ дать хоть кофею откушать, — сказалъ Матвѣй тѣмъ дружески-грубымъ тономъ, на который нельзя было сердиться.

— Ну, проси же скорѣе, — сказалъ Облонскій, морщась отъ досады.

Просительница, штабсъ-капитанша Калинина, просила о невозможномъ и безтолковомъ; но Степанъ Аркадьевичъ, по своему обыкновенію, усадилъ ее, внимательно, не перебивая, выслушалъ ее и далъ ей подробный совѣтъ, къ кому и какъ обратиться, и даже бойко и складно своимъ крупнымъ, растянутымъ, красивымъ и четкимъ почеркомъ написалъ ей записочку къ лицу, которое могло ей пособить. Отпустивъ штабсъ-капитаншу, Степанъ Аркадьевичъ взялъ шляпу и остановился, припоминая, не забылъ ли чего. Оказалось, что онъ ничего не забылъ, кромѣ того, что̀ хотѣлъ забыть, — жену.

«Ахъ да!» Онъ опустилъ голову, и красивое лицо его приняло тоскливое выраженіе. «Пойти или не пойти?» говорилъ онъ себѣ. И внутренній голосъ говорилъ ему, что ходить не надобно, что, кромѣ фальши, тутъ ничего быть не можетъ, что

поправить, починить ихъ отношеній невозможно, потому что невозможно сдѣлать ее опять привлекательною и возбуждающею любовь или его сдѣлать старикомъ, неспособнымъ любить. Кромѣ фальши и лжи, ничего не могло выйти теперь; а фальшь и ложь были противны его натурѣ.

«Однако когда-нибудь же нужно; вѣдь не можетъ же это такъ остаться», сказалъ онъ, стараясь придать себѣ смѣлости. Онъ выпрямилъ грудь, вынулъ папироску, закурилъ, пыхнулъ два раза, бросилъ ее въ перламутровую раковину-пепельницу, быстрыми шагами прошелъ гостиную и отворилъ другую дверь въ спальню жены.

IV.

Дарья Александровна, въ кофточкѣ и съ пришпиленными на затылкѣ косами уже рѣдкихъ, когда-то густыхъ и прекрасныхъ волосъ, съ осунувшимся, худымъ лицомъ и большими, выдававшимися отъ худобы лица, испуганными глазами, стояла среди разбросанныхъ по комнатѣ вещей предъ открытою шифоньеркой, изъ которой она выбирала что-то. Услыхавъ шаги мужа, она остановилась, глядя на дверь и тщетно пытаясь придать своему лицу строгое и презрительное выраженіе. Она чувствовала, что боится его и боится предстоящаго свиданія. Она только что пыталась сдѣлать то, что пыталась сдѣлать уже десятый разъ въ эти три дня: отобрать дѣтскія и свои вещи, которыя она увезетъ къ матери, и опять не могла на это рѣшиться; но и теперь, какъ въ прежніе раза, она говорила себѣ, что это не можетъ такъ остаться, что она должна предпринять что-нибудь, наказать, осрамить его, отомстить ему хоть малою частью той боли, которую онъ ей сдѣлалъ. Она все еще говорила, что уѣдетъ отъ него, но чувствовала, что это невозможно; это было невозможно потому, что она не могла отвыкнуть считать его своимъ мужемъ и любить его. Кромѣ того, она чувствовала, что если здѣсь, въ своемъ домѣ, она едва успѣвала ухаживать за своими пятью дѣтьми, то имъ будетъ еще хуже тамъ, куда она поѣдетъ со всѣми ими. И то въ эти три дня меньшой заболѣлъ отъ того, что его накормили дурнымъ бульономъ, а остальныя были вчера почти безъ обѣда. Она чувствовала, что уѣхать невозможно; но, обманывая себя, она все-таки отбирала вещи и притворялась, что уѣдетъ.

Увидавъ мужа, она опустила руки въ ящикъ шифоньерки, будто отыскивая что-то, и оглянулась на него только, когда онъ совсѣмъ вплоть подошелъ къ ней. Но лицо ея, которому

она хотѣла придать строгое и рѣшительное выраженіе, выражало потерянность и страданіе.

— Долли!—сказалъ онъ тихимъ, робкимъ голосомъ. Онъ втянулъ голову въ плечи и хотѣлъ имѣть жалкій и покорный видъ, но онъ все-таки сіялъ свѣжестью и здоровьемъ. Она быстрымъ взглядомъ оглядѣла съ головы до ногъ его сіяющую свѣжестью и здоровьемъ фигуру. «Да, онъ счастливъ и доволенъ,—подумала она,—а я?.. И эта доброта противная, за которую всѣ такъ любятъ его и хвалятъ: я ненавижу эту его доброту», подумала она. Ротъ ея сжался, мускулъ щеки затрясся на правой сторонѣ блѣднаго, нервнаго лица.

— Что вамъ нужно?—сказала она быстрымъ, не своимъ, груднымъ голосомъ.

— Долли!—повторилъ онъ съ дрожаніемъ въ голосѣ,—Анна пріѣдетъ сегодня.

— Ну, что же мнѣ? Я не могу ее принять! — вскрикнула она.

— Но надо же однако, Долли...

— Уйдите, уйдите, уйдите!—не глядя на него, вскрикнула она, какъ будто крикъ этотъ былъ вызванъ физическою болью.

Степанъ Аркадьевичъ могъ быть спокоенъ, когда онъ думалъ о женѣ, могъ надѣяться, что все *образуется*, по выраженію Матвѣя, и могъ спокойно читать газету и пить кофе; но когда онъ увидалъ ея измученное, страдальческое лицо, услыхалъ этотъ звукъ голоса, покорный судьбѣ и отчаянный, ему захватило дыханіе, что-то подступило къ горлу, и глаза его заблестѣли слезами.

— Боже мой, что я сдѣлалъ! Долли! Ради Бога!.. Вѣдь...— онъ не могъ продолжать, рыданіе остановилось у него въ горлѣ.

Она захлопнула шифоньерку и взглянула на него.

— Долли, что̀ я могу сказать?.. Одно: прости... Вспомни, развѣ девять лѣтъ жизни не могутъ искупить минуты, минуты...

Она опустила глаза и слушала, ожидая, что онъ скажетъ, какъ будто умоляя его о томъ, чтобъ онъ какъ-нибудь разувѣрилъ ее.

— Минуты увлеченія...—выговорилъ онъ и хотѣлъ продолжать, но при этомъ словѣ будто отъ физической боли опять поджались ея губы и опять запрыгалъ мускулъ щеки на правой сторонѣ лица.

— Уйдите, уйдите отсюда!—закричала она еще пронзительнѣе,—и не говорите мнѣ про ваши увлеченія и про ваши мерзости.

Она хотѣла уйти, но пошатнулась и взялась за спинку стула, чтобъ опереться. Лицо его расширилось, губы распухли, глаза налились слезами.

— Долли!—проговорилъ онъ, уже всхлипывая.—Ради Бога, подумай о дѣтяхъ, они не виноваты! Я виноватъ, и накажи меня, вели мнѣ искупить свою вину. Чѣмъ я могу, я все готовъ! Я виноватъ, нѣтъ словъ сказать, какъ я виноватъ. Но, Долли, прости!

Она сѣла. Онъ слышалъ ея тяжелое, громкое дыханіе, и ему было невыразимо жалко ее. Она нѣсколько разъ хотѣла начать говорить, но не могла. Онъ ждалъ.

— Ты помнишь дѣтей, чтобъ играть съ ними, а я помню и знаю, что они погибли теперь,—сказала она видимо одну изъ фразъ, которыя она за эти три дня не разъ говорила себѣ.

Она сказала ему «ты», и онъ съ благодарностью взглянулъ на нее и тронулся, чтобы взять ея руку, но она съ отвращеніемъ отстранилась отъ него.

— Я помню про дѣтей и поэтому все въ мірѣ сдѣлала бы, чтобы спасти ихъ; но я сама не знаю, чѣмъ я спасу ихъ: тѣмъ ли, что увезу отъ отца, или тѣмъ, что оставлю съ развратнымъ отцомъ, — да, съ развратнымъ отцомъ... Ну, скажите, послѣ того... что было, развѣ возможно намъ жить вмѣстѣ? Развѣ это возможно? Скажите же, развѣ это возможно? — повторяла она, возвышая голосъ. — Послѣ того какъ мой мужъ, отецъ моихъ дѣтей, входитъ въ любовную связь съ гувернанткой своихъ дѣтей...

— Но что же дѣлать? Что дѣлать?—говорилъ онъ жалкимъ голосомъ, самъ не зная, что̀ онъ говоритъ, и все ниже и ниже опуская голову.

— Вы мнѣ гадки, отвратительны!—закричала она, горячась все болѣе и болѣе.—Ваши слезы—вода! Вы никогда не любили меня; въ васъ нѣтъ ни сердца, ни благородства! Вы мнѣ мерзки, гадки, чужой, да, чужой совсѣмъ!—съ болью и злобой произнесла она это ужасное для себя слово *чужой*.

Онъ поглядѣлъ на нее, и злоба, выразившаяся на ея лицѣ, испугала и удивила его. Онъ не понималъ того, что его жалость къ ней раздражала ее. Она видѣла въ немъ къ себѣ сожалѣніе, но не любовь. «Нѣтъ, она ненавидитъ меня. Она не проститъ», подумалъ онъ.

— Это ужасно, ужасно!—проговорилъ онъ.

Въ это время въ другой комнатѣ, вѣроятно упавши, закричалъ ребенокъ; Дарья Александровна прислушалась, и лицо ея вдругъ смягчилось.

Она, видимо, опоминалась нѣсколько секундъ, какъ бы не зная, гдѣ она и что̀ ей дѣлать, и, быстро вставши, тронулась къ двери.

«Вѣдь любитъ же она моего ребенка,—подумалъ онъ, замѣтивъ измѣненіе ея лица при крикѣ ребенка,—*моего* ребенка; какъ же она можетъ ненавидѣть меня?»

— Долли, еще одно слово,—проговорилъ онъ, идя за нею.

— Если вы пойдете за мной, я позову людей, дѣтей! Пускай всѣ знаютъ, что вы подлецъ! Я уѣзжаю нынче, а вы живите здѣсь со своею любовницей!

И она вышла, хлопнувъ дверью.

Степанъ Аркадьевичъ вздохнулъ, отеръ лицо и тихими шагами пошелъ изъ комнаты. «Матвѣй говоритъ: образуется; но какъ? Я не вижу даже возможности. Ахъ, ахъ, какой ужасъ! И какъ тривіально она кричала,—говорилъ онъ самъ себѣ, вспоминая ея крикъ и слова: подлецъ и любовница.—И можетъ быть, дѣвушки слышали! Ужасно тривіально, ужасно». Степанъ Аркадьевичъ постоялъ нѣсколько секундъ одинъ, отеръ глаза, вздохнулъ и, выпрямивъ грудь, вышелъ изъ комнаты.

Была пятница, и въ столовой часовщикъ-нѣмецъ заводилъ часы. Степанъ Аркадьевичъ вспомнилъ свою шутку объ этомъ аккуратномъ плѣшивомъ часовщикѣ, что нѣмецъ «самъ былъ заведенъ на всю жизнь, чтобы заводить часы», и улыбнулся. Степанъ Аркадьевичъ любилъ хорошую шутку. «А можетъ быть, и образуется! Хорошо словечко: *образуется*,—подумалъ онъ.— Это надо разсказать».

— Матвѣй!—крикнулъ онъ,—такъ устрой же все тамъ съ Марьей, въ диванной, для Анны Аркадьевны,—сказалъ онъ явившемуся Матвѣю.

— Слушаю-съ.

Степанъ Аркадьевичъ надѣлъ шубу и вышелъ на крыльцо.

— Кушать дома не будете?—сказалъ провожавшій Матвѣй.

— Какъ придется. Да вотъ возьми на расходы, — сказалъ онъ, подавая десять рублей изъ бумажника.—Довольно будетъ?

— Довольно ли, недовольно, видно обойтись надо,—сказалъ Матвѣй, захлопывая дверку и отступая на крыльцо.

Дарья Александровна между тѣмъ, успокоивъ ребенка и по звуку кареты понявъ, что онъ уѣхалъ, вернулась опять въ спальню. Это было единственное убѣжище ея отъ домашнихъ заботъ, которыя обступали ее, какъ только она выходила. Уже и теперь въ то короткое время, когда она выходила въ дѣтскую, англичанка и Матрена Филимоновна успѣли сдѣлать ей нѣсколько вопросовъ, не терпѣвшихъ отлагательства и на кото-

рые она одна могла отвѣтить: что̀ надѣть дѣтямъ на гулянье? давать ли молоко? не послать ли за другимъ поваромъ?

— Ахъ, оставьте, оставьте меня! — сказала она и, вернувшись въ спальню, сѣла на то же мѣсто, гдѣ она говорила съ мужемъ, сжавъ исхудавшія руки съ кольцами, спускавшимися съ костлявыхъ пальцевъ, и принялась перебирать въ воспоминаніи весь бывшій разговоръ. «Уѣхалъ! Но чѣмъ же кончилъ онъ съ *нею?* — думала она. — Неужели онъ видаетъ ее? Зачѣмъ я не спросила его? Нѣтъ, нѣтъ, сойтись нельзя. Если мы и останемся въ одномъ домѣ — мы чужіе. Навсегда чужіе! — повторила она опять съ особеннымъ значеніемъ это страшное для нея слово.—А какъ я любила, Боже мой, какъ я любила его!.. Какъ я любила! И теперь развѣ я не люблю его? Не больше ли, чѣмъ прежде, я люблю его? Ужасно главное то...» начала она, но не докончила своей мысли, потому что Матрена Филимоновна высунулась изъ двери.

— Ужъ прикажите за братомъ послать, — сказала она, — все онъ изготовитъ обѣдъ; а то, по-вчерашнему, до шести часовъ дѣти не ѣвши.

— Ну, хорошо, я сейчасъ выйду и распоряжусь. Да послали ли за свѣжимъ молокомъ?

И Дарья Александровна погрузилась въ заботы дня и потопила въ нихъ на время свое горе.

V.

Степанъ Аркадьевичъ въ школѣ учился хорошо, благодаря своимъ хорошимъ способностямъ, но былъ лѣнивъ и шалунъ и потому вышелъ изъ послѣднихъ; но, несмотря на свою всегда разгульную жизнь, небольшіе чины и нестарые годы, онъ занималъ почетное и съ хорошимъ жалованьемъ мѣсто начальника въ одномъ изъ московскихъ присутствій. Мѣсто это онъ получилъ черезъ мужа сестры Анны, Алексѣя Александровича Каренина, занимавшаго одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ министерствѣ, къ которому принадлежало присутствіе; но если бы Каренинъ не назначилъ своего шурина на это мѣсто, то черезъ сотню другихъ лицъ, братьевъ, сестеръ, родныхъ, двоюродныхъ, дядей, тетокъ, Стива Облонскій получилъ бы это мѣсто или другое подобное, тысячъ въ шесть жалованья, которыя ему были нужны, такъ какъ дѣла его, несмотря на достаточное состояніе жены, были разстроены.

Половина Москвы и Петербурга были родня и пріятели Степана Аркадьевича. Онъ родился въ средѣ тѣхъ людей, которые

были и стали сильными міра сего. Одна треть государственныхъ людей, стариковъ, были пріятелями его отца и знали его въ рубашечкѣ; другая треть были съ нимъ на «ты», а третья — были хорошіе знакомые; слѣдовательно, раздаватели земныхъ благъ въ видѣ мѣстъ, арендъ, концессій и тому подобнаго были всѣ ему пріятели и не могли обойти своего; и Облонскому не нужно было особенно стараться, чтобы получить выгодное мѣсто; нужно было только не отказываться, не завидовать, не ссориться, не обижаться, чего онъ по свойственной ему добротѣ никогда и не дѣлалъ. Ему бы смѣшно показалось, если бы ему сказали, что онъ не получитъ мѣста съ тѣмъ жалованьемъ, которое ему нужно, тѣмъ болѣе что онъ и не требовалъ чего-нибудь чрезвычайнаго; онъ хотѣлъ только того, что получали его сверстники, а исполнять такого рода должность могъ онъ не хуже всякаго другого.

Степана Аркадьевича не только любили всѣ знавшіе его за его добрый, веселый нравъ и несомнѣнную честность, но въ немъ въ его красивой, свѣтлой наружности, блестящихъ глазахъ, черныхъ бровяхъ, волосахъ, бѣлизнѣ и румянцѣ лица было что-то физически дѣйствовавшее дружелюбно и весело на людей, встрѣчавшихся съ нимъ. «Ага! Стива! Облонскій! Вотъ и онъ!» почти всегда съ радостною улыбкой говорили, встрѣчаясь съ нимъ. Если и случалось иногда, что послѣ разговора съ нимъ оказывалось, что ничего особенно радостнаго не случилось, — на другой день, на третій опять точно такъ же всѣ радовались при встрѣчѣ съ нимъ.

Занимая третій годъ мѣсто начальника одного изъ присутственныхъ мѣстъ въ Москвѣ, Степанъ Аркадьевичъ пріобрѣлъ, кромѣ любви, и уваженіе сослуживцевъ, подчиненныхъ, начальниковъ и всѣхъ, кто имѣлъ до него дѣло. Главныя качества Степана Аркадьевича, заслужившія ему это общее уваженіе по службѣ, состояли, во-первыхъ, въ чрезвычайной снисходительности къ людямъ, основанной въ немъ на сознаніи своихъ недостатковъ; во-вторыхъ, въ совершенной либеральности, не той, про которую онъ вычиталъ въ газетахъ, но той, которая у него была въ крови и съ которою онъ совершенно равно и одинаково относился ко всѣмъ людямъ, какого бы состоянія и званія они ни были; и въ-третьихъ — главное — въ совершенномъ равнодушіи къ тому дѣлу, которымъ онъ занимался, вслѣдствіе чего онъ никогда не увлекался и не дѣлалъ ошибокъ.

Пріѣхавъ къ мѣсту своего служенія, Степанъ Аркадьевичъ, провожаемый почтительнымъ швейцаромъ съ портфелемъ, прошелъ въ свой маленькій кабинетъ, надѣлъ мундиръ и вошелъ

въ присутствіе. Писцы и служащіе всѣ встали, весело и почтительно кланяясь. Степанъ Аркадьевичъ поспѣшно, какъ всегда, прошелъ къ своему мѣсту, пожалъ руки членамъ и сѣлъ. Онъ пошутилъ и поговорилъ ровно, сколько это было прилично, и началъ занятія. Никто вѣрнѣе Степана Аркадьевича не умѣлъ найти ту границу свободы, простоты и офиціальности, которая нужна для пріятнаго занятія дѣлами. Секретарь весело и почтительно, какъ и всѣ въ присутствіи Степана Аркадьевича, подошелъ съ бумагами и проговорилъ тѣмъ фамильярно-либеральнымъ тономъ, который введенъ былъ Степаномъ Аркадьевичемъ:

— Мы-таки добились свѣдѣнія изъ пензенскаго губернскаго правленія. Вотъ, не угодно ли...

— Получили наконецъ?—проговорилъ Степанъ Аркадьевичъ, закладывая пальцемъ бумагу.—Ну-съ, господа...—И присутствіе началось.

«Если бы они знали,—думалъ онъ, съ значительнымъ видомъ склонивъ голову при слушаніи доклада,—какимъ виноватымъ мальчикомъ полчаса тому назадъ былъ ихъ предсѣдатель!» И глаза его смѣялись при чтеніи доклада. До двухъ часовъ занятія должны были идти не прерываясь, а въ два часа перерывъ и завтракъ.

Еще не было двухъ часовъ, когда большія стеклянныя двери залы присутствія вдругъ отворились, и кто-то вошелъ. Всѣ члены изъ-подъ портрета и изъ-за зерцала, обрадовавшись развлеченію, оглянулись на дверь; но сторожъ, стоявшій у двери, тотчасъ же изгналъ вошедшаго и затворилъ за нимъ стеклянную дверь.

Когда дѣло было прочтено, Степанъ Аркадьевичъ всталъ, потянувшись, и, отдавая дань либеральности времени, въ присутствіи досталъ папироску и пошелъ въ свой кабинетъ. Два товарища его, старый служака Никитинъ и камеръ-юнкеръ Гриневичъ, вышли съ нимъ.

— Послѣ завтрака успѣемъ кончить,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Какъ еще успѣемъ! — сказалъ Никитинъ.

— А плутъ порядочный долженъ быть этотъ Ѳоминъ,—сказалъ Гриневичъ объ одномъ изъ лицъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ, которое они разбирали.

Степанъ Аркадьевичъ поморщился на слова Гриневича, давая этимъ чувствовать, что неприлично преждевременно составлять сужденіе, и ничего ему не отвѣтилъ.

— Кто это входилъ? — спросилъ онъ у сторожа.

— Какой-то, ваше превосходительство, безъ спросу влѣзъ, только я отвернулся. Васъ спрашивали. Я говорю: когда выйдутъ члены, тогда...

— Гдѣ онъ?

— Нешто вышелъ въ сѣни, а то все тутъ ходилъ. Этотъ самый, — сказалъ сторожъ, указывая на сильно сложеннаго широкоплечаго человѣка съ курчавою бородой, который, не снимая бараньей шапки, быстро и легко взбѣгалъ наверхъ по стертымъ ступенькамъ каменной лѣстницы. Одинъ изъ сходившихъ внизъ съ портфелемъ худощавый чиновникъ, пріостановившись, неодобрительно посмотрѣлъ на ноги бѣгущаго и потомъ вопросительно взглянулъ на Облонскаго.

Степанъ Аркадьевичъ стоялъ надъ лѣстницей. Добродушно сіяющее лицо его изъ-подъ шитаго воротника мундира просіяло еще болѣе, когда онъ узналъ вбѣгавшаго.

— Такъ и есть! Левинъ, наконецъ! — проговорилъ онъ съ дружескою, насмѣшливою улыбкой, оглядывая подходившаго къ нему Левина. — Какъ это ты не побрезгалъ найти меня въ этомъ *вертепѣ*?—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, не довольствуясь пожатіемъ руки и цѣлуя своего пріятеля.—Давно ли?

— Я сейчасъ пріѣхалъ, и очень хотѣлось тебя видѣть,—отвѣчалъ Левинъ, застѣнчиво и вмѣстѣ съ тѣмъ сердито и безпокойно оглядываясь вокругъ.

— Ну, пойдемъ въ кабинетъ,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, знавшій самолюбивую и озлобленную застѣнчивость своего пріятеля, и, схвативъ его за руку, онъ повлекъ его за собой, какъ будто проводя между опасностями.

Степанъ Аркадьевичъ былъ на «ты» почти со всѣми своими знакомыми: со стариками шестидесяти лѣтъ, съ мальчиками двадцати лѣтъ, съ актерами, съ министрами, съ купцами и съ генералъ-адъютантами, такъ что очень многіе изъ бывшихъ съ нимъ на «ты» находились на двухъ крайнихъ пунктахъ общественной лѣстницы и очень бы удивились, узнавъ, что имѣютъ черезъ Облонскаго что-нибудь общее. Онъ былъ на «ты» со всѣми, съ кѣмъ пилъ шампанское, а пилъ онъ шампанское со всѣми, и поэтому, въ присутствіи своихъ подчиненныхъ встрѣчаясь со своими *постыдными* «ты», какъ онъ называлъ шутя многихъ изъ своихъ пріятелей, онъ, со свойственнымъ ему тактомъ, умѣлъ уменьшать непріятность этого впечатлѣнія для подчиненныхъ. Левинъ не былъ постыдный «ты», но Облонскій со своимъ тактомъ почувствовалъ, что Левинъ думаетъ, что онъ предъ подчиненными можетъ не желать выказать свою близость съ нимъ, и потому поторопился увести его въ кабинетъ.

Левинъ былъ почти однихъ лѣтъ съ Облонскимъ и съ нимъ на «ты» не по одному шампанскому. Левинъ былъ его товарищемъ и другомъ первой молодости. Они любили другъ друга, несмотря на различіе характеровъ и вкусовъ, какъ любятъ другъ друга пріятели, сошедшіеся въ первой молодости. Но, несмотря на это, какъ часто бываетъ между людьми, избравшими различные роды дѣятельности, каждый изъ нихъ хотя, разсуждая, и оправдывалъ дѣятельность другого, въ душѣ презиралъ ее. Каждому казалось, что та жизнь, которую онъ самъ ведетъ, есть одна настоящая жизнь, а которую ведетъ пріятель—есть только призракъ. Облонскій не могъ удержать легкой, насмѣшливой улыбки при видѣ Левина. Ужъ который разъ онъ видѣлъ его пріѣзжавшимъ въ Москву изъ деревни, гдѣ онъ что-то дѣлалъ, но что именно, того Степанъ Аркадьевичъ никогда не могъ понять хорошенько, да и не интересовался. Левинъ пріѣзжалъ въ Москву всегда взволнованный, торопливый, немножко стѣсненный и раздраженный этою стѣсненностью и большею частью съ совершенно новымъ, неожиданнымъ взглядомъ на вещи. Степанъ Аркадьевичъ смѣялся надъ этимъ и любилъ это. Точно такъ же и Левинъ въ душѣ презиралъ и городской образъ жизни своего пріятеля, и его службу, которую считалъ пустяками, и смѣялся надъ этимъ. Но разница была въ томъ, что Облонскій, дѣлая, что всѣ дѣлаютъ, смѣялся самоувѣренно и добродушно, а Левинъ не самоувѣренно и иногда сердито.

— Мы тебя давно ждали, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, войдя въ кабинетъ и выпустивъ руку Левина, какъ бы этимъ показывая, что тутъ опасности кончились. — Очень, очень радъ тебя видѣть, — продолжалъ онъ. — Ну, что ты? какъ? когда пріѣхалъ?

Левинъ молчалъ, поглядывая на незнакомыя ему лица двухъ товарищей Облонскаго и въ особенности на руку элегантнаго Гриневича, съ такими бѣлыми длинными пальцами, съ такими длинными желтыми, загибавшимися въ концѣ ногтями и такими огромными блестящими запонками на рубашкѣ, что эти руки видимо поглощали все его вниманіе и не давали ему свободы мысли. Облонскій тотчасъ замѣтилъ это и улыбнулся.

— Ахъ да, позвольте васъ познакомить, — сказалъ онъ.— Мои товарищи: Филиппъ Ивановичъ Никитинъ, Михаилъ Станиславичъ Гриневичъ, — и, обратившись къ Левину: — земскій дѣятель, новый земскій человѣкъ, гимнастъ, поднимающій одною рукой пять пудовъ, скотоводъ и охотникъ и мой другъ, Константинъ Дмитріевичъ Левинъ, братъ Сергѣя Ивановича Кознышева.

— Очень пріятно, — сказалъ старичокъ.

— Имѣю честь знать вашего брата, Сергѣя Ивановича,— сказалъ Гриневичъ, подавая свою тонкую руку съ длинными ногтями.

Левинъ нахмурился, холодно пожалъ руку и тотчасъ же обратился къ Облонскому. Хотя онъ имѣлъ большое уваженіе къ своему, извѣстному всей Россіи, одноутробному брату писателю, однако онъ терпѣть не могъ, когда къ нему обращались не какъ къ Константину Левину, а какъ къ брату знаменитаго Кознышева.

— Нѣтъ, я уже не земскій дѣятель. Я со всѣми разбранился и не ѣзжу больше на собранія, — сказалъ онъ, обращаясь къ Облонскому.

— Скоро же!—съ улыбкой сказалъ Облонскій.—Но какъ? отчего?

— Длинная исторія. Я разскажу когда-нибудь,—сказалъ Левинъ, но сейчасъ же сталъ разсказывать.—Ну, коротко сказать, я убѣдился, что никакой земской дѣятельности нѣтъ и быть не можетъ,—заговорилъ онъ, какъ будто кто-то сейчасъ обидѣлъ его:—съ одной стороны, игрушка, играютъ въ парламентъ, а я ни достаточно молодъ, ни достаточно старъ, чтобы забавляться игрушками; а съ другой стороны (онъ заикнулся), это—средство для уѣздной coterie наживать деньжонки. Прежде были опеки, суды, а теперь земство, не въ видѣ взятокъ, а въ видѣ незаслуженнаго жалованья,—говорилъ онъ такъ горячо, какъ будто кто-нибудь изъ присутствовавшихъ оспаривалъ его мнѣніе.

— Эге! Да ты, я вижу, опять въ новой фазѣ, въ консервативной,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.—Но, впрочемъ, послѣ объ этомъ.

— Да, послѣ. Но мнѣ нужно было тебя видѣть,—сказалъ Левинъ, съ ненавистью вглядываясь въ руку Гриневича.

Степанъ Аркадьевичъ чуть замѣтно улыбнулся.

— Какъ же ты говорилъ, что никогда больше не надѣнешь европейскаго платья? — сказалъ онъ, оглядывая его новое, очевидно отъ французскаго портного, платье. — Такъ! я вижу: новая фаза.

Левинъ вдругъ покраснѣлъ, но не такъ, какъ краснѣютъ взрослые люди, — слегка, сами того не замѣчая, но такъ, какъ краснѣютъ мальчики, чувствуя, что они смѣшны своею застѣнчивостью, и вслѣдствіе того стыдясь и краснѣя еще больше, почти до слезъ. И такъ странно было видѣть это умное, муже-

ственное лицо въ такомъ дѣтскомъ состояніи, что Облонскій пересталъ смотрѣть на него.

— Да, гдѣ жъ увидимся? Вѣдь мнѣ очень, очень нужно поговорить съ тобой, — сказалъ Левинъ.

Облонскій какъ будто задумался.

— Вотъ что: поѣдемъ къ Гурину завтракать и тамъ поговоримъ. До трехъ я свободенъ.

— Нѣтъ, — подумавъ, отвѣчалъ Левинъ, — мнѣ еще надо съѣздить.

— Ну, хорошо, такъ обѣдать вмѣстѣ.

— Обѣдать? Да мнѣ вѣдь ничего особеннаго, только два слова сказать, спросить, а послѣ потолкуемъ.

— Такъ сейчасъ и скажи два слова, а бесѣдовать за обѣдомъ.

— Два слова вотъ какія, — сказалъ Левинъ, — впрочемъ, ничего особеннаго.

Лицо его вдругъ приняло злое выраженіе, происходившее отъ усилія преодолѣть свою застѣнчивость.

— Что Щербацкіе дѣлаютъ? Все по-старому? — сказалъ онъ.

Степанъ Аркадьевичъ, знавшій уже давно, что Левинъ былъ влюбленъ въ его свояченицу Кити, чуть замѣтно улыбнулся, и глаза его весело заблестѣли.

— Ты сказалъ два слова, а я въ двухъ словахъ отвѣтить не могу, потому что... Извини на минутку...

Вошелъ секретарь, съ фамильярною почтительностью и нѣкоторымъ, общимъ всѣмъ секретарямъ, скромнымъ сознаніемъ своего превосходства надъ начальникомъ въ знаніи дѣлъ, подошелъ съ бумагами къ Облонскому и сталъ, подъ видомъ вопроса, объяснять какое-то затрудненіе. Степанъ Аркадьевичъ, не дослушавъ, положилъ ласково свою руку на рукавъ секретаря.

— Нѣтъ, вы ужъ такъ сдѣлайте, какъ я говорилъ, — сказалъ онъ, улыбкой смягчая замѣчаніе, и, кратко объяснивъ, какъ онъ понимаетъ дѣло, отодвинулъ бумаги и сказалъ: — Такъ и сдѣлайте, пожалуйста такъ, Захаръ Никитичъ.

Сконфуженный секретарь удалился. Левинъ, во время совѣщанія съ секретаремъ совершенно оправившись отъ своего смущенія, стоялъ, облокотившись обѣими руками на стулъ, и на лицѣ его было насмѣшливое вниманіе.

— Не понимаю, не понимаю, — сказалъ онъ.

— Чего ты не понимаешь? — такъ же весело улыбаясь и доставая папироску, сказалъ Облонскій. Онъ ждалъ отъ Левина какой-нибудь странной выходки.

— Не понимаю, что вы дѣлаете, — сказалъ Левинъ, пожимая плечами. — Какъ ты можешь это серьезно дѣлать?

— Отчего?

— Да оттого, что... нечего дѣлать.

— Ты такъ думаешь, но мы завалены дѣломъ.

— Бумажнымъ. Ну да, у тебя даръ къ этому, — прибавилъ Левинъ.

— То-есть ты думаешь, что у меня есть недостатокъ чего-то?

— Можетъ быть и да, — сказалъ Левинъ. — Но все-таки я любуюсь на твое величіе и горжусь, что у меня другъ такой великій человѣкъ. Однако ты мнѣ не отвѣтилъ на мой вопросъ,—прибавилъ онъ, съ отчаяннымъ усиліемъ прямо глядя въ глаза Облонскому.

— Ну, хорошо, хорошо. Погоди еще, и ты придешь къ этому. Хорошо, какъ у тебя три тысячи десятинъ въ Каразинскомъ уѣздѣ, да такіе мускулы, да свѣжесть, какъ у двѣнадцатилѣтней дѣвочки,—а придешь и ты къ намъ. Да, такъ о томъ, что̀ ты спрашивалъ: перемѣны нѣтъ, но жаль, что ты такъ давно не былъ.

— А что? — испуганно спросилъ Левинъ.

— Да ничего, — отвѣчалъ Облонскій. — Мы поговоримъ. Да ты зачѣмъ собственно пріѣхалъ?

— Ахъ, объ этомъ тоже поговоримъ послѣ, — опять до ушей покраснѣвъ, сказалъ Левинъ.

— Ну, хорошо. Понято, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.— Такъ видишь ли: я бы позвалъ тебя къ себѣ, но жена не совсѣмъ здорова. А вотъ что: если хочешь ихъ видѣть, онѣ навѣрное нынче въ Зоологическомъ саду отъ четырехъ до пяти. Кити на конькахъ катается. Ты поѣзжай туда, а я заѣду, и вмѣстѣ куда-нибудь обѣдать.

— Прекрасно, до свиданія же.

— Смотри же, ты вѣдь, я тебя знаю, забудешь или вдругъ уѣдешь въ деревню!—смѣясь прокричалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Нѣтъ, вѣрно.

И, вспомнивъ о томъ, что онъ забылъ поклониться товарищамъ Облонскаго, только когда онъ былъ уже въ дверяхъ, Левинъ вышелъ изъ кабинета.

— Должно быть, очень энергическій господинъ, — сказалъ Гриневичъ, когда Левинъ вышелъ.

— Да, батюшка, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, покачивая головой, — вотъ счастливецъ! Три тысячи десятинъ въ Каразинскомъ уѣздѣ, все впереди, и свѣжести сколько! Не то, что нашъ братъ.

— Что жъ вы-то жалуетесь, Степанъ Аркадьевичъ?

— Да скверно, плохо, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, тяжело вздохнувъ.

VI.

Когда Облонскій спросилъ у Левина, зачѣмъ онъ собственно пріѣхалъ, Левинъ покраснѣлъ и разсердился на себя за то. что покраснѣлъ, потому что онъ не могъ отвѣтить ему: «я пріѣхалъ сдѣлать предложеніе твоей своячиницѣ», хотя онъ пріѣхалъ только за этимъ.

Домà Левиныхъ и Щербацкихъ были старые дворянскіе московскіе домà и всегда были между собой въ близкихъ и дружескихъ отношеніяхъ. Связь эта утвердилась еще больше во время студенчества Левина. Онъ вмѣстѣ готовился и вмѣстѣ поступилъ въ университетъ съ молодымъ княземъ Щербацкимъ, братомъ Долли и Кити. Въ это время Левинъ часто бывалъ въ домѣ Щербацкихъ и влюбился въ домъ Щербацкихъ. Какъ это ни странно можетъ показаться, но Константинъ Левинъ былъ влюбленъ именно въ домъ, въ семью, въ особенности въ женскую половину семьи Щербацкихъ. Самъ Левинъ не помнилъ своей матери, и единственная сестра его была старше его, такъ что въ домѣ Щербацкихъ онъ въ первый разъ увидалъ ту самую среду стараго дворянскаго, образованнаго и честнаго семейства, которой онъ былъ лишенъ смертью отца и матери. Всѣ члены этой семьи, въ особенности женская половина, представлялись ему покрытыми какою-то таинственною, поэтическою завѣсой, и онъ не только не видѣлъ въ нихъ никакихъ недостатковъ, но подъ этою поэтическою, покрывавшею ихъ завѣсой предполагалъ самыя возвышенныя чувства и всевозможныя совершенства. Для чего этимъ тремъ барышнямъ нужно было говорить черезъ день по-французски и по-англійски; для чего онѣ въ извѣстные часы играли попеременкамъ на фортепіано, звуки котораго слышались у брата наверху, гдѣ занимались студенты; для чего ѣздили эти учителя французской литературы, музыки, рисованія, танцевъ; для чего въ извѣстные часы всѣ три барышни съ m-lle Linon подъѣзжали въ коляскѣ къ Тверскому бульвару въ своихъ атласныхъ шубкахъ — Долли въ длинной, Натали въ полудлинной, Кити въ совершенно короткой, такъ что статныя ножки ея въ туго натянутыхъ красныхъ чулкахъ были на всемъ виду; для чего имъ, въ сопровожденіи лакея съ золотою кокардой на шляпѣ, нужно было ходить по Тверскому бульвару, — всего этого и многаго другого, чтò дѣлалось въ ихъ таинственномъ мірѣ, онъ не пони-

малъ, но зналъ, что все, что тамъ дѣлалось, было прекрасно, и былъ влюбленъ именно въ эту таинственность совершавшагося.

Во время своего студенчества онъ чуть было не влюбился въ старшую, Долли, но ее вскорѣ выдали замужъ за Облонскаго. Потомъ онъ началъ влюбляться во вторую. Онъ какъ будто чувствовалъ, что ему надо влюбиться въ одну изъ сестеръ, только не могъ разобрать въ какую именно. Но и Натали, только что показалась въ свѣтъ, вышла замужъ за дипломата Львова. Кити еще была ребенокъ, когда Левинъ вышелъ изъ университета. Молодой Щербацкій, поступивъ во флотъ, утонулъ въ Балтійскомъ морѣ, и сношенія Левина съ Щербацкими, несмотря на дружбу его съ Облонскимъ, стали болѣе рѣдки. Но когда въ нынѣшнемъ году, въ началѣ зимы, Левинъ пріѣхалъ въ Москву послѣ года въ деревнѣ и увидалъ Щербацкихъ, онъ понялъ, въ кого изъ трехъ ему дѣйствительно суждено было влюбиться.

Казалось бы, ничего не могло быть проще того, чтобы ему, хорошей породы, скорѣе богатому, чѣмъ бѣдному человѣку, тридцати двухъ лѣтъ, сдѣлать предложеніе княжнѣ Щербацкой; по всѣмъ вѣроятностямъ, его тотчасъ признали бы хорошею партіей. Но Левинъ былъ влюбленъ и поэтому ему казалось, что Кити была такое совершенство во всѣхъ отношеніяхъ, такое существо превыше всего земного, а онъ такое земное, низменное существо, что не могло быть и мысли о томъ, чтобы другіе и она сама признали его достойнымъ ея.

Пробывъ въ Москвѣ, какъ въ чаду, два мѣсяца, почти каждый день видаясь съ Кити въ свѣтѣ, куда онъ сталъ ѣздить, чтобы встрѣчаться съ ней, онъ внезапно рѣшилъ, что этого не можетъ быть, и уѣхалъ въ деревню.

Убѣжденіе Левина въ томъ, что этого не можетъ быть, основывалось на томъ, что въ глазахъ родныхъ онъ — невыгодная, недостойная партія для прелестной Кити, а сама Кити не можетъ любить его. Въ глазахъ родныхъ онъ не имѣлъ никакой привычной, опредѣленной дѣятельности и положенія въ свѣтѣ, тогда какъ его товарищи теперь, когда ему было тридцать два года, были уже который полковникъ и флигель-адъютантъ, который профессоръ, который директоръ банка и желѣзныхъ дорогъ или предсѣдатель присутствія, какъ Облонскій; онъ же (онъ зналъ очень хорошо, какимъ онъ долженъ былъ казаться для другихъ) былъ помѣщикъ, занимающійся разведеніемъ коровъ, стрѣляніемъ дупелей и постройками, то-есть бездарный малый, изъ котораго ничего не вышло, и дѣлающій, по понятіямъ общества, то самое, что дѣлаютъ никуда негодившіеся люди.

Сама же таинственная, прелестная Кити не могла любить такого некрасиваго, какимъ онъ считалъ себя, человѣка и главное — такого простого, ничѣмъ невыдающагося человѣка. Кромѣ того, его прежнія отношенія къ Кити — отношенія взрослаго къ ребенку, вслѣдствіе дружбы съ ея братомъ — казались ему еще новою преградой для любви. Некрасиваго, добраго человѣка, какимъ онъ себя считалъ, можно, полагалъ онъ, любить какъ пріятеля, но чтобы быть любимымъ тою любовью, какой онъ самъ любилъ Кити, нужно было быть красавцемъ, а главное— особеннымъ человѣкомъ.

Слыхалъ онъ, что женщины часто любятъ некрасивыхъ, простыхъ людей, но не вѣрилъ этому, потому что судилъ по себѣ, такъ какъ самъ онъ могъ любить только красивыхъ таинственныхъ и особенныхъ женщинъ.

Но, пробывъ два мѣсяца одинъ въ деревнѣ, онъ убѣдился, что это не было одно изъ тѣхъ влюбленій, которыя онъ испытывалъ въ первой молодости, что чувство это не давало ему минуты покоя, что онъ не могъ жить, не рѣшивъ вопроса: будетъ или не будетъ она его женой и что его отчаяніе происходило только отъ его воображенія, что онъ не имѣетъ никакихъ доказательствъ того, что ему будетъ отказано. И онъ пріѣхалъ теперь въ Москву съ твердымъ рѣшеніемъ сдѣлать предложеніе и жениться. если его примутъ. Или... онъ не могъ думать о томъ, что съ нимъ будетъ, если откажутъ.

VII.

Пріѣхавъ съ утреннимъ поѣздомъ въ Москву, Левинъ остановился у своего старшаго брата по матери, Кознышева, и, переодѣвшись, вошелъ къ нему въ кабинетъ, намѣреваясь тотчасъ же разсказать ему, для чего онъ пріѣхалъ, и просить его совѣта; но братъ былъ не одинъ. У него сидѣлъ извѣстный профессоръ философіи, пріѣхавшій изъ Харькова собственно за тѣмъ, чтобы разъяснить недоразумѣніе, возникшее между ними по весьма важному философскому вопросу. Профессоръ велъ жаркую полемику противъ матеріалистовъ, а Сергѣй Кознышевъ съ интересомъ слѣдилъ за этою полемикой и, прочтя послѣднюю статью профессора, написалъ ему въ письмѣ свои возраженія; онъ упрекалъ профессора за слишкомъ большія уступки матеріалистамъ. И профессоръ тотчасъ же пріѣхалъ, чтобы столковаться. Рѣчь шла о модномъ вопросѣ: есть ли граница между психическими и физіологическими явленіями въ дѣятельности человѣка и гдѣ она?

Сергѣй Ивановичъ встрѣтилъ брата своею обычною для всѣхъ, ласково-холодною улыбкой и, познакомивъ его съ профессоромъ, продолжалъ разговоръ.

Маленькій человѣкъ въ очкахъ, съ узкимъ лбомъ на мгновеніе отвлекся отъ разговора, чтобы поздороваться, и продолжалъ рѣчь, не обращая вниманія на Левина. Левинъ сѣлъ въ ожиданіи, когда уѣдетъ профессоръ, но скоро заинтересовался предметомъ разговора.

Левинъ встрѣчалъ въ журналахъ статьи, о которыхъ шла рѣчь, и читалъ ихъ, интересуясь ими, какъ развитіемъ знакомыхъ ему—какъ естественнику по университету—основъ естествознанія, но никогда не сближалъ этихъ научныхъ выводовъ о происхожденіи человѣка какъ животнаго, о рефлексахъ, о біологіи и соціологіи съ тѣми вопросами о значеніи жизни и смерти для него самого, которые въ послѣднее время чаще и чаще приходили ему на умъ.

Слушая разговоръ брата съ профессоромъ, онъ замѣчалъ, что они связывали научные вопросы съ задушевными, нѣсколько разъ почти подходили къ этимъ вопросамъ, но каждый разъ, какъ только они подходили близко къ самому главному, какъ ему казалось, они тотчасъ же поспѣшно отдалялись и опять углублялись въ область тонкихъ подраздѣленій, оговорокъ, цитатъ, намековъ, ссылокъ на авторитеты, и онъ съ трудомъ понималъ, о чемъ рѣчь.

— Я не могу допустить, — сказалъ Сергѣй Ивановичъ съ обычною ему ясностью и отчетливостью выраженія и изяществомъ дикціи, — я не могу ни въ какомъ случаѣ согласиться съ Кейсомъ, чтобы все мое представленіе о внѣшнемъ мірѣ вытекало изъ впечатлѣній. Самое основное понятіе *бытія* получено мною не черезъ ощущеніе, ибо нѣтъ и спеціальнаго органа для передачи этого понятія.

— Да, но они—Вурстъ, и Кнаустъ, и Припасовъ—отвѣтятъ вамъ, что ваше сознаніе бытія вытекаетъ изъ совокупности всѣхъ ощущеній, что это сознаніе бытія есть результатъ ощущеній. Вурстъ даже прямо говоритъ, что коль скоро нѣтъ ощущенія, нѣтъ и понятія бытія.

— Я скажу наоборотъ,—началъ Сергѣй Ивановичъ.

Но тутъ Левину опять показалось, что они, подойдя къ самому главному, опять отходятъ, и онъ рѣшился предложить профессору вопросъ:

— Стало быть, если чувства мои уничтожены, если тѣло мое умретъ, существованія никакого уже не можетъ быть?—спросилъ онъ.

Профессоръ съ досадою и какъ будто умственною болью отъ перерыва оглянулся на страннаго вопрошателя, похожаго болѣе на бурлака, чѣмъ на философа, и перенесъ глаза на Сергѣя Ивановича, какъ бы спрашивая: что жъ тутъ говорить? Но Сергѣй Ивановичъ, который далеко не съ тѣмъ усиліемъ и односторонностью говорилъ, какъ профессоръ, и у котораго въ головѣ оставался просторъ для того, чтобы и отвѣчать профессору, и вмѣстѣ понимать ту простую и естественную точку зрѣнія, съ которой былъ сдѣланъ вопросъ, улыбнулся и сказалъ.

— Этотъ вопросъ мы не имѣемъ еще права рѣшать...

— Не имѣемъ данныхъ,—подтвердилъ профессоръ и продолжалъ свои доводы.—Нѣтъ,—говорилъ онъ,—я указываю на то, что если, какъ прямо говоритъ Припасовъ, ощущеніе и имѣетъ своимъ основаніемъ впечатлѣніе, то мы должны строго различать эти два понятія.

Левинъ не слушалъ больше и ждалъ, когда уѣдетъ профессоръ.

VIII.

Когда профессоръ уѣхалъ, Сергѣй Ивановичъ обратился къ брату:

— Очень радъ, что ты пріѣхалъ. Надолго? Что хозяйство?

Левинъ зналъ, что хозяйство мало интересуетъ старшаго брата и что онъ, только дѣлая ему уступку, спросилъ его объ этомъ, и потому отвѣтилъ только о продажѣ пшеницы и деньгахъ.

Левинъ хотѣлъ сказать брату о своемъ намѣреніи жениться и спросить его совѣта, онъ даже твердо рѣшился на это; но когда онъ увидѣлъ брата, послушалъ его разговоръ съ профессоромъ, когда услыхалъ потомъ этотъ невольно покровительственный тонъ, съ которымъ братъ разспрашивалъ его о хозяйственныхъ дѣлахъ (материнское имѣніе ихъ было недѣленое и Левинъ завѣдывалъ обѣими частями), Левинъ почувствовалъ, что не можетъ почему-то начать говорить съ братомъ о своемъ рѣшеніи жениться. Онъ чувствовалъ, что братъ его не такъ, какъ ему бы хотѣлось, посмотритъ на это.

— Ну, что у васъ земство какъ?—спросилъ Сергѣй Ивановичъ, который очень интересовался земствомъ и приписывалъ ему большое значеніе.

— А право не знаю...

— Какъ?.. Вѣдь ты членъ управы?

— Нѣтъ, ужъ не членъ; я вышелъ,—отвѣчалъ Левинъ,— и не ѣзжу больше на собранія.

— Жалко!—проговорилъ Сергѣй Ивановичъ, нахмурившись.

Левинъ въ оправданіе сталъ разсказывать, что̀ дѣлалось на собраніяхъ въ его уѣздѣ.

— Вотъ это всегда такъ!—перебилъ его Сергѣй Ивановичъ.— Мы, русскіе, всегда такъ. Можетъ быть, это и хорошая наша черта—способность видѣть свои недостатки, но мы пересаливаемъ, мы утѣшаемся ироніей, которая у насъ всегда готова на языкѣ. Я скажу тебѣ только, что дай эти же права, какъ наши земскія учрежденія, другому европейскому народу,—нѣмцы и англичане выработали бы изъ нихъ свободу, а мы вотъ только смѣемся.

— Но что же дѣлать?—виновато сказалъ Левинъ.—Это былъ мой послѣдній опытъ. И я отъ всей души пытался. Не могу, неспособенъ.

— Не неспособенъ,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ,—ты не такъ смотришь на дѣло.

— Можетъ быть,—уныло отвѣчалъ Левинъ.

— А ты знаешь, братъ Николай опять тутъ.

Братъ Николай былъ родной и старшій братъ Константина Левина и одноутробный братъ Сергѣя Ивановича, погибшій человѣкъ, промотавшій большую долю своего состоянія, вращавшійся въ самомъ странномъ и дурномъ обществѣ и поссорившійся съ братьями.

— Что̀ ты говоришь?—съ ужасомъ вскрикнулъ Левинъ.—Почему ты знаешь?

— Прокофій видѣлъ его на улицѣ.

— Здѣсь, въ Москвѣ? гдѣ онъ? ты знаешь?—Левинъ всталъ со стула, какъ бы собираясь тотчасъ же идти.

— Я жалѣю, что сказалъ тебѣ это,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ, покачивая головой на волненіе меньшого брата.—Я посылалъ узнать, гдѣ онъ живетъ, и послалъ ему вексель его Трубину, по которому я заплатилъ. Вотъ что онъ мнѣ отвѣтилъ.

И Сергѣй Ивановичъ подалъ брату записку изъ-подъ прессъ-папье.

Левинъ прочелъ написанное страннымъ, роднымъ ему почеркомъ: «Прошу покорно оставить меня въ покоѣ. Это одно, чего я требую отъ своихъ любезныхъ братцевъ. Николай Левинъ».

Левинъ прочелъ это и, не поднимая головы, съ запиской въ рукахъ стоялъ передъ Сергѣемъ Ивановичемъ.

Въ душѣ его боролись желаніе забыть теперь о несчастномъ братѣ и сознаніе того, что это будетъ дурно.

— Онъ, очевидно, хочетъ оскорбить меня,—продолжалъ Сергѣй Ивановичъ, — но оскорбить меня онъ не можетъ, и я всей ду-

шой желалъ бы помочь ему, но знаю, что этого нельзя сдѣлать.

— Да, да,—повторилъ Левинъ.—Я понимаю и цѣню твое отношеніе къ нему; но я поѣду къ нему.

— Если тебѣ хочется, съѣзди, но я не совѣтую,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ.—То-есть, въ отношеніи ко мнѣ, я этого не боюсь: онъ тебя не поссоритъ со мной; но для тебя, я совѣтую, тебѣ лучше не ѣздить. Помочь нельзя. Впрочемъ, дѣлай какъ хочешь.

— Можетъ быть, и нельзя помочь, но я чувствую, особенно въ эту минуту—ну, да это другое—я чувствую, что я не могу быть спокоенъ.

— Ну, этого я не понимаю,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ.—Одно я понимаю,—прибавилъ онъ, — это урокъ смиренія. Я иначе и снисходительнѣе сталъ смотрѣть на то, что̀ называется подлостью, послѣ того какъ братъ Николай сталъ тѣмъ, что онъ есть... Ты знаешь, что онъ сдѣлалъ.

— Ахъ, это ужасно, ужасно!—повторялъ Левинъ.

Получивъ отъ лакея Сергѣя Ивановича адресъ брата, Левинъ тотчасъ же собрался ѣхать къ нему, но, обдумавъ, рѣшилъ отложить свою поѣздку до вечера. Прежде всего, для того, чтобы имѣть душевное спокойствіе, надо было рѣшить то дѣло, для котораго онъ пріѣхалъ въ Москву. Отъ брата Левинъ поѣхалъ въ присутствіе Облонскаго и, узнавъ о Щербацкихъ, поѣхалъ туда, гдѣ ему сказали, что онъ можетъ застать Кити.

IX.

Въ 4 часа, чувствуя свое бьющееся сердце, Левинъ слѣзъ съ извозчика у Зоологическаго сада и пошелъ дорожкой къ горамъ и катку, навѣрное зная, что найдетъ ее тамъ, потому что видѣлъ карету Щербацкихъ у подъѣзда.

Былъ ясный, морозный день. У подъѣзда рядами стояли кареты, сани, ваньки, жандармы. Чистый народъ, блестя на яркомъ солнцѣ шляпами, кишѣлъ у входа и по расчищеннымъ дорожкамъ между русскими домиками съ рѣзными князьками; старыя кудрявыя березы сада, обвисшія всѣми вѣтвями отъ снѣга, казалось, были разубраны въ новыя, торжественныя ризы.

Онъ шелъ по дорожкѣ къ катку и говорилъ себѣ: «Надо не волноваться, надо успокоиться. О чемъ ты? Чего ты? Молчи, глупое», обращался онъ къ своему сердцу. И чѣмъ больше онъ старался себя успокоить, тѣмъ все хуже захватывало ему дыханіе. Знакомый встрѣтился и окликнулъ его, но Левинъ даже

не узналъ, кто это былъ. Онъ подошелъ къ горамъ, на которыхъ гремѣли цѣпи спускаемыхъ и поднимаемыхъ салазокъ, грохотали катившіяся салазки и звучали веселые голоса. Онъ прошелъ еще нѣсколько шаговъ и передъ нимъ открылся катокъ, и тотчасъ же среди всѣхъ катавшихся онъ узналъ ее

Онъ узналъ, что она тутъ, по радости и страху, охватившимъ его сердце. Она стояла, разговаривая съ дамой, на противоположномъ концѣ катка. Ничего, казалось, не было особеннаго ни въ ея одеждѣ, ни въ ея позѣ; но для Левина такъ же легко было узнать ее въ этой толпѣ, какъ розанъ въ крапивѣ. Все освѣщалось ею. Она была улыбка, озарявшая все вокругъ. «Неужели я могу сойти туда на ледъ, подойти къ ней?» подумалъ онъ. Мѣсто, гдѣ она была, показалось ему недоступною святыней, и была минута, что онъ чуть не ушелъ: такъ страшно ему стало. Ему нужно было сдѣлать усиліе надъ собой и разсудить, что около нея ходятъ всякаго рода люди, что и самъ онъ могъ придти туда кататься на конькахъ. Онъ сошелъ внизъ, избѣгая подолгу смотрѣть на нее, какъ на солнце, но онъ видѣлъ ее, какъ солнце, и не глядя.

На льду собирались въ этотъ день недѣли и въ эту пору дня люди одного кружка, всѣ знакомые между собой. Были тутъ и мастера кататься, щеголявшіе искусствомъ, и учившіеся за креслами, съ робкими и неловкими движеніями, и мальчики, и старые люди, катавшіеся для гигіеническихъ цѣлей; всѣ казались Левину избранными счастливцами, потому что они были тутъ, вблизи отъ нея. Всѣ катавшіеся, казалось, совершенно равнодушно обгоняли, догоняли ее, даже говорили съ ней и совершенно независимо отъ нея веселились, пользуясь отличнымъ льдомъ и хорошею погодой.

Николай Щербацкій, двоюродный братъ Кити, въ коротенькой жакеткѣ и узкихъ панталонахъ, сидѣлъ съ коньками на ногахъ на скамейкѣ и, увидавъ Левина, закричалъ ему:

— А, первый русскій конькобѣжецъ! Давно ли? Отличный ледъ, надѣвайте же коньки.

— У меня и коньковъ нѣтъ,—отвѣчалъ Левинъ, удивляясь этой смѣлости и развязности въ ея присутствіи и ни на секунду не теряя ея изъ вида, хотя и не глядѣлъ на нее. Онъ чувствовалъ, что солнце приближалось къ нему. Она была на углу и, тупо поставивъ узкія ножки въ высокихъ ботинкахъ, видимо робѣя, катилась къ нему. Отчаянно махавшій руками и пригибавшійся къ землѣ мальчикъ въ русскомъ платьѣ обгонялъ ее. Она катилась не совсѣмъ твердо; вынувъ руки изъ маленькой муфты, висѣвшей на снуркѣ, она держала ихъ наготовѣ и,

глядя на Левина, котораго она узнала, улыбалась ему и своему страху. Когда поворотъ кончился, она дала себѣ толчокъ упругою ножкой и подкатилась прямо къ Щербацкому и, ухватившись за него рукой, улыбаясь кивнула Левину. Она была прекраснѣе, чѣмъ онъ воображалъ ее.

Когда онъ думалъ о ней, онъ могъ себѣ живо представить ее всю, въ особенности прелесть этой, съ выраженіемъ дѣтской ясности и доброты, небольшой бѣлокурой головки, такъ свободно поставленной на статныхъ дѣвичьихъ плечахъ. Дѣтскость выраженія ея лица въ соединеніи съ тонкою красотой стана составляли ея особенную прелесть, которую онъ хорошо понималъ; но что всегда, какъ неожиданность, поражало въ ней, это было выраженіе ея глазъ, кроткихъ, спокойныхъ и правдивыхъ, и въ особенности ея улыбка, всегда переносившая Левина въ волшебный міръ, гдѣ онъ чувствовалъ себя умиленнымъ и смягченнымъ, какимъ онъ могъ запомнить себя въ рѣдкіе дни своего ранняго дѣтства.

— Давно ли вы здѣсь?—сказала она, подавая ему руку.— Благодарствуйте,—прибавила она, когда онъ поднялъ платокъ, выпавшій изъ ея муфты.

— Я? я недавно, вчера... нынче то-есть... пріѣхалъ,—отвѣчалъ Левинъ, не вдругъ отъ волненія понявъ ея вопросъ.—Я хотѣлъ къ вамъ ѣхать,—сказалъ онъ и тотчасъ же, вспомнивъ, съ какимъ намѣреніемъ онъ искалъ ее, смутился и покраснѣлъ.— Я не зналъ, что вы катаетесь на конькахъ, и прекрасно катаетесь.

Она внимательно посмотрѣла на него, какъ бы желая понять причину его смущенія.

— Вашу похвалу надо цѣнить. Здѣсь сохранились преданія, что вы лучшій конькобѣжецъ,—сказала она, стряхивая маленькою ручкой въ черной перчаткѣ иглы инея, упавшія на муфту.

— Да, я когда-то со страстью катался: мнѣ хотѣлось дойти до совершенства.

— Вы все, кажется, дѣлаете со страстью,—сказала она, улыбаясь.—Мнѣ такъ хочется посмотрѣть, какъ вы катаетесь. Надѣвайте же коньки и давайте кататься вмѣстѣ.

«Кататься вмѣстѣ! Неужели это возможно?» думалъ Левинъ, глядя на нее.

— Сейчасъ надѣну,—сказалъ онъ.

И онъ пошелъ надѣвать коньки.

— Давно не бывали у насъ, сударь,—говорилъ катальщикъ, поддерживая ногу и навинчивая каблукъ.—Послѣ васъ никого

изъ господъ мастеровъ нѣту. Хорошо ли такъ будетъ?—говорилъ онъ, натягивая ремень.

— Хорошо, хорошо, поскорѣе пожалуйста,—отвѣчалъ Левинъ, съ трудомъ удерживая улыбку счастія, выступавшую невольно на его лицѣ. «Да,—думалъ онъ,—вотъ это жизнь, вотъ это счастіе! *Вмѣстѣ*, сказала она, *давайте кататься вмѣстѣ*. Сказать ей теперь? Но вѣдь я оттого и боюсь сказать, что теперь я счастливъ, счастливъ хоть надеждой... А тогда?.. Но надо же! надо, надо! прочь слабость!

Левинъ сталъ на ноги, снялъ пальто и, разбѣжавшись по шершавому у домика льду, выбѣжалъ на гладкій ледъ и покатился безъ усилія, какъ будто одною своею волей убыстряя, укорачивая и направляя бѣгъ. Онъ приблизился къ ней съ робостью, но опять ея улыбка успокоила его.

Она подала ему руку, и они пошли рядомъ, прибавляя хода, и чѣмъ быстрѣе, тѣмъ крѣпче она сжимала его руку.

— Съ вами я бы скорѣе выучилась, я почему-то увѣрена въ васъ,—сказала она ему.

— И я увѣренъ въ себѣ, когда вы опираетесь на меня,—сказалъ онъ, но тотчасъ же испугался того, что̀ сказалъ, и покраснѣлъ. И дѣйствительно, какъ только онъ произнесъ эти слова, вдругъ, какъ солнце зашло за тучи, лицо ея утратило всю свою ласковость, и Левинъ узналъ знакомую игру ея лица, означавшую усиліе мысли: на гладкомъ лбу ея вспухла морщинка.

— У васъ нѣтъ ничего непріятнаго? Впрочемъ, я не имѣю права спрашивать,—быстро проговорилъ онъ.

— Отчего же?.. Нѣтъ, у меня ничего нѣтъ непріятнаго,—отвѣчала она холодно и тотчасъ же прибавила:—Вы не видѣли m-lle Linon?

— Нѣтъ еще.

— Подите къ ней, она такъ васъ любитъ.

«Что это? Я огорчилъ ее. Господи, помоги мнѣ!» подумалъ Левинъ и побѣжалъ къ старой француженкѣ съ сѣдыми букольками, сидѣвшей на скамейкѣ. Улыбаясь и выставляя свои фальшивые зубы, она встрѣтила его какъ стараго друга.

— Да, вотъ растемъ,—сказала она ему, указывая глазами на Кити,—и старѣемъ. Tiny bear уже сталъ большой!—продолжала француженка смѣясь и напомнила ему его шутку о трехъ барышняхъ, которыхъ онъ называлъ тремя медвѣдями, изъ англійской сказки.—Помните, вы, бывало, такъ говорили?

Онъ рѣшительно не помнилъ этого, но она уже лѣтъ десять смѣялась этой шуткѣ и любила ее.

— Ну, идите, идите кататься. А хорошо стала кататься наша Кити, не правда ли?

Когда Левинъ подбѣжалъ къ Кити, лицо ея уже было не строго, глаза смотрѣли также правдиво и ласково, но Левину показалось, что въ ласковости ея былъ особенный, умышленно-спокойный тонъ. И ему стало грустно. Поговоривъ о своей старой гувернанткѣ, о ея странностяхъ, она спросила его о его жизни.

— Неужели вамъ не скучно зимою въ деревнѣ? — сказала она.

— Нѣтъ, не скучно, я очень занятъ,—сказалъ онъ, чувствуя, что она подчиняетъ его своему спокойному тону, изъ котораго онъ не въ силахъ будетъ выйти, такъ же какъ это было въ началѣ зимы.

— Вы надолго пріѣхали?—спросила его Кити.

— Я не знаю,—отвѣчалъ онъ, не думая о томъ, что̀ говоритъ. Мысль о томъ, что если онъ поддастся этому ея тону спокойной дружбы, то онъ опять уѣдетъ, ничего не рѣшивъ, пришла ему, и онъ рѣшился возмутиться.

— Какъ не знаете?

— Не знаю. Это отъ васъ зависитъ,—сказалъ онъ и тотчасъ же ужаснулся своимъ словамъ.

Не слыхала ли она его словъ, или не хотѣла слышать, но она какъ бы споткнулась, два раза стукнувъ ножкой, и поспѣшно покатилась прочь отъ него. Она подкатилась къ m-lle Linon, что-то сказала ей и направилась къ домику, гдѣ дамы снимали коньки.

«Боже мой, что я сдѣлалъ! Господи Боже мой! помоги мнѣ, научи меня!» говорилъ Левинъ, молясь и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя потребность сильнаго движенія, разбѣгаясь и выписывая внѣшніе и внутренніе круги.

Въ это время одинъ изъ молодыхъ людей, лучшій изъ новыхъ конькобѣжцевъ, съ папироской во рту, въ конькахъ, вышелъ изъ кофейной и, разбѣжавшись, пустился на конькахъ внизъ по ступенямъ, громыхая и подпрыгивая. Онъ влетѣлъ внизъ и, не измѣнивъ даже свободнаго положенія рукъ, покатился по льду.

— Ахъ, это новая штука!—сказалъ Левинъ и тотчасъ же побѣжалъ наверхъ, чтобы сдѣлать эту новую штуку.

— Не убейтесь, надо привычку! — крикнулъ ему Николай Щербацкій.

Левинъ вошелъ на приступки, разбѣжался сверху сколько могъ и пустился внизъ, удерживая въ непривычномъ движеніи равновѣсіе руками. На послѣдней ступени онъ зацѣпился, но,

чуть дотронувшись до льда рукой, сдѣлалъ сильное движеніе, справился и смѣясь покатился дальше.

«Славный, милый,—подумала Кити въ это время, выходя изъ домика съ m-lle Linon и глядя на него съ улыбкою тихой ласки, какъ на любимаго брата.—И неужели я виновата, неужели я сдѣлала что-нибудь дурное? Они говорятъ: кокетство. Я знаю, что я люблю не его; но мнѣ все-таки весело съ нимъ, и онъ такой славный. Только зачѣмъ онъ это сказалъ?..» думала она.

Увидавъ уходившую Кити и мать, встрѣчавшую ее на ступенькахъ, Левинъ, раскраснѣвшійся послѣ быстраго движенія, остановился и задумался. Онъ снялъ коньки и догналъ у выхода сада мать съ дочерью.

— Очень рада васъ видѣть,—сказала княгиня.—Четверги, какъ всегда, мы принимаемъ.

— Стало быть, нынче?

— Очень рады будемъ видѣть васъ,—сухо сказала княгиня.

Сухость эта огорчила Кити, и она не могла удержаться отъ желанія загладить холодность матери. Она повернула голову и съ улыбкой проговорила:

— До свиданія.

Въ это время Степанъ Аркадьевичъ, со шляпой на боку, блестя лицомъ и глазами, веселымъ побѣдителемъ входилъ въ садъ. Но, подойдя къ тещѣ, онъ съ грустнымъ, виноватымъ лицомъ отвѣчалъ на ея вопросъ о здоровьѣ Долли. Поговоривъ тихо и уныло съ тещей, онъ выпрямилъ грудь и взялъ подъ руку Левина.

— Ну, что жъ, ѣдемъ?—спросилъ онъ.—Я все о тебѣ думалъ, и я очень, очень радъ, что ты пріѣхалъ,—сказалъ онъ, съ значительнымъ видомъ глядя ему въ глаза.

— Ѣдемъ, ѣдемъ, — отвѣчалъ счастливый Левинъ, не перестававшій слышать звукъ голоса, сказавшій: до свиданія, и видѣть улыбку, съ которою это было сказано.

— Въ «Англію» или въ «Эрмитажъ»?

— Мнѣ все равно.

— Ну, въ «Англію»,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, выбравъ «Англію» потому, что онъ въ «Англіи» былъ болѣе долженъ, чѣмъ въ «Эрмитажѣ». Онъ потому считалъ нехорошимъ избѣгать этой гостиницы.—У тебя есть извозчикъ? Ну и прекрасно, а то я отпустилъ карету.

Всю дорогу пріятели молчали. Левинъ думалъ о томъ, что означала эта перемѣна выраженія на лицѣ Кити, и то увѣрялъ себя, что есть надежда, то приходилъ въ отчаяніе и ясно видѣлъ, что его надежда безумна, а между тѣмъ чувствовалъ

себя совсѣмъ другимъ человѣкомъ, не похожимъ на того, ка кимъ онъ былъ до ея улыбки и словъ: *до свиданія*.

Степанъ Аркадьевичъ дорогой сочинялъ *меню* обѣда.

— Ты вѣдь любишь тюрбо?—сказалъ онъ Левину, подъѣзжая.

— Что?—переспросилъ Левинъ.—Тюрбо? Да, я *ужасно* люблю тюрбо.

X.

Когда Левинъ вошелъ съ Облонскимъ въ гостиницу, онъ не могъ не замѣтить нѣкоторой особенности выраженія, какъ бы сдержаннаго сіянія на лицѣ и во всей фигурѣ Степана Аркадьевича. Облонскій снялъ пальто и со шляпой набекрень прошелъ въ столовую, отдавая приказанія липнувшимъ къ нему татарамъ во фракахъ и съ салфетками. Кланяясь направо и налѣво нашедшимся и тутъ, какъ вездѣ, радостно встрѣчавшимъ его знакомымъ, онъ подошелъ къ буфету, закусилъ водку рыбкой и что-то такое сказалъ раскрашенной, въ ленточкахъ, кружевахъ и завитушкахъ француженкѣ, сидѣвшей за конторкой, что даже эта француженка искренно засмѣялась. Левинъ же только оттого не выпилъ водки, что ему оскорбительна была эта француженка, вся составленная, казалось, изъ чужихъ волосъ, poudre de riz и vinaigre de toilette. Онъ, какъ отъ грязнаго мѣста, поспѣшно отошелъ отъ нея. Вся душа его была переполнена воспоминаніемъ о Кити, и въ глазахъ его свѣтилась улыбка торжества и счастія.

— Сюда, ваше сіятельство, пожалуйте, здѣсь не обезпокоятъ ваше сіятельство,—говорилъ особенно липнувшій старый, бѣлесый татаринъ съ широкимъ тазомъ и расходившимися надъ нимъ фалдами фрака.—Пожалуйте, ваше сіятельство,—говорилъ онъ Левину, въ знакъ почтенія къ Степану Аркадьевичу ухаживая и за его гостемъ.

Мгновенно разостлавъ свѣжую скатерть на покрытый уже скатертью круглый столъ подъ бронзовымъ бра, онъ пододвинулъ бархатные стулья и остановился передъ Степаномъ Аркадьевичемъ съ салфеткой и карточкой въ рукахъ, ожидая приказаній.

— Если прикажете, ваше сіятельство, отдѣльный кабинетъ, сейчасъ опростается: князь Голицынъ съ дамой. Устрицы свѣжія получены.

— А! устрицы.

Степанъ Аркадьевичъ задумался.

— Не измѣнить ли планъ, Левинъ?—сказалъ онъ, остановивъ палецъ на картѣ. И лицо его выражало серьезное недоумѣніе.—Хороши ли устрицы? Ты смотри.

— Фленсбургскія, ваше сіятельство, остендскихъ нѣтъ.

— Фленсбургскія-то фленсбургскія, да свѣжи ли?

— Вчера получены-съ.

— Такъ что жъ, не начать ли съ устрицъ, а потомъ ужъ и весь планъ измѣнить? А?

— Мнѣ все равно. Мнѣ лучше всего щи и каша; но вѣдь здѣсь этого нѣтъ.

— Каша а-ла рюссъ, прикажете?—сказалъ татаринъ, какъ няня надъ ребенкомъ, нагибаясь надъ Левинымъ.

— Нѣтъ, безъ шутокъ, что ты выберешь, то и хорошо. Я побѣгалъ на конькахъ, и ѣсть хочется. И не думай,—прибавилъ онъ, замѣтивъ на лицѣ Облонскаго недовольное выраженіе,—чтобы я не оцѣнилъ твоего выбора. Я съ удовольствіемъ поѣмъ хорошо.

— Еще бы! Что ни говори, это одно изъ удовольствій жизни,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.—Ну, такъ дай ты намъ, братецъ ты мой, устрицъ два, или мало — три десятка; супъ съ кореньями...

— Прентаньеръ, — подхватилъ татаринъ. Но Степанъ Аркадьевичъ, видно, не хотѣлъ ему доставлять удовольствіе называть по-французски кушанья.

— Съ кореньями, знаешь? Потомъ тюрбо подъ густымъ соусомъ, потомъ... ростбифу; да смотри, чтобы хорошъ былъ. Да каплуновъ, что ли, ну и консервовъ.

Татаринъ, вспомнивъ манеру Степана Аркадьевича не называть кушанья по французской картѣ, не повторялъ за нимъ, но доставилъ себѣ удовольствіе повторить весь заказъ по картѣ: «супъ прентаньеръ, тюрбо сосъ Бомарше, пулардъ а лестрагонъ, маседуанъ де фрюи...» и тотчасъ, какъ на пружинахъ, положивъ одну переплетенную карту и подхвативъ другую, карту винъ, поднесъ ее Степану Аркадьевичу.

— Чтò же пить будемъ?

— Я—что хочешь, только не много... шампанское,—сказалъ Левинъ.

— Какъ? сначала? А впрочемъ, правда, пожалуй. Ты любишь съ бѣлою печатью?

— Каше бланъ,—подхватилъ татаринъ.

— Ну, такъ этой марки къ устрицамъ подай, а тамъ видно будетъ.

— Слушаю-съ. Столоваго какого прикажете?

— Нюи подай. Нѣтъ, ужъ лучше классическій Шабли.

— Слушаю-съ. Сыру *вашего* прикажете?

— Ну-да, пармезану. Или ты другой любишь?

— Нѣтъ, мнѣ все равно, — не въ силахъ удерживать улыбки, говорилъ Левинъ.

И татаринъ съ развѣвающимися фалдами побѣжалъ и черезъ пять минутъ влетѣлъ съ блюдомъ открытыхъ на перламутровыхъ раковинахъ устрицъ и съ бутылкой между пальцами.

Степанъ Аркадьевичъ смялъ накрахмаленную салфетку, засунулъ ее себѣ за жилетъ и, положивъ покойно руки, взялся за устрицы.

— А не дурны, — говорилъ онъ, сдирая серебряною вилочкой съ перламутровой раковины шлюпающихъ устрицъ и проглатывая ихъ одну за другой. — Не дурны, — повторялъ онъ, вскидывая влажные и блестящіе глаза то на Левина, то на татарина.

Левинъ ѣлъ и устрицы, хотя бѣлый хлѣбъ съ сыромъ былъ ему пріятнѣе. Но онъ любовался на Облонскаго. Даже татаринъ, отвинтившій пробку и разливавшій игристое вино по разлатымъ тонкимъ рюмкамъ, съ замѣтною улыбкой удовольствія, поправляя свой бѣлый галстукъ, поглядывалъ на Степана Аркадьевича.

— А ты не очень любишь устрицы? — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, выпивая свой бокалъ, — или ты озабоченъ? А?

Ему хотѣлось, чтобы Левинъ былъ веселъ. Но Левинъ не то что былъ не веселъ, онъ былъ стѣсненъ. Съ тѣмъ, что̀ было у него въ душѣ, ему жутко и неловко было въ трактирѣ, между кабинетами, гдѣ обѣдали съ дамами, среди этой бѣготни и суетни; эта обстановка бронзъ, зеркалъ, газа, татаръ — все это было ему оскорбительно. Онъ боялся запачкать то, что переполняло его душу.

— Я? Да, я озабоченъ; но, кромѣ того, меня это все стѣсняетъ, — сказалъ онъ. — Ты не можешь представить себѣ, какъ для меня, деревенскаго жителя, все это дико, какъ ногти того господина, котораго я видѣлъ у тебя...

— Да, я видѣлъ, что ногти бѣднаго Гриневича тебя очень заинтересовали, — смѣясь сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Не могу, — отвѣчалъ Левинъ. — Ты постарайся, войди въ меня, стань на точку зрѣнія деревенскаго жителя. Мы въ деревнѣ стараемся привести свои руки въ такое положеніе, чтобъ удобно было ими работать; для этого обстригаемъ ногти, засучиваемъ иногда рукава. А тутъ люди нарочно отпускаютъ ногти, насколько они могутъ держаться, и прицѣпляютъ въ видѣ запонокъ блюдечки, чтобъ ужъ ничего нельзя было дѣлать руками.

Степанъ Аркадьевичъ весело улыбался.

— Да это признакъ того, что грубый трудъ ему не нуженъ. У него работаетъ умъ...

— Можетъ быть. Но все-таки мнѣ дико, такъ же какъ мнѣ дико теперь то, что мы, деревенскіе жители, стараемся поскорѣе наѣсться, чтобы быть въ состояніи дѣлать свое дѣло, а мы съ тобой стараемся какъ можно дольше не наѣсться и для этого ѣдимъ устрицы...

— Ну, разумѣется, — подхватилъ Степанъ Аркадьевичъ.— Но въ этомъ-то и цѣль образованія: изъ всего сдѣлать наслажденіе.

— Ну, если это цѣль, то я желалъ бы быть дикимъ.

— Ты и такъ дикъ. Всѣ вы Левины дики.

Левинъ вздохнулъ. Онъ вспомнилъ о братѣ Николаѣ и ему стало совѣстно и больно, и онъ нахмурился; но Облонскій заговорилъ о такомъ предметѣ, который тотчасъ же отвлекъ его.

— Ну, что жъ, поѣдешь нынче вечеромъ къ нашимъ, къ Щербацкимъ то-есть? — сказалъ онъ, отодвигая пустыя шершавыя раковины, придвигая сыръ и значительно блестя глазами.

— Да, я непремѣнно поѣду, — отвѣчалъ Левинъ. — Хотя мнѣ показалось, что княгиня неохотно звала меня.

— Что ты! Вздоръ какой! Это ея манера... Ну, давай же, братецъ, супъ!.. Это ея манера, grande dame, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ. — Я тоже пріѣду, но мнѣ на спѣвку къ графинѣ Бониной надо. Ну, какъ же ты не дикъ? Чѣмъ же объяснить то, что ты вдругъ исчезъ изъ Москвы? Щербацкіе меня спрашивали о тебѣ безпрестанно, какъ будто я долженъ знать. А я знаю только одно: ты дѣлаешь всегда то, чего никто не дѣлаетъ.

— Да, — сказалъ Левинъ медленно и взволнованно. — Ты правъ, я дикъ. Но только дикость моя не въ томъ, что я уѣхалъ, а въ томъ, что я теперь пріѣхалъ. Теперь я пріѣхалъ...

— О, какой ты счастливецъ! — подхватилъ Степанъ Аркадьевичъ, глядя въ глаза Левину.

— Отчего?

— Узнаю коней ретивыхъ по какимъ-то ихъ таврамъ, юношей влюбленныхъ узнаю по ихъ глазамъ, — продекламировалъ Степанъ Аркадьевичъ. — У тебя все впереди.

— А у тебя развѣ ужъ назади?

— Нѣтъ, хоть не назади, но у тебя будущее, а у меня настоящее, и настоящее — такъ въ пересыпочку.

— А что?

— Да не хорошо. Ну, да я о себѣ не хочу говорить, и къ тому же объяснить всего нельзя, — сказалъ Степанъ Аркадье-

вичъ. — Такъ ты зачѣмъ же пріѣхалъ въ Москву?.. Эй, принимай! — крикнулъ онъ татарину.

— Ты догадываешься? — отвѣчалъ Левинъ, не спуская со Степана Аркадьевича своихъ въ глубинѣ свѣтящихся глазъ.

— Догадываюсь, но не могу начать говорить объ этомъ. Ужъ поэтому ты можешь видѣть, вѣрно или не вѣрно я догадываюсь, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, съ тонкою улыбкой глядя на Левина.

— Ну, что же ты скажешь мнѣ? — сказалъ Левинъ дрожащимъ голосомъ и чувствуя, что на лицѣ его дрожатъ всѣ мускулы. — Какъ ты смотришь на это?

Степанъ Аркадьевичъ медленно выпилъ свой стаканъ Шабли, не спуская глазъ съ Левина.

— Я?.. — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, — ничего такъ не желалъ бы, какъ этого, ничего! Это лучшее, что могло бы быть.

— Но ты не ошибаешься? Ты знаешь, о чемъ мы говоримъ? — проговорилъ Левинъ, впиваясь глазами въ своего собесѣдника. — Ты думаешь, это возможно?

— Думаю, что возможно. Отчего же невозможно?

— Нѣтъ, ты точно думаешь, что это возможно? Нѣтъ, ты скажи все, что̀ ты думаешь! Ну, а если, если меня ждетъ отказъ!.. И я даже увѣренъ...

— Отчего же ты это думаешь? — улыбаясь на его волненіе, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Такъ мнѣ иногда кажется. Вѣдь это будетъ ужасно и для меня, и для нея.

— Ну, во всякомъ случаѣ для дѣвушки тутъ ничего ужаснаго нѣтъ. Всякая дѣвушка гордится предложеніемъ.

— Да, всякая дѣвушка, но не она.

Степанъ Аркадьевичъ улыбнулся. Онъ такъ зналъ это чувство Левина, зналъ, что для него всѣ дѣвушки въ мірѣ раздѣляются на два сорта: одинъ сортъ — это всѣ дѣвушки въ мірѣ, кромѣ нея, и эти дѣвушки имѣютъ всѣ человѣческія слабости, и дѣвушки очень обыкновенныя; другой сортъ — она одна, не имѣющая никакихъ слабостей и превыше всего человѣческаго.

— Постой, соуса возьми, — сказалъ онъ, удерживая руку Левина, который отталкивалъ отъ себя соусъ.

Левинъ покорно положилъ себѣ соуса, но не далъ ѣсть Степану Аркадьевичу.

— Нѣтъ, ты постой, постой, — сказалъ онъ. — Ты пойми, что это для меня вопросъ жизни и смерти. Я никогда ни съ кѣмъ не говорилъ объ этомъ. И ни съ кѣмъ я не могу говорить объ этомъ, какъ съ тобой. Вѣдь вотъ мы съ тобой по всему чужіе:

другіе вкусы, взгляды, все; но я знаю, что ты меня любишь и понимаешь, и отъ этого я тебя ужасно люблю. Но, ради Бога, будь вполнѣ откровененъ.

— Я тебѣ говорю, что я думаю, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, улыбаясь. — Но я тебѣ больше скажу: моя жена — удивительнѣйшая женщина... — Степанъ Аркадьевичъ вздохнулъ, вспомнивъ о своихъ отношеніяхъ съ женой, и, помолчавъ съ минуту, продолжалъ: — У нея есть даръ предвидѣнія. Она насквозь видитъ людей; но этого мало, — она знаетъ, что̀ будетъ, особенно по части браковъ. Она, напримѣръ, предсказала, что Шаховская выйдетъ за Брентельна. Никто этому вѣрить не хотѣлъ, а такъ вышло. И она на твоей сторонѣ.

— То-есть какъ?

— Такъ, что она мало того, что любитъ тебя, она говоритъ, что Кити будетъ твоею женой непремѣнно.

При этихъ словахъ лицо Левина вдругъ просіяло улыбкой, тою, которая близка къ слезамъ умиленія.

— Она это говоритъ! — вскрикнулъ Левинъ. — Я всегда говорилъ, что она прелесть, твоя жена. Ну и довольно, довольно объ этомъ говорить, — сказалъ онъ, вставая съ мѣста.

— Хорошо, но садись же.

Но Левинъ не могъ сидѣть. Онъ прошелся два раза своими твердыми шагами по клѣточкѣ-комнатѣ, помигалъ глазами, чтобы не видно было слезъ, и тогда только сѣлъ опять за столъ.

— Ты пойми, — сказалъ онъ, — что это не любовь. Я былъ влюбленъ, но это не то. Это не мое чувство, а какая-то сила внѣшняя завладѣла мной. Вѣдь я уѣхалъ, потому что рѣшилъ, что этого не можетъ быть, понимаешь, какъ счастія, котораго не бываетъ на землѣ; но я бился съ собой и вижу, что безъ этого нѣтъ жизни. И надо рѣшить...

— Для чего же ты уѣзжалъ?

— Ахъ, постой! Ахъ, сколько мыслей! сколько надо спросить! Послушай. Ты вѣдь не можешь представить себѣ, что ты сдѣлалъ для меня тѣмъ, что сказалъ. Я такъ счастливъ, что даже гадокъ сталъ; я все забылъ. Я нынче узналъ, что братъ Николай... знаешь, онъ тутъ... я и про него забылъ. Мнѣ кажется, что и онъ счастливъ. Это въ родѣ сумасшествія. Но одно ужасно... вотъ ты женился, ты знаешь это чувство... ужасно то, что мы — старые, уже съ прошедшимъ... не любви, а грѣховъ... вдругъ сближаемся съ существомъ чистымъ, невиннымъ; это отвратительно и поэтому нельзя не чувствовать себя недостойнымъ.

— Ну, у тебя грѣховъ немного.

— Ахъ, все-таки, — сказалъ Левинъ, — все-таки, съ отвращеніемъ читая жизнь мою, я трепещу и проклинаю и горько жалуюсь... Да.

— Что же дѣлать, такъ міръ устроенъ, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Одно утѣшеніе, какъ въ этой молитвѣ, которую я всегда любилъ, что не по заслугамъ прости меня, а по милосердію. Такъ и она только простить можетъ.

XI.

Левинъ выпилъ свой бокалъ, и они помолчали.

— Одно еще я тебѣ долженъ сказать. Ты знаешь Вронскаго? — спросилъ Степанъ Аркадьевичъ Левина.

— Нѣтъ, не знаю. Зачѣмъ ты спрашиваешь?

— Подай другую, — обратился Степанъ Аркадьевичъ къ татарину, доливавшему бокалы и вертѣвшемуся около нихъ, именно когда его не нужно было.

— Затѣмъ тебѣ знать Вронскаго, что это одинъ изъ твоихъ конкурентовъ.

— Что такое Вронскій? — сказалъ Левинъ, и лицо его изъ того дѣтски-восторженнаго выраженія, которымъ только что любовался Облонскій, вдругъ перешло въ злое и непріятное.

— Вронскій — это одинъ изъ сыновей графа Кирилла Ивановича Вронскаго и одинъ изъ самыхъ лучшихъ образцовъ золоченой молодежи петербургской. Я его узналъ въ Твери, когда я тамъ служилъ, а онъ пріѣзжалъ на рекрутскій наборъ. Страшно богатъ, красивъ, большія связи, флигель-адъютантъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень милый, добрый малый. Но болѣе чѣмъ просто добрый малый. Какъ я его узналъ здѣсь, онъ и образованъ, и очень уменъ; это человѣкъ, который далеко пойдетъ.

Левинъ хмурился и молчалъ.

— Ну-съ, онъ появился здѣсь вскорѣ послѣ тебя, и, какъ я понимаю, онъ по уши влюбленъ въ Кити, и ты понимаешь, что мать...

— Извини меня, но я не понимаю ничего, — сказалъ Левинъ, мрачно насупливаясь. И тотчасъ же онъ вспомнилъ о братѣ Николаѣ и о томъ, какъ онъ гадокъ, что могъ забыть о немъ.

— Ты постой, постой, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, улыбаясь и трогая его руку. — Я тебѣ сказалъ то, что я знаю, и повторяю, что въ этомъ тонкомъ и нѣжномъ дѣлѣ, сколько можно догадываться, мнѣ кажется, шансы на твоей сторонѣ.

Левинъ откинулся назадъ на стулъ, лицо его было блѣдно.

— Но я бы совѣтовалъ тебѣ рѣшить дѣло какъ можно скорѣе, — продолжалъ Облонскій, доливая ему бокалъ.

— Нѣтъ, благодарствуй, я больше не могу пить, — сказалъ Левинъ, отодвигая свой бокалъ. — Я буду пьянъ... Ну, ты какъ поживаешь? — продолжалъ онъ, видимо желая перемѣнить разговоръ.

— Еще слово: во всякомъ случаѣ совѣтую рѣшить вопросъ скорѣе. Нынче не совѣтую говорить, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ. — Поѣзжай завтра утромъ классически дѣлать предложеніе, и да благословитъ тебя Богъ...

— Что же ты все хотѣлъ на охоту ко мнѣ пріѣхать? Вотъ пріѣзжай весной, — сказалъ Левинъ.

Теперь онъ всею душой раскаивался, что началъ этотъ разговоръ со Степаномъ Аркадьевичемъ. Его *особенное* чувство было осквернено разговоромъ о конкуренціи какого-то петербургскаго офицера, предположеніями и совѣтами Степана Аркадьевича.

Степанъ Аркадьевичъ улыбнулся. Онъ понималъ, что̀ дѣлалось въ душѣ Левина.

— Пріѣду когда-нибудь, — сказалъ онъ. — Да, братъ, женщины — это винтъ, на которомъ все вертится. Вотъ и мое дѣло плохо, очень плохо. И все отъ женщинъ. Ты мнѣ скажи откровенно, — продолжалъ онъ, доставъ сигару и держась одною рукой за бокалъ, — ты мнѣ дай совѣтъ.

— Но въ чемъ же?

— Вотъ въ чемъ. Положимъ, ты женатъ, ты любишь жену, но ты увлекся другою женщиной...

— Извини, но я рѣшительно не понимаю этого, какъ бы... все равно, какъ не понимаю, какъ бы я теперь, наѣвшись, тутъ же пошелъ мимо калачной и укралъ бы калачъ.

Глаза Степана Аркадьевича блестѣли больше обыкновеннаго.

— Отчего же? Калачъ иногда такъ пахнетъ, что не удержишься.

Himmlisch ist's, wenn ich bezvungen
Meine irdische Begier;
Aber doch wenn's nicht gelungen,
Hatt'ich auch recht hübsch Plaisir!

Говоря это, Степанъ Аркадьевичъ тонко улыбался. Левинъ тоже не могъ не улыбнуться.

— Да, но безъ шутокъ, — продолжалъ Облонскій. — Ты пойми, что женщина — милое, кроткое, любящее существо, бѣдная, одинокая и всѣмъ пожертвовала. Теперь, когда уже

дѣло сдѣлано, ты пойми, неужели бросить ее? Положимъ: разстаться, чтобы не разрушить семейную жизнь, но неужели не пожалѣть ее, не устроить, не смягчить?

Ну, ужъ извини меня. Ты знаешь, для меня всѣ женщины дѣлятся на два сорта... то-есть нѣтъ... вѣрнѣе: есть женщины, и есть... Я прелестныхъ падшихъ созданій не видалъ и не увижу, а такія, какъ та крашеная француженка у конторки, съ завитками, это для меня гадины, и всѣ падшія — такія же.

— А евангельская?

— Ахъ, перестань! Христосъ никогда бы не сказалъ этихъ словъ, если бы зналъ, какъ будутъ злоупотреблять ими. Изъ всего Евангелія только и помнятъ эти слова. Впрочемъ, я говорю не то, чтò думаю, а то, чтò чувствую. Я имѣю отвращеніе къ падшимъ женщинамъ. Ты пауковъ боишься, а я этихъ гадинъ. Ты вѣдь навѣрно не изучалъ пауковъ и не знаешь ихъ нравовъ, такъ и я.

— Хорошо тебѣ такъ говорить; это все равно, какъ этотъ Диккенсовскій господинъ, который перебрасываетъ лѣвою рукой черезъ правое плечо всѣ затруднительные вопросы. Но отрицаніе факта не отвѣтъ. Что жъ дѣлать, ты мнѣ скажи, что дѣлать? Жена старѣется, а ты полонъ жизни. Ты не успѣешь оглянуться, какъ уже чувствуешь, что ты не можешь любить любовью жену, какъ бы ты ни уважалъ ее. А тутъ вдругъ подвернется любовь, и пропалъ, пропалъ! — съ унылымъ отчаяніемъ проговорилъ Степанъ Аркадьевичъ.

Левинъ усмѣхнулся.

— Да, и пропалъ, — продолжалъ Облонскій. — Но что же дѣлать?

— Не красть калачей.

Степанъ Аркадьевичъ разсмѣялся.

— О, моралистъ! Но ты пойми, есть двѣ женщины: одна настаиваетъ только на своихъ правахъ, и права эти — твоя любовь, которой ты не можешь ей дать; а другая жертвуетъ тебѣ всѣмъ и ничего не требуетъ. Что тебѣ дѣлать? какъ поступить? Тутъ страшная драма.

— Если ты хочешь мою исповѣдь относительно этого, то я скажу тебѣ, что не вѣрю, чтобы тутъ была драма. И вотъ почему. По-моему, любовь... обѣ любви, которыя, помнишь, Платонъ опредѣляетъ въ своемъ *Пирѣ*, — обѣ любви служатъ пробнымъ камнемъ для людей. Одни люди понимаютъ только одну, другіе — другую. И тѣ, которые понимаютъ только неплатоническую любовь, напрасно говорятъ о драмѣ. При такой любви

не можетъ быть никакой драмы. Покорно васъ благодарю за удовольствіе, мое почтеніе, — вотъ и вся драма. А для платонической любви не можетъ быть драмы, потому что въ такой любви все ясно и чисто, потому что…

Въ эту минуту Левинъ вспомнилъ о своихъ грѣхахъ и о внутренней борьбѣ, которую онъ пережилъ. И онъ неожиданно прибавилъ:

— А впрочемъ, можетъ быть, ты и правъ. Очень можетъ быть… Но я не знаю, рѣшительно не знаю.

— Вотъ видишь ли, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, — ты очень цѣльный человѣкъ. Это — твое качество и твой недостатокъ. Ты самъ цѣльный характеръ и хочешь, чтобы вся жизнь слагалась изъ цѣльныхъ явленій, а этого не бываетъ. Ты вотъ презираешь общественную служебную дѣятельность, потому что тебѣ хочется, чтобы дѣло постоянно соотвѣтствовало цѣли, а этого не бываетъ. Ты хочешь тоже, чтобы дѣятельность одного человѣка всегда имѣла цѣль, чтобы любовь и семейная жизнь всегда были одно, — этого не бываетъ. Все разнообразіе, вся прелесть, вся красота жизни слагается изъ тѣни и свѣта.

Левинъ вздохнулъ и ничего не отвѣтилъ. Онъ думалъ о своемъ и не слушалъ Облонскаго.

И вдругъ они оба почувствовали, что хотя они и друзья, хотя они обѣдали вмѣстѣ и пили вино, которое должно было бы еще болѣе сблизить ихъ, но что каждый думаетъ только о своемъ и одному до другого нѣтъ дѣла. Облонскій уже не разъ испытывалъ это, случающееся послѣ обѣда, крайнее раздвоеніе вмѣсто сближенія и зналъ, что̀ надо дѣлать въ этихъ случаяхъ.

— Счетъ! — крикнулъ онъ и вышелъ въ сосѣднюю залу, гдѣ тотчасъ же встрѣтилъ знакомаго адъютанта и вступилъ съ нимъ въ разговоръ объ актрисѣ и ея содержателѣ. И тотчасъ же въ разговорѣ съ адъютантомъ Облонскій почувствовалъ облегченіе и отдохновеніе отъ разговора съ Левинымъ, который вызывалъ его всегда на слишкомъ большое умственное и душевное напряженіе.

Когда татаринъ явился со счетомъ въ двадцать шесть рублей съ копейками и съ дополненіемъ на водку, Левинъ, котораго въ другое время, какъ деревенскаго жителя, привелъ бы въ ужасъ счетъ на его долю въ четырнадцать рублей, теперь не обратилъ вниманія на это, расплатился и отправился домой, чтобы переодѣться и ѣхать къ Щербацкимъ, гдѣ рѣшится его судьба.

XII.

Княжнѣ Кити Щербацкой было восемнадцать лѣтъ. Она выѣзжала первую зиму. Успѣхи ея въ свѣтѣ были больше, чѣмъ обѣихъ ея старшихъ сестеръ, и больше, чѣмъ даже ожидала княгиня. Мало того, что юноши, танцующіе на московскихъ балахъ, почти всѣ были влюблены въ Кити, уже въ первую зиму представились двѣ серьезныя партіи: Левинъ и тотчасъ же послѣ его отъѣзда графъ Вронскій.

Появленіе Левина въ началѣ зимы, его частыя посѣщенія и явная любовь къ Кити были поводомъ къ первымъ серьезнымъ разговорамъ между родителями Кити о ея будущности и къ спорамъ между княземъ и княгинею. Князь былъ на сторонѣ Левина, говорилъ, что онъ ничего не желаетъ лучшаго для Кити. Княгиня же, со свойственною женщинамъ привычкою обходить вопросъ, говорила, что Кити слишкомъ молода, что Левинъ ничѣмъ не показываетъ, что имѣетъ серьезныя намѣренія, что Кити не имѣетъ къ нему привязанности и другіе доводы; но не говорила главнаго — того, что она ждетъ лучшей партіи для дочери, и что Левинъ не симпатиченъ ей, и что она не понимаетъ его. Когда же Левинъ внезапно уѣхалъ, княгиня была рада и съ торжествомъ говорила мужу: «видишь, я была права». Когда же появился Вронскій, она еще болѣе была рада, утвердившись въ своемъ мнѣніи, что Кити должна сдѣлать не просто хорошую, но блестящую партію.

Для матери не могло быть никакого сравненія между Вронскимъ и Левинымъ. Матери не нравились въ Левинѣ и его странныя и рѣзкія сужденія, и его неловкость въ свѣтѣ, основанная, какъ она полагала, на гордости, и его, по ея понятіямъ, дикая какая-то жизнь въ деревнѣ съ занятіями скотиной и мужиками; не нравилось очень и то, что онъ, влюбленный въ ея дочь, ѣздилъ въ домъ полтора мѣсяца, чего-то какъ будто ждалъ, высматривалъ, какъ будто боялся, не велика ли будетъ честь, если онъ сдѣлаетъ предложеніе, и не понималъ, что, ѣздя въ домъ, гдѣ дѣвушка невѣста, надо было объясниться. И вдругъ, не объяснившись, уѣхалъ. «Хорошо, что онъ такъ непривлекателенъ, что Кити не влюбилась въ него», думала мать.

Вронскій удовлетворялъ всѣмъ желаніямъ матери: очень богатъ, уменъ, знатенъ, на пути блестящей, военно-придворной карьеры и обворожительный человѣкъ. Нельзя было ничего лучшаго желать.

Вронскій на балахъ явно ухаживалъ за Кити, танцовалъ съ нею и ѣздилъ въ домъ, стало быть, нельзя было сомнѣваться въ серьезности его намѣреній. Но, несмотря на то, мать всю эту зиму находилась въ страшномъ безпокойствѣ и волненіи.

Сама княгиня вышла замужъ тридцать лѣтъ тому назадъ по сватовству тетушки. Женихъ, о которомъ было все уже впередъ извѣстно, пріѣхалъ, увидалъ невѣсту, и его увидали; сваха-тетка узнала и передала взаимно произведенное впечатлѣніе; впечатлѣніе было хорошее; потомъ въ назначенный день было сдѣлано родителямъ и принято ожидаемое предложеніе. Все произошло очень легко и просто. По крайней мѣрѣ, такъ казалось княгинѣ. Но на своихъ дочеряхъ она испытала, какъ не легко и не просто это, кажущееся обыкновеннымъ, дѣло — выдавать дочерей замужъ. Сколько страховъ было пережито, сколько мыслей передумано, сколько денегъ потрачено, сколько столкновеній съ мужемъ при выдачѣ замужъ старшихъ двухъ, Дарьи и Натальи! Теперь, при вывозѣ меньшой, переживались тѣ же страхи, тѣ же сомнѣнія и еще бо̀льшія, чѣмъ изъ-за старшихъ, ссоры съ мужемъ. Старый князь, какъ и всѣ отцы, былъ особенно щепетиленъ насчетъ чести и чистоты своихъ дочерей; онъ былъ неблагоразумно ревнивъ къ дочерямъ, и особенно къ Кити, которая была его любимица, и на каждомъ шагу дѣлалъ сцены княгинѣ за то, что она компрометируетъ дочь. Княгиня привыкла къ этому еще съ первыми дочерьми, но теперь она чувствовала, что щепетильность князя имѣетъ больше основаній. Она видѣла, что въ послѣднее время многое измѣнилось въ пріемахъ общества, что обязанности матери стали еще труднѣе. Она видѣла, что сверстницы Кити составляли какія-то общества, отправлялись на какіе-то курсы, свободно обращались съ мужчинами, ѣздили однѣ по улицамъ, многія не присѣдали и, главное, были всѣ твердо увѣрены, что выбрать себѣ мужа есть ихъ дѣло, а не родителей. «Нынче ужъ такъ не выдаютъ замужъ, какъ прежде», думали и говорили всѣ эти молодыя дѣвушки и всѣ даже старые люди. Но какъ же нынче выдаютъ замужъ, княгиня ни отъ кого не могла узнать. Французскій обычай — родителямъ рѣшать судьбу дѣтей — былъ не принятъ, осуждался. Англійскій обычай — совершенной свободы дѣвушки — былъ тоже не принятъ и невозможенъ въ русскомъ обществѣ. Русскій обычай сватовства считался чѣмъ-то безобразнымъ, надъ нимъ смѣялись всѣ и сама княгиня. Но какъ надо выходить и выдавать замужъ, никто не зналъ. Всѣ, съ кѣмъ княгинѣ случалось толковать объ этомъ, говорили ей одно: «помилуйте, въ наше время уже пора оставить эту старину.

Вѣдь молодымъ людямъ въ бракъ вступать, а не родителямъ; стало быть, и надо оставить молодыхъ людей устраиваться, какъ они знаютъ». Но хорошо было говорить такъ тѣмъ, у кого не было дочерей, а княгиня понимала, что при сближенiи дочь могла влюбиться и влюбиться въ того, кто не захочетъ жениться, или въ того, кто не годится въ мужья. И сколько бы ни внушали княгинѣ, что въ наше время молодые люди сами должны устраивать свою судьбу, она не могла вѣрить этому, какъ не могла бы вѣрить тому, что въ какое бы то ни было время для пятилѣтнихъ дѣтей самыми лучшими игрушками должны быть заряженные пистолеты. И потому княгиня безпокоилась съ Кити больше, чѣмъ со старшими дочерьми.

Теперь она боялась, чтобы Вронскiй не ограничился однимъ ухаживаньемъ за ея дочерью. Она видѣла, что дочь уже влюблена въ него, но утѣшала себя тѣмъ, что онъ честный человѣкъ и потому не сдѣлаетъ этого. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она знала, какъ съ нынѣшнею свободой обращенiя легко вскружить голову дѣвушки и какъ вообще мужчины легко смотрятъ на эту вину. На прошлой недѣлѣ Кити разсказала матери свой разговоръ во время мазурки съ Вронскимъ. Разговоръ этотъ отчасти успокоилъ княгиню; но совершенно спокойною она не могла быть. Вронскiй сказалъ Кити, что они, оба брата, такъ привыкли во всемъ подчиняться своей матери, что никогда не рѣшаются предпринять что-нибудь важное, не посовѣтовавшись съ нею. «И теперь я жду, какъ особеннаго счастiя, прiѣзда матушки изъ Петербурга», сказалъ онъ.

Кити разсказала это, не придавая никакого значенiя этимъ словамъ. Но мать поняла это иначе. Она знала, что старуху ждутъ со дня на день, знала, что старуха будетъ рада выбору сына, и ей странно было, что онъ, боясь оскорбить мать, не дѣлаетъ предложенiя; однако ей такъ хотѣлось и самаго брака и болѣе всего успокоенiя отъ своихъ тревогъ, что она вѣрила этому. Какъ ни горько было теперь княгинѣ видѣть несчастiе старшей дочери Долли, сбиравшейся оставить мужа, волненiе о рѣшавшейся судьбѣ меньшой дочери поглощало всѣ ея чувства. Нынѣшнiй день съ появленiемъ Левина прибавилось еще новое безпокойство: она боялась, чтобы дочь, имѣвшая, какъ ей казалось, одно время чувство къ Левину, изъ излишней честности не отказала бы Вронскому и вообще чтобы прiѣздъ Левина не запуталъ, не задержалъ дѣла, столь близкаго къ окончанiю.

— Что онъ, давно ли прiѣхалъ?—сказала княгиня про Левина, когда они вернулись домой.

— Нынче, maman.

— Я одно хочу сказать...—начала княгиня, и по серьезно-оживленному лицу ея Кити угадала, о чемъ будетъ рѣчь.

— Мама,—сказала она, вспыхнувъ и быстро поворачиваясь къ ней,—пожалуйста, пожалуйста, не говорите ничего про это. Я знаю, я все знаю.

Она желала того же, чего желала и мать, но мотивы желанія матери оскорбляли ее.

— Я только хочу сказать, что, подавъ надежду одному...

— Мама, голубчикъ, ради Бога не говорите. Такъ страшно говорить про это.

— Не буду,—сказала мать, увидавъ слезы на глазахъ дочери;—но одно, моя душа: ты мнѣ обѣщала, что у тебя не будетъ отъ меня тайны. Не будетъ?

— Никогда, мама, никакой,—отвѣчала Кити, покраснѣвъ и взглянувъ прямо въ лицо матери.—Но мнѣ нечего говорить теперь. Я... я... если бы хотѣла, я не знаю, что сказать и какъ... я не знаю...

«Нѣтъ, неправду не можетъ она сказать съ этими глазами», подумала мать, улыбаясь на ея волненіе и счастье. Княгиня улыбалась тому, какъ огромно и значительно кажется ей, бѣдняжкѣ, то, что происходитъ теперь въ ея душѣ.

XIII.

Кити испытывала послѣ обѣда и до начала вечера чувство, подобное тому, какое испытываетъ юноша передъ битвой. Сердце ея билось сильно, и мысли не могли ни на чемъ остановиться. Она чувствовала, что нынѣшній вечеръ, когда они оба въ первый разъ встрѣчаются, долженъ быть рѣшительный въ ея судьбѣ. И она безпрестанно представляла себѣ ихъ, то каждаго порознь, то вмѣстѣ обоихъ. Когда она думала о прошедшемъ, она съ удовольствіемъ, съ нѣжностью останавливалась на воспоминаніяхъ своихъ отношеній къ Левину. Воспоминанія дѣтства и воспоминанія о дружбѣ Левина съ ея умершимъ братомъ придавали особенную, поэтическую прелесть ея отношеніямъ къ нему. Его любовь къ ней, въ которой она была увѣрена, была лестна и радостна ей. И ей легко было вспоминать о Левинѣ. Въ воспоминанія же о Вронскомъ примѣшивалось что-то неловкое, хотя онъ былъ въ высшей степени свѣтскій и спокойный человѣкъ; какъ будто фальшь какая-то была, не въ немъ, — онъ былъ очень простъ и милъ,— но въ ней самой, тогда какъ съ Левинымъ она чувствовала себя

совершенно простою и ясною. Но зато какъ только она думала о будущемъ съ Вронскимъ, передъ ней вставала перспектива блестяще-счастливая; съ Левинымъ же будущность представлялась туманною.

Взойдя наверхъ одѣться для вечера и взглянувъ въ зеркало она съ радостью замѣтила, что она въ одномъ изъ своихъ хорошихъ дней и въ полномъ обладанiи всѣми своими силами, а это ей такъ нужно было для предстоящаго; она чувствовала въ себѣ внѣшнюю тишину и свободную грацiю движенiй.

Въ половинѣ восьмого, только что она сошла въ гостиную, лакей доложилъ: «Константинъ Дмитричъ Левинъ». Княгиня была еще въ своей комнатѣ, и князь не выходилъ. «Такъ и есть», подумала Кити, и вся кровь прилила ей къ сердцу. Она ужаснулась своей блѣдности, взглянувъ въ зеркало.

Теперь она вѣрно знала, что онъ за тѣмъ и прiѣхалъ раньше, чтобы застать ее одну и сдѣлать предложенiе. И тутъ только въ первый разъ все дѣло представилось ей совсѣмъ съ другой, новой стороны. Тутъ только она поняла, что вопросъ касается не ея одной,—съ кѣмъ она будетъ счастлива и кого она любитъ, — но что сiю минуту она должна оскорбить человѣка, котораго она любитъ. И оскорбить жестоко... За что? За то, что онъ, милый, любитъ ее, влюбленъ въ нее. Но дѣлать нечего, такъ нужно, такъ должно.

«Боже мой, неужели это я сама должна сказать ему?— подумала она.—Неужели я скажу ему, что я его не люблю? Это будетъ неправда. Что жъ я скажу ему? Скажу, что люблю другого? Нѣтъ, это невозможно. Я уйду, уйду».

Она уже подходила къ дверямъ, когда услыхала его шаги. Нѣтъ, нечестно. Чего мнѣ бояться? Я ничего дурного не сдѣлала. Что будетъ, то будетъ! Скажу правду. Да съ нимъ не можетъ быть неловко. Вотъ онъ», сказала она себѣ, увидавъ всю его сильную и робкую фигуру съ блестящими, устремленными на себя глазами. Она прямо взглянула ему въ лицо, какъ бы умоляя его о пощадѣ, и подала руку.

— Я не во-время, кажется, слишкомъ рано, — сказалъ онъ, оглянувъ пустую гостиную. Когда онъ увидалъ, что его ожиданiя сбылись, что ничто не мѣшаетъ ему высказаться, лицо его сдѣлалось мрачно.

— О, нѣтъ, — сказала Кити и сѣла къ столу.

— Но я только того и хотѣлъ, чтобы застать васъ одну,— началъ онъ, не садясь и не глядя на нее, чтобы не потерять смѣлости.

— Мама сейчасъ выйдетъ. Она вчера очень устала. Вчера...

Она говорила, сама не зная, что̀ говорятъ ея губы, и не спуская съ него умоляющаго и ласкающаго взгляда.

Онъ взглянулъ на нее; она покраснѣла и замолчала.

— Я сказалъ вамъ, что не знаю, надолго ли я пріѣхалъ... что это отъ васъ зависитъ.

Она все ниже и ниже склоняла голову, не зная сама, что̀ будетъ отвѣчать на приближавшееся.

— Что это отъ васъ зависитъ,—повторилъ онъ.—Я хотѣлъ сказать... я хотѣлъ сказать... Я за этимъ пріѣхалъ... что... Быть моей женой!—проговорилъ онъ, не зная самъ, что говорилъ; но, почувствовалъ, что самое страшное сказано, остановился и посмотрѣлъ на нее.

Она тяжело дышала, не глядя на него. Она испытывала восторгъ. Душа ея была переполнена счастіемъ. Она никакъ не ожидала, что высказанная любовь его произведетъ на нее такое сильное впечатлѣніе. Но это продолжалось только одно мгновеніе. Она вспомнила Вронскаго. Она подняла на Левина свои свѣтлые, правдивые глаза и, увидавъ его отчаянное лицо, поспѣшно отвѣтила:

— Этого не можетъ быть... простите меня.

Какъ за минуту тому назадъ она была близка ему, какъ важна для его жизни! И какъ теперь она стала чужда и далека ему!

— Это не могло быть иначе,—сказалъ онъ, не глядя на нее. Онъ поклонился и хотѣлъ уйти.

XIV.

Но въ это самое время вышла княгиня. На лицѣ ея изобразился ужасъ, когда она увидѣла ихъ однихъ и ихъ разстроенныя лица. Левинъ поклонился ей и ничего не сказалъ. Кити молчала, не поднимая глазъ. «Слава Богу, отказала», подумала мать, и лицо ея просіяло обычной улыбкой, съ которою она встрѣчала по четвергамъ гостей. Она сѣла и начала разспрашивать Левина о его жизни въ деревнѣ. Онъ сѣлъ опять, ожидая пріѣзда гостей, чтобы уѣхать незамѣтно.

Черезъ пять минутъ вошла подруга Кити, прошлую зиму вышедшая замужъ, графиня Нордстонъ.

Это была сухая, желтая, съ черными блестящими глазами, болѣзненная и нервная женщина. Она любила Кити, и любовь ея къ ней, какъ и всегда любовь замужнихъ къ дѣвушкамъ, выражалась въ желаніи выдать Кити по своему идеалу счастья замужъ; она желала выдать ее за Вронскаго. Левинъ, кото-

раго она въ началѣ зимы часто у нихъ встрѣчала, былъ всегда непріятенъ ей. Ея постоянное и любимое занятіе при встрѣчѣ съ нимъ состояло въ томъ, чтобы шутить надъ нимъ.

— Я люблю, когда онъ съ высоты своего величія смотритъ на меня или прекращаетъ свой умный разговоръ со мной, потому что я глупа, или снисходитъ до меня. Я это очень люблю: снисходитъ! Я очень рада, что онъ меня терпѣть не можетъ,— говорила она о немъ.

Она была права, потому что дѣйствительно Левинъ терпѣть ея не могъ и презиралъ за то, чѣмъ она гордилась и что̀ ставила себѣ въ достоинство,—за ея нервность, за ея утонченное презрѣніе и равнодушіе ко всему грубому и житейскому.

Между Нордстонъ и Левинымъ установилось то, нерѣдко встрѣчающееся въ свѣтѣ, отношеніе, что два человѣка, оставаясь по внѣшности въ дружелюбныхъ отношеніяхъ, презираютъ другъ друга до такой степени, что не могутъ даже серьезно обращаться другъ съ другомъ и не могутъ даже быть оскорблены одинъ другимъ.

Графиня Нордстонъ тотчасъ же накинулась на Левина.

— А! Константинъ Дмитричъ! Опять пріѣхали въ нашъ развратный Вавилонъ,—сказала она, подавая ему крошечную желтую руку и вспоминая его слова, сказанныя какъ-то въ началѣ зимы, что Москва есть Вавилонъ.—Что, Вавилонъ исправился или вы испортились?—прибавила она, съ усмѣшкой оглядываясь на Кити.

— Мнѣ очень лестно, графиня, что вы такъ помните мои слова,—отвѣчалъ Левинъ, успѣвшій оправиться и сейчасъ же по привычкѣ входя въ свое шуточно-враждебное отношеніе къ графинѣ Нордстонъ.—Вѣрно, они на васъ очень сильно дѣйствуютъ.

— Ахъ, какъ же! Я все записываю. Ну что, Кити, ты опять каталась наونькахъ?..

И она стала говорить съ Кити. Какъ ни неловко было Левину уйти теперь, ему все-таки легче было сдѣлать эту неловкость, чѣмъ остаться весь вечеръ и видѣть Кити, которая изрѣдка взглядывала на него и избѣгала его взгляда. Онъ хотѣлъ встать, но княгиня, замѣтивъ, что онъ молчитъ, обратилась къ нему:

— Вы надолго пріѣхали въ Москву? Вѣдь вы, кажется, мировымъ земствомъ занимаетесь и вамъ нельзя надолго.

— Нѣтъ, княгиня, я не занимаюсь болѣе земствомъ,—сказалъ онъ.—Я пріѣхалъ на нѣсколько дней.

«Что-то съ нимъ особенное,—подумала графиня Нордстонъ, вглядываясь въ его строгое, серьезное лицо,—что-то онъ не втягивается въ свои разсужденія. Но я ужъ выведу его. Ужасно люблю сдѣлать его дуракомъ передъ Кити, и сдѣлаю».

— Константинъ Дмитричъ,—сказала она ему,—растолкуйте мнѣ пожалуйста, что такое значитъ,—вы все это знаете,—у насъ въ калужской деревнѣ всѣ мужики и всѣ бабы все пропили, что̀ у нихъ было, и теперь ничего намъ не платятъ. Что это значитъ? Вы такъ хвалите всегда мужиковъ.

Въ это время еще дама вошла въ комнату, и Левинъ всталъ.

— Извините меня, графиня, но я, право, ничего этого не знаю и ничего не могу вамъ сказать,—сказалъ онъ и оглянулся на входившаго вслѣдъ за дамой военнаго.

«Это долженъ быть Вронскій», подумалъ Левинъ и, чтобъ убѣдиться въ этомъ, взглянулъ на Кити. Она уже успѣла взглянуть на Вронскаго и оглянулась на Левина. И по одному этому взгляду невольно просіявшихъ глазъ ея Левинъ понялъ, что она любила этого человѣка, понялъ такъ же вѣрно, какъ если бы она сказала ему это словами. Но что же это за человѣкъ?

Теперь—хорошо ли это, дурно ли—Левинъ не могъ не остаться: ему нужно было узнать, что за человѣкъ былъ тотъ, кого она любила.

Есть люди, которые, встрѣчая своего счастливаго въ чемъ бы то ни было соперника, готовы сейчасъ же отвернуться отъ всего хорошаго, что̀ есть въ немъ, и видѣть въ немъ одно дурное; есть люди, которые, напротивъ, болѣе всего желаютъ найти въ этомъ счастливомъ соперникѣ тѣ качества, которыми онъ побѣдилъ ихъ, и ищутъ въ немъ со щемящею болью въ сердцѣ одного хорошаго. Левинъ принадлежалъ къ такимъ людямъ. Но ему нетрудно было отыскать хорошее и привлекательное во Вронскомъ. Оно сразу бросилось ему въ глаза. Вронскій былъ невысокій, плотно сложенный брюнетъ, съ добродушно-красивымъ, чрезвычайно спокойнымъ и твердымъ лицомъ. Въ его лицѣ и фигурѣ, отъ коротко обстриженныхъ черныхъ волосъ и свѣже-выбритаго подбородка до широкаго, съ иголочки новаго мундира, все было просто и вмѣстѣ изящно. Давъ дорогу входившей дамѣ, Вронскій подошелъ къ княгинѣ и потомъ къ Кити.

Въ то время какъ онъ подходилъ къ ней, красивые глаза его особенно нѣжно заблестѣли, и съ чуть замѣтною, счастливою и скромною торжествующею улыбкой (такъ показалось Левину), почтительно и осторожно наклоняясь надъ нею, онъ протянулъ ей свою небольшую, но широкую руку.

Со всѣми поздоровавшись и сказавъ нѣсколько словъ, онъ сѣлъ, ни разу не взглянувъ на неспускавшаго съ него глазъ Левина.

— Позвольте васъ познакомить,—сказала княгиня, указывая на Левина:—Константинъ Дмитріевичъ Левинъ. Графъ Алексѣй Кирилловичъ Вронскій.

Вронскій всталъ и, дружелюбно глядя въ глаза Левину, пожалъ ему руку.

— Я нынче зимой долженъ былъ, кажется, обѣдать съ вами,—сказалъ онъ, улыбаясь своею простою и открытою улыбкой,—но вы неожиданно уѣхали въ деревню.

— Константинъ Дмитричъ презираетъ и ненавидитъ городъ и насъ горожанъ,—сказала графиня Нордстонъ.

— Должно быть, мои слова на васъ сильно дѣйствуютъ, что вы ихъ такъ помните,—сказалъ Левинъ и, вспомнивъ, что онъ уже сказалъ это прежде, покраснѣлъ.

Вронскій взглянулъ на Левина и графиню Нордстонъ и улыбнулся.

— А вы всегда въ деревнѣ?—спросилъ онъ.—Я думаю, зимою скучно?

— Не скучно, если есть занятія, да и съ самимъ собой не скучно,—рѣзко отвѣчалъ Левинъ.

— Я люблю деревню,—сказалъ Вронскій, замѣчая и дѣлая видъ, что не замѣчаетъ тона Левина.

— Но надѣюсь, графъ, что вы бы не согласились жить всегда въ деревнѣ,—сказала графиня Нордстонъ.

— Не знаю, я не пробовалъ подолгу. Я испыталъ странное чувство,—продолжалъ онъ.—Я нигдѣ такъ не скучалъ по деревнѣ, русской деревнѣ, съ лаптями и мужиками, какъ проживъ съ матушкой зиму въ Ниццѣ. Ницца сама по себѣ скучна, вы знаете. Да и Неаполь, Сорренто хороши только на короткое время. И именно тамъ особенно живо вспоминается Россія, и именно деревня. Онѣ точно какъ...

Онъ говорилъ, обращаясь и къ Кити, и къ Левину, и переводя съ одного на другого свой спокойный и дружелюбный взглядъ; говорилъ, очевидно, что приходило въ голову.

Замѣтивъ, что графиня Нордстонъ хотѣла что-то сказать, онъ остановился, не досказавъ начатаго, и сталъ внимательно слушать ее.

Разговоръ не умолкалъ ни на минуту, такъ что старой княгинѣ, всегда имѣвшей про запасъ, на случай неимѣнія темы, два тяжелыя орудія: классическое и реальное образованіе и

общую воинскую повинность, не пришлось выдвигать ихъ, а графинѣ Нордстонъ не пришлось подразнить Левина.

Левинъ хотѣлъ и не могъ вступить въ общій разговоръ; ежеминутно говоря себѣ: «теперь уйти», онъ не уходилъ, чего-то дожидаясь.

Разговоръ зашелъ о вертящихся столахъ и духахъ, и графиня Нордстонъ, вѣрившая въ спиритизмъ, стала разсказывать чудеса, которыя она видѣла.

— Ахъ, графиня, непремѣнно свезите, ради Бога свезите меня къ нимъ. Я никогда ничего не видалъ необыкновеннаго, хотя вездѣ отыскиваю, — улыбаясь сказалъ Вронскій.

— Хорошо, въ будущую субботу, — отвѣчала графиня Нордстонъ. — Но вы, Константинъ Дмитричъ, вѣрите? — спросила она Левина.

— Зачѣмъ вы меня спрашиваете? Вѣдь вы знаете, чтò я скажу.

— Но я хочу слышать ваше мнѣніе.

— Мое мнѣніе только тò, — отвѣчалъ Левинъ, — что эти вертящіеся столы доказываютъ, что такъ называемое образованное общество не выше мужиковъ. Они вѣрятъ въ глазъ, и въ порчу, и въ привороты, а мы...

— Что жъ, вы не вѣрите?

— Не могу вѣрить, графиня.

— Но если я сама видѣла?

— И бабы разсказываютъ, какъ онѣ сами видѣли домовыхъ.

— Такъ вы думаете, что я говорю неправду?

И она не весело засмѣялась.

— Да нѣтъ, Маша, Константинъ Дмитричъ говоритъ, что онъ не можетъ вѣрить, — сказала Кити, краснѣя за Левина, и Левинъ понялъ это и, еще болѣе раздражившись, хотѣлъ отвѣчать, но Вронскій со своею открытою, веселою улыбкой сейчасъ же пришелъ на помощь разговору, угрожавшему сдѣлаться непріятнымъ.

— Вы совсѣмъ не допускаете возможности? — спросилъ онъ. — Почему же? Мы допускаемъ существованіе электричества, котораго мы не знаемъ; почему же не можетъ быть новая сила, еще намъ неизвѣстная, которая...

— Когда найдено было электричество, — быстро перебилъ Левинъ, — то было только открыто явленіе, и неизвѣстно было, откуда оно происходитъ и чтò оно производитъ, и вѣка прошли, прежде чѣмъ подумали о приложеніи его. Спириты же, напротивъ, начали съ того, что столики имъ пишутъ и духи къ нимъ приходятъ, а потомъ уже стали говорить, что это есть сила неизвѣстная.

Вронскій внимательно слушалъ Левина, какъ онъ всегда слушалъ, очевидно интересуясь его словами.

— Да, но спириты говорятъ теперь: мы не знаемъ, что это за сила, но сила есть, и вотъ при какихъ условіяхъ она дѣйствуетъ. А ученые пускай раскроютъ, въ чемъ состоитъ эта сила. Нѣтъ, я не вижу, почему это не можетъ быть новая сила, если она...

— А потому, — опять перебилъ Левинъ, — что при электричествѣ каждый разъ, какъ вы потрете смолу о шерсть, обнаруживается извѣстное явленіе, а здѣсь не каждый разъ, стало быть, это, — не природное явленіе.

Вѣроятно, чувствуя, что разговоръ принимаетъ слишкомъ серьезный для гостиной характеръ, Вронскій не возражалъ, а, стараясь перемѣнить предметъ разговора, весело улыбнулся и повернулся къ дамамъ.

— Давайте сейчасъ попробуемъ, графиня, — началъ онъ; но Левинъ хотѣлъ досказать то, что онъ думалъ.

— Я думаю, — продолжалъ онъ, — что эта попытка спиритовъ объяснить свои чудеса какою-то новой силой — самая неудачная. Они прямо говорятъ о силѣ духовной и хотятъ ее подвергать матеріальному опыту.

Всѣ ждали, когда онъ окончитъ, и онъ чувствовалъ это.

— А я думаю, что вы будете отличный медіумъ, — сказала графиня Нордстонъ, — въ васъ есть что-то восторженное.

Левинъ открылъ ротъ, хотѣлъ сказать что-то, покраснѣлъ и ничего не сказалъ.

— Давайте сейчасъ, княжна, испытаемъ столы, пожалуйста, — сказалъ Вронскій. — Княгиня, вы позволите?

И Вронскій всталъ, отыскивая глазами столикъ.

Кити встала за столикомъ и, проходя мимо, встрѣтилась глазами съ Левинымъ. Ей всею душой было жалко его, тѣмъ болѣе, что она жалѣла его въ несчастіи, котораго сама была причиною. «Если можно меня простить, то простите, — сказалъ ея взглядъ, — я такъ счастлива».

«Всѣхъ ненавижу, и васъ, и себя», отвѣчалъ его взглядъ, и онъ взялся за шляпу. Но ему не судьба была уйти. Только что хотѣли устраиваться около столика, а Левинъ уйти, какъ вошелъ старый князь и, поздоровавшись съ дамами, обратился къ Левину.

— А! — началъ онъ радостно. — Давно ли? Я и не зналъ, что ты тутъ. Очень радъ васъ видѣть.

Старый князь иногда *ты*, иногда *вы* говорилъ Левину. Онъ обнялъ Левина и, говоря съ нимъ, не замѣчалъ Вронскаго,

который всталъ и спокойно дожидался, когда князь обратится къ нему.

Кити чувствовала, какъ, послѣ того, что̀ произошло, любезность отца была тяжела Левину. Она видѣла также, какъ холодно отецъ ея наконецъ отвѣтилъ на поклонъ Вронскаго, и какъ Вронскій съ дружелюбнымъ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на ея отца, стараясь понять и не понимая, какъ и за что можно было быть къ нему недружелюбно расположеннымъ, и она покраснѣла.

— Князь, отпустите намъ Константина Дмитрича, — сказала графиня Нордстонъ. — Мы хотимъ опытъ дѣлать.

— Какой опытъ? столы вертѣть? Ну, извините меня, дамы и господа, но по-моему въ колечко веселѣе играть, — сказалъ старый князь, глядя на Вронскаго и догадываясь, что онъ затѣялъ это. — Въ колечкѣ есть еще смыслъ.

Вронскій посмотрѣлъ съ удивленіемъ на князя своими твердыми глазами и, чуть улыбнувшись, тотчасъ же заговорилъ съ графиней Нордстонъ о предстоящемъ на будущей недѣлѣ большомъ балѣ.

— Я надѣюсь, что вы будете? — обратился онъ къ Кити.

Какъ только старый князь отвернулся отъ него, Левинъ незамѣтно вышелъ, и послѣднее впечатлѣніе, вынесенное имъ съ этого вечера, было улыбающееся, счастливое лицо Кити, отвѣчавшей Вронскому на его вопросъ о балѣ.

XV.

Когда вечеръ кончился, Кити разсказала матери о своемъ разговорѣ съ Левинымъ, и, несмотря на всю жалость, которую она испытала къ Левину, ее радовала мысль, что ей было сдѣлано *предложеніе*. У нея не было сомнѣнія, что она поступила какъ слѣдовало. Но въ постели она долго не могла заснуть. Одно впечатлѣніе неотступно преслѣдовало ее: это было лицо Левина съ насупленными бровями и мрачно-уныло смотрящими изъ-подъ нихъ добрыми глазами, какъ онъ стоялъ, слушая отца и взглядывая на нее и на Вронскаго. И ей такъ жалко стало его, что слезы навернулись на глаза. Но тотчасъ же она подумала о томъ, на кого она промѣняла его. Она живо вспомнила это мужественное, твердое лицо, это благородное спокойствіе и свѣтящуюся во всемъ доброту ко всѣмъ; вспомнила любовь къ себѣ того, кого она любила, и ей опять стало радостно на душѣ, и она съ улыбкой счастія легла на подушку. «Жалко,

жалко, но что же дѣлать? Я не виновата», говорила она себѣ; но внутренній голосъ говорилъ ей другое. Въ томъ ли она раскаивалась, что завлекла Левина, или въ томъ, что отказала, — она не знала. Но счастіе ея было отравлено сомнѣніями. «Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй!» говорила она про себя, пока заснула.

Въ это время внизу, въ маленькомъ кабинетѣ князя, происходила одна изъ часто повторявшихся между родителями сценъ за любимую дочь.

— Что? Вотъ что! — кричалъ князь, размахивая руками и тотчасъ же запахивая свой бѣличій халатъ. — То, что въ васъ нѣтъ гордости, достоинства, что вы срамите, губите дочь этимъ сватовствомъ, подлымъ, дурацкимъ!

— Да помилуй, ради Самого Бога, князь, что я сдѣлала? — говорила княгиня, чуть не плача.

Она, счастливая, довольная послѣ разговора съ дочерью, пришла къ князю проститься по обыкновенію, и хотя она не намѣрена была говорить ему о предложеніи Левина и отказѣ Кити, но намекнула мужу на то, что ей кажется дѣло съ Вронскимъ совсѣмъ конченнымъ, что оно рѣшится, какъ только пріѣдетъ его мать. И тутъ-то, на эти слова, князь вдругъ вспыхнулъ и началъ выкрикивать неприличныя слова.

— Что вы сдѣлали? А вотъ что: во-первыхъ, вы заманиваете жениха, и вся Москва будетъ говорить, и резонно. Если вы дѣлаете вечера, такъ зовите всѣхъ, а не избранныхъ женишковъ. Позовите всѣхъ этихъ *тютьковъ* (такъ князь называлъ московскихъ молодыхъ людей), позовите тапера, и пускай пляшутъ, а не такъ, какъ нынче, — женишковъ, и сводить. Мнѣ видѣть мерзко, мерзко, и вы добились, вскружили голову дѣвчонкѣ. Левинъ въ тысячу разъ лучше человѣкъ. А это франтикъ петербургскій, ихъ на машинѣ дѣлаютъ, они всѣ на одну стать и всѣ дрянь. Да хоть бы онъ принцъ крови былъ, моя дочь ни въ комъ не нуждается.

— Да что же я сдѣлала?

— А то... — съ гнѣвомъ вскрикнулъ князь.

— Знаю я, что если тебя слушать, — перебила княгиня, — то мы никогда не отдадимъ дочь замужъ. Если такъ, то надо въ деревню уѣхать.

— И лучше уѣхать.

— Да постой. Развѣ я заискиваю? Я нисколько не заискиваю. А молодой человѣкъ, и очень хорошій, влюбился, и она, кажется...

— Да, вотъ вамъ кажется! А какъ она въ самомъ дѣлѣ влюбится, а онъ столько же думаетъ жениться, какъ я?.. Охъ! не

смотрѣли бы мои глаза!.. «Ахъ, спиритизмъ! ахъ, Ницца! ахъ, на балѣ...» — И князь, воображая, что онъ представляетъ жену, присѣдалъ на каждомъ словѣ. — А вотъ, какъ сдѣлаемъ несчастіе Катеньки, какъ она въ самомъ дѣлѣ заберетъ въ голову...

— Да почему же ты думаешь?

— Я не думаю, а знаю; на это глаза есть у насъ, а не у бабъ. Я вижу человѣка, который имѣетъ намѣренія серьезныя: это Левинъ; и вижу перепела, какъ этотъ щелкоперъ, которому только повеселиться.

— Ну, ужъ ты заберешь въ голову...

— А вотъ вспомнишь, да поздно, какъ съ Дашенькой.

— Ну, хорошо, хорошо, не будемъ говорить, — остановила его княгиня, вспомнивъ про несчастную Долли.

— И прекрасно, и прощай!

И, перекрестивъ другъ друга и поцѣловавшись, но чувствуя, что каждый остался при своемъ мнѣніи, супруги разошлись.

Княгиня была сперва твердо увѣрена, что нынѣшній вечеръ рѣшилъ судьбу Кити и что не можетъ быть сомнѣнія въ намѣреніяхъ Вронскаго; но слова мужа смутили ее. И, вернувшись къ себѣ, она, точно такъ же какъ и Кити, съ ужасомъ предъ неизвѣстностью будущаго нѣсколько разъ повторила въ душѣ: «Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй!»

XVI.

Вронскій никогда не зналъ семейной жизни. Мать его была въ молодости блестящая свѣтская женщина, имѣвшая во время замужества, и въ особенности послѣ, много романовъ, извѣстныхъ всему свѣту. Отца своего онъ почти не помнилъ и былъ воспитанъ въ пажескомъ корпусѣ.

Выйдя очень молодымъ блестящимъ офицеромъ изъ школы, онъ сразу попалъ въ колею богатыхъ петербургскихъ военныхъ. Хотя онъ и ѣздилъ изрѣдка въ петербургскій свѣтъ, всѣ любовные интересы его были внѣ свѣта.

Въ Москвѣ въ первый разъ онъ испыталъ, послѣ роскошной и грубой петербургской жизни, прелесть сближенія со свѣтскою милою и невинною дѣвушкой, которая полюбила его. Ему и въ голову не приходило, чтобы могло быть что-нибудь дурное и въ его отношеніяхъ къ Кити. На балахъ онъ танцовалъ преимущественно съ нею; онъ ѣздилъ къ нимъ въ домъ. Онъ говорилъ съ нею то, что обыкновенно говорятъ въ свѣтѣ:

всякій вздоръ, но вздоръ, которому онъ невольно придавалъ особенный для нея смыслъ. Несмотря на то, что онъ ничего не сказалъ ей такого, чего не могъ бы сказать при всѣхъ, онъ, чувствовалъ, что она все болѣе и болѣе становилась въ зависимость отъ него, и чѣмъ больше онъ это чувствовалъ, тѣмъ ему было пріятнѣе, и его чувство къ ней становилось нѣжнѣе. Онъ не зналъ, что его образъ дѣйствій относительно Кити имѣетъ опредѣленное названіе, что это есть заманиваніе барышенъ безъ намѣренія жениться и что это заманиваніе есть одинъ изъ дурныхъ поступковъ, обыкновенныхъ между блестящими молодыми людьми, какъ онъ. Ему казалось, что онъ первый открылъ это удовольствіе, и онъ наслаждался своимъ открытіемъ.

Если бы онъ могъ слышать, что говорили ея родители въ этотъ вечеръ, если бы онъ могъ перенестись на точку зрѣнія семьи и узнать, что Кити будетъ несчастна, если онъ не женится на ней, онъ бы очень удивился и не повѣрилъ бы этому. Онъ не могъ повѣрить тому, чтобы то, что доставляло такое большое и хорошее удовольствіе ему, а главное ей, могло быть дурно. Еще меньше онъ могъ бы повѣрить тому, что онъ долженъ жениться.

Женитьба для него никогда не представлялась возможностью. Онъ не только не любилъ семейной жизни, но въ семьѣ, и въ особенности въ мужѣ, по общему взгляду холостого міра, въ которомъ онъ жилъ, онъ представлялъ нѣчто чуждое, враждебное, а всего болѣе—смѣшное. Но хотя Вронскій и не подозрѣвалъ того, что говорили родители, онъ, выйдя въ этотъ вечеръ отъ Щербацкихъ, почувствовалъ, что та духовная тайная связь, которая существовала между нимъ и Кити, утвердилась нынѣшній вечеръ такъ сильно, что надо предпринять что-то.Но что можно и что должно было предпринять, онъ не могъ придумать.

«То и прелестно,—думалъ онъ, возвращаясь отъ Щербацкихъ и вынося отъ нихъ, какъ и всегда, пріятное чувство чистоты и свѣжести, происходившее отчасти и отъ того, что онъ не курилъ цѣлый вечеръ, и вмѣстѣ новое чувство умиленія предъ ея къ себѣ любовью,—то и прелестно, что ничего не сказано ни мною, ни ею, но мы такъ понимали другъ друга въ этомъ невидимомъ разговорѣ взглядовъ и интонацій, что нынче яснѣе, чѣмъ когда-нибудь, она сказала мнѣ, что любитъ. И какъ мило, просто и, главное, довѣрчиво! Я самъ себя чувствую лучше, чище. Я чувствую, что у меня есть сердце и что есть во мнѣ много хорошаго. Эти милые влюбленные глаза! Когда она сказала: *и очень...*»

«Ну такъ что жъ? Ну и ничего. Мнѣ хорошо, и ей хорошо». И онъ задумался о томъ, гдѣ ему кончить нынѣшній вечеръ.

Онъ прикинулъ воображеніемъ мѣста, куда онъ могъ бы ѣхать. «Клубъ? партія безика, шампанское съ Игнатовымъ? Нѣтъ, не поѣду. Château des fleurs, тамъ найду Облонскаго, куплеты, cancan? Нѣтъ надоѣло. Вотъ именно за то я люблю Щербацкихъ, что самъ лучше дѣлаюсь. Поѣду домой». Онъ прошелъ прямо въ свой номеръ у Дюссо, велѣлъ подать себѣ ужинать и потомъ, раздѣвшись, только успѣлъ положить голобу на подушку, заснулъ крѣпкимъ сномъ.

XVII.

На другой день въ 11 часовъ утра Вронскій выѣхалъ на станцію петербургской желѣзной дороги встрѣчать мать, и первое лицо, попавшееся ему на ступенькахъ большой лѣстницы, былъ Облонскій, ожидавшій съ этимъ же поѣздомъ сестру.

— А! ваше сіятельство!—крикнулъ Облонскій.—Ты за кѣмъ?

— Я за матушкой, — улыбаясь, какъ и всѣ, кто встрѣчался съ Облонскимъ, отвѣчалъ Вронскій, пожимая ему руку, и вмѣстѣ съ нимъ взошелъ на лѣстницу. — Она нынче должна быть изъ Петербурга.

— А я тебя ждалъ до двухъ часовъ. Куда же ты поѣхалъ отъ Щербацкихъ?

— Домой, — отвѣчалъ Вронскій. — Признаться, мнѣ такъ было пріятно вчера послѣ Щербацкихъ, что никуда не хотѣлось.

— Узнаю коней ретивыхъ по какимъ-то ихъ таврамъ, юношей влюбленныхъ узнаю по ихъ глазамъ, — продекламировалъ Степанъ Аркадьевичъ точно такъ же, какъ прежде Левину.

Вронскій улыбнулся съ такимъ видомъ, что онъ не отрекается отъ этого, но тотчасъ же перемѣнилъ разговоръ.

— А ты кого встрѣчаешь? — спросилъ онъ.

— Я? я хорошенькую женщину, — сказалъ Облонскій.

— Вотъ какъ!

— Honni soit qui mal y pense! Сестру Анну.

— Ахъ, это Каренину! — сказалъ Вронскій.

— Ты ее вѣрно знаешь?

— Кажется, знаю! Или нѣтъ... Право, не помню, — разсѣянно отвѣчалъ Вронскій, смутно представляя себѣ при имени Карениной что-то чопорное и скучное.

— Но Алексѣя Александровича, моего знаменитаго зятя, вѣрно знаешь. Его весь міръ знаетъ.

— То-есть знаю по репутаціи и по виду. Знаю, что онъ умный, ученый, божественный что-то... Но ты знаешь, это не въ моей... not in my line, — сказалъ Вронскій.

— Да, онъ очень замѣчательный человѣкъ; немножко консерваторъ, но славный человѣкъ, — замѣтилъ Степанъ Аркадьевичъ, — славный человѣкъ.

— Ну, и тѣмъ лучше для него, — сказалъ Вронскій, улыбаясь. — А, ты здѣсь, — обратился онъ къ высокому старому лакею матери, стоявшему у двери; — войди сюда.

Вронскій въ это послѣднее время, кромѣ общей для всѣхъ пріятности Степана Аркадьевича, чувствовалъ себя привязаннымъ къ нему еще тѣмъ, что онъ въ его воображеніи соединялся съ Кити.

— Ну, что жъ, въ воскресенье сдѣлаемъ ужинъ для *дивы?* — сказалъ онъ ему, съ улыбкой взявъ его подъ руку.

— Непремѣнно. Я соберу подписку. Ахъ, познакомился ты вчера съ моимъ пріятелемъ Левинымъ? — спросилъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Какъ же. Но онъ что-то скоро уѣхалъ.

— Онъ славный малый, — продолжалъ Облонскій. — Не правда ли?

— Я не знаю, — отвѣчалъ Вронскій, — отчего это во всѣхъ москвичахъ, разумѣется, исключая тѣхъ, съ кѣмъ говорю, — шутливо вставилъ онъ, — есть что-то рѣзкое. Что-то они все па дыбы становятся, сердятся, какъ будто все хотятъ дать почувствовать что-то.

— Есть это, правда, есть... — весело смѣясь, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Что, скоро ли? — обратился Вронскій къ служащему.

— Поѣздъ вышелъ, — отвѣчалъ служитель.

Приближеніе поѣзда все болѣе и болѣе обозначалось движеніемъ приготовленій на станціи, бѣганьемъ артельщиковъ, появленіемъ жандармовъ и служащихъ и подъѣздомъ встрѣчающихъ. Сквозь морозный паръ виднѣлись рабочіе въ полушубкахъ, въ мягкихъ валеныхъ сапогахъ, переходившіе черезъ рельсы загибающихся путей. Слышался свистъ паровика на дальнихъ рельсахъ и передвиженіе чего-то тяжелаго.

— Нѣтъ, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, которому очень хотѣлось разсказать Вронскому о намѣреніяхъ Левина относительно Кити. — Нѣтъ! ты не вѣрно оцѣнилъ моего Левина. Онъ очень нервный человѣкъ и бываетъ непріятенъ, правда, но зато иногда онъ бываетъ очень милъ. Это такая честная, правдивая натура и сердце золотое. Но вчера были особенныя причины, —

съ значительною улыбкой продолжалъ Степанъ Аркадьевичъ, совершенно забывая то искреннее сочувствіе, которое онъ вчера испытывалъ къ своему пріятелю, и теперь испытывая такое же, только къ Вронскому. — Да, была причина, почему онъ могъ быть или особенно счастливъ, или особенно несчастливъ.

Вронскій остановился и прямо спросилъ:

— То-есть что̀ же? Или онъ вчера сдѣлалъ предложеніе твоей belle soeur?..

— Можетъ быть, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ. — Что-то мнѣ показалось такое вчера. Да, если онъ рано уѣхалъ и былъ еще не въ духѣ, то это такъ... Онъ такъ давно влюбленъ, и мнѣ его очень жаль.

— Вотъ какъ!.. Я думаю, впрочемъ, что она можетъ разсчитывать на лучшую партію, — сказалъ Вронскій и, выпрямивъ грудь, опять принялся ходить. — Впрочемъ, я его не знаю,— прибавилъ онъ. — Да, это тяжелое положеніе! Отъ этого-то большинство и предпочитаетъ знаться съ Кларами. Тамъ неудача доказываетъ только, что у тебя недостало денегъ, а здѣсь — твое достоинство на вѣсахъ. Однако вотъ и поѣздъ.

Дѣйствительно, вдали уже свистѣлъ паровозъ. Черезъ нѣсколько минутъ платформа задрожала, и, пыхая сбиваемымъ книзу отъ мороза паромъ, прокатился паровозъ съ медленно и мѣрно нагибающимся и растягивающимся рычагомъ средняго колеса и съ кланяющимся, обвязаннымъ, заиндевѣлымъ машинистомъ; а за тендеромъ, все медленнѣе и болѣе потрясая платформу, сталъ подходить вагонъ съ багажомъ и съ визжавшею собакой; наконецъ, подрагивая передъ остановкой, подошли пассажирскіе вагоны.

Молодцеватый кондукторъ, на ходу давая свистокъ, соскочилъ, и вслѣдъ за нимъ стали по одному сходить нетерпѣливые пассажиры: гвардейскій офицеръ, держась прямо и строго оглядываясь; вертлявый купчикъ съ сумкой, весело улыбаясь; мужикъ съ мѣшкомъ черезъ плечо.

Вронскій, стоя рядомъ съ Облонскимъ, оглядывалъ вагоны и выходившихъ и совершенно забылъ о матери. То, что онъ сейчасъ узналъ про Кити, возбуждало и радовало его. Грудь его невольно выпрямлялась, и глаза блестѣли. Онъ чувствовалъ себя побѣдителемъ.

— Графиня Вронская въ этомъ отдѣленіи, — сказалъ молодцеватый кондукторъ, подходя къ Вронскому.

Слова кондуктора разбудили его и заставили вспомнить о матери и предстоящемъ свиданіи съ ней. Онъ въ душѣ своей не уважалъ матери и, не отдавая себѣ въ томъ отчета, не любилъ

ея, хотя по понятіямъ того круга, въ которомъ жилъ, по воспитанію своему, не могъ себѣ представить другихъ къ матери отношеній, какъ въ высшей степени покорныхъ и почтительныхъ, и тѣмъ болѣе внѣшне покорныхъ и почтительныхъ, чѣмъ менѣе въ душѣ онъ уважалъ и любилъ ее.

XVIII.

Вронскій пошелъ за кондукторомъ въ вагонъ и при входѣ въ отдѣленіе остановился, чтобы дать дорогу выходившей дамѣ. Съ привычнымъ тактомъ свѣтскаго человѣка, по одному взгляду на внѣшность этой дамы Вронскій опредѣлилъ ея принадлежность къ высшему свѣту. Онъ извинился и пошелъ было въ вагонъ, но почувствовалъ необходимость еще разъ взглянуть на нее — не потому, что она была очень красива, не по тому изяществу и скромной граціи, которыя видны были во всей ея фигурѣ, но потому, что въ выраженіи миловиднаго лица, когда она прошла мимо него, было что-то особенно ласковое и нѣжное. Когда онъ оглянулся, она тоже повернула голову. Блестящіе, казавшіеся темными отъ густыхъ рѣсницъ, сѣрые глаза дружелюбно, внимательно остановились на его лицѣ, какъ будто она признавала его, и тотчасъ же перенеслись на проходившую толпу, какъ бы ища кого-то. Въ этомъ короткомъ взглядѣ Вронскій успѣлъ замѣтить сдержанную оживленность, которая играла въ ея лицѣ и порхала между блестящими глазами и чуть замѣтною улыбкой, изгибавшею ея румяныя губы. Какъ будто избытокъ чего-то такъ переполнялъ ея существо, что мимо ея воли выражался то въ блескѣ взгляда, то въ улыбкѣ. Она потушила умышленно свѣтъ въ глазахъ, но онъ свѣтился противъ ея воли въ чуть замѣтной улыбкѣ.

Вронскій вошелъ въ вагонъ. Мать его, сухая старушка съ черными глазами и букольками, щурилась, вглядываясь въ сына, и слегка улыбалась тонкими губами. Поднявшись съ диванчика и передавъ горничной мѣшочекъ, она подала маленькую сухую руку сыну, и, поднявъ его голову отъ руки, поцѣловала его въ лицо.

— Получилъ телеграмму? Здоровъ? Слава Богу.

— Хорошо доѣхали? — сказалъ сынъ, садясь подлѣ нея и невольно прислушиваясь къ женскому голосу изъ-за двери. Онъ зналъ, что это былъ голосъ той дамы, которая встрѣтилась ему при входѣ.

— Я все-таки съ вами несогласна, — говорилъ голосъ дамы.

— Петербургскій взглядъ, сударыня.

— Не петербургскій, а просто женскій, — отвѣчала она.

— Ну-съ, позвольте поцѣловать вашу ручку.

— До свиданія, Иванъ Петровичъ. Да посмотрите, не тутъ ли братъ, и пошлите его ко мнѣ, — сказала дама у самой двери и снова вошла въ отдѣленіе.

— Что жь нашли брата? — сказала Вронская, обращаясь къ дамѣ.

Вронскій вспомнилъ теперь, что это была Каренина.

— Вашъ братъ здѣсь, — сказалъ онъ, вставая. — Извините меня, я не узналъ васъ, да и наше знакомство было такъ коротко,—сказалъ Вронскій, кланяясь,—что вы, вѣрно, не помните меня.

— О, нѣтъ! — сказалъ она, — я бы узнала васъ, потому что мы съ вашею матушкой, кажется, всю дорогу говорили только о васъ, — сказала она, позволяя, наконецъ, просившемуся наружу оживленію выразиться въ улыбкѣ. — А брата моего всетаки нѣтъ.

— Позови же его, Алеша, — сказала старая графиня.

Вронскій вышелъ на платформу и крикнулъ:

— Облонскій! здѣсь!

Но Каренина не дождалась брата, а увидѣвъ его, рѣшительнымъ легкимъ шагомъ вышла изъ вагона. И какъ только братъ подошелъ къ ней, она движеніемъ, поразившимъ Вронскаго своей рѣшительностью и граціей, обхватила брата лѣвою рукой за шею, быстро притянула къ себѣ и крѣпко поцѣловала. Вронскій, не спуская глазъ, смотрѣлъ на нее и, самъ не зная чему, улыбался. Но, вспомнивъ, что мать ждала его, онъ опять вошелъ въ вагонъ.

— Не правда ли, очень мила? — сказала графиня про Каренину. — Ее мужъ со мной посадилъ, и я очень рада была. Всю дорогу мы съ ней проговорили. Ну, а ты, говорятъ... vous filez le parfait amour. Tant mieux, mon cher, tant miex.

— Я не знаю, на чтò вы намекаете, maman, — отвѣчалъ сынъ холодно. — Что жъ, maman, идемъ.

Каренина опять вошла въ вагонъ, чтобы проститься съ графиней.

— Ну вотъ, графиня, вы встрѣтили сына, а я брата, — весело сказала она. — И всѣ исторіи мои истощились, дальше нечего было бы разсказывать.

— Ну, нѣтъ, — сказала графиня, взявъ ее за руку, — я бы съ вами объѣхала вокругъ свѣта и не соскучилась бы. Вы — одна изъ тѣхъ милыхъ женщинъ, съ которыми и поговорить,

и помолчать пріятно. А о сынѣ вашемъ, пожалуйста, не думайте: нельзя же никогда не разлучаться.

Каренина стояла неподвижно, держась чрезвычайно прямо, и глаза ея улыбались.

— У Анны Аркадьевны,—сказала графиня, объясняя сыну,— есть сынокъ, восьми лѣтъ кажется, и она никогда съ нимъ не разлучалась, и все мучается, что оставила его.

— Да, мы все время съ графиней говорили: я о своемъ сынѣ, она о своемъ сынѣ, — сказала Каренина, и опять улыбка освѣтила ея лицо, улыбка ласковая, относившаяся къ нему.

— Вѣроятно, это вамъ очень наскучило, — сказалъ онъ, сейчасъ, на лету подхватывая этотъ мячъ кокетства, который она бросила ему. Но она видимо не хотѣла продолжать разговора въ этомъ тонѣ и обратилась къ старой графинѣ:

— Очень благодарю васъ. Я и не видала, какъ провела вчерашній день. До свиданія, графиня.

— Прощайте, мой дружокъ, — отвѣчала графиня. —Дайте поцѣловать ваше хорошенькое личико. Я просто, по-старушечьи, прямо говорю, что полюбила васъ.

Какъ ни казенна была эта фраза, Каренина, видимо, отъ души повѣрила и порадовалась этому. Она покраснѣла, слегка нагнулась, подставила свое лицо губамъ графини, опять выпрямилась и съ тою же улыбкой, волновавшеюся между губами и глазами, подала руку Вронскому. Онъ пожалъ маленькую ему поданную руку и, какъ чему-то особенному, обрадовался тому энергическому пожатію, съ которымъ она крѣпко и смѣло тряхнула его руку. Она вышла быстрою походкой, такъ странно легко носившею ея довольно полное тѣло.

— Очень мила, — сказала старушка.

То же самое думалъ ея сынъ. Онъ провожалъ ее глазами до тѣхъ поръ, пока не скрылась ея граціозная фигура, и улыбка остановилась на его лицѣ. Въ окно онъ видѣлъ, какъ она подошла къ брату, положила ему руку на руку и что-то оживленно начала говорить ему, очевидно о чемъ-то не имѣющемъ ничего общаго съ нимъ, съ Вронскимъ, и ему это показалось досаднымъ.

— Ну, что, maman, вы совершенно здоровы?—повторилъ онъ, обращаясь къ матери.

— Все хорошо, прекрасно. Alexandre очень былъ милъ. И Marie очень хороша стала. Она очень интересна.

И опять она начала разсказывать о томъ, что̀ болѣе всего интересовало ее: о крестинахъ внука, для которыхъ она ѣздила

въ Петербургъ, и про особенную милость государя къ старшему сыну.

— Вотъ и Лаврентій, — сказалъ Вронскій, глядя въ окно,— теперь пойдемте, если угодно.

Старый дворецкій, ѣхавшій съ графиней, явился въ вагонъ доложить, что все готово, и графиня поднялась, чтобъ идти.

— Пойдемте, теперь мало народа, — сказалъ Вронскій.

Дѣвушка взяла мѣшокъ и собачку, дворецкій и артельщикъ— другіе мѣшки. Вронскій взялъ подъ руку мать; но когда они уже выходили изъ вагона, вдругъ нѣсколько человѣкъ съ испуганными лицами пробѣжали мимо. Пробѣжалъ и начальникъ станціи въ своей необыкновеннаго цвѣта фуражкѣ. Очевидно, что-то случилось необыкновенное. Народъ отъ поѣзда бѣжалъ назадъ.

«Что?.. что?.. гдѣ?.. бросился!.. задавило!..» слышалось между проходившими.

Степанъ Аркадьевичъ съ сестрой подъ руку, тоже съ испуганными лицами, вернулись и остановились, избѣгая народа, у входа въ вагонъ.

Дамы вошли въ вагонъ, а Вронскій со Степаномъ Аркадьевичемъ пошли за народомъ узнавать подробности несчастія.

Сторожъ, былъ ли онъ пьянъ, или слишкомъ закутанъ отъ сильнаго мороза, не слыхалъ отодвигаемаго задомъ поѣзда, и его раздавили.

Еще прежде, чѣмъ вернулись Вронскій и Облонскій, дамы узнали эти подробности отъ дворецкаго.

Облонскій и Вронскій оба видѣли обезображенный трупъ. Облонскій, видимо, страдалъ. Онъ морщился и, казалось, готовъ былъ плакать.

— Ахъ, какой ужасъ! Ахъ, Анна, если бы ты видѣла! Ахъ, какой ужасъ! — приговаривалъ онъ.

Вронскій молчалъ, и красивое лицо его было серьезно, но совершенно спокойно.

— Ахъ, если бы вы видѣли, графиня, — говорилъ Степанъ Аркадьевичъ. — И жена его тутъ... Ужасно видѣть ее... Она бросилась на тѣло. Говорятъ, онъ одинъ кормилъ огромное семейство. Вотъ ужасъ.

— Нельзя ли что-нибудь сдѣлать для нея? — взволнованнымъ шопотомъ сказала Каренина.

Вронскій взглянулъ на нее и тотчасъ же вышелъ изъ вагона.

— Я сейчасъ приду, maman, — прибавилъ онъ, оборачиваясь въ дверяхъ.

Когда онъ возвратился черезъ нѣсколько минутъ, Степанъ Аркадьевичъ уже разговаривалъ съ графиней о новой пѣвицѣ, а графиня нетерпѣливо оглядывалась на дверь, ожидая сына.

— Теперь пойдемте, — сказалъ Вронскій. входя.

Они вмѣстѣ вышли. Вронскій шелъ впереди съ матерью. Сзади шла Каренина съ братомъ. У выхода къ Вронскому подошелъ догнавшій его начальникъ станціи.

— Вы передали моему помощнику двѣсти рублей. Потрудитесь обозначить, кому вы назначаете ихъ?

— Вдовѣ, — сказалъ Вронскій, пожимая плечами. — Я не понимаю, о чемъ спрашивать.

— Вы дали? — крикнулъ сзади Облонскій и, прижавъ руку сестры, прибавилъ: — Очень мило, очень мило! Не правда ли, славный малый? Мое почтеніе, графиня.

И онъ съ сестрой остановился, отыскивая ея дѣвушку.

Когда они вышли, карета Вронскихъ уже отъѣхала. Входившіе люди все еще переговаривались о томъ, что случилось.

— Вотъ смерть-то ужасная, — сказалъ какой-то господинъ, проходя мимо. — Говорятъ, на два куска.

— Я думаю, напротивъ, самая легкая, мгновенная, — замѣтилъ другой.

— Какъ это не примутъ мѣръ, — говорилъ третій.

Каренина сѣла въ карету, и Степанъ Аркадьевичъ съ удивленіемъ увидалъ, что губы ея дрожатъ, и она съ трудомъ удерживаетъ слезы.

— Что съ тобой, Анна? — спросилъ онъ, когда они отъѣхали нѣсколько сотъ саженъ.

— Дурное предзнаменованіе, — сказала она.

— Какіе пустяки, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ. — Ты пріѣхала, это главное. Ты не можешь представить себѣ, какъ я надѣюсь на тебя.

— А ты давно знаешь Вронскаго? — спросила она.

— Да. Ты знаешь, мы надѣемся, что онъ женится на Кити.

— Да? — тихо сказала Анна. — Ну! теперь давай говорить о тебѣ, — прибавила она, встряхивая головой, какъ будто хотѣла физически отогнать что-то лишнее и мѣшавшее ей. — Давай говорить о твоихъ дѣлахъ. Я получила твое письмо и вотъ пріѣхала.

— Да, вся надежда на тебя, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Ну, разскажи мнѣ все.

И Степанъ Аркадьевичъ сталъ разсказывать.

Подъѣхавъ къ дому, Облонскій высадилъ сестру, вздохнулъ, пожалъ ея руку и отправился въ присутствіе.

XIX.

Когда Анна вошла въ комнату, Долли сидѣла въ маленькой гостиной съ бѣлоголовымъ пухлымъ мальчикомъ, уже теперь похожимъ на отца, и слушала его урокъ изъ французскаго чтенія. Мальчикъ читалъ, вертя въ рукѣ и стараясь оторвать чуть державшуюся пуговицу курточки. Мать нѣсколько разъ отнимала руку, но пухлая ручонка опять бралась за пуговицу. Мать оторвала пуговицу и положила ее въ карманъ.

— Успокой руки, Гриша, — сказала она и опять взялась за свое одѣяло, давнишнюю работу, за которую она всегда бралась въ тяжелыя минуты и теперь вязала нервно, закидывая пальцемъ и считая петли. Хотя она и велѣла вчера сказать мужу, что ей дѣла нѣтъ до того, пріѣдетъ или не пріѣдетъ его сестра, она все приготовила къ ея пріѣзду и съ волненіемъ ждала золовку.

Долли была убита своимъ горемъ, вся поглощена имъ. Однако она помнила, что Анна, золовка, была жена одного изъ важнѣйшихъ лицъ въ Петербургѣ и петербургская grande dame. И, благодаря этому обстоятельству, она не исполнила сказаннаго мужу, то-есть не забыла, что пріѣдетъ золовка. «Да, наконецъ, Анна ни въ чемъ не виновата,—думала Долли. — Я о ней ничего, кромѣ самаго хорошаго, не знаю, и въ отношеніи къ себѣ я видѣла отъ нея только ласку и дружбу». Правда, сколько она могла запомнить свое впечатлѣніе въ Петербургѣ у Карениныхъ, ей не нравился самый домъ ихъ: что-то было фальшивое во всемъ складѣ ихъ семейнаго быта. «Но за что же я не приму ее? Только бы не вздумала она утѣшать меня! — думала Долли. — Всѣ утѣшенія, и увѣщанія, и прощенія христіанскія— все это я ужъ тысячу разъ передумала, и все это не годится».

Всѣ эти дни Долли была одна съ дѣтьми. Говорить о своемъ горѣ она не хотѣла, а съ этимъ горемъ на душѣ говорить о постороннемъ она не могла. Она знала, что такъ или иначе она Аннѣ выскажетъ все, и то ее радовало мысль о томъ, какъ она выскажетъ, то злила необходимость говорить о своемъ униженіи съ ней, его сестрой, и слышать отъ нея готовыя фразы увѣщанія и утѣшенія.

Она, какъ часто бываетъ, глядя на часы, ждала ее каждую минуту и пропустила именно ту, когда гостья пріѣхала, такъ что не слыхала звонка.

Услыхавъ шумъ платья и легкихъ шаговъ уже въ дверяхъ, она оглянулась, и на измученномъ лицѣ ея невольно выразилось не радость, а удивленіе. Она встала и обняла золовку.

— Какъ, ужъ пріѣхала? — сказала она, цѣлуя ее.

— Долли, какъ я рада тебя видѣть!

— И я рада, — слабо улыбаясь и стараясь по выраженію лица Анны узнать, знаетъ ли она, сказала Долли. «Вѣрно, знаетъ», подумала она, замѣтивъ соболѣзнованіе на лицѣ Анны.— Ну, пойдемъ, я тебя проведу въ твою комнату, — продолжала она, стараясь отдалить сколько возможно, минуту объясненія.

— Это Гриша? Боже мой, какъ онъ выросъ! — сказала Анна и, поцѣловавъ его, не спуская глазъ съ Долли, остановилась и покраснѣла. — Нѣтъ, позволь никуда не ходить.

Она сняла платокъ, шляпу и, зацѣпивъ ею за прядь своихъ черныхъ, вездѣ вьющихся волосъ, мотая головой, отцѣпляла волосы.

— А ты сіяешь счастьемъ и здоровьемъ! — сказала Долли почти съ завистью.

— Я?.. Да, — сказала Анна. — Боже мой, Таня! Ровесница Сережѣ моему,— прибавила она, обращаясь ко вбѣжавшей дѣвочкѣ. Она взяла ее на руки и поцѣловала. — Прелестная дѣвочка, прелесть! Покажи же мнѣ всѣхъ.

Она называла ихъ и припоминала не только имена, но годы, мѣсяцы, характеры, болѣзни всѣхъ дѣтей, и Долли не могла не оцѣнить этого.

— Ну, такъ пойдемъ къ нимъ, — сказала она. — Вася спитъ теперь, жалко.

Осмотрѣвъ дѣтей, онѣ сѣли, уже однѣ, въ гостиной предъ кофеемъ. Анна взялась за подносъ и потомъ отодвинула его.

— Долли, — сказала она, — онъ говорилъ мнѣ.

Долли холодно посмотрѣла на Анну. Она ждала теперь притворно сочувственныхъ фразъ; но Анна ничего такого не сказала.

— Долли, милая! — сказала она, — я не хочу ни говорить тебѣ за него, ни утѣшать; это нельзя. Но, душенька, мнѣ просто жалко, жалко тебя всею душой!

Изъ-за густыхъ рѣсницъ ея блестящихъ глазъ вдругъ показались слезы. Она пересѣла ближе къ невѣсткѣ и взяла ея руку своею энергическою маленькою рукой. Долли не отстранилась, но лицо ея не измѣняло своего сухого выраженія. Она сказала:

— Утѣшить меня нельзя. Все потеряно послѣ того, что̀ было, все пропало!

И, какъ только она сказала это, выраженіе лица ея вдругъ смягчилось. Анна подняла сухую, худую руку Долли, поцѣловала ее и сказала:

— Но, Долли, что же дѣлать, что же дѣлать? Какъ лучше поступить въ этомъ ужасномъ положеніи? — вотъ о чемъ надо подумать.

— Все кончено, и больше ничего, — сказала Долли. — И хуже всего то, ты пойми, что я не могу его бросить: дѣти, я связана. А съ нимъ жить я не могу, мнѣ мука видѣть его.

— Долли, голубчикъ, онъ говорилъ мнѣ, но я отъ тебя хочу слышать, скажи мнѣ все.

Долли посмотрѣла на нее вопросительно.

Участіе и любовь непритворныя видны были на лицѣ Анны.

— Изволь, — вдругъ сказала она. — Но я скажу сначала. Ты знаешь, какъ я вышла замужъ. Я съ воспитаніемъ maman не только была невинна, но я была глупа. Я ничего не знала. Говорятъ, я знаю, мужья разсказываютъ женамъ свою прежнюю жизнь, но Стива... — она поправилась: — Степанъ Аркадьичъ ничего не сказалъ мнѣ. Ты не повѣришь, но я до сихъ поръ думала, что я одна женщина, которую онъ зналъ. Такъ я жила восемь лѣтъ. Ты пойми, что я не только не подозрѣвала невѣрности, но что я считала это невозможнымъ, и тутъ, представь себѣ, съ такими понятіями узнать вдругъ весь ужасъ, всю гадость... Ты пойми меня. Быть увѣренной вполнѣ въ своемъ счастіи, и вдругъ...—продолжала Долли, удерживая рыданія,—и получить письмо... письмо его къ своей любовницѣ, къ моей гувернанткѣ. Нѣтъ, это слишкомъ ужасно!—Она поспѣшно вынула платокъ и закрыла имъ лицо. — Я понимаю еще увлеченіе, — продолжала она, помолчавъ,—но обдуманно, хитро обманывать меня... съ кѣмъ же?.. Продолжать быть моимъ мужемъ вмѣстѣ съ нею... это ужасно! Ты не можешь понять...

— О, нѣтъ, я понимаю! Понимаю, милая Долли, понимаю,— говорила Анна, пожимая ея руку.

— И ты думаешь, что онъ понимаетъ весь ужасъ моего положенія? — продолжала Долли. — Нисколько! Онъ счастливъ и доволенъ.

— О, нѣтъ! — быстро перебила Анна. — Онъ жалокъ, онъ убитъ раскаяніемъ...

— Способенъ ли онъ къ раскаянію? — перебила Долли, внимательно вглядываясь въ лицо золовки.

— Да, я его знаю. Я не могла безъ жалости смотрѣть на него. Мы его обѣ знаемъ. Онъ добръ, но онъ гордъ, а теперь такъ униженъ. Главное, что меня тронуло... (и тутъ Анна угадала главное, что могло тронуть Долли) его мучаютъ двѣ вещи: то, что ему стыдно дѣтей, и то, что онъ, любя тебя... да, да, любя больше всего на свѣтѣ, — поспѣшно перебила она хотѣвшую

возражать Долли, — сдѣлалъ тебѣ больно, убилъ тебя. «Нѣтъ, нѣтъ, она не проститъ», все говоритъ онъ.

Долли задумчиво смотрѣла мимо золовки, слушая ея слова.

— Да, я понимаю, что положеніе его ужасно: виноватому хуже, чѣмъ невинному, — сказала она, — если онъ чувствуетъ, что отъ вины его все несчастіе. Но какъ же простить, какъ мнѣ опять быть его женой послѣ нея. Мнѣ жить съ нимъ теперь будетъ мученіе, именно потому, что я люблю свою прошедшую любовь къ нему...

И рыданія прервали ея слова.

Но, какъ будто нарочно, каждый разъ, какъ она смягчалась, она начинала опять говорить о томъ, что раздражало ее.

— Она вѣдь молода, вѣдь она красива, — продолжала она.— Ты понимаешь ли, Анна, что у меня моя молодость, красота взяты... кѣмъ? Имъ и его дѣтьми. Я отслужила ему, и на этой службѣ ушло все мое, и ему теперь, разумѣется, свѣжее, пошлое существо пріятнѣе. Они, вѣрно, говорили между собой обо мнѣ, или, еще хуже, умалчивали... ты понимаешь?

Опять ненавистью зажглись ея глаза.

— И послѣ этого онъ будетъ говорить мнѣ... Что жъ, я буду вѣрить ему? Никогда. Нѣтъ, ужъ кончено все, все, что составляло утѣшеніе, награду труда, мукъ... Ты повѣришь ли? я сейчасъ учила Гришу: прежде это бывало радость, теперь мученіе. Зачѣмъ я стараюсь, тружусь? Зачѣмъ дѣти? Ужасно то, что вдругъ душа моя перевернулась, и вмѣсто любви, нѣжности у меня къ нему одна злоба, да, злоба. Я бы убила его и...

— Душенька, Долли, я понимаю, но не мучь себя. Ты такъ оскорблена, такъ возбуждена, что ты многое видишь не такъ.

Долли затихла, и онѣ минуты двѣ помолчали.

— Что дѣлать, подумай, Анна, помоги. Я все передумала и ничего не вижу.

Анна ничего не могла придумать, но сердце ея прямо отзывалось на каждое слово, на каждое выраженіе лица невѣстки.

— Я одно скажу, — начала Анна: — я его сестра, я знаю его характеръ, эту способность все, все забыть (она сдѣлала жестъ передъ лбомъ), эту способность полнаго увлеченія, но зато и полнаго раскаянія. Онъ не вѣритъ, не понимаетъ теперь, какъ онъ могъ сдѣлать то, что сдѣлалъ.

— Нѣтъ, онъ понимаетъ, онъ понималъ!— перебила Долли.— Но я... ты забываешь меня... развѣ мнѣ легче?

— Постой. Когда онъ говорилъ мнѣ, признаюсь тебѣ, я не понимала еще всего ужаса твоего положенія. Я видѣла только его и то, что семья разстроена; мнѣ его жалко было; но, по-

говоривъ съ тобой, я, какъ женщина, вижу другое; я вижу твои страданія, и мнѣ, не могу тебѣ сказать, какъ жаль тебя! Но, Долли, душенька, я понимаю твои страданія вполнѣ, только одного я не знаю: я не знаю... я не знаю, насколько въ душѣ твоей есть еще любви къ нему. Это ты знаешь, — настолько ли есть, чтобы можно было простить. Если есть, то прости!

— Нѣтъ, — начала Долли; но Анна прервала ее, цѣлуя еще разъ ея руку.

— Я больше тебя знаю свѣтъ, — сказала она. — Я знаю этихъ людей, какъ Стива, какъ они смотрятъ на это. Ты говоришь, что онъ съ ней говорилъ о тебѣ. Этого не было. Эти люди дѣлаютъ невѣрности, но свой домашній очагъ и жена—это для нихъ святыня. Какъ-то у нихъ эти женщины остаются въ презрѣніи и не мѣшаютъ семьѣ. Они какую-то черту проводятъ непроходимую между семьей и этимъ. Я этого не понимаю, но это такъ.

— Да, но онъ цѣловалъ ее...

— Долли, постой, душенька. Я видѣла Стиву, когда онъ былъ влюбленъ въ тебя. Я помню это время, когда онъ пріѣзжалъ ко мнѣ и плакалъ, говоря о тебѣ, и какая поэзія и высота была ты для него, и я знаю, что чѣмъ больше онъ съ тобой жилъ, тѣмъ выше ты для него становилась. Вѣдь мы смѣялись, бывало, надъ нимъ, что онъ къ каждому слову прибавлялъ: «Долли удивительная женщина». Ты для него божество всегда была и осталась, а это увлеченіе не души его....

— Но если это увлеченіе повторится?

— Оно не можетъ, какъ я понимаю...

— Да, но ты простила бы?

— Не знаю, не могу судить... Нѣтъ, могу, — сказала Анна подумавъ и, уловивъ мыслью положеніе и свѣсивъ его на внутреннихъ вѣсахъ, прибавила: — Нѣтъ, могу, могу, могу. Да, я простила бы. Я не была бы тою же, да, но простила бы и такъ простила бы, какъ будто этого не было, совсѣмъ не было...

— Ну, разумѣется, — быстро прервала Долли, какъ будто она говорила то, что̀ не разъ думала, — иначе бы это не было прощеніе. Если простить, то совсѣмъ, совсѣмъ. Ну, пойдемъ, я тебя проведу въ твою комнату, — сказала она, вставая, и по дорогѣ обняла Анну. — Милая моя, какъ я рада, что ты пріѣхала. Мнѣ легче, гораздо легче стало.

XX.

Весь день этотъ Анна провела дома, то-есть у Облонскихъ, и не принимала никого, такъ какъ уже нѣкоторые изъ ея зна-

комыхъ, успѣвъ узнать о ея прибытіи, пріѣзжали въ этотъ же день. Анна все утро провела съ Долли и съ дѣтьми. Она только послала записочку къ брату, чтобы онъ непремѣнно обѣдалъ дома. «Пріѣзжай, Богъ милостивъ», писала она.

Облонскій обѣдалъ дома; разговоръ былъ общій, и жена говорила съ нимъ, называя его «ты», чего прежде не было. Въ отношеніяхъ мужа съ женой оставалась та же отчужденность, но уже не было рѣчи о разлукѣ, и Степанъ Аркадьевичъ видѣлъ возможность объясненія и примиренія.

Тотчасъ послѣ обѣда пріѣхала Кити. Она знала Анну Аркадьевну, но очень мало, и ѣхала теперь къ сестрѣ не безъ страха передъ тѣмъ, какъ ее приметъ эта петербургская свѣтская дама, которую всѣ такъ хвалили. Но она понравилась Аннѣ Аркадьевнѣ, — это она увидѣла сейчасъ. Анна, очевидно, любовалась ея красотою и молодостью, и не успѣла Кити опомниться, какъ она уже чувствовала себя не только подъ ея вліяніемъ, но чувствовала себя влюбленною въ нее, какъ способны влюбляться молодыя дѣвушки въ замужнихъ и старшихъ дамъ. Анна непохожа была на свѣтскую даму или на мать восьмилѣтняго сына, но скорѣе походила бы на двадцатилѣтнюю дѣвушку по гибкости движеній, свѣжести и установившемуся на ея лицѣ оживленію, выбивавшемуся то въ улыбку, то во взглядъ, если бы не серьезное, иногда грустное выраженіе ея глазъ, которое поражало и притягивало къ себѣ Кити. Кити чувствовала, что Анна была совершенно проста и ничего не скрывала, но что въ ней былъ другой какой-то, высшій міръ недоступныхъ для нея интересовъ, сложныхъ и поэтическихъ.

Послѣ обѣда, когда Долли вышла въ свою комнату, Анна быстро встала и подошла къ брату, который закуривалъ сигару.

— Стива, — сказала она ему, весело подмигивая, крестя его и указывая на дверь глазами, — иди, и помогай тебѣ Богъ.

Онъ бросилъ сигару, понявъ ее, и скрылся за дверью.

Когда Степанъ Аркадьевичъ ушелъ, она вернулась на диванъ, гдѣ сидѣла, окруженная дѣтьми. Оттого ли, что дѣти видѣли, что мама любила эту тетю, или оттого, что они сами чувствовали въ ней особенную прелесть, но старшія два, а за ними и меньшія, какъ это часто бываетъ съ дѣтьми, еще до обѣда прилипли къ новой тетѣ и не отходили отъ нея. И между ними составилось что-то въ родѣ игры, состоящей въ томъ, чтобы какъ можно ближе сидѣть подлѣ тети, дотрогиваться до нея, держать ея маленькую руку, цѣловать ее, играть съ ея кольцомъ или хоть дотрогиваться до оборки ея платья.

— Ну, ну, какъ мы прежде сидѣли, — сказала Анна Аркадьевна, садясь на свое мѣсто.

И опять Гриша подсунулъ голову подъ ея руку и прислонился головой къ ея платью, и засіялъ гордостью и счастіемъ.

— Такъ теперь когда же балъ? — обратилась она къ Кити.

— На будущей недѣлѣ, и прекрасный балъ. Одинъ изъ тѣхъ баловъ, на которыхъ всегда весело.

— А есть такіе, гдѣ всегда весело?—съ нѣжною насмѣшкой сказала Анна.

— Странно, но есть. У Бобрищевыхъ всегда весело, у Никитиныхъ тоже, а у Межковыхъ всегда скучно. Вы развѣ не замѣчали?

— Нѣтъ, душа моя, для меня ужъ нѣтъ такихъ баловъ, гдѣ весело, — сказала Анна, и Кити увидѣла въ ея глазахъ тотъ особенный міръ, который ей не былъ открытъ. — Для меня есть такіе, на которыхъ менѣе трудно и скучно...

— Какъ можетъ быть *вамъ* скучно на балѣ?

— Отчего же *мнѣ* не можетъ быть скучно на балѣ? — спросила Анна.

Кити замѣтила, что Анна знала, какой послѣдуетъ отвѣтъ.

— Оттого, что вы всегда лучше всѣхъ.

Анна имѣла способность краснѣть. Она покраснѣла и сказала:

— Во-первыхъ, никогда; а во-вторыхъ, если бы это и было. то зачѣмъ мнѣ это?

— Вы поѣдете на этотъ балъ? — спросила Кити.

— Я думаю, что нельзя будетъ не ѣхать. Вотъ это возьми,— сказала она Танѣ, которая стаскивала легко сходившее кольцо съ ея бѣлаго, тонкаго въ концѣ пальца.

— Я очень рада буду, если вы поѣдете. Я бы такъ хотѣла васъ видѣть на балѣ.

— По крайней мѣрѣ, если придется ѣхать, я буду утѣшаться мыслью, что это вамъ сдѣлаетъ удовольствіе... Гриша, не тереби пожалуйста, они и такъ всѣ растрепались, — сказала она, поправляя выбившуюся прядь волосъ, которою игралъ Гриша.

— Я васъ воображаю на балѣ въ лиловомъ.

— Отчего же непремѣнно въ лиловомъ? — улыбаясь, спросила Анна. — Ну, дѣти, идите, идите. Слышите ли? Миссъ Гуль зоветъ чай пить,—сказала она, отрывая отъ себя дѣтей и отправляя ихъ въ столовую.

— А я знаю, отчего вы зовете меня на балъ. Вы ждете много отъ этого бала, и вамъ хочется, чтобы всѣ тутъ были, всѣ принимали участіе.

— Почемъ вы знаете? Да.

— О! какъ хорошо ваше время,—продолжала Анна.—Помню и знаю этотъ голубой туманъ, въ родѣ того, что на горахъ въ Швейцаріи. Этотъ туманъ, который покрываетъ все въ блаженное то время, когда вотъ-вотъ кончится дѣтство, и изъ этого огромнаго круга, счастливаго, веселаго, дѣлается путь все уже и уже, и весело, и жутко входить въ эту анфиладу, хотя она, кажется, и свѣтлая, и прекрасная... Кто не прошелъ черезъ это?

Кити молча улыбалась. «Но какъ же она прошла черезъ это? Какъ бы я желала знать весь ея романъ», подумала Кити, вспоминая непоэтическую наружность Алексѣя Александровича, ея мужа.

— Я знаю кое-что. Стива мнѣ говорилъ, и, поздравляю васъ, онъ мнѣ очень нравится,—продолжала Анна;—я встрѣтила Вронскаго на желѣзной дорогѣ.

— Ахъ, онъ былъ тамъ?—спросила Кити, покраснѣвъ.—Что же Стива сказалъ вамъ?

— Стива мнѣ все разболталъ. И я очень была бы рада... Я ѣхала вчера съ матерью Вронскаго,—продолжала она,—и мать не умолкая говорила мнѣ про него,—это ея любимецъ; я знаю, какъ матери пристрастны, но...

— Что же мать разсказала вамъ?

— Ахъ, много! И я знаю, что онъ ея любимецъ, но все-таки видно, что это рыцарь... Ну, напримѣръ, она разсказывала, что онъ хотѣлъ отдать все состояніе брату, что онъ въ дѣтствѣ еще что-то необыкновенное сдѣлалъ, спасъ женщину изъ воды. Словомъ, герой,—сказала Анна, улыбаясь и вспоминая про эти двѣсти рублей, которые онъ далъ на станціи.

Но она не разсказала про эти двѣсти рублей. Почему-то ей непріятно было вспоминать объ этомъ. Она чувствовала, что въ этомъ было что-то касающееся до нея и такое, чего не должно было быть.

— Она очень просила меня поѣхать къ ней,—продолжала Анна,—и я рада повидать старушку и завтра поѣду къ ней. Однако, слава Богу, Стива долго остается у Долли въ кабинетѣ,—прибавила Анна, перемѣняя разговоръ и вставая, какъ показалось Кити, чѣмъ-то недовольная.

— Нѣтъ, я прежде! нѣтъ, я!—кричали дѣти, окончивъ чай и выбѣгая къ тетѣ Аннѣ.

— Всѣ вмѣстѣ!—сказала Анна и, смѣясь, побѣжала имъ навстрѣчу и обняла и повалила всю эту кучу копошащихся и визжащихъ отъ восторга дѣтей.

XXI.

Къ чаю большихъ Долли вышла изъ своей комнаты. Степанъ Аркадьевичъ не выходилъ. Онъ, должно быть, вышелъ изъ комнаты жены заднимъ ходомъ.

— Я боюсь, что тебѣ будетъ холодно наверху, — замѣтила Долли, обращаясь къ Аннѣ, — мнѣ хочется перевести тебя внизъ, и мы ближе будемъ.

— Ахъ, ужъ пожалуйста обо мнѣ не заботьтесь, — отвѣчала Анна, вглядываясь въ лицо Долли и стараясь понять, было или не было примиренія.

— Тебѣ свѣтло будетъ здѣсь, — отвѣчала невѣстка.

— Я тебѣ говорю, что я сплю вездѣ и всегда какъ сурокъ.

— О чемъ это?—спросилъ Степанъ Аркадьевичъ, выходя изъ кабинета и обращаясь къ женѣ.

По тону его и Кити и Анна сейчасъ поняли, что примиреніе состоялось.

— Я Анну хочу перевести внизъ, но надо гардины перевѣсить. Никто не сумѣетъ сдѣлать, надо самой,—отвѣчала Долли, обращаясь къ нему.

«Богъ знаетъ, вполнѣ ли помирились», подумала Анна, услышавъ ея тонъ, холодный и спокойный.

— Ахъ, полно, Долли, все дѣлать трудности, — сказалъ мужъ. — Ну, хочешь, я все сдѣлаю...

«Да, должно быть, примирились», подумала Анна.

— Знаю, какъ ты все сдѣлаешь,—отвѣчала Долли:—скажешь Матвѣю сдѣлать то, чего нельзя сдѣлать, а самъ уѣдешь, а онъ все перепутаетъ,—и привычная насмѣшливая улыбка морщила концы губъ Долли, когда она говорила это.

«Полное, полное примиреніе, полное,—подумала Анна,—слава Богу!» и, радуясь тому, что она была причиной этого, она подошла къ Долли и поцѣловала ее.

— Совсѣмъ нѣтъ: отчего ты такъ презираешь насъ съ Матвѣемъ?—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, улыбаясь чуть замѣтно и обращаясь къ женѣ.

Весь вечеръ, какъ всегда, Долли была слегка насмѣшлива по отношенію къ мужу, а Степанъ Аркадьевичъ доволенъ и веселъ, настолько, чтобы не показать, что онъ, будучи прощенъ, забылъ свою вину.

Въ половинѣ десятаго особенно радостная и пріятная вечерняя семейная бесѣда за чайнымъ столомъ у Облонскихъ была нарушена самымъ, повидимому, простымъ событіемъ, но это про-

стое событіе почему-то всѣмъ показалось страннымъ. Разговорившись объ общихъ петербургскихъ знакомыхъ, Анна быстро встала.

— Она у меня есть въ альбомѣ,—сказала она,—да и кстати я покажу моего Сережу,—прибавила она съ гордою материнскою улыбкой.

Къ десяти часамъ, когда она обыкновенно прощалась съ сыномъ и часто сама предъ тѣмъ какъ ѣхать на балъ укладывала его, ей стало грустно, что она такъ далеко отъ него, и, о чемъ бы ни говорили, она нѣтъ-нѣтъ и возвращалась мыслью къ своему кудрявому Сережѣ. Ей захотѣлось посмотрѣть на его карточку и поговорить о немъ. Воспользовавшись первымъ предлогомъ, она встала и своею легкою, рѣшительною походкой пошла за альбомомъ. Лѣстница наверхъ въ ея комнату выходила на площадку большой входной теплой лѣстницы.

Въ то время, какъ она выходила изъ гостиной, въ передней послышался звонокъ.

— Кто это можетъ быть? — сказала Долли.

— За мной рано, а еще кому-нибудь поздно,—замѣтила Кити.

— Вѣрно съ бумагами, — прибавилъ Степанъ Аркадьевичъ, и, когда Анна проходила мимо лѣстницы, слуга взбѣгалъ наверхъ, чтобы доложить о пріѣхавшемъ, а самъ пріѣхавшій стоялъ у лампы; Анна, взглянувъ внизъ, узнала тотчасъ же Вронскаго, и странное чувство удовольствія и вмѣстѣ страха чего-то вдругъ шевельнулось у нея въ сердцѣ. Онъ стоялъ, не снимая пальто, и что-то доставалъ изъ кармана. Въ ту минуту, какъ она поровнялась съ серединой лѣстницы, онъ поднялъ глаза, увидалъ ее, и въ выраженіи его лица сдѣлалось что-то пристыженное и испуганное. Она, слегка наклонивъ голову, прошла, а вслѣдъ за ней послышался громкій голосъ Степана Аркадьевича, звавшаго его войти, и негромкій, мягкій и спокойный голосъ отказывавшагося Вронскаго.

Когда Анна вернулась съ альбомомъ, его уже не было, и Степанъ Аркадьевичъ разсказывалъ, что онъ заѣзжалъ узнать объ обѣдѣ, который они завтра давали пріѣзжей знаменитости.— И ни за что не хотѣлъ войти. Какой-то онъ странный, — прибавилъ Степанъ Аркадьевичъ.

Кити покраснѣла. Она думала, что она одна поняла, зачѣмъ онъ пріѣзжалъ и отчего не вошелъ. «Онъ былъ у насъ, — думала она,—и не засталъ, и подумалъ, я здѣсь; но не вошелъ, оттого что думалъ поздно и Анна здѣсь».

Всѣ переглянулись, ничего не сказавъ, и стали смотрѣть альбомъ Анны.

Ничего не было ни необыкновеннаго, ни страннаго въ томъ, что человѣкъ заѣхалъ къ пріятелю въ половинѣ десятаго узнать подробности затѣваемаго обѣда и не вошелъ; но всѣмъ это показалось странно. Болѣе всѣхъ странно и нехорошо это показалось Аннѣ.

XXII.

Балъ только что начался, когда Кити съ матерью входила на большую, уставленную цвѣтами и лакеями въ пудрѣ и красныхъ кафтанахъ, залитую свѣтомъ лѣстницу. Изъ залъ несся стоявшій въ нихъ равномѣрный, какъ въ ульѣ, шорохъ движенія, и пока онѣ на площадкѣ между деревьями оправляли передъ зеркаломъ прически и платья, изъ залы послышались осторожно отчетливые звуки скрипокъ оркестра, начавшаго первый вальсъ. Штатскій старичокъ, оправлявшій свои сѣдые височки у другого зеркала и изливавшій отъ себя запахъ духовъ, столкнулся съ ними на лѣстницѣ и посторонился, видимо любуясь незнакомою ему Кити. Безбородый юноша, одинъ изъ тѣхъ свѣтскихъ юношей, которыхъ старый князь Щербацкій называлъ *тютьками*, въ чрезвычайно открытомъ жилетѣ, оправляя на ходу бѣлый галстукъ, поклонился имъ и, пробѣжавъ мимо, вернулся, приглашая Кити на кадриль. Первая кадриль была уже отдана Вронскому, она должна была отдать этому юношѣ вторую. Военный, застегивая перчатку, сторонился у двери и, поглаживая усы, любовался на розовую Кити.

Несмотря на то, что туалетъ, прическа и всѣ приготовленія къ балу стоили Кити большихъ трудовъ и соображеній, она теперь, въ своемъ сложномъ тюлевомъ платьѣ на розовомъ чехлѣ, вступала на балъ такъ свободно и просто, какъ будто всѣ эти розетки, кружева, всѣ подробности туалета не стоили ей и ея домашнимъ ни минуты вниманія, какъ будто она родилась въ этомъ тюлѣ, кружевахъ, съ этою высокою прической, съ розой и двумя листками наверху ея.

Когда старая княгиня предъ входомъ въ залу, хотѣла оправить на ней завернувшуюся ленту пояса, Кити слегка отклонилась: она чувствовала, что все само собой должно быть хорошо и граціозно на ней и что оправлять ничего не нужно.

Кити была въ одномъ изъ своихъ счастливыхъ дней. Платье не тѣснило нигдѣ, нигдѣ не спускалась кружевная берта, розетки не смялись и не оторвались; розовыя туфли на высокихъ, выгнутыхъ каблукахъ не жали, а веселили ножку. Густыя бандо бѣлокурыхъ волосъ держались какъ свои на маленькой головкѣ Пуговицы всѣ три застегнулись не порвавшись на высокой пер-

чаткѣ, которая обвила ея руку, не измѣнивъ ея формы. Черная бархатка медальона особенно нѣжно окружила шею. Бархатка эта была прелесть, и дома, глядя въ зеркало на свою шею, Кити чувствовала, что̀ эта бархатка говорила. Во всемъ другомъ могло еще быть сомнѣніе, но бархатка была прелесть. Кити улыбнулась и здѣсь, на балѣ, взглянувъ на нее въ зеркало. Въ обнаженныхъ плечахъ и рукахъ Кити чувствовала холодную мраморность — чувство, которое она особенно любила. Глаза блестѣли, и румяныя губы не могли не улыбаться отъ сознанія своей привлекательности. Не успѣла она войти въ залу и дойти до тюлево-ленто-кружевно-цвѣтной толпы дамъ, ожидавшихъ приглашенія танцовать (Кити никогда не стаивала въ этой толпѣ), какъ ужъ ее пригласили на вальсъ, и пригласилъ лучшій кавалеръ, главный кавалеръ по бальной іерархіи, знаменитый дирижеръ баловъ, церемоніймейстеръ, женатый, красивый и статный мужчина, Егорушка Корсунскій. Только что оставивъ графиню Бонину, съ которой онъ протанцовалъ первый туръ вальса, онъ, оглядывая свое хозяйство, то-есть пустившихся танцовать нѣсколько паръ, увидѣлъ входившую Кити и подбѣжалъ къ ней тою особенною, свойственною только дирижерамъ баловъ, развязною иноходью и, поклонившись, даже не спрашивая, желаетъ ли она, занесъ руку, чтобъ обнять ея тонкую талію. Она оглянулась, кому передать вѣеръ, и, улыбаясь ей, хозяйка взяла его.

— Какъ хорошо, что вы пріѣхали во-время, — сказалъ онъ ей, обнимая ея талію,—а то̀ что за манера опаздывать.

Она положила, согнувши, лѣвую руку на его плечо, и маленькія ножки въ розовыхъ башмакахъ быстро, легко и мѣрно задвигались въ тактъ музыки по скользкому паркету.

— Отдыхаешь, вальсируя съ вами, — сказалъ онъ ей, пускаясь въ первые небыстрые шаги вальса. — Прелесть какая легкость, précision, — говорилъ онъ ей то, что говорилъ почти всѣмъ хорошимъ знакомымъ.

Она улыбнулась на его похвалу и черезъ его плечо продолжала разглядывать залу. Она была не вновь выѣзжающая, у которой на балѣ всѣ лица сливаются въ одно волшебное впечатлѣніе; она и не была затасканная по баламъ дѣвушка, которой всѣ лица были такъ знакомы, что наскучили; но она была на срединѣ этихъ двухъ, — она была возбуждена, а вмѣстѣ съ тѣмъ обладала собой настолько, что могла наблюдать. Въ лѣвомъ углу залы, она видѣла, сгруппировался цвѣтъ общества. Тамъ была до невозможнаго обнаженная красавица Лиди, жена Корсунскаго, тамъ была хозяйка, тамъ сіялъ своей

лысиной Кривинъ, всегда бывшій тамъ, гдѣ цвѣтъ общества; туда смотрѣли юноши, не смѣя подойти, и тамъ она нашла глазами Стиву и потомъ увидала прелестную фигуру и голову Анны въ черномъ бархатномъ платьѣ. И *онъ* былъ тутъ. Кити не видала его съ того вечера, когда она отказала Левину. Кити своими дальнозоркими глазами тотчасъ узнала его и даже замѣтила, что онъ смотрѣлъ на нее.

— Что жъ, еще туръ? Вы не устали?—сказалъ Корсунскій, слегка запыхавшись.

— Нѣтъ, благодарствуйте!

— Куда же отвести васъ?

— Каренина тутъ, кажется... отведите меня къ ней.

— Куда прикажете.

И Корсунскій завальсировалъ, умѣряя шагъ, прямо на толпу въ лѣвомъ углу залы, приговаривая: «pardon, mesdames, pardon, pardon, mesdames», и, лавируя между моремъ кружевъ, тюля и лентъ и не зацѣпивъ ни за перышко, повернулъ круто свою даму, такъ что открылись ея тонкія ножки въ ажурныхъ чулкахъ, а шлейфъ разнесло опахаломъ и закрыло имъ колѣни Кривину. Корсунскій поклонился, выпрямилъ открытую грудь и подалъ руку, чтобы провести ее къ Аннѣ Аркадьевнѣ. Кити, раскраснѣвшись, сняла шлейфъ съ колѣнъ Кривина и, закруженная немного, оглянулась, отыскивая Анну. Анна была не въ лиловомъ, какъ того непремѣнно хотѣла Кити, а въ черномъ, низко срѣзанномъ бархатномъ платьѣ, открывавшемъ ея точеныя, какъ старой слоновой кости, полныя плечи и грудь и округлыя руки съ тонкою крошечною кистью. Все платье было обшито венеціанскимъ гипюромъ. На головѣ у нея, въ черныхъ волосахъ, своихъ безъ примѣси, была маленькая гирлянда анютиныхъ глазокъ, и такая же на черной лентѣ пояса между бѣлыми кружевами. Прическа ея была незамѣтна. Замѣтны были только, украшая ее, эти своевольныя короткія колечки курчавыхъ волосъ, всегда выбивавшіяся на затылкѣ и вискахъ. На точеной крѣпкой шеѣ была нитка жемчуга.

Кити видѣла каждый день Анну, была влюблена въ нее и представляла себѣ ее непремѣнно въ лиловомъ. Но теперь, увидавъ ее въ черномъ, она почувствовала, что не понималъ всей ея прелести. Она теперь увидала ее совершенно новою и неожиданною для себя. Теперь она поняла, что Анна не могла быть въ лиловомъ и что ея прелесть состояла именно въ томъ, что она всегда выступала изъ своего туалета, что туалетъ никогда не могъ быть виденъ на ней. И черное платье съ пышными кружевами не было видно на ней; это была только рамка и

была видна только она, простая естественная, изящная, вмѣстѣ веселая и оживленная.

Она стояла, какъ и всегда, чрезвычайно прямо держась, и, когда Кити подошла къ этой кучкѣ, говорила съ хозяиномъ дома, слегка поворотивъ къ нему голову.

— Нѣтъ, я не брошу камня, — отвѣчала она ему на что-то,—хотя я не понимаю, — продолжала она, пожавъ плечами, и тотчасъ же съ нѣжною улыбкой покровительства обратилась къ Кити. Бѣглымъ женскимъ взглядомъ окинувъ ея туалетъ, она сдѣлала чуть замѣтное, но понятное для Кити, одобрительное ея туалету и красотѣ движеніе головой.—Вы и въ залу входите танцуя, — прибавила она.

— Это одна изъ моихъ вѣрнѣйшихъ помощницъ, — сказлаъ Корсунскій, кланяясь Аннѣ Аркадьевнѣ, которой онъ не видалъ еще. — Княжна помогаетъ сдѣлать балъ веселымъ и прекраснымъ. Анна Аркадьевна, туръ вальса,—сказалъ онъ нагибаясь.

— А вы знакомы? — спросилъ хозяинъ.

— Съ кѣмъ мы не знакомы? Мы съ женой какъ бѣлые волки, насъ всѣ знаютъ, — отвѣчалъ Корсунскій. — Туръ вальса, Анна Аркадьевна.

— Я не танцую, когда можно не танцовать,— сказалъ она.

— Но нынче нельзя,—отвѣчалъ Корсунскій.

Въ это время подходилъ Вронскій.

— Ну, если нынче нельзя не танцовать, такъ пойдемте,— сказала она, не замѣчая поклона Вронскаго, и быстро подняла руку на плечо Корсунскаго.

«За что она недовольна имъ?» подумала Кити, замѣтивъ, что Анна умышленно не отвѣтила на поклонъ Вронскаго. Вронскій подошелъ къ Кити, напоминая ей о первой кадрили и сожалѣя, что все это время не имѣлъ удовольствія ее видѣть. Кити смотрѣла, любуясь, на вальсировавшую Анну и слушала его. Она ждала, что онъ пригласитъ ее на вальсъ, но онъ не пригласилъ, и она удивленно взглянула на него. Онъ покраснѣлъ и поспѣшно пригласилъ вальсировать, но только что онъ обнялъ ея тонкую талію и сдѣлалъ первый шагъ, какъ вдругъ музыка остановилась. Кити посмотрѣла на его лицо, которое было на такомъ близкомъ отъ нея разстояніи, и долго потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, этотъ взглядъ, полный любви, которымъ она тогда взглянула на него и на который онъ не отвѣтилъ ей, мучительнымъ стыдомъ рѣзалъ ея сердце.

— Pardon, pardon! Вальсъ, вальсъ! — закричалъ съ другой стороны зала Корсунскій и, подхвативъ первую попавшуюся барышню, сталъ самъ танцовать.

XXIII.

Вронскій съ Кити прошелъ нѣсколько туровъ вальса. Послѣ вальса Кити подошла къ матери и едва успѣла сказать нѣсколько словъ съ Нордстонъ, какъ Вронскій уже пришелъ за ней для первой кадрили. Во время кадрили ничего значительнаго не было сказано, шелъ прерывистый разговоръ то о Корсунскихъ, мужѣ и женѣ, которыхъ онъ очень забавно описывалъ, какъ милыхъ сорокалѣтнихъ дѣтей, то о будущемъ общественномъ театрѣ, и только одинъ разъ разговоръ затронулъ ее за живое, когда онъ спросилъ о Левинѣ, тутъ ли онъ, и прибавилъ, что онъ очень понравился ему. Но Кити и не ожидала большаго отъ кадрили. Она ждала съ замираніемъ сердца мазурки. Ей казалось, что въ мазуркѣ все должно рѣшиться. То, что онъ во время кадрили не пригласилъ ея на мазурку, не тревожило ея. Она была увѣрена, что она танцуетъ мазурку съ нимъ, какъ и на прежнихъ балахъ, и пятерымъ отказала мазурку, говоря, что танцуетъ. Весь балъ до послѣдней кадрили былъ для Кити волшебнымъ сновидѣніемъ радостныхъ цвѣтовъ, звуковъ и движеній. Она не танцовала только, когда чувствовала себя слишкомъ усталою и просила отдыха. Но, танцуя послѣднюю кадриль съ однимъ изъ скучныхъ юношей, которому нельзя было отказать, ей случилось быть vis-à-vis съ Вронскимъ и Анной. Она не сходилась съ Анной съ самаго пріѣзда и тутъ вдругъ увидала ее опять совершенно новою и неожиданною. Она увидала въ ней столь знакомую ей самой черту возбужденія отъ успѣха. Она видѣла, что Анна пьяна виномъ возбуждаемаго ею восхищенія. Она знала это чувство и знала его признаки, и видѣла ихъ на Аннѣ,— видѣла дрожащій, вспыхивающій блескъ въ глазахъ и улыбку счастія и возбужденія, невольно изгибающую губы, и отчетливую грацію, вѣрность и легкость движеній.

«Кто? — спросила она себя. — Всѣ или одинъ?» И, не помогая мучившемуся юношѣ, съ которымъ она танцовала, въ разговорѣ, нить котораго онъ упустилъ и не могъ поднять, и наружно подчиняясь весело громкимъ повелительнымъ крикамъ Корсунскаго, то бросающаго всѣхъ въ grand rond, то въ chaine, она наблюдала, и сердце ея сжималось больше и больше. «Нѣтъ, это не любованье толпы опьянило ее, а восхищеніе одного. И этотъ одинъ — неужели это онъ?» Каждый разъ, какъ онъ говорилъ съ Анной, въ глазахъ ея вспыхивалъ радостный блескъ, и улыбка счастія изгибала ея румяныя губы. Она какъ будто дѣлала усиліе надъ собой, чтобы не выказывать этимъ признаковъ радости,

но они сами собой выступали на ея лицѣ. «Но что же онъ?» Кити посмотрѣла на него и ужаснулась. То, что Кити такъ ясно представлялось въ зеркалѣ лица Анны, она увидѣла на немъ. Куда дѣлась его всегда спокойная, твердая манера и безпечно спокойное выраженіе лица? Нѣтъ, онъ теперь, каждый разъ какъ обращался къ ней, немного сгибалъ голову, какъ бы желая пасть предъ ней, и во взглядѣ его было одно выраженіе покорности и страха. «Я не оскорбить хочу, — каждый разъ какъ будто говорилъ его взглядъ, — но спасти себя хочу, и не знаю какъ». На лицѣ его было такое выраженіе, котораго она никогда не видала прежде.

Они говорили объ общихъ знакомыхъ, вели самый ничтожный разговоръ, но Кити казалось, что всякое сказанное ими слово рѣшало ихъ и ея судьбу. И странно то, что хотя они дѣйствительно говорили о томъ, какъ смѣшонъ Иванъ Ивановичъ своимъ французскимъ языкомъ, и о томъ, что для Елецкой можно было бы найти лучше партію, а между тѣмъ эти слова имѣли для нихъ значеніе, и они чувствовали это такъ же, какъ и Кити. Весь балъ, весь свѣтъ — все закрылось туманомъ въ душѣ Кити. Только пройденная ею строгая школа воспитанія поддерживала ее и заставляла дѣлать то, чего отъ нея требовали, то-есть танцовать, отвѣчать на вопросы, говорить, даже улыбаться. Но предъ началомъ мазурки, когда уже стали разставлять стулья и нѣкоторыя пары двинулись изъ маленькихъ въ большую залу, на Кити нашла минута отчаянія и ужаса. Она отказала пятерымъ и теперь не танцовала мазурки. Даже не было надежды, чтобы ее пригласили, именно потому, что она имѣла слишкомъ большой успѣхъ въ свѣтѣ и никому въ голову не могло придти, чтобъ она не была приглашена до сихъ поръ. Надо было сказать матери, что она больна, и уѣхать домой, но на это у нея не было силы. Она чувствовала себя убитою.

Она зашла въ глубь маленькой гостиной и опустилась на кресло. Воздушная юбка платья поднялась облакомъ вокругъ ея тонкаго стана; одна обнаженная, худая, нѣжная дѣвичья рука, безсильно опущенная, утонула въ складкахъ розоваго тюника; въ другой она держала вѣеръ и быстрыми короткими движеніями обмахивала свое разгоряченное лицо. Но вопреки этому виду бабочки, только что уцѣпившейся за травку и готовой вотъ-вотъ вспорхнувъ развернуть радужныя крылья, страшное отчаяніе щемило ей сердце.

«А можетъ быть, и ошибаюсь, можетъ быть, этого не было?» И она опять вспоминала все, что она видѣла.

— Кити, что жъ это такое?—сказала графиня Нордстонъ, по ковру неслышно подойдя къ ней.—Я не понимаю этого.

У Кити дрогнула нижняя губа; она быстро встала.

— Кити, ты не танцуешь мазурки?

— Нѣтъ, нѣтъ, — сказала Кити дрожащимъ отъ слезъ голосомъ.

— Онъ при мнѣ звалъ ее на мазурку,—сказала Нордстонъ, зная, что Кити пойметъ, кто онъ и она. — Она сказала: развѣ вы не танцуете съ княжной Щербацкой?

— Ахъ, мнѣ все равно! — отвѣчала Кити.

Никто, кромѣ ея самой, не понималъ ея положенія, никто не зналъ того, что она вчера отказала человѣку, котораго она, можетъ быть, любила, и отказала потому, что вѣрила въ другого.

Графиня Нордстонъ нашла Корсунскаго, съ которымъ она танцовала мазурку, и велѣла ему пригласить Кити.

Кити танцовала въ первой парѣ, и къ ея счастію ей не надо было говорить, потому что Корсунскій все время бѣгалъ, распоряжаясь по своему хозяйству. Вронскій съ Анной сидѣли почти противъ нея. Она видѣла ихъ своими дальнозоркими глазами, видѣла ихъ и вблизи, когда они сталкивались въ парахъ, и чѣмъ больше она видѣла ихъ, тѣмъ больше убѣждалась, что несчастіе ея свершилось. Она видѣла, что они чувствовали себя наединѣ въ этой полной залѣ. И на лицѣ Вронскаго, всегда столь твердомъ и независимомъ, она видѣла то поразившее ее выраженіе потерянности и покорности, похожее на выраженіе умной собаки, когда она виновата.

Анна улыбалась — и улыбка передавалась ему. Она задумывалась — и онъ становился серьезенъ. Какая-то сверхъестественная сила притягивала глаза Кити къ лицу Анны. Она была прелестна въ своемъ простомъ черномъ платьѣ, прелестны были ея полныя руки съ браслетами, прелестна твердая шея съ ниткой жемчуга, прелестны вьющіеся волосы разстроившейся прически, прелестны граціозныя легкія движенія маленькихъ ногъ и рукъ, прелестно это красивое лицо въ своемъ оживленіи, но было что-то ужасное и жестокое въ ея прелести.

Кити любовалась ею еще болѣе, чѣмъ прежде, и все больше и больше страдала. Кити чувствовала себя раздавленною, и лицо ея выражало это. Когда Вронскій увидалъ ее, столкнувшись съ ней въ мазуркѣ, онъ не вдругъ узналъ ее: такъ она измѣнилась.

— Прекрасный балъ! — сказалъ онъ ей, чтобы сказать что-нибудь

— Да, — отвѣчала она.

Въ серединѣ мазурки, повторяя сложную фигуру, вновь выдуманную Корсунскимъ, Анна вышла на середину круга, взяла двухъ кавалеровъ и подозвала къ себѣ одну даму и Кити. Кити испуганно смотрѣла на нее, подходя. Анна прищурившись смотрѣла на нее и улыбнулась, пожавъ ей руку. Но, замѣтивъ, что лицо Кити только выраженіемъ отчаянія и удивленія отвѣтило на ея улыбку, она отвернулась отъ нея и весело заговорила съ другою дамой.

«Да, что-то чуждое, бѣсовское и прелестное есть въ ней», сказала себѣ Кити.

Анна не хотѣла оставаться ужинать, но хозяинъ сталъ просить ее.

— Полно, Анна Аркадьевна, — заговорилъ Корсунскій, забирая ея обнаженную руку подъ рукавъ своего фрака. — Какая у меня идея котильона! Un bijou!

И онъ понемножку двигался, стараясь увлечь ее. Хозяинъ улыбался одобрительно.

— Нѣтъ, я не останусь, — отвѣтила Анна улыбаясь, но, несмотря на улыбку, и Корсунскій, и хозяинъ поняли по рѣшительному тону, съ какимъ она отвѣчала, что она не останется.— Нѣтъ, и такъ въ Москвѣ танцовала больше на вашемъ одномъ балѣ, чѣмъ всю зиму въ Петербургѣ, — сказала Анна, оглядываясь на подлѣ нея стоявшаго Вронскаго. — Надо отдохнуть передъ дорогой.

— А вы рѣшительно ѣдете завтра? — спросилъ Вронскій.

— Да, я думаю, — отвѣчала Анна, какъ бы удивляясь смѣлости его вопроса; но неудержимый дрожащій блескъ глазъ и улыбки обжегъ его, когда она говорила это.

Анна Аркадьевна не осталась ужинать и уѣхала.

XXIV.

«Да, что-то есть во мнѣ противное, отталкивающее,—думалъ Левинъ, вышедши отъ Щербацкихъ и пѣшкомъ направляясь къ брату.—И не гожусь я для другихъ людей. Гордость, говорятъ. Нѣтъ, у меня нѣтъ и гордости. Если бы была гордость, я не поставилъ бы себя въ такое положеніе». И онъ представлялъ себѣ Вронскаго, счастливаго, добраго, умнаго и спокойнаго, никогда, навѣрное, не бывавшаго въ томъ ужасномъ положеніи, въ которомъ онъ былъ нынче вечеромъ. «Да, она должна была выбрать его. Такъ надо, и жаловаться мнѣ не на кого и не за что. Виноватъ я самъ. Какое право имѣлъ я ду-

мать, что она захочетъ соединить свою жизнь съ моею? Кто я? и что я? Ничтожный человѣкъ, никому и ни для кого ненужный». И онъ вспомнилъ о братѣ Николаѣ и съ радостью остановился на этомъ воспоминаніи. «Не правъ ли онъ, что все на свѣтѣ дурно и гадко? И едва ли мы справедливо судимъ и судили о братѣ Николаѣ. Разумѣется, съ точки зрѣнія Прокофія, видѣвшаго его въ оборванной шубѣ и пьянаго, онъ презрѣнный человѣкъ; но я знаю его иначе. Я знаю его душу и знаю, что мы похожи съ нимъ. А я, вмѣсто того чтобы ѣхать отыскать его, поѣхалъ обѣдать и сюда». Левинъ подошелъ къ фонарю, прочелъ адресъ брата, который у него былъ въ бумажникѣ, и подозвалъ извозчика. Всю длинную дорогу до брата Левинъ живо припоминалъ себѣ всѣ извѣстныя ему событія изъ жизни брата Николая. Вспоминалъ онъ, какъ братъ въ университетѣ и годъ послѣ университета, несмотря на насмѣшки товарищей, жилъ какъ монахъ, въ строгости исполняя всѣ обряды религіи, службы, посты и избѣгая всякихъ удовольствій, въ особенности женщинъ; и потомъ какъ вдругъ его прорвало, онъ сблизился съ самыми гадкими людьми и пустился въ самый безпутный разгулъ. Вспоминалъ потомъ про исторію съ мальчикомъ, котораго онъ взялъ изъ деревни, чтобы воспитывать, и въ припадкѣ злости такъ избилъ, что началось дѣло по обвиненію въ причиненіи увѣчья. Вспоминалъ потомъ исторію съ шулеромъ, которому онъ проигралъ деньги, далъ вексель и на котораго самъ подалъ жалобу, доказывая, что тотъ его обманулъ. (Это были тѣ деньги, которыя заплатилъ Сергѣй Ивановичъ.) Потомъ вспоминалъ, какъ онъ ночевалъ ночь въ части за буйство. Вспоминалъ затѣянный имъ постыдный процессъ съ братомъ Сергѣемъ Ивановичемъ за то, что тотъ будто бы не выплатилъ ему долю изъ материнскаго имѣнія, и послѣднее дѣло, когда онъ уѣхалъ служить въ Западный край и тамъ попалъ подъ судъ за побои, нанесенные старшинѣ... Все это было ужасно гадко, но Левину это представлялось совсѣмъ не такъ гадко, какъ это должно было представляться тѣмъ, которые не знали Николая, не знали всей его исторіи, не знали его сердца.

Левинъ помнилъ, какъ въ то время, когда Николай былъ въ періодѣ набожности, постовъ, монаховъ, службъ церковныхъ. когда онъ искалъ въ религіи помощи, узды на свою страстную натуру, никто не только не поддержалъ его, но всѣ, и онъ самъ, смѣялись надъ нимъ. Его дразнили, звали его Ноемъ, монахомъ; а когда его прорвало, никто не помогъ ему, а всѣ съ ужасомъ и омерзѣніемъ отвернулись.

Левинъ чувствовалъ, что братъ Николай въ душѣ своей, въ самой основѣ своей души, несмотря на все безобразіе своей жизни, не былъ болѣе неправъ, чѣмъ тѣ люди, которые презирали его. Онъ не былъ виноватъ въ томъ, что родился съ своимъ неудержимымъ характеромъ и стѣсненнымъ чѣмъ-то умомъ. Но онъ всегда хотѣлъ быть хорошимъ. «Все выскажу ему, все заставлю его высказать и покажу ему, что я люблю и потому понимаю его», рѣшилъ самъ съ собою Левинъ, подъѣзжая въ одиннадцатомъ часу къ гостиницѣ, указанной на адресѣ.

— Наверху 12-й и 13-й,—отвѣтилъ швейцаръ на вопросъ Левина.

— Дома?

— Должно дома.

Дверь 12-го номера была полуотворена, и оттуда въ полосѣ свѣта выходилъ густой дымъ дурного и слабаго табаку, и слышался незнакомый Левину голосъ, но Левинъ тотчасъ же узналъ, что братъ тутъ: онъ услыхалъ его покашливанье.

Когда онъ вошелъ въ дверь, незнакомый голосъ говорилъ:

— Все зависитъ отъ того, насколько разумно и сознательно поведется дѣло.

Константинъ Левинъ заглянулъ въ дверь и увидѣлъ, что говоритъ съ огромной шапкой волосъ молодой человѣкъ въ поддевкѣ, а молодая рябоватая женщина, въ шерстяномъ платьѣ безъ рукавчиковъ и воротничковъ, сидитъ на диванѣ. Брата не видно было. У Константина больно сжалось сердце при мысли о томъ, въ средѣ какихъ чужихъ людей живетъ его братъ. Никто не услыхалъ его, и Константинъ, снимая калоши, прислушивался къ тому, что говорилъ господинъ въ поддевкѣ. Онъ говорилъ о какомъ-то предпріятіи.

— Ну, чортъ ихъ дери, привилегированные классы,—прокашливаясь, проговорилъ голосъ брата.—Маша, добудь ты намъ поужинать и дай вина, если осталось, а то пошли.

Женщина встала, вышла за перегородку и увидала Константина.

— Какой-то баринъ, Николай Дмитричъ,—сказала она.

— Кого нужно?—сердито сказалъ голосъ Николая Левина.

— Это я,—отвѣчалъ Константинъ Левинъ, выходя на свѣтъ.

— Кто я?—еще сердитѣе повторилъ голосъ Николая. Слышно было, какъ онъ быстро всталъ, зацѣпивъ за что-то, и Левинъ увидалъ передъ собой въ дверяхъ столь знакомую и все-таки поражающую своею дикостью и болѣзненностью, огромную, худую, сутуловатую фигуру брата, съ его большими, испуганными глазами.

Онъ былъ еще худѣе, чѣмъ три года тому назадъ, когда Константинъ Левинъ видѣлъ его въ послѣдній разъ. На немъ былъ короткій сюртукъ. И руки, и широкія кости казались еще огромнѣе. Волосы стали рѣже, тѣ же прямые усы закрывали губы, тѣ же глаза странно и наивно смотрѣли на вошедшаго.

— А, Костя!—вдругъ проговорилъ онъ, узнавъ брата, и глаза его засвѣтились радостью. Но въ ту же секунду онъ оглянулся на молодого человѣка и сдѣлалъ столь знакомое Константину судорожное движеніе головой и шеей, какъ будто галстукъ жалъ его; и совсѣмъ другое—дикое, страдальческое и жестокое—выраженіе остановилось на его исхудаломъ лицѣ.

— Я писалъ и вамъ, и Сергѣю Иванычу, что я васъ не знаю и не хочу знать. Что тебѣ, что вамъ нужно?

Онъ былъ совсѣмъ не такой, какимъ воображалъ его Константинъ. Самое тяжелое и дурное въ его характерѣ, то, что̀ дѣлало столь труднымъ общеніе съ нимъ, было позабыто Константиномъ Левинымъ, когда онъ думалъ о немъ; и теперь, когда онъ увидѣлъ его лицо, въ особенности это судорожное поворачиваніе головы, онъ вспомнилъ все это.

— Мнѣ ни для чего не нужно видѣть тебя,—робко отвѣчалъ онъ.—Я просто пріѣхалъ тебя видѣть.

Робость брата, видимо, смягчила Николая. Онъ дернулся губами.

— А, ты такъ?—сказалъ онъ.—Ну, входи, садись. Хочешь ужинать? Маша, три порціи принеси. Нѣтъ, постой. Ты знаешь, кто это?—обратился онъ къ брату, указывая на господина въ поддевкѣ:—это господинъ Крицкій, мой другъ еще изъ Кіева, очень замѣчательный человѣкъ. Его, разумѣется, преслѣдуетъ полиція, потому что онъ не подлецъ.

И онъ оглянулся по своей привычкѣ на всѣхъ бывшихъ въ комнатѣ. Увидѣвъ, что женщина, стоявшая въ дверяхъ, двинулась было идти, онъ крикнулъ ей: «Постой, я сказалъ». И съ тѣмъ недоумѣніемъ, съ тою нескладностью разговора, которыя такъ зналъ Константинъ, онъ опять, оглядывая всѣхъ, сталъ разсказывать брату исторію Крицкаго: какъ его выгнали изъ университета за то, что онъ завелъ общество вспоможенія бѣднымъ студентамъ и воскресныя школы, и какъ потомъ онъ поступилъ въ народную школу учителемъ, и какъ его оттуда также выгнали, и какъ потомъ судили за что-то.

— Вы кіевскаго университета?—сказалъ Константинъ Левинъ Крицкому, чтобы прервать установившееся неловкое молчаніе.

— Да, кіевскаго былъ, — насупившись, сердито проговорилъ Крицкій.

— А эта женщина,—перебилъ его Николай Левинъ, указывая на нее,—моя подруга жизни, Марья Николаевна. Я взялъ ее изъ дома,—и онъ дернулся шеей, говоря это.—Но люблю ее и уважаю, и всѣхъ, кто меня хочетъ знать,—прибавилъ онъ, возвышая голосъ и хмурясь, — прошу любить и уважать ее. Она все равно что моя жена, все равно. Такъ вотъ ты знаешь, съ кѣмъ имѣешь дѣло. И если думаешь, что ты унизишься, такъ вотъ Богъ, а вотъ порогъ.

И опять глаза его вопросительно обѣжали всѣхъ.

— Отчего же я унижусь, я не понимаю.

— Такъ вели, Маша, принести ужинать: три порціи, водки и вина... Нѣтъ, постой... Нѣтъ, не надо... Иди.

XXV.

— Такъ видишь,—продолжалъ Николай Левинъ, съ усиліемъ морща лобъ и подергиваясь.

Ему, видимо, трудно было сообразить, что̀ сказать и сдѣлать.

— Вотъ видишь ли...—онъ указалъ въ углу комнаты какіе-то желѣзные бруски, завязанные бечевками.—Видишь ли это? Это начало новаго дѣла, къ которому мы приступаемъ. Дѣло это есть производительная артель...

Константинъ почти не слушалъ. Онъ вглядывался въ его болѣзненное чахоточное лицо, и все больше и больше ему жалко было его, и онъ не могъ заставить себя слушать то, что братъ разсказывалъ ему про артель. Онъ видѣлъ, что эта артель есть только якорь спасенія отъ презрѣнія къ самому себѣ. Николай Левинъ продолжалъ говорить:

— Ты знаешь, что капиталъ давитъ работника. Работники у насъ, мужики, несутъ всю тягость труда и поставлены такъ, что, сколько бы они ни трудились, они не могутъ выйти изъ своего скотскаго положенія. Всѣ барыши заработной платы, на которые они могли бы улучшить свое положеніе, доставить себѣ досугъ и вслѣдствіе этого образованіе,—всѣ излишки платы отнимаются у нихъ капиталистами. И такъ сложилось общество, что чѣмъ больше они будутъ работать, тѣмъ больше будутъ наживаться купцы, землевладѣльцы, а они будутъ скоты рабочіе всегда. И этотъ порядокъ нужно измѣнить,—кончилъ онъ и вопросительно посмотрѣлъ на брата.

— Да, разумѣется,—сказалъ Константинъ, вглядываясь въ румянецъ, выступившій подъ выдающимися костями щекъ брата.

— И мы вотъ устраиваемъ артель слесарную, гдѣ все производство, и барышъ, и главныя орудія производства, все будетъ общее.

— Гдѣ же будетъ артель?—спросилъ Константинъ Левинъ.

— Въ селѣ Воздремѣ, Казанской губерніи.

— Да отчего же въ селѣ? Въ селахъ, мнѣ кажется, и такъ дѣла много. Зачѣмъ въ селѣ слесарная артель?

— А затѣмъ, что мужики теперь такіе же рабы, какими были прежде, и отъ этого-то вамъ съ Сергѣемъ Иванычемъ и непріятно, что ихъ хотятъ вывести изъ этого рабства,—сказалъ Николай Левинъ, раздраженный возраженіемъ.

Константинъ Левинъ вздохнулъ, оглядывая въ это время комнату, мрачную и грязную. Этотъ вздохъ, казалось, еще болѣе раздражилъ Николая.

— Знаю ваши съ Сергѣемъ Иванычемъ аристократическія воззрѣнія. Знаю, что онъ всѣ силы ума употребляетъ на то, чтобъ оправдать существующее зло.

— Нѣтъ, да къ чему ты говоришь о Сергѣѣ Иванычѣ?—проговорилъ улыбаясь Левинъ.

— Сергѣй Иванычъ? А вотъ къ чему! — вдругъ при имени Сергѣя Ивановича вскрикнулъ Николай Левинъ,—вотъ къ чему... Да что говорить? Только одно... Для чего ты пріѣхалъ ко мнѣ? Ты презираешь это, и прекрасно, и ступай съ Богомъ, ступай!—кричалъ онъ, вставая со стула,—и ступай, и ступай!

— Я нисколько не презираю,—робко сказалъ Константинъ Левинъ.—Я даже и не спорю.

Въ это время вернулась Марья Николаевна. Николай Левинъ сердито оглянулся на нее. Она быстро подошла къ нему и что-то прошептала.

— Я нездоровъ, я раздражителенъ сталъ, — проговорилъ, успокаиваясь и тяжело дыша, Николай Левинъ,—и потомъ ты мнѣ говоришь о Сергѣѣ Иванычѣ и его статьѣ. Это такой вздоръ, такое вранье, такое самообманыванье. Что̀ можетъ писать о справедливости человѣкъ, который ея не знаетъ? Вы читали его статью?—обратился онъ къ Крицкому, опять садясь къ столу и сдвигая съ него до половины насыпанныя папиросы, чтобъ опростать мѣсто.

— Я не читалъ,—мрачно сказалъ Крицкій, очевидно не хотѣвшій вступать въ разговоръ.

— Отчего?—съ раздраженіемъ обратился теперь къ Крицкому Николай Левинъ.

— Потому что не считаю нужнымъ терять на это время.

— То-есть, позвольте, почему же вы знаете, что вы потеряете время? Многимъ статья эта недоступна, то-есть выше ихъ.

— Но я, другое дѣло, я вижу насквозь его мысли и знаю, почему это слабо.

Всѣ замолчали. Крицкій медлительно всталъ и взялся за шапку.

— Не хотите ужинать? Ну, прощайте. Завтра приходите со слесаремъ.

Только что Крицкій вышелъ, Николай Левинъ улыбнулся и подмигнулъ.

— Тоже плохъ,—проговорилъ онъ.—Вѣдь я вижу...

Но въ это время Крицкій въ дверяхъ позвалъ его.

— Что еще нужно?—сказалъ онъ и вышелъ къ нему въ коридоръ. Оставшись одинъ съ Марьей Николаевной, Левинъ обратился къ ней:

— А вы давно съ братомъ?—сказалъ онъ ей.

— Да вотъ уже второй годъ. Здоровье ихъ очень плохо стало. Пьютъ много,—сказала она.

— То-есть какъ пьетъ?

— Водку пьютъ, а имъ вредно.

— А развѣ много?—прошепталъ Левинъ.

— Да,—сказала она, робко оглядываясь на дверь, въ которой показался Николай Левинъ.

— О чемъ вы говорили?—сказалъ онъ, хмурясь и переводя испуганные глаза съ одного на другого.—О чемъ?

— Ни о чемъ,—смутясь отвѣчалъ Константинъ.

— А не хотите говорить, какъ хотите. Только нечего тебѣ съ ней говорить. Она дѣвка, а ты баринъ,—проговорилъ онъ, подергиваясь шеей.—Ты, я вѣдь вижу, все понялъ и оцѣнилъ и съ сожалѣніемъ относишься къ моимъ заблужденіямъ,—заговорилъ онъ опять, возвышая голосъ.

— Николай Дмитричъ, Николай Дмитричъ,—прошептала опять Марья Николаевна, приближаясь къ нему.

— Ну хорошо, хорошо!.. Да что жъ ужинъ? А, вотъ и онъ,—проговорилъ онъ, увидавъ лакея съ подносомъ.—Сюда, сюда ставь,—проговорилъ онъ сердито и тотчасъ взялъ водку, налилъ рюмку и жадно выпилъ.—Выпей, хочешь?—обратился онъ къ брату, тотчасъ же повеселѣвъ.—Ну, будетъ о Сергѣѣ Иванычѣ. Я все-таки радъ тебя видѣть. Что тамъ ни толкуй, а все не чужіе. Ну, выпей же. Разскажи, что ты дѣлаешь?—продолжалъ онъ, жадно пережевывая кусокъ хлѣба и наливая другую рюмку.—Какъ ты живешь?

— Живу одинъ въ деревнѣ, какъ жилъ прежде, занимаюсь хозяйствомъ,—отвѣчалъ Константинъ, съ ужасомъ вглядываясь въ жадность, съ которою братъ его пилъ и ѣлъ, и стараясь скрыть свое вниманіе.

— Отчего ты не женишься?

— Не пришлось,—покраснѣвъ отвѣчалъ Константинъ.

— Отчего? Мнѣ—кончено. Я свою жизнь испортилъ. Это я сказалъ, и скажу, что если бы мнѣ дали тогда мою часть, когда мнѣ она нужна была, вся жизнь моя была бы другая.

Константинъ поспѣшилъ отвести разговоръ.

— А ты знаешь, что твой Ванюшка у меня въ Покровскомъ конторщикомъ?—сказалъ 'онъ.

Николай дернулъ шеей и задумался.

— Да, разскажи мнѣ, что дѣлается въ Покровскомъ? Что, домъ все стоитъ, и березы, и наша классная? А Филиппъ садовникъ неужели живъ? Какъ я помню бесѣдку и диванъ!.. Да смотри же, ничего не перемѣняй въ домѣ, но скорѣе женись и опять заведи то же, что было. Я тогда пріѣду къ тебѣ, если твоя жена будетъ хорошая.

— Да пріѣзжай теперь ко мнѣ,—сказалъ Левинъ.—Какъ бы мы хорошо устроились!

— Я бы пріѣхалъ къ тебѣ, если бы зналъ, что не найду Сергѣя Иваныча.

— Ты его не найдешь. Я живу совершенно независимо отъ него.

— Да, но какъ ни говори, ты долженъ выбрать между мною и имъ,—сказалъ онъ, робко глядя въ глаза брату.

Эта робость тронула Константина.

— Если хочешь знать всю мою исповѣдь въ этомъ отношеніи, я скажу тебѣ, что въ вашей ссорѣ съ Сергѣемъ Иванычемъ я не беру ни той, ни другой стороны. Вы оба неправы. Ты неправъ болѣе внѣшнимъ образомъ, а онъ болѣе внутренно.

— А, а! Ты понялъ это, ты понялъ это!—радостно закричалъ Николай.

— Но я лично, если ты хочешь знать, больше дорожу дружбой съ тобой, потому что...

— Почему, почему?

Константинъ не могъ сказать, что онъ дорожитъ потому, что Николай несчастенъ и ему нужна дружба. Но Николай понялъ, что онъ хотѣлъ сказать именно это, и, нахмурившись, взялся опять за водку.

— Будетъ, Николай Дмитричъ!—сказала Марья Николаевна, протягивая пухлую обнаженную руку къ графинчику.

— Пусти! Не приставай! Прибью! — крикнулъ онъ.

Марья Николаевна улыбнулась кроткою и доброю улыбкой, которая сообщилась и Николаю, и приняла водку.

— Да ты думаешь, она ничего не понимаетъ?—сказалъ Николай.—Она все это понимаетъ лучше всѣхъ насъ. Правда, что есть въ ней что-то хорошее, милое?

— Вы никогда прежде не были въ Москвѣ?—сказалъ ей Константинъ, чтобы сказать что-нибудь.

— Да не говори ей *вы*. Она этого боится. Ей никто, кромѣ мирового судьи, когда ее судили за то, что она хотѣла уйти изъ дома разврата, никто не говорилъ *вы*. Боже мой, что это за безсмыслица на свѣтѣ!—вдругъ вскрикнулъ онъ.—Эти новыя учрежденія, эти мировые судьи, земства—что это за безобразіе!

И онъ началъ разсказывать свои столкновенія съ новыми учрежденіями.

Константинъ Левинъ слушалъ его, и то отрицаніе смысла во всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ, которое онъ раздѣлялъ съ нимъ и часто высказывалъ, было ему непріятно теперь изъ устъ брата.

— На томъ свѣтѣ поймемъ все это,—сказалъ онъ шутя.

— На томъ свѣтѣ? Охъ, не люблю я тотъ свѣтъ! Не люблю,—сказалъ онъ, остановивъ испуганные, дикіе глаза на лицѣ брата.—И вѣдь вотъ, кажется, что уйти изо всей мерзости, путаницы, и чужой, и своей, хорошо бы было, а я боюсь смерти, ужасно боюсь смерти.—Онъ содрогнулся.—Да выпей что-нибудь. Хочешь шампанскаго? Или поѣдемъ куда-нибудь. Поѣдемъ къ цыганамъ! Знаешь, я очень полюбилъ цыганъ и русскія пѣсни.

Языкъ его сталъ мѣшаться, и онъ пошелъ перескакивать съ одного предмета на другой. Константинъ съ помощью Маши уговорилъ его никуда не ѣздить и уложилъ спать совершенно пьянаго.

Маша обѣщала писать Константину въ случаѣ нужды и уговаривать Николая Левина пріѣхать жить къ брату.

XXVI.

Утромъ Константинъ Левинъ выѣхалъ изъ Москвы и къ вечеру пріѣхалъ домой. Дорогой въ вагонѣ онъ разговаривалъ съ сосѣдями о политикѣ, о новыхъ желѣзныхъ дорогахъ, и такъ же, какъ въ Москвѣ, его одолѣвали путаница понятій, недовольство собой, стыдъ предъ чѣмъ-то; но когда онъ вышелъ на

своей станціи, узналъ кривого кучера Игната, съ поднятымъ воротникомъ кафтана, когда увидалъ въ неяркомъ свѣтѣ, падающемъ изъ оконъ станціи, свои ковровыя сани, своихъ лошадей съ подвязанными хвостами, въ сбруѣ съ кольцами и мохрами, когда кучеръ Игнатъ, еще въ то время какъ укладывались, разсказалъ ему деревенскія новости, о приходѣ рядчика и о томъ, что отелилась Пава,—онъ почувствовалъ, что понемногу путаница разъясняется и стыдъ, недовольство собой проходятъ. Это онъ почувствовалъ при одномъ видѣ Игната и лошадей; но когда онъ надѣлъ привезенный ему тулупъ, сѣлъ закутавшись въ сани и поѣхалъ, раздумывая о предстоящихъ распоряженіяхъ въ деревнѣ и поглядывая на пристяжную, бывшую верховую донскую, надорванную, но лихую лошадь, онъ совершенно иначе сталъ понимать то, что съ нимъ случилось. Онъ чувствовалъ себя собой и другимъ не хотѣлъ быть. Онъ хотѣлъ теперь быть только лучше, чѣмъ онъ былъ прежде. Во-первыхъ, съ этого дня онъ рѣшилъ, что не будетъ больше надѣяться на необыкновенное счастіе, какое ему должна была дать женитьба, и вслѣдствіе этого не будетъ такъ пренебрегать настоящимъ. Во-вторыхъ, онъ уже никогда не позволитъ себѣ увлечься гадкою страстью, воспоминаніе о которой такъ мучило его, когда онъ собирался сдѣлать предложеніе. Потомъ, вспоминая брата Николая, онъ рѣшилъ самъ съ собою, что никогда уже не позволитъ себѣ забыть его, будетъ слѣдить за нимъ и не выпуститъ его изъ виду, чтобы быть готовымъ на помощь, когда ему придется плохо. А это будетъ скоро, онъ это чувствовалъ. Потомъ и разговоръ брата о коммунизмѣ, къ которому тогда онъ такъ легко отнесся, теперь заставилъ его задуматься. Онъ считалъ передѣлку экономическихъ условій вздоромъ; но онъ всегда чувствовалъ несправедливость своего избытка въ сравненіи съ бѣдностью народа и теперь рѣшилъ про себя, что для того, чтобы чувствовать себя вполнѣ правымъ, хотя и прежде много работалъ и не роскошно жилъ, теперь будетъ еще больше работать и еще меньше будетъ позволять себѣ роскоши. И все это казалось ему такъ легко сдѣлать надъ собой, что всю дорогу онъ провелъ въ самыхъ пріятныхъ мечтаніяхъ. Съ бодрымъ чувствомъ надежды на новую, лучшую жизнь онъ въ девятомъ часу ночи подъѣхалъ къ своему дому.

Изъ оконъ комнаты Агаѳьи Михайловны, старой нянюшки, исполнявшей въ его домѣ роль экономки, падалъ свѣтъ на снѣгъ площадки предъ домомъ. Она не спала еще. Кузьма, разбуженный ею, сонный и босикомъ, выбѣжалъ на крыльцо. Легавая сука Ласка, чуть не сбивъ съ ногъ Кузьму, выскочила тоже

и визжала, терлась о его колѣни, поднималась и хотѣла, и не смѣла положить переднія лапы ему на грудь.

— Скоро жъ, батюшка, вернулись, — сказала Агаѳья Михайловна.

— Соскучился, Агаѳья Михайловна. Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше, — отвѣчалъ онъ ей и прошелъ въ кабинетъ.

Кабинетъ медленно освѣтился принесенною свѣчой. Выступили знакомыя подробности: оленьи рога, полки съ книгами, зеркало, печь съ отдушникомъ, который давно надо было починить, отцовскій диванъ, большой столъ, на столѣ открытая книга, сломанная пепельница, тетрадь съ его почеркомъ. Когда онъ увидалъ все это, на него нашло на минуту сомнѣніе въ возможности устроить ту новую жизнь, о которой онъ мечталъ дорогой. Всѣ эти слѣды его жизни какъ будто охватили его и говорили ему: «нѣтъ, ты не уйдешь отъ насъ и не будешь другимъ, а будешь такой же, каковъ былъ: съ сомнѣніями, вѣчнымъ недовольствомъ собой, напрасными попытками исправленія и паденіями, и вѣчнымъ ожиданіемъ счастія, которое не далось и невозможно тебѣ».

Но это говорили его вещи; другой же голосъ въ душѣ говорилъ, что не надо подчиняться прошедшему и что съ собой сдѣлать все возможно. И, слушаясь этого голоса, онъ подошелъ къ углу, гдѣ у него стояли двѣ пудовыя гири, и сталъ гимнастически поднимать ихъ, стараясь привести себя въ состояніе бодрости. За дверью заскрипѣли шаги. Онъ поспѣшно поставилъ гири.

Вошелъ приказчикъ и сказалъ, что все слава Богу благополучно, но сообщилъ, что греча въ новой сушилкѣ подгорѣла. Извѣстіе это раздражило Левина. Новая сушилка была выстроена и частью придумана Левинымъ. Приказчикъ былъ всегда противъ этой сушилки и теперь со скрытымъ торжествомъ объявлялъ, что греча подгорѣла. Левинъ же былъ твердо убѣжденъ, что если она подгорѣла, то потому только, что не были приняты тѣ мѣры, о которыхъ онъ сотни разъ приказывалъ. Ему стало досадно, и онъ сдѣлалъ выговоръ приказчику. Но было одно важное и радостное событіе: отелилась Пава, лучшая, дорогая, купленная съ выставки корова.

— Кузьма, дай тулупъ. А вы велите-ка взять фонарь, я пойду взгляну, — сказалъ онъ приказчику.

Скотная для дорогихъ коровъ была сейчасъ за домомъ. Пройдя черезъ дворъ мимо сугроба у сирени, онъ подошелъ къ скотной. Пахнуло навознымъ теплымъ паромъ, когда отворилась примерзшая дверь, и коровы, удивленныя непривычнымъ свѣтомъ

фонаря, зашевелились на свѣжей соломѣ. Мелькнула гладкая, чернопѣгая, широкая спина голландки. Беркутъ, быкъ, лежалъ со своимъ кольцомъ въ губѣ и хотѣлъ было встать, но раздумалъ и только пыхнулъ раза два, когда проходили мимо. Красная красавица, громадная, какъ гиппопотамъ, Пава, повернувшись задомъ, заслоняла отъ входившихъ теленка и обнюхивала его.

Левинъ вошелъ въ денникъ, оглядѣлъ Паву и поднялъ краснопѣгаго теленка на его шаткія длинныя ноги. Взволнованная Пава замычала было, но успокоилась, когда Левинъ подвинулъ къ ней телку, и, тяжело вздохнувъ, стала лизать ее шершавымъ языкомъ. Телка, отыскивая, подталкивала носомъ подъ пахъ свою мать и крутила хвостикомъ.

— Да сюда посвѣти, Өедоръ, сюда фонарь, — говорилъ Левинъ, оглядывая телку. — Въ мать! Даромъ что мастью въ отца. Очень хороша. Длинна и пашиста. Василій Өедоровичъ, вѣдь хороша? — обращался онъ къ приказчику, совершенно примиряясь съ нимъ за гречу подъ вліяніемъ радости за телку.

— Въ кого же дурной быть? А Семенъ рядчикъ на другой день вашего отъѣзда пришелъ. Надо будетъ порядиться съ нимъ, Константинъ Дмитричъ, — сказалъ приказчикъ. — Я вамъ прежде докладывалъ про машину.

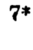
Одинъ этотъ вопросъ ввелъ Левина во всѣ подробности хозяйства, которое было большое и сложное, и онъ прямо изъ коровника пошелъ въ контору и, поговоривъ съ приказчикомъ и съ Семеномъ рядчикомъ, вернулся домой и прямо прошелъ наверхъ въ гостиную.

XXVII.

Домъ былъ большой, старинный, и Левинъ хотя жилъ одинъ, но топилъ и занималъ весь домъ. Онъ зналъ, что это было глупо, зналъ, что это даже нехорошо и противно теперешнимъ новымъ планамъ, но домъ этотъ былъ цѣлый міръ для Левина. Это былъ міръ, въ которомъ жили и умерли его отецъ и мать. Они жили тою жизнью, которая для Левина казалась идеаломъ всякаго совершенства и которую онъ мечталъ возобновить со своею женой, со своею семьей.

Левинъ едва помнилъ свою мать. Понятіе о ней было для него священнымъ воспоминаніемъ, и будущая жена его должна была быть въ его воображеніи повтореніемъ того прелестнаго, святого идеала женщины, какимъ была его мать.

Любовь къ женщинѣ онъ не только не могъ себѣ представить безъ брака, но онъ прежде представлялъ себѣ семью, а



потомъ уже ту женщину, которая дастъ ему семью. Его понятія о женитьбѣ поэтому не были похожи на понятія большинства его знакомыхъ, для которыхъ женитьба была однимъ изъ многихъ общежитейскихъ дѣлъ; для Левина это было главнымъ дѣломъ жизни, отъ котораго зависѣло все ея счастіе. И теперь отъ этого нужно было отказаться.

Когда онъ вошелъ въ маленькую гостиную, гдѣ всегда пилъ чай, и усѣлся въ своемъ креслѣ съ книгой, а Агаѳья Михайловна принесла ему чаю и со своимъ обычнымъ: «а я сяду, батюшка», сѣла на стулъ у окна, онъ почувствовалъ, что, какъ ни странно это было, онъ не разстался со своими мечтами и что онъ безъ нихъ жить не можетъ. Съ нею ли, съ другою ли, но это будетъ. Онъ читалъ книгу, думалъ о томъ, что̀ читалъ, останавливаясь, чтобы слышать Агаѳью Михайловну, которая безъ-устали болтала, и вмѣстѣ съ тѣмъ разныя картины хозяйства и будущей семейной жизни безъ связи представлялись его воображенію. Онъ чувствовалъ, что въ глубинѣ его души что-то устанавливалось, умѣрялось и укладывалось.

Онъ слушалъ разговоръ Агаѳьи Михайловны о томъ, какъ Прохоръ Бога забылъ, и на тѣ деньги, что ему подарилъ Левинъ, чтобы лошадь купить, пьетъ безъ просыпу и жену избилъ до смерти; онъ слушалъ и читалъ книгу и вспоминалъ весь ходъ своихъ мыслей, возбужденныхъ чтеніемъ. Это была книга Тиндаля о теплотѣ. Онъ вспоминалъ свои осужденія Тиндалю за его самодовольство въ ловкости производства опытовъ и за то, что ему недостаетъ философскаго взгляда. И вдругъ всплывала радостная мысль: «черезъ два года будутъ у меня въ стадѣ двѣ голландки, сама Пава еще можетъ быть жива, двѣнадцать молодыхъ Беркутовыхъ дочерей да подсыпать на казовый конецъ этихъ трехъ — чудо!» Онъ опять взялся за книгу. «Ну, хорошо, электричество и теплота одно и то же; но возможно ли въ уравненіи для рѣшенія вопроса поставить одну величину вмѣсто другой? Нѣтъ. Ну, такъ что же? Связь между всѣми силами природы и такъ чувствуется инстинктомъ... Особенно пріятно, какъ Павина дочь будетъ уже краснопѣгою коровой, и все стадо, въ которое подсыпать этихъ трехъ!.. Отлично! Выйти съ женой и гостями встрѣчать стадо... Жена скажетъ: мы съ Костей какъ ребенка выхаживали эту телку. Какъ это можетъ васъ такъ интересовать? скажетъ гость. Все, что его интересуетъ, интересуетъ меня. Но кто она?» И онъ вспоминалъ то, что произошло въ Москвѣ... «Ну, что же дѣлать?.. Я не виноватъ. Но теперь все пойдетъ по-новому. Это вздоръ, что не допуститъ жизнь, что прошедшее не допуститъ.

Надо биться, чтобы лучше, гораздо лучше жить...» Онъ приподнялъ голову и задумался. Старая Ласка, еще не совсѣмъ переварившая радость его пріѣзда и бѣгавшая, чтобы полаять на дворѣ, вернулась, махая хвостомъ и внося съ собой запахъ воздуха, подошла къ нему, подсунула голову подъ его руку, жалобно подвизгивая и требуя, чтобы онъ поласкалъ ее.

— Только не говоритъ,—сказала Агаѳья Михайловна.— А песъ... Вѣдь понимаетъ же, что хозяинъ пріѣхалъ и ему скучно.

— Отчего же скучно?

— Да развѣ я не вижу, батюшка? Пора мнѣ господъ знать. Сызмальства въ господахъ выросла. Ничего, батюшка. Было бы здоровье, да совѣсть чиста.

Левинъ пристально смотрѣлъ на нее, удивляясь тому, какъ она поняла его мысли.

— Что жъ, принесть еще чайку? — сказала она и, взявъ чашку, вышла.

Ласка все подсовывала голову подъ его руку. Онъ погладилъ ее, и она тутъ же у ногъ его свернулась кольцомъ, положивъ голову на высунувшуюся заднюю лапу. И въ знакъ того, что теперь все хорошо и благополучно, она слегка раскрыла ротъ, почмокала губами и, лучше уложивъ около старыхъ зубовъ липкія губы, затихла въ блаженномъ спокойствіи. Левинъ внимательно слѣдилъ за этимъ послѣднимъ ея движеніемъ.

— Такъ-то и я! — сказалъ онъ себѣ, — такъ-то и я! Ничего... Все хорошо.

XXVIII.

Послѣ бала, рано утромъ, Анна Аркадьевна послала мужу телеграмму о своемъ выѣздѣ изъ Москвы въ тотъ же день.

— Нѣтъ, мнѣ надо, надо ѣхать, — объясняла она невѣсткѣ перемѣну своего намѣренія такимъ тономъ, какъ будто она вспомнила столько дѣлъ, что не перечтешь; — нѣтъ, ужъ лучше нынче!

Степанъ Аркадьевичъ не обѣдалъ дома, но обѣщалъ пріѣхать проводить сестру въ семь часовъ.

Кити тоже не пріѣхала, приславъ записку, что у нея голова болитъ. Долли и Анна обѣдали однѣ съ дѣтьми и англичанкой. Потому ли, что дѣти непостоянны или очень чутки и почувствовали, что Анна въ этотъ день совсѣмъ не такая, какъ въ тотъ, когда они такъ полюбили ее, что она уже не занята ими, но только они вдругъ прекратили свою игру съ теткой и лю-

бовь къ ней, и ихъ совершенно не занимало то, что она уѣзжаетъ. Анна все утро была занята приготовленіями къ отъѣзду. Она писала записки къ московскимъ знакомымъ, записывала свои счеты и укладывалась. Вообще Долли казалось, что она не въ спокойномъ духѣ, а въ томъ духѣ заботы, который Долли хорошо знала за собой и который находитъ не безъ причины и большею частью прикрываетъ недовольство собой. Послѣ обѣда Анна пошла одѣваться въ свою комнату, и Долли пошла за ней.

— Какая ты нынче странная! — сказала ей Долли.

— Я? ты находишь? Я не странная, но я дурная. Это бываетъ со мной. Мнѣ все хочется плакать. Это очень глупо, но это проходитъ, — сказала быстро Анна и нагнула покраснѣвшее лицо къ игрушечному мѣшочку, въ который она укладывала ночной чепчикъ и батистовые платки. Глаза ея особенно блестѣли и безпрестанно подергивались слезами. — Такъ мнѣ изъ Петербурга не хотѣлось уѣзжать, а теперь отсюда не хочется.

— Ты пріѣхала сюда и сдѣлала доброе дѣло, — сказала Долли, внимательно высматривая ее.

Анна посмотрѣла на нее мокрыми отъ слезъ глазами.

— Не говори этого, Долли. Я ничего не сдѣлала и не могла сдѣлать. Я часто удивляюсь, зачѣмъ люди сговорились портить меня. Что я сдѣлала и что могла сдѣлать? У тебя въ сердцѣ нашлось столько любви, чтобы простить...

— Безъ тебя Богъ знаетъ что̀ бы было! Какая ты счастливая, Анна, — сказала Долли. — У тебя все въ душѣ ясно и хорошо.

— У каждаго есть въ душѣ свои skeletons, какъ говорятъ англичане.

– Какой же у тебя skeleton? У тебя все такъ ясно.

— Есть! — вдругъ сказала Анна, и неожиданно послѣ слезъ хитрая, смѣшливая улыбка сморщила ея губы.

— Ну, такъ онъ смѣшной, твой skeleton, а не мрачный,— улыбаясь сказала Долли.

— Нѣтъ, мрачный. Ты знаешь, отчего я ѣду нынче, а не завтра? Это признаніе, которое меня давило, я хочу тебѣ его сдѣлать, — сказала Анна, рѣшительно откидываясь на креслѣ и глядя прямо въ глаза Долли.

И, къ удивленію своему, Долли увидала, что Анна покраснѣла до ушей, до вьющихся черныхъ косицъ на шеѣ.

— Да, — продолжала Анна. — Ты знаешь, отчего Кити не пріѣхала обѣдать? Она ревнуетъ ко мнѣ. Я испортила... я была причиной того, что балъ этотъ былъ для нея мученіемъ, а не радостью. Но, право, право, я не виновата, или виновата не-

множко, — сказала она, тонкимъ голосомъ протянувъ слово «немножко».

— О, какъ ты это похоже сказала на Стиву, — смѣясь сказала Долли.

Анна оскорбилась.

— О, нѣтъ, о, нѣтъ! Я не Стива, — сказала она хмурясь.— Я оттого говорю тебѣ, что я ни на минуту даже не позволяю себѣ сомнѣваться въ себѣ, — сказала Анна.

Но въ ту минуту, когда она выговаривала эти слова, она чувствовала, что они несправедливы; она не только сомнѣвалась въ себѣ, она чувствовала волненіе при мысли о Вронскомъ и уѣзжала скорѣе, чѣмъ хотѣла, только для того, чтобы больше не встрѣчаться съ нимъ.

— Да, Стива мнѣ говорилъ, что ты съ нимъ танцовала мазурку и что онъ...

— Ты не можешь себѣ представить, какъ это смѣшно вышло. Я только думала сватать, и вдругъ совсѣмъ другое. Можетъ быть, я противъ воли...

Она покраснѣла и остановилась.

— О, они это сейчасъ чувствуютъ! — сказала Долли.

— Но я была бы въ отчаяніи, если бы тутъ было что-нибудь серьезное съ его стороны, — перебила ее Анна. — И я увѣрена, что это все забудется, и Кити перестанетъ меня ненавидѣть.

— Впрочемъ, Анна, по правдѣ тебѣ сказать, я не очень желаю для Кити этого брака. И лучше, чтобъ это разошлось, если онъ, Вронскій, могъ влюбиться въ тебя въ одинъ день.

— Ахъ, Боже мой, это было бы такъ глупо! — сказала Анна, и опять густая краска удовольствія выступила на ея лицѣ, когда она услыхала занимавшую ее мысль, выговоренную словами.— Такъ вотъ и я уѣзжаю, сдѣлавъ себѣ врага въ Кити, которую я такъ полюбила. Ахъ, какая она милая! Но ты поправишь это, Долли? Да?

Долли едва могда удерживать улыбку. Она любила Анну, но ей пріятно было видѣть, что и у нея есть слабости.

— Врага? Это не можетъ быть.

— Я такъ бы желала, чтобы вы всѣ меня любили, какъ я васъ люблю; а теперь я еще больше полюбила васъ, — сказала Анна со слезами на глазахъ. — Ахъ, какъ я нынче глупа.

Она провела платкомъ по лицу и стала одѣваться.

Ужъ передъ самымъ отъѣздомъ пріѣхалъ опоздавшій Степанъ Аркадьевичъ, съ краснымъ, веселымъ лицомъ и запахомъ вина и сигары.

Чувствительность Анны сообщилась и Долли и, когда она въ послѣдній разъ обняла золовку, она прошептала:

— Помни, Анна: что̀ ты для меня сдѣлала, я никогда не забуду. И помни, что я любила и всегда буду любить тебя, какъ лучшаго друга!

— Я не понимаю за что, — проговорила Анна, цѣлуя ее и скрывая слезы.

— Ты меня поняла и понимаешь. Прощай, моя прелесть!

XXIX.

«Ну, все кончено, и слава Богу!» была первая мысль, пришедшая Аннѣ Аркадьевнѣ, когда она простилась въ послѣдній разъ съ братомъ, который до третьяго звонка загораживалъ собой дорогу въ вагонѣ. Она сѣла на свой диванчикъ, рядомъ съ Аннушкой, и оглядѣлась въ полусвѣтѣ спальнаго вагона. «Слава Богу, завтра увижу Сережу и Алексѣя Александровича, и пойдетъ моя жизнь, хорошая и привычная, по-старому».

Все въ томъ же духѣ озабоченности, въ которомъ она находилась весь этотъ день, Анна съ удовольствіемъ и отчетливостью устроилась въ дорогу; своими маленькими, ловкими руками она отперла и заперла красный мѣшочекъ, достала подушечку, положила себѣ на колѣни и, аккуратно закутавъ ноги, спокойно усѣлась. Больная дама укладывалась уже спать. Двѣ другія дамы заговаривали съ Анной, и толстая старуха укутывала ноги и выражала замѣчанія о топкѣ. Анна отвѣтила нѣсколько словъ дамамъ, но, не предвидя интереса отъ разговора, попросила Аннушку достать фонарикъ, прицѣпила его къ ручкѣ кресла и взяла изъ своей сумочки разрѣзной ножикъ и англійскій романъ. Первое время ей не читалось. Сначала мѣшали возня и ходьба; потомъ, когда тронулся поѣздъ, нельзя было не прислушаться къ звукамъ; потомъ снѣгъ, бившій въ лѣвое окно и налипавшій на стекло, и видъ закутаннаго мимо прошедшаго кондуктора, занесеннаго снѣгомъ съ одной стороны, и разговоры о томъ, какая теперь страшная метель на дворѣ, развлекали ея вниманіе. Далѣе все было то же и то же: та же тряска съ постукиваніемъ, тотъ же снѣгъ въ окно, тѣ же быстрые переходы отъ парового жара къ холоду и опять къ жару, то же мельканіе тѣхъ же лицъ въ полумракѣ и тѣ же голоса, и Анна стала читать и понимать читаемое. Аннушка уже дремала, держа красный мѣшочекъ на колѣняхъ широкими руками въ перчаткахъ, изъ которыхъ одна была прорвана. Анна

Аркадьевна читала и понимала, но ей непріятно было читать, то-есть слѣдить за отраженіемъ жизни другихъ людей. Ей слишкомъ самой хотѣлось жить. Читала ли она, какъ героиня романа ухаживала за больнымъ, — ей хотѣлось ходить неслышными шагами по комнатѣ больного; читала ли она о томъ, какъ членъ парламента говорилъ рѣчь, — ей хотѣлось говорить эту рѣчь; читала ли она о томъ, какъ леди Мери ѣхала верхомъ за стаей и дразнила невѣстку и удивляла всѣхъ своею смѣлостью, ей хотѣлось это дѣлать самой. Но дѣлать нечего было, и она, перебирая своими маленькими руками гладкій ножичекъ, усиливалась читать.

Герой романа уже началъ достигать своего англійскаго счастія, баронетства и имѣнія, и Анна желала съ нимъ вмѣстѣ ѣхать въ это имѣніе, какъ вдругъ она почувствовала, что ему должно быть стыдно и что ей стыдно этого самаго. Но чего же ему стыдно? «Чего же мнѣ стыдно?» спросила она себя съ оскорбленнымъ удивленіемъ. Она оставила книгу и откинулась на спинку кресла, крѣпко сжавъ въ обѣихъ рукахъ разрѣзной ножикъ. Стыднаго ничего не было. Она перебрала всѣ свои московскія воспоминанія. Всѣ были хорошія, пріятныя. Вспомнила балъ, вспомнила Вронскаго и его влюбленное, покорное лицо вспомнила всѣ свои отношенія съ нимъ: ничего не было стыднаго. А вмѣстѣ съ тѣмъ на этомъ самомъ мѣстѣ воспоминаній чувство стыда усиливалось, какъ будто какой-то внутренній голосъ именно тутъ, когда она вспомнила о Вронскомъ, говорилъ ей: «тепло, очень тепло, горячо». «Ну, что же? — сказала она себѣ рѣшительно, пересаживаясь въ креслѣ. — Что же это значитъ? Развѣ я боюсь взглянуть прямо на это! Ну что же? Неужели между мной и этимъ офицеромъ-мальчикомъ существуютъ и могутъ существовать какія-нибудь другія отношенія, кромѣ тѣхъ, какія бываютъ съ каждымъ знакомымъ?» Она презрительно усмѣхнулась и опять взялась за книгу; но уже рѣшительно не могла понимать того, что̀ читала. Она провела разрѣзнымъ ножомъ по стеклу, потомъ приложила его гладкую и холодную поверхность къ щекѣ и чуть вслухъ не засмѣялась отъ радости, вдругъ безпричинно овладѣвшей ею. Она чувствовала, что нервы ея какъ струны натягиваются все туже и туже на какіе-то завинчивающіеся колышки. Она чувствовала, что глаза ея раскрываются больше и больше, что пальцы на рукахъ и ногахъ нервно движутся, что внутри что-то давитъ дыханіе и что всѣ образы и звуки въ этомъ колеблющемся полумракѣ съ необычайною яркостью поражаютъ ее. На нее безпрестанно находили минуты сомнѣнія: впередъ ли ѣдетъ вагонъ, или на-

задъ, или вовсе стоитъ. Аннушка ли подлѣ нея, или чужая? «Что тамъ, на ручкѣ: шуба ли это, или звѣрь? И что сама я тутъ: я сама, или другая?» Ей страшно было отдаваться этому забытью. Но что-то втягивало ее въ него, и она по произволу могла отдаваться ему и воздерживаться. Она поднялась, чтобы опомниться, откинула пледъ и сняла пелерину теплаго платья. На минуту она опомнилась и поняла, что вошедшій худой мужикъ въ длинномъ нанковомъ пальто, на которомъ недоставало пуговицы, былъ истопникъ, что онъ смотрѣлъ термометръ, что вѣтеръ и снѣгъ ворвались за нимъ въ дверь; но потомъ опять все смѣшалось... Мужикъ этотъ съ длинною таліей принялся грызть что-то въ стѣнѣ; старушка стала протягивать ноги во всю длину вагона и наполнила его чернымъ облакомъ; потомъ что-то страшно заскрипѣло и застучало, какъ будто раздирали кого-то; потомъ красный огонь ослѣпилъ глаза, и потомъ все закрылось стѣной. Анна почувствовала, что она провалилась. Но все это было не страшно, а весело. Голосъ окутаннаго и занесеннаго снѣгомъ человѣка прокричалъ что-то ей надъ ухомъ. Она поднялась и опомнилась; она поняла, что подъѣхали къ станціи и что это былъ кондукторъ. Она попросила Аннушку подать ей снятую пелерину и платокъ, надѣла ихъ и направилась къ двери.

— Выходить изволите? — спросила Аннушка.

— Да, мнѣ подышать хочется. Тутъ очень жарко.

И она отворила дверь. Метель и вѣтеръ рванулись ей навстрѣчу и заспорили съ ней о двери. И это ей показалось весело. Она отворила дверь и вышла. Вѣтеръ какъ будто только ждалъ ее: радостно засвисталъ и хотѣлъ подхватить и унести ее, но она рукой взялась за холодный столбикъ и, придерживая платокъ, спустилась на платформу и зашла за вагонъ. Вѣтеръ былъ силенъ на крылечкѣ, но на платформѣ за вагонами было затишье. Съ наслажденіемъ, полною грудью она вдыхала въ себя снѣжный морозный воздухъ и, стоя подлѣ вагона, оглядывала платформу и освѣщенную станцію.

XXX.

Страшная буря рвалась и свистѣла между колесами вагоновъ по столбамъ изъ-за угла станціи. Вагоны, столбы, люди, все, что было видно, было занесено съ одной стороны снѣгомъ и заносилось все больше и больше. На мгновеніе буря затихла, но потомъ опять налетала такими порывами, что, казалось,

нельзя было противостоять ей. Между тѣмъ какіе-то люди бѣгали, весело переговариваясь, скрипя по доскамъ платформы и безпрестанно отворяя и затворяя большія двери. Согнутая тѣнь человѣка проскользнула подъ ея ногами, и послышались звуки молотка по желѣзу. «Депешу дай!» раздался сердитый голосъ съ другой стороны изъ бурнаго мрака. «Сюда пожалуйте! № 28!» кричали еще разные голоса, и занесенные снѣгомъ пробѣгали обвязанные люди. Какіе-то два господина, съ огнемъ папиросъ во рту, прошли мимо нея. Она вздохнула еще разъ, чтобы надышаться, и уже вынула руку изъ муфты, чтобы взяться за столбикъ и войти въ вагонъ, какъ еще человѣкъ въ военномъ пальто подлѣ нея самой заслонилъ ей колеблющійся свѣтъ фонаря. Она оглянулась и въ ту же минуту узнала лицо Вронскаго. Приложивъ руку къ козырьку, онъ наклонился передъ ней и спросилъ, не нужно ли ей чего-нибудь, не можетъ ли онъ служить ей. Она довольно долго, ничего не отвѣчая, вглядывалась въ него и, несмотря на тѣнь, въ которой онъ стоялъ, видѣла, или ей казалось, что видѣла, и выраженіе его лица и глазъ. Это было опять то выраженіе почтительнаго восхищенія, которое такъ подѣйствовало на нее вчера. Не разъ говорила она себѣ эти послѣдніе дни и сейчасъ только, что Вронскій для нея одинъ изъ сотенъ вѣчно однихъ и тѣхъ же, повсюду встрѣчаемыхъ молодыхъ людей, что она никогда не позволитъ себѣ и думать о немъ; но теперь, въ первое мгновеніе встрѣчи съ нимъ, ее охватило чувство радостной гордости. Ей не нужно было спрашивать, зачѣмъ онъ тутъ. Она знала это такъ же вѣрно, какъ если бы онъ сказалъ ей, что онъ тутъ для того, чтобы быть тамъ, гдѣ она.

— Я не знала, что вы ѣдете. Зачѣмъ вы ѣдете? — сказала она, опустивъ руку, которою взялась было за столбикъ. И неудержимая радость и оживленіе сіяли на ея лицѣ.

— Зачѣмъ я ѣду? — повторилъ онъ, глядя ей прямо въ глаза. — Вы знаете, я ѣду для того, чтобы быть тамъ, гдѣ вы, — сказалъ онъ, — я не могу иначе.

И въ это же время, какъ бы одолѣвъ препятствія, вѣтеръ посыпалъ снѣгъ съ крышъ вагоновъ, затрепалъ какимъ-то желѣзнымъ оторваннымъ листомъ, и впереди плачевно и мрачно заревѣлъ густой свистокъ паровоза. Весь ужасъ метели показался ей еще болѣе прекрасенъ теперь. Онъ сказалъ то самое чего желала ея душа, но чего она боялась разсудкомъ. Она ничего не отвѣчала, и на лицѣ ея онъ видѣлъ борьбу.

— Простите меня, если вамъ непріятно то, что я сказалъ, — заговорилъ онъ покорно.

Онъ говорилъ учтиво, почтительно, но такъ твердо и упорно, что она долго не могла ничего отвѣтить.

— Это дурно, что̀ вы говорите, и я прошу васъ, если вы хорошій человѣкъ, забудьте, что̀ вы сказали, какъ и я забуду, — сказала она наконецъ.

— Ни одного слова вашего, ни одного движенія вашего я не забуду никогда и не могу.

— Довольно, довольно! — вскрикнула она, тщетно стараясь придать строгое выраженіе своему лицу, въ которое онъ жадно всматривался. Взявшись рукой за холодный столбикъ, она поднялась на ступеньки и быстро вошла въ сѣни вагона. Но въ этихъ маленькихъ сѣняхъ она остановилась, обдумывая въ своемъ воображеніи то, что было. Не вспоминая ни своихъ, ни его словъ, она чувствомъ поняла, что этотъ минутный разговоръ страшно сблизилъ ихъ; и она была испугана и счастлива этимъ. Постоявъ нѣсколько секундъ, она вошла въ вагонъ и сѣла на свое мѣсто. То напряженное состояніе, которое ее мучило сначала, не только возобновилось, но усилилось и дошло до того, что она боялась, что всякую минуту порвется въ ней что-то слишкомъ натянутое. Она не спала всю ночь. Но въ томъ напряженіи и тѣхъ грезахъ, которыя наполняли ея воображеніе, не было ничего непріятнаго и мрачнаго; напротивъ, было что-то радостное, жгучее и возбуждающее. Къ утру Анна задремала, сидя въ креслѣ, и когда проснулась, то уже было свѣтло, и поѣздъ подходилъ къ Петербургу. Тотчасъ же мысли о домѣ, о мужѣ, о сынѣ и заботы предстоящаго дня и слѣдующихъ обступили ее.

Въ Петербургѣ, только что остановился поѣздъ и она вышла, первое лицо, обратившее ея вниманіе, было лицо мужа. «Ахъ, Боже мой! отчего у него стали такія уши?» подумала она, глядя на его холодную и представительную фигуру и особенно на поразившіе ее теперь хрящи ушей, подпиравшіе поля круглой шляпы. Увидавъ ее, онъ пошелъ къ ней навстрѣчу, сложивъ губы въ привычную ему, насмѣшливую улыбку и прямо глядя на нее большими усталыми глазами. Какое-то непріятное чувство щемило ей сердце, когда она встрѣтила его упорный и усталый взглядъ, какъ будто она ожидала увидѣть его другимъ. Въ особенности поразило ее чувство недовольства собой, которое она испытала при встрѣчѣ съ нимъ. Чувство то было домашнее, знакомое чувство, похожее на состояніе притворства, которое она испытывала въ отношеніяхъ къ мужу; но прежде она не замѣчала этого чувства, теперь она ясно и больно сознала его.

— Да, какъ видишь, нѣжный мужъ, нѣжпый, какъ на другой годъ женитьбы, сгоралъ желаніемъ увидѣть тебя, — сказалъ онъ своимъ медлительнымъ тонкимъ голосомъ и тѣмъ тономъ, который онъ всегда почти употреблялъ съ ней, — тономъ насмѣшки надъ тѣмъ, кто бы въ самомъ дѣлѣ такъ говорилъ.

— Сережа здоровъ? — спросила она.

— И это вся награда, — сказалъ онъ, — за мою пылкость? Здоровъ, здоровъ...

XXXI.

Вронскій и не пытался заснуть всю эту ночь. Онъ сидѣлъ на своемъ креслѣ, то прямо устремивъ глаза впередъ себя, то оглядывая входившихъ и выходившихъ, и если и прежде онъ поражалъ и волновалъ незнакомыхъ ему людей своимъ видомъ непоколебимаго спокойствія, то теперь онъ еще болѣе казался гордъ и самодовлѣющъ. Онъ смотрѣлъ на людей, какъ на вещи. Молодой нервный человѣкъ, служащій въ окружномъ судѣ, сидѣвшій противъ него, возненавидѣлъ его за этотъ видъ. Молодой человѣкъ и закуривалъ у него, и заговаривалъ съ нимъ, и даже толкалъ его, чтобы дать ему почувствовать, что онъ не вещь, а человѣкъ, но Вронскій смотрѣлъ на него все такъ же, какъ на фонарь, и молодой человѣкъ гримасничалъ, чувствуя, что онъ теряетъ самообладаніе подъ давленіемъ этого непризнаванія его человѣкомъ.

Вронскій ничего и никого не видалъ. Онъ чувствовалъ себя царемъ, не потому, чтобъ онъ вѣрилъ, что произвелъ впечатлѣніе на Анну, — онъ еще не вѣрилъ этому, — но потому, что впечатлѣніе, которое она произвела на него, давало ему счастіе и гордость.

Что̀ изъ этого всего выйдетъ, онъ не зналъ и даже не думалъ. Онъ чувствовалъ, что всѣ его доселѣ распущенныя, разбросанныя силы были собраны въ одно и съ страшною энергіей были направлены къ одной блаженной цѣли. И онъ былъ счастливъ этимъ. Онъ зналъ только, что сказалъ ей правду; что онъ ѣхалъ туда, гдѣ была она, что все счастіе жизни, единственный смыслъ жизни онъ находилъ теперь въ томъ, чтобы видѣть и слышать ее. И когда онъ вышелъ изъ вагона въ Бологовѣ, чтобы выпить сельтерской воды, и увидалъ Анну, невольно первое слово его сказало ей то самое, что̀ онъ думалъ. И онъ радъ былъ, что сказалъ ей это, что она знаетъ теперь это и думаетъ объ этомъ. Онъ не спалъ всю ночь. Вернувшись

въ свой вагонъ, онъ не переставая перебиралъ всѣ положенія, въ которыхъ ее видѣлъ, всѣ ея слова, и въ его воображеніи, заставляя замирать сердце, носились картины возможнаго будущаго.

Когда въ Петербургѣ онъ вышелъ изъ вагона, онъ чувствовалъ себя послѣ безсонной ночи оживленнымъ и свѣжимъ, какъ послѣ холодной ванны. Онъ остановился у своего вагона, ожидая ея выхода. «Еще разъ увижу, — говорилъ онъ себѣ, невольно улыбаясь, — увижу ея походку, ея лицо: скажетъ что-нибудь, поворотитъ голову, взглянетъ, улыбнется, можетъ быть». Но прежде еще чѣмъ онъ увидалъ ее, онъ увидалъ ея мужа, котораго начальникъ станціи учтиво проводилъ между толпой. «Ахъ, да! мужъ!» Теперь только въ первый разъ Вронскій ясно понялъ то, что мужъ было связанное съ нею лицо. Онъ зналъ, что у нея есть мужъ, но не вѣрилъ въ существованіе его, и повѣрилъ въ него вполнѣ, только когда увидѣлъ его, съ его головой, плечами и ногами въ черныхъ панталонахъ; въ особенности когда онъ увидалъ, какъ этотъ мужъ, съ чувствомъ собственности, спокойно взялъ ея руку.

Увидѣвъ Алексѣя Александровича съ его петербургски-свѣжимъ лицомъ и строго самоувѣренной фигурой, въ круглой шляпѣ, съ немного выдающеюся спиной, онъ повѣрилъ въ него и испыталъ непріятное чувство, подобное тому, какое испыталъ бы человѣкъ, мучимый жаждою и добравшійся до источника и находящій въ этомъ источникѣ собаку, овцу или свинью, которая и выпила и взмутила воду. Походка Алексѣя Александровича, ворочавшаго всѣмъ тазомъ и тупыми ногами, особенно оскорбляла Вронскаго. Онъ только за собой признавалъ несомнѣнное право любить ее. Но она была все та же, и видъ ея все такъ же, физически оживляя, возбуждая и наполняя счастіемъ его душу, подѣйствовалъ на него. Онъ приказалъ подбѣжавшему къ нему изъ второго класса нѣмцу-лакею взять вещи и ѣхать, и самъ подошелъ къ ней. Онъ видѣлъ первую встрѣчу мужа съ женой и замѣтилъ съ проницательностью влюбленнаго признакъ легкаго стѣсненія, съ которымъ она говорила съ мужемъ. «Нѣтъ, она не любитъ и не можетъ любить его», рѣшилъ онъ самъ съ собой.

Еще въ то время, какъ онъ подходилъ къ Аннѣ Аркадьевнѣ сзади, онъ замѣтилъ съ радостью, что она чувствовала его приближеніе и оглянулась было, и, узнавъ его, опять обратилась къ мужу.

— Хорошо ли вы провели ночь? — сказалъ онъ, наклоняясь предъ нею и предъ мужемъ вмѣстѣ и предоставляя Алексѣю

Александровичу принять этотъ поклонъ на свой счетъ и узнать его или не узнать, какъ ему будетъ угодно.

— Благодарю васъ, очень хорошо, — отвѣчала она.

Лицо ея казалось усталымъ, и не было на немъ той игры просившагося то въ улыбку, то въ глаза оживленія; но на одно мгновеніе при взглядѣ на него что-то мелькнуло въ ея глазахъ, и, несмотря на то, что огонь этотъ сейчасъ же потухъ, онъ былъ счастливъ этимъ мгновеніемъ. Она взглянула на мужа, чтобы узнать, знаетъ ли онъ Вронскаго. Алексѣй Александровичъ смотрѣлъ на Вронскаго съ неудовольствіемъ, разсѣянно вспоминая, кто это. Спокойствіе и самоувѣренность Вронскаго здѣсь, какъ коса на камень, наткнулись на холодную самоувѣренность Алексѣя Александровича.

— Графъ Вронскій, — сказала Анна.

— А! Мы знакомы, кажется, — равнодушно сказалъ Алексѣй Александровичъ, подавая руку. — Туда ѣхала съ матерью, а назадъ съ сыномъ, — сказалъ онъ, отчетливо выговаривая, какъ рублемъ даря каждымъ словомъ.—Вы, вѣрно, изъ отпуска? — сказалъ онъ и, не дожидаясь отвѣта, обратился къ женѣ своимъ шуточнымъ тономъ: — Что жъ, много слезъ было пролито въ Москвѣ при разлукѣ?

Обращеніемъ этимъ къ женѣ онъ давалъ чувствовать Вронскому, что желаетъ остаться одинъ, и, повернувшись къ нему, коснулся шляпы; но Вронскій обратился къ Аннѣ Аркадьевнѣ:

— Надѣюсь имѣть честь быть у васъ, — сказалъ онъ.

Алексѣй Александровичъ усталыми глазами взглянулъ на Вронскаго.

— Очень радъ,—сказалъ онъ холодно,—по понедѣльникамъ мы принимаемъ. — Затѣмъ, отпустивъ совсѣмъ Вронскаго, онъ сказалъ женѣ:—И какъ хорошо. что у меня именно было полчаса времени, чтобы встрѣтить тебя, и что я могъ показать тебѣ свою нѣжность, — продолжалъ онъ тѣмъ же шуточнымъ тономъ.

— Ты слишкомъ ужъ подчеркиваешь свою нѣжность, чтобъ я очень цѣнила, — сказала она тѣмъ же шуточнымъ тономъ, невольно прислушиваясь къ звукамъ шаговъ Вронскаго, шедшаго за ними. «Но что мнѣ за дѣло?» подумала она и стала спрашивать у мужа, какъ безъ нея проводилъ время Сережа.

— О, прекрасно! Mariette говоритъ, что онъ былъ милъ очень и... и долженъ тебя огорчить... не скучалъ о тебѣ, не такъ, какъ твой мужъ. Но еще разъ merci, мой другъ, что подарила мнѣ день. Нашъ милый самоваръ будетъ въ восторгѣ. (Самоваромъ онъ называлъ знаменитую графиню Лидію Ивановну

за то, что она всегда и обо всемъ волновалась и горячилась.) Она о тебѣ спрашивала. И знаешь, если я смѣю совѣтовать, ты бы съѣздила къ ней нынче. Вѣдь у нея обо всемъ болитъ сердце. Теперь она, кромѣ всѣхъ своихъ хлопотъ, занята примиреніемъ Облонскихъ.

Графиня Лидія Ивановна была другъ ея мужа и центръ одного изъ кружковъ петербургскаго свѣта, съ которымъ по мужу ближе всѣхъ была связана Анна.

— Да вѣдь я писала ей.

— Но ей все нужно подробно. Съѣзди, если не устала, мой другъ. Ну, тебѣ карету подастъ Кондратій, а я ѣду въ комитетъ. Опять буду обѣдать не одинъ, — продолжалъ Алексѣй Александровичъ уже не шуточнымъ тономъ. — Ты не повѣришь, какъ я привыкъ...

И онъ, долго сжимая ей руку, съ особенною улыбкой посадилъ ее въ карету.

XXXII.

Первое лицо, встрѣтившее Анну дома, былъ сынъ. Онъ выскочилъ къ ней по лѣстницѣ, несмотря на крикъ гувернантки, и съ отчаяннымъ восторгомъ кричалъ: «Мама, мама!» Добѣжавъ до нея, онъ повисъ ей на шеѣ.

— Я говорилъ вамъ, что мама! — кричалъ онъ гувернанткѣ. — Я зналъ!

И сынъ такъ же, какъ и мужъ, произвелъ въ Аннѣ чувство, похожее на разочарованіе. Она воображала его лучше, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности. Она должна была опуститься до дѣйствительности, чтобы наслаждаться имъ такимъ, каковъ онъ былъ. Но и такой, каковъ онъ былъ, онъ былъ прелестенъ со своими бѣлокурыми кудрями, голубыми глазами и полными стройными ножками въ туго натянутыхъ чулкахъ. Анна испытывала почти физическое наслажденіе въ ощущеніи его близости и ласки и нравственное успокоеніе, когда встрѣчала его простодушный, довѣрчивый и любящій взглядъ и слышала его наивные вопросы. Анна достала подарки, которые посылали дѣти Долли, и разсказала сыну, какая въ Москвѣ есть дѣвочка Таня и какъ Таня эта умѣетъ читать и учитъ даже другихъ дѣтей.

— Что же, я хуже ея? — спросилъ Сережа.

— Для меня лучше всѣхъ на свѣтѣ.

— Я это знаю, — сказалъ Сережа улыбаясь.

Еще Анна не успѣла напиться кофе, какъ доложили про графиню Лидію Ивановну. Графиня Лидія Ивановна была высокая,

полная женщина, съ нездоровымъ желтымъ цвѣтомъ лица и прекрасными задумчивыми черными глазами. Анна любила ее, но нынче она какъ будто въ первый разъ увидѣла ее со всѣми ея недостатками.

— Ну, что, мой другъ, снесли оливковую вѣтвь? — спросила графиня Лидія Ивановна, только что вошла въ комнату.

— Да, все это кончилось, но все это и было не такъ важно, какъ мы думали, — отвѣчала Анна. — Вообще моя belle soeur слишкомъ рѣшительна.

Но графиня Лидія Ивановна, всѣмъ до нея некасавшимся интересовавшаяся, имѣла привычку никогда не слушать того, что ее интересовало; она перебила Анну:

— Да, много горя и зла на свѣтѣ, а я такъ измучена нынче.

— А что? — спросила Анна, стараясь удержать улыбку.

— Я начинаю уставать отъ напраснаго ломанія копій за правду и иногда совсѣмъ развинчиваюсь. Дѣло сестричекъ (это было филантропическое, религіозно-патріотическое учрежденіе) пошло было прекрасно, но съ этими господами ничего невозможно сдѣлать, — прибавила графиня Лидія Ивановна съ насмѣшливою покорностью судьбѣ. — Они ухватились за мысль, изуродовали ее и потомъ обсуждаютъ такъ мелко и ничтожно. Два-три человѣка, вашъ мужъ въ томъ числѣ, понимаютъ все значеніе этого дѣла, а другіе только роняютъ. Вчера мнѣ пишетъ Правдинъ...

Правдинъ былъ извѣстный панславистъ за границей, и графиня Лидія Ивановна разсказала содержаніе его письма.

Затѣмъ графиня разсказала еще непріятности и козни противъ дѣла соединенія церквей и уѣхала торопясь, такъ какъ ей въ этотъ день приходилось быть еще на засѣданіи одного общества и въ славянскомъ комитетѣ.

«Вѣдь все это было и прежде; но отчего я не замѣчала этого прежде? — сказала себѣ Анна. — Или она очень раздражена нынче? А въ самомъ дѣлѣ смѣшно: ея цѣль — добродѣтель, она христіанка, а она все сердится, и все у нея враги, и все враги по христіанству и добродѣтели».

Послѣ графини Лидіи Ивановны пріѣхала пріятельница, жена директора, и разсказала всѣ городскія новости. Въ три часа и она уѣхала, обѣщаясь пріѣхать къ обѣду. Алексѣй Александровичъ былъ въ министерствѣ. Оставшись одна, Анна дообѣденное время употребила на то, чтобы присутствовать при обѣдѣ сына (онъ обѣдалъ отдѣльно) и чтобы привести въ порядокъ свои вещи, прочесть и отвѣтить на записки и письма, которыя у нея скопились на столѣ.

Чувство безпричиннаго стыда, которое она испытывала дорогой, и волненіе совершенно исчезли. Въ привычныхъ условіяхъ жизни она чувствовала себя опять твердою и безупречною.

Она съ удивленіемъ вспомнила свое вчерашнее состояніе. «Что же было? Ничего. Вронскій сказалъ глупость, которой легко положить конецъ, и я отвѣтила такъ, какъ нужно было. Говорить объ этомъ мужу не надо и нельзя. Говорить объ этомъ — значитъ придавать важность тому, что̀ ея не имѣетъ». Она вспомнила, какъ она разсказала почти признаніе, которое ей сдѣлалъ въ Петербургѣ молодой подчиненный ея мужа, и какъ Алексѣй Александровичъ отвѣтилъ, что, живя въ свѣтѣ, всякая женщина можетъ подвергнуться этому, но что онъ довѣряется вполнѣ ея такту и никогда не позволитъ себѣ унизить ее и себя до ревности. «Стало быть, не зачѣмъ говорить? Да славу Богу и нечего говорить», сказала она себѣ.

XXXIII.

Алексѣй Александровичъ вернулся изъ министерства въ четыре часа, но, какъ это часто бывало, не успѣлъ войти къ ней. Онъ прошелъ въ кабинетъ принимать дожидавшихся просителей и подписать нѣкоторыя бумаги, принесенныя правителемъ дѣлъ. Къ обѣду (всегда человѣка три обѣдали у Карениныхъ) пріѣхали: старая кузина Алексѣя Александровича, директоръ департамента съ женой и одинъ молодой человѣкъ, рекомендованный Алексѣю Александровичу на службу. Анна вышла въ гостиную, чтобы занимать ихъ. Ровно въ пять часовъ, бронзовые часы Петръ I не успѣли добить пятаго удара, какъ вышелъ Алексѣй Александровичъ въ бѣломъ галстукѣ и во фракѣ съ двумя звѣздами, такъ какъ сейчасъ послѣ обѣда ему надо было ѣхать. Каждая минута жизни Алексѣя Александровича была занята и распредѣлена. И для того, чтобъ успѣвать сдѣлать то, что̀ ему предстояло каждый день, онъ держался строжайшей аккуратности. «Безъ поспѣшности и безъ отдыха», было его девизомъ. Онъ вошелъ въ залу, раскланялся со всѣми и поспѣшно сѣлъ, улыбаясь женѣ.

— Да, кончилось мое уединеніе. Ты не повѣришь, какъ неловко (онъ ударилъ на словѣ *неловко*) обѣдать одному.

За обѣдомъ онъ поговорилъ съ женой о московскихъ дѣлахъ, съ насмѣшливою улыбкой спрашивалъ о Степанѣ Аркадьевичѣ; но разговоръ шелъ преимущественно общій — о петербургскихъ служебныхъ и общественныхъ дѣлахъ. Послѣ

обѣда онъ провелъ полчаса съ гостями и, опять съ улыбкой пожавъ руку женѣ, вышелъ и уѣхалъ въ совѣтъ. Анна не поѣхала въ этотъ разъ ни къ княгинѣ Бетси Тверской, которая, узнавъ о ея пріѣздѣ, звала ее вечеромъ, ни въ театръ, гдѣ нынче была у нея ложа. Она не поѣхала преимущественно потому, что платье, на которое она разсчитывала, было не готово. Вообще, занявшись послѣ отъѣзда гостей своимъ туалетомъ, Анна была очень раздосадована. Предъ отъѣздомъ въ Москву она, вообще мастерица одѣваться не очень дорого, отдала модисткѣ для передѣлки три платья. Платья нужно было такъ передѣлать, чтобъ ихъ нельзя было узнать, и они должны были быть готовы уже три дня тому назадъ. Оказалось, что два платья были совсѣмъ не готовы, а одно передѣлано не такъ, какъ того хотѣла Анна. Модистка пріѣхала объясняться, утверждая, что такъ будетъ лучше, и Анна разгорячилась такъ, что ей потомъ совѣстно было вспоминать. Чтобы совершенно успокоиться, она пошла въ дѣтскую и весь вечеръ провела съ сыномъ, сама уложила его спать, перекрестила и покрыла его одѣяломъ. Она рада была, что не поѣхала никуда и такъ хорошо провела этотъ вечеръ. Ей такъ легко и спокойно было, такъ ясно она видѣла, что все, что ей на желѣзной дорогѣ представлялось столь значительнымъ, былъ только одинъ изъ обычныхъ ничтожныхъ случаевъ свѣтской жизни и что ей ни предъ кѣмъ, ни предъ собой стыдиться нечего. Анна сѣла у камина съ англійскимъ романомъ и ждала мужа. Ровно въ половинѣ десятаго послышался его звонокъ, и онъ вошелъ въ комнату.

— Наконецъ-то ты! — сказала она, протягивая ему руку.

Онъ поцѣловалъ ея руку и подсѣлъ къ ней.

— Вообще я вижу, что поѣздка твоя удалась, — сказалъ онъ ей.

— Да, очень, — отвѣчала она и стала разсказывать ему все сначала: свое путешествіе съ Вронскою, свой пріѣздъ, случай на желѣзной дорогѣ. Потомъ разсказала свое впечатлѣніе жалости къ брату сначала, потомъ къ Долли.

— Я не полагаю, чтобы можно было извинять такого человѣка, хотя онъ и твой братъ, — сказалъ Алексѣй Александровичъ строго.

Анна улыбнулась. Она поняла что онъ сказалъ это именно за тѣмъ, чтобы показать, что соображенія родства не могутъ остановить его въ высказываніи своего искренняго мнѣнія. Она знала эту черту въ своемъ мужѣ и любила ее.

— Я радъ, что все кончилось благополучно и что ты пріѣхала, — продолжалъ онъ. — Ну, что говорятъ тамъ про новое положеніе, которое я провелъ въ совѣтѣ?

Анна ничего не слышала объ этомъ положеніи, и ей стало совѣстно, что она такъ легко могла забыть о томъ, что̀ для него было такъ важно.

— Здѣсь, напротивъ, это надѣлало много шума, — сказалъ онъ съ самодовольной улыбкой.

Она видѣла, что Алексѣй Александровичъ хотѣлъ что-то сообщить ей пріятное для себя объ этомъ дѣлѣ, и она вопросами навела его на разсказъ. Онъ съ такою же самодовольною улыбкой разсказалъ объ оваціяхъ, которыя были сдѣланы ему вслѣдствіе этого проведеннаго положенія.

— Я очень, очень былъ радъ. Это доказываетъ, что, наконецъ, у насъ начинаетъ устанавливаться разумный и твердый взглядъ на это дѣло.

Допивъ со сливками и хлѣбомъ свой второй стаканъ чая, Алексѣй Александровичъ всталъ и пошелъ въ свой кабинетъ.

— А ты никуда не поѣхала? Тебѣ, вѣрно, скучно было? — сказалъ онъ.

— О, нѣтъ! — отвѣчала она, вставъ за нимъ и провожая его черезъ залу въ кабинетъ—Что же ты читаешь теперь?—спросила она.

— Теперь я читаю Duc de Lille, *Poèsie des enfers,* — отвѣчалъ онъ. — Очень замѣчательная книга.

Анна улыбнулась, какъ улыбаются слабостямъ любимыхъ людей, и, положивъ свою руку подъ его, проводила его до дверей кабинета. Она знала его привычку, сдѣлавшуюся необходимостью, вечеромъ читать. Она знала, что, несмотря на поглощавшія почти все его время служебныя обязанности, онъ считалъ своимъ долгомъ слѣдить за всѣмъ замѣчательнымъ, появлявшимся въ умственной сферѣ. Она знала тоже, что дѣйствительно его интересовали книги политическія, философскія, богословскія, что искусство было по его натурѣ совершенно чуждо ему, но, несмотря на это или лучше вслѣдствіе этого, Алексѣй Александровичъ не пропускалъ ничего изъ того, что дѣлало шумъ въ этой области, и считалъ своимъ долгомъ все читать. Она знала, что въ области политики, философіи, богословія Алексѣй Александровичъ сомнѣвался или отыскивалъ; но въ вопросахъ искусства и поэзіи, въ особенности музыки, пониманія которой онъ былъ совершенно лишенъ, у него были самыя опредѣленныя, твердыя мнѣнія. Онъ любилъ говорить о Шекспирѣ, Рафаэлѣ, Бетховенѣ, о значеніи новыхъ школъ

поэзіи и музыки, которыя всѣ были у него распредѣлены съ очень ясною послѣдовательностью.

— Ну, и Богъ съ тобой, — сказала она у двери кабинета, гдѣ уже были приготовлены ему абажуръ на свѣчѣ и графинъ воды у кресла. — А я напишу въ Москву.

Онъ пожалъ ей руку и опять поцѣловалъ ее.

«Все-таки онъ хорошій человѣкъ: правдивый, добрый и замѣчательный въ своей сферѣ, — говорила себѣ Анна, вернувшись къ себѣ какъ будто защищая его предъ кѣмъ-то, кто обвинялъ его и говорилъ, что его нельзя любить.—Но что это уши у него такъ странно выдаются! Или онъ обстригся?..»

Ровно въ двѣнадцать, когда Анна еще сидѣла за письменнымъ столомъ, дописывая письмо къ Долли, послышались ровные шаги въ туфляхъ, и Алексѣй Александровичъ, вымытый и причесанный, съ книгою подъ мышкой подошелъ къ ней.

— Пора, пора, — сказалъ онъ, особенно улыбаясь, и прошелъ въ спальню.

«И какое право имѣлъ онъ такъ смотрѣть на него?» подумала Анна, вспоминая взглядъ Вронскаго на Алексѣя Александровича.

Раздѣвшись, она вошла въ спальню, но на лицѣ ея не только не было того оживленія, которое въ бытность ея въ Москвѣ такъ и брызгало изъ ея глазъ и улыбки, напротивъ, теперь огонь казался потушеннымъ въ ней или гдѣ-то далеко припрятаннымъ.

XXXIV.

Уѣзжая изъ Петербурга, Вронскій оставилъ свою большую квартиру на Морской пріятелю и любимому товарищу Петрицкому.

Петрицкій былъ молодой поручикъ, не особенно знатный и не только не богатый, но кругомъ въ долгахъ, къ вечеру всегда пьяный и часто за разныя, и смѣшныя и грязныя, исторіи попадавшій на гауптвахту, но любимый и товарищами и начальствомъ. Подъѣзжая въ двѣнадцатомъ часу съ желѣзной дороги къ своей квартирѣ, Вронскій увидалъ у подъѣзда знакомую ему извозчичью карету. Изъ-за двери еще на свой звонокъ онъ услыхалъ хохотъ мужчинъ и лепетъ женскаго голоса и крикъ Петрицкаго: «Если кто изъ злодѣевъ, то не пускать!» Вронскій не велѣлъ говорить о себѣ и потихоньку вошелъ въ первую комнату. Баронесса Шильтонъ, пріятельница Петрицкаго, блестя лиловымъ атласомъ платья и румянымъ бѣлокурымъ личикомъ

и, какъ канарейка, наполняя всю комнату своимъ парижскимъ говоромъ, сидѣла передъ круглымъ столомъ и варила кофе. Петрицкій въ пальто и ротмистръ Камеровскій въ полной формѣ, вѣроятно, со службы, сидѣли вокругъ нея.

— Браво! Вронскій!—закричалъ Петрицкій, вскакивая и гремя стуломъ.—Самъ хозяинъ! Баронесса, кофею ему изъ новаго кофейника. Вотъ не ждали! Надѣюсь, ты доволенъ украшеніемъ твоего кабинета,— сказалъ онъ, указывая на баронессу.—Вы вѣдь знакомы?

— Еще бы!—сказалъ Вронскій, весело улыбаясь и пожимая маленькую ручку баронессы.—Какъ же, старый другъ!

— Вы домой съ дороги,—сказала баронесса,—такъ я бѣгу. Ахъ, я уѣду сію минуту, если я мѣшаю.

— Вы дома тамъ, гдѣ вы, баронесса,—сказалъ Вронскій.— Здравствуй, Камеровскій,—прибавилъ онъ, холодно пожимая руку Камеровскаго.

— Вотъ вы никогда не умѣете говорить такія хорошенькія вещи,—обратилась баронесса къ Петрицкому.

— Нѣтъ, отчего же? Послѣ обѣда и я скажу не хуже.

— Да послѣ обѣда нѣтъ заслуги! Ну, такъ я вамъ дамъ кофею, идите умывайтесь и убирайтесь,—сказала баронесса, опять садясь и заботливо поворачивая винтикъ въ новомъ кофейникѣ.—Пьеръ, дайте кофе,—обратилась она къ Петрицкому, котораго она называла Пьеръ по его фамиліи Петрицкій, не скрывая своихъ отношеній съ нимъ.—Я прибавлю.

— Испортите!

— Нѣтъ, не испорчу! Ну, а ваша жена?—сказала вдругъ баронесса, перебивая разговоръ Вронскаго съ товарищемъ.— Мы здѣсь женили васъ. Привезли вашу жену?

— Нѣтъ, баронесса. Я рожденъ цыганомъ и умру цыганомъ.

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше. Давайте руку.

И баронесса, не отпуская Вронскаго, стала ему разсказывать, пересыпая шутками, свои послѣдніе планы жизни и спрашивать его совѣта.

— Онъ все не хочетъ давать мнѣ развода! Ну, что же мнѣ дѣлать? (*Онъ* былъ мужъ ея.) Я теперь хочу процессъ начинать. Какъ вы мнѣ посовѣтуете? Камеровскій, смотрите же за кофеемъ,—ушелъ; вы видите, я занята дѣлами! Я хочу процессъ, потому что состояніе мнѣ нужно мое. Вы понимаете ли эту глупость, что я ему будто бы невѣрна,—съ презрѣніемъ сказала она,—и отъ этого онъ хочетъ пользоваться моимъ имѣніемъ.

Вронскій слушалъ съ удовольствіемъ этотъ веселый лепетъ хорошенькой женщины, поддакивалъ ей, давалъ полушутли-

вые совѣты и вообще тотчасъ же принялъ свой привычный тонъ обращенія съ этого рода женщинами. Въ его петербургскомъ мірѣ всѣ люди раздѣлялись на два совершенно противоположные сорта. Одинъ, низшій, сортъ—пошлые, глупые и, главное, смѣшные люди, которые вѣруютъ въ то, что одному мужу надо жить съ одной женой, съ которою онъ обвѣнчанъ, что дѣвушкѣ надо быть невинною, женщинѣ стыдливою, мужчинѣ мужественнымъ, воздержнымъ и твердымъ, что надо воспитывать дѣтей, зарабатывать свой хлѣбъ, платить долги и разныя тому подобныя глупости. Это былъ сортъ людей старомодныхъ и смѣшныхъ. Но былъ другой сортъ людей, настоящихъ, къ которому они всѣ принадлежали, въ которомъ надо быть главное элегантнымъ, великодушнымъ, смѣлымъ, веселымъ, отдаваться всякой страсти не краснѣя и надъ всѣмъ остальнымъ смѣяться.

Вронскій только въ первую минуту былъ ошеломленъ послѣ впечатлѣній совсѣмъ другого міра, привезенныхъ имъ изъ Москвы; но тотчасъ же, какъ будто всунулъ ноги въ старыя туфли, онъ вошелъ въ свой прежній веселый и пріятный міръ.

Кофе такъ и не сварился, а обрызгалъ всѣхъ и ушелъ, и произвелъ именно то самое, что было нужно, то-есть подалъ поводъ къ шуму и смѣху и залилъ дорогой коверъ и платье баронессы.

— Ну, теперь прощайте, а то вы никогда не умоетесь, а на моей совѣсти будетъ главное преступленіе порядочнаго человѣка — нечистоплотность. Такъ вы совѣтуете ножъ къ горлу?

— Непремѣнно, и такъ, чтобы ваша ручка была поближе отъ его губъ. Онъ поцѣлуетъ вашу ручку и все кончится благополучно, — отвѣчалъ Вронскій.

— Такъ нынче во французскомъ! — и, зашумѣвъ платьемъ, она исчезла.

Камеровскій поднялся тоже, а Вронскій, не дожидаясь его ухода, подалъ ему руку и отправился въ уборную. Пока онъ умывался, Петрицкій описалъ ему въ краткихъ чертахъ свое положеніе, насколько оно измѣнилось послѣ отъѣзда Вронскаго. Денегъ нѣтъ ничего. Отецъ сказалъ, что не дастъ и не заплатитъ долговъ. Портной хочетъ посадить и другой тоже непремѣнно грозитъ посадить. Полковой командиръ объявилъ, что если эти скандалы не прекратятся, то надо выходить. Баронесса надоѣла, какъ горькая рѣдька, особенно тѣмъ, что все хочетъ давать деньги; а есть одна, онъ ее покажетъ Вронскому, чудо, прелесть, въ восточномъ строгомъ стилѣ, «genre *рабыни* Ребекки», понимаешь. Съ Беркошевымъ тоже разбранился, и онъ хотѣлъ прислать секундантовъ, но, разумѣется, ничего не вый-

деть. Вообще же все превосходно и чрезвычайно весело. И, не давая товарищу углубляться въ подробности своего положенія, Петрицкій пустился разсказывать ему всѣ интересныя новости. Слушая столь знакомые разсказы Петрицкаго въ столь знакомой обстановкѣ своей трехлѣтней квартиры, Вронскій испытывалъ пріятное чувство возвращенія къ привычной и беззаботной петербургской жизни.

— Не можетъ быть! — закричалъ онъ, отпустивъ педаль умывальника, которымъ онъ обливалъ свою красную здоровую шею. — Не можетъ быть! — закричалъ онъ при извѣстіи о томъ, что Лора сошлась съ Милеевымъ и бросила Фертингофа. — И онъ все такъ же глупъ и доволенъ? Ну, а Бузулуковъ что?

— Ахъ, съ Бузулуковымъ была исторія—прелесть!—закричалъ Петрицкій. — Вѣдь его страсть—балы, и онъ ни одного придворнаго бала не пропускаетъ. Отправился онъ на большой балъ въ новой каскѣ. Ты видѣлъ новыя каски? Очень хороши, легче. Только стоитъ онъ... Нѣтъ, ты слушай.

— Да я слушаю, — растираясь мохнатымъ полотенцемъ, отвѣчалъ Вронскій.

— Проходитъ великая княгиня съ какимъ-то посломъ, и на его бѣду зашелъ у нихъ разговоръ о новыхъ каскахъ. Великая княгиня и хотѣла показать новую каску... Видятъ, нашъ голубчикъ стоитъ. (Петрицкій представилъ, какъ онъ стоитъ съ каской.) Великая княгиня попросила подать себѣ каску, — онъ не даетъ. Что такое? Только ему мигаютъ, киваютъ, хмурятся. Подай. Не даетъ. Замеръ. Можешь себѣ представить!.. Только этотъ... какъ его... хочетъ уже взять у него каску... не даетъ!.. Онъ вырвалъ, подаетъ великой княгинѣ. Вотъ это новая, говоритъ великая княгиня. Повернула каску и, можешь себѣ представить, оттуда — бухъ груша, конфеты, два фунта конфетъ!.. Онъ это набралъ, голубчикъ!

Вронскій покатился со смѣху. И долго потомъ, говоря уже о другомъ, закатывался онъ своимъ здоровымъ смѣхомъ, выставляя свои крѣпкіе сплошные зубы, когда вспоминалъ о каскѣ.

Узнавъ всѣ новости, Вронскій съ помощью лакея одѣлся въ мундиръ и поѣхалъ являться. Явившись, онъ намѣренъ былъ съѣздить къ брату, къ Бетси и сдѣлать нѣсколько визитовъ, съ тѣмъ, чтобы начать ѣздить въ тотъ свѣтъ, гдѣ бы онъ могъ встрѣчать Каренину. Какъ и всегда въ Петербургѣ, онъ выѣхалъ изъ дома съ тѣмъ, чтобы не возвращаться до поздней ночи.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

I.

Въ концѣ зимы въ домѣ Щербацкихъ происходилъ консиліумъ, долженствовавшій рѣшить, въ какомъ положеніи находится здоровье Кити и что нужно предпринять для возстановленія ея ослабѣвающихъ силъ. Она была больна, и съ приближеніемъ весны здоровье ея становилось хуже. Домашній докторъ давалъ ей рыбій жиръ, потомъ желѣзо, потомъ ляписъ, но такъ какъ ни то, ни другое, ни третье не помогало и такъ какъ онъ совѣтовалъ отъ весны уѣхать за границу, то приглашенъ былъ знаменитый докторъ. Знаменитый докторъ, не старый еще, весьма красивый мужчина, потребовалъ осмотра больной. Онъ съ особеннымъ удовольствіемъ, казалось, настаивалъ на томъ, что дѣвичья стыдливость есть только остатокъ варварства и что нѣтъ ничего естественнѣе, какъ то, чтобъ еще не старый мужчина ощупывалъ молодую обнаженную дѣвушку. Онъ находилъ это естественнымъ, потому что дѣлалъ это каждый день и при этомъ ничего не чувствовалъ и не думалъ, какъ ему казалось, дурного, и поэтому стыдливость въ дѣвушкѣ онъ считалъ не только остаткомъ варварства, но и оскорбленіемъ себѣ.

Надо было покориться, такъ какъ, несмотря на то, что всѣ доктора учились въ одной школѣ, по однѣмъ и тѣмъ же книгамъ, знали одну науку, и несмотря на то, что нѣкоторые говорили, что этотъ знаменитый докторъ былъ дурной докторъ въ домѣ княгини, и въ ея кругу было признано почему-то, что этотъ знаменитый докторъ одинъ знаетъ что-то особенное и одинъ можетъ спасти Кити. Послѣ внимательнаго осмотра и постукиванія растерянной и ошеломленной отъ стыда больной, знаменитый докторъ, старательно вымывъ свои руки, стоялъ въ гостиной и говорилъ съ княземъ. Князь хмурился, покашливая, слушая доктора. Онъ, какъ пожившій, не глупый и не больной человѣкъ, не вѣрилъ въ медицину и въ душѣ злился на всю эту комедію, тѣмъ болѣе, что едва ли не онъ одинъ вполнѣ

понималъ причину болѣзни Кити. «То-то пустобрехъ», думалъ онъ, примѣняя въ мысляхъ это названіе изъ охотничьяго словаря къ знаменитому доктору и слушая его болтовню о признакахъ болѣзни дочери. Докторъ, между тѣмъ, съ трудомъ удерживалъ выраженіе презрѣнія къ этому старому баричу и съ трудомъ спускался до низменности его пониманія. Онъ понималъ, что со старикомъ говорить нечего и что глава въ этомъ домѣ — мать. Передъ нею-то онъ намѣревался разсыпать свой бисеръ. Въ это время княгиня вошла въ гостиную съ домашнимъ докторомъ. Князь отошелъ, стараясь не дать замѣтить, какъ ему смѣшна была вся эта комедія. Княгиня была растеряна и не знала, что дѣлать. Она чувствовала себя виноватою предъ Кити.

— Ну, докторъ, рѣшайте нашу судьбу, — сказала княгиня.— Говорите мнѣ все. — «Есть ли надежда?» хотѣла она сказать, но губы ея задрожали, и она не могла выговорить этотъ вопросъ. -- Ну, что, докторъ?

— Сейчасъ, княгиня, переговорю съ коллегой и тогда буду имѣть честь доложить вамъ свое мнѣніе.

— Такъ намъ васъ оставить?

— Какъ вамъ будетъ угодно.

Княгиня, вздохнувъ, вышла.

Когда доктора остались одни, домашній врачъ робко сталъ излагать свое мнѣніе, состоящее въ томъ, что есть начало туберкулезнаго процесса, но... и т. д. Знаменитый докторъ слушалъ его и въ серединѣ его рѣчи посмотрѣлъ на свои крупные золотые часы.

— Такъ, — сказалъ онъ. — Но...

Домашній врачъ замолкъ почтительно на срединѣ рѣчи.

— Опредѣлить, какъ вы знаете, начало туберкулезнаго процесса мы не можемъ; до появленія кавернъ нѣтъ ничего опредѣленнаго. Но подозрѣвать мы можемъ. И указанія есть: дурное питаніе, нервное возбужденіе и пр. Вопросъ стоитъ такъ; при подозрѣніи туберкулезнаго процесса что̀ нужно сдѣлать, чтобы поддержать питаніе?

— Но вѣдь, вы знаете, тутъ всегда скрываются нравственныя, духовныя причины, — съ тонкой улыбкой позволилъ себѣ вставить домашній докторъ.

— Да, это само собой разумѣется, — отвѣчалъ знаменитый докторъ, опять взглянувъ на часы. — Виноватъ, что поставленъ ли Яузскій мостъ, или надо все еще кругомъ объѣзжать?—спросилъ онъ. — А! поставленъ. Да, ну, такъ я въ двадцать минутъ могу быть. Такъ мы говорили, что вопросъ такъ поставленъ:

поддержать питаніе и исправить нервы. Одно въ связи съ другимъ, надо дѣйствовать на обѣ стороны круга.

— Но поѣздка за границу? — спросилъ домашній докторъ.

– Я врагъ поѣздокъ за границу. И изволите видѣть: если есть начало туберкулезнаго процесса, чего мы знать не можемъ, то поѣздка за границу не поможетъ. Необходимо такое средство, которое бы поддерживало питаніе и не вредило.

И знаменитый докторъ изложилъ свой планъ лѣченія водами Соденскими, при назначеніи которыхъ главная цѣль, очевидно, состояла въ томъ, что онѣ повредить не могутъ.

Домашній докторъ внимательно и почтительно выслушалъ.

— Но въ пользу поѣздки за границу я бы выставилъ перемѣну привычекъ, удаленіе отъ условій, вызывающихъ воспоминанія. И потомъ... матери хочется, — сказалъ онъ.

— А! Ну, въ этомъ случаѣ, что жъ, пускай ѣдутъ, только повредятъ эти нѣмецкіе шарлатаны... Надо, чтобы слушались... Ну, такъ пускай ѣдутъ.

Онъ опять взглянулъ на часы.

— О! уже пора, — и пошелъ къ двери.

Знаменитый докторъ объявилъ княгинѣ (чувство приличія подсказало это), что ему нужно видѣть еще разъ больную.

— Какъ! еще разъ осматривать! — съ ужасомъ воскликнула мать.

— О, нѣтъ, мнѣ нѣкоторыя подробности, княгиня.

— Милости просимъ.

И мать, сопутствуемая докторомъ, вошла въ гостиную къ Кити. Исхудавшая и румяная, съ особеннымъ блескомъ въ глазахъ вслѣдствіе перенесеннаго стыда, Кити стояла посреди комнаты. Когда докторъ вошелъ, она вспыхнула, и глаза ея наполнились слезами. Вся ея болѣзнь и лѣченіе представились ей такою глупою, даже смѣшною вещью! Лѣченіе ея представлялось ей столь же смѣшнымъ, какъ составленіе кусковъ разбитой вазы. Сердце ея было разбито. Что же они хотятъ лѣчить ее пилюлями и порошками? Но нельзя было оскорблять мать, тѣмъ болѣе, что мать считала себя виноватою.

— Потрудитесь присѣсть, княжна, — сказалъ знаменитый докторъ.

Онъ съ улыбкой сѣлъ противъ нея, взялъ пульсъ и опять сталъ дѣлать скучные вопросы. Она отвѣчала ему и вдругъ, разсердившись, встала.

— Извините меня, докторъ, но это, право, ни къ чему не поведетъ. Вы у меня по три раза то же самое спрашиваете.

Знаменитый докторъ не обидѣлся.

— Болѣзненное раздраженіе, — сказалъ онъ княгинѣ, когда Кити вышла. — Впрочемъ, я кончилъ...

И докторъ передъ княгиней, какъ передъ исключительно умной женщиной, научно опредѣлилъ положеніе княжны и заключилъ наставленіемъ о томъ, какъ пить тѣ воды, которыя были не нужны. На вопросъ — ѣхать ли за границу? — докторъ углубился въ размышленія, какъ бы разрѣшая трудный вопросъ. Рѣшеніе, наконецъ, было изложено: ѣхать и не вѣрить шарлатанамъ, а во всемъ обращаться къ нему.

Какъ будто что-то веселое случилось послѣ отъѣзда доктора. Мать повеселѣла, вернувшись къ дочери, и Кити притворилась, что она повеселѣла. Ей часто, почти всегда, приходилось теперь притворяться.

— Право, я здорова, maman. Но если вы хотите ѣхать, поѣдемте, — сказала она и, стараясь показать, что интересуется предстоящею поѣздкой, стала говорить о приготовленіяхъ къ отъѣзду.

II.

Вслѣдъ за докторомъ пріѣхала Долли. Она знала, что въ этотъ день долженъ быть консиліумъ и, несмотря на то, что недавно поднялась отъ родовъ (она родила дѣвочку въ концѣ зимы), несмотря на то, что у нея было много своего горя и заботъ, она, оставивъ грудного ребенка и заболѣвшую дѣвочку, заѣхала узнать объ участи Кити, которая рѣшалась нынче.

— Ну, что? — сказала она, входя въ гостиную и не снимая шляпы. — Вы всѣ веселыя. Вѣрно хорошо?

Ей попробовали разсказывать, что говорилъ докторъ, но оказалось, что, хотя докторъ и говорилъ очень складно и долго, никакъ нельзя было передать того, что онъ сказалъ. Интересно было только то, что рѣшено ѣхать за границу.

Долли невольно вздохнула. Лучшій другъ ея, сестра, уѣзжала. А жизнь ея была не весела. Отношенія къ Степану Аркадьевичу послѣ примиренія сдѣлались унизительны. Спайка, сдѣланная Анной, оказалась не прочна, и семейное согласіе надломилось опять въ томъ же мѣстѣ. Опредѣленнаго ничего не было, но Степана Аркадьевича никогда почти не было дома, денегъ тоже никогда почти не было, и подозрѣнія невѣрностей постоянно мучили Долли, и она уже отгоняла ихъ отъ себя, боясь испытаннаго страданія ревности. Первый взрывъ ревности, разъ пережитый, уже не могъ возвратиться, и даже открытіе невѣрности не могло бы уже такъ подѣйствовать на нее, какъ въ первый разъ. Такое открытіе только лишило бы ее

семейныхъ привычекъ, и она позволяла себя обманывать, презирая его и больше всего себя за эту слабость. Сверхъ того, заботы большого семейства безпрестанно мучили ее: то кормленіе грудного ребенка не шло, то нянька ушла, то, какъ теперь, заболѣлъ одинъ изъ дѣтей.

— Что, какъ твои? — спросила мать.

— Ахъ, maman, у насъ своего горя много. Лили заболѣла, и я боюсь, что скарлатина. Я вотъ теперь выѣхала, чтобы узнать, а то засяду безвыѣздно, если — избави Богъ — скарлатина.

Старый князь послѣ отъѣзда доктора тоже вышелъ изъ своего кабинета и, подставивъ свою щеку Долли и поговоривъ съ ней, обратился къ женѣ:

— Какъ же рѣшили, ѣдете? Ну, а со мной что̀ хотите дѣлать?

— Я думаю, тебѣ остаться, Александръ, — сказала жена.

— Какъ хотите.

— Maman, отчего же папа не поѣхать съ нами? — сказала Кити. — И ему веселѣе, и намъ.

Старый князь всталъ и погладилъ рукой волосы Кити. Она подняла лицо и, насильно улыбаясь, смотрѣла на него. Ей всегда казалось, что онъ лучше всѣхъ въ семьѣ понимаетъ ее, хотя онъ мало говорилъ съ ней. Она была, какъ меньшая, любимица отца, и ей казалось, что любовь его къ ней дѣлала его проницательнымъ. Когда ея взглядъ встрѣтился теперь съ его голубыми, добрыми глазами, пристально смотрѣвшими на нее, ей казалось, что онъ насквозь видитъ ее и понимаетъ все то нехорошее, что въ ней дѣлается. Она, краснѣя, потянулась къ нему, ожидая поцѣлуя, но онъ только потрепалъ ее по волосамъ и проговорилъ:

— Эти глупые шиньоны! До настоящей дочери и не доберешься, а ласкаешь волосы дохлыхъ бабъ. Ну, что, Долинька, — обратился онъ къ старшей дочери, — твой козырь что подѣлываетъ?

— Ничего, папа, — отвѣчала Долли, понимая, что рѣчь идетъ о мужѣ. — Все ѣздитъ, я его почти не вижу, — не могла она не прибавить съ насмѣшливою улыбкой.

— Что жъ, онъ не уѣхалъ еще въ деревню лѣсъ продавать?

— Нѣтъ, все собирается.

— Вотъ какъ! — проговорилъ князь. — Такъ и мнѣ собираться? Слушаю-съ, — обратился онъ къ женѣ, садясь. — А ты вотъ что, Катя, — прибавилъ онъ къ меньшой дочери, — ты когда-нибудь, въ одинъ прекрасный день, проснись и скажи себѣ: да вѣдь

я совсѣмъ здорова и весела, и пойдемъ съ папа опять рано утромъ по морозцу гулять. А?

Казалось, очень просто было то, что̀ сказалъ отецъ, но Кити при этихъ словахъ смѣшалась и растерялась, какъ уличенный преступникъ. «Да, онъ все знаетъ, все понимаетъ и этими словами говоритъ мнѣ, что хотя и стыдно, а надо пережить свой стыдъ». Она не могла собраться съ духомъ отвѣтить что-нибудь. Начала было и вдругъ расплакалась и выбѣжала изъ комнаты.

— Вотъ твои шутки! — напустилась княгиня на мужа.—Ты всегда...— начала она свою укоризненную рѣчь.

Князь слушалъ довольно долго упреки княгини и молчалъ, но лицо его все болѣе и болѣе хмурилось.

— Она такъ жалка, бѣдняжка, такъ жалка, а ты не чувствуешь, что ей больно отъ всякаго намека на то, что̀ причиной. Ахъ, такъ ошибаться въ людяхъ! — сказала княгиня, и по перемѣнѣ ея тона Долли и князь поняли, что она говорила о Вронскомъ. — Я не понимаю, какъ нѣтъ законовъ противъ такихъ гадкихъ, неблагородныхъ людей.

— Ахъ, не слушалъ бы, — мрачно проговорилъ князь, вставая съ кресла и какъ бы желая уйти, но останавливаясь въ дверяхъ.—Законы есть, матушка, и если ты ужъ вызвала меня на это, то я тебѣ скажу, кто виноватъ во всемъ: ты и ты, одна ты. Законы противъ такихъ молодчиковъ всегда были и есть! Да-съ, если бы не было того, чего не должно было быть, я — старикъ, но я бы поставилъ его на барьеръ, этого франта. Да, а теперь и лѣчите, возите къ себѣ этихъ шарлатановъ.

Князь, казалось, имѣлъ сказать еще многое, но какъ только княгиня услыхала его тонъ, она, какъ это всегда бывало въ серьезныхъ вопросахъ, тотчасъ же смирилась и раскаялась.

— Alexandre, Alexandre, — шептала она, подвигаясь, и расплакалась.

Какъ только она заплакала, князь тоже затихъ. Онъ подошелъ къ ней.

— Ну, будетъ, будетъ! И тебѣ тяжело, я знаю. Что дѣлать! Бѣды большой нѣтъ. Богъ милостивъ... благодарствуй...—говорилъ онъ, уже самъ не зная, что говоритъ, и отвѣчая на мокрый поцѣлуй княгини, который онъ почувствовалъ на своей рукѣ. И князь вышелъ изъ комнаты.

Еще какъ только Кити въ слезахъ вышла изъ комнаты, Долли со своею материнскою, семейною привычкой тотчасъ же увидала, что тутъ предстоитъ женское дѣло, и приготовилась сдѣлать его. Она сняла шляпку и, нравственно засучивъ ру-

кава, приготовилась дѣйствовать. Во время нападенія матери на отца она пыталась удерживать мать, насколько позволяла дочерняя почтительность. Во время взрыва князя она молчала, она чувствовала стыдъ за мать и нѣжность къ отцу за его сейчасъ же вернувшуюся доброту; но когда отецъ ушелъ, она собралась сдѣлать главное, что было нужно: итти къ Кити и успокоить ее.

— Я вамъ давно хотѣла сказать, maman: вы знаете ли, что Левинъ хотѣлъ сдѣлать предложеніе Кити, когда онъ былъ здѣсь въ послѣдній разъ? Онъ говорилъ Стивѣ.

— Ну, что жъ? Я не понимаю...

— Такъ, можетъ-быть, Кити отказала ему? Она вамъ не говорила?

— Нѣтъ, она ничего не говорила ни про того, ни про другого; она слишкомъ горда. Но я знаю, что все отъ этого...

— Да, вы представьте себѣ, если она отказала Левину, — а она бы не отказала ему, если бы не было того, я знаю... И потомъ этотъ такъ ужасно обманулъ ее.

Княгинѣ слишкомъ страшно было думать, какъ много она виновата передъ дочерью, и она разсердилась.

— Ахъ, я уже ничего не понимаю! Нынче все хотятъ своимъ умомъ жить, матери ничего не говорятъ, а потомъ вотъ и...

— Maman, я пойду къ ней.

— Поди. Развѣ я тебѣ запрещаю? — сказалъ мать.

III.

Войдя въ маленькій кабинетъ Кити, хорошенькую, розовенькую, съ куколками vieux saxe, комнатку, такую же молоденькую, розовенькую и веселую, какою была сама Кити еще два мѣсяца тому назадъ, Долли вспомнила, какъ убирали онѣ вмѣстѣ прошлаго года эту комнатку, съ какимъ весельемъ и любовью. У нея похолодѣло сердце, когда она увидѣла Кити, сидѣвшую на низенькомъ, ближайшемъ отъ двери, стулѣ и устремившую неподвижные глаза на уголъ ковра. Кити взглянула на сестру, и холодное, нѣсколько суровое выраженіе ея лица не измѣнилось.

— Я теперь уѣду и засяду дома, и тебѣ нельзя будетъ ко мнѣ, — сказала Дарья Александровна, садясь подлѣ нея. — Мнѣ хочется поговорить съ тобой.

— О чемъ? — испуганно поднявъ голову, быстро спросила Кити.

— О чемъ, какъ не о твоемъ горѣ?

— У меня нѣтъ горя.

— Полно, Кити. Неужели ты думаешь, что я могу не знать? Я все знаю. И повѣрь мнѣ, это такъ ничтожно... Мы всѣ прошли черезъ это.

Кити молчала, и лицо ея имѣло строгое выраженіе.

— Онъ не стоитъ того, чтобы ты страдала изъ-за него, — продолжала Дарья Александровна, прямо приступая къ дѣлу.

— Да, потому что онъ мною пренебрегъ, — дребезжащимъ голосомъ проговорила Кити. — Не говори! Пожалуйста, не говори!

— Да кто же тебѣ это сказалъ? Никто этого не говорилъ. Я увѣрена, что онъ былъ влюбленъ въ тебя и остался влюбленъ, но...

— Ахъ, ужаснѣе всего мнѣ эти соболѣзнованія! — вскрикнула Кити, вдругъ разсердившись. Она повернулась на стулѣ, покраснѣла и быстро зашевелила пальцами, сжимая то тою, то другою рукой пряжку пояса, которую она держала. Долли знала эту манеру сестры перехватывать руками, когда она приходила въ горячность; она знала, какъ Кити способна была въ минуту горячности забыться и наговорить много лишняго и непріятнаго, и Долли хотѣла успокоить ее; но было уже поздно.

— Что, что ты хочешь мнѣ дать почувствовать, что? — говорила Кити быстро.—То, что я была влюблена въ человѣка, который меня знать не хотѣлъ, и что я умираю отъ любви къ нему? И это мнѣ говоритъ сестра, которая думаетъ, что... что... что она соболѣзнуетъ!.. Не хочу я этихъ сожалѣній и притворствъ!

— Кити, ты несправедлива.

— Зачѣмъ ты мучаешь меня?

— Да я, напротивъ... Я вижу, что огорчена...

Но Кити въ своей горячкѣ не слышала ея.

— Мнѣ не о чемъ сокрушаться и утѣшаться. Я настолько горда, что никогда не позволю себѣ любить человѣка, который меня не любитъ.

— Да я и не говорю... Одно — скажи мнѣ правду, — проговорила, взявъ ее за руку, Дарья Александровна: — скажи мнѣ, Левинъ говорилъ тебѣ?..

Упоминаніе о Левинѣ, казалось, лишило Кити послѣдняго самообладанія: она вскочила со стула и, бросивъ пряжку о землю и дѣлая быстрые жесты руками, заговорила:

— Къ чему тутъ еще Левинъ? Не понимаю, зачѣмъ тебѣ нужно мучить меня? Я сказала и повторяю, что я горда и ни-

когда, *никогда я* не сдѣлаю того, что ты дѣлаешь, чтобы вернуться къ человѣку, который тебѣ измѣнилъ, который полюбилъ другую женщину? Я не понимаю этого! Ты можешь, а я не могу!

И, сказавъ эти слова, она взглянула на сестру и, увидѣвъ, что Долли молчитъ, грустно опустивъ голову, Кити, вмѣсто того, чтобы выйти изъ комнаты, какъ намѣревалась, сѣла у двери и, закрывъ лицо платкомъ, опустила голову.

Молчаніе продолжалось минуты двѣ. Долли думала о себѣ. То свое униженіе, которое она всегда чувствовала, особенно больно отозвалось въ ней, когда о немъ напомнила ей сестра. Она не ожидала такой жестокости отъ сестры и сердилась на нее. Но вдругъ она услыхала шумъ платья и вмѣстѣ звукъ разразившагося, сдержаннаго рыданія, и чьи-то руки снизу обняли ея шею. Кити на колѣняхъ стояла предъ ней.

— Долинька, я такъ, такъ несчастна! — виновато прошептала она.

И покрытое слезами милое лицо спряталось въ юбкѣ платья Дарьи Александровны.

Какъ будто слезы были та необходимая мазь, безъ которой не могла идти успѣшно машина взаимнаго общенія между двумя сестрами, — сестры послѣ слезъ разговаривали не о томъ, что̀ занимало ихъ, но, и говоря о постороннемъ, онѣ поняли другъ друга. Кити поняла, что сказанное ею всердцахъ слово о невѣрности мужа и объ униженіи до глубины сердца поразило бѣдную сестру, но что она прощала ей. Долли, съ своей стороны, поняла все, что она хотѣла знать; она убѣдилась, что догадки ея были вѣрны, что горе, неизлѣчимое горе Кити состояло именно въ томъ, что Левинъ дѣлалъ предложеніе и что она отказала ему, и Вронскій обманулъ ее, и что она готова была любить Левина и ненавидѣть Вронскаго. Кити ни слова не сказала объ этомъ; она говорила только о своемъ душевномъ состояніи.

— У меня нѣтъ никакого горя, — говорила она, успокоившись, — но ты можешь ли понять, что мнѣ стало все гадко, противно, грубо, и прежде всего я сама. Ты не можешь себѣ представить, какія у меня гадкія мысли обо всемъ.

— Да какія же могутъ быть у тебя гадкія мысли? — спросила Долли улыбаясь.

— Самыя, самыя гадкія и грубыя; не могу тебѣ сказать. Это не тоска, не скука, а гораздо хуже. Какъ будто все, что было хорошаго во мнѣ, все спряталось, а осталось одно самое гадкое. Ну, какъ тебѣ сказать? — продолжала она, видя недоумѣніе въ глазахъ сестры. — Папа сейчасъ мнѣ началъ гово-

рить... мнѣ кажется, онъ думаетъ только, что мнѣ нужно выйти замужъ. Мама везетъ меня на балъ: мнѣ кажется, что она только за тѣмъ везетъ меня, чтобы поскорѣе выдать замужъ и избавиться отъ меня. Я знаю, что это неправда, но не могу отогнать этихъ мыслей. Жениховъ такъ называемыхъ я видѣть не могу. Мнѣ кажется, что они съ меня мѣрку снимаютъ. Прежде ѣхать куда-нибудь въ бальномъ платьѣ для меня было простое удовольствіе, я собой любовалась; теперь мнѣ стыдно, неловко. Ну, что хочешь! Докторъ... Ну...

Кити замялась; она хотѣла далѣе сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ съ ней сдѣлалась эта перемѣна, Степанъ Аркадьевичъ ей сталъ невыносимо непріятенъ и что она не можетъ видѣть его безъ представленій самыхъ грубыхъ и безобразныхъ.

— Ну-да, все мнѣ представляется въ самомъ грубомъ, гадкомъ видѣ, — продолжала она. — Это моя болѣзнь. Можетъ быть, это пройдетъ...

— А ты не думай...

— Не могу. Только съ дѣтьми мнѣ хорошо, только у тебя.

— Жаль, что нельзя тебѣ бывать у меня.

— Нѣтъ, я пріѣду. У меня была скарлатина, и я упрошу maman.

Кити настояла на своемъ и переѣхала къ сестрѣ, и всю скарлатину, которая дѣйствительно пришла, ухаживала за дѣтьми. Обѣ сестры благополучно выходили всѣхъ шестерыхъ дѣтей, но здоровье Кити не поправилось, и Великимъ постомъ Щербацкіе уѣхали за границу.

IV.

Петербургскій высшій кругъ собственно одинъ, всѣ знаютъ другъ друга, даже ѣздятъ другъ къ другу. Но въ этомъ большомъ кругѣ есть свои подраздѣленія. Анна Аркадьевна Каренина имѣла друзей и тѣсныя связи въ трехъ различныхъ кругахъ. Одинъ кругъ былъ служебный, офиціальный, кругъ ея мужа, состоявшій изъ его сослуживцевъ и подчиненныхъ, самымъ разнообразнымъ и прихотливымъ образомъ связанныхъ и разъединенныхъ въ общественныхъ условіяхъ. Анна теперь съ трудомъ могла вспомнить то чувство почти набожнаго уваженія, которое она въ первое время имѣла къ этимъ лицамъ. Теперь она знала всѣхъ ихъ, какъ знаютъ другъ друга въ уѣздномъ городѣ; знала, у кого какія привычки и слабости, у кого какой сапогъ жметъ ногу; знала ихъ отношенія другъ къ другу и къ главному центру; знала, кто за кого, и какъ, и чѣмъ держится,

и кто съ кѣмъ и въ чемъ сходится и расходится; но этотъ кругъ правительственныхъ, мужскихъ интересовъ никогда, несмотря на внушенія графини Лидіи Ивановны, не могъ интересовать ее, и она избѣгала его.

Другой, близкій Аннѣ, кружокъ это былъ тотъ, черезъ который Алексѣй Александровичъ сдѣлалъ свою карьеру. Центромъ этого кружка была графиня Лидія Ивановна. Это былъ кружокъ старыхъ, некрасивыхъ, добродѣтельныхъ и набожныхъ женщинъ и умныхъ, ученыхъ, честолюбивыхъ мужчинъ. Одинъ изъ умныхъ людей, принадлежащихъ къ этому кружку, называлъ его «совѣстью петербургскаго общества». Алексѣй Александровичъ очень дорожилъ этимъ кружкомъ, и Анна, такъ умѣвшая сживаться со всѣми, нашла себѣ въ первое время своей петербургской жизни друзей и въ этомъ кругѣ. Теперь же, по возвращеніи изъ Москвы, кружокъ этотъ ей сталъ невыносимъ. Ей показалось, что и она, и всѣ они притворяются, и ей стало такъ скучно и неловко въ этомъ обществѣ, что она сколько возможно менѣе ѣздила къ графинѣ Лидіи Ивановнѣ.

Третій кругъ, наконецъ, гдѣ Анна имѣла связи, былъ собственно свѣтъ, — свѣтъ баловъ, обѣдовъ, блестящихъ туалетовъ, свѣтъ, державшійся одною рукой за дворъ, чтобы не спуститься до полусвѣта, который члены этого круга думали, что презирали, но съ которымъ вкусы у него были не только сходные, но одни и тѣ же. Связь ея съ этимъ кругомъ держалась черезъ княгиню Бетси Тверскую, жену ея двоюроднаго брата, у которой было сто двадцать тысячъ дохода и которая съ самаго появленія Анны въ свѣтъ особенно полюбила ее, ухаживала за ней и втягивала въ свой кругъ, смѣясь надъ кругомъ графини Лидіи Ивановны.

— Когда стара буду и дурна, я сдѣлаюсь такая же, — говорила Бетси, — но для васъ, для молодой, хорошенькой женщины, еще рано въ эту богадѣльню.

Анна первое время избѣгала, сколько могла, этого свѣта княгини Тверской, такъ какъ онъ требовалъ расходовъ выше ея средствъ, да и по душѣ она предпочитала первый; но послѣ поѣздки въ Москву сдѣлалось наоборотъ. Она избѣгала нравственныхъ друзей своихъ и ѣздила въ большой свѣтъ. Тамъ она встрѣчала Вронскаго и испытывала волнующую радость при этихъ встрѣчахъ. Особенно часто встрѣчала она Вронскаго у Бетси, которая была урожденная Вронская и ему двоюродная. Вронскій былъ вездѣ, гдѣ только могъ встрѣчать Анну, и говорилъ ей, когда могъ, о своей любви. Она ему не подавала никакого повода, но каждый разъ, когда она встрѣчалась съ

9*

нимъ, въ душѣ ея загоралось то самое чувство оживленія, которое нашло на нее въ тотъ день въ вагонѣ, когда она въ первый разъ увидѣла его. Она сама чувствовала, что при видѣ его радость свѣтилась въ ея глазахъ и морщила ея губы въ улыбку, и она не могла затушить выраженіе этой радости.

Первое время Анна искренно вѣрила, что она недовольна имъ за то, что онъ позволяетъ себѣ преслѣдовать ее; но скоро по возвращеніи своемъ изъ Москвы, пріѣхавъ на вечеръ, гдѣ она думала встрѣтить его, а его не было, она по овладѣвшей ею грусти ясно поняла, что она обманывала себя, что это преслѣдованіе не только не непріятно ей, но что оно составляетъ весь интересъ ея жизни.

Знаменитая пѣвица пѣла второй разъ, и весь большой свѣтъ былъ въ театрѣ. Увидавъ изъ своего кресла въ первомъ ряду кузину, Вронскій, не дождавшись антракта, вошелъ къ ней въ ложу.

— Что жъ вы не пріѣхали обѣдать? — сказала она ему. — Удивляюсь этому ясновидѣнію влюбленныхъ, — прибавила она съ улыбкой, такъ, чтобы онъ одинъ слышалъ: — *она не была.* Но пріѣзжайте послѣ оперы.

Вронскій вопросительно взглянулъ на нее. Она нагнула голову. Онъ улыбкой поблагодарилъ ее и сѣлъ подлѣ нея.

— А какъ я вспоминаю ваши насмѣшки! — продолжала княгиня Бетси, находившая особенное удовольствіе въ слѣдованіи за успѣхомъ этой страсти. — Куда это все дѣлось! Вы пойманы, мой милый.

— Я только того и желаю, чтобы быть пойманнымъ, — отвѣчалъ Вронскій со своею спокойною, добродушною улыбкой.— Если я жалуюсь, то на то только, что слишкомъ мало пойманъ, если говорить правду. Я начинаю терять надежду.

— Какую же вы можете имѣть надежду? — сказала Бетси, оскорбившись за своего друга: — entendons nous...—Но въ глазахъ ея бѣгали огоньки, говорившіе, что она очень хорошо и точно такъ же, какъ и онъ, понимаетъ, какую онъ могъ имѣть надежду.

— Никакой, — смѣясь и выставляя свои сплошные зубы, сказалъ Вронскій. — Виноватъ, — прибавилъ онъ, взявъ изъ ея руки бинокль и принявшись оглядывать черезъ ея обнаженное плечо противоположный рядъ ложъ. — Я боюсь, что становлюсь смѣшонъ.

Онъ зналъ очень хорошо, что въ глазахъ Бетси и всѣхъ свѣтскихъ людей онъ не рисковалъ быть смѣшнымъ. Онъ зналъ очень хорошо, что въ глазахъ этихъ лицъ роль несчастнаго лю-

бовника дѣвушки и вообще свободной женщины можетъ быть смѣшна; но роль человѣка, приставшаго къ замужней женщинѣ и во что бы то ни стало положившаго свою жизнь на то, чтобы вовлечь ее въ прелюбодѣяніе, — что роль эта имѣетъ что-то красивое, величественное и никогда не можетъ быть смѣшна, и поэтому онъ съ гордою и веселою, игравшею подъ его усами улыбкой опустилъ бинокль и посмотрѣлъ на кузину.

— А отчего вы не пріѣхали обѣдать? — сказала она, любуясь имъ.

— Это надо разсказать вамъ. Я былъ занятъ и чѣмъ? Даю вамъ это изо ста, изъ тысячи... не угадаете. Я мирилъ мужа съ оскорбителемъ его жены. Да, право!

— Что жъ, и помирили?

— Почти.

— Надо, чтобы вы мнѣ это разсказали, — сказала она вставая. — Приходите въ тотъ антрактъ.

— Нельзя: я ѣду во французскій театръ.

— Отъ Нильсонъ? — съ ужасомъ спросила Бетси, которая ни за что бы не распознала Нильсонъ отъ всякой хористки.

— Что жъ дѣлать? Мнѣ тамъ свиданье, все по этому дѣлу моего миротворства.

— Блаженны миротворцы, они спасутся, — сказала Бетси, вспоминая что-то подобное, слышанное ею отъ кого-то. — Ну, такъ садитесь, разскажите, что такое?

И опять она сѣла.

V.

— Это немножко нескромно, но такъ мило, что ужасно хочется разсказать, — сказалъ Вронскій, глядя на нее смѣющимися глазами. — Я не буду называть фамилій.

— Но я буду угадывать, тѣмъ лучше.

— Слушайте же: ѣдутъ два веселые молодые человѣка...

— Разумѣется, офицеры вашего полка?

— Я не говорю офицеры, просто два позавтракавшіе молодые человѣка.

— Переводите: выпившіе.

— Можетъ быть. Ѣдутъ на обѣдъ къ товарищу въ самомъ веселомъ расположеніи духа. И видятъ, хорошенькая женщина обгоняетъ ихъ на извозчикѣ, оглядывается и, имъ по крайней мѣрѣ кажется, киваетъ имъ и смѣется. Они, разумѣется, за ней. Скачутъ во весь духъ. Къ удивленію ихъ, красавица останавливается у подъѣзда того самаго дома, куда они ѣдутъ.

Красавица взбѣгаетъ на верхній этажъ. Они видятъ только румяныя губки изъ-подъ короткой вуали и прекрасныя маленькія ножки.

— Вы съ такимъ чувствомъ это разсказываете, что мнѣ кажется, вы сами — одинъ изъ этихъ двухъ.

— А сейчасъ вы мнѣ что говорили? Ну, молодые люди входятъ къ товарищу, у него обѣдъ прощальный. Тутъ точно они выпиваютъ, можетъ быть, лишнее, какъ всегда на прощальныхъ обѣдахъ. И за обѣдомъ разспрашиваютъ, кто живетъ наверху въ этомъ домѣ. Никто не знаетъ, и только лакей хозяина на ихъ вопросъ — живутъ ли наверху *мамзели* — отвѣчаетъ, что ихъ тутъ очень много. Послѣ обѣда молодые люди отправляются въ кабинетъ къ хозяину и пишутъ письмо къ неизвѣстной. Написали страстное письмо, признаніе и сами несутъ письмо наверхъ, чтобы разъяснить то, что въ письмѣ оказалось бы не совсѣмъ понятнымъ.

— Зачѣмъ вы мнѣ такія гадости разсказываете? Ну?

— Звонятъ. Выходитъ дѣвушка, они даютъ письмо и увѣряютъ дѣвушку, что оба такъ влюблены, что сейчасъ умрутъ тутъ у двери. Дѣвушка въ недоумѣніи ведетъ переговоры. Вдругъ является господинъ съ бакенбардами колбасиками, красный какъ ракъ, объявляетъ, что въ домѣ никого не живетъ, кромѣ его жены, и выгоняетъ обоихъ.

— Почему же вы знаете, что у него бакенбарды, какъ вы говорите, колбасиками?

— А вотъ слушайте. Нынче я ѣздилъ мирить ихъ.

— Ну, и что же?

— Тутъ-то самое интересное. Оказывается, что это счастливая чета титулярнаго совѣтника и титулярной совѣтницы. Титулярный совѣтникъ подаетъ жалобу, и я дѣлаюсь примирителемъ, и какимъ!.. Увѣряю васъ, Талейранъ ничто въ сравненіи со мной.

— Въ чемъ же трудность?

— Да вотъ послушайте... Мы извинились какъ слѣдуетъ: «мы въ отчаяніи, мы просимъ простить за несчастное недоразумѣніе»... Титулярный совѣтникъ съ колбасиками начинаетъ таять, но желаетъ тоже выразить свои чувства, и какъ только онъ начинаетъ выражать ихъ, такъ начинаетъ горячиться и говорить грубости, и опять я долженъ пускать въ ходъ всѣ свои дипломатическіе таланты. «Я согласенъ, что поступокъ ихъ не хорошъ, но прошу васъ принять во вниманіе недоразумѣніе, молодость; потомъ молодые люди только что позавтракали. Вы понимаете. Они раскаиваются отъ всей души, просятъ простить

ихъ вину». Титулярный совѣтникъ опять смягчается: «Я согласенъ, графъ, и готовъ простить, но понимаете, что моя жена, моя жена, честная женщина, подвергается преслѣдованіямъ, грубостямъ и дерзостямъ какихъ-нибудь мальчишекъ, мерз...» А вы понимаете, мальчишка этотъ тутъ, и мнѣ надо примирять ихъ. Опять я пускаю въ ходъ дипломатію, и опять, какъ только надо закончить все дѣло, мой титулярный совѣтникъ горячится, краснѣетъ, колбасики поднимаются, и опять я разливаюсь въ дипломатическихъ тонкостяхъ.

— Ахъ, это надо разсказать вамъ! — смѣясь обратилась Бетси ко входившей въ ея ложу дамѣ.— Онъ такъ насмѣшилъ меня... Ну, bonne chance,—прибавила она, подавая Вронскому палецъ, свободный отъ держанія вѣера, и движеніемъ плечъ опуская поднявшійся лифъ платья, съ тѣмъ чтобы, какъ слѣдуетъ быть вполнѣ голой, когда выйдетъ впередъ къ рампѣ, на свѣтъ газа и на всѣ глаза.

Вронскій поѣхалъ во французскій театръ, гдѣ ему дѣйствительно нужно было видѣть полкового командира, не пропускавшаго ни одного представленія во французскомъ театрѣ, съ тѣмъ чтобы переговорить съ нимъ о своемъ миротворствѣ, которое занимало и забавляло его уже третій день. Въ дѣлѣ этомъ былъ замѣшанъ Петрицкій, котораго онъ любилъ, и другой, недавно поступившій, славный малый, отличный товарищъ, молодой князь Кедровъ. А главное — тутъ были замѣшаны интересы полка.

Оба были въ эскадронѣ Вронскаго. Къ полковому командиру пріѣзжалъ чиновникъ, титулярный совѣтникъ Венденъ, съ жалобой на его офицеровъ, которые оскорбили его жену. Молодая жена его, какъ разсказывалъ Венденъ, — онъ былъ женатъ полгода, — была въ церкви съ матушкой и, вдругъ почувствовавъ нездоровье, происходящее отъ извѣстнаго положенія, не могла больше стоять и поѣхала домой на первомъ попавшемся ей лихачѣ-извозчикѣ. Тутъ за ней погнались офицеры, она испугалась и, еще болѣе разболѣвшись, взбѣжала по лѣстницѣ домой. Самъ Венденъ, вернувшись изъ присутствія, услыхалъ звонокъ и какіе-то голоса, вышелъ и, увидавъ пьяныхъ офицеровъ съ письмомъ, вытолкалъ ихъ. Онъ просилъ строгаго наказанія.

— Нѣтъ, какъ хотите, — сказалъ полковой командиръ Вронскому, пригласивъ его къ себѣ,—Петрицкій становится невозможенъ. Не проходитъ недѣли безъ исторіи. Этотъ чиновникъ не оставитъ дѣла, онъ пойдетъ дальше.

Вронскій видѣлъ всю неблагодарность этого дѣла и что тутъ дуэли быть не можетъ, что надо все сдѣлать, чтобы смягчить

этого титулярнаго совѣтника и замять дѣло. Полковой командиръ призвалъ Вронскаго именно потому, что зналъ его за благороднаго и умнаго человѣка, а главное за человѣка, дорожащаго честью полка. Они потолковали и рѣшили, что надо ѣхать Петрицкому и Кедрову съ Вронскимъ къ этому титулярному совѣтнику извиняться. Полковой командиръ и Вронскій — оба понимали, что имя Вронскаго и флигель-адъютантскій вензель должны много содѣйствовать смягченію титулярнаго совѣтника. И дѣйствительно, эти два средства оказались отчасти дѣйствительны; но результатъ примиренія остался сомнительнымъ, какъ и разсказывалъ Вронскій.

Пріѣхавъ во французскій театръ, Вронскій удалился съ полковымъ командиромъ въ фойе и разсказалъ ему свой успѣхъ или неуспѣхъ. Обдумавъ все, полковой командиръ рѣшилъ оставить дѣло безъ послѣдствій, но потомъ, ради удовольствія, сталъ разспрашивать Вронскаго о подробностяхъ его свиданья и долго не могъ удержаться отъ смѣха, слушая разсказъ Вронскаго о томъ, какъ затихавшій титулярный совѣтникъ вдругъ опять разгорался, вспоминая подробности дѣла, и какъ Вронскій, лавируя при послѣднемъ полусловѣ примиренія, ретировался, толкая впередъ себя Петрицкаго.

— Скверная исторія, но уморительная. Не можетъ же Кедровъ драться съ этимъ господиномъ! Такъ ужасно горячился? — смѣясь переспросилъ онъ. — А какова нынче Клеръ? Чудо! — сказалъ онъ про новую французскую актрису. — Сколько ни смотри, каждый день новая. Только одни французы могутъ это.

VI.

Княгиня Бетси, не дождавшись конца послѣдняго акта, уѣхала изъ театра. Только что успѣла она войти въ свою уборную, обсыпать свое длинное блѣдное лицо пудрой, стереть ее, оправиться и приказать чай въ большой гостиной, какъ ужъ одна за другой стали подъѣзжать кареты къ ея огромному дому на Большой Морской. Гости выходили на широкій подъѣздъ, и тучный швейцаръ, читающій по утрамъ, для назиданія прохожихъ, за стеклянною дверью газеты, беззвучно отворялъ эту огромную дверь, пропуская мимо себя пріѣзжавшихъ.

Почти въ одно и то же время вошли хозяйка съ освѣженною прической и освѣженнымъ лицомъ изъ одной двери и гости изъ другой въ большую гостиную съ темными стѣнами, пушистыми коврами и ярко освѣщеннымъ столомъ, блестѣвшимъ подъ ог-

нями свѣчъ бѣлизною скатерти, серебромъ самовара и прозрачнымъ фарфоромъ чайнаго прибора.

Хозяйка сѣла за самоваръ и сняла перчатки. Передвигая стулья съ помощью незамѣтныхъ лакеевъ, общество размѣстилось, раздѣлившись на двѣ части, — у самовара съ хозяйкой и на противоположномъ концѣ гостиной, около красивой жены посланника въ черномъ бархатѣ и съ черными рѣзкими бровями. Разговоръ въ обоихъ центрахъ, какъ и всегда въ первыя минуты, колебался, перебиваемый встрѣчами, привѣтствіями, предложеніемъ чая, какъ бы отыскивая, на чемъ остановиться.

— Она необыкновенно хороша, какъ актриса; видно, что она изучила Каульбаха, — говорилъ дипломатъ въ кружкѣ жены посланника, — вы замѣтили, какъ она упала...

— Ахъ, пожалуйста, не будемъ говорить про Нильсонъ! Про нее нельзя ничего сказать новаго, — сказала толстая, красная, безъ бровей и безъ шиньона, бѣлокурая дама въ старомъ шелковомъ платьѣ. Это была княгиня Мягкая, извѣстная своею простотою, грубостью обращенія и прозванная enfant terrible. Княгиня Мягкая сидѣла посрединѣ между обоими кружками и, прислушиваясь, принимала участіе то въ томъ, то въ другомъ.— Мнѣ нынче три человѣка сказали эту самую фразу про Каульбаха, точно сговорились. И фраза, не знаю чѣмъ, такъ понравилась имъ.

Разговоръ былъ прерванъ этимъ замѣчаніемъ, и надо было придумывать опять новую тему.

— Разскажите намъ что-нибудь забавное, но не злое, — сказала жена посланника, великая мастерица изящнаго разговора, называемаго по-англійски small-talk, обращаясь къ дипломату, тоже не знавшему, что теперь начать.

— Говорятъ, что это очень трудно, что только злое смѣшно, — началъ онъ съ улыбкою. — Но я попробую. Дайте тему. Все дѣло въ темѣ. Если тема дана, то вышивать по ней уже легко. Я часто думаю, что знаменитые говоруны прошлаго вѣка были бы теперь въ затрудненіи говорить умно. Все умное такъ надоѣло...

— Давно ужъ сказано, — смѣясь перебила его жена посланника.

Разговоръ начался мило; но именно потому, что онъ былъ слишкомъ ужъ милъ, онъ опять остановился. Надо было прибѣгнуть къ вѣрному, никогда неизмѣняющему средству — злословію.

— Вы не находите, что въ Тушкевичѣ есть что-то Louis XV?— сказалъ онъ, указывая глазами на красиваго бѣлокураго молодого человѣка, стоявшаго у стола.

— О, да! Онъ въ одномъ вкусѣ съ гостиной, отъ этого онъ такъ часто и бываетъ здѣсь.

Этотъ разговоръ поддержался, такъ какъ говорилось намеками именно о томъ, чего нельзя было говорить въ этой гостиной, то-есть объ отношеніяхъ Тушкевича къ хозяйкѣ.

Около самовара и хозяйки разговоръ между тѣмъ, точно такъ же поколебавшись нѣсколько времени между тремя неизбѣжными темами: послѣднею общественною новостью, театромъ и осужденіемъ ближняго, тоже установился, попавъ на послѣднюю тему, то-есть на злословіе.

— Вы слышали, и Мальтищева — не дочь, а мать — шьетъ себѣ костюмъ diable rose!

— Не можетъ быть? Нѣтъ, это прелестно!

— Я удивляюсь, какъ съ ея умомъ — она вѣдь не глупа — не видѣть, какъ она смѣшна.

Каждый имѣлъ что сказать въ осужденіе и осмѣяніе несчастной Мальтищевой, и разговоръ весело затрещалъ, какъ разгорѣвшійся костеръ.

Мужъ княгини Бетси, добродушный толстякъ, страстный собиратель гравюръ, узнавъ, что у жены гости, зашелъ передъ клубомъ въ гостиную. Неслышно по мягкому ковру онъ подошелъ къ княгинѣ Мягкой.

— Какъ вамъ понравилась Нильсонъ? — сказалъ онъ.

— Ахъ, можно ли такъ подкрадываться? Какъ вы меня испугали!—отвѣчала она. — Не говорите, пожалуйста, со мной про оперу, вы ничего не понимаете въ музыкѣ. Лучше я спущусь до васъ и буду говорить съ вами про ваши маіолики и гравюры. Ну, какое тамъ сокровище купили вы недавно на толкучкѣ?

— Хотите, я вамъ покажу? Но вы не знаете толку.

— Покажите. Я выучилась у этихъ, какъ ихъ зовутъ.... банкиры... у нихъ прекрасныя есть гравюры. Они намъ показывали.

— Какъ, вы были у Шюцбургъ? — спросила хозяйка отъ самовара.

— Была, ma chère. Они насъ звали съ мужемъ обѣдать, и мнѣ сказывали, что соусъ на этомъ обѣдѣ стоилъ тысячу рублей, — громко говорила княгиня Мягкая, чувствуя, что всѣ ее слушаютъ, — и очень гадкій соусъ, что-то зеленое. Надо было ихъ позвать, и я сдѣлала соусъ на восемьдесятъ пять ко-

пеекъ, и всѣ были очень довольны. Я не могу дѣлать тысячерублевыхъ соусовъ.

— Она единственна! — сказала хозяйка.

— Удивительна! — сказалъ кто-то.

Эффектъ, производимый рѣчами княгини Мягкой, всегда былъ одинаковъ, и секретъ производимаго ею эффекта состоялъ въ томъ, что она говорила, хотя и не совсѣмъ кстати, какъ теперь, но простыя вещи, имѣющія смыслъ. Въ обществѣ, гдѣ она жила, такія слова производили дѣйствіе самой остроумной шутки. Княгиня Мягкая не могла понять, отчего это такъ дѣйствовало, но знала, что это такъ дѣйствовало, и пользовалась этимъ.

Такъ какъ во время рѣчи княгини Мягкой всѣ ее слушали, и разговоръ около жены посланника прекратился, хозяйка хотѣла связать все общество воедино и обратилась къ женѣ посланника:

— Рѣшительно вы не хотите чаю? Вы бы перешли къ намъ,

— Нѣтъ, намъ очень хорошо здѣсь, — съ улыбкой отвѣчала жена посланника и продолжала начатый разговоръ.

Разговоръ былъ очень пріятный. Осуждали Карениныхъ, жену и мужа.

— Анна очень перемѣнилась со своей московской поѣздки. Въ ней есть что-то странное, — говорила ея пріятельница.

— Перемѣна главная та, что она привезла съ собой тѣнь Алексѣя Вронскаго, — сказала жена посланника.

— Да что же? У Гримма есть басня: человѣкъ безъ тѣни, человѣкъ лишенъ тѣни. И это ему наказаніе за что-то. Я никогда не могъ понять, въ чемъ наказаніе. Но женщинѣ должно быть непріятно безъ тѣни.

— Да, но женщины съ тѣнью обыкновенно дурно кончаютъ, — сказала пріятельница Анны.

— Типунъ вамъ на языкъ, — сказала вдругъ княгиня Мягкая, услыхавъ эти слова.—Каренина прекрасная женщина. Мужа ея я не люблю, а ее очень люблю.

— Отчего же вы не любите мужа? Онъ такой замѣчательный человѣкъ, — сказала жена посланника. — Мужъ говоритъ, что такихъ государственныхъ людей мало въ Европѣ.

— И мнѣ то же говоритъ мужъ, но я не вѣрю, — сказала княгиня Мягкая. — Если бы мужья наши не говорили, мы бы видѣли то, что есть; а Алексѣй Александровичъ по-моему просто глупъ. Я шопотомъ говорю это... Не правда ли, какъ все ясно дѣлается? Прежде, когда мнѣ велѣли находить его умнымъ, я все искала и находила, что я сама глупа не видя его ума;

а как только я сказала: *онъ глупъ*, но шопотомъ, все такъ ясно стало, не правда ли?

— Какъ вы злы нынче!

— Нисколько. У меня нѣтъ другого выхода. Кто-нибудь изъ двухъ глупъ. Ну, а вы знаете, про себя нельзя этого никогда сказать.

— Никто не доволенъ своимъ состояніемъ, и всякій доволенъ своимъ умомъ, — сказалъ дипломатъ французскій стихъ.

— Вотъ, вотъ, именно, — поспѣшно обратилась къ нему княгиня Мягкая. — Но дѣло въ томъ, что Анну я вамъ не отдамъ. Она такая славная, милая. Что же ей дѣлать, если всѣ влюблены въ нее и какъ тѣни ходятъ за ней?

— Да я и не думаю осуждать, — оправдывалась пріятельница Анны.

— Если за нами никто не ходитъ какъ тѣнь, то это не доказываетъ, что мы имѣемъ право осуждать.

И, отдѣлавъ какъ слѣдовало пріятельницу Анны, княгиня Мягкая встала и вмѣстѣ съ женой посланника присоединилась къ столу, гдѣ шелъ общій разговоръ о прусскомъ королѣ.

— О чемъ вы тамъ злословили? — спросила Бетси.

— О Карениныхъ. Княгиня дѣлала характеристику Алексѣя Александровича,—отвѣчала жена посланника, съ улыбкой садясь къ столу.

— Жалко, что мы не слыхали, — сказала хозяйка, взглядывая на входную дверь.—А, вотъ и вы наконецъ!—обратилась она съ улыбкой ко входившему Вронскому.

Вронскій былъ не только знакомъ со всѣми, но видалъ каждый день всѣхъ, кого онъ тутъ встрѣтилъ, и потому онъ вошелъ съ тѣми спокойными пріемами, съ какими входятъ въ комнату къ людямъ, отъ которыхъ только что вышли.

— Откуда я? — отвѣчалъ онъ на вопросъ жены посланника.— Что же дѣлать, надо признаться. Изъ Буффъ. Кажется, въ сотый разъ, и все съ новымъ удовольствіемъ. Прелесть! Я знаю, что это стыдно; но въ оперѣ я сплю, а въ Буффахъ до послѣдней минуты досиживаю, и весело. Нынче...

Онъ назвалъ французскую актрису и хотѣлъ что-то разсказывать про нее, но жена посланника съ шутливымъ ужасомъ перебила его:

— Пожалуйста, не разсказывайте про этотъ ужасъ.

— Ну, не буду, тѣмъ болѣе что всѣ знаютъ эти ужасы.

— И всѣ бы поѣхали туда, если бы это было такъ же принято, какъ опера, — подхватила княгиня Мягкая.

VII.

У входной двери послышались шаги, и княгиня Бетси, зная, что это Каренина, взглянула на Вронскаго. Онъ смотрѣлъ на дверь, и лицо его имѣло странное новое выраженіе. Онъ радостно, пристально и вмѣстѣ робко смотрѣлъ на входившую и медленно приподнимался. Въ гостиную входила Анна. Какъ всегда держась чрезвычайно прямо и не измѣняя направленія взгляда, она сдѣлала своимъ быстрымъ, твердымъ и легкимъ шагомъ, отличавшимъ ее отъ походки другихъ свѣтскихъ женщинъ, тѣ нѣсколько шаговъ, которые отдѣляли ее отъ хозяйки, пожала ей руку, улыбнулась и съ этою улыбкой оглянулась на Вронскаго. Вронскій низко поклонился и подвинулъ ей стулъ.

Она отвѣчала только наклоненіемъ головы, покраснѣла и нахмурилась. Но тотчасъ же, быстро кивая знакомымъ и пожимая протягиваемыя руки, она обратилась къ хозяйкѣ:

— Я была у графини Лидіи и хотѣла раньше пріѣхать, но засидѣлась. У нея былъ сэръ Джонъ. Очень интересный.

— Ахъ, это миссіонеръ этотъ?

— Да, онъ разсказывалъ про индѣйскую жизнь очень интересно.

Разговоръ, перебитый пріѣздомъ, опять замотался, какъ огонь задуваемой лампы.

— Сэръ Джонъ! Да, сэръ Джонъ. Я его видѣла. Онъ хорошо говоритъ. Власьева совсѣмъ влюблена въ него.

— А правда, что Власьева меньшая выходитъ за Топова?

— Да, говорятъ, что это совсѣмъ рѣшено.

— Я удивляюсь родителямъ. Говорятъ, это бракъ по страсти.

— По страсти? Какія у васъ антидилювіальныя мысли! Кто нынче говоритъ про страсти? — сказала жена посланника.

— Что дѣлать? Эта глупая старая мода все еще не выводится, — сказалъ Вронскій.

— Тѣмъ хуже для тѣхъ, кто держится этой моды. Я знаю счастливые браки только по разсудку.

— Да, но зато какъ часто счастіе браковъ по разсудку разлетается какъ пыль именно отъ того, что появляется та самая страсть, которую не признавали, — сказалъ Вронскій.

— Но браками по разсудку мы называемъ тѣ, когда уже оба перебѣсились. Это какъ скарлатина, чрезъ это надо пройти.

— Тогда надо выучиться искусственно прививать любовь, какъ оспу.

— Я была въ молодости влюблена въ дьячка, — сказала княгиня Мягкая. — Не знаю, помогло ли мнѣ это.

— Нѣтъ, я думаю, безъ шутокъ, что, для того чтобъ узнать любовь, надо ошибиться и потомъ поправиться, — сказала княгиня Бетси.

— Даже послѣ брака? — шутливо сказала жена посланника.

— Никогда не поздно раскаяться, — сказалъ дипломатъ англійскую пословицу.

— Вотъ именно, — подхватила Бетси, — надо ошибиться и поправиться. Какъ вы объ этомъ думаете? — обратилась она къ Аннѣ, которая съ чуть замѣтною твердою улыбкой на губахъ слушала этотъ разговоръ.

— Я думаю, — сказала Анна, играя снятой перчаткой, — я думаю... если сколько головъ, столько умовъ, то и сколько сердецъ, столько родовъ любви.

Вронскій смотрѣлъ на Анну и съ замираніемъ сердца ждалъ, что̀ она скажетъ. Онъ вздохнулъ какъ бы послѣ опасности, когда она выговорила эти слова.

Анна вдругъ обратилась къ нему:

— А я получила изъ Москвы письмо. Мнѣ пишутъ, что Кити Щербацкая очень больна.

— Неужели? — нахмурившись сказалъ Вронскій.

Анна строго посмотрѣла на него.

— Васъ не интересуетъ это?

— Напротивъ, очень. Что̀ именно вамъ пишутъ, если можно узнать? — спросилъ онъ.

Анна встала и подошла къ Бетси.

— Дайте мнѣ чашку чаю, — сказала она, останавливаясь за ея стуломъ.

Пока Бетси наливала ей чай, Вронскій подошелъ къ Аннѣ.

— Что же вамъ пишутъ? — повторилъ онъ.

— Я часто думаю, что мужчины не понимаютъ того, что неблагородно, а всегда говорятъ объ этомъ, — сказала Анна, не отвѣчая ему. — Я давно хотѣла сказать вамъ, — прибавила она и, перейдя нѣсколько шаговъ, сѣла у угловаго стола съ альбомами.

— Я не совсѣмъ понимаю значеніе вашихъ словъ, — сказалъ онъ, подавая ей чашку.

Она взглянула на диванъ подлѣ себя, и онъ тотчасъ же сѣлъ.

— Да, я хотѣла сказать вамъ, — сказала она, не глядя на него: — вы дурно поступили, дурно, очень дурно.

— Развѣ я не знаю, что я дурно поступилъ? Но кто причиной, что я поступилъ такъ?

— Зачѣмъ вы говорите мнѣ это? — сказала она, строго взглядывая на него.

— Вы знаете зачѣмъ, — отвѣчалъ онъ смѣло и радостно, встрѣчая ея взглядъ и не спуская глазъ.

Не онъ, а она смутилась.

— Это доказываетъ только то, что у васъ нѣтъ сердца, — сказала она. Но взглядъ ея говорилъ, что она знаетъ, что у него есть сердце, и отъ этого-то боится его.

— То, о чемъ вы сейчасъ говорили, была ошибка, а не любовь.

— Вы помните, что я запретила вамъ произносить это слово, это гадкое слово, — вздрогнувъ сказала Анна; но тутъ же она почувствовала, что однимъ этимъ словомъ *запретила* она показывала, что признавала за собой извѣстныя права на него и этимъ самымъ поощряла его говорить про любовь. — Я вамъ давно это хотѣла сказать, — продолжала она, рѣшительно глядя ему въ глаза и вся пылая жегшимъ ея лицо румянцемъ, — а нынче я нарочно пріѣхала, зная, что я васъ встрѣчу. Я пріѣхала сказать вамъ, что это должно кончиться. Я никогда ни предъ кѣмъ не краснѣла, а вы заставляете меня чувствовать себя виновною въ чемъ-то.

Онъ смотрѣлъ на нее и былъ пораженъ новою духовною красотой ея лица.

— Чего вы хотите отъ меня? — сказалъ онъ просто и серьезно.

— Я хочу, чтобы вы поѣхали въ Москву и просили прощенія у Кити, — сказала она.

— Вы не хотите этого, — сказалъ онъ.

Онъ видѣлъ, что она говоритъ то, что принуждаетъ себя сказать, а не то, чего хочетъ.

— Если вы любите меня, какъ вы говорите, — прошептала она, — то сдѣлайте, чтобъ я была спокойна.

Лицо его просіяло.

— Развѣ вы не знаете, что вы для меня вся жизнь; но спокойствія я не знаю и не могу вамъ дать. Всего себя, любовь... да. Я не могу думать о васъ и о себѣ отдѣльно. Вы и я для меня одно. И я не вижу впереди возможности спокойствія ни для себя, ни для васъ. Я вижу возможность отчаянія, несчастія... или я вижу возможность счастія, какого счастія!.. Развѣ оно не возможно? — прибавилъ онъ однѣми губами, но она слышала.

Она всѣ силы ума своего напрягла на то, чтобы сказать то, что̀ должно; но вмѣсто того она остановила на немъ свой взглядъ, полный любви, и ничего не отвѣтила.

«Вотъ оно!—съ восторгомъ думалъ онъ. — Тогда, когда я уже отчаивался и когда, казалось, не будетъ конца, — вотъ оно! Она любитъ меня. Она признается въ этомъ».

— Такъ сдѣлайте это для меня, никогда не говорите мнѣ этихъ словъ, и будемъ добрыми друзьями, — сказала она словами, но совсѣмъ другое говорилъ ея взглядъ.

— Друзьями мы не будемъ, вы это сами знаете. А будемъ ли мы счастливѣйшими или несчастливѣйшими изъ людей, это въ вашей власти.

Она хотѣла сказать что-то, но онъ перебилъ ее:

— Вѣдь я прошу одного: прошу права надѣяться, мучиться, какъ теперь; но если и этого нельзя, велите мнѣ исчезнуть, и я исчезну. Вы не будете видѣть меня, если мое присутствіе тяжело вамъ.

— Я не хочу никуда прогонять васъ.

— Только не измѣняйте ничего. Оставьте все, какъ есть,— сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ. — Вотъ вашъ мужъ.

Дѣйствительно, въ эту минуту Алексѣй Александровичъ своею спокойною, неуклюжею походкой входилъ въ гостиную.

Оглянувъ жену и Вронскаго, онъ подошелъ къ хозяйкѣ и, усѣвшись за чашкой чая, сталъ говорить своимъ неторопливымъ, всегда слышнымъ голосомъ, въ своемъ обычномъ шуточномъ тонѣ, подтрунивая надъ кѣмъ-то.

— Вашъ Рамбулье въ полномъ составѣ, — сказалъ онъ, оглядывая все общество: — граціи и музы.

Но княгиня Бетси терпѣть не могла этого тона его, sneering, какъ она называла это, и, какъ умная хозяйка, тотчасъ же навела его на серьезный разговоръ объ общей воинской повинности. Алексѣй Александровичъ тотчасъ же увлекся разговоромъ и сталъ защищать уже серьезно новый указъ предъ княгиней Бетси, которая нападала на него.

Вронскій и Анна продолжали сидѣть у маленькаго стола.

— Это становится неприлично, — шепнула одна дама, указывая глазами на Каренину, Вронскаго и ея мужа.

— Что, я вамъ говорила, — отвѣчала пріятельница Анны.

Но не однѣ эти дамы, почти всѣ, бывшіе въ гостиной, даже княгиня Мягкая и сама Бетси, по нѣскольку разъ взглядывали на удалившихся отъ общаго кружка, какъ будто это мѣшало имъ. Только одинъ Алексѣй Александровичъ ни разу не взглянулъ въ ту сторону и не былъ отвлеченъ отъ интереснаго начатаго разговора.

Замѣтивъ производимое на всѣхъ непріятное впечатлѣніе, княгиня Бетси подсунула на свое мѣсто для слушанія Алексѣя Александровича другое лицо и подошла къ Аннѣ.

— Я всегда удивляюсь ясности и точности выраженій вашего мужа, — сказала она. — Самыя трансцендентныя понятія становятся мнѣ доступны, когда онъ говоритъ.

— О, да! — сказала Анна, сіяя улыбкой счастія и не понимая ни одного слова изъ того, что говорила ей Бетси. Она перешла къ большому столу и приняла участіе въ общемъ разговорѣ.

Алексѣй Александровичъ, просидѣвъ полчаса, подошелъ къ женѣ и предложилъ ей ѣхать вмѣстѣ домой, но она, не глядя на него, отвѣчала, что останется ужинать. Алексѣй Александровичъ раскланялся и вышелъ.

Старый, толстый татаринъ, кучеръ Карениной, въ глянцевомъ кожанѣ, съ трудомъ удерживалъ прозябшаго лѣваго сѣраго, взвивавшагося у подъѣзда. Лакей стоялъ, отворивъ дверцу. Швейцаръ стоялъ, держа наружную дверь. Анна Аркадьевна отцѣпляла маленькою быстрою рукой кружева рукава отъ крючка шубки и, нагнувши голову, слушала съ восхищеніемъ, что говорилъ, провожая ее, Вронскій.

— Вы ничего не сказали, положимъ; я ничего и не требую, — говорилъ онъ, — но вы знаете, что не дружба мнѣ нужна, мнѣ возможно одно счастіе въ жизни, это слово, котораго вы такъ не любите... да, любовь...

— Любовь... — повторила она медленно, внутреннимъ голосомъ и вдругъ, въ то же время какъ она отцѣпила кружево, прибавила: — я оттого и не люблю этого слова, что оно для меня слишкомъ много значитъ, больше гораздо, чѣмъ вы можете понять, — и она взглянула ему въ лицо. — До свиданья!

Она подала ему руку и быстрымъ, упругимъ шагомъ прошла мимо швейцара и скрылась въ каретѣ.

Ея взглядъ, прикосновеніе руки прожгли его. Онъ поцѣловалъ свою ладонь въ томъ мѣстѣ, гдѣ она тронула его, и поѣхалъ домой счастливый, съ сознаніемъ того, что въ нынѣшній вечеръ онъ приблизился къ достиженію своей цѣли болѣе, чѣмъ въ два послѣдніе мѣсяца.

VIII.

Алексѣй Александровичъ ничего особеннаго и неприличнаго не нашелъ въ томъ, что жена его сидѣла съ Вронскимъ у особаго стола и о чемъ-то оживленно разговаривала; но онъ замѣ-

тилъ, что другимъ въ гостиной это показалось чѣмъ-то особеннымъ и неприличнымъ, и потому это показалось неприличнымъ и ему. Онъ рѣшилъ, что нужно сказать объ этомъ женѣ.

Вернувшись домой, Алексѣй Александровичъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ, какъ онъ это дѣлалъ обыкновенно, и сѣлъ въ кресло, развернувъ на заложенномъ разрѣзнымъ ножомъ мѣстѣ книгу о папизмѣ, и читалъ до часу, какъ обыкновенно дѣлалъ; только изрѣдка онъ потиралъ себѣ высокій лобъ и встряхивалъ голову, какъ бы отгоняя что-то. Въ обычный часъ онъ всталъ и сдѣлалъ свой ночной туалетъ. Анны Аркадьевны еще не было. Съ книгою подъ мышкой онъ пришелъ наверхъ; но въ нынѣшній вечеръ, вмѣсто обычныхъ мыслей и соображеній о служебныхъ дѣлахъ, мысли его были наполнены женою и чѣмъ-то непріятнымъ, случившимся съ нею. Онъ, противно своей привычкѣ, не легъ въ постель, а, заложивъ за спину сцѣпившіяся руки, принялся ходить взадъ и впередъ по комнатамъ. Онъ не могъ лечь, чувствуя, что ему прежде необходимо обдумать вновь возникшее обстоятельство.

Когда Алексѣй Александровичъ рѣшилъ самъ съ собою, что нужно переговорить съ женой, ему казалось это очень легко и просто; но теперь, когда онъ сталъ обдумывать это вновь возникшее обстоятельство, оно показалось ему очень сложнымъ и затруднительнымъ.

Алексѣй Александровичъ былъ не ревнивъ. Ревность, по его убѣжденію, оскорбляетъ жену, и къ женѣ должно имѣть довѣріе. Почему должно имѣть довѣріе, то-есть полную увѣренность въ томъ, что его молодая жена всегда будетъ его любить, онъ себя не спрашивалъ; но онъ не испытывалъ недовѣрія, потому имѣлъ довѣріе и говорилъ себѣ, что надо его имѣть. Теперь же, хотя убѣжденіе его о томъ, что ревность есть постыдное чувство и что нужно имѣть довѣріе, и не было разрушено, онъ чувствовалъ, что стоитъ лицомъ къ лицу предъ чѣмъ-то нелогичнымъ и безтолковымъ, и не зналъ, что̀ надо дѣлать. Алексѣй Александровичъ стоялъ лицомъ къ лицу предъ жизнью, предъ возможностью въ его женѣ любви къ кому-нибудь, кромѣ него, и это-то казалось ему очень безтолковымъ и непонятнымъ, потому что это была сама жизнь. Всю жизнь свою Алексѣй Александровичъ прожилъ и проработалъ въ сферахъ служебныхъ, имѣющихъ дѣло съ отраженіями жизни. И каждый разъ, когда онъ сталкивался съ самою жизнью, онъ отстранялся отъ нея. Теперь онъ испытывалъ чувство, подобное тому, какое испыталъ бы человѣкъ, спокойно прошедшій надъ пропастью по мосту и вдругъ увидавшій, что этотъ мостъ разобранъ и что

тамъ пучина. Пучина эта была сама жизнь, мостъ — та искусственная жизнь, которую прожилъ Алексѣй Александровичъ. Ему въ первый разъ пришли вопросы о возможности для его жены полюбить кого-нибудь, и онъ ужаснулся предъ этимъ.

Онъ не раздѣваясь ходилъ своимъ ровнымъ шагомъ взадъ и впередъ по звучному паркету освѣщенной одною лампой столовой, по ковру темной гостиной, въ которой свѣтъ отражался только на большомъ, недавно сдѣланномъ портретѣ его, висѣвшемъ надъ диваномъ, и чрезъ ея кабинетъ, гдѣ горѣли двѣ свѣчи, освѣщая портреты ея родныхъ и пріятельницъ и красивыя, давно близко знакомыя ему бездѣлушки ея письменнаго стола. Чрезъ ея комнату онъ доходилъ до двери спальни и опять поворачивался.

На каждомъ протяженіи своей прогулки, и большею частью на паркетѣ свѣтлой столовой, онъ останавливался и говорилъ себѣ: «Да, это необходимо рѣшить и прекратить, высказать свой взглядъ на это и свое рѣшеніе». И онъ поворачивался назадъ. «Но высказать что же? какое рѣшеніе?» говорилъ онъ себѣ въ гостиной и не находилъ отвѣта. «Да наконецъ, — спрашивалъ онъ себя предъ поворотомъ въ кабинетъ, — что же случилось? Ничего. Она долго говорила съ нимъ. Ну, что же? Мало ли женщина въ свѣтѣ съ кѣмъ можетъ говорить? И потомъ ревновать — значитъ унижать себя и ее», говорилъ онъ себѣ, входя въ ея кабинетъ; но разсужденіе это, прежде имѣвшее такой вѣсъ для него, теперь ничего не вѣсило и не значило. И онъ отъ двери спальной поворачивался опять къ залѣ; но какъ только онъ входилъ назадъ въ темную гостиную, ему какой-то голосъ говорилъ, что это не такъ и что если другіе замѣтили это, то значитъ, что есть что-нибудь. И онъ опять говорилъ себѣ въ столовой: «Да, это необходимо рѣшить и прекратить и высказать свой взглядъ...» И опять въ гостиной предъ поворотомъ онъ спрашивалъ себя: какъ рѣшить? И потомъ спрашивалъ себя: что̀ случилось? И отвѣчалъ: ничего, и вспоминалъ о томъ, что ревность есть чувство, унижающее жену; но опять въ гостиной убѣждался, что случилось что-то. Мысли его, какъ и тѣло, совершали полный кругъ, не нападая ни на что новое. Онъ замѣтилъ это, потеръ себѣ лобъ и сѣлъ въ ея кабинетѣ.

Тутъ, глядя на ея столъ съ лежащимъ наверху малахитовымъ бюваромъ и начатою запиской, мысли его вдругъ измѣнились. Онъ сталъ думать о ней, о томъ, что она думаетъ и чувствуетъ. Онъ впервые живо представилъ себѣ ея личную жизнь, ея мысли, ея желанія, и мысль, что у нея можетъ и должна

быть своя собственная жизнь, показалась ему такъ страшна, что онъ поспѣшилъ отогнать ее. Это была та пучина, куда ему страшно было заглянуть. Переноситься мыслью и чувствомъ въ другое существо было душевное дѣйствіе, чуждое Алексѣю Александровичу. Онъ считалъ это душевное дѣйствіе вреднымъ и опаснымъ фантазерствомъ.

«И ужаснѣе всего то, — думалъ онъ, — что теперь именно, когда подходитъ къ концу мое дѣло (онъ думалъ о проектѣ, который онъ проводилъ теперь), когда мнѣ нужно все спокойствіе и всѣ силы души, — теперь на меня сваливается эта безсмысленная тревога. Но что же дѣлать? Я не изъ такихъ людей, которые переносятъ безпокойство и тревоги и не имѣютъ силы взглянуть имъ въ лицо».

Я долженъ обдумать, рѣшить и отбросить, — проговорилъ онъ вслухъ.

«Вопросы о ея чувствахъ, о томъ, что дѣлалось и можетъ дѣлаться въ ея душѣ, это не мое дѣло, это дѣло ея совѣсти и подлежитъ религіи», сказалъ онъ себѣ, чувствуя облегченіе при сознаніи, что найденъ тотъ отдѣлъ узаконеній которому подлежало возникшее обстоятельство.

«Итакъ, — сказалъ себѣ Алексѣй Александровичъ, — вопросы о ея чувствахъ и такъ далѣе суть вопросы ея совѣсти, до которой мнѣ не можетъ быть дѣла. Моя же обязанность ясно опредѣляется. Какъ глава семьи, я — лицо, обязанное руководить ею и потому отчасти лицо отвѣтственное; я долженъ указать опасность, которую я вижу, предостеречь и даже употребить власть. Я долженъ ей высказать».

И въ головѣ Алексѣя Александровича сложилось ясно все, что онъ теперь скажетъ женѣ. Обдумывая, что онъ скажетъ, онъ пожалѣлъ о томъ, что для домашняго употребленія, такъ незамѣтно, онъ долженъ употребить свое время и силы ума; но, несмотря на то, въ головѣ его ясно и отчетливо, какъ докладъ, составилась форма и послѣдовательность предстоящей рѣчи. «Я долженъ сказать и высказать слѣдующее: во-первыхъ, объясненіе значенія общественнаго мнѣнія и приличія; во-вторыхъ, религіозное объясненіе значенія брака; въ-третьихъ, если нужно, указаніе на могущее произойти несчастіе для сына; въ-четвертыхъ, указаніе на ея собственное несчастіе». И, заложивъ пальцы за пальцы, ладонями книзу, Алексѣй Александровичъ потянулъ, и пальцы затрещали въ суставахъ.

Этотъ жестъ, дурная привычка, — соединеніе рукъ и трещаніе пальцевъ, — всегда успокаивалъ его и приводилъ въ аккуратность, которая теперь такъ нужна была ему У подъѣзда

послышался звукъ подъѣхавшей кареты. Алексѣй Александровичъ остановился посреди залы.

На лѣстницу всходили женскіе шаги. Алексѣй Александровичъ, готовый къ своей рѣчи, стоялъ, пожимая свои скрещенные пальцы и ожидая, не треснетъ ли еще гдѣ. Одинъ суставъ треснулъ.

Еще по звуку легкихъ шаговъ на лѣстницѣ онъ почувствовалъ ея приближеніе и, хотя онъ былъ доволенъ своею рѣчью, ему стало страшно за предстоящее объясненіе.

IX.

Анна шла, опустивъ голову и играя кистями башлыка. Лицо ея блестѣло яркимъ блескомъ; но блескъ этотъ былъ не веселый, — онъ напоминалъ страшный блескъ пожара среди темной ночи. Увидавъ мужа, Анна подняла голову и, какъ будто просыпаясь, улыбнулась.

— Ты не въ постели? Вотъ чудо! — сказала она, скинула башлыкъ и, не останавливаясь, пошла дальше, въ уборную.— Пора, Алексѣй Александровичъ, — проговорила она изъ-за двери.

— Анна, мнѣ нужно переговорить съ тобой.

— Со мной? — сказала она удивленно, вышла изъ двери и посмотрѣла на него. — Что же это такое? О чемъ это? — спросила она садясь. — Ну, давай переговоримъ, если такъ нужно. А лучше бы спать.

Анна говорила, что̀ приходило ей на языкъ, и сама удивлялась, слушая себя, своей способности лжи. Какъ просты, естественны были ея слова и какъ похоже было, что ей просто хочется спать! Она чувствовала себя одѣтою въ непроницаемую броню лжи. Она чувствовала, что какая-то невидимая сила помогала ей и поддерживала ее.

— Анна, я долженъ предостеречь тебя, — сказалъ онъ.

— Предостеречь? — сказала она. — Въ чемъ?

Она смотрѣла такъ просто, такъ весело, что кто не зналъ ея, какъ зналъ мужъ, не могъ бы замѣтить ничего неестественнаго ни въ звукахъ, ни въ смыслѣ ея словъ. Но для него, знавшаго ее, знавшаго, что, когда онъ ложится пятью минутами позже, она замѣчала и спрашивала о причинѣ, для него, знавшаго, что всякія свои радости, веселье, горе она тотчасъ сообщала ему, — для него теперь видѣть, что она не хотѣла замѣчать его состояніе, что не хотѣла ни слова сказать о себѣ, означало многое. Онъ видѣлъ, что глубина ея души, всегда пре-

жде открытая предъ нимъ, была закрыта отъ него. Мало того, по тону ея онъ видѣлъ, что она и не смущалась этимъ, а прямо какъ бы говорила ему: да, закрыта, и это такъ должно быть и будетъ впередъ. Теперь онъ испытывалъ чувство, подобное тому, какое испытывалъ бы человѣкъ, возвратившійся домой и находящій домъ свой запертымъ. «Но, можетъ быть, ключъ еще найдется», думалъ Алексѣй Александровичъ.

— Я хочу предостеречь тебя въ томъ, — сказалъ онъ тихимъ голосомъ, — что по неосмотрительности и легкомыслію ты можешь подать въ свѣтѣ поводъ говорить о тебѣ. Твой слишкомъ оживленный разговоръ сегодня съ графомъ Вронскимъ (онъ твердо и съ спокойною разстановкой выговорилъ это имя) обратилъ на себя вниманіе.

Онъ говорилъ и смотрѣлъ на ея смѣющіеся, страшные теперь для него своею непроницаемостью глаза, и говоря, чувствовалъ всю безполезность и праздность своихъ словъ.

— Ты всегда такъ, — отвѣчала она, какъ будто совершенно не понимая его и изъ всего того, что онъ сказалъ, умышленно понимая только послѣднее. — То тебѣ непріятно, что я скучна, то тебѣ непріятно, что я весела. Мнѣ не скучно было. Это тебя оскорбляетъ?

Алексѣй Александровичъ вздрогнулъ и загнулъ руки, чтобы трещать ими.

— Ахъ, пожалуйста, не трещи, я такъ не люблю, — сказала она.

— Анна, ты ли это?..—сказалъ Алексѣй Александровичъ тихо, сдѣлавъ усиліе надъ собой и удержавъ движеніе рукъ.

— Да что же это такое? — сказала она съ такимъ искреннимъ и комическимъ удивленіемъ. — Что тебѣ отъ меня надо?

Алексѣй Александровичъ помолчалъ и потеръ рукою лобъ и глаза. Онъ увидалъ, что вмѣсто того, что онъ хотѣлъ сдѣлать, то-есть предостеречь свою жену отъ ошибки въ глазахъ свѣта, онъ волновался невольно о томъ, что касалось ея совѣсти, и боролся съ воображаемой имъ какой-то стѣной.

— Я вотъ что намѣренъ сказать, — продолжалъ онъ холодно и спокойно,—и я попрошу тебя выслушать меня. Я признаю, какъ ты знаешь, ревность чувствомъ оскорбительнымъ и унизительнымъ и никогда не позволю себѣ руководиться этимъ чувствомъ; но есть извѣстные законы приличія, которые нельзя преступать безнаказанно. Нынче не я замѣтилъ, но, судя по впечатлѣнію, какое было произведено на общество, всѣ замѣтили, что ты вела и держала себя не совсѣмъ такъ, какъ можно было желать.

— Рѣшительно ничего не понимаю, — сказала Анна, пожимая плечами. «Ему все равно, — подумала она. — Но въ обществѣ замѣтили, и это тревожитъ его». — Ты нездоровъ, Алексѣй Александровичъ, — прибавила она, встала и хотѣла уйти въ дверь; но онъ двинулся впередъ, какъ бы желая остановить ее.

Лицо его было некрасиво и мрачно, какимъ никогда не видала его Анна. Она остановилась и, отклонивъ голову назадъ, на-бокъ, начала своею быстрою рукой выбирать шпильки.

— Ну-съ, я слушаю, что будетъ,—проговорила она спокойно и насмѣшливо. — И даже съ интересомъ слушаю, потому что желала бы понять, въ чемъ дѣло.

Она говорила и удивлялась тому натурально-спокойному, вѣрному тону, которымъ она говорила, и выбору словъ, которыя она употребляла.

— Входить во всѣ подробности твоихъ чувствъ я не имѣю права и вообще считаю это безполезнымъ и даже вреднымъ, — началъ Алексѣй Александровичъ. — Копаясь въ своей душѣ, мы часто выкапываемъ такое, что тамъ лежало бы незамѣтно. Твои чувства — это дѣло твоей совѣсти; но я обязанъ предъ тобой, предъ собой и предъ Богомъ указать тебѣ твои обязанности. Жизнь наша связана не людьми, а Богомъ. Разорвать эту связь можетъ только преступленіе, и преступленіе этого рода влечетъ за собой кару.

— Ничего не понимаю. Ахъ, Боже мой, и какъ мнѣ на бѣду спать хочется! — сказала она, быстро перебирая рукой волосы и отыскивая оставшіяся шпильки.

— Анна, ради Бога, не говори такъ, — сказалъ онъ кротко. — Можетъ быть, я ошибаюсь, но повѣрь, что то, что я говорю, я говорю столько же за себя, какъ и за тебя. Я мужъ твой и люблю тебя.

На мгновеніе лицо ея опустилось, и потухла насмѣшливая искра во взглядѣ; но слово *люблю* опять возмутило ее. Она подумала: «Любитъ? Развѣ онъ можетъ любить? Если бы онъ не слыхалъ, что бываетъ любовь, онъ никогда и не употреблялъ бы этого слова. Онъ и не знаетъ, что такое любовь».

— Алексѣй Александровичъ, право, я не понимаю, — сказала она. — Опредѣли, что ты находишь...

— Позволь, дай договорить мнѣ. Я люблю тебя. Но я говорю не о себѣ; главныя лица тутъ — нашъ сынъ и ты сама. Очень можетъ быть, повторяю, тебѣ покажутся совершенно напрасными и неумѣстными мои слова; можетъ быть, они вызваны моимъ заблужденіемъ. Въ такомъ случаѣ я прошу тебя

извинить меня. Но если ты сама чувствуешь, что есть хоть малѣйшія основанія, то я тебя прошу подумать и, если сердце тебѣ говоритъ, высказать мнѣ...

Алексѣй Александровичъ, самъ не замѣчая того, говорилъ совершенно не то, что̀ приготовилъ.

— Мнѣ нечего говорить. Да и... — вдругъ быстро сказала она, съ трудомъ удерживая улыбку, — право, пора спать.

Алексѣй Александровичъ вздохнулъ и, не сказавъ больше ничего, отправился въ спальню.

Когда она вошла въ спальню, онъ уже лежалъ. Губы его были строго сжаты, и глаза не смотрѣли на нее. Анна легла на свою постель и ждала каждую минуту, что онъ еще разъ заговоритъ съ нею. Она и боялась того, что онъ заговоритъ, и ей хотѣлось этого. Но онъ молчалъ. Она долго ждала неподвижно и уже забыла о немъ. Она думала о другомъ, она видѣла его и чувствовала, какъ ея сердце при этой мысли наполнялось волненіемъ и преступной радостью. Вдругъ она услыхала ровный и спокойный носовой свистъ. Въ первую минуту Алексѣй Александровичъ какъ будто испугался своего свиста и остановился; но, переждавъ два дыханія, свистъ раздался съ новою, спокойною ровностью.

— Поздно, поздно ужъ, — прошептала она съ улыбкой. Она долго лежала неподвижно съ открытыми глазами, блескъ которыхъ, ей казалось, она сама въ темнотѣ видѣла.

X.

Съ этого времени началась новая жизнь для Алексѣя Александровича и для его жены. Ничего особеннаго не случилось. Анна, какъ всегда, ѣздила въ свѣтъ, особенно часто бывала у княгини Бетси и встрѣчалась вездѣ съ Вронскимъ. Алексѣй Александровичъ видѣлъ это, но ничего не могъ сдѣлать. На всѣ попытки его вызвать ее на объясненіе она противопоставляла ему непроницаемую стѣну какого-то веселаго недоумѣнія. Снаружи было то же, но внутреннія отношенія ихъ совершенно измѣнились. Алексѣй Александровичъ, столь сильный человѣкъ въ государственной дѣятельности, тутъ чувствовалъ себя безсильнымъ. Какъ быкъ, покорно опустивъ голову, онъ ждалъ обуха который, онъ чувствовалъ, былъ надъ нимъ поднятъ. Каждый разъ, какъ онъ начиналъ думать объ этомъ, онъ чувствовалъ, что нужно попытаться еще разъ, что добротою, нѣжностью, убѣжденіемъ еще есть надежда спасти ее, заставить

опомниться, и онъ каждый день собирался говорить съ ней. Но каждый разъ, какъ онъ начиналъ говорить съ ней, онъ чувствовалъ, что тотъ духъ зла и обмана, который овладѣлъ ею, овладѣвалъ и имъ, и онъ говорилъ съ ней совсѣмъ не то и не тѣмъ тономъ, какимъ хотѣлъ говорить. Онъ говорилъ съ ней невольно своимъ привычнымъ тономъ подшучиванія надъ тѣмъ, кто бы такъ говорилъ. А въ этомъ тонѣ нельзя было сказать того, что требовалось сказать ей.

. . . .
. . . .

XI.

То, что почти цѣлый годъ для Вронскаго составляло исключительно одно желаніе его жизни, замѣнившее ему всѣ прежнія желанія; то, что для Анны было невозможною, ужасною и тѣмъ болѣе обворожительною мечтой счастія, это желаніе было удовлетворено. Блѣдный, съ дрожащею нижнею челюстью, онъ стоялъ надъ нею и умолялъ успокоиться, самъ не зная въ чемъ и чѣмъ.

— Анна! Анна! — говорилъ онъ дрожащимъ голосомъ. — Анна, ради Бога!..

Но чѣмъ громче онъ говорилъ, тѣмъ ниже она опускала свою, когда-то гордую, веселую, теперь же постыдную голову, и она вся сгибалась и падала съ дивана, на которомъ сидѣла, на полъ, къ его ногамъ; она упала бы на коверъ, если бы онъ не держалъ ея.

— Боже мой! Прости меня! — всхлипывая говорила она, прижимая къ своей груди его руки.

Она чувствовала себя столь преступною и виноватою, что ей оставалось только унижаться и просить прощенія; а въ жизни теперь, кромѣ него, у нея никого не было, такъ что она и къ нему обращала свою мольбу о прощеніи. Она, глядя на него, физически чувствовала свое униженіе и ничего больше не могла говорить. Онъ же чувствовалъ то, что долженъ чувствовать убійца, когда видитъ тѣло, лишенное имъ жизни. Это тѣло, лишенное имъ жизни, была ихъ любовь, первый періодъ ихъ любви. Было что-то ужасное и отвратительное въ воспоминаніяхъ о томъ, за что было заплачено этою страшною цѣною стыда. Стыдъ передъ духовною наготою своей давилъ ее и сообщался ему. Но, несмотря на весь ужасъ убійцы предъ тѣломъ убитаго, надо рѣзать на куски прятать это тѣло, надо пользоваться тѣмъ, что̀ убійца пріобрѣлъ убійствомъ.

И съ озлобленіемъ, какъ будто со страстью, бросается убійца на это тѣло, и тащитъ, и рѣжетъ его, такъ и онъ покрывалъ поцѣлуями ея лицо и плечи. Она держала его руку и не шевелилась. Да, эти поцѣлуи — то, что̀ куплено этимъ стыдомъ. Да, и эта рука, которая будетъ всегда моею, — рука моего сообщника. Она подняла эту руку и поцѣловала ее. Онъ опустился на колѣни и хотѣлъ видѣть ея лицо, но она прятала его и ничего не говорила. Наконецъ, какъ бы сдѣлавъ усиліе надъ собой, она поднялась и оттолкнула его. Лицо ея было все такъ же красиво, но тѣмъ болѣе было оно жалко.

— Все кончено, — сказала она. — У меня ничего нѣтъ, кромѣ тебя. Помни это.

— Я не могу не помнить того, что̀ есть моя жизнь. За минуту этого счастія...

— Какое счастіе! — съ отвращеніемъ и ужасомъ сказала она, и ужасъ невольно сообщился ему. — Ради Бога, ни слова, ни слова больше.

Она быстро встала и отстранилась отъ него.

— Ни слова больше, — повторила она и съ страннымъ для него выраженіемъ холоднаго отчаянія на лицѣ она разсталась съ нимъ. Она чувствовала, что въ эту минуту не могла выразить словами того чувства стыда, радости и ужаса предъ этимъ вступленіемъ въ новую жизнь, и не хотѣла говорить объ этомъ, опошливать это чувство неточными словами. Но и послѣ, и на другой, и на третій день, она не только не нашла словъ, которыми бы она могла выразить всю сложность этихъ чувствъ, но не находила и мыслей, которыми бы она сама съ собой могла обдумать все, что было въ ея душѣ.

Она говорила себѣ: «Нѣтъ, теперь я не могу объ этомъ думать; послѣ, когда я буду спокойнѣе». Но это спокойствіе для мыслей никогда не наступало; каждый разъ, какъ являлась ей мысль о томъ, что̀ она сдѣлала и что съ ней будетъ, и что она должна сдѣлать, на нее находилъ ужасъ, и она отгоняла отъ себя эти мысли.

— Послѣ, послѣ, — говорила она, — когда я буду спокойнѣе.

Зато во снѣ, когда она не имѣла власти надъ своими мыслями, ея положеніе представлялось ей во всей безобразной наготѣ своей. Одно сновидѣніе почти каждую ночь посѣщало ее. Ей снилось, что оба вмѣстѣ были ея мужья, что оба расточали ей свои ласки. Алексѣй Александровичъ плакалъ, цѣлуя ея руки, и говорилъ: какъ хорошо теперь! И Алексѣй Вронскій былъ тутъ же, и онъ былъ также ея мужъ.

И она удивлялась тому, что прежде ей казалось это невозможнымъ, объясняла имъ, смѣясь, что это гораздо проще и что они оба теперь довольны и счастливы. Но это сновидѣніе, какъ кошмаръ, давило ее, и она просыпалась съ ужасомъ.

XII.

Еще въ первое время по возвращеніи изъ Москвы, когда Левинъ каждый разъ вздрагивалъ и краснѣлъ, вспоминая позоръ отказа, онъ говорилъ себѣ: «Такъ же краснѣлъ и вздрагивалъ я, считая все погибшимъ, когда получилъ единицу за физику и остался на второмъ курсѣ; такъ же считалъ себя погибшимъ послѣ того, какъ испортилъ порученное мнѣ дѣло сестры. И что жъ? теперь, когда прошли года, я вспоминаю и удивляюсь, какъ это могло огорчать меня. То же будетъ и съ этимъ горемъ. Пройдетъ время, и я буду къ этому равнодушенъ».

Но прошло три мѣсяца, и онъ не сталъ къ этому равнодушенъ, и ему такъ же, какъ и въ первые дни, было больно вспоминать объ этомъ. Онъ не могъ успокоиться, потому что онъ, такъ долго мечтавшій о семейной жизни, такъ чувствовавшій себя созрѣвшимъ для нея, все-таки не былъ женатъ и былъ дальше чѣмъ когда-нибудь отъ женитьбы. Онъ болѣзненно чувствовалъ самъ, какъ чувствовали всѣ его окружающіе, что нехорошо въ его года человѣку единому быти. Онъ помнилъ, какъ онъ передъ отъѣздомъ въ Москву сказалъ разъ своему скотнику Николаю, наивному мужику, съ которымъ онъ любилъ поговорить: «Что Николай! хочу жениться», и какъ Николай поспѣшно отвѣчалъ, какъ о дѣлѣ, въ которомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія: «И давно пора, Константинъ Дмитричъ». Но женитьба теперь стала отъ него дальше, чѣмъ когда-либо. Мѣсто было занято, и, когда онъ теперь въ воображеніи ставилъ на это мѣсто кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ дѣвушекъ, онъ чувствовалъ, что это было совершенно невозможно. Кромѣ того, воспоминаніе объ отказѣ и о роли, которую онъ игралъ при этомъ, мучило его стыдомъ. Сколько онъ ни говорилъ себѣ, что онъ тутъ ни въ чемъ не виноватъ, воспоминаніе это, наравнѣ съ другими такого же рода стыдными воспоминаніями, заставляло его вздрагивать и краснѣть. Были въ его прошедшемъ, какъ у всякаго человѣка, сознанные имъ дурные поступки, за которые совѣсть должна была бы мучить его: но воспоминаніе о дурныхъ поступкахъ далеко не такъ мучило его, какъ эти ничтожныя, но стыдныя воспоминанія.

Эти раны никогда не затягивались. И наравнѣ съ этими воспоминаніями стояли теперь отказъ и то жалкое положеніе, въ которомъ онъ долженъ былъ представляться другимъ въ этотъ вечеръ. Но время и работа дѣлали свое. Тяжелыя воспоминанія болѣе и болѣе застилались для него невидимыми, но значительными событіями деревенской жизни. Съ каждою недѣлей онъ все рѣже вспоминалъ о Кити. Онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ извѣстія, что она уже вышла или выходитъ на-дняхъ замужъ, надѣясь, что такое извѣстіе, какъ выдергиваніе зуба, совсѣмъ вылѣчитъ его.

Между тѣмъ пришла весна, прекрасная, дружная, безъ ожиданія и обмановъ весны, одна изъ тѣхъ рѣдкихъ весенъ, которымъ вмѣстѣ радуются растенія, животныя и люди. Эта прекрасная весна еще болѣе возбудила Левина и утвердила его въ намѣреніи отречься отъ всего прежняго, съ тѣмъ чтобы устроить твердо и независимо свою одинокую жизнь. Хотя многіе изъ тѣхъ плановъ, съ которыми онъ вернулся въ деревню, и не были имъ исполнены, однако самое главное — чистота жизни была соблюдена имъ. Онъ не испытывалъ того стыда, который обыкновенно мучилъ его послѣ паденія, и онъ могъ смѣло смотрѣть въ глаза людямъ. Еще въ февралѣ онъ получилъ письмо отъ Марьи Николаевны о томъ, что здоровье брата Николая становится хуже, но что онъ не хочетъ лѣчиться, и, вслѣдствіе этого письма, Левинъ ѣздилъ въ Москву къ брату и успѣлъ уговорить его посовѣтоваться съ докторомъ и ѣхать на воды за границу. Ему такъ хорошо удалось уговорить брата и дать ему взаймы денегъ на поѣздку, не раздражая его, что въ этомъ отношеніи онъ былъ собой доволенъ. Кромѣ хозяйства, требовавшаго особеннаго вниманія весною, кромѣ чтенія, Левинъ началъ этою зимой еще сочиненіе о хозяйствѣ, планъ котораго состоялъ въ томъ, чтобы характеръ рабочаго въ хозяйствѣ былъ принимаемъ за абсолютное данное, какъ климатъ и почва, и чтобы, слѣдовательно, всѣ положенія науки о хозяйствѣ выводились не изъ однихъ данныхъ почвы и климата, но изъ данныхъ почвы, климата и извѣстнаго неизмѣннаго характера рабочаго. Такъ что, несмотря на уединеніе или вслѣдствіе уединенія, жизнь его была чрезвычайно наполнена; только изрѣдка онъ испытывалъ неудовлетворенное желаніе сообщенія бродящихъ у него въ головѣ мыслей кому-нибудь, кромѣ Агаѳьи Михайловны, такъ какъ и съ нею ему случалось нерѣдко разсуждать о физикѣ, теоріи хозяйства и въ особенности о философіи; философія составляла любимый предметъ Агаѳьи Михайловны.

Весна долго не открывалась. Послѣднія недѣли поста стояла ясная, морозная погода. Днемъ таяло на солнцѣ, а ночью доходило до семи градусовъ; настъ былъ такой, что на возахъ ѣздили безъ дороги. Пасха была на снѣгу. Потомъ вдругъ на второй день Святой понесло теплымъ вѣтромъ, надвинулись тучи, и три дня и три ночи лилъ бурный и теплый дождь. Въ четвергъ вѣтеръ затихъ, и надвинулся густой сѣрый туманъ, какъ бы скрывая тайны совершавшихся въ природѣ перемѣнъ. Въ туманѣ полились воды, затрещали и сдвинулись льдины, быстрѣе двинулись мутные, вспѣнившіеся потоки, и на самую Красную горку съ вечера разорвался туманъ, тучи разбѣжались барашками, прояснѣло, и открылась настоящая весна. На утро поднявшееся яркое солнце быстро съѣло тонкій ледокъ, подернувшій воды, и весь теплый воздухъ задрожалъ отъ наполнившихъ его испареній ожившей земли. Зазеленѣла старая и вылѣзающая иглами молодая трава, надулись почки калины, смородины и липкой спиртовой березы, и на обсыпанной золотымъ цвѣтомъ лозинѣ загудѣла выставленная, облетавшаяся пчела. Залились невидимые жаворонки надъ бархатомъ зеленей и обледянѣвшимъ жнивьемъ, заплакали чибисы надъ налившимися бурою неубравшеюся водой низами и болотами, и высоко пролетѣли съ весеннимъ гоготаньемъ журавли и гуси. Заревѣла на выгонахъ облѣзшая, только мѣстами еще неперелинявшая скотина, заиграли кривоногіе ягнята вокругъ теряющихъ волну блеющихъ матерей, побѣжали быстроногіе ребята по просыхающимъ съ отпечатками босыхъ ногъ тропинкамъ, затрещали на пруду веселые голоса бабъ съ холстами, и застучали по дворамъ топоры мужиковъ, налаживающихъ сохи и бороны. Пришла настоящая весна.

XIII.

Левинъ надѣлъ большіе сапоги и въ первый разъ не шубу, а суконную поддевку и пошелъ по хозяйству, шагая черезъ ручьи, рѣжущіе глаза своимъ блескомъ на солнцѣ, ступая то на ледокъ, то въ липкую грязь.

Весна — время плановъ и предположеній. И, выйдя на дворъ, Левинъ, какъ дерево весною, еще не знающее куда и какъ разрастутся его молодые побѣги и вѣтви, заключенные въ налитыхъ почкахъ, самъ не зналъ хорошенько, за какія предпріятія въ любимомъ его хозяйствѣ онъ примется теперь, но чувствовалъ, что онъ полонъ плановъ и предположеній самыхъ хорошихъ. Прежде всего онъ прошелъ къ скотинѣ. Коровы были

выпущены на варокъ и, сіяя перелинявшею гладкою шерстью, пригрѣвшись на солнцѣ, мычали, просясь въ поле. Полюбовавшись знакомыми ему до малѣйшихъ подробностей коровами, Левинъ велѣлъ выгнать ихъ въ поле, а на варокъ выпустить телятъ. Пастухъ весело побѣжалъ собираться въ поле. Бабы-скотницы, подбирая поневы, босыми, еще бѣлыми, незагорѣвшими ногами шлепая по грязи, съ хворостинами бѣгали за мычавшими, ошалѣвшими отъ весенней радости телятами, загоняя ихъ на дворъ.

Полюбовавшись на приплодъ нынѣшняго года, который былъ необыкновенно хорошъ, — ранніе телята были съ мужицкую корову, Павина дочь, трехъ мѣсяцевъ, была ростомъ съ годовыхъ, — Левинъ велѣлъ вынести имъ наружу корыто и задать сѣно за рѣшетки. Но оказалось, что на неупотребляемомъ зимой варкѣ сдѣланныя съ осени рѣшетки были поломаны. Онъ послалъ за плотникомъ, который по наряду долженъ былъ работать молотилку. Но оказалось, что плотникъ чинилъ бороны, которыя должны были быть починены еще съ масленицы. Это было очень досадно Левину. Досадно было, что повторялось это вѣчное неряшество хозяйства, противъ котораго онъ столько лѣтъ боролся всѣми своими силами. Рѣшетки, какъ онъ узналъ, ненужныя зимой, были перенесены въ рабочую конюшню и тамъ поломались, такъ какъ онѣ и были сдѣланы легко, для телятъ. Кромѣ того, изъ этого же оказывалось, что бороны и всѣ земледѣльческія орудія, которыя велѣно было осмотрѣть и починить еще зимой и для которыхъ нарочно взяты были три плотника, были не починены, и бороны все-таки чинили, когда надо было ѣхать скородить. Левинъ послалъ за приказчикомъ; но тотчасъ же и самъ пошелъ отыскивать его. Приказчикъ, сіяя такъ же, какъ и все въ этотъ день, въ обшитомъ мерлушкой тулупчикѣ, шелъ съ гумна, ломая въ рукахъ соломинку.

— Отчего плотникъ не на молотилкѣ?

— Да я хотѣлъ вчера доложить: бороны починить надо. Вѣдь вотъ пахать.

— Да зимой-то что жъ?

— Да вамъ насчетъ чего угодно плотника?

— Гдѣ рѣшетки съ телячьяго двора?

— Приказалъ снести на мѣста. Что прикажете съ этимъ народомъ! — сказалъ приказчикъ, махая рукой.

— Не съ этимъ народомъ, а съ этимъ приказчикомъ! — сказалъ Левинъ, вспыхнувъ. — Ну, для чего я васъ держу! — закричалъ онъ. Но, вспомнивъ, что этимъ не поможешь, остановился

на половинѣ рѣчи и только вздохнулъ.—Ну, что, сѣять можно?—спросилъ онъ, помолчавъ.

— За Туркинымъ завтра или послѣзавтра можно будетъ.

— А клеверъ?

— Послалъ Василья съ Мишкой,—разсѣваютъ. Не знаю только, пролѣзутъ ли: топко.

— На сколько десятинъ?

— На шесть.

— Отчего же не на всѣ? — вскрикнулъ Левинъ.

Что клеверъ сѣяли только на шесть, а не на двадцать десятинъ, это было еще досаднѣе. Посѣвъ клевера и по теоріи, и по собственному его опыту бывалъ только тогда хорошъ, когда сдѣланъ какъ можно раньше, почти по снѣгу. И никогда Левинъ не могъ добиться этого.

— Народу нѣтъ. Что прикажете съ этимъ народомъ дѣлать? Трое не приходили. Вотъ и Семенъ...

— Ну, вы бы отставили отъ соломы.

— Да я и то отставилъ.

— Гдѣ же народъ?

— Пятеро компотъ дѣлаютъ (что значило компостъ). Четверо овесъ пересыпаютъ: какъ бы не тронулся, Константинъ Дмитричъ.

Левинъ очень хорошо зналъ, что «какъ бы не тронулся» значило, что сѣменной англійскій овесъ уже испортили, — опять не сдѣлали того, что онъ приказывалъ.

— Да вѣдь я говорилъ еще постомъ, трубы!.. — вскрикнулъ онъ.

— Не безпокойтесь, все сдѣлаемъ во-время.

Левинъ сердито махнулъ рукой, пошелъ къ амбарамъ взглянуть овесъ и вернулся къ конюшнѣ. Овесъ еще не испортился. Но рабочіе пересыпали его лопатами, тогда какъ можно было спустить его прямо въ нижній амбаръ, и, распорядившись этимъ и оторвавъ отсюда двухъ рабочихъ для посѣва клевера, Левинъ успокоился отъ досады на приказчика. Да и день былъ такъ хорошъ, что нельзя было сердиться.

— Игнатъ! — крикнулъ онъ кучеру, который съ засученными рукавами обмывалъ у колодца коляску, — осѣдлай мнѣ...

— Кого прикажете?

— Ну, хоть Колпика.

— Слушаю-съ.

Пока сѣдлали лошадь, Левинъ опять позвалъ вертѣвшагося на виду приказчика, чтобы помириться съ нимъ, и сталъ говорить ему о предстоящихъ весеннихъ работахъ и хозяйственныхъ планахъ.

Возку навоза начать раньше, чтобы до ранняго покоса все было кончено. А плугами пахать безъ отрыву дальнее поле, такъ чтобы продержать его чернымъ паромъ. Покосы убрать всѣ не исполу, а работниками.

Приказчикъ слушалъ внимательно и видимо дѣлалъ усилія, чтобы одобрять предположенія хозяина; но онъ все-таки имѣлъ столь знакомый Левину и всегда раздражающій его безнадежный и унылый видъ. Видъ этотъ говорилъ: все это хорошо, да какъ Богъ дастъ.

Ничто такъ не огорчало Левина, какъ этотъ тонъ. Но такой тонъ былъ общій у всѣхъ приказчиковъ, сколько ихъ у него ни перебывало. У всѣхъ было то же отношеніе къ его предположеніямъ, и потому онъ теперь уже не сердился, но огорчался и чувствовалъ себя еще болѣе возбужденнымъ для борьбы съ этою какою-то стихійной силой, которую онъ иначе не умѣлъ назвать, какъ: «что Богъ дастъ», и которая постоянно противопоставлялась ему.

— Какъ успѣемъ, Константинъ Дмитричъ, — сказалъ приказчикъ.

— Отчего же не успѣете?

— Рабочихъ надо непремѣнно нанять еще человѣкъ пятнадцать. Вотъ не приходятъ. Нынче были, по семидесяти рублей на лѣто просятъ.

Левинъ замолчалъ. Опять противопоставлялась эта сила. Онъ зналъ, что сколько они ни пытались, они не могли нанять больше сорока, тридцати семи, тридцати восьми рабочихъ за настоящую цѣну; сорокъ нанимались, а больше нѣтъ. Но все-таки онъ не могъ не бороться.

— Пошлите въ Суры, въ Чефировку, если не придутъ. Надо искать.

— Послать пошлю, — уныло сказалъ Василій Өедоровичъ. — Да вотъ и лошади слабы стали.

— Прикупимъ. Да вѣдь я знаю, — прибавилъ онъ смѣясь, — вы все поменьше да похуже; но я нынѣшній годъ ужъ не дамъ вамъ по-своему дѣлать. Все буду самъ.

— Да вы и то, кажется, мало спите. Намъ веселѣй, какъ у хозяина на глазахъ...

— Такъ за Березовымъ Доломъ разсѣваютъ клеверъ? Поѣду посмотрю, — сказалъ онъ, садясь на маленькаго буланаго Колпика, подведеннаго кучеромъ.

— Черезъ ручей не проѣдете, Константинъ Дмитричъ, — крикнулъ кучеръ.

— Ну, такъ лѣсомъ.

И бойкой иноходью доброй, застоявшейся лошадки, похрапывающей надъ лужами и попрашивающей поводья, Левинъ поѣхалъ по грязи двора за ворота и въ поле.

Если Левину весело было на скотномъ и животномъ дворахъ, то ему еще стало веселѣе въ полѣ. Мѣрно покачиваясь на иноходи добраго конька, впивая теплый со свѣжестью запахъ снѣга и воздуха при проѣздѣ черезъ лѣсъ по оставшемуся коегдѣ праховому осовывавшемуся снѣгу съ расплывшими слѣдами, онъ радовался на каждое свое дерево съ оживавшимъ на корѣ его мохомъ и съ напухшими почками. Когда онъ выѣхалъ за лѣсъ, передъ нимъ на огромномъ пространствѣ раскинулись ровнымъ бархатнымъ ковромъ зеленя безъ одной плѣшины и вымочки, только кое-гдѣ въ лощинахъ запятнанныя остатками тающаго снѣга. Его не разсердили ни видъ крестьянской лошади и стригуна, топтавшихъ его зеленя (онъ велѣлъ согнать ихъ встрѣтившемуся мужику), ни насмѣшливый и глупый отвѣтъ мужика Ипата, котораго онъ встрѣтилъ и спросилъ: «Что, Ипатъ, скоро сѣять?» — «Надо прежде вспахать, Константинъ Дмитричъ», отвѣчалъ Ипатъ. Чѣмъ дальше онъ ѣхалъ, тѣмъ веселѣе ему становилось, и хозяйственные планы одинъ лучше другого представлялись ему: обсадить всѣ поля лозинами по полуденнымъ линіямъ, такъ чтобы не залеживался снѣгъ подъ ними; перерѣзать на шесть полей навозныхъ и три запасныхъ съ травосѣяніемъ, выстроить скотный дворъ на дальнемъ концѣ поля и вырыть прудъ, а для удобренія устроить переносныя загороды для скота. И тогда 300 десятинъ пшеницы, 100 картофеля и 150 клевера и ни одной истощенной десятины.

Съ такими мечтами, осторожно поворачивая лошадь межами, чтобы не топтать свои зеленя, онъ подъѣхалъ къ работникамъ, разсѣвавшимъ клеверъ. Телѣга съ сѣменами стояла не на рубежѣ, а на пашнѣ, и пшеничная озимь была изрыта колесами и ископана лошадью. Оба работника сидѣли на межѣ, вѣроятно раскуривая общую трубку. Земля въ телѣгѣ, съ которою смѣшаны были сѣмена, была не размята, а слежалась или смерзлась комьями. Увидавъ хозяина, Василій работникъ пошелъ къ телѣгѣ, а Мишка принялся разсѣвать. Это было нехорошо, но на рабочихъ Левинъ рѣдко сердился. Когда Василій подошелъ, Левинъ велѣлъ ему отвесть лошадь на рубежъ.

— Ничего, сударь, затянетъ, — отвѣчалъ Василій.

— Пожалуйста, не разсуждай, — сказалъ Левинъ, — а дѣлай, что говорятъ.

— Слушаю-съ, — отвѣчалъ Василій и взялся за голову лошади. — А ужъ сѣвъ, Константинъ Дмитричъ, — сказалъ онъ,

заискивая, — первый сортъ. Только ходить страсть! По пудовику на лаптѣ волочишь.

— А отчего у васъ земля не просѣянная? — сказалъ Левинъ.

— Да мы разминаемъ, — отвѣчалъ Василій, набирая сѣмянъ и въ ладоняхъ растирая землю.

Василій не былъ виноватъ, что ему насыпали не просѣянной земли, но все-таки было досадно.

Уже не разъ испытавъ съ пользой извѣстное ему средство заглушать свою досаду и все кажущееся дурнымъ сдѣлать опять хорошимъ, Левинъ и теперь употребилъ это средство. Онъ посмотрѣлъ, какъ шагалъ Мишка, ворочая огромные комья земли, налипавшей на каждой ногѣ, слѣзъ съ лошади, взялъ у Василія сѣвалку и пошелъ разсѣвать.

— Гдѣ ты остановился?

Василій указалъ на мѣтку ногой, и Левинъ пошелъ, какъ умѣлъ, высѣвать землю съ сѣменами. Ходить было трудно, какъ по болоту, и Левинъ, пройдя лѣху, запотѣлъ и, остановившись, отдалъ сѣвалку.

— Ну, баринъ, на лѣто чуръ меня не ругать за эту лѣху,— сказалъ Василій.

— А что? — весело сказалъ Левинъ, чувствуя уже дѣйствительность употребленнаго средства.

— Да вотъ посмотрите на лѣто. Отличится. Вы гляньте-ка, гдѣ я сѣялъ прошлую весну. Какъ разсадилъ! Вѣдь я, Константинъ Дмитричъ, кажется, вотъ какъ отцу родному стараюсь. Я и самъ не люблю дурно дѣлать и другимъ не велю. Хозяину хорошо, и намъ хорошо. Какъ глянешь вонъ, — сказалъ Василій, указывая на поле, — сердце радуется.

— А хороша весна, Василій!

— Да ужъ такая весна, старики не запомнятъ. Я вотъ дома былъ, тамъ у насъ старикъ тоже пшеницы три осминника посѣялъ. Такъ сказываетъ, что ржей не отличишь.

— А вы давно стали сѣять пшеницу?

— Да вы жъ научили позалѣтошный годъ; вы же мнѣ двѣ мѣры пожертвовали. Четверть продали, да три осминника посѣяли.

— Ну, смотри же, растирай комья-то,—сказалъ Левинъ, подходя къ лошади,—да за Мишкой смотри. А хорошій будетъ всходъ, тебѣ по пятидесяти копеекъ за десятину.

— Благодаримъ покорно. Мы вами, кажется, и такъ много довольны.

Левинъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ на поле, гдѣ былъ прошлогодній клеверъ, и на то, которое плугомъ было приготовлено подъ яровую пшеницу.

Всходъ клевера по жнивью былъ чудесный. Онъ уже весь отжилъ и твердо зеленѣлъ изъ-за посломанныхъ прошлогоднихъ стеблей пшеницы. Лошадь вязла по ступицу, и каждая нога ея чмокала, вырываясь изъ полуоттаявшей земли. По плужной пахотѣ и вовсе нельзя было проѣхать: только тамъ и держало, гдѣ былъ ледокъ, а въ оттаявшихъ бороздахъ нога вязла выше ступицы. Пахота была превосходная; черезъ два дня можно будетъ бороновать и сѣять. Все было прекрасно, все было весело. Назадъ Левинъ поѣхалъ черезъ ручей, надѣясь, что вода сбыла. И дѣйствительно, онъ переѣхалъ и вспугнулъ двухъ утокъ. «Должны быть и вальдшнепы», подумалъ онъ и какъ разъ у поворота къ дому встрѣтилъ лѣсного караульщика, который подтвердилъ его предположеніе о вальдшнепахъ.

Левинъ поѣхалъ рысью домой, чтобы успѣть пообѣдать и приготовить ружье къ вечеру.

XIV.

Подъѣзжая домой въ самомъ веселомъ расположеніи духа, Левинъ услыхалъ колокольчикъ со стороны главнаго подъѣзда къ дому.

«Да это съ желѣзной дороги, — подумалъ онъ, — самое время московскаго поѣзда... Кто бы это? Что если это братъ Николай? Онъ вѣдь сказалъ: можетъ быть, уѣду на воды, а можетъ быть, къ тебѣ пріѣду». Ему страшно и непріятно стало въ первую минуту, что присутствіе брата Николая разстроитъ это его счастливое весеннее расположеніе. Но ему стало стыдно за это чувство, и тотчасъ же онъ какъ бы раскрылъ свои душевныя объятія и съ умиленною радостью ожидалъ и желалъ теперь всею душой, чтобы это былъ братъ. Онъ тронулъ лошадь и, выѣхавъ за акацію, увидалъ подъѣзжавшую ямскую тройку съ желѣзнодорожной станціи и господина въ шубѣ. Это не былъ братъ. «Ахъ, если бы кто-нибудь пріятный человѣкъ, съ кѣмъ бы поговорить», подумалъ онъ.

— А! — радостно прокричалъ Левинъ, поднимая обѣ руки кверху. — Вотъ радостный-то гость! Ахъ, какъ я радъ тебѣ! — вскрикнулъ онъ, узнавъ Степана Аркадьевича.

«Узнаю вѣрно, вышла ли, или когда выходитъ замужъ», подумалъ онъ.

И въ этотъ прекрасный весенній день онъ почувствовалъ, что воспоминаніе о ней совсѣмъ не больно ему.

— Что, не ждалъ? — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, вылѣзая изъ саней, съ комкомъ грязи на переносицѣ, на щекѣ и

брови, но сіяющій весельемъ и здоровьемъ. — Пріѣхалъ тебя видѣть — разъ, — сказалъ онъ, обнимая и цѣлуя его, — на тягѣ постоять — два, и лѣсъ въ Ергушовѣ продать — три.

— Прекрасно! А какова весна? Какъ это ты на саняхъ доѣхалъ?

— Въ телѣгѣ еще хуже, Константинъ Дмитричъ, — отвѣчалъ знакомый ямщикъ.

— Ну, я очень, очень радъ тебѣ, — искренно улыбаясь дѣтски-радостною улыбкой, сказалъ Левинъ.

Левинъ провелъ своего гостя въ комнату для пріѣзжихъ, куда и были внесены вещи Степана Аркадьевича: мѣшокъ, ружье въ чехлѣ, сумка для сигаръ, и, оставивъ его умываться и переодѣваться, самъ пока прошелъ въ контору сказать о пахотѣ и клеверѣ. Агаѳья Михайловна, всегда очень озабоченная честью дома, встрѣтила его въ передней вопросами насчетъ обѣда.

— Какъ хотите дѣлайте, только поскорѣе, — сказалъ онъ и пошелъ къ приказчику.

Когда онъ вернулся, Степанъ Аркадьевичъ, вымытый, расчесанный и сіяя улыбкой, выходилъ изъ своей двери, и они вмѣстѣ пошли наверхъ.

— Ну, какъ я радъ, что добрался до тебя! Теперь я пойму, въ чемъ состоятъ тѣ таинства, которыя ты тутъ совершаешь. Но нѣтъ, право, я завидую тебѣ. Какой домъ, какъ славно все! Свѣтло, весело, — говорилъ Степанъ Аркадьевичъ, забывая, что не всегда бываетъ весна и ясные дни, какъ нынче. — И твоя нянюшка какая прелесть! Желательнѣе было бы хорошенькую горничную въ фартучкѣ; но съ твоимъ монашествомъ и строгимъ стилемъ это очень хорошо.

Степанъ Аркадьевичъ разсказалъ много интересныхъ новостей и въ особенности интересную для Левина новость, что братъ его Сергѣй Ивановичъ собирался на нынѣшнее лѣто къ нему въ деревню.

Ни одного слова Степанъ Аркадьевичъ не сказалъ про Кити и вообще Щербацкихъ; только передалъ поклонъ жены. Левинъ былъ ему благодаренъ за его деликатность и былъ очень радъ гостю. Какъ всегда, у него за время его уединенія набиралось пропасть мыслей и чувствъ, которыхъ онъ не могъ передать окружающимъ, и теперь онъ изливалъ въ Степана Аркадьевича и поэтическую радость весны, и неудачи, и планы хозяйства, и мысли, и замѣчанія о книгахъ, которыя онъ читалъ, и въ особенности идею своего сочиненія, основу котораго, хотя онъ самъ и не замѣчалъ этого, составляла критика всѣхъ старыхъ сочи-

ненiй о хозяйствѣ. Степанъ Аркадьевичъ, всегда милый, понимающiй все съ намека, въ этотъ прiѣздъ былъ особенно милъ, и Левинъ замѣтилъ въ немъ еще новую, польстившую ему, черту уваженiя и какъ будто нѣжности къ себѣ.

Старанiя Агаѳьи Михайловны и повара, чтобы обѣдъ былъ особенно хорошъ, имѣли своимъ послѣдствiемъ только то, что оба проголодавшiеся прiятеля, подсѣвъ къ закускѣ, наѣлись хлѣба съ масломъ, полотка и соленыхъ грибовъ, и еще то, что Левинъ велѣлъ подать супъ безъ пирожковъ, которыми поваръ хотѣлъ особенно удивить гостя. Но Степанъ Аркадьевичъ, хотя и привыкшiй къ другимъ обѣдамъ, все находилъ превосходнымъ: и травникъ, и хлѣбъ, и масло, и особенно полотокъ, и грибки, и крапивныя щи, и курица подъ бѣлымъ соусомъ, и бѣлое крымское вино — все было превосходно и чудесно.

— Отлично, отлично, — говорилъ онъ, закуривая толстую папиросу послѣ жаркого. — Я къ тебѣ точно съ парохода послѣ шума и тряски на тихiй берегъ вышелъ. Такъ ты говоришь, что самый элементъ рабочаго долженъ быть изучаемъ и руководить въ выборѣ прiемовъ хозяйства. Я вѣдь въ этомъ профанъ; но мнѣ кажется, что теорiя и приложенiе ея будетъ имѣть влiянiе и на рабочаго.

— Да, но постой: я говорю не о политической экономiи, я говорю о наукѣ хозяйства. Она должна быть какъ естественныя науки и наблюдать данныя явленiя и рабочаго съ его экономическимъ, этнографическимъ...

Въ это время вошла Агаѳья Михайловна съ вареньемъ.

— Ну, Агаѳья Михайловна, — сказалъ ей Степанъ Аркадьевичъ, цѣлуя кончики своихъ пухлыхъ пальцевъ, — какой полотокъ у васъ, какой травничокъ!.. А что, не пора ли, Костя? — прибавилъ онъ.

Левинъ взглянулъ въ окно на спускавшееся за оголенныя макушки лѣса солнце.

— Пора, пора, — сказалъ онъ. — Кузьма, закладывать линейку! — и побѣжалъ внизъ.

Степанъ Аркадьевичъ, сойдя внизъ, самъ аккуратно снялъ парусиновый чехолъ съ лакированнаго ящика и, отворивъ его, сталъ собирать свое дорогое, новаго фасона, ружье. Кузьма, уже чуявшiй большую дачу на водку, не отходилъ отъ Степана Аркадьевича и надѣвалъ ему и чулки, и сапоги, что̀ Степанъ Аркадьевичъ охотно предоставлялъ ему дѣлать.

— Прикажи, Костя, если прiѣдетъ Рябининъ купецъ — я ему велѣлъ нынче прiѣхать — принять и подождать...

— А ты развѣ Рябинину продаешь лѣсъ?

— Да. Ты развѣ знаешь его?

— Какъ же, знаю. Я съ нимъ имѣлъ дѣло «положительно и окончательно».

Степанъ Аркадьевичъ засмѣялся. «Окончательно и положительно» были любимыя слова купца.

— Да, онъ удивительно смѣшно говоритъ. Поняла, куда хозяинъ идетъ! — прибавилъ онъ, потрепавъ рукой Ласку, которая, подвизгивая, вилась около Левина и лизала то его руку, то его сапоги и ружье.

Долгуша уже стояла у крыльца, когда они вышли.

— Я велѣлъ заложить, хотя недалеко; а то пѣшкомъ пройдемъ?

— Нѣтъ, лучше поѣдемъ, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, подходя къ долгушѣ. Онъ сѣлъ, обернулъ себѣ ноги тигровымъ пледомъ и закурилъ сигару. — Какъ это ты не куришь! Сигара — это такое не то что удовольствіе, а вѣнецъ и признакъ удовольствія. Вотъ это жизнь! Какъ хорошо! Вотъ бы какъ я желалъ жить!

— Да кто же тебѣ мѣшаетъ? — улыбаясь сказалъ Левинъ.

— Нѣтъ, ты счастливый человѣкъ. Все, что ты любишь, у тебя есть. Лошадей любишь — есть, собаки — есть, охота — есть, хозяйство — есть.

— Можетъ быть, оттого, что я радуюсь тому, что у меня есть, и не тужу о томъ, чего нѣтъ, — сказалъ Левинъ, вспомнивъ о Кити.

Степанъ Аркадьевичъ понялъ, поглядѣлъ на него, но ничего не сказалъ.

Левинъ былъ благодаренъ Облонскому за то, что тотъ, со своимъ всегдашнимъ тактомъ, замѣтивъ, что Левинъ боялся разговора о Щербацкихъ, ничего не говорилъ о нихъ; но теперь Левину уже хотѣлось узнать то, что его такъ мучило, но онъ не смѣлъ заговорить.

— Ну, что твои дѣла, какъ? — сказалъ Левинъ, подумавъ о томъ, какъ нехорошо съ его стороны думать только о себѣ.

Глаза Степана Аркадьевича весело заблестѣли.

— Ты вѣдь не признаешь, чтобы можно было любить калачи, когда есть отсыпной паекъ, по-твоему это преступленіе; а я не признаю жизни безъ любви, — сказалъ онъ, понявъ по-своему вопросъ Левина. — Что жъ дѣлать, я такъ сотворенъ. И право, такъ мало дѣлается этимъ кому-нибудь зла, а себѣ столько удовольствія...

— Что жъ, или новое что-нибудь? — спросилъ Левинъ.

— Есть, братъ! Вотъ видишь ли, ты знаешь типъ женщинъ Оссіановскихъ... женщинъ, которыхъ видишь во снѣ... Вотъ эти женщины бываютъ наяву... и эти женщины ужасны. Женщина, видишь ли, это такой предметъ, что сколько ты ни изучай ее, все будетъ совершенно новое.

— Такъ ужъ лучше не изучать.

— Нѣтъ. Какой-то математикъ сказалъ, что наслажденіе не въ открытіи истины, но въ исканіи ея.

Левинъ слушалъ молча и, несмотря на всѣ усилія, которыя онъ дѣлалъ надъ собой, онъ никакъ не могъ перенестись въ душу своего пріятеля и понять его чувства и прелесть изученія такихъ женщинъ.

XV.

Мѣсто тяги было недалеко надъ рѣчкой въ мелкомъ осинникѣ. Подъѣхавъ къ лѣсу, Левинъ слѣзъ и провелъ Облонскаго на уголъ мшистой и топкой полянки, уже освободившейся отъ снѣга. Самъ онъ вернулся на другой край, къ двойняшкѣ-березѣ, и, прислонивъ ружье къ развилинѣ сухого нижняго сучка, снялъ кафтанъ, перепоясался и попробовалъ свободы движеній рукъ.

Старая сѣдая Ласка, ходившая за нимъ слѣдомъ, сѣла осторожно противъ него и насторожила уши. Солнце спускалось за крупный лѣсъ, и на свѣтѣ зари березки, разсыпанныя по осиннику, отчетливо рисовались своими висящими вѣтвями съ надутыми, готовыми лопнуть почками.

Изъ частаго лѣса, гдѣ оставался еще снѣгъ, чуть слышно текла еще извилистыми узкими ручейками вода. Мелкія птицы щебетали и изрѣдка пролетали съ дерева на дерево.

Въ промежуткахъ совершенной тишины слышенъ былъ шорохъ прошлогоднихъ листьевъ, шевелившихся отъ таянія земли и отъ роста травъ.

«Каково! Слышно и видно, какъ трава растетъ!» сказалъ себѣ Левинъ, замѣтивъ двинувшійся грифельнаго цвѣта мокрый осиновый листъ подлѣ иглы молодой травы. Онъ стоялъ, слушалъ и глядѣлъ то внизъ, на мокрую мшистую землю, то на прислушивающуюся Ласку, то на разстилавшееся передъ нимъ подъ горою море оголенныхъ макушъ лѣса, то на подернутое бѣлыми полосками тучъ тускнѣвшее небо. Ястребъ, неспѣшно махая крыльями, пролетѣлъ высоко надъ дальнимъ лѣсомъ; другой точно такъ же пролетѣлъ въ томъ же направленіи и скрылся. Птицы все громче и хлопотливѣе щебетали въ чащѣ.

Недалеко заухалъ филинъ, и Ласка, вздрогнувъ, переступила осторожно нѣсколько шаговъ и, склонивъ на бокъ голову, стала прислушиваться. Изъ-за рѣчки послышалась кукушка. Она два раза прокуковала обычнымъ крикомъ, а потомъ захрипѣла, заторопилась и запуталась.

— Каково! ужъ кукушка! — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, выходя изъ-за куста.

— Да, я слышу, — отвѣчалъ Левинъ, съ неудовольствіемъ нарушая тишину лѣса своимъ непріятнымъ самому ему голосомъ. — Теперь скоро.

Фигура Степана Аркадьевича опять зашла за кустъ, и Левинъ видѣлъ только яркій огонекъ спички, вслѣдъ за тѣмъ замѣнившійся краснымъ углемъ папиросы и синимъ дымкомъ.

Чикъ! чикъ! щелкнули взводимые Степаномъ Аркадьевичемъ курки.

— А это что̀ кричитъ? — спросилъ Облонскій, обращая вниманіе Левина на протяжное гуканье, какъ будто тонкимъ голоскомъ, шаля, ржалъ жеребенокъ.

— А, это не знаешь? Это заяцъ-самецъ. Да будетъ говорить! Слушай, летитъ! — почти вскрикнулъ Левинъ, взводя курки.

Послышался дальній, тонкій свистокъ и, ровно въ тотъ обычный тактъ, столь знакомый охотнику, черезъ двѣ секунды — другой, третій, и за третьимъ свисткомъ уже слышно стало хорканье.

Левинъ кинулъ глазами направо, налѣво, и вотъ передъ нимъ на мутно-голубомъ небѣ, надъ сливающимися нѣжными побѣгами макушекъ осинъ показалась летящая птица. Она летѣла прямо на него; близкіе звуки хорканья, похожіе на равномѣрное наддираніе тугой ткани, раздались надъ самымъ ухомъ; уже виденъ былъ длинный носъ и шея птицы, и въ ту минуту, какъ Левинъ приложился, изъ-за куста, гдѣ стоялъ Облонскій, блеснула красная молнія, птица, какъ стрѣла, спустилась и взмыла опять кверху. Опять блеснула молнія, и послышался ударъ; и, трепля крыльями, какъ бы стараясь удержаться на воздухѣ, птица остановилась, постояла мгновеніе и тяжело шлепнулась о топкую землю.

— Неужели промахъ? — крикнулъ Степанъ Аркадьевичъ, которому изъ-за дыма не видно было.

— Вотъ онъ! — сказалъ Левинъ, указывая на Ласку, которая, поднявъ одно ухо и высоко махая кончикомъ пушистаго хвоста, тихимъ шагомъ, какъ бы желая продлить удовольствіе и какъ бы улыбаясь, подносила убитую птицу къ хозяину. —

Ну, я радъ, что тебѣ удалось, — сказалъ Левинъ, вмѣстѣ съ тѣмъ уже испытывая чувство зависти, что не ему удалось убить этого вальдшнепа.

— Скверный промахъ изъ праваго ствола! — отвѣтилъ Степанъ Аркадьевичъ, заряжая ружье. — Шш... летитъ.

Дѣйствительно, послышались пронзительные, быстро слѣдовавшіе одинъ за другимъ свистки. Два вальдшнепа, играя и догоняя другъ друга и только свистя, а не хоркая, налетѣли на самыя головы охотниковъ. Раздались четыре выстрѣла, и, какъ ласточки, вальдшнепы дали быстрый заворотъ и исчезли изъ виду.

. . . .

Тяга была прекрасная. Степанъ Аркадьевичъ убилъ еще двѣ штуки и Левинъ двухъ, изъ которыхъ одного не нашелъ. Стало темнѣть. Ясная, серебряная Венера низко на западѣ уже сіяла изъ-за березокъ своимъ нѣжнымъ блескомъ и высоко на востокѣ уже переливался своими красными огнями мрачный Арктурусъ. Надъ головой у себя Левинъ ловилъ и терялъ звѣзды Медвѣдицы. Вальдшнепы уже перестали летать; но Левинъ рѣшилъ подождать еще, пока видная ему ниже сучка березы Венера перейдетъ выше его и когда ясны будутъ вездѣ звѣзды Медвѣдицы. Венера перешла уже выше сучка, колесница Медвѣдицы со своимъ дышломъ была уже вся видна на темносинемъ небѣ, но онъ все еще ждалъ.

— Не пора ли? — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

Въ лѣсу уже было тихо, и ни одна птичка не шевелилась.

— Постоимъ еще, — отвѣчалъ Левинъ.

— Какъ хочешь.

Они стояли теперь шагахъ въ пятнадцати другъ отъ друга.

— Стива! — вдругъ неожиданно сказалъ Левинъ, — что жъ ты мнѣ не скажешь, вышла твоя свояченица замужъ или когда выходитъ?

Левинъ чувствовалъ себя столь твердымъ и спокойнымъ, что никакой отвѣтъ, онъ думалъ, не могъ бы взволновать его. Но онъ никакъ не ожидалъ того, что отвѣчалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— И не думала, и не думаетъ выходить замужъ, а она очень больна и доктора послали ее за границу. Даже боятся за ея жизнь.

— Что ты! — вскрикнулъ Левинъ. — Очень больна? Что же съ ней? Какъ она...

Въ то время какъ они говорили это, Ласка, насторoживъ уши, оглядывалась вверхъ на небо и укоризненно на нихъ.

«Вотъ нашли время разговаривать, — думала она. — А онъ летитъ... Вотъ онъ, такъ и есть. Прозѣваютъ...» думала Ласка.

Но въ это самое мгновенье оба вдругъ услыхали пронзительный свистъ, который какъ будто стегнулъ ихъ по уху, и оба вдругъ схватились за ружья, и двѣ молніи блеснули и два удара раздались въ одно и то же мгновенье. Высоко летѣвшій вальдшнепъ мгновенно сложилъ крылья и упалъ въ чащу, пригибая тонкіе побѣги.

— Вотъ отлично! Общій! — вскрикнулъ Левинъ и побѣжалъ съ Лаской въ чащу отыскивать вальдшнепа. «Ахъ, да о чемъ это непріятно было? — вспомнилъ онъ. — Да, больна Кити... Что жъ дѣлать, очень жаль», думалъ онъ.

— А, нашла! Вотъ умница,— сказалъ онъ, вынимая изо рта Ласки теплую птицу и кладя ее въ полный почти ягдташъ.— Нашелъ, Стива! — крикнулъ онъ.

XVI.

Возвращаясь домой, Левинъ разспросилъ всѣ подробности о болѣзни Кити и планахъ Щербацкихъ и хотя ему совѣстно бы было признаться въ этомъ, то, что онъ узналъ, было пріятно ему. Пріятно и потому, что была еще надежда, и еще болѣе пріятно потому, что больно было ей, той, которая сдѣлала ему такъ больно. Но когда Степанъ Аркадьевичъ началъ говорить о причинахъ болѣзни Кити и упомянулъ имя Вронскаго, Левинъ перебилъ его:

— Я не имѣю никакого права знать семейныя подробности, по правдѣ сказать и никакого интереса.

Степанъ Аркадьевичъ чуть замѣтно улыбнулся, уловивъ мгновенную и столь знакомую ему перемѣну въ лицѣ Левина, сдѣлавшагося столь же мрачнымъ, сколько онъ былъ веселъ минуту тому назадъ.

— Ты уже совсѣмъ кончилъ о лѣсѣ съ Рябининымъ?—спросилъ Левинъ.

— Да, кончилъ. Цѣна прекрасная, тридцать восемь тысячъ. Восемь впередъ, а остальныя на шесть лѣтъ. Я долго съ этимъ возился. Никто больше не давалъ.

— Это значитъ, ты даромъ отдалъ лѣсъ,—мрачно сказалъ Левинъ.

— То-есть почему же даромъ?—съ добродушною улыбкой сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, зная, что теперь все будетъ не хорошо для Левина.

— Потому что лѣсъ стоитъ, по крайней мѣрѣ, пятьсотъ рублей за десятину,—отвѣчалъ Левинъ

— Ахъ, эти мнѣ сельскіе хозяева!—шутливо сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.—Этотъ вашъ тонъ презрѣнія къ нашему брату городскимъ!.. А какъ дѣло сдѣлать, такъ мы лучше всего сдѣлаемъ. Повѣрь, что я все расчелъ,—сказалъ онъ,—и лѣсъ очень выгодно проданъ, такъ что я боюсь какъ бы тотъ не отказался даже. Вѣдь это не обидной лѣсъ,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, желая словомъ *обидной* совсѣмъ убѣдить Левина въ несправедливости его сомнѣній, — а дровяной больше. И станетъ не больше тридцати саженъ на десятину, а онъ далъ мнѣ по двѣсти рублей.

Левинъ презрительно улыбнулся. «Знаю, — подумалъ онъ,— эту манеру не одного его, но и всѣхъ городскихъ жителей, которые, побывавъ раза два въ десять лѣтъ въ деревнѣ и замѣтивъ два-три слова деревенскія, употребляютъ ихъ кстати и некстати, твердо увѣренные, что они уже все знаютъ. *Обидной, станетъ 30 саженъ*. Говоритъ слова, а самъ ничего не понимаетъ».

— Я не стану тебя учить тому, что ты самъ пишешь въ присутствіи, — сказалъ онъ, — а если нужно, то спрошу у тебя. А ты такъ увѣренъ, что понимаешь всю эту грамоту о лѣсѣ. Она трудна. Счелъ ли ты деревья?

— Какъ счесть деревья? — смѣясь сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, все желая вывести пріятеля изъ его дурного расположенія духа. — Сочесть пески, лучи планетъ хотя и могъ бы умъ высокій...

— Ну-да, а умъ высокій Рябинина можетъ. И ни одинъ купецъ не купитъ не считая, если ему не отдаютъ даромъ, какъ ты. Твой лѣсъ я знаю. Я каждый годъ тамъ бываю на охотѣ, и твой лѣсъ стоитъ пятьсотъ рублей чистыми деньгами, а онъ тебѣ далъ двѣсти въ разсрочку. Значитъ, ты ему подарилъ тысячъ тридцать.

— Ну, полно увлекаться, — жалостно сказалъ Степанъ Аркадьевичъ: — отчего же никто не давалъ?

— Оттого что у него стачка съ купцами; онъ далъ отступного. Я со всѣми ими имѣлъ дѣла, я ихъ знаю. Вѣдь это не купцы, а барышники. Онъ и не пойдетъ на дѣло, гдѣ ему предстоитъ десять, пятнадцать процентовъ, а онъ ждетъ, чтобы купить за двадцать копеекъ рубль.

— Ну, полно! Ты не въ духѣ.

— Нисколько, — мрачно сказалъ Левинъ, когда они подъѣзжали къ дому.

У крыльца уже стояла туго обтянутая желѣзомъ и кожей телѣжка съ туго запряженною широкими гужами сытою лошадью. Въ телѣжкѣ сидѣлъ туго налитой кровью и туго подпоясанный приказчикъ, служившій кучеромъ Рябинину. Самъ Рябининъ былъ уже въ домѣ и встрѣтилъ пріятелей въ передней. Рябининъ былъ высокій, худощавый человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ усами и бритымъ выдающимся подбородкомъ и выпуклыми мутными глазами. Онъ былъ одѣтъ въ длиннополый синій сюртукъ, съ пуговицами ниже зада, и въ высокихъ, сморщенныхъ на щиколоткахъ и прямыхъ на икрахъ, сапогахъ, сверхъ которыхъ были надѣты большія калоши. Онъ округло вытеръ платкомъ свое лицо и, запахнувъ сюртукъ, который и безъ того держался очень хорошо, съ улыбкой привѣтствовалъ вошедшихъ, протягивая Степану Аркадьевичу руку, какъ бы желая поймать что-то.

— А, вотъ и вы пріѣхали,— сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, подавая ему руку. — Прекрасно.

— Не осмѣлился ослушаться приказаній вашего сіятельства, хоть слишкомъ дурна дорога. Положительно всю дорогу пѣшкомъ шелъ, но явился въ срокъ. Константинъ Дмитричъ, мое почтеніе, — обратился онъ къ Левину, стараясь поймать и его руку. Но Левинъ, нахмурившись, дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ его руки, и вынималъ вальдшнеповъ. — Изволили потѣшаться охотой? Это какая птица, значитъ, будетъ? — прибавилъ Рябининъ, презрительно глядя на вальдшнеповъ:—вкусъ, значитъ, имѣетъ. — И онъ неодобрительно покачалъ головой, какъ бы сильно сомнѣваясь въ томъ, чтобы эта овчинка стоила выдѣлки.

— Хочешь въ кабинетъ? — мрачно хмурясь, сказалъ Левинъ по-французски Степану Аркадьевичу. — Пройдите въ кабинетъ, вы тамъ переговорите.

— Очень можно, куда угодно-съ, — съ презрительнымъ достоинствомъ сказалъ Рябининъ, какъ бы желая дать почувствовать, что для другихъ могутъ быть затрудненія, какъ и съ кѣмъ обойтись, но для него никогда и ни въ чемъ не можетъ быть затрудненій.

Войдя въ кабинетъ, Рябининъ осмотрѣлся по привычкѣ, какъ бы отыскивая образъ, но, найдя его, не перекрестился. Онъ оглядѣлъ шкапы и полки съ книгами и съ тѣмъ же сомнѣніемъ, какъ и насчетъ вальдшнеповъ, презрительно улыбнулся и неодобрительно покачалъ головой, никакъ уже не допуская, чтобъ эта овчинка могла стоить выдѣлки.

— Что жъ, привезли деньги? — спросилъ Облонскій. —Садитесь.

— Мы за деньгами не постоимъ. Повидаться, переговорить пріѣхалъ.

— О чемъ же переговорить? Да вы садитесь.

— Это можно, — сказалъ Рябининъ, садясь и самымъ мучительнымъ для себя образомъ облокачиваясь на спинку кресла.— Уступить надо, князь. Грѣхъ будетъ. А деньги готовы окончательно, до одной копейки. За деньгами остановки не бываетъ.

Левинъ, ставившій между тѣмъ ружье въ шкапъ, уже выходилъ изъ двери, но, услыхавъ слова купца, остановился.

— И такъ задаромъ лѣсъ взяли, — сказалъ онъ. — Поздно онъ ко мнѣ пріѣхалъ, а то я бы цѣну назначилъ.

Рябининъ всталъ и молча съ улыбкой поглядѣлъ снизу вверхъ на Левина.

— Оченно скупы, Константинъ Дмитричъ,— сказалъ онъ, съ улыбкой обращаясь къ Степану Аркадьевичу, — окончательно ничего не купишь. Торговалъ пшеницу, хорошія деньги давалъ.

— Зачѣмъ мнѣ вамъ свое даромъ давать? Я вѣдь не на землѣ нашелъ и не укралъ.

— Помилуйте, по нынѣшнему времю воровать положительно невозможно. Все окончательно по нынѣшнему времю гласное судопроизводство, все нынче благородно; а не то что воровать. Мы говорили по чести. Дорого кладутъ за лѣсъ, расчетовъ не сведешь. Прошу уступить хоть малость.

— Да кончено у васъ дѣло или нѣтъ? Если кончено, нечего торговаться, а если не кончено, — сказалъ Левинъ, — я покупаю лѣсъ.

Улыбка вдругъ исчезла съ лица Рябинина. Ястребиное, хищное и жестокое выраженіе установилось на немъ. Онъ быстрыми костлявыми пальцами разстегнулъ сюртукъ, открывъ рубаху на выпускъ, мѣдныя пуговицы жилета и цѣпочку часовъ, и быстро досталъ толстый старый бумажникъ.

— Пожалуйте, лѣсъ мой, — проговорилъ онъ, быстро перекрестившись и протягивая руку. — Возьмите деньги, мой лѣсъ. Вотъ какъ Рябининъ торгуетъ, а не гроши считать, — заговорилъ онъ, хмурясь и размахивая бумажникомъ.

— Я бы на твоемъ мѣстѣ не торопился, — сказалъ Левинъ.

— Помилуй, — съ удивленіемъ сказалъ Облонскій, — вѣдь я слово далъ.

Левинъ вышелъ изъ комнаты, хлопнувъ дверью. Рябининъ, глядя на дверь, съ улыбкой покачалъ головой.

— Все молодость, окончательно ребячество одно. Вѣдь покупаю, вѣрьте чести, такъ, значитъ, для славы одной, что вотъ Рябининъ, а не кто другой у Облонскаго рощу купилъ. А еще

какъ Богъ дастъ расчеты найти. Вѣрьте Богу. Пожалуйте-съ. Условьице написать...

Черезъ часъ купецъ, аккуратно запахнувъ свой халатъ и застегнувъ крючки сюртука, съ условіемъ въ карманѣ, сѣлъ въ свою туго окованную телѣжку и поѣхалъ домой.

— Охъ, эти господа! — сказалъ онъ приказчику: — одинъ предметъ.

— Это какъ есть, — отвѣчалъ приказчикъ, передавая вожжи и застегивая кожаный фартукъ. — А съ покупочкой, Михаилъ Игнатьичъ?

— Ну, ну...

XVII.

Степанъ Аркадьевичъ, съ оттопыреннымъ карманомъ серій, которыя за три мѣсяца впередъ отдалъ ему купецъ, вошелъ наверхъ. Дѣло съ лѣсомъ было кончено, деньги въ карманѣ, тяга была прекрасная, и Степанъ Аркадьевичъ находился въ самомъ веселомъ расположеніи духа, а потому ему особенно хотѣлось разсѣять дурное настроеніе, нашедшее на Левина. Ему хотѣлось окончить день за ужиномъ такъ же пріятно, какъ онъ былъ начатъ.

Дѣйствительно, Левинъ былъ не въ духѣ и, несмотря на все свое желаніе быть ласковымъ и любезнымъ со своимъ милымъ гостемъ, не могъ преодолѣть себя. Хмель извѣстія о томъ, что Кити не вышла замужъ, понемногу начиналъ разбирать его.

Кити не замужемъ и больна, и больна отъ любви къ человѣку, который пренебрегъ ею. Это оскорбленіе какъ будто падало на него. Вронскій пренебрегъ ею, а она пренебрегла имъ, Левинымъ. Слѣдовательно, Вронскій имѣлъ право презирать Левина и потому былъ ему врагъ. Но этого всего не думалъ Левинъ. Онъ смутно чувствовалъ, что въ этомъ что-то есть оскорбительное для него, и сердился теперь не на то, что разстроило его, а придирался ко всему, что представлялось ему. Глупая продажа лѣса, обманъ, на который попался Облонскій и который совершился у него въ домѣ, раздражалъ его.

— Ну, кончилъ? — сказалъ онъ, встрѣчая наверху Степана Аркадьевича. — Хочешь ужинать?

— Да, не откажусь. Какой аппетитъ у меня въ деревнѣ, чудо! Что жъ ты Рябинину не предложилъ поѣсть?

— А, чортъ съ нимъ!

— Однако какъ ты обходишься съ нимъ! — сказалъ Облонскій — Ты и руки ему не подалъ. Отчего же не подать ему руки?

— Оттого, что я лакею не подамъ руки, а лакей во сто разъ лучше его.

— Какой ты, однако, ретроградъ! А сліяніе сословій!—сказалъ Облонскій.

— Кому пріятно сливаться — на здоровье, а мнѣ противно.

— Ты, я вижу, рѣшительно ретроградъ.

— Право, я никогда не думалъ, кто я. Я — Константинъ Левинъ, больше ничего.

— И Константинъ Левинъ, который очень не въ духѣ, — улыбаясь сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Да, я не въ духѣ и знаешь отчего? Отъ, извини меня, твоей глупой продажи...

Степанъ Аркадьевичъ добродушно сморщился, какъ человѣкъ, котораго безвинно обижаютъ и разстраиваютъ.

— Ну, полно, — сказалъ онъ. — Когда бывало, чтобы кто-нибудь что-нибудь продалъ и ему бы не сказали сейчасъ же послѣ продажи: «это гораздо дороже стоитъ»? А покуда продаютъ, никто не даетъ... Нѣтъ, я вижу, у тебя есть *зубъ* противъ этого несчастнаго Рябинина.

— Можетъ быть, и есть. А ты знаешь за что? Ты скажешь опять, что я ретроградъ или еще какое страшное слово; но все-таки мнѣ досадно и обидно видѣть это, со всѣхъ сторонъ совершающееся обѣднѣніе дворянства, къ которому я принадлежу и, несмотря на сліяніе сословій, очень радъ, что принадлежу... И обѣднѣніе не вслѣдствіе роскоши. Это бы ничего; прожить по-барски — это дворянское дѣло, это только дворяне умѣютъ. Теперь мужики около насъ скупаютъ земли, — мнѣ не обидно. Баринъ ничего не дѣлаетъ, мужикъ работаетъ и вытѣсняетъ празднаго человѣка. Такъ должно быть. И я очень радъ мужику. Но мнѣ обидно смотрѣть на это обѣднѣніе по какой-то, не знаю какъ назвать, невинности. Тутъ арендаторъ-полякъ купилъ за полцѣны у барыни, которая живетъ въ Ниццѣ, чудесное имѣніе. Тутъ отдаютъ купцу въ аренду за рубль десятину земли, которая стоитъ десять рублей. Тутъ ты, безъ всякой причины, подарилъ этому плуту тридцать тысячъ.

— Такъ что же? считать каждое дерево?

— Непремѣнно считать. А вотъ ты не считалъ, а Рябининъ считалъ. У дѣтей Рябинина будутъ средства къ жизни и образованію, а у твоихъ, пожалуй, не будетъ!

— Ну, ужъ извини меня, но есть что-то мизерное въ этомъ считаньи. У насъ свои занятія, у нихъ свои, и имъ надо барыши. Ну, впрочемъ, дѣло сдѣлано, и конецъ. А вотъ и гла-

зунья, самая моя любимая яичница. И Агаѳья Михайловна дастъ намъ этого травничку чудеснаго...

Степанъ Аркадьевичъ сѣлъ къ столу и началъ шутить съ Агаѳьей Михайловной, увѣряя ее, что такого обѣда и ужина онъ давно не ѣлъ.

— Вотъ вы хоть похвалите, — сказала Агаѳья Михайловна,— а Константинъ Дмитричъ, что ему ни подай, хоть хлѣба корку,— поѣлъ и пошелъ.

Какъ ни старался Левинъ преодолѣть себя, онъ былъ мраченъ и молчаливъ. Ему нужно было сдѣлать одинъ вопросъ Степану Аркадьевичу, но онъ не могъ рѣшиться и не находилъ ни формы, ни времени, какъ и когда его сдѣлать. Степанъ Аркадьевичъ уже сошелъ къ себѣ внизъ, раздѣлся, опять умылся, облекся въ гофрированную ночную рубашку и легъ, а Левинъ все медлилъ у него въ комнатѣ, говоря о разныхъ пустякахъ и не будучи въ силахъ спросить, что хотѣлъ.

— Какъ это удивительно дѣлаютъ мыло, — сказалъ онъ, оглядывая и развертывая душистый кусокъ мыла, который для гостя приготовила Агаѳья Михайловна, но котораго Облонскій не употреблялъ. — Ты посмотри, вѣдь это произведеніе искусства.

— Да, до всего дошло теперь всякое усовершенствованіе,— сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, влажно и блаженно зѣвая.— Театры, напримѣръ, и эти увеселительныя... а-а-а! — зѣвалъ онъ. — Электрическій свѣтъ вездѣ... а-а!

— Да, электрическій свѣтъ, — сказалъ Левинъ. — Да. Ну, а гдѣ Вронскій теперь?—спросилъ онъ, вдругъ положивъ мыло.

— Вронскій? — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, остановивъ зѣвоту: — онъ въ Петербургѣ. Уѣхалъ вскорѣ послѣ тебя и затѣмъ ни разу не былъ въ Москвѣ. И знаешь, Костя, я тебѣ правду скажу, — продолжалъ онъ, облокотившись на столъ и положивъ на руку свое красивое румяное лицо, изъ котораго свѣтились, какъ звѣзды, масленые добрые и сонные глаза. — Ты самъ былъ виноватъ. Ты испугался соперника. А я, какъ и тогда тебѣ говорилъ, я не знаю, на чьей сторонѣ было болѣе шансовъ. Отчего ты не шелъ напроломъ? Я тебѣ говорилъ тогда, что... — онъ зѣвнулъ однѣми челюстями, не раскрывая рта.

«Знаетъ онъ или не знаетъ, что я дѣлалъ предложеніе? — подумалъ Левинъ, глядя на него. — Да, что-то есть хитрое, дипломатическое въ его лицѣ», и, чувствуя, что краснѣетъ, онъ молча смотрѣлъ прямо въ глаза Степана Аркадьевича.

— Если было съ ея стороны что-нибудь тогда, то это было увлеченіе внѣшностью, — продолжалъ Облонскій. — Этотъ, зна-

ешь, совершенный аристократизмъ и будущее положеніе въ свѣтѣ подѣйствовали не на нее, а на мать.

Левинъ нахмурился. Оскорбленіе отказа, черезъ которое онъ прошелъ, какъ будто свѣжею, только что полученною раной зажгло его въ сердцѣ. Но онъ былъ дома, а дома стѣны помогаютъ.

— Постой, постой, — заговорилъ онъ, перебивая Облонскаго. — Ты говоришь: аристократизмъ. А позволь тебя спросить, въ чемъ состоитъ этотъ аристократизмъ Вронскаго или кого бы то ни было, — такой аристократизмъ, чтобы можно было пренебречь мной? Ты считаешь Вронскаго аристократомъ, но я нѣтъ. Человѣкъ, отецъ котораго вылѣзъ изъ ничего пронырствомъ, мать котораго Богъ знаетъ съ кѣмъ ни была въ связи... Нѣтъ, ужъ извини, но я считаю аристократомъ себя и людей, подобныхъ мнѣ, которые въ прошедшемъ могутъ указать на три-четыре честныя поколѣнія семей, находившихся на высшей степени образованія (дарованіе и умъ — это другое дѣло), и которые никогда ни передъ кѣмъ не подличали, никогда ни въ комъ не нуждались, какъ жили мой отецъ, мой дѣдъ. И я знаю много такихъ. Тебѣ низко кажется, что я считаю деревья въ лѣсу, а ты даришь тридцать тысячъ Рябинину; но ты получишь аренду и не знаю еще что, а я не получу и потому дорожу родовымъ и трудовымъ... Мы аристократы, а не тѣ, которые могутъ существовать только подачками отъ сильныхъ міра сего и кого купить можно за двугривенный.

— Да на кого ты? Я съ тобой согласенъ, — говорилъ Степанъ Аркадьевичъ искренно и весело, хотя чувствовалъ, что Левинъ подъ именемъ тѣхъ, кого можно купить за двугривенный, разумѣлъ и его. Оживленіе Левина ему искренно нравилось. — На кого ты? Хотя многое и неправда, что̀ ты говоришь про Вронскаго, но я не про то говорю. Я говорю тебѣ прямо: я на твоемъ мѣстѣ поѣхалъ бы со мной въ Москву и...

— Нѣтъ, я не знаю, знаешь ли ты или нѣтъ, но мнѣ все равно. И я скажу тебѣ: я сдѣлалъ предложеніе и получилъ отказъ, и Катерина Александровна для меня теперь тяжелое и постыдное воспоминаніе.

— Отчего? Вотъ вздоръ!

— Но не будемъ говорить. Извини меня, пожалуйста, если я былъ грубъ съ тобой, — сказалъ Левинъ. Теперь, высказавъ все, онъ опять сталъ тѣмъ, какимъ былъ поутру. — Ты не сердишься на меня, Стива? Пожалуйста, не сердись, — сказалъ онъ и, улыбаясь, взялъ его за руку.

— Да нѣтъ, нисколько, и не за что. Я радъ, что мы объяснились. А знаешь, утренняя тяга бываетъ хороша. Не поѣхать ли? Я бы такъ и не спалъ, а прямо съ тяги на станцію.

— И прекрасно.

XVIII.

Несмотря на то, что вся внутренняя жизнь Вронскаго была наполнена его страстью, внѣшняя жизнь его неизмѣнно и неудержимо катилась по прежнимъ, привычнымъ рельсамъ свѣтскихъ и полковыхъ связей и интересовъ. Полковые интересы занимали важное мѣсто въ жизни Вронскаго — и потому, что онъ любилъ полкъ, и еще болѣе потому, что его любили въ полку. Въ полку не только любили Вронскаго, но его уважали и гордились имъ, гордились тѣмъ, что этотъ человѣкъ, огромно богатый, съ прекраснымъ образованіемъ и способностями, съ открытою дорогой ко всякаго рода успѣху и честолюбія, и тщеславія, пренебрегалъ этимъ всѣмъ и изъ всѣхъ жизненныхъ интересовъ ближе всего принималъ къ сердцу интересы полка и товарищества. Вронскій сознавалъ этотъ взглядъ на себя товарищей и, кромѣ того, что любилъ эту жизнь, чувствовалъ себя обязаннымъ поддерживать установившійся на немъ взглядъ.

Само собою разумѣется, что онъ не говорилъ ни съ кѣмъ изъ товарищей о своей любви, не проговаривался и въ самыхъ сильныхъ попойкахъ (впрочемъ, онъ никогда не бывалъ такъ пьянъ, чтобы терять власть надъ собой) и затыкалъ ротъ тѣмъ изъ легкомысленныхъ товарищей, которые пытались намекать ему на его связь. Но, несмотря на то, его любовь была извѣстна всему городу: всѣ болѣе или менѣе вѣрно догадывались о его отношеніяхъ къ Карениной: большинство молодыхъ людей завидовали ему именно въ томъ, что̀ было самое тяжелое въ его любви, — высокомъ положеніи Каренина и потому въ выставленности этой связи для свѣта.

Большинство молодыхъ женщинъ, завидовавшихъ Аннѣ, которымъ уже давно наскучило то, что ее *называютъ справедливою*, радовались тому, что̀ онѣ предполагали, и ждали только подтвержденія оборота общественнаго мнѣнія, чтобъ обрушиться на нее всею тяжестью своего презрѣнія. Онѣ приготавливали уже тѣ комки грязи, которыми онѣ бросятъ въ нее, когда придетъ время. Большинство пожилыхъ людей и люди высокопоставленные были недовольны этимъ готовящимся общественнымъ скандаломъ.

Мать Вронскаго, узнавъ о его связи, сначала была довольна—и потому, что ничто, по ея понятіямъ, не давало по-

слѣдней отдѣлки блестящему молодому человѣку, какъ связь въ высшемъ свѣтѣ, и потому, что столь понравившаяся ей Каренина, такъ много говорившая о своемъ сынѣ, была все-таки такая же, какъ и всѣ красивыя и порядочныя женщины, по понятіямъ графини Вронской. Но въ послѣднее время она узнала, что сынъ отказался отъ предложеннаго ему, важнаго для карьеры, положенія только съ тѣмъ, чтобъ оставаться въ полку, гдѣ онъ могъ видѣться съ Карениной, узнала, что имъ недовольны за это высокопоставленныя лица, и она перемѣнила свое мнѣніе. Не нравилось ей тоже то, что по всему, что она узнала про эту связь, это не была та блестящая, граціозная свѣтская связь, какую она бы одобрила, но какая-то Вертеровская, отчаянная страсть, какъ ей разсказывали, которая могла вовлечь его въ глупости. Она не видала его со времени его неожиданнаго отъѣзда изъ Москвы и черезъ старшаго сына требовала, чтобъ онъ пріѣхалъ къ ней.

Старшій братъ былъ тоже недоволенъ меньшимъ. Онъ не разбиралъ, какая это была любовь: большая или маленькая, страстная или не страстная, порочная или не порочная (онъ самъ, имѣя дѣтей, содержалъ танцовщицу и потому былъ снисходителенъ на это), но онъ зналъ, что эта любовь — не нравящаяся тѣмъ, кому нужно нравиться, и потому не одобрялъ поведенія брата.

Кромѣ занятій службы и свѣта, у Вронскаго было еще занятіе — лошади, до которыхъ онъ былъ страстный охотникъ.

Въ нынѣшнемъ же году назначены были офицерскія скачки съ препятствіями. Вронскій записался на скачки, купилъ англійскую кровную кобылу и, несмотря на свою любовь, былъ страстно, хотя и сдержанно увлеченъ предстоящими скачками.

Двѣ страсти эти не мѣшали одна другой. Напротивъ, ему нужно было занятіе и увлеченіе, независимое отъ его любви, на которомъ онъ освѣжался и отдыхалъ отъ слишкомъ волновавшихъ его впечатлѣній.

XIX.

Въ день красносельскихъ скачекъ Вронскій раньше обыкновеннаго пришелъ съѣсть бифстексъ въ общую залу артели полка. Ему не нужно было очень строго выдерживать себя, такъ какъ вѣсъ его какъ разъ равнялся положеннымъ четыремъ пудамъ съ половиною; но надо было и не потолстѣть, и потому онъ избѣгалъ мучного и сладкаго. Онъ сидѣлъ въ разстегнутомъ надъ бѣлымъ жилетомъ сюртукѣ, облокотившись обѣими руками на

столъ, и, ожидая заказаннаго бифстекса, смотрѣлъ въ книгу французскаго романа, лежавшаго на тарелкѣ. Онъ смотрѣлъ въ книгу только за тѣмъ, чтобы не разговаривать со входившими и выходившими офицерами, и думалъ.

Онъ думалъ о томъ, что Анна обѣщала ему дать свиданье нынче послѣ скачекъ. Но онъ не видалъ ея три дня и, вслѣдствіе возвращенія мужа изъ-за границы, не зналъ, возможно ли это нынче или нѣтъ, и не зналъ, какъ узнать это. Онъ видѣлся съ ней въ послѣдній разъ на дачѣ у кузины Бетси. На дачу же Карениныхъ онъ ѣздилъ какъ можно рѣже. Теперь онъ хотѣлъ ѣхать туда и обдумывалъ вопросъ: «какъ это сдѣлать?»

«Разумѣется, я скажу, что Бетси прислала меня спросить, пріѣдетъ ли она на скачки. Разумѣется, поѣду», рѣшилъ онъ самъ съ собой, поднимая голову отъ книги. И, живо представивъ себѣ счастіе увидать ее, онъ просіялъ лицомъ.

— Пошли ко мнѣ на домъ, чтобы закладывали поскорѣе коляску тройкой, — сказалъ онъ слугѣ, подавшему ему бифстексъ на серебряномъ горячемъ блюдѣ, и, придвинувъ блюдо, сталъ ѣсть.

Въ сосѣдней бильярдной слышались удары шаровъ, говоръ и смѣхъ. Изъ входной двери появились два офицера: одинъ — молоденькій, съ слабымъ, тонкимъ лицомъ, недавно поступившій изъ пажескаго корпуса въ ихъ полкъ; другой—пухлый, старый офицеръ, съ браслетомъ на рукѣ и заплывшими маленькими глазами.

Вронскій взглянулъ на нихъ, нахмурился и, какъ будто не замѣтивъ ихъ, косясь на книгу, сталъ ѣсть и читать вмѣстѣ.

— Что? подкрѣпляешься на работу?—сказалъ пухлый офицеръ, садясь подлѣ него.

— Видишь, — отвѣчалъ Вронскій, хмурясь, отирая ротъ и не глядя на него.

— А не боишься потолстѣть?—сказалъ тотъ, поворачивая стулъ для молоденькаго офицера.

— Что? — сердито сказалъ Вронскій, дѣлая гримасу отвращенія и показывая свои сплошные зубы.

— Не боишься потолстѣть?

— Человѣкъ, хересу! — сказалъ Вронскій, не отвѣчая, и, переложивъ книгу на другую сторону, продолжалъ читать.

Пухлый офицеръ взялъ карту винъ и обратился къ молоденькому офицеру:

— Ты самъ выбери, что̀ будемъ пить, — сказалъ онъ, подавая ему карту и глядя на него.

— Пожалуй, рейнвейну, — сказалъ молодой офицеръ, робко косясь на Вронскаго и стараясь поймать пальцами чуть отросшіе усики. Видя, что Вронскій не оборачивается, молодой офицеръ всталъ.

— Пойдемъ въ бильярдную, — сказалъ онъ.

Пухлый офицеръ покорно всталъ, и они направились къ двери.

Въ это время въ комнату вошелъ высокій и статный ротмистръ Яшвинъ и, кверху, презрительно кивнувъ головой двумъ офицерамъ, подошелъ къ Вронскому.

— А! вотъ онъ! — крикнулъ онъ, крѣпко ударивъ его своею большою рукой по погону. Вронскій оглянулся сердито, но тотчасъ же лицо его просіяло свойственною ему спокойною и твердою лаской.

— Умно, Алеша, — сказалъ ротмистръ громкимъ баритономъ. — Теперь поѣшь и выпей одну рюмочку.

— Да не хочется ѣсть.

— Вотъ неразлучные, — прибавилъ Яшвинъ, насмѣшливо глядя на двухъ офицеровъ, которые выходили въ это время изъ комнаты. И онъ сѣлъ подлѣ Вронскаго, согнувъ острыми углами свои, слишкомъ длинныя по высотѣ стульевъ, стегна и голени въ узкихъ рейтузахъ. — Что жъ ты вчера не заѣхалъ въ красненскій театръ? Нумерова совсѣмъ не дурна была. Гдѣ ты былъ?

— Я у Тверскихъ засидѣлся, — сказалъ Вронскій.

— А! — отозвался Яшвинъ.

Яшвинъ, игрокъ, кутила и не только человѣкъ безъ всякихъ правилъ, но съ безнравственными правилами, — Яшвинъ былъ въ полку лучшій пріятель Вронскаго. Вронскій любилъ его и за его необычайную физическую силу, которую онъ большею частью выказывалъ тѣмъ, что могъ пить какъ бочка, не спать и быть все такимъ же, и за большую нравственную силу, которую онъ выказывалъ въ отношеніяхъ къ начальникамъ и товарищамъ, вызывая къ себѣ страхъ и уваженіе, и въ игрѣ, которую онъ велъ на десятки тысячъ и всегда, несмотря на выпитое вино, такъ тонко и твердо, что считался первымъ игрокомъ въ англійскомъ клубѣ. Вронскій уважалъ и любилъ его въ особенности за то, что чувствовалъ, что Яшвинъ любилъ его не за его имя и богатство, а за него самого. И изъ всѣхъ людей съ нимъ однимъ Вронскій хотѣлъ бы говорить про свою любовь. Онъ чувствовалъ, что Яшвинъ одинъ, несмотря на то, что, казалось, презиралъ всякое чувство, — одинъ, казалось Вронскому, могъ понимать ту сильную страсть, которая теперь

наполнила всю его жизнь. Кромѣ того, онъ былъ увѣренъ, что Яшвинъ ужъ навѣрное не находитъ удовольствія въ сплетнѣ и скандалѣ, а понимаетъ это чувство, какъ должно, то-есть знаетъ и вѣритъ, что любовь, это не шутка, не забава, а что-то серьезнѣе и важнѣе.

Вронскій не говорилъ съ нимъ о своей любви, но зналъ, что онъ все знаетъ, все понимаетъ, какъ должно, и ему пріятно было видѣть это по его глазамъ.

— А, да! — сказалъ онъ на то, что Вронскій былъ у Тверскихъ, и, блеснувъ своими черными глазами, взялся за лѣвый усъ и сталъ заправлять его въ ротъ, по своей дурной привычкѣ.

— Ну, а ты вчера что сдѣлалъ? Выигралъ? — спросилъ Вронскій.

— Восемь тысячъ. Да три не хороши, едва ли отдастъ.

— Ну такъ можешь за меня и проиграть, — сказалъ Вронскій смѣясь. (Яшвинъ держалъ большое пари за Вронскаго.)

— Ни за что не проиграю. Одинъ Махотинъ опасенъ.

И разговоръ перешелъ на ожиданіе нынѣшней скачки, о которой только и могъ думать теперь Вронскій.

— Пойдемъ, я кончилъ, — сказалъ Вронскій и, вставъ, пошелъ къ двери. Яшвинъ всталъ тоже, растянувъ свои огромныя ноги и длинную спину.

— Мнѣ обѣдать еще рано, а выпить надо. Я приду сейчасъ. Эй, вина! — крикнулъ онъ своимъ знаменитымъ въ командованіи, густымъ и заставлявшимъ дрожать стекла голосомъ. — Нѣтъ, не надо! — тотчасъ же опять крикнулъ онъ.— Ты домой, такъ я съ тобой пойду.

И они пошли съ Вронскимъ.

XX.

Вронскій стоялъ въ просторной и чистой, разгороженной надвое, чухонской избѣ. Петрицкій жилъ съ нимъ вмѣстѣ и въ лагеряхъ. Петрицкій спалъ, когда Вронскій съ Яшвинымъ вошли въ избу.

— Вставай, будетъ спать, — сказалъ Яшвинъ, заходя за перегородку и толкая за плечо уткнувшагося носомъ въ подушку взлохмаченнаго Петрицкаго.

Петрицкій вдругъ вскочилъ на колѣнки и оглянулся.

— Твой братъ былъ здѣсь, — сказалъ онъ Вронскому.— Разбудилъ меня, чортъ его возьми, сказалъ, что придетъ опять. — И онъ опять, натягивая одѣяло, бросился на подушку. — Да оставь же, Яшвинъ, — говорилъ онъ, сердясь на Яшвина,

тащившаго съ него одѣяло. — Оставь! — Онъ повернулся и открылъ глаза. — Ты лучше скажи, *что* выпить; такая гадость во рту, что...

— Водки лучше всего, — пробасилъ Яшвинъ. — Терещенко, водки барину и огурцовъ! — крикнулъ онъ, видимо любя слушать свой голосъ.

— Водки ты думаешь? А? — спросилъ Петрицкій, морщась и протирая глаза. — А ты выпьешь? Вмѣстѣ, такъ выпьемъ! Вронскій, выпьешь? — сказалъ Петрицкій, вставая и закутываясь подъ руками въ тигровое одѣяло. Онъ вышелъ въ дверь перегородки, поднявъ руки, и запѣлъ по-французски: «Былъ король въ Ту-у-лѣ»... — Вронскій, выпьешь?

— Убирайся, — сказалъ Вронскій, надѣвавшій подаваемый лакеемъ сюртукъ.

— Это куда? — спросилъ его Яшвинъ. — Вотъ и тройка, — прибавилъ онъ, увидѣвъ подъѣзжавшую коляску.

— Въ конюшню, да еще мнѣ нужно къ Брянскому о лошадяхъ, — сказалъ Вронскій.

Вронскій дѣйствительно обѣщалъ быть у Брянскаго, въ десяти верстахъ отъ Петергофа, и привезти ему за лошадей деньги, и онъ хотѣлъ успѣть побывать и тамъ. Но товарищи тотчасъ же поняли, что онъ не туда только ѣдетъ.

Петрицкій, продолжая пѣть, подмигнулъ глазомъ и надулъ губы, какъ бы говоря: знаемъ, какой это Брянскій.

— Смотри, не опоздай! — сказалъ только Яшвинъ и, чтобы перемѣнить разговоръ: — Что мой саврасый, служитъ хорошо? — спросилъ онъ, глядя въ окно, про коренного, котораго онъ продалъ.

— Стой! — закричалъ Петрицкій уже уходившему Вронскому. — Братъ твой оставилъ письмо тебѣ и записку. Постой, гдѣ они?

Вронскій остановился.

— Ну гдѣ же они?

— Гдѣ они? вотъ въ чемъ вопросъ! — проговорилъ торжественно Петрицкій, проводя кверху отъ носа указательнымъ пальцемъ.

— Да говори же, это глупо! — улыбаясь сказалъ Вронскій.

— Камина я не топилъ. Здѣсь гдѣ-нибудь.

— Ну, полно врать! Гдѣ же письмо?

— Нѣтъ, право, забылъ. Или я во снѣ видѣлъ? Постой, постой! Да что жъ сердиться! Если бы ты, какъ я вчера, выпилъ четыре бутылки на брата, ты бы забылъ, гдѣ ты лежишь. Постой, сейчасъ вспомню!

Петрицкій пошелъ за перегородку и легъ на свою кровать.

— Стой! Такъ я лежалъ, такъ онъ стоялъ. Да-да-да-да... Вотъ оно!—и Петрицкій вынулъ письмо изъ-подъ матраца, куда онъ запряталъ его.

Вронскій взялъ письмо и записку брата. Это было то самое, что онъ ожидалъ, — отъ матери съ упреками за то, что онъ не пріѣзжалъ, и записка отъ брата, въ которой говорилось, что нужно переговорить. Вронскій зналъ, что это все о томъ же. «Что имъ за дѣло!» подумалъ Вронскій и, смявъ письма, сунулъ ихъ между пуговицъ сюртука, чтобы внимательно прочесть дорогой. Въ сѣняхъ избы ему встрѣтились два офицера: одинъ ихъ, а другой другого полка.

Квартира Вронскаго всегда была притономъ всѣхъ офицеровъ.

— Куда?

— Нужно въ Петергофъ.

— А лошадь пришла изъ Царскаго?

— Пришла, да я не видалъ еще.

— Говорятъ, Махотина Гладіаторъ захромалъ.

— Вздоръ! Только какъ вы по этой грязи поскачете? — сказалъ другой.

— Вотъ мои спасители! — закричалъ, увидавъ вошедшихъ Петрицкій, передъ которымъ стоялъ денщикъ съ водкой и соленымъ огурцомъ на подносѣ. — Вотъ Яшвинъ велитъ пить, чтобъ освѣжиться.

— Ну, ужъ вы намъ задали вчера, — сказалъ одинъ изъ пришедшихъ, — всю ночь не давали спать.

— Нѣтъ, каково мы окончили! — разсказывалъ Петрицкій.— Волковъ залѣзъ на крышу и говоритъ, что ему грустно. Я говорю: давай музыку, погребальный маршъ! Онъ такъ и заснулъ на крышѣ подъ погребальный маршъ.

— Выпей, выпей водки непремѣнно, а потомъ сельтерской воды и много лимона, — говорилъ Яшвинъ, стоя надъ Петрицкимъ, какъ мать, заставляющая ребенка принимать лѣкарство, — а потомъ ужъ шампанскаго немножечко, — такъ, бутылочку.

— Вотъ это умно. Постой, Вронскій, выпьемъ.

— Нѣтъ, прощайте, господа, нынче я не пью.

— Что жъ, потяжелѣешь? Ну, такъ мы одни. Давай сельтерской воды и лимона.

— Вронскій! — закричалъ кто-то, когда онъ уже выходилъ въ сѣни.

— Что?

— Ты бы волосы обстригъ, а то они у тебя тяжелы, особенно на лысинѣ.

Вронскій дѣйствительно преждевременно начиналъ плѣшивѣть. Онъ весело засмѣялся, показывая свои сплошные зубы, и, надвинувъ фуражку на лысину, вышелъ и сѣлъ въ коляску.

— Въ конюшню! — сказалъ онъ и досталъ было письма, чтобы прочесть ихъ, но потомъ раздумалъ, чтобы не развлекаться до осмотра лошади. — «Потомъ!..»

XXI.

Временная конюшня, балаганъ изъ досокъ, была построена подлѣ самаго гипподрома, и туда вчера должна была быть приведена его лошадь. Онъ еще не видалъ ея. Въ эти послѣдніе дни онъ самъ не ѣздилъ на проѣздку, а поручилъ тренеру, и теперь рѣшительно не зналъ, въ какомъ состояніи пришла и была его лошадь. Едва онъ вышелъ изъ коляски, какъ конюхъ его (грумъ), такъ называемый мальчикъ, узнавъ еще издалека его коляску, вызвалъ тренера. Сухой англичанинъ въ высокихъ сапогахъ и въ короткой жакеткѣ, съ клочкомъ волосъ, оставленныхъ только на подбородкѣ, неумѣлою походкой жокеевъ, растопыривая локти и раскачиваясь, вышелъ навстрѣчу.

— Ну что Фру-Фру? — спросилъ Вронскій по-англійски.

— All right, sir — все исправно, сударь, — гдѣ-то внутри горла проговорилъ голосъ англичанина.—Лучше не ходите,— прибавилъ онъ, поднимая шляпу. — Я надѣлъ намордникъ, и лошадь возбуждена. Лучше не ходить, это тревожитъ лошадь.

— Нѣтъ, ужъ я пойду. Мнѣ хочется взглянуть.

— Пойдемъ, — все такъ же не открывая рта, нахмурившись, сказалъ англичанинъ и, размахивая локтями, пошелъ впередъ своею развинченною походкой.

Они вошли во дворикъ передъ баракомъ. Дежурный, въ чистой курткѣ, нарядный молодцеватый мальчикъ, съ метлой въ рукѣ, встрѣтилъ входившихъ и пошелъ за ними. Въ баракѣ стояло пять лошадей по денникамъ, и Вронскій зналъ, что тутъ же нынче долженъ быть приведенъ и стоитъ его главный соперникъ, рыжій пятивершковый Гладіаторъ Махотина. Еще болѣе, чѣмъ свою лошадь, Вронскому хотѣлось видѣть Гладіатора, котораго онъ не видалъ; но Вронскій зналъ, что, по законамъ приличія конской охоты, не только нельзя видѣть его, но неприлично и разспрашивать про него. Въ то время, когда онъ шелъ по коридору, мальчикъ отворилъ дверь во второй денникъ налѣво,

и Вронскій увидѣлъ рыжую крупную лошадь и бѣлыя ноги. Онъ зналъ, что это былъ Гладіаторъ, но съ чувствомъ человѣка, отворачивающагося отъ чужого раскрытаго письма, онъ отвернулся и подошелъ къ деннику Фру-Фру.

— Здѣсь лошадь Ма-к... Мак... никогда не могу выговорить это имя, — сказалъ англичанинъ черезъ плечо, указывая большимъ, съ грязнымъ ногтемъ пальцемъ на денникъ Гладіатора.

— Махотина? Да, это мой одинъ серьезный соперникъ, — сказалъ Вронскій.

— Если бы вы ѣхали на немъ, — сказалъ англичанинъ, — я бы за васъ держалъ.

— Фру-Фру нервнѣе, онъ сильнѣе, — сказалъ Вронскій, улыбаясь отъ похвалы своей ѣздѣ.

— Съ препятствіями все дѣло въ ѣздѣ и въ pluck, — сказалъ англичанинъ.

Pluck, то-есть энергіи и смѣлости, Вронскій не только чувствовалъ въ себѣ достаточно, но, что гораздо важнѣе, онъ былъ твердо убѣжденъ, что ни у кого въ мірѣ не могло быть этого pluck больше, чѣмъ у него.

— А вы вѣрно знаете, что не нужно было *большого потнѣнія?*

— Не нужно, — отвѣчалъ англичанинъ. — Пожалуйста, не говорите громко. Лошадь волнуется, — прибавилъ онъ, кивая головой на запертый денникъ, передъ которымъ они стояли и гдѣ слышалась перестановка ногъ по соломѣ.

Онъ отворилъ дверь, и Вронскій вошелъ въ слабо освѣщенный изъ одного маленькаго окошечка денникъ. Въ денникѣ, перебирая ногами по свѣжей соломѣ, стояла караковая лошадь съ намордникомъ. Оглядѣвшись въ полусвѣтѣ денника, Вронскій опять невольно обнялъ однимъ общимъ взглядомъ всѣ стати своей любимой лошади. Фру-Фру была средняго роста лошадь и по статямъ не безукоризненная. Она была вся узка костью; хотя ея грудина и сильно выдавалась впередъ, грудь была узка. Задъ былъ немного свислый, и въ ногахъ переднихъ и особенно заднихъ была значительная косолапина. Мышцы заднихъ и переднихъ ногъ не были особенно крупны, но зато въ подпругѣ лошадь была необыкновенно широка, что особенно поражало теперь, при ея выдержкѣ и поджаромъ животѣ. Кости ея ногъ ниже колѣнъ казались не толще пальца, глядя спереди, но зато были необыкновенно широки, глядя сбоку. Она вся, кромѣ реберъ, какъ будто была сдавлена съ боковъ и вытянута въ глубину. Но у нея въ высшей степени было качество, заставляющее забывать всѣ недостатки; это качество была *кровь*, — та кровь, которая *сказывается*, по англійскому выраженію.

Рѣзко выступающія мышцы изъ-подъ сѣтки жилъ, растянутой въ тонкой, подвижной и гладкой, какъ атласъ, кожѣ, казались столь же крѣпкими, какъ кость. Сухая голова ея съ выпуклыми, блестящими, веселыми глазами расширялась у храпа въ выдающіяся ноздри съ налитою внутри кровью перепонкой. Во всей фигурѣ и въ особенности въ головѣ ея было опредѣленное, энергическое и вмѣстѣ нѣжное выраженіе. Она была одно изъ тѣхъ животныхъ, которыя, кажется, не говорятъ только потому, что механическое устройство ихъ рта не позволяетъ имъ этого.

Вронскому, по крайней мѣрѣ, показалось, что она поняла все, что онъ теперь, глядя на нее, чувствовалъ.

Какъ только Вронскій вошелъ къ ней, она глубоко втянула въ себя воздухъ и, скашивая свой выпуклый глазъ такъ, что бѣлокъ налился кровью, съ противоположной стороны глядѣла на вошедшихъ, потряхивая намордникомъ и упруго переступая съ ноги на ногу.

— Ну, вотъ видите, какъ она взволнована, — сказалъ англичанинъ.

— О, милая! О! — говорилъ Вронскій, подходя къ лошади и уговаривая ее.

Но чѣмъ ближе онъ подходилъ, тѣмъ болѣе она волновалась. Только когда онъ подошелъ къ ея головѣ, она вдругъ затихла, и мускулы ея затряслись подъ тонкою, нѣжною шерстью. Вронскій погладилъ ея крѣпкую шею, поправилъ на остромъ загривкѣ перекинувшуюся на другую сторону прядь гривы и придвинулся лицомъ къ ея растянутымъ тонкимъ, какъ крыло летучей мыши, ноздрямъ. Она звучно втянула и выпустила воздухъ изъ напряженныхъ ноздрей, вздрогнувъ, прижала острое ухо и вытянула крѣпкую черную губу къ Вронскому, какъ бы желая поймать его за рукавъ. Но, вспомнивъ о намордникѣ, она встряхнула имъ и опять начала переставлять одну за другой свои точеныя ножки.

— Успокойся, милая, успокойся! — сказалъ онъ, погладивъ ее еще рукой по заду, и съ радостнымъ сознаніемъ, что лошадь въ самомъ хорошемъ состояніи, вышелъ изъ денника.

Волненіе лошади сообщилось и Вронскому; онъ чувствовалъ, что кровь приливала ему къ сердцу и что ему, такъ же какъ и лошади, хочется двигаться, кусаться; было и страшно и весело.

— Ну, такъ я на васъ надѣюсь, — сказалъ онъ англичанину,— въ шесть съ половиной на мѣстѣ.

— Все исправно, — сказалъ англичанинъ. — А вы куда ѣдете, милордъ? — спросилъ онъ неожиданно, употребивъ это названіе my Lord, котораго онъ почти никогда не употреблялъ.

Вронскій съ удивленіемъ приподнялъ голову и посмотрѣлъ, какъ онъ умѣлъ смотрѣть, не въ глаза, а на лобъ англичанина, удивляясь смѣлости его вопроса. Но, понявъ, что англичанинъ, дѣлая этотъ вопросъ, смотрѣлъ на него не какъ на хозяина, но какъ на жокея, отвѣтилъ ему:

— Мнѣ нужно къ Брянскому, я черезъ часъ буду дома.

«Который разъ мнѣ дѣлаютъ нынче этотъ вопросъ!» сказалъ онъ себѣ и покраснѣлъ, что̀ съ нимъ рѣдко бывало. Англичанинъ внимательно посмотрѣлъ на него и, какъ будто онъ зналъ, куда ѣдетъ Вронскій, прибавилъ:

— Первое дѣло быть спокойнымъ предъ ѣздой, — сказалъ онъ, — не будьте не въ духѣ и ничѣмъ не разстраивайтесь.

— All right, — улыбаясь отвѣчалъ Вронскій и, вскочивъ въ коляску, велѣлъ ѣхать въ Петергофъ.

Едва онъ отъѣхалъ нѣсколько шаговъ, какъ туча, съ утра угрожавшая дождемъ, надвинулась, и хлынулъ ливень.

«Плохо, — подумалъ Вронскій, поднимая верхъ коляски. — И то грязно было, а теперь совсѣмъ болото будетъ». Сидя въ уединеніи закрытой коляски, онъ досталъ письмо матери и записку брата и прочелъ ихъ.

Да, все это было то же и то же. Всѣ, его мать, его братъ, всѣ находили нужнымъ вмѣшиваться въ его сердечныя дѣла. Это вмѣшательство возбуждало въ немъ злобу — чувство, которое онъ рѣдко испытывалъ. «Какое имъ дѣло? Почему всякій считаетъ своимъ долгомъ заботиться обо мнѣ? И отчего они пристаютъ ко мнѣ? Оттого, что они видятъ, что это что-то такое, чего они не могутъ понять. Если бы это была обыкновенная пошлая свѣтская связь, они бы оставили меня въ покоѣ. Они чувствуютъ, что это что-то другое, что это не игрушка и что эта женщина дороже для меня жизни. И это-то непонятно и потому досадно имъ. Какая ни есть и ни будетъ наша судьба, мы ее сдѣлали и мы на нее не жалуемся,—говорилъ онъ, въ словѣ *мы* соединяя себя съ Анною.— Нѣтъ, имъ надо научить насъ, какъ жить. Они и понятія не имѣютъ о томъ, что такое счастіе, они не знаютъ, что безъ этой любви для насъ нѣтъ ни счастія, ни несчастія, — нѣтъ жизни», думалъ онъ.

Онъ сердился на всѣхъ за вмѣшательство именно потому, что онъ чувствовалъ въ душѣ, что они, эти всѣ, были правы. Онъ чувствовалъ, что любовь, связывавшая его съ Анной, не была минутное увлеченіе, которое пройдетъ, какъ проходятъ свѣтскія связи, не оставивъ другихъ слѣдовъ въ жизни того и другого, кромѣ пріятныхъ или непріятныхъ воспоминаній. Онъ чувствовалъ всю мучительность своего и ея положенія, всю труд-

ность при той выставленности для глазъ всего свѣта, въ которой они находились, скрывать свою любовь, лгать и обманывать; и лгать, обманывать, хитрить и постоянно думать о другихъ тогда, когда страсть, связывавшая ихъ, была такъ сильна, что они оба забывали обо всемъ другомъ, кромѣ своей любви.

Онъ живо вспоминалъ всѣ тѣ часто повторявшіеся случаи необходимости лжи и обмана, которые были такъ противны его натурѣ; вспомнилъ особенно живо не разъ замѣченное въ ней чувство стыда за эту необходимость обмана и лжи. И онъ испыталъ странное чувство, со времени его связи съ Анной иногда находившее на него. Это было чувство омерзѣнія къ чему-то: къ Алексѣю ли Александровичу, къ себѣ ли, ко всему ли свѣту,— онъ не зналъ хорошенько. Но онъ всегда отгонялъ отъ себя это странное чувство. И теперь, встряхнувшись, продолжалъ ходъ своихъ мыслей.

«Да, она прежде была несчастлива, но горда и спокойна; а теперь она не можетъ быть спокойна и достойна, хотя она и не показываетъ этого. Да, это нужно кончить», рѣшилъ онъ самъ съ собою.

И ему въ первый разъ пришла въ голову ясная мысль о томъ, что необходимо прекратить эту ложь, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. «Бросить все ей и мнѣ и скрыться куда-нибудь однимъ со своею любовью», сказалъ онъ себѣ.

XXII.

Ливень былъ непродолжительный, и, когда Вронскій подъѣзжалъ на всей рыси коренного, вытягиваьшаго скакавшихъ уже безъ вожжей по грязи пристяжныхъ, солнце опять выглянуло, и крыши дачъ, старыя липы садовъ по обѣимъ сторонамъ главной улицы блестѣли мокрымъ блескомъ, и съ вѣтвей весело капала, а съ крышъ бѣжала вода. Онъ не думалъ уже о томъ, какъ этотъ ливень испортитъ гипподромъ, но теперь радовался тому, что, благодаря этому дождю, навѣрное застанетъ ее дома и одну, такъ какъ онъ зналъ, что Алексѣй Александровичъ, недавно вернувшійся съ водъ, не переѣзжалъ изъ Петербурга.

Надѣясь застать ее одну, Вронскій, какъ онъ и всегда дѣлалъ это, чтобы меньше обратить на себя вниманія, слѣзъ, не переѣзжая мостика, и пошелъ пѣшкомъ. Онъ не пошелъ на крыльцо съ улицы, но вошелъ во дворъ.

— Баринъ пріѣхалъ? — спросилъ онъ у садовника.

— Никакъ нѣтъ. Барыня дома. Да вы съ крыльца пожалуйте; тамъ люди есть, отопрутъ, — отвѣчалъ садовникъ.

— Нѣтъ, я изъ сада пройду.

И, убѣдившись, что она одна, и желая застать ее врасплохъ, такъ какъ онъ не обѣщался быть нынче и она вѣрно не думала, что онъ пріѣдетъ предъ скачками, онъ пошелъ, придерживая саблю и осторожно шагая по песку дорожки, обсаженной цвѣтами, къ террасѣ, выходившей въ садъ. Вронскій теперь забылъ все, что̀ онъ думалъ дорогой о тяжести и трудности своего положенія. Онъ думалъ объ одномъ: что сейчасъ увидитъ ее не въ одномъ воображеніи, но живую, всю, какая она есть въ дѣйствительности. Онъ уже входилъ, ступая во всю ногу, чтобы не шумѣть, по отлогимъ ступенямъ террасы, когда вдругъ вспомнилъ то, что̀ онъ всегда забывалъ, и то, что составляло самую мучительную сторону его отношеній къ ней, — ея сына, съ его вопрошающимъ, противнымъ, какъ ему казалось, взглядомъ.

Мальчикъ этотъ чаще всѣхъ другихъ былъ помѣхой ихъ отношеній. Когда онъ былъ тутъ, ни Вронскій, ни Анна не только не позволяли себѣ говорить о чемъ-нибудь такомъ, чего бы они не могли повторить при всѣхъ, но они не позволяли себѣ даже и намеками говорить то, чего бы мальчикъ не понялъ. Они не сговаривались объ этомъ, но это установилось само собой. Они считали бы оскорбленіемъ самихъ себя обманывать этого ребенка. При немъ они говорили между собой, какъ знакомые. Но, несмотря на эту осторожность, Вронскій часто видѣлъ устремленный на него, внимательный и недоумѣвающій взглядъ ребенка и странную робость, неровность, то ласку, то холодность и застѣнчивость въ отношеніи къ себѣ этого мальчика. Какъ будто ребенокъ чувствовалъ, что между этимъ человѣкомъ и его матерью есть какое-то важное отношеніе, значенія котораго онъ понять не можетъ.

Дѣйствительно, мальчикъ чувствовалъ, что онъ не можетъ понять этого отношенія, и силился и не могъ уяснить себѣ то чувство, которое онъ долженъ имѣть къ этому человѣку. Съ чуткостью ребенка къ проявленію чувства онъ ясно видѣлъ, что отецъ, гувернантка, няня—всѣ не только не любили, но съ отвращеніемъ и страхомъ смотрѣли на Вронскаго, хотя и ничего не говорили про него, а что мать смотрѣла на него какъ на лучшаго друга.

«Что же это значить? Кто онъ такой? Какъ надо любить его? Если я не понимаю, я виноватъ, или я глупый или дурной мальчикъ», думалъ ребенокъ, и отъ этого происходили его испытующее, вопросительное, отчасти непріязненное выраженіе, и

робость, и неровность, которыя такъ стѣсняли Вронскаго. Присутствіе этого ребенка всегда и неизмѣнно вызывало во Вронскомъ то странное чувство безпричиннаго омерзѣнія, которое онъ испытывалъ послѣднее время. Присутствіе этого ребенка вызывало во Вронскомъ и въ Аннѣ чувство, подобное чувству мореплавателя, видящаго по компасу, что направленіе, по которому онъ быстро движется, далеко расходится съ надлежащимъ, но что остановить движеніе не въ его силахъ, что каждая минута удаляетъ его больше и больше и что признаться себѣ въ отступленіи отъ должнаго направленія — все равно, что признаться въ погибели.

Ребенокъ этотъ со своимъ наивнымъ взглядомъ на жизнь былъ компасъ, который показывалъ имъ степень ихъ отклоненія отъ того, чтò они знали, но не хотѣли знать.

На этотъ разъ Сережи не было дома, и она была совершенно одна и сидѣла на террасѣ, ожидая возвращенія сына, ушедшаго гулять и застигнутаго дождемъ. Она послала человѣка и дѣвушку искать его и сидѣла ожидая. Одѣтая въ бѣлое съ широкимъ шитьемъ платье, она сидѣла въ углу террасы за цвѣтами и не слыхала его. Склонивъ свою чернокурчавую голову, она прижала лобъ къ холодной лейкѣ, стоявшей на перилахъ, и обѣими своими прекрасными руками со столь знакомыми ему кольцами придерживала лейку. Красота всей ея фигуры, головы, шеи, рукъ каждый разъ, какъ неожиданностью, поражала Вронскаго. Онъ остановился, съ восхищеніемъ глядя на нее. Но только что онъ хотѣлъ ступить шагъ, чтобы приблизиться къ ней, она уже почувствовала его приближеніе, оттолкнула лейку и повернула къ нему свое разгоряченное лицо.

— Что съ вами? Вы нездоровы? — сказалъ онъ по-французски, подходя къ ней. Онъ хотѣлъ подбѣжать къ ней, но, вспомнивъ, что могли быть посторонніе, оглянулся на балконную дверь и покраснѣлъ, какъ онъ всякій разъ краснѣлъ, чувствуя, что долженъ бояться и оглядываться.

— Нѣтъ, я здорова, — сказала она, вставая и крѣпко пожимая его протянутую руку. — Я не ждала... тебя.

— Боже мой! какія холодныя руки! — сказалъ онъ.

— Ты испугалъ меня, — сказала она. — Я одна и жду Сережу, онъ пошелъ гулять; они отсюда придутъ.

Но, несмотря на то, что она старалась быть спокойна, губы ея тряслись.

— Простите меня, что я пріѣхалъ, но я не могъ провести дня, не видавъ васъ, — продолжалъ онъ по-французски, какъ

онъ всегда говорилъ, избѣгая невозможно-холоднаго между ними *вы* и опаснаго *ты* по-русски.

— За что жъ простить? Я такъ рада!

— Но вы нездоровы или огорчены, — продолжалъ онъ, не выпуская ея руки и нагибаясь надъ нею. — О чемъ вы думали?

— Все объ одномъ, — сказала она съ улыбкой.

Она говорила правду. Когда бы, въ какую бы минуту ни спросили ее, о чемъ она думала, она безъ ошибки могла отвѣтить: объ одномъ, о своемъ счастіи и о своемъ несчастіи. Она думала теперь именно, когда онъ засталъ ее, вотъ о чемъ: думала, почему для другихъ, для Бетси, напримѣръ (она знала ея скрытую для свѣта связь съ Тушкевичемъ), все это было легко, а для нея такъ мучительно. Нынче эта мысль, по нѣкоторымъ соображеніямъ, особенно мучила ее. Она спросила его о скачкахъ. Онъ отвѣчалъ ей и, видя, что она взволнована, стараясь развлечь ее, сталъ разсказывать ей самымъ простымъ тономъ подробности приготовленій къ скачкамъ.

«Сказать или не сказать? — думала она, глядя въ его спокойные, ласковые глаза. — Онъ такъ счастливъ, такъ занятъ своими скачками, что не пойметъ этого, какъ надо, не пойметъ всего значенія для насъ этого событія».

— Но вы не сказали, о чемъ вы думали, когда я вошелъ, — сказалъ онъ, прервавъ свой разсказъ, — пожалуйста, скажите!

Она не отвѣчала и, склонивъ немного голову, смотрѣла на него исподлобья вопросительно своими блестящими изъ-за длинныхъ рѣсницъ глазами. Рука ея, игравшая сорваннымъ листомъ, дрожала. Онъ видѣлъ это, и лицо его выразило ту покорность, рабскую преданность, которая такъ подкупала ее.

— Я вижу, что случилось что-то. Развѣ я могу быть минуту спокоенъ, зная, что у васъ есть горе, котораго я не раздѣляю? Скажите, ради Бога! — умоляюще повторилъ онъ.

«Да, я не прощу ему, если онъ не пойметъ всего значенія этого. Лучше не говорить, зачѣмъ испытывать?» думала она, все такъ же глядя на него и чувствуя, что рука ея съ листкомъ все больше и больше трясется.

— Ради Бога!—повторилъ онъ, взявъ ея руку.

— Сказать?

— Да, да, да...

— Я беременна,—сказала она тихо, медленно.

Листокъ въ ея рукѣ задрожалъ еще сильнѣе, но она не спускала съ него глазъ, чтобы видѣть, какъ онъ приметъ это. Онъ поблѣднѣлъ, хотѣлъ что-то сказать, но остановился, выпустилъ

ея руку и опустилъ голову. «Да, онъ понялъ все значенiе этого событiя», подумала она и благодарно пожала ему руку.

Но она ошиблась въ томъ, что онъ понялъ значенiе извѣстiя такъ, какъ она, женщина, его понимала. При этомъ извѣстiи онъ съ удесятеренною силой почувствовалъ припадокъ этого страннаго, находившаго на него чувства омерзѣнiя къ кому-то; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ понялъ, что тотъ кризисъ, котораго онъ желалъ, наступилъ теперь, что нельзя болѣе скрыть отъ мужа и необходимо такъ или иначе разорвать скорѣе это неестественное положенiе. Но, кромѣ того, ея волненiе физически сообщалось ему. Онъ взглянулъ на нее умиленнымъ, покорнымъ взглядомъ, поцѣловалъ ея руку, всталъ и молча прошелся по террасѣ.

— Да,—сказалъ онъ, рѣшительно подходя къ ней.—Ни я, ни вы не смотрѣли на наши отношенiя, какъ на игрушку, а теперь наша судьба рѣшена. Необходимо кончить,—сказалъ онъ, оглядываясь,—ту ложь, въ которой мы живемъ.

— Кончить? Какъ же кончить, Алексѣй?—сказала она тихо.

Она успокоилась теперь, и лицо ея сiяло нѣжною улыбкой.

— Оставить мужа и соединить нашу жизнь.

— Она соединена и такъ,—чуть слышно отвѣчала она.

— Да, но совсѣмъ, совсѣмъ.

— Но какъ, Алексѣй, научи меня, какъ?—сказала она съ грустною насмѣшкой надъ безвыходностью своего положенiя.—Развѣ есть выходъ изъ такого положенiя? Развѣ я не жена своего мужа?

— Изъ всякаго положенiя есть выходъ. Нужно рѣшиться,—сказалъ онъ. — Все лучше, чѣмъ то положенiе, въ которомъ ты живешь. Я вѣдь вижу, какъ ты мучаешься всѣмъ,—и свѣтомъ, и сыномъ, и мужемъ.

— Ахъ, только не мужемъ,—съ простою усмѣшкой сказала она.—Я не знаю, я не думаю о немъ. Его нѣтъ.

— Ты говоришь не искренно. Я знаю тебя. Ты мучаешься и о немъ.

— Да онъ и не знаетъ,—сказала она, и вдругъ яркая краска стала выступать на ея лицо; щеки, лобъ, шея ея покраснѣли, и слезы стыда выступили ей на глаза.—Да и не будемъ говорить о немъ.

XXIII.

Вронскiй уже нѣсколько разъ пытался, хотя и не такъ рѣшительно, какъ теперь, наводить ее на обсужденiе своего положенiя и каждый разъ сталкивался съ тою поверхностью и

легкостью сужденій, съ которою она теперь отвѣчала на его вызовъ. Какъ будто было что-то въ этомъ такое, чего она не могла или не хотѣла уяснить себѣ, какъ будто, какъ только она начинала говорить про это, она, настоящая Анна, уходила куда-то въ себя и выступала другая, странная, чуждая ему женщина, которой онъ не любилъ и боялся и которая давала ему отпоръ. Но нынче онъ рѣшился высказать все.

— Знаетъ ли онъ, или нѣтъ, — сказалъ Вронскій своимъ обычнымъ твердымъ и спокойнымъ тономъ, — знаетъ ли онъ, или нѣтъ, намъ до этого дѣла нѣтъ. Мы не можемъ... вы не можете такъ оставаться, особенно теперь.

— Что же дѣлать по-вашему?—спросила она съ тою же легкою насмѣшливостью. Ей, которая такъ боялась, чтобъ онъ не принялъ легко ея беременность, теперь было досадно за то, что онъ изъ этого выводилъ необходимость предпринять что-то.

— Объявить ему все и оставить его.

— Очень хорошо; положимъ, что я сдѣлаю это,—сказала она.—Вы знаете, что̀ изъ этого будетъ? Я впередъ все разскажу,—и злой свѣтъ зажегся въ ея за минуту предъ этимъ нѣжныхъ глазахъ.—«А, вы любите другого и вступили съ нимъ въ преступную связь? (Она, представляя мужа, сдѣлала точно такъ, какъ это дѣлалъ Алексѣй Александровичъ, удареніе на словѣ *преступную*.) Я предупреждалъ васъ о послѣдствіяхъ въ религіозномъ, гражданскомъ и семейномъ отношеніяхъ. Вы не послушали меня. Теперь я не могу отдать позору свое имя... — и своего сына, хотѣла она сказать, но сыномъ она не могла шутить...—позору свое имя», и еще что-нибудь въ такомъ родѣ,—добавила она.—Вообще, онъ скажетъ со своею государственною манерой и съ ясностью и точностью, что онъ не можетъ отпустить меня, но приметъ зависящія отъ него мѣры остановить скандалъ. И сдѣлаетъ спокойно, аккуратно то, что̀ скажетъ. Вотъ что̀ будетъ. Это не человѣкъ, а машина, и злая машина, когда разсердится,—прибавила она, вспоминая при этомъ Алексѣя Александровича со всѣми подробностями его фигуры, манеры говорить и въ вину ставя ему все, что̀ только могла она найти въ немъ нехорошаго, не прощая ему ничего за ту страшную вину, которою она была предъ нимъ виновата.

— Но, Анна, — сказалъ Вронскій убѣдительнымъ, мягкимъ голосомъ, стараясь успокоить ее,—все-таки необходимо сказать ему, а потомъ уже руководиться тѣмъ, что̀ онъ предприметъ.

— Что жъ, бѣжать?

— Отчего жъ и не бѣжать. Я не вижу возможности продолжать это... И не для себя,—я вижу, что вы страдаете.

— Да, бѣжать и мнѣ сдѣлаться вашею любовницей,—злобно сказала она.

— Анна,—укоризненно-нѣжно проговорилъ онъ.

— Да,—продолжала она,—сдѣлаться вашею любовницей и погубить все...

Она опять хотѣла сказать: сына, но не могла выговорить этого слова.

Вронскій не могъ понять, какъ она со своею сильною, честною натурой могла переносить это положеніе обмана и не желать выйти изъ него; но онъ не догадывался, что главная причина этого было то слово *сынъ*, котораго она не могла выговорить. Когда она думала о сынѣ и его будущихъ отношеніяхъ къ бросившей его отца матери, ей такъ становилось страшно за то, что̀ она сдѣлала, что она не разсуждала, а, какъ женщина, старалась только успокоить себя лживыми разсужденіями и словами, съ тѣмъ, чтобы все оставалось по-старому и чтобы можно было забыть про страшный вопросъ, что̀ будетъ съ сыномъ.

— Я прошу тебя, я умоляю тебя,—вдругъ совсѣмъ другимъ, искреннимъ и нѣжнымъ, тономъ сказала она, взявъ его за руку,—никогда не говори со мной объ этомъ!

— Но, Анна...

— Никогда. Предоставь мнѣ. Всю низость, весь ужасъ своего положенія я знаю; но это не такъ легко рѣшить, какъ ты думаешь. И предоставь мнѣ, и слушайся меня. Никогда со мной не говори объ этомъ. Обѣщаешь ты мнѣ?.. Нѣтъ, нѣтъ, обѣщай!..

— Я все обѣщаю, но я не могу быть спокоенъ, особенно послѣ того, что̀ ты сказала. Я не могу быть спокоенъ, когда ты не можешь быть спокойна...

— Я?—повторила она.—Да, я мучаюсь иногда; но это пройдетъ, если ты никогда не будешь говорить со мной объ этомъ. Когда ты говоришь со мной объ этомъ, тогда только это меня мучаетъ.

— Я не понимаю,—сказалъ онъ.

— Я знаю,—перебила она его,—какъ тяжело твоей честной натурѣ лгать, и жалѣю тебя. Я часто думаю, какъ для меня ты погубилъ свою жизнь.

— Я то же самое сейчасъ думалъ,—сказалъ онъ:—какъ изъ-за меня ты могла пожертвовать всѣмъ? Я не могу простить себѣ то, что ты несчастлива.

— Я несчастлива?—сказала она, приближаясь къ нему и съ восторженною улыбкой глядя на него,—я—какъ голодный

человѣкъ, которому дали ѣсть. Можетъ быть, ему холодно, и платье у него разорвано, и стыдно ему, но онъ не несчастливъ. Я несчастлива? Нѣтъ, вотъ мое счастіе...

Она услыхала голосъ приближающагося сына и, окинувъ быстрымъ взглядомъ террасу, порывисто встала. Взглядъ ея зажегся знакомымъ ему огнемъ, она быстрымъ движеніемъ подняла свои красивыя, покрытыя кольцами руки, взяла его за голову, посмотрѣла на него долгимъ взглядомъ и, приблизивъ свое лицо съ открытыми, улыбающимися губами, быстро поцѣловала его ротъ и оба глаза и оттолкнула. Она хотѣла идти, но онъ удержалъ ее.

— Когда?—проговорилъ онъ шопотомъ, восторженно глядя на нее.

— Нынче въ часъ,—прошептала она и, тяжело вздохнувъ, пошла своимъ легкимъ и быстрымъ шагомъ навстрѣчу сыну.

Сережу дождь засталъ въ большомъ саду, и они съ няней просидѣли въ бесѣдкѣ.

— Ну, до свиданья,—сказала она Вронскому.—Теперь скоро надо на скачки. Бетси обѣщала заѣхать за мной.

Вронскій, взглянувъ на часы, поспѣшно уѣхалъ.

XXIV.

Когда Вронскій смотрѣлъ на часы на балконѣ Карениныхъ. онъ былъ такъ растревоженъ и занятъ своими мыслями, что видѣлъ стрѣлки на циферблатѣ, но не могъ понять, который часъ. Онъ вышелъ на шоссе и направился, осторожно ступая по грязи, къ своей коляскѣ. Онъ былъ до такой степени переполненъ чувствомъ къ Аннѣ, что и не думалъ о томъ, который часъ и есть ли ему еще время ѣхать къ Брянскому. У него оставалась, какъ это часто бываетъ, только внѣшняя способность памяти, указывающая, что̀ вслѣдъ за чѣмъ рѣшено сдѣлать. Онъ подошелъ къ своему кучеру, задремавшему на козлахъ въ косой уже тѣни густой липы, полюбовался переливающимися столбами толкачиковъ, мошекъ, вившихся надъ потными лошадьми, и, разбудивъ кучера, вскочилъ въ коляску и велѣлъ ѣхать къ Брянскому. Только отъѣхавъ верстъ семь, онъ настолько опомнился, что посмотрѣлъ на часы и понялъ, что было половина шестого и что онъ опоздалъ.

Въ этотъ день было нѣсколько скачекъ: скачка конвойныхъ, потомъ двухверстная офицерская, четырехверстная и та скачка, въ которой онъ скакалъ. Къ своей скачкѣ онъ могъ поспѣть,

но если онъ поѣдетъ къ Брянскому, то онъ только-только пріѣдетъ, и пріѣдетъ, когда уже будетъ весь Дворъ. Это было нехорошо. Но онъ далъ Брянскому слово быть у него и потому рѣшилъ ѣхать дальше, приказавъ кучеру не жалѣть тройки.

Онъ пріѣхалъ къ Брянскому, пробылъ у него пять минутъ и поскакалъ назадъ. Эта быстрая ѣзда успокоила его. Все тяжелое, что̀ было въ его отношеніяхъ къ Аннѣ, вся неопредѣленность, оставшаяся послѣ ихъ разговора, все выскочило изъ его головы; онъ съ наслажденіемъ и волненіемъ думалъ теперь о скачкѣ, о томъ, что онъ все-таки поспѣетъ, и изрѣдка ожиданіе счастія свиданія нынѣшней ночи вспыхивало яркимъ свѣтомъ въ его воображеніи.

Чувство предстоящей скачки все болѣе и болѣе охватывало его, по мѣрѣ того, какъ онъ въѣзжалъ дальше и дальше въ атмосферу скачекъ, обгоняя экипажи ѣхавшихъ съ дачъ и изъ Петербурга на скачки.

На его квартирѣ никого уже не было дома,—всѣ были на скачкахъ, и лакей его дожидался у воротъ. Пока онъ переодѣвался, лакей сообщилъ ему, что уже начались вторыя скачки, что приходило много господъ спрашивать про него и изъ конюшни два раза прибѣгалъ мальчикъ.

Переодѣвшись безъ торопливости (онъ никогда не торопился и не терялъ самообладанія), Вронскій велѣлъ ѣхать къ баракамъ. Отъ бараковъ ему уже были видны море экипажей, пѣшеходовъ, солдатъ, окружавшихъ гипподромъ, и кипящія народомъ бесѣдки. Шли, вѣроятно, вторыя скачки, потому что въ то время, какъ онъ входилъ въ баракъ, онъ слышалъ звонокъ. Подходя къ конюшнѣ, онъ встрѣтился съ бѣлоногимъ рыжимъ Гладіаторомъ Махотина, котораго въ оранжевой съ синимъ попонѣ съ кажущимися огромными, отороченными синимъ, ушами вели на гипподромъ.

— Гдѣ Кордъ?—спросилъ онъ у конюха.

— Въ конюшнѣ, сѣдлаютъ.

Въ отворенномъ денникѣ Фру-Фру уже была осѣдлана. Ее собирались выводить.

— Не опоздалъ?

— All right! All right! Все исправно, все исправно,—проговорилъ англичанинъ,—не будьте взволнованы.

Вронскій еще разъ окинулъ взглядомъ прелестныя, любимыя формы лошади, дрожавшей всѣмъ тѣломъ, и, съ трудомъ оторвавшись отъ этого зрѣлища, вышелъ изъ барака. Онъ подъѣхалъ къ бесѣдкамъ въ самое выгодное время, для того, чтобы не обратить на себя ничьего вниманія. Только что кончилась

двухверстная скачка, и всѣ глаза были устремлены на кавалергарда впереди и лейбъ-гусара сзади, изъ послѣднихъ силъ погонявшихъ лошадей и подходившихъ къ столбу. Изъ середины и извнѣ круга всѣ тѣснились къ столбу, и кавалергардская группа солдатъ и офицеровъ громкими возгласами выражала радость ожидаемаго торжества своего офицера и товарища. Вронскій незамѣтно вошелъ въ середину толпы почти въ то самое время, какъ раздался звонокъ, оканчивающій скачки, и высокій, забрызганный грязью кавалергардъ, пришедшій первымъ, опустившись на сѣдло, сталъ спускать поводья своему сѣрому, потемнѣвшему отъ пота, тяжело дышащему жеребцу.

Жеребецъ, съ усиліемъ тыкаясь ногами, укоротилъ быстрый ходъ своего большого тѣла, и кавалергардскій офицеръ, какъ человѣкъ, проснувшійся отъ тяжелаго сна, оглянулся кругомъ и съ трудомъ улыбнулся. Толпа своихъ и чужихъ окружила его.

Вронскій умышленно избѣгалъ той избранной, великосвѣтской толпы, которая сдержанно и свободно двигалась и переговаривалась передъ бесѣдками. Онъ узналъ, что тамъ была и Каренина, и Бетси, и жена его брата, и нарочно, чтобы не развлечься, не подходилъ къ нимъ. Но безпрестанно встрѣчавшіеся знакомые останавливали его, разсказывали ему подробности бывшихъ скачекъ и разспрашивали его, почему онъ опоздалъ.

Въ то время, какъ скакавшіе были призваны въ бесѣдку для полученія призовъ и всѣ обратились туда, старшій братъ Вронскаго, Александръ, полковникъ съ эксельбантами, невысокій ростомъ, такой же коренастый, какъ и Алексѣй, но болѣе красивый и румяный, съ краснымъ носомъ и пьянымъ, открытымъ лицомъ, подошелъ къ нему.

— Ты получилъ мою записку?—сказалъ онъ.—Тебя никогда не найдешь.

Александръ Вронскій, несмотря на разгульную, въ особенности пьяную жизнь, по которой онъ былъ извѣстенъ, былъ вполнѣ придворный человѣкъ.

Онъ теперь, говоря съ братомъ о непріятной весьма для него вещи, зная, что глаза многихъ могутъ быть устремлены на нихъ, имѣлъ видъ улыбающійся, какъ будто о чемъ-нибудь неважномъ шутилъ съ братомъ.

— Я получилъ и, право, не понимаю, о чемъ *ты* заботишься,—сказалъ Алексѣй.

— Я о томъ забочусь, что сейчасъ мнѣ было замѣчено, что тебя нѣтъ и что въ понедѣльникъ тебя встрѣтили въ Петергофѣ.

— Есть дѣла, которыя подлежатъ обсужденію только тѣхъ, кто прямо въ нихъ заинтересованъ, и то дѣло, о которомъ ты такъ заботишься, такое...

— Да, но тогда не служатъ, не...

— Я тебя прошу не вмѣшиваться, и только.

Нахмуренное лицо Алексѣя Вронскаго поблѣднѣло, и выдающаяся нижняя челюсть его дрогнула, что̀ съ нимъ бывало рѣдко. Онъ, какъ человѣкъ съ очень добрымъ сердцемъ, сердился рѣдко, но когда сердился и когда у него дрожалъ подбородокъ, то, какъ это и зналъ Александръ Вронскій, онъ былъ опасенъ. Александръ Вронскій весело улыбнулся.

— Я только хотѣлъ передать письмо матушки. Отвѣчай ей и не разстраивайся передъ ѣздой. Bonne chance, — прибавилъ онъ улыбаясь и отошелъ отъ него.

Но вслѣдъ за нимъ опять дружеское привѣтствіе остановило Вронскаго.

— Не хочешь знать пріятелей! Здравствуй, mon cher!—заговорилъ Степанъ Аркадьевичъ, и здѣсь, среди этого петербургскаго блеска, не менѣе, чѣмъ въ Москвѣ, блистая своимъ румянымъ лицомъ и лоснящимися расчесанными бакенбардами.—Вчера пріѣхалъ и очень радъ, что увижу твое торжество. Когда увидимся?

— Заходи завтра въ артель,—сказалъ Вронскій и, пожавъ его, извиняясь, за рукавъ пальто, отошелъ въ средину гипподрома, куда уже вводили лошадей для большой скачки съ препятствіями.

Потныя, измученныя скака̀вшія лошади, провожаемыя конюхами, уводились домой, и одна за другой появлялись новыя къ предстоящей скачкѣ, свѣжія, большею частью англійскія лошади, въ капорахъ, со своими поддернутыми животами, похожія на странныхъ огромныхъ птицъ. Направо водили поджарую красавицу Фру-Фру, которая, какъ на пружинахъ, переступала на своихъ эластичныхъ и довольно длинныхъ бабкахъ. Недалеко отъ нея снимали попону съ лопоухаго Гладіатора. Крупныя, прелестныя, совершенно правильныя формы жеребца съ чудеснымъ задомъ и необычайно короткими, надъ самыми копытами сидѣвшими бабками невольно останавливали на себѣ вниманіе Вронскаго. Онъ хотѣлъ подойти къ своей лошади, но его опять задержалъ знакомый.

— А вотъ Каренинъ,—сказалъ ему знакомый, съ которымъ онъ разговаривалъ.—Ищетъ жену, а она въ срединѣ бесѣдки. Вы не видали ея?

— Нѣтъ, не видалъ,—отвѣчалъ Вронскій и, не оглянувшись даже на бесѣдку, въ которой ему указывали на Каренину, подошелъ къ своей лошади.

Не успѣлъ Вронскій посмотрѣть сѣдло, о которомъ надо было сдѣлать распоряженіе, какъ скачущихъ позвали къ бесѣдкѣ для выниманія номеровъ и отправленія. Съ серьезными, строгими, многіе съ блѣдными лицами, семнадцать человѣкъ офицеровъ сошлись къ бесѣдкѣ и разобрали номера. Вронскому достался 7-й номеръ. Послышалось: «садиться!»

Чувствуя, что онъ вмѣстѣ съ другими скачущими составляетъ центръ, на который устремлены всѣ глаза, Вронскій въ напряженномъ состояніи, въ которомъ онъ обыкновенно дѣлался медлителенъ и спокоенъ въ движеніяхъ, подошелъ къ своей лошади. Кордъ для торжества скачекъ одѣлся въ свой парадный костюмъ: черный застегнутый сюртукъ, туго накрахмаленные воротнички, подпиравшіе ему щеки, и въ круглую, черную шляпу и ботфорты. Онъ былъ, какъ и всегда, спокоенъ и важенъ и самъ держалъ за оба повода лошадь, стоя передъ ней. Фру-Фру продолжала дрожать, какъ въ лихорадкѣ. Полный огня глазъ ея косился на подходившаго Вронскаго. Вронскій подсунулъ палецъ подъ подпругу. Лошадь покосилась сильнѣе, оскалилась и прижала ухо. Англичанинъ поморщился губами, желая выразить улыбку надъ тѣмъ, что повѣряли его сѣдланье.

— Садитесь: меньше будете волноваться.

Вронскій оглянулся въ послѣдній разъ на своихъ соперниковъ. Онъ зналъ, что на ѣздѣ онъ уже не увидитъ ихъ. Двое уже ѣхали впередъ къ мѣсту, откуда должны были пускать. Гальцинъ, одинъ изъ опасныхъ соперниковъ и пріятель Вронскаго, вертѣлся вокругъ гнѣдого жеребца, не дававшаго садиться. Маленькій лейбъ-гусаръ въ узкихъ рейтузахъ ѣхалъ галопомъ, согнувшись, какъ котъ, на крупу изъ желанія подражать англичанамъ. Князь Кузовлевъ сидѣлъ блѣдный на своей кровной, Грабовскаго завода, кобылѣ, и англичанинъ велъ ее подъ уздцы. Вронскій и всѣ его товарищи знали Кузовлева и его особенность «слабыхъ» нервовъ и страшнаго самолюбія. Они знали, что онъ боялся всего, боялся ѣздить на фронтовой лошади; но теперь, именно потому, что это было страшно, потому, что люди ломали себѣ шеи и что у каждаго препятствія стояли докторъ, лазаретная фура съ нашитымъ крестомъ и сестрою милосердія, онъ рѣшился скакать. Они встрѣтились глазами, и Вронскій ласково и одобрительно подмигнулъ ему. Одного только онъ не видалъ—главнаго соперника, Махотина на Гладіаторѣ.

— Не торопитесь,—сказалъ Кордъ Вронскому,—и помните одно: не задерживайте у препятствій и не посылайте, давайте ей выбирать, какъ она хочетъ.

— Хорошо, хорошо,—сказалъ Вронскій, взявшись за поводья.

— Если можно, ведите скачку; но не отчаивайтесь до послѣдней минуты, если бы вы были и сзади.

Лошадь не успѣла двинуться, какъ Вронскій гибкимъ и сильнымъ движеніемъ сталъ въ стальное зазубренное стремя и легко, твердо положилъ свое сбитое тѣло на скрипящее кожей сѣдло. Взявъ правою ногой стремя, онъ привычнымъ жестомъ уравнялъ между пальцами двойные поводья, и Кордъ пустилъ руки. Какъ будто не зная, какою прежде ступить ногой, Фру-Фру, вытягивая длинною шеей поводья, тронулась, какъ на пружинахъ, покачивая сѣдока на своей гибкой спинѣ. Кордъ, прибавляя шага, шелъ за нимъ. Взволнованная лошадь то съ той, то съ другой стороны, стараясь обмануть сѣдока, вытягивала поводья, и Вронскій тщетно голосомъ и рукой старался успокоить ее.

Они уже подходили къ запруженной рѣкѣ, направляясь къ тому мѣсту, откуда должны были пускать ихъ. Многіе изъ скачущихъ были впереди, многіе сзади, какъ вдругъ Вронскій услыхалъ сзади себя по грязи дороги звуки галопа лошади, и его обогналъ Махотинъ на своемъ бѣлоногомъ, лопоухомъ Гладіаторѣ. Махотинъ улыбнулся, выставляя свои длинные зубы, но Вронскій сердито взглянулъ на него. Онъ не любилъ его вообще, теперь же считалъ его самымъ опаснымъ соперникомъ, и ему досадно стало на него, что онъ проскакалъ мимо, разгорячивъ его лошадь. Фру-Фру вскинула лѣвую ногу на галопъ, сдѣлала два прыжка и, сердясь на натянутые поводья, перешла на тряскую рысь, вскидывавшую сѣдока. Кордъ тоже нахмурился и почти бѣжалъ иноходью за Вронскимъ.

XXV.

Всѣхъ офицеровъ скакало семнадцать человѣкъ. Скачки должны были происходить на большомъ четырехверстномъ эллиптической формы кругу передъ бесѣдкой. На этомъ кругу были устроены девять препятствій: рѣка, большой, въ два аршина глухой барьеръ передъ самою бесѣдкой, канава сухая, канава съ водой, косогоръ, ирландская банкетка, состоящая (одно изъ самыхъ трудныхъ препятствій) изъ вала, утыканнаго хворостомъ, за которымъ—невидная для лошади—была еще ка-

нава, такъ что лошадь должна была перепрыгнуть оба препятствія или убиться, потомъ еще двѣ канавы—съ водой и одна сухая, и конецъ скачки былъ противъ бесѣдки. Но начинались скачки не съ круга, а за сто саженъ въ сторонѣ отъ него, и на этомъ разстояніи было первое препятствіе—запруженная рѣка въ три аршина шириной, которую ѣздоки по произволу могли перепрыгивать или переѣзжать въ бродъ.

Раза три ѣздоки выравнивались, но каждый разъ высовывалась чья-нибудь лошадь, и нужно было заѣзжать опять сначала. Знатокъ пусканія, полковникъ Сестринъ, начиналъ уже сердиться, когда, наконецъ, въ четвертый разъ крикнулъ: «пошелъ!»—и ѣздоки тронулись.

Всѣ глаза, всѣ бинокли были обращены на пеструю кучку всадниковъ, въ то время, какъ они выравнивались.

«Пустили! скачутъ!» послышалось со всѣхъ сторонъ послѣ тишины ожиданія.

И кучки и одинокіе пѣшеходы стали перебѣгать съ мѣста на мѣсто, чтобы лучше видѣть. Въ первую же минуту собранная кучка всадниковъ растянулась, и видно было, какъ они по два, по три и одинъ за другимъ близятся къ рѣкѣ. Для зрителей казалось, что они всѣ поскакали вмѣстѣ, но для ѣздоковъ были секунды разницы, имѣвшія для нихъ большое значеніе.

Взволнованная и слишкомъ нервная Фру-Фру потеряла первый моментъ, и нѣсколько лошадей взяли съ мѣста прежде ея, но, еще не доскакивая до рѣки, Вронскій. изо всѣхъ силъ сдерживая влегшую въ поводья лошадь, легко обошелъ трехъ и впереди его оставался только рыжій Гладіаторъ Махотина, ровно и легко отбивавшій задомъ передъ самимъ Вронскимъ, и еще впереди всѣхъ прелестная Діана, несшая ни живого, ни мертваго Кузовлева.

Въ первыя минуты Вронскій еще не владѣлъ ни собою, ни лошадью. Онъ до перваго препятствія—рѣки—не могъ руководить движеніями лошади.

Гладіаторъ и Діана подходили вмѣстѣ и почти въ одинъ и тотъ же моментъ—разъ-разъ, поднялись надъ рѣкой и перелетѣли на другую сторону; незамѣтно, какъ бы летя, взвилась за ними Фру-Фру; но въ то же самое время, какъ Вронскій чувствовалъ себя на воздухѣ, онъ вдругъ увидалъ почти подъ ногами своей лошади Кузовлева, который барахтался съ Діаной на той сторонѣ рѣки. (Кузовлевъ пустилъ поводья послѣ прыжка, и лошадь полетѣла съ нимъ черезъ голову.) Подробности эти Вронскій узналъ уже послѣ, теперь же онъ видѣлъ только то, что прямо подъ ноги, куда должна стать Фру-Фру,

можетъ попасть нога или голова Діаны. Но Фру-Фру, какъ падающая кошка, сдѣлала на прыжкѣ усиліе ногами и спиной и, миновавъ лошадь, понеслась дальше.

«О, милая!» подумалъ Вронскій.

Послѣ рѣки Вронскій овладѣлъ вполнѣ лошадью и сталъ удерживать ее, намѣреваясь перейти большой барьеръ позади Махотина и уже на слѣдующей безпрепятственной дистанціи саженъ въ двѣсти попытаться обойти его.

Большой барьеръ стоялъ передъ самою царскою бесѣдкой. Государь, и весь Дворъ, и толпы народа—всѣ смотрѣли на нихъ,—на него и на шедшаго на лошадь дистанціи впереди Махотина, когда они подходили къ чорту (такъ назывался глухой барьеръ). Вронскій чувствовалъ эти направленные на него со всѣхъ сторонъ глаза, но онъ ничего не видѣлъ, кромѣ ушей и шеи своей лошади, бѣжавшей ему навстрѣчу земли и крупа, и бѣлыхъ ногъ Гладіатора, быстро отбивавшихъ тактъ впереди его и остававшихся все въ одномъ и томъ же разстояніи. Гладіаторъ поднялся, не стукнувъ ничѣмъ, взмахнулъ короткимъ хвостомъ и исчезъ изъ глазъ Вронскаго.

— Браво!—сказалъ чей-то голосъ.

Въ то же мгновеніе подъ глазами Вронскаго, передъ нимъ самимъ мелькнули доски барьера. Безъ малѣйшей перемѣны движенія лошадь взвилась подъ нимъ; доски скрылись, и только сзади стукнуло что-то. Разгоряченная шедшимъ впереди Гладіаторомъ лошадь поднялась слишкомъ рано предъ барьеромъ и стукнула о него заднимъ копытомъ. Но ходъ ея не измѣнился, и Вронскій, получивъ въ лицо комокъ грязи, понялъ, что онъ сталъ опять въ то же разстояніе отъ Гладіатора. Онъ увидалъ опять впереди себя его крупъ, короткій хвостъ и опять тѣ же неудаляющіяся, быстро движущіяся бѣлыя ноги.

Въ то самое мгновеніе, какъ Вронскій подумалъ о томъ, что надо теперь обходить Махотина, сама Фру-Фру, понявъ уже то, что онъ подумалъ, безъ всякаго поощренія значительно наддала и стала приближаться къ Махотину съ самой выгодной стороны, со стороны веревки. Махотинъ не давалъ веревки. Вронскій только подумалъ о томъ, что можно обойти и извнѣ, какъ Фру-Фру перемѣнила ногу и стала обходить именно такимъ образомъ. Начинавшее уже темнѣть отъ пота плечо Фру-Фру поровнялась съ крупомъ Гладіатора. Нѣсколько скачковъ они прошли рядомъ. Но предъ препятствіемъ, къ которому они подходили, Вронскій, чтобы не идти большой кругъ, сталъ работать поводьями и быстро на самомъ косогорѣ обошелъ Махотина. Онъ видѣлъ мелькомъ его лицо, забрызганное грязью,

Ему даже показалось, что онъ улыбнулся. Вронскій обошелъ Махотина, но онъ чувствовалъ его сейчасъ же за собой и не переставая слышалъ за самою спиной ровный поскокъ и отрывистое, совсѣмъ еще свѣжее дыханіе ноздрей Гладіатора.

Слѣдующія два препятствія, канава и барьеръ, были перейдены легко, но Вронскій сталъ слышать ближе сапъ и скокъ Гладіатора. Онъ послалъ лошадь и съ радостью почувствовалъ, что она легко прибавила ходу, и звукъ копытъ Гладіатора сталъ слышенъ опять въ томъ же прежнемъ разстояніи.

Вронскій велъ скачку, — то самое, что онъ и хотѣлъ сдѣлать и что ему совѣтовалъ Кордъ,—и теперь онъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ. Волненіе его, радость и нѣжность къ Фру-Фру все усиливались. Ему хотѣлось оглянуться назадъ, но онъ не смѣлъ этого сдѣлать и старался успокоивать себя и не посылать лошади, чтобы приберечь въ ней запасъ, равный тому, который, онъ чувствовалъ, оставался въ Гладіаторѣ. Оставалось одно, и самое трудное, препятствіе; если онъ перейдетъ его впереди другихъ, то онъ придетъ первымъ. Онъ подскакивалъ къ ирландской банкеткѣ. Вмѣстѣ съ Фру-Фру онъ еще издалека видѣлъ эту банкетку и вмѣстѣ имъ обоимъ, ему и лошади, пришло мгновенное сомнѣніе. Онъ замѣтилъ нерѣшимость въ ушахъ лошади и поднялъ хлыстъ, но тотчасъ же почувствовалъ, что сомнѣніе было неосновательно; лошадь знала, что̀ нужно. Она наддала и мѣрно, такъ точно, какъ онъ предполагалъ, взвилась и, оттолкнувшись отъ земли, отдалась силѣ инерціи, которая перенесла ее далеко за канаву; и въ томъ же самомъ тактѣ безъ усилія, съ той же ноги Фру-Фру продолжала скачку.

— Браво! Вронскій!—послышались ему голоса кучки людей,—онъ зналъ, его полка пріятелей,—которые стояли у этого препятствія; онъ не могъ не узнать голоса Яшвина, но онъ не видалъ его.

«О, прелесть моя!» думалъ онъ на Фру-Фру, прислушиваясь къ тому, что̀ происходило сзади. «Перескочилъ!» подумалъ онъ, услыхавъ сзади поскокъ Гладіатора. Оставалась одна послѣдняя канава съ водой въ два аршина. Вронскій и не смотрѣлъ на нее, а, желая прійти далеко первымъ, сталъ работать поводьями кругообразно, въ тактъ скока поднимая и опуская голову лошади. Онъ чувствовалъ, что лошадь шла изъ послѣдняго запаса; не только шея и плечи ея были мокры, но на загривкѣ, на головѣ, на острыхъ ушахъ каплями выступалъ потъ, и она дышала рѣзко и коротко. Но онъ зналъ, что запаса этого слишкомъ достанетъ на остающіяся 200 саженъ. Только потому, что онъ чувствовалъ себя ближе къ землѣ, и по особенной мягко-

сти движенія Вронскій зналъ, какъ много прибавила быстроты его лошадь. Канавку она перелетѣла, какъ бы не замѣчая. Она перелетѣла ее, какъ птица; но въ это самое время Вронскій, къ ужасу своему, почувствовалъ, что, не поспѣвъ за движеніемъ лошади, онъ, самъ не понимая какъ, сдѣлалъ скверное, непростительное движеніе, опустившись на сѣдло. Вдругъ положеніе его измѣнилось, и онъ понялъ, что случилось что-то ужасное. Онъ не могъ еще дать себѣ отчета о томъ, чтò случилось, какъ уже мелькнули подлѣ самого его бѣлыя ноги рыжаго жеребца, и Махотинъ на быстромъ скаку прошелъ мимо. Вронскій касался одной ногой земли, и его лошадь валилась на эту ногу. Онъ едва успѣлъ выпростать ногу, какъ она упала на одинъ бокъ, тяжело хрипя и дѣлая, чтобы подняться, тщетныя усилія своею тонкою, потною шеей; она затрепыхалась на землѣ у его ногъ, какъ подстрѣленная птица. Неловкое движеніе, сдѣланное Вронскимъ, сломало ей спину. Но это онъ понялъ гораздо послѣ. Теперь же онъ видѣлъ только то, что Махотинъ быстро удалялся, а онъ, шатаясь, стоялъ одинъ на грязной неподвижной землѣ, и предъ нимъ, тяжело дыша, лежала Фру-Фру и, перегнувъ къ нему голову, смотрѣла на него своимъ прелестнымъ глазомъ. Все еще не понимая того, чтò случилось, Вронскій тянулъ лошадь за поводъ. Она опять вся забилась, какъ рыбка, треща крыльями сѣдла, выпростала переднія ноги, но не въ силахъ поднять зада, тотчасъ же замоталась и опять упала на бокъ. Съ изуродованнымъ страстью лицомъ, блѣдный и съ трясущеюся нижнею челюстью Вронскій ударилъ ее каблукомъ въ животъ и опять сталъ тянуть за поводья. Но она не двигалась, а, уткнувъ храпъ въ землю, только смотрѣла на хозяина своимъ говорящимъ взглядомъ.

— Ааа!—промычалъ Вронскій, схватившись за голову.—Ааа! что я сдѣлалъ!—прокричалъ онъ.—И проигранная скачка! И своя вина, постыдная, непростительная! И эта несчастная, милая, погубленная лошадь! Ааа! что я сдѣлалъ!

Народъ, докторъ и фельдшеръ, офицеры его полка бѣжали къ нему. Къ своему несчастію, онъ чувствовалъ, что былъ цѣлъ и невредимъ. Лошадь сломала себѣ спину, и рѣшено было ее пристрѣлить. Вронскій не могъ отвѣчать на вопросы, не могъ говорить ни съ кѣмъ. Онъ повернулся и, не поднявъ соскочившей съ головы фуражки, пошелъ прочь отъ гипподрома, самъ не зная куда. Онъ чувствовалъ себя несчастнымъ. Въ первый разъ въ жизни онъ испытывалъ самое тяжелое несчастіе, несчастіе неисправимое и такое, въ которомъ виною самъ.

Яшвинъ съ фуражкой догналъ его, проводилъ его до дома, и черезъ полчаса Вронскій пришелъ въ себя. Но воспоминаніе объ этой скачкѣ надолго осталось въ его душѣ самымъ тяжелымъ и мучительнымъ воспоминаніемъ въ его жизни.

XXVI.

Внѣшнія отношенія Алексѣя Александровича съ женой были такія же, какъ прежде. Единственная разница состояла въ томъ, что онъ еще болѣе былъ занятъ, чѣмъ прежде. Какъ и въ прежніе годы, онъ съ открытіемъ весны поѣхалъ на воды за границу поправлять свое разстраиваемое ежегодно усиленнымъ зимнимъ трудомъ здоровье. И, какъ обыкновенно, вернулся въ іюлѣ и тотчасъ же съ увеличенною энергіей взялся за свою обычную работу. Какъ и обыкновенно, жена его переѣхала на дачу, а онъ остался въ Петербургѣ.

Со времени того разговора послѣ вечера у княгини Тверской онъ никогда не говорилъ съ Анной о своихъ подозрѣніяхъ и ревности, и тотъ его обычный тонъ представленія кого-то былъ какъ нельзя болѣе удобенъ для его теперешнихъ отношеній къ женѣ. Онъ былъ нѣсколько холоднѣе къ женѣ. Онъ только какъ будто имѣлъ на нее маленькое неудовольствіе за тотъ первый ночной разговоръ, который она отклонила отъ себя. Въ его отношеніяхъ къ ней былъ оттѣнокъ досады, но не болѣе. «Ты не хотѣла объясниться со мной,—какъ будто говорилъ онъ, мысленно обращаясь къ ней,—тѣмъ хуже для тебя. Теперь уже ты будешь просить меня, а я не стану объясняться. Тѣмъ хуже для тебя», говорилъ онъ мысленно, какъ человѣкъ, который бы тщетно попытался потушить пожаръ, разсердился бы на свои тщетныя усилія и сказалъ бы: «такъ на же тебѣ! такъ сгоришь за это!»

Онъ, этотъ умный и тонкій въ служебныхъ дѣлахъ человѣкъ, не понималъ всего безумія такого отношенія къ женѣ. Онъ не понималъ этого, потому что ему было слишкомъ страшно понять свое настоящее положеніе, и онъ въ душѣ своей закрылъ, заперъ и запечаталъ тотъ ящикъ, въ которомъ у него находились его чувства къ семьѣ, т.-е. къ женѣ и сыну. Онъ, внимательный отецъ, съ конца этой зимы сталъ особенно холоденъ къ сыну и имѣлъ къ нему то же подтрунивающее отношеніе, какъ и къ женѣ. «А! молодой человѣкъ!» обращался онъ къ нему.

Алексѣй Александровичъ думалъ и говорилъ, что ни въ какой годъ у него не было столько служебнаго дѣла, какъ въ ны-

нѣшній; но онъ не сознавалъ того, что онъ самъ выдумывалъ себѣ въ нынѣшнемъ году дѣла, что это было одно изъ средствъ не открывать того ящика, гдѣ лежали чувства къ женѣ и семьѣ и мысли о нихъ и которыя дѣлались тѣмъ страшнѣе, чѣмъ дольше онѣ тамъ лежали. Если бы кто-нибудь имѣлъ право спросить Алексѣя Александровича, что онъ думаетъ о поведеніи своей жены, то кроткій, смирный Алексѣй Александровичъ ничего не отвѣтилъ бы, а очень бы разсердился на того человѣка, который у него спросилъ бы про это. Отъ этого-то и было въ выраженіи лица Алексѣя Александровича что-то гордое и строгое, когда у него спрашивали про здоровье его жены. Алексѣй Александровичъ ничего не хотѣлъ думать о поведеніи и чувствахъ своей жены, и дѣйствительно онъ объ этомъ ничего не думалъ.

Постоянная дача Алексѣя Александровича была въ Петергофѣ, и обыкновенно графиня Лидія Ивановна жила лѣто тамъ же, въ сосѣдствѣ и постоянныхъ сношеніяхъ съ Анной. Въ нынѣшнемъ году графиня Лидія Ивановна отказалась жить въ Петергофѣ, ни разу не была у Анны Аркадьевны и намекнула Алексѣю Александровичу на неудобство сближенія Анны съ Бетси и Вронскимъ. Алексѣй Александровичъ строго остановилъ ее, высказавъ мысль, что жена его выше подозрѣнія, и съ тѣхъ поръ сталъ избѣгать графини Лидіи Ивановны. Онъ не хотѣлъ видѣть и не видѣлъ, что въ свѣтѣ уже многіе косо смотрятъ на его жену; не хотѣлъ понимать и не понималъ, почему жена его особенно настаивала на томъ, чтобы переѣхать въ Царское, гдѣ жила Бетси, откуда недалеко было до лагеря полка Вронскаго. Онъ не позволялъ себѣ думать объ этомъ и не думалъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, въ глубинѣ своей души никогда не высказывая этого самому себѣ и не имѣя на то никакихъ не только доказательствъ, но и подозрѣній, зналъ несомнѣнно, что онъ былъ обманутый мужъ, и былъ отъ этого глубоко несчастливъ.

Сколько разъ во время своей восьмилѣтней счастливой жизни съ женой, глядя на чужихъ невѣрныхъ женъ и обманутыхъ мужей, говорилъ себѣ Алексѣй Александровичъ: «какъ допустить до этого? какъ не развязать этого безобразнаго положенія?» Но теперь, когда бѣда пала на его голову, онъ не только не думалъ о томъ, какъ развязать это положеніе, но вовсе не хотѣлъ знать его, не хотѣлъ знать именно потому, что оно было слишкомъ ужасно, слишкомъ неестественно.

Со времени своего возвращенія изъ-зъ границы Алексѣй Александровичъ два раза былъ на дачѣ. Одинъ разъ обѣдалъ, другой разъ провелъ вечеръ съ гостями, но ни разу не ночевалъ, какъ онъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать это въ прежніе годы.

День скачекъ былъ очень занятой день для Алексѣя Александровича; но, съ утра еще сдѣлавъ себѣ расписаніе дня, онъ рѣшилъ, что тотчасъ послѣ ранняго обѣда онъ поѣдетъ на дачу къ женѣ и оттуда на скачки, на которыхъ будетъ весь Дворъ и на которыхъ ему надо быть. Къ женѣ же онъ заѣдетъ потому, что онъ рѣшилъ себѣ бывать у нея въ недѣлю разъ для приличія. Кромѣ того, въ этотъ день ему нужно было передать женѣ къ пятнадцатому числу, по заведенному порядку, на расходъ деньги.

Съ обычною властью надъ своими мыслями, обдумавъ все это о женѣ, онъ не позволилъ своимъ мыслямъ распространяться далѣе о томъ, что касается ея.

Утро это было очень занято у Алексѣя Александровича. Наканунѣ графиня Лидія Ивановна прислала ему брошюру бывшаго въ Петербургѣ знаменитаго путешественника по Китаю съ письмомъ, прося его принять самого путешественника, человѣка, по разнымъ соображеніямъ, весьма интереснаго и нужнаго. Алексѣй Александровичъ не успѣлъ прочесть брошюру вечеромъ и дочиталъ ее утромъ. Потомъ явились просители, начались доклады, пріемы, назначенія, удаленія, распредѣленія наградъ, пенсій, жалованья, переписки,—то будничное дѣло, какъ называлъ его Алексѣй Александровичъ, отнимавшее такъ много времени. Потомъ было личное дѣло—посѣщеніе доктора и управляющаго дѣлами. Управляющій дѣлами не занялъ много времени. Онъ только передалъ нужныя для Алексѣя Александровича деньги и далъ краткій отчетъ о состояніи дѣлъ, которыя были не совсѣмъ хороши, такъ какъ случилось, что нынѣшній годъ вслѣдствіе частыхъ выѣздовъ было прожито больше и былъ дефицитъ. Но докторъ, знаменитый петербургскій докторъ, находившійся въ пріятельскихъ отношеніяхъ къ Алексѣю Александровичу, занялъ много времени. Алексѣй Александровичъ и не ждалъ его нынче и былъ удивленъ его пріѣздомъ и еще болѣе тѣмъ, что докторъ очень внимательно разспросилъ Алексѣя Александровича про его состояніе, послушалъ его грудь, постукалъ и пощупалъ печень. Алексѣй Александровичъ не зналъ, что его другъ, Лидія Ивановна, замѣтивъ, что здоровье Алексѣя Александровича нынѣшній годъ нехорошо, просила доктора пріѣхать и посмотрѣть больного. «Сдѣлайте это для меня», сказала ему графиня Лидія Ивановна.

— Я сдѣлаю это для Россіи, графиня,—отвѣчалъ докторъ.

— Безцѣнный человѣкъ!—сказала графиня Лидія Ивановна.

Докторъ остался очень недоволенъ Алексѣемъ Александровичемъ. Онъ нашелъ печень значительно увеличенною питаніе

уменьшеннымъ и дѣйствія водъ никакого. Онъ предписалъ какъ можно больше движенія физическаго и какъ можно меньше умственнаго напряженія и главное никакихъ огорченій, то-есть то самое, что было для Алексѣя Александровича такъ же невозможно, какъ не дышать, и уѣхалъ, оставивъ въ Алексѣѣ Александровичѣ непріятное сознаніе того, что что-то въ немъ нехорошо и что исправить этого нельзя.

Выходя отъ Алексѣя Александровича, докторъ столкнулся на крыльцѣ съ хорошо знакомымъ ему Слюдинымъ, правителемъ дѣлъ Алексѣя Александровича. Они были товарищами по университету и, хотя рѣдко встрѣчались, уважали другъ друга и были хорошіе пріятели и оттого никому, какъ Слюдину, докторъ не высказалъ бы своего откровеннаго мнѣнія о больномъ.

— Какъ я радъ, что вы у него были,—сказалъ Слюдинъ.— Онъ не хорошъ, и мнѣ кажется... Ну, что?

— А вотъ что̀,—сказалъ докторъ, махая черезъ голову Слюдина своему кучеру, чтобъ онъ подавалъ,—вотъ что̀,—сказалъ докторъ, взявъ въ свои бѣлыя руки палецъ лайковой перчатки и натянувъ его.—Не натягивайте струны и попробуйте перервать,— очень трудно; но натяните до послѣдней возможности и наляжьте тяжестью пальца на натянутую струну, — она лопнетъ. А онъ по своей усидчивости, добросовѣстности къ работѣ,— онъ натянутъ до послѣдней степени; а давленіе постороннее есть, и тяжелое,—заключилъ докторъ, значительно поднявъ брови.—Будете на скачкахъ?—прибавилъ онъ, спускаясь къ поданной каретѣ.—Да, да, разумѣется, беретъ много времени,— отвѣчалъ докторъ что-то такое на сказанное Слюдинымъ и неразслышанное имъ.

Вслѣдъ за докторомъ, отнявшимъ такъ много времени, явился знакомый путешественникъ, и Алексѣй Александровичъ, пользуясь только что прочитанною брошюрой и своимъ прежнимъ знаніемъ этого предмета, поразилъ путешественника глубиною своего знанія предмета и широтою просвѣщеннаго взгляда.

Вмѣстѣ съ путешественникомъ было доложено о пріѣздѣ губернскаго предводителя, явившагося въ Петербургъ и съ которымъ нужно было переговорить. Послѣ его отъѣзда нужно было докончить занятія будничныя съ правителемъ дѣлъ и еще надо было съѣздить по серьезному и важному дѣлу къ одному значительному лицу. Алексѣй Александровичъ только успѣлъ вернуться къ пяти часамъ, времени своего обѣда, и, пообѣдавъ съ правителемъ дѣлъ, пригласилъ его съ собой вмѣстѣ ѣхать на дачу и на скачки.

Не отдавая себѣ въ томъ отчета, Алексѣй Александровичъ искалъ теперь случая имѣть третье лицо при своихъ свиданіяхъ съ женой.

XXVII.

Анна стояла наверху передъ зеркаломъ, прикалывая съ помощью Аннушки послѣдній бантъ на платье, когда она услыхала у подъѣзда звуки давящихъ щебень колесъ.

«Для Бетси еще рано!—подумала она и, взглянувъ въ окно, увидала карету и высовывающуюся изъ нея черную шляпу и столь знакомыя ей уши Алексѣя Александровича. — Вотъ некстати; неужели ночевать?» подумала она, и ей такъ показалось ужасно и страшно все, что̀ могло отъ этого выйти, что она, ни минуты не задумываясь, съ веселымъ и сіяющимъ лицомъ вышла къ нимъ навстрѣчу и, чувствуя въ себѣ присутствіе уже знакомаго ей духа лжи и обмана, тотчасъ же отдалась этому духу и начала говорить сама не зная, что скажетъ.

— А, какъ это мило!—сказала она, подавая руку мужу и улыбкой здороваясь съ домашнимъ человѣкомъ, Слюдинымъ.— Ты ночуешь, надѣюсь?—было первое слово, которое подсказалъ ей духъ обмана,—а теперь ѣдемъ вмѣстѣ. Только жаль, что я обѣщала Бетси. Она заѣдетъ за мной.

Алексѣй Александровичъ поморщился при имени Бетси.

— О, я не стану разлучать неразлучныхъ,—сказалъ онъ своимъ обычнымъ тономъ шутки.—Мы поѣдемъ съ Михайломъ Васильевичемъ. Мнѣ и доктора велятъ ходить. Я пройдусь дорогой и буду воображать, что я на водахъ.

— Торопиться некуда,—сказала Анна.—Хотите чаю?

Она позвонила.

— Подайте чаю да скажите Сережѣ, что Алексѣй Александровичъ пріѣхалъ. Ну, что, какъ твое здоровье? Михаилъ Васильевичъ, вы у меня не были; посмотрите, какъ на балконѣ у меня хорошо,—говорила она, обращаясь то къ тому, то къ другому.

Она говорила очень просто и естественно, но слишкомъ много и слишкомъ скоро. Она сама чувствовала это, тѣмъ болѣе, что въ любопытномъ взглядѣ, которымъ взглянулъ на нее Михаилъ Васильевичъ, она замѣтила, что онъ какъ будто наблюдалъ ее.

Михаилъ Висильевичъ тотчасъ же вышелъ на террасу.

Она сѣла подлѣ мужа.

— У тебя не совсѣмъ хорошій видъ, — сказала она.

— Да,—сказалъ онъ,—нынче докторъ былъ у меня и отнялъ часъ времени. Я чувствую, что кто-нибудь изъ друзей моихъ прислалъ его: такъ драгоцѣнно мое здоровье...

— Нѣтъ, что же онъ сказалъ?

Она спрашивала его о здоровьи и занятіяхъ, уговаривала отдохнуть и переѣхать къ ней.

Все это она говорила весело, быстро и съ особеннымъ блескомъ въ глазахъ; но Алексѣй Александровичъ теперь не приписывалъ этому тону ея никакого значенія. Онъ слышалъ только ея слова и придавалъ имъ только тотъ прямой смыслъ, который они имѣли. И онъ отвѣчалъ ей просто, хотя и шутливо. Во всемъ разговорѣ этомъ не было ничего особеннаго, но никогда послѣ безъ мучительной боли стыда Анна не могла вспомнить всей этой короткой сцены.

Вошелъ Сережа, предшествуемый гувернанткой. Если бы Алексѣй Александровичъ позволилъ себѣ наблюдать, онъ замѣтилъ бы робкій, растерянный взглядъ, съ какимъ Сережа взглянулъ на отца, а потомъ на мать. Но онъ ничего не хотѣлъ видѣть и не видѣлъ.

— А, молодой человѣкъ! Онъ выросъ. Право, совсѣмъ мужчина дѣлается. Здравствуй, молодой человѣкъ.

И онъ подалъ руку испуганному Сережѣ.

Сережа, и прежде робкій въ отношеніи къ отцу, теперь, послѣ того, какъ Алексѣй Александровичъ сталъ его звать молодымъ человѣкомъ и какъ ему зашла въ голову загадка о томъ, другъ или врагъ Вронскій, чуждался отца. Онъ, какъ бы прося защиты, оглянулся на мать. Съ одною матерью ему было хорошо. Алексѣй Александровичъ, между тѣмъ, заговоривъ съ гувернанткой, держалъ сына за плечо, и Сережѣ было такъ мучительно неловко, что Анна видѣла, что онъ собирается плакать.

Анна, покраснѣвшая въ ту минуту, какъ вошелъ сынъ, замѣтивъ, что Сережѣ неловко, быстро вскочила, подняла съ плеча сына руку Алексѣя Александровича и, поцѣловавъ сына, повела его на террасу и тотчасъ же вернулась.

— Однако пора уже,—сказала она, взглянувъ на свои часы,—что это Бетси не ѣдетъ!..

— Да,—сказалъ Алексѣй Александровичъ и, вставъ, заложилъ руки и потрещалъ ими.—Я заѣхалъ еще привезть тебѣ денегъ, такъ какъ соловья баснями не кормятъ,—сказалъ онъ.—Тебѣ нужно, я думаю.

— Нѣтъ, не нужно... да, нужно,—сказала она, не глядя на него и краснѣя до корней волосъ.—Да ты, я думаю, заѣдешь сюда со скачекъ.

— О, да!—отвѣчалъ Алексѣй Александровичъ.—Вотъ и краса Петергофа, княгиня Тверская,—прибавилъ онъ, взглянувъ въ окно на подъѣзжавшій англійскій, въ шорахъ, экипажъ съ чрезвычайно высоко поставленнымъ крошечнымъ кузовомъ коляски.—Какое щегольство! Прелесть! Ну, такъ поѣдемте и мы.

Княгиня Тверская не выходила изъ экипажа, а только ея въ штиблетахъ, пелеринкѣ и черной шляпѣ лакей соскочилъ у подъѣзда.

— Я иду, прощайте!—сказала Анна и, поцѣловавъ сына, подошла къ Алексѣю Александровичу и протянула ему руку.—Ты очень милъ, что пріѣхалъ.

Алексѣй Александровичъ поцѣловалъ ея руку.

— Ну, такъ до свиданья! Ты заѣдешь чай пить, и прекрасно!—сказала она и вышла, сіяющая и веселая. Но, какъ только она перестала видѣть его, она почувствовала то мѣсто на рукѣ, къ которому прикоснулись его губы, и съ отвращеніемъ вздрогнула.

XXVIII.

Когда Алексѣй Александровичъ появился на скачкахъ, Анна уже сидѣла въ бесѣдкѣ рядомъ съ Бетси, въ той бесѣдкѣ, гдѣ собиралось все высшее общество. Она увидала мужа еще издалека. Два человѣка, мужъ и любовникъ, были для нея двумя центрами жизни, и безъ помощи внѣшнихъ чувствъ она чувствовала ихъ близость. Она еще издалека почувствовала приближеніе мужа и невольно слѣдила за нимъ въ тѣхъ волнахъ толпы, между которыми онъ двигался. Она видѣла, какъ онъ подходилъ къ бесѣдкѣ, то снисходительно отвѣчая на заискивающіе поклоны, то дружелюбно, разсѣянно здороваясь съ равными, то старательно выжидая взгляда сильныхъ міра и снимая свою круглую, большую шляпу, нажимавшую кончики его ушей.

Она знала всѣ эти пріемы, и всѣ они ей были отвратительны. «Одно честолюбіе, одно желаніе успѣть—вотъ все, что̀ есть въ его душѣ,—думала она,—а высокія соображенія, любовь къ просвѣщенію, религія, все это — только орудія для того, чтобы успѣть».

По его взглядамъ на дамскую бесѣдку (онъ смотрѣлъ прямо на нее, но не узнавалъ жены въ морѣ кисеи, лентъ, перьевъ, зонтиковъ и цвѣтовъ) она поняла, что онъ искалъ ее; но она нарочно не замѣчала его.

— Алексѣй Александровичъ!—закричала ему княгиня Бетси,—вы, вѣрно, не видите жену; вотъ она!

Онъ улыбнулся своею холодною улыбкой.

— Здѣсь столько блеска, что глаза разбѣжались,—сказалъ онъ и пошелъ въ бесѣдку. Онъ улыбнулся женѣ, какъ долженъ улыбнуться мужъ, встрѣчая жену, съ которою онъ только что видѣлся, и поздоровался съ княгиней и другими знакомыми, воздавъ каждому должное, то-есть пошутивъ съ дамами и перекинувшись привѣтствіями съ мужчинами. Внизу подлѣ бесѣдки стоялъ уважаемый Алексѣемъ Александровичемъ, извѣстный своимъ умомъ и образованіемъ, генералъ-адъютантъ. Алексѣй Александровичъ заговорилъ съ нимъ.

Былъ промежутокъ между скачками, и потому ничто не мѣшало разговору. Генералъ-адъютантъ осуждалъ скачки. Алексѣй Александровичъ возражалъ, защищая ихъ. Анна слушала его тонкій, ровный голосъ, не пропуская ни одного слова, и каждое слово его казалось ей фальшиво и болью рѣзало ея ухо.

Когда началась четырехверстная скачка съ препятствіями, она нагнулась впередъ и, не спуская глазъ, смотрѣла на подходившаго къ лошади и садившагося Вронскаго и въ то же время слышала этотъ отвратительный, неумолкающій голосъ мужа. Она мучилась страхомъ за Вронскаго, но еще болѣе мучилась неумолкавшимъ, ей казалось, звукомъ тонкаго голоса мужа съ знакомыми интонаціями.

«Я дурная женщина, я погибшая женщина,—думала она,— но я не люблю лгать, я не переношу лжи, а *его* (мужа) пища— это ложь. Онъ все знаетъ, все видитъ; что же онъ чувствуетъ, если можетъ такъ спокойно говорить? Убей онъ меня, убей онъ Вронскаго, я бы уважала его. Но нѣтъ, ему нужны только ложь и приличіе,—говорила себѣ Анна, не думая о томъ, чего именно она хотѣла отъ мужа, какимъ бы она хотѣла его видѣть. Она не понимала и того, что эта нынѣшняя особенная словоохотливость Алексѣя Александровича, такъ раздражавшая ее, была только выраженіемъ его внутренней тревоги и безпокойства. Какъ убившійся ребенокъ, прыгая, приводитъ въ движеніе свои мускулы, чтобы заглушить боль, такъ для Алексѣя Александровича было необходимо умственное движеніе, чтобы заглушить тѣ мысли о женѣ, которыя въ ея присутствіи и въ присутствіи Вронскаго и при постоянномъ повтореніи его имени требовали къ себѣ вниманія. А какъ ребенку естественно прыгать, такъ и ему естественно хорошо и умно говорить. Онъ говорилъ:

— Опасность въ скачкахъ военныхъ, кавалерійскихъ, есть необходимое условіе скачекъ. Если Англія можетъ указать въ военной исторіи на самыя блестящія кавалерійскія дѣла, то

только благодаря тому, что она исторически развивала въ себѣ эту силу и животныхъ, и людей. Спортъ, по моему мнѣнію, имѣетъ большое значеніе, и, какъ всегда, мы видимъ только самое поверхностное.

— Не поверхностное,—сказала княгиня Тверская.—Одинъ офицеръ, говорятъ, сломалъ два ребра.

Алексѣй Александровичъ улыбнулся своею улыбкой, только открывавшею зубы, но ничего болѣе не говорившею.

— Положимъ, княгиня, что это не поверхностное,—сказалъ онъ,—но внутреннее. Но не въ томъ дѣло,—и онъ опять обратился къ генералу, съ которымъ говорилъ серьезно;—не забудьте, что скачутъ военные, которые избрали эту дѣятельность, и согласитесь, что всякое призваніе имѣетъ свою оборотную сторону медали. Это прямо входитъ въ обязанности военнаго. Безобразный спортъ кулачнаго боя или испанскихъ тореодоровъ есть признакъ варварства. Но спеціализованный спортъ есть признакъ развитія.

— Нѣтъ, я не поѣду въ другой разъ: это меня слишкомъ волнуетъ,—сказала княгиня Бетси.—Не правда ли, Анна?

— Волнуетъ, но нельзя оторваться,—сказала другая дама.—Если бы я была римлянка, я бы не пропустила ни одного цирка.

Анна ничего не говорила и, не спуская бинокля, смотрѣла въ одно мѣсто.

Въ это время черезъ бесѣдку проходилъ высокій генералъ. Прервавъ рѣчь, Алексѣй Александровичъ поспѣшно, но достойно всталъ и низко поклонился проходившему военному.

— Вы не скачете?—пошутилъ ему военный.

— Моя скачка труднѣе,—почтительно отвѣчалъ Алексѣй Александровичъ.

И хотя отвѣтъ ничего не значилъ, военный сдѣлалъ видъ, что получилъ умное слово отъ умнаго человѣка, и вполнѣ понималъ la pointe de la sauce.

— Есть двѣ стороны, — продолжалъ снова Алексѣй Александровичъ: — исполнителей и зрителей; и любовь къ этимъ зрѣлищамъ есть вѣрнѣйшій признакъ низкаго развитія для зрителей, я согласенъ, но...

— Княгиня, пари!—послышался снизу голосъ Степана Аркадьевича, обращавшагося къ Бетси.—За кого вы держите?

— Мы съ Анной за князя Кузовлева,—отвѣчала Бетси.

— Я за Вронскаго. Пара перчатокъ.

— Идетъ!

— А какъ красиво, не правда ли?

Алексѣй Александровичъ помолчалъ, пока говорили около него, но тотчасъ опять началъ:

— Я согласенъ, не мужественныя игры... — продолжалъ было онъ.

Но въ это время пускали ѣздоковъ, и всѣ разговоры прекратились. Алексѣй Александровичъ тоже замолкъ, и всѣ поднялись и обратились къ рѣкѣ. Алексѣй Александровичъ не интересовался скачками и потому не глядѣлъ на скакавшихъ, а разсѣянно сталъ обводить зрителей усталыми глазами. Взглядъ его остановился на Аннѣ.

Лицо ея было блѣдно и строго. Она очевидно ничего и никого не видѣла, кромѣ одного. Рука ея судорожно сжимала вѣеръ, и она не дышала. Онъ посмотрѣлъ на нее и поспѣшно отвернулся, оглядывая другія лица.

«Да, вотъ и эта дама и другія тоже очень взволнованы; это очень натурально», сказалъ себѣ Алексѣй Александровичъ. Онъ хотѣлъ не смотрѣть на нее, но взглядъ его невольно притягивался къ ней. Онъ опять вглядывался въ это лицо, стараясь не читать того, что такъ ясно было въ немъ написано, и противъ воли своей съ ужасомъ читалъ на немъ то, чего онъ не хотѣлъ знать.

Первое паденіе Кузовлева на рѣкѣ взволновало всѣхъ, но Алексѣй Александровичъ видѣлъ ясно на блѣдномъ торжествующемъ лицѣ Анны, что тотъ, на кого она смотрѣла, не упалъ. Когда, послѣ того какъ Махотинъ и Вронскій перескочили большой барьеръ, слѣдующій офицеръ упалъ тутъ же на голову и разбился замертво, и шорохъ ужаса пронесся по всей публикѣ, — Алексѣй Александровичъ видѣлъ, что Анна даже не замѣтила этого и съ трудомъ поняла, о чемъ заговорили вокругъ. Но онъ все чаще и чаще и съ бо̀льшимъ упорствомъ вглядывался въ нее. Анна, вся поглощенная зрѣлищемъ скакавшаго Вронскаго, почувствовала сбоку устремленный на себя взглядъ холодныхъ глазъ своего мужа.

Она оглянулась на мгновеніе, вопросительно посмотрѣла на него и, слегка нахмурившись, опять отвернулась.

«Ахъ, мнѣ все равно», какъ будто сказала она ему и уже болѣе ни разу не взглядывала на него.

Скачки были неочастливы, и изъ семнадцати человѣкъ попадало и разбилось больше половины. Къ концу скачекъ всѣ были въ волненіи, которое еще болѣе увеличилось тѣмъ, что государь былъ недоволенъ.

XXIX.

Всѣ громко выражали свое неодобреніе, всѣ повторяли сказанную кѣмъ-то фразу: «недостаетъ только цирка съ львами», и ужасъ чувствовался всѣми, такъ что, когда Вронскій упалъ и Анна громко ахнула, въ этомъ не было ничего необыкновеннаго. Но вслѣдъ за тѣмъ въ лицѣ Анны произошла перемѣна, которая была уже положительно неприлична. Она совершенно потерялась. Она стала биться, какъ пойманная птица: то хотѣла встать и идти куда-то, то обращалась къ Бетси.

— Поѣдемъ, поѣдемъ,—говорила она.

Но Бетси не слыхала ея. Она говорила, перегнувшись внизъ, съ подошедшимъ къ ней генераломъ.

Алексѣй Александровичъ подошелъ къ Аннѣ и учтиво подалъ ей руку.

— Пойдемте, если вамъ угодно,—сказалъ онъ по-французски; но Анна прислушивалась къ тому, что говорилъ генералъ, и не замѣтила мужа.

— Тоже сломалъ ногу, говорятъ,—говорилъ генералъ.—Это ни на что не похоже.

Анна, не отвѣчая мужу, подняла бинокль и смотрѣла на то мѣсто, гдѣ упалъ Вронскій; но было такъ далеко, и тамъ столпилось столько народа, что ничего нельзя было разобрать. Она опустила бинокль и хотѣла идти; но въ это время подскакалъ офицеръ и что-то докладывалъ государю. Анна высунулась впередъ, слушая.

— Стива! Стива!—прокричала она брату.

Но братъ не слыхалъ ея. Она опять хотѣла выходить.

— Я еще разъ предлагаю вамъ свою руку, если вы хотите идти, — сказалъ Алексѣй Александровичъ, дотрогиваясь до ея руки.

Она съ отвращеніемъ отстранилась отъ него и, не взглянувъ въ лицо, отвѣчала:

— Нѣтъ, нѣтъ, оставьте меня, я останусь.

Она видѣла теперь, что отъ мѣста паденія Вронскаго черезъ кругъ бѣжалъ офицеръ къ бесѣдкѣ. Бетси махала ему платкомъ. Офицеръ принесъ извѣстіе что ѣздокъ не убился, но лошадь сломала себѣ спину.

Услыхавъ это, Анна быстро сѣла и закрыла лицо вѣеромъ. Алексѣй Александровичъ видѣлъ, что она плакала и не могла удержать не только слезъ, но и рыданій, которыя поднимали ея грудь. Алексѣй Александровичъ загородилъ ее собой, давая ей время оправиться.

— Въ третій разъ предлагаю вамъ свою руку,—сказалъ онъ черезъ нѣсколько времени, обращаясь къ ней. Анна смотрѣла на него и не знала, что сказать. Княгиня Бетси пришла ей на помощь.

— Нѣтъ. Алексѣй Александровичъ, я увезла Анну, и я обѣщалась отвезти ее,—вмѣшалась Бетси.

— Извините меня, княгиня,—сказалъ онъ, учтиво улыбаясь, но твердо глядя ей въ глаза,—но я вижу, что Анна не совсѣмъ здорова, и я желаю, чтобъ она ѣхала со мной.

Анна испуганно оглянулась, покорно встала и положила руку на руку мужа.

— Я пошлю къ нему, узнаю и пришлю сказать,—прошептала ей Бетси.

На выходѣ изъ бесѣдки Алексѣй Александровичъ, такъ же какъ и всегда, говорилъ со встрѣчавшимися, и Анна должна была, какъ и всегда, отвѣчать и говорить; но она была сама не своя и какъ во снѣ шла подъ руку съ мужемъ.

«Убился или нѣтъ? Правда ли? Придетъ или нѣтъ? Увижу ли я его нынче?» думала она.

Она молча сѣла въ карету Алексѣя Александровича и молча выѣхала изъ толпы экипажей. Несмотря на все, что онъ видѣлъ, Алексѣй Александровичъ все-таки не позволялъ себѣ думать о настоящемъ положеніи своей жены. Онъ только видѣлъ внѣшніе признаки. Онъ видѣлъ, что она вела себя неприлично, и считалъ своимъ долгомъ сказать ей это. Но ему очень трудно было не сказать болѣе, а сказать только это. Онъ открылъ ротъ, чтобы сказать ей, какъ она неприлично вела себя, но невольно сказалъ совершенно другое.

— Какъ, однако, мы всѣ склонны къ этимъ жестокимъ зрѣлищамъ,—сказалъ онъ,—Я замѣчаю...

— Что? Я не понимаю,—презрительно сказала Анна.

Онъ оскорбился и тотчасъ же началъ говорить то, что хотѣлъ.

— Я долженъ сказать вамъ...—проговорилъ онъ.

«Вотъ оно, объясненіе», подумала она, и ей стало страшно.

— Я долженъ сказать вамъ, что вы неприлично вели себя нынче,—сказалъ онъ ей по-французски.

— Чѣмъ я неприлично вела себя?—громко сказала она, быстро поворачивая къ нему голову и глядя ему прямо въ глаза, но совсѣмъ уже не съ прежнимъ скрывающимъ что-то весельемъ, а съ рѣшительнымъ видомъ, подъ которымъ она съ трудомъ скрывала испытываемый страхъ.

— Не забудьте, — сказалъ онъ ей, указывая на открытое окно противъ кучера.

Онъ приподнялся и поднялъ стекло.

— Что вы нашли неприличнымъ?—повторила она.

— То отчаяніе, которое вы не умѣли скрыть при паденіи одного изъ ѣздоковъ.

Онъ ждалъ, что она возразитъ; но она молчала, глядя поредъ собою.

— Я уже просилъ васъ держать себя въ свѣтѣ такъ, чтобъ и злые языки не могли ничего сказать противъ васъ. Было время, когда я говорилъ о внутреннихъ отношеніяхъ; я теперь не говорю про нихъ. Теперь я говорю о внѣшнихъ отношеніяхъ. Вы неприлично держали себя, и я желалъ бы, чтобъ это не повторялось.

Она не слышала половины его словъ, она испытывала страхъ къ нему и думала о томъ, правда ли то, что Вронскій не убился. О немъ ли говорили, что онъ цѣлъ, а лошадь сломала спину? Она только притворно насмѣшливо улыбнулась, когда онъ кончилъ, и ничего не отвѣчала, потому что не слыхала того, что онъ говорилъ. Алексѣй Александровичъ началъ говорить смѣло, но когда онъ ясно понялъ то, о чемъ онъ говоритъ,—страхъ, который она испытывала, сообщился ему. Онъ увидѣлъ эту улыбку, и странное заблужденіе нашло на него.

«Она улыбается надъ моими подозрѣніями. Да, она скажетъ сейчасъ то, что говорила мнѣ тотъ разъ: что нѣтъ основаній моимъ подозрѣніямъ, что это смѣшно».

Теперь, когда надъ нимъ висѣло открытіе всего, онъ ничего такъ не ждалъ, какъ того, чтобъ она, такъ же какъ прежде, насмѣшливо отвѣтила ему, что его подозрѣнія смѣшны и не имѣютъ основанія. Такъ страшно было то, что̀ онъ зналъ, что теперь онъ былъ готовъ повѣрить всему. Но выраженіе лица ея, испуганнаго и мрачнаго, теперь не обѣщало даже обмана.

— Можетъ быть, я ошибаюсь, — сказалъ онъ. — Въ такомъ случаѣ я прошу извинить меня.

— Нѣтъ, вы не ошиблись,—сказала она медленно, отчаянно взглянувъ на его холодное лицо.—Вы не ошиблись. Я была и не могу не быть въ отчаяніи. Я слушаю васъ и думаю о немъ. Я люблю его, я его любовница, я не могу переносить, я боюсь, я ненавижу васъ... Дѣлайте со мной, что хотите.

И, откинувшись въ уголъ кареты, она зарыдала, закрываясь руками. Алексѣй Александровичъ не пошевелился и не измѣнилъ прямого направленія взгляда. Но все лицо его вдругъ приняло торжественную неподвижность мертваго, и выраженіе это не измѣнилось во все время ѣзды до дачи. Подъѣзжая къ дому, онъ повернулъ къ ней голову все съ тѣмъ же выраженіемъ.

— Такъ! Но я требую соблюденія внѣшнихъ условій приличія до тѣхъ поръ,—голосъ его задрожалъ,—пока я приму мѣры, обезпечивающія мою честь, и сообщу ихъ вамъ.

Онъ вышелъ впередъ и высадилъ ее. Въ виду прислуги онъ пожалъ ей руку, сѣлъ въ карету и уѣхалъ въ Петербургъ.

Вслѣдъ за нимъ пришелъ лакей отъ княгини Бетси и принесъ Аннѣ записку:

«Я послала къ Алексѣю узнать о его здоровьѣ, и онъ мнѣ пишетъ, что здоровъ и цѣлъ, но въ отчаяніи».

«Такъ *онъ* будетъ,—подумала она.—Какъ хорошо я сдѣлала, что все сказала ему».

Она взглянула на часы. Еще оставалось три часа, и воспоминанія подробностей послѣдняго свиданія зажгли ей кровь.

«Боже мой, какъ свѣтло! Это страшно, но я люблю видѣть его лицо и люблю этотъ фантастическій свѣтъ... Мужъ! ахъ, да... Ну, и слава Богу, что съ нимъ все кончено».

XXX.

Какъ и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ собираются люди, такъ и на маленькихъ нѣмецкихъ водахъ, куда пріѣхали Щербацкіе, совершилась обычная какъ бы кристаллизація общества, опредѣляющая каждому его члену опредѣленное и неизмѣнное мѣсто. Какъ опредѣленно и неизмѣнно частица воды на холодѣ получаетъ извѣстную форму снѣжнаго кристалла, такъ точно каждое новое лицо, пріѣзжавшее на воды, тотчасъ же устанавливалось въ свойственное ему мѣсто.

Фюрстъ Щербацкій *замт гемалин унд тохтэр* и по квартирѣ, которую заняли, и по имени, и по знакомымъ, которыхъ они нашли, тотчасъ же кристаллизовались въ свое опредѣленное и предназначенное имъ мѣсто.

На водахъ, въ этомъ году была настоящая нѣмецкая фюрстинъ, вслѣдствіе чего кристаллизація общества совершалась еще энергичнѣе. Княгиня непремѣнно пожелала представить принцессѣ свою дочь и на второй же день совершила этотъ обрядъ. Кити низко и граціозно присѣла въ своемъ выписанномъ изъ Парижа *очень простомъ*, то-есть очень нарядномъ, лѣтнемъ платьѣ. Принцесса сказала: «Надѣюсь, что розы скоро вернутся на это хорошенькое личико», и для Щербацкихъ тотчасъ же твердо установились опредѣленные пути жизни, изъ которыхъ нельзя уже было выйти. Щербацкіе познакомились и съ семействомъ англійской леди, и съ нѣмецкою графиней, и

съ ея раненымъ въ послѣдней войнѣ сыномъ, и со шведомъ ученымъ, и съ M. Canut и его сестрой. Но главное общество Щербацкихъ невольно составилось изъ московской дамы, Марьи Евгеньевны Ртищевой, съ дочерью, которая была непріятна Кити, потому что заболѣла такъ же, какъ и она, отъ любви, и московскаго полковника, котораго Кити съ дѣтства видѣла и знала въ мундирѣ и эполетахъ и который тутъ со своими маленькими глазками и съ открытой шеей въ цвѣтномъ гластучкѣ былъ необыкновенно смѣшонъ и скученъ тѣмъ, что нельзя было отъ него отдѣлаться. Когда все это такъ твердо установилось, Кити стало очень скучно, тѣмъ болѣе, что князь уѣхалъ въ Карлсбадъ и она осталась одна съ матерью. Она не интересовалась тѣми, кого знала, чувствуя, что отъ нихъ ничего уже не будетъ новаго. Главный же задушевный интересъ ея на водахъ составляли теперь наблюденія и догадки о тѣхъ, которыхъ она не знала. По свойству своего характера Кити всегда въ людяхъ предполагала все самое прекрасное, и въ особенности въ тѣхъ, кого она не знала. И теперь, дѣлая догадки о томъ, кто, какія между ними отношенія и какіе они люди, Кити воображала себѣ самые удивительные и прекрасные характеры и находила подтвержденіе въ своихъ наблюденіяхъ.

Изъ такихъ лицъ въ особенности занимала ее одна русская дѣвушка, пріѣхавшая на воды съ больною русскою дамой, съ мадамъ Шталь, какъ ее всѣ звали. Мадамъ Шталь принадлежала къ высшему обществу, но она была такъ больна, что не могла ходить, только въ рѣдкіе хорошіе дни появлялась на водахъ въ колясочкѣ. Но не столько по болѣзни, сколько по гордости, какъ объясняла княгиня, мадамъ Шталь не была знакома ни съ кѣмъ изъ русскихъ. Русская дѣвушка ухаживала за мадамъ Шталь и, кромѣ того, какъ замѣчала Кити, сходилась со всѣми тяжело-больными, которыхъ было много на водахъ, и самымъ натуральнымъ образомъ ухаживала за ними. Русская дѣвушка эта, по наблюденіямъ Кити, не была родня мадамъ Шталь и вмѣстѣ съ тѣмъ не была наемная помощница. Мадамъ Шталь звала ее Варенька, а другіе звали «m-lle Варенька». Не говоря уже о томъ, что Кити интересовали наблюденія надъ отношеніями этой дѣвушки къ г-жѣ Шталь и къ другимъ незнакомымъ ей лицамъ, Кити, какъ это часто бываетъ, испытывала необъяснимую симпатію къ этой m-lle Варенькѣ и чувствовала по встрѣчающимся взглядамъ, что и она нравится.

M-lle Варенька эта была не то что не первой молодости, но какъ бы существо безъ молодости: ей можно было дать и девятнадцать и тридцать лѣтъ. Если разбирать ея черты, она, не-

смотря на болѣзненный цвѣтъ лица, была скорѣе красива, чѣмъ дурна. Она была бы и хорошо сложена, если бы не слишкомъ большая сухость тѣла и несоразмѣрная голова, по среднему росту; но она не должна была быть привлекательна для мужчинъ. Она была похожа на прекрасный, хотя еще и полный лепестковъ, но уже отцвѣтшій, безъ запаха цвѣтокъ. Кромѣ того, она не могла быть привлекательною для мужчинъ еще и потому, что ей недоставало того, чего слишкомъ много было въ Кити,—сдержаннаго огня жизни и сознанія своей привлекательности.

Она всегда казалась занятою дѣломъ, въ которомъ не могло быть сомнѣнія, и потому, казалось, ничѣмъ постороннимъ не могла интересоваться. Этою противоположностью съ собой она особенно привлекала къ себѣ Кити. Кити чувствовала, что въ ней, въ ея складѣ жизни она найдетъ образецъ того, чего теперь мучительно искала: интересовъ жизни, достоинства жизни—внѣ отвратительныхъ для Кити свѣтскихъ отношеній дѣвушки къ мужчинамъ, представлявшихся ей теперь позорною выставкой товара, ожидающаго покупателя. Чѣмъ больше Кити наблюдала своего неизвѣстнаго друга, тѣмъ болѣе убѣждалась, что эта дѣвушка есть то самое совершенное существо, какимъ она ее себѣ представляла, и тѣмъ болѣе она желала познакомиться съ ней.

Обѣ дѣвушки встрѣчались въ день по нѣскольку разъ, и при каждой встрѣчѣ глаза Кити говорили: «Кто вы? что̀ вы? Вѣдь правда, что вы то прелестное существо, какимъ я воображаю васъ? Но ради Бога не думайте,—прибавлялъ ея взглядъ,—что я позволяю себѣ навязываться въ знакомыя. Я просто любуюсь вами и люблю васъ».—«Я тоже люблю васъ, и вы очень, очень милы. И еще больше любила бы васъ, если бы имѣла время», отвѣчалъ взглядъ неизвѣстной дѣвушки. И дѣйствительно, Кити видѣла, что она всегда занята: или она уводитъ съ водъ дѣтей русскаго семейства, или несетъ пледъ для больной и укутываетъ ее, или старается развлечь раздраженнаго больного, или выбираетъ и покупаетъ печенье къ кофею для кого-то.

Скоро послѣ пріѣзда Щербацкихъ на утреннихъ водахъ появились еще два лица, обратившія на себя общее недружелюбное вниманіе. Это были: очень высокій сутуловатый мужчина съ огромными руками, въ короткомъ, не по росту, и старомъ пальто, съ черными, наивными и вмѣстѣ страшными глазами, и рябоватая миловидная женщина, очень дурно и безвкусно одѣтая. Признавъ этихъ лицъ за русскихъ, Кити уже начала въ своемъ воображеніи составлять о нихъ прекрасный и трогатель-

ный романъ. Но княгиня, узнавъ по Kurliste, что это были Левинъ Николай и Марья Николаевна, объяснила Кити, какой дурной человѣкъ былъ этотъ Левинъ, и всѣ мечты объ этихъ двухъ лицахъ исчезли. Не столько потому, что мать сказала ей, сколько потому, что это былъ братъ Константина, для Кити эти лица вдругъ показались въ высшей степени непріятны. Этотъ Левинъ возбуждалъ въ ней теперь своею привычкой подергиваться головой непреодолимое чувство отвращенія.

Ей казалось, что въ его большихъ страшныхъ глазахъ, которые упорно слѣдили за ней, выражалось чувство ненависти и насмѣшки, и она старалась избѣгать встрѣчи съ нимъ.

XXXI.

Былъ ненастный день, дождь шелъ все утро, и больные съ зонтиками толпились въ галлереѣ.

Кити ходила съ матерью и съ московскимъ полковникомъ, весело щеголявшимъ въ своемъ европейскомъ, купленномъ готовымъ во Франкфуртѣ, сюртучкѣ. Они ходили по одной сторонѣ галлереи, стараясь избѣгать Левина, ходившаго по другой сторонѣ. Варенька въ своемъ темномъ платьѣ, въ черной, съ отогнутыми внизъ полями шляпѣ ходила со слѣпою француженкой во всю длину галлереи, и каждый разъ, какъ она встрѣчалась съ Кити, онѣ перекидывались дружелюбнымъ взглядомъ.

— Мама, можно мнѣ заговорить съ нею?—сказала Кити, слѣдившая за своимъ незнакомымъ другомъ и замѣтившая, что она подходитъ къ ключу и что онѣ могутъ сойтись у него.

— Да, если тебѣ такъ хочется, я узнаю прежде о ней и сама подойду,—отвѣчала мать.—Что ты въ ней нашла особеннаго? Компаньонка, должно быть. Если хочешь, я познакомлюсь съ мадамъ Шталь. Я знала ея belle-soeur,—прибавила княгиня, гордо поднимая голову.

Кити знала, что княгиня оскорблена тѣмъ, что г-жа Шталь какъ будто избѣгала знакомиться съ нею. Кити не настаивала.

— Чудо какая милая!—сказала она, глядя на Вареньку въ то время, какъ та подавала стаканъ француженкѣ.—Посмотрите, какъ все просто, мило.

— Уморительны мнѣ твои engouements,—сказала княгиня.— Нѣтъ, пойдемъ лучше назадъ,—прибавилъ она, замѣтивъ двигавшагося имъ навстрѣчу Левина со своей дамой и съ нѣмецкимъ докторомъ, съ которымъ онъ что-то громко и сердито говорилъ.

Онѣ поворачивались, чтобы идти назадъ, какъ вдругъ услыхали уже не громкій говоръ, а крикъ. Левинъ, остановившись, кричалъ, и докторъ тоже горячился. Толпа собиралась вокругъ нихъ. Княгиня съ Кити поспѣшно удалились, а полковникъ присоединился къ толпѣ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло.

Черезъ нѣсколько минутъ полковникъ нагналъ ихъ.

— Что это тамъ было?—спросила княгиня.

— Позоръ и срамъ!—отвѣчалъ полковникъ.—Одного боишься—это встрѣчаться съ русскими за границей. Этотъ высокій господинъ побранился съ докторомъ, наговорилъ ему дерзостей за то, что тотъ его не такъ лѣчитъ, и замахнулся палкой. Срамъ просто!

— Ахъ, какъ непріятно!—сказала княгиня.—Ну, чѣмъ же кончилось?

— Спасибо, тутъ вмѣшалась эта... эта въ шляпѣ грибомъ. Русская, кажется,—сказалъ полковникъ.

— M-lle Варенька?—радостно спросила Кити.

— Да, да. Она нашлась скорѣе всѣхъ: она взяла этого господина подъ руку и увела.

— Вотъ, мама,—сказала Кити матери,—вы удивляетесь, что я восхищаюсь ею.

Со слѣдующаго дня, наблюдая неизвѣстнаго своего друга, Кити замѣтила, что м-lle Варенька и съ Левинымъ и его женщиной находится уже въ тѣхъ отношеніяхъ, какъ и съ другими своими protégés. Она подходила къ нимъ, разговаривала, служила переводчицей для женщины, не умѣвшей говорить ни на одномъ иностранномъ языкѣ.

Кити еще болѣе стала умолять мать позволить ей познакомиться съ Варенькой. И, какъ ни непріятно было княгинѣ какъ будто дѣлать первый шагъ въ желаніи познакомиться съ г-жею Шталь, позволявшею себѣ чѣмъ-то гордиться, она навела справки о Варенькѣ и, узнавъ о ней подробности, дававшія заключить, что не было ничего худого, хотя и хорошаго мало, въ этомъ знакомствѣ, сама первая подошла къ Варенькѣ и познакомилась съ нею.

Выбравъ время, когда дочь ея пошла къ ключу, а Варенька остановилась противъ булочника, княгиня подошла къ ней.

— Позвольте мнѣ познакомиться съ вами,—сказала она со своею достойною улыбкой.—Моя дочь влюблена въ васъ,—сказала она.—Вы, можетъ быть, не знаете меня. Я...

— Это больше, чѣмъ взаимно, княгиня,—поспѣшно отвѣчала Варенька.

— Какое вы доброе дѣло сдѣлали вчера нашему жалкому соотечественнику!—сказала княгиня.

Варенька покраснѣла.

— Я не помню, я, кажется, ничего не дѣлала,—сказала она.

— Какъ же, вы спасли этого Левина отъ непріятности.

— Да, sa compagne позвала меня, и я постаралась успокоить его: онъ очень боленъ и недоволенъ былъ докторомъ. А я имѣю привычку ходить за этими больными.

— Да, я слышала, что вы живете въ Ментонѣ съ вашею тетушкой, кажется, m-me Шталь. Я знала ея belle-soeur.

— Нѣтъ, она мнѣ не тетка. Я называю ее maman, но я ей не родня; я воспитана ею,—опять покраснѣвъ, отвѣчала Варенька.

Это было такъ просто сказано, такъ мило было правдивое и открытое выраженіе ея лица, что княгиня поняла, почему ея Кити полюбила эту Вареньку.

— Ну, что же этотъ Левинъ?—спросила княгиня.

— Онъ уѣзжаетъ,—отвѣчала Варенька.

Въ это время, сіяя радостью о томъ, что мать ея познакомилась съ ея неизвѣстнымъ другомъ, отъ ключа подходила Кити.

— Ну вотъ, Кити, твое сильное желаніе познакомиться съ m-lle...

— «Варенькой»,—улыбаясь подсказала Варенька,—такъ всѣ меня зовутъ.

Кити покраснѣла отъ радости и долго молча жала руку своего новаго друга, которая не отвѣчала на ея пожатіе, но неподвижно лежала въ ея рукѣ. Рука не отвѣчала на пожатіе, но лицо m-lle Вареньки просіяло тихою, радостною, хотя и нѣсколько грустною улыбкой, открывавшею большіе, но прекрасные зубы.

— Я сама давно хотѣла этого, — сказала она.

— Но вы такъ заняты...

— Ахъ, напротивъ, я ничѣмъ не занята,—отвѣчала Варенька, но въ ту же минуту должна была оставить своихъ новыхъ знакомыхъ, потому что двѣ маленькія русскія дѣвочки, дочери больного, бѣжали къ ней.

— Варенька, мама зоветъ! — кричали онѣ.

И Варенька пошла за ними.

XXXII.

Подробности, которыя узнала княгиня о прошедшемъ Вареньки и объ отношеніяхъ ея къ мадамъ Шталь и о самой мадамъ Шталь, были слѣдующія.

Мадамъ Шталь, про которую одни говорили, что она замучила своего мужа, а другіе говорили, что онъ замучилъ ее своимъ безнравственнымъ поведеніемъ, была всегда болѣзненная и восторженная женщина. Когда она родила, уже разведясь съ мужемъ, перваго ребенка, ребенокъ этотъ тотчасъ же умеръ, и родные г-жи Шталь, зная ея чувствительность и боясь, чтобы это извѣстіе не убило ея, подмѣнили ей ребенка, взявъ родившуюся въ ту же ночь и въ томъ же домѣ въ Петербургѣ дочь придворнаго повара. Это была Варенька. Мадамъ Шталь узнала впослѣдствіи, что Варенька была не ея дочь, но продолжала ее воспитывать, тѣмъ болѣе, что очень скоро послѣ этого родныхъ у Вареньки никого не осталось.

Мадамъ Шталь уже болѣе десяти лѣтъ безвыѣздно жила за границей на югѣ, никогда не вставая съ постели. И одни говорили, что мадамъ Шталь сдѣлала себѣ общественное положеніе добродѣтельной, высоко-религіозной женщины; другіе говорили, что она была въ душѣ то самое высоко-нравственное существо, жившее только для добра ближняго, какимъ она представлялась. Никто не зналъ, какой она религіи—католической, протестантской или православной, но одно было несомнѣнно—она находилась въ дружескихъ связяхъ съ самыми высшими лицами всѣхъ церквей и исповѣданій.

Варенька жила съ ней постоянно за границей; и всѣ, кто знали мадамъ Шталь, знали и любили m-lle Вареньку, какъ всѣ ее звали.

Узнавъ всѣ подробности, княгиня не нашла ничего предосудительнаго въ сближеніи своей дочери съ Варенькой, тѣмъ болѣе, что Варенька имѣла манеры и воспитаніе самыя хорошія; отлично говорила по-французски и по-англійски, а главное — передала отъ г-жи Шталь сожалѣніе, что она по болѣзни лишена удовольствія познакомиться съ княгиней.

Познакомившись съ Варенькой, Кити все болѣе и болѣе прельщалась своимъ другомъ и съ каждымъ днемъ находила въ ней новыя достоинства.

Княгиня, услыхавъ о томъ, что Варенька хорошо поетъ, попросила ее прійти къ нимъ пѣть вечеромъ.

— Кити играетъ, и у насъ есть фортепіано, не хорошее, правда, но вы намъ доставите большое удовольствіе, — сказала княгиня со своею притворною улыбкой, которая особенно непріятна была теперь Кити, потому что она замѣтила, что Вареньке не хотѣлось пѣть. Но Варенька, однако, пришла вечеромъ и принесла съ собой тетрадь нотъ. Княгиня пригласила Марью Евгеньевну съ дочерью и полковника.

Варенька казалась совершенно равнодушной къ тому, что тутъ были незнакомыя ей лица, и тотчасъ же подошла къ фортепіано. Она не умѣла себѣ аккомпанировать, но прекрасно читала ноты голосомъ. Кити, хорошо игравшая, аккомпанировала ей.

— У васъ необыкновенный талантъ,—сказала ей княгиня послѣ того, какъ Варенька прекрасно спѣла первую пьесу.

Марья Евгеньевна съ дочерью благодарили и хвалили ее.

— Посмотрите,—сказалъ полковникъ, глядя въ окно,—какая публика собралась васъ слушать.

Дѣйствительно, подъ окнами собралась довольно большая толпа.

— Я очень рада, что это доставляетъ вамъ удовольствіе,— просто отвѣчала Варенька.

Кити съ гордостью смотрѣла на своего друга. Она восхищалась и ея искусствомъ, и ея голосомъ, и ея лицомъ, но болѣе всего восхищалась ея манерой, тѣмъ, что Варенька, очевидно, ничего не думала о своемъ пѣніи и была совершенно равнодушна къ похваламъ; она какъ будто спрашивала только: нужно ли еще пѣть или довольно?

«Если бы это была я,—думала про себя Кити,—какъ бы я гордилась этимъ! Какъ бы я радовалась, глядя на эту толпу подъ окнами. А ей совершенно все равно. Ее побуждаетъ только желаніе не отказать и сдѣлать пріятное maman. Что же въ ней есть? Что даетъ ей эту силу пренебрегать всѣмъ, быть независимо-спокойною? Какъ бы я желала это знать и научиться отъ нея этому!» вглядываясь въ это спокойное лицо, думала Кити. Княгиня попросила Вареньку спѣть еще, и Варенька спѣла другую пьесу такъ же ровно, отчетливо и хорошо, прямо стоя у фортепіано и отбивая по нему тактъ своею худою смуглою рукой.

Слѣдующая затѣмъ въ тетради пьеса была итальянская пѣсня. Кити сыграла прелюдію и оглянулась на Вареньку.

— Пропустимъ эту,—сказала Варенька, покраснѣвъ.

Кити испуганно и вопросительно остановила свои глаза на лицѣ Вареньки.

— Ну, другое,—поспѣшно сказала она, перевертывая листы и тотчасъ же понявъ, что съ этою пьесой было соединено что-то.

— Нѣтъ,—отвѣчала Варенька, положивъ свою руку на ноты и улыбаясь,—нѣтъ, споемте это,—и она спѣла это такъ же спокойно, холодно и хорошо, какъ и прежде.

Когда она кончила, всѣ опять благодарили ее и пошли пить чай. Кити съ Варенькой вышли въ садикъ, бывшій подлѣ дома.

— Правда, что у васъ соединено какое-то воспоминаніе съ этою пѣсней?—сказала Кити.—Вы не говорите,—поспѣшно прибавила она,—только скажите, правда?

— Нѣтъ, отчего? Я скажу!—просто сказала Варенька и, не дожидаясь отвѣта, продолжала:—Да, это воспоминаніе, и было тяжелое когда-то. Я любила одного человѣка, и эту вещь я пѣла ему.

Кити съ открытыми большими глазами молча, умиленно смотрѣла на Вареньку.

— Я любила его, и онъ любилъ меня; но его мать не хотѣла, и онъ женился на другой. Онъ теперь живетъ недалеко отъ насъ, и я иногда вижу его. Вы не думали, что у меня тоже былъ романъ?—сказала она, и въ красивомъ лицѣ ея чуть брезжилъ тотъ огонекъ, который, Кити чувствовала, когда-то освѣщалъ ее всю.

— Какъ не думала. Если бы я была мужчина, я бы не могла любить никого, послѣ того какъ узнала васъ. Я только не понимаю, какъ онъ могъ въ угоду матери забыть васъ и сдѣлать васъ несчастною,—у него не было сердца.

— О, нѣтъ, онъ очень хорошій человѣкъ, и я не несчастна; напротивъ, я очень счастлива. Ну, такъ не будемъ больше пѣть нынче?—прибавила она, направляясь къ дому.

— Какъ вы хороши, какъ вы хороши!—воскликнула Кити и, остановивъ ее, поцѣловала.—Если бы я хоть немножко могла быть похожа на васъ!

— Зачѣмъ вамъ быть на кого-нибудь похожей? Вы хороши, какъ вы есть,—улыбаясь своею кроткою и усталою улыбкой, сказала Варенька.

— Нѣтъ, я совсѣмъ не хороша. Ну, скажите мнѣ... Постойте, посидимте,—сказала Кити, усаживая ее опять на скамейку подлѣ себя.—Скажите, неужели не оскорбительно думать, что человѣкъ пренебрегъ вашею любовью, что онъ не хотѣлъ?..

— Да онъ не пренебрегъ; я вѣрю, что онъ любилъ меня, но онъ былъ покорный сынъ...

— Да, но если бы онъ не по волѣ матери, а просто самъ?..—говорила Кити, чувствуя, что она выдала свою тайну и что лицо ея, горящее румянцемъ стыда, уже изобличило ее.

— Тогда бы онъ дурно поступилъ, и я бы не жалѣла его,—отвѣчала Варенька, очевидно, понявъ, что дѣло идетъ уже не о ней, а о Кити.

— Но оскорбленіе?—сказала Кити.—Оскорбленіе нельзя забыть, нельзя забыть,—говорила она, вспоминая свой взглядъ на послѣднемъ балѣ во время остановки музыки.

— Въ чемъ же оскорбленіе? Вѣдь вы не поступили дурно?

— Хуже чѣмъ дурно,—стыдно.

Варенька покачала головой и положила свою руку на руку Кити.

— Да въ чемъ же стыдно?—сказала она.—Вѣдь вы не могли сказать человѣку, который равнодушенъ къ вамъ, что вы его любите?

— Разумѣется, нѣтъ; я никогда не сказала ни одного слова, но онъ зналъ. Нѣтъ, нѣтъ; есть взгляды есть манеры. Я буду сто лѣтъ жить не забуду.

— Такъ что жъ? Я не понимаю. Дѣло въ томъ, любите ли вы его теперь или нѣтъ,— сказала Варенька, называя все по имени.

— Я ненавижу его; я не могу простить себѣ.

— Такъ что жъ?

— Стыдъ, оскорбленіе.

— Ахъ, если бы всѣ такъ были, какъ вы, чувствительны,— сказала Варенька.— Нѣтъ дѣвушки, которая бы не испытала этого. И все это такъ не важно.

— А что же важно?—сказала Кити, съ любопытнымъ удивленіемъ вглядываясь въ ея лицо.

— Ахъ, многое важно,— улыбаясь сказала Варенька.

— Да что же?

— Ахъ, многое важнѣе,—отвѣчала Варенька, не зная, что сказать. Но въ это время изъ окна послышался голосъ княгини:

— Кити, свѣжо! Или шаль возьми, или иди въ комнаты.

— Правда, пора!—сказала Варенька вставая.—Мнѣ еще надо зайти къ m-me Berthe: она меня просила.

Кити держала ее за руку и съ страстнымъ любопытствомъ и мольбой спрашивала ее взглядомъ: «Что же, что же это самое важное, что даетъ такое спокойствіе? Вы знаете! Скажите мнѣ!» Но Варенька не понимала даже того, о чемъ спрашивалъ ее взглядъ Кити. Она помнила только о томъ, что ей нынче нужно еще зайти къ m-me Berthe и поспѣть домой къ чаю maman къ 12-ти часамъ. Она вошла въ комнаты, собрала ноты и, простившись со всѣми, собралась уходить.

— Позвольте, я провожу васъ,—сказалъ полковникъ.

— Да, какъ же одной идти теперь ночью?— подтвердила княгиня.— Я пошлю хоть Парашу.

Кити видѣла, что Варенька съ трудомъ удерживала улыбку при словахъ, что ее нужно провожать.

— Нѣтъ, я всегда хожу одна и никогда со мной ничего не бываетъ,—сказала она, взявъ шляпу. И поцѣловавъ еще разъ

Кити и такъ и не сказавъ, что было важно, бодрымъ шагомъ съ нотами подъ мышкой она скрылась въ полутьмѣ лѣтней ночи, унося съ собой свою тайну о томъ, что̀ важно и что̀ даетъ ей это завидное спокойствіе и достоинство.

XXXIII

Кити познакомилась и съ г-жею Шталь, и знакомство это, вмѣстѣ съ дружбою къ Варенькѣ, не только имѣло на нее сильное вліяніе, но утѣшало ее въ ея горѣ. Она нашла это утѣшеніе въ томъ, что ей, благодаря этому знакомству, открылся совершенно новый міръ, не имѣющій ничего общаго съ ея прошедшимъ,—міръ возвышенный, прекрасный, съ высоты котораго можно было спокойно смотрѣть на это прошедшее. Открылось то, что, кромѣ жизни инстинктивной, которой до сихъ поръ отдавалась Кити, была жизнь духовная. Жизнь эта открывалась религіей, но религіей, не имѣющей ничего общаго съ той, которую съ дѣтства знала Кити и которая выражалась въ обѣднѣ и всенощной во вдовьемъ домѣ, гдѣ можно было встрѣтить знакомыхъ, и въ изученіи съ батюшкой наизусть славянскихъ текстовъ; это была религія возвышенная, таинственная, связанная съ рядомъ прекрасныхъ мыслей и чувствъ, въ которую не только можно было вѣрить, потому что такъ велѣно, но которую можно было любить.

Кити узнала все это не изъ словъ. Мадамъ Шталь говорила съ Кити, какъ съ милымъ ребенкомъ, на котораго любуешься, какъ на воспоминаніе своей молодости, и только одинъ разъ упомянула о томъ, что во всѣхъ людскихъ горестяхъ утѣшеніе даютъ лишь любовь и вѣра и что для состраданія къ намъ Христа нѣтъ ничтожныхъ горестей, и тотчасъ же перевела разговоръ на другое. Но Кити въ каждомъ ея движеніи, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ небесномъ, какъ называла Кити, взглядѣ ея, въ особенности во всей исторіи ея жизни, которую она знала черезъ Вареньку,—во всемъ узнавала то, «что̀ было важно» и чего она до сихъ поръ не знала.

Но какъ ни возвышенъ былъ характеръ г-жи Шталь, какъ ни трогательна вся ея исторія, какъ ни возвышенна и нѣжна ея рѣчь, Кити невольно подмѣтила въ ней такія черты, которыя смущали ее. Она замѣтила, что, разспрашивая про ея родныхъ, мадамъ Шталь улыбнулась презрительно, что̀ было противно христіанской добротѣ. Замѣтила еще, что, когда она застала у нея католическаго священника, мадамъ Шталь ста-

рательно держала свое лицо въ тѣни абажура и особенно улыбалась. Какъ ни ничтожны были эти два замѣчанія, они смущали ее, и она сомнѣвалась въ мадамъ Шталь. Но зато Варенька, одинокая, безъ родныхъ, безъ друзей, съ грустнымъ разочарованіемъ, ничего не желавшая, ничего не жалѣвшая, была тѣмъ самымъ совершенствомъ, о которомъ только позволила себѣ мечтать Кити. На Варенькѣ она поняла, что стоило только забыть себя и любить другихъ, и будешь спокойна, счастлива и прекрасна. И такою хотѣла быть Кити. Понявъ теперь ясно, что было *самое важное*, Кити не удовольствовалась тѣмъ, чтобы восхищаться этимъ, но тотчасъ же всею душой отдалась этой новой, открывшейся ей жизни. По разсказамъ Вареньки о томъ, что дѣлала мадамъ Шталь и другія, кого она называла, Кити уже составила себѣ планъ будущей жизни. Она такъ же, какъ и племянница г-жи Шталь, Aline, про которую ей много разсказывала Варенька, будетъ, гдѣ бы ни жила, отыскивать несчастныхъ, помогать имъ сколько можно, раздавать Евангеліе, читать Евангеліе больнымъ, преступникамъ, умирающимъ. Мысль чтенія Евангелія преступникамъ, какъ это дѣлала Aline, особенно прельщала Кити. Но все это были тайныя мечты, которыхъ Кити не высказывала ни матери, ни Варенькѣ.

Впрочемъ, въ ожиданіи поры исполнять въ большихъ размѣрахъ свои планы Кити и теперь на водахъ, гдѣ было столько больныхъ и несчастныхъ, легко нашла случай прилагать свои новыя правила, подражая Варенькѣ.

Сначала княгиня замѣчала только, что Кити находится подъ сильнымъ вліяніемъ своего engouement, какъ она называла, къ госпожѣ Шталь и въ особенности къ Варенькѣ. Она видѣла, что Кити не только подражаетъ Варенькѣ въ ея дѣятельности, но невольно подражаетъ ей въ ея манерѣ ходить, говорить и мигать глазами. Но потомъ княгиня замѣтила, что въ дочери, независимо отъ этого очарованія, совершается какой-то серьезный душевный переворотъ.

Княгиня видѣла, что Кити читаетъ по вечерамъ французское Евангеліе, которое ей подарила г-жа Шталь, чего она прежде не дѣлала, что она избѣгаетъ свѣтскихъ знакомыхъ и сходится съ больными, находившимися подъ покровительствомъ Вареньки, и въ особенности съ однимъ бѣднымъ семействомъ больного живописца Петрова. Кити очевидно гордилась тѣмъ, что исполняла въ этомъ семействѣ обязанности сестры милосердія. Все это было хорошо, и княгиня ничего не имѣла противъ этого, тѣмъ болѣе что жена Петрова была вполнѣ порядочная женщина, и что принцесса, замѣтившая дѣятельность Кити, хва-

лила ее, называя ангеломъ-утѣшителемъ. Все это было бы очень хорошо, если бы не было излишества. А княгиня видѣла, что дочь ея впадаетъ въ крайность, что̀ она и говорила ей.

— Il ne faut jamais rien outrer, — говорила она ей.

Но дочь ничего ей не отвѣчала; она только думала въ душѣ, что нельзя говорить объ излишествѣ въ дѣлѣ христіанства. Какое же можетъ быть излишество въ слѣдованіи ученію, въ которомъ велѣно подставить другую щеку, когда ударятъ по одной, и отдать рубашку, когда снимаютъ кафтанъ? Но княгинѣ не нравилось это излишество и еще болѣе не нравилось то, что, она чувствовала, Кити не хотѣла открыть ей всю свою душу. Дѣйствительно, Кити таила отъ матери свои новые взгляды и чувства. Она таила ихъ не потому, чтобы не уважала, не любила свою мать, но только потому, что это была ея мать. Она всякому открыла бы ихъ скорѣе, чѣмъ матери.

— Что-то давно Анна Павловна не была у насъ, — сказала разъ княгиня про Петрову. — Я звала ее. А она что-то какъ будто недовольна.

— Нѣтъ, я не замѣтила, maman,—вспыхнувъ сказала Кити.

— Ты давно не была у нихъ?

— Мы завтра собираемся сдѣлать прогулку въ горы, — отвѣчала Кити.

— Что же, поѣзжайте, — отвѣчала княгиня, вглядываясь въ смущенное лицо дочери и стараясь угадать причину ея смущенія.

Въ этотъ же день Варенька пришла обѣдать и сообщила, что Анна Павловна раздумала ѣхать завтра въ горы. И княгиня замѣтила, что Кити опять покраснѣла.

— Кити, не было ли у тебя чего-нибудь непріятнаго съ Петровыми? — сказала княгиня, когда онѣ остались однѣ. — Отчего она перестала присылать дѣтей и ходить къ намъ?

Кити отвѣчала, что ничего не было между ними и что она рѣшительно не понимаетъ, почему Анна Павловна какъ будто недовольна ею. Кити отвѣтила совершенную правду. Она не знала причины перемѣны къ себѣ Анны Павловны, но догадывалась. Она догадывалась въ такой вещи, которую она не могла сказать матери, которой она не говорила и себѣ. Это была одна изъ тѣхъ вещей, которыя знаешь, но которыя нельзя сказать даже самой себѣ: такъ страшно и постыдно ошибиться.

Опять и опять перебирала она въ своемъ воспоминаніи всѣ отношенія свои къ этому семейству. Она вспомнила наивную радость, выражавшуюся на кругломъ добродушномъ лицѣ Анны Павловны при ихъ встрѣчахъ; вспоминала ихъ тайные перего-

воры о больномъ, заговоры о томъ, чтобъ отвлечь его отъ работы, которая была ему запрещена, и увести его гулять; привязанность меньшого мальчика, называвшаго ее «моя Кити», не хотѣвшаго безъ нея ложиться спать. Какъ все было хорошо Потомъ она вспомнила худую-худую фигуру Петрова, съ длинною шеей, въ его коричневомъ сюртукѣ; его рѣдкіе вьющіеся волосы, вопросительные, страшные въ первое время для Кити голубые глаза и его болѣзненныя старанія казаться бодрымъ и оживленнымъ въ ея присутствіи. Она вспомнила свое усиліе въ первое время, чтобы преодолѣть отвращеніе, которое она испытывала къ нему, какъ и ко всѣмъ чахоточнымъ, и старанія, съ которыми она придумывала, что сказать ему. Она вспомнила этотъ робкій, умиленный взглядъ, которымъ онъ смотрѣлъ на нее, и странное чувство состраданія и неловкости и потомъ сознанія своей добродѣтельности, которое она испытывала при этомъ. Какъ все это было хорошо! Но все это было въ первое время. Теперь же, нѣсколько дней тому назадъ, все вдругъ испортилось. Анна Павловна съ притворною любезностью встрѣчала Кити и не переставая наблюдала ее и мужа.

Неужели эта трогательная радость его при ея приближеніи была причиной охлажденія Анны Павловны?

«Да, — вспоминала она, — что-то было ненатуральное въ Аннѣ Павловнѣ и совсѣмъ не похожее на ея доброту, когда она третьяго дня съ досадой сказала:

«— Вотъ все дожидался васъ, не хотѣлъ безъ васъ пить кофе, хоть ослабѣлъ ужасно».

«Да, можетъ быть, и это непріятно ей было, когда я подала ему пледъ. Все это такъ просто, но онъ такъ неловко это принялъ, такъ долго благодарилъ, что и мнѣ стало неловко. И потомъ этотъ портретъ мой, который онъ такъ хорошо сдѣлалъ. А главное этотъ взглядъ, смущенный и нѣжный!.. Да, да, это такъ! — съ ужасомъ повторила себѣ Кити. — Нѣтъ, это не можетъ, не должно быть! Онъ такъ жалокъ!» говорила она себѣ вслѣдъ за этимъ.

Это сомнѣніе отравляло прелесть ея новой жизни.

XXXIV.

Уже передъ концомъ курса водъ князь Щербацкій, ѣздившій послѣ Карлсбада въ Баденъ и Киссингенъ къ русскимъ знакомымъ набраться русскаго духа, какъ онъ говорилъ, вернулся къ своимъ.

Взгляды князя и княгини на заграничную жизнь были совершенно противоположные. Княгиня находила все прекраснымъ и, несмотря на свое твердое положеніе въ русскомъ обществѣ, старалась за границей походить на европейскую даму, чѣмъ она не была, — потому что она была русская барыня, — и потому притворялась, что ей было отчасти неловко. Князь же, напротивъ, находилъ за границей все сквернымъ, тяготился европейскою жизнью, держался своихъ русскихъ привычекъ и нарочно старался выказывать себя за границей менѣе европейцемъ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности.

Князь вернулся похудѣвшій, съ обвислыми мѣшками кожи на щекахъ, но въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Веселое расположеніе его еще усилилось, когда онъ увидалъ Кити совершенно поправившеюся. Извѣстіе о дружбѣ Кити съ госпожей Шталь и Варенькой и переданныя княгиней наблюденія надъ какою-то перемѣной, происшедшей въ Кити, смутили князя и возбудили въ немъ обычное чувство ревности ко всему, что увлекало его дочь помимо его, и страхъ, чтобы дочь не ушла изъ-подъ его вліянія въ какія-нибудь недоступныя ему области. Но эти непріятныя извѣстія потонули въ томъ морѣ добродушія и веселости, которыя всегда были въ немъ и особенно усилились Карлсбадскими водами.

На другой день по своемъ пріѣздѣ князь въ своемъ длинномъ пальто, со своими русскими морщинами и одутловатыми щеками, подпертыми крахмальными воротничками, въ самомъ веселомъ расположеніи духа пошелъ съ дочерью на воды.

Утро было прекрасное; опрятные, веселые дома съ садиками, видъ краснолицыхъ, красноруких, налитыхъ пивомъ, весело работающихъ нѣмецкихъ служанокъ и яркое солнце веселили сердце; но чѣмъ ближе подходили они къ водамъ, тѣмъ чаще встрѣчались больные, и видъ ихъ казался еще плачевнѣе среди обычныхъ условій благоустроенной нѣмецкой жизни. Кити уже не поражала эта противоположность. Яркое солнце, веселый блескъ зелени, звуки музыки были для нея естественною рамкой всѣхъ этихъ знакомыхъ лицъ и перемѣнъ къ ухудшенію или улучшенію, за которыми она слѣдила; но для князя свѣтъ и блескъ іюньскаго утра и звуки оркестра, игравшаго модный веселый вальсъ, и особенно видъ здоровенныхъ служанокъ казались чѣмъ-то неприличнымъ и уродливымъ въ соединеніи съ этими, собравшимися со всѣхъ концовъ Европы, уныло двигавшимися мертвецами.

Несмотря на испытываемое имъ чувство гордости и какъ бы возврата молодости, когда любимая дочь шла съ нимъ подъ

руку, ему теперь какъ будто неловко и совѣстно было за свою сильную походку, за свои крупные, облитые жиромъ члены. Онъ испытывалъ почти чувство человѣка неодѣтаго въ обществѣ.

— Представь, представь меня своимъ новымъ друзьямъ, — говорилъ онъ дочери, пожимая локтемъ ея руку. — Я и этотъ твой гадкій Соденъ полюбилъ за то, что онъ тебя такъ справилъ. Только грустно, грустно у васъ. Это кто?

Кити называла ему тѣ знакомыя и незнакомыя лица, которыя они встрѣчали. У самаго входа въ садъ они встрѣтили слѣпую m-me Berthe съ проводницей, и князь порадовался на умиленное выраженіе старой француженки, когда она услыхала голосъ Кити. Она тотчасъ съ французскимъ излишествомъ любезности заговорила съ нимъ, хваля его за то, что у него такая прекрасная дочь, и въ глаза превознося до небесъ Кити и называя ее сокровищемъ, перломъ и ангеломъ-утѣшителемъ.

— Ну, такъ она второй ангелъ, — сказалъ князь улыбаясь. — Она называетъ ангеломъ нумеръ 1-й m-lle Вареньку.

— Oh! m-lle Варенька — это настоящій ангелъ, allez, — подхватила m-me Berthe.

Въ галлереѣ они встрѣтили и самоё Вареньку. Она поспѣшно шла имъ навстрѣчу, неся элегантную красную сумочку.

— Вотъ и папа пріѣхалъ! — сказала ей Кити.

Варенька сдѣлала просто и естественно, какъ и все, что она дѣлала, движеніе, среднее между поклономъ и присѣданіемъ, и тотчасъ же заговорила съ княземъ, какъ она говорила со всѣми, нестѣсненно и просто.

— Разумѣется, я васъ знаю, очень знаю, — сказалъ ей князь съ улыбкой, по которой Кити съ радостью узнала, что другъ ея понравился отцу. — Куда же вы такъ торопитесь?

— Maman здѣсь, — сказала она, обращаясь къ Кити. — Она не спала всю ночь, и докторъ посовѣтовалъ ей выѣхать. Я несу ей работу.

— Такъ это ангелъ № 1-й, — сказалъ князь, когда Варенька ушла.

Кити видѣла, что ему хотѣлось посмѣяться надъ Варенькой, но что онъ никакъ не могъ этого сдѣлать, потому что Варенька понравилась ему.

— Ну, вотъ и всѣхъ увидимъ твоихъ друзей, — прибавилъ онъ, — и мадамъ Шталь, если она удостоитъ узнать меня.

— А ты развѣ ее зналъ, папа? — спросила Кити со страхомъ, замѣчая зажегшійся огонь насмѣшки въ глазахъ князя при упоминаніи о мадамъ Шталь.

— Зналъ ея мужа и ее немножко еще прежде, чѣмъ она въ піетистки записалась.

— Что такое піетистка, папа? — спросила Кити, уже испуганная тѣмъ, что то, что̀ она такъ высоко цѣнила въ госпожѣ Шталь, имѣло названіе.

— Я и самъ не знаю хорошенько. Знаю только, что она за все благодаритъ Бога, за всякое несчастіе... и за то, что у нея умеръ мужъ, благодаритъ Бога. Ну, и выходитъ смѣшно, потому что они дурно жили... Это кто? Какое жалкое лицо! — спросилъ онъ, замѣтивъ сидѣвшаго на лавочкѣ невысокаго больного въ коричневомъ пальто и бѣлыхъ панталонахъ, дѣлавшихъ странныя складки на лишенныхъ мяса костяхъ его ногъ. Господинъ этотъ приподнялъ свою соломенную шляпу надъ вьющимися рѣдкими волосами, открывая высокій, болѣзненно покраснѣвшій отъ шляпы лобъ.

— Это Петровъ, живописецъ, — отвѣчала Кити, покраснѣвъ. — А это жена его, — прибавила она, указывая на Анну Павловну, которая какъ будто нарочно, въ то самое время, какъ они подходили, пошла за ребенкомъ, отбѣжавшимъ по дорожкѣ.

— Какой жалкій, и какое милое у него лицо! — сказалъ князь. — Что же ты не подошла? Онъ что-то хотѣлъ сказать тебѣ.

— Ну, такъ пойдемъ! — сказала Кити, рѣшительно поворачиваясь. — Какъ ваше здоровье нынче? — спросила она у Петрова.

Петровъ всталъ, опираясь на палку, и робко посмотрѣлъ на князя.

— Это моя дочь, — сказалъ князь. — Позвольте быть знакомымъ.

Живописецъ поклонился и улыбнулся, открывая странно-блестящіе бѣлые зубы.

— Мы васъ ждали вчера, княжна, — сказалъ онъ Кити.

Онъ пошатнулся, говоря это, и, повторяя это движеніе, старался показать, что онъ это сдѣлалъ нарочно.

— Я хотѣла прійти, но Варенька сказала, что Анна Павловна присылала сказать, что вы не поѣдете.

— Какъ не поѣдемъ! — покраснѣвъ и тотчасъ же закашлявшись, сказалъ Петровъ, отыскивая глазами жену. — Анета, Анета! — проговорилъ онъ громко, и на тонкой бѣлой шеѣ его, какъ веревки, натянулись толстыя жилы.

Анна Павловна подошла.

— Какъ же ты послала сказать княжнѣ, что мы не поѣдемъ? — потерявъ голосъ, раздражительно прошепталъ онъ ей.

— Здравствуйте, княжна, — сказала Анна Павловна съ притворною улыбкой, столь непохожею на прежнее ея обращеніе. — Очень пріятно познакомиться, — обратилась она къ князю. — Васъ давно ждали, князь.

— Какъ же ты послала сказать княжнѣ, что мы не поѣдемъ?— хрипло прошепталъ еще разъ живописецъ еще сердитѣе, очевидно раздражаясь еще болѣе тѣмъ, что голосъ измѣняетъ ему и онъ не можетъ дать своей рѣчи того выраженія, какое бы хотѣлъ.

— Ахъ, Боже мой! Я думала, что мы не поѣдемъ, — съ досадой отвѣчала жена.

— Какъ же, когда... — онъ закашлялся и махнулъ рукой.

Князь приподнялъ шляпу и отошелъ съ дочерью.

— О, охъ! — тяжело вздохнулъ онъ, — о, несчастные!

— Да, папа, — отвѣчала Кити. — Но надо знать, что у нихъ трое дѣтей, никого прислуги и почти никакихъ средствъ. Онъ что-то получаетъ отъ академіи, — оживленно разсказывала она, стараясь заглушить волненіе, поднявшееся въ ней вслѣдствіе странной въ отношеніи къ ней перемѣны Анны Павловны.—А вотъ и мадамъ Шталь,—сказала Кити, указывая на колясочку, въ которой, обложенное подушками, въ чемъ-то сѣромъ и голубомъ, подъ зонтикомъ лежало что-то. Это была госпожа Шталь. Сзади нея стоялъ мрачный здоровенный работникъ-нѣмецъ, катавшій ее. Подлѣ стоялъ бѣлокурый шведскій графъ, котораго знала по имени Кити. Нѣсколько человѣкъ больныхъ медлили около колясочки, глядя на эту даму, какъ на что-то необыкновенное

Князь подошелъ къ ней, и тотчасъ же въ глазахъ его Кити замѣтила смущавшій ее огонекъ насмѣшки. Онъ подошелъ къ мадамъ Шталь и заговорилъ на томъ отличномъ французскомъ языкѣ, на которомъ столь немногіе уже говорятъ теперь, чрезвычайно учтиво и мило:

— Не знаю, вспомните ли вы меня, но я долженъ напомнить себя, чтобы поблагодарить за вашу доброту къ моей дочери, — сказалъ онъ ей, снявъ шляпу и не надѣвая ея.

— Князь Александръ Щербацкій, — сказала мадамъ Шталь, поднимая на него свои небесные глаза, въ которыхъ Кити замѣтила неудовольствіе. — Очень рада. Я такъ полюбила вашу дочь.

— Здоровье ваше все не хорошо?

— Да, я ужъ привыкла, — сказала мадамъ Шталь и познакомила князя со шведскимъ графомъ.

— А вы очень мало перемѣнились, — сказалъ ей князь. — Я не имѣлъ чести видѣть васъ десять или одиннадцать лѣтъ.

— Да, Богъ даетъ крестъ и даетъ силу нести его. Часто удивляешься, къ чему тянется эта жизнь?.. Съ той стороны! — съ досадой обратилась она къ Варенькѣ, не такъ завертывавшей ей пледомъ ноги.

— Чтобы дѣлать добро, вѣроятно,—сказалъ князь, смѣясь глазами.

— Это не намъ судить, — сказала госпожа Шталь, замѣтивъ оттѣнокъ выраженія на лицѣ князя. — Такъ вы пришлете мнѣ эту книгу, любезный графъ? Очень благодарю васъ, — обратилась она къ молодому шведу.

— А! — вскрикнулъ князь, увидавъ московскаго полковника, стоявшаго около, и, поклонившись госпожѣ Шталь, отошелъ съ дочерью и съ присоединившимся къ нимъ московскимъ полковникомъ.

— Это наша аристократія, князь! — съ желаніемъ быть насмѣшливымъ сказалъ московскій полковникъ, который былъ въ претензіи на госпожу Шталь за то, что она не была съ нимъ знакома.

— Все такая же, — отвѣчалъ князь.

— А вы еще до болѣзни знали ее, князь, то-есть прежде, чѣмъ она слегла?

— Да она при мнѣ слегла,—сказалъ князь.

— Говорятъ, она десять лѣтъ не встаетъ...

— Не встаетъ, потому что коротконожка. Она очень дурно сложена...

— Папа, не можетъ быть! — вскрикнула Кити.

— Дурные языки такъ говорятъ, мой дружокъ. А твоей Варенькѣ-таки достается, — прибавилъ онъ. — Охъ, эти больныя барыни!

— О, нѣтъ, папа! — горячо возразила Кити, — Варенька обожаетъ ее. И потомъ она дѣлаетъ столько добра! У кого хочешь спроси! Ее и Aline Шталь всѣ знаютъ.

— Можетъ быть, — сказалъ онъ, пожимая локтемъ ея руку. — Но лучше когда дѣлаютъ такъ, что у кого ни спроси, никто не знаетъ.

Кити замолчала не потому, что ей нечего было говорить, но она и отцу не хотѣла открыть свои тайныя мысли. Однако — странное дѣло — несмотря на то, что она такъ готовилась не подчиниться взгляду отца, не дать ему доступа въ свою святыню, она почувствовала, что тотъ божественный образъ госпожи Шталь, который она мѣсяцъ цѣлый носила въ душѣ, без-

возвратно исчезъ, какъ фигура, составившаяся изъ брошеннаго платья, исчезаетъ, когда поймешь, какъ лежитъ это платье. Осталась одна коротконогая женщина, которая лежитъ потому, что дурно сложена, и мучаетъ безотвѣтную Вареньку за то, что та не такъ подвертываетъ ей пледъ. И никакими усиліями воображенія нельзя уже было возвратить прежнюю мадамъ Шталь.

XXXV.

Князь передалъ свое веселое расположеніе духа и домашнимъ своимъ, и знакомымъ, и даже нѣмцу-хозяину, у котораго стояли Щербацкіе.

Вернувшись съ Кити съ водъ и пригласивъ къ себѣ къ кофе и полковника, и Марью Евгеньевну, и Вареньку, князь велѣлъ вынести столъ и кресла въ садикъ, подъ каштанъ, и тамъ накрыть завтракъ. И хозяинъ и прислуга оживились подъ вліяніемъ его веселости. Они знали его щедрость, и черезъ полчаса больной гамбургскій докторъ, жившій наверху, съ завистью смотрѣлъ въ окно на эту веселую русскую компанію здоровыхъ людей, собравшуюся подъ каштаномъ. Подъ дрожащею кругами тѣнью листьевъ, у покрытаго бѣлою скатертью и уставленнаго кофейниками, хлѣбомъ, масломъ, сыромъ, холодною дичью стола сидѣла княгиня въ наколкѣ съ лиловыми лентами, раздавая чашки и тартинки. На другомъ концѣ сидѣлъ князь, плотно кушая и громко и весело разговаривая. Князь разложилъ подлѣ себя свои покупки; рѣзные сундучки, бирюльки, разрѣзные ножики всѣхъ сортовъ, которыхъ онъ накупилъ кучу на всѣхъ водахъ, и раздаривалъ ихъ всѣмъ, въ томъ числѣ Лисхенъ, служанкѣ, и хозяину, съ которымъ онъ шутилъ на своемъ комическомъ дурномъ нѣмецкомъ языкѣ, увѣряя его, что не воды вылѣчили Кити, но его отличныя кушанья, въ особенности супъ съ черносливомъ. Княгиня подсмѣивалась надъ мужемъ за его русскія привычки, но была такъ оживлена и весела, какъ не была во все время на водахъ. Полковникъ, какъ всегда, улыбался шуткамъ князя; но насчетъ Европы, которую онъ внимательно изучалъ, какъ онъ думалъ, онъ держалъ сторону княгини. Добродушная Марья Евгеньевна покатывалась со смѣху отъ всего, что̀ говорилъ смѣшного князь, и Варенька, чего еще Кити никогда не видала, раскисала отъ слабаго, но сообщающагося смѣха, который возбуждали въ ней шутки князя.

Все это веселило Кити, но она не могла не быть озабоченною. Она не могла разрѣшить задачи, которую ей невольно

задалъ отецъ своимъ веселымъ взглядомъ на ея друзей и на ту жизнь, которую она такъ полюбила. Къ задачѣ этой присоединилась еще перемѣна ея отношеній къ Петровымъ, которая нынче такъ очевидно и непріятно высказалась. Всѣмъ было весело, но Кити не могла быть веселою, и это еще болѣе мучило ее. Она испытывала чувство въ родѣ того, какое испытывала въ дѣтствѣ, когда подъ наказаніемъ была заперта въ своей комнатѣ и слушала веселый смѣхъ сестеръ.

— Ну, на что ты накупилъ эту бездну? — говорила княгиня, улыбаясь и подавая мужу чашку съ кофеемъ.

— Пойдешь ходить, ну, подойдешь къ лавочкѣ, просятъ купить: «Эрлаухтъ, эксцеленцъ, дурхлаухтъ». Ну, ужъ какъ скажутъ: «дурхлаухтъ», ужъ я и не могу: десяти талеровъ и нѣтъ.

— Это только отъ скуки, — сказала княгиня.

— Разумѣется, отъ скуки. Такая скука, матушка, что не знаешь куда дѣться.

— Какъ можно скучать, князь? Такъ много интереснаго теперь въ Германіи, — сказала Марья Евгеньевна.

— Да я все интересное знаю: супъ съ черносливомъ знаю, гороховую колбасу знаю. Все знаю.

— Нѣтъ, но, какъ хотите, князь, интересны ихъ учрежденія, — сказалъ полковникъ.

— Да что же интереснаго? Всѣ они довольны, какъ мѣдные гроши; всѣхъ побѣдили. Ну, а мнѣ-то чѣмъ же довольнымъ быть? Я никого не побѣдилъ, а только сапоги снимай самъ, да еще за дверь ихъ самъ выставляй. Утромъ вставай, сейчасъ же одѣвайся, иди въ салонъ чай скверный пить. То ли дѣло дома! Проснешься не торопясь, посердишься на что-нибудь, поворчишь, опомнишься хорошенько, все обдумаешь, не торопишься.

— А время—деньги, вы забываете это,—сказалъ полковникъ.

— Какое время! Другое время такое, что цѣлый мѣсяцъ за полтинникъ отдашь, а то такъ никакихъ денегъ за полчаса не возьмешь. Такъ ли, Катенька? Что ты, какая скучная?

— Я ничего.

— Куда же вы? Посидите еще,—обратился онъ къ Варенькѣ.

— Мнѣ надо домой, — сказала Варенька вставая и опять залилась смѣхомъ. Оправившись, она простилась и пошла въ домъ, чтобы взять шляпу.

Кити пошла за нею. Даже Варенька представлялась ей теперь другою. Она не была хуже, но она была другая, чѣмъ та, какою она прежде воображала ее себѣ.

— Ахъ, я давно такъ не смѣялась! — сказала Варенька, собирая зонтикъ и мѣшочекъ. — Какой онъ милый, вашъ папа!

Кити молчала.

— Когда же увидимся? — спросила Варенька.

— Maman хотѣла зайти къ Петровымъ. Вы не будете тамъ? — сказала Кити, испытывая Вареньку.

— Я буду, — отвѣчала Варенька. — Они собираются уѣзжать, такъ я обѣщалась помочь укладываться.

— Ну, и я приду.

— Нѣтъ, что вамъ?

— Отчего? отчего? отчего? — широко раскрывая глаза, заговорила Кити, взявшись, чтобы не выпускать Вареньку, за ея зонтикъ. — Нѣтъ, постойте, отчего?

— Такъ; вашъ папа пріѣхалъ, и потомъ съ вами они стѣсняются.

— Нѣтъ, вы мнѣ скажите, отчего вы не хотите, чтобъ я часто бывала у Петровыхъ? Вѣдь вы не хотите? Отчего?

— Я не говорила этого, — спокойно сказала Варенька.

— Нѣтъ, пожалуйста, скажите!

— Все говорить? — спросила Варенька.

— Все, все! — подхватила Кити.

— Да особеннаго ничего нѣтъ, а только то, что Михаилъ Алексѣевичъ (такъ звали живописца) прежде хотѣлъ ѣхать раньше, а теперь не хочетъ уѣзжать, — улыбаясь сказала Варенька.

— Ну, ну! — торопила Кити, мрачно глядя на Вареньку.

— Ну, и почему-то Анна Павловна сказала, что онъ не хочетъ оттого, что вы тутъ. Разумѣется, это было некстати, но изъ-за этого, изъ-за васъ вышла ссора. А вы знаете, какъ эти больные раздражительны.

Кити, все болѣе хмурясь, молчала, и Варенька говорила одна, стараясь смягчить и успокоить ее и видя собиравшійся взрывъ, она не знала чего, слезъ или словъ.

— Такъ лучше вамъ не ходить... И, вы понимаете, вы не обижайтесь...

— И подѣломъ мнѣ, и подѣломъ мнѣ! — быстро заговорила Кити, схватывая зонтикъ изъ рукъ Вареньки и глядя мимо глазъ своего друга.

Варенькѣ хотѣлось улыбнуться, глядя на дѣтскій гнѣвъ своего друга, но она боялась оскорбить ее.

— Какъ подѣломъ? Я не понимаю, — сказала она.

— Подѣломъ за то, что все это было притворство, потому что все это выдуманное, а не отъ сердца. Какое мнѣ дѣло до чужого человѣка? И вотъ вышло, что я причиной ссоры и что

я дѣлала то, чего меня никто не просилъ. Оттого что все притворство! притворство! притворство!..

— Да съ какою же цѣлью притворяться? — тихо сказала Варенька.

— Ахъ, какъ глупо, гадко! Не было мнѣ никакой нужды... Все притворство!—говорила она, открывая и закрывая зонтикъ.

— Да съ какою же цѣлью?

— Чтобы казаться лучше предъ людьми, предъ собой, предъ Богомъ; всѣхъ обмануть. Нѣтъ, теперь я уже не поддамся на это! Быть дурною, но, по крайней мѣрѣ, не лживою, не обманщицей!

— Да кто же обманщица? — укоризненно сказала Варенька. — Вы говорите, какъ будто...

Но Кити была въ своемъ припадкѣ вспыльчивости Она не дала ей договорить.

— Я не о васъ, совсѣмъ не о васъ говорю. Вы—совершенство. Да, да, я знаю, что вы всѣ совершенство; но что же дѣлать, что я дурная? Этого бы не было, если бы я не была дурная? Такъ пускай я буду какая есть, но не буду притворяться. Что мнѣ за дѣло до Анны Павловны! Пускай они живутъ, какъ хотятъ, и я, какъ хочу. Я не могу быть другою... И все это не то, не то!..

— Да что же не то? — въ недоумѣнiи говорила Веренька.

— Все не то. Я не могу иначе жить, какъ по сердцу, а вы живете по правиламъ. Я васъ полюбила просто, а вы, вѣрно, только за тѣмъ, чтобы спасти меня, научить меня!

— Вы несправедливы, — сказала Варенька.

— Да я ничего не говорю про другихъ, я говорю про себя.

— Кити! — послышался голосъ матери,—поди сюда, покажи папа свои корольки.

Кити съ гордымъ видомъ, не помирившись со своимъ другомъ, взяла со стола корольки въ коробочкѣ и пошла къ матери.

— Что съ тобой? Что ты такая красная? — сказали ей мать и отецъ въ одинъ голосъ.

— Ничего, — отвѣчала она,—я сейчасъ приду,—и побѣжала назадъ.

«Она еще тутъ! — подумала она. — Что я скажу ей, Боже мой! Что я надѣлала, что я говорила! За что я обидѣла ее? Что мнѣ дѣлать? Что я скажу ей?» думала Кити и остановилась у двери.

Варенька въ шляпѣ и съ зонтикомъ въ рукахъ сидѣла у стола, разсматривая пружину, которую сломала Кити. Она подняла голову.

— Варенька, простите меня, простите! — прошептала Кити, подходя къ ней. — Я не помню, что я говорила. Я...

— Я, право, не хотѣла васъ огорчать, — сказала Варенька улыбаясь.

Миръ былъ заключенъ. Но съ пріѣздомъ отца для Кити измѣнился весь тотъ міръ, въ которомъ она жила. Она не отреклась отъ всего того, что узнала, но поняла, что она себя обманывала, думая, что можетъ быть тѣмъ, чѣмъ хотѣла быть. Она какъ будто очнулась; почувствовала всю трудность безъ притворства и хвастовства удержаться на той высотѣ, на которую она хотѣла подняться; кромѣ того, она почувствовала всю тяжесть этого міра горя, болѣзней, умирающихъ, въ которомъ она жила; ей мучительны показались тѣ усилія, которыя она дѣлала надъ собой, чтобы любить это, и поскорѣй захотѣлось на свѣжій воздухъ, въ Россію, въ Ергушово, куда, какъ она узнала изъ письма, переѣхала ужъ ея сестра Долли съ дѣтьми.

Но любовь ея къ Варенькѣ не ослабѣла. Прощаясь, Кити упрашивала ее пріѣхать къ нимъ въ Россію.

— Я пріѣду, когда вы выйдете замужъ, — сказала Веренька.

— Я никогда не выйду.

— Ну, такъ я никогда не пріѣду.

— Ну, такъ я только для этого выйду замужъ. Смотрите же, помните обѣщаніе! — сказала Кити.

Предсказанія доктора оправдались. Кити возвратилась домой, въ Россію, излѣченная. Она не была такъ беззаботна и весела, какъ прежде, но была спокойна. Московскія горести ея стали воспоминаніемъ.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ.

I.

Сергѣй Ивановичъ Кознышевъ хотѣлъ отдохнуть отъ умственной работы и, вмѣсто того, чтобъ отправиться по обыкновенію за границу, пріѣхалъ въ концѣ мая въ деревню къ брату. По его убѣжденіямъ, самая лучшая жизнь была деревенская. Онъ пріѣхалъ теперь наслаждаться этою жизнью къ брату. Константинъ Левинъ былъ очень радъ, тѣмъ болѣе, что онъ не ждалъ уже въ это лѣто брата Николая. Но, несмотря на свою любовь и уваженіе къ Сергѣю Ивановичу, Константину Левину было въ деревнѣ неловко съ братомъ. Ему неловко, даже непріятно было видѣть отношеніе брата къ деревнѣ. Для Константина Левина деревня была мѣсто жизни, то-есть радостей, страданій, труда; для Сергѣя Ивановича деревня была, съ одной стороны, отдыхъ отъ труда, съ другой — полезное противоядіе испорченности, которое онъ принималъ съ удовольствіемъ и сознаніемъ его пользы. Для Константина Левина деревня была тѣмъ хороша, что она представляла поприще для труда, несомнѣнно полезнаго; для Сергѣя Ивановича деревня была особенно хороша тѣмъ, что тамъ можно и должно ничего не дѣлать. Кромѣ того, и отношеніе Сергѣя Ивановича къ народу нѣсколько коробило Константина. Сергѣй Ивановичъ говорилъ, что онъ любитъ и знаетъ народъ, и часто бесѣдовалъ съ мужиками, что́ онъ умѣлъ дѣлать хорошо, не притворяясь и не ломаясь, и изъ каждой такой бесѣды выводилъ общія данныя въ пользу народа и въ доказательство, что зналъ этотъ народъ. Такое отношеніе къ народу не нравилось Константину Левину. Для Константина народъ былъ только главный участникъ въ общемъ трудѣ и, несмотря на все уваженіе и какую-то кро̀вную любовь къ мужику, всосанную имъ, какъ онъ самъ говорилъ, вѣроятно, съ молокомъ бабы-кормилицы, онъ, какъ участникъ съ нимъ въ общемъ дѣлѣ, иногда приходившій въ восхищеніе отъ силы, кротости, справедливости этихъ людей, очень часто, когда въ

общемъ дѣлѣ требовались другія качества, приходилъ въ озлобленіе на народъ за его безпечность, неряшливость, пьянство, ложь. Константинъ Левинъ, если бы у него спросили, любитъ ли онъ народъ, рѣшительно не зналъ бы, какъ на это отвѣтить. Онъ любилъ и не любилъ народъ такъ же, какъ и вообще людей. Разумѣется, какъ добрый человѣкъ, онъ больше любилъ, чѣмъ не любилъ людей, а потому и народъ. Но любить или не любить народъ, какъ что-то особенное, онъ не могъ, потому что не только жилъ съ народомъ, не только всѣ его интересы были связаны съ народомъ, но онъ считалъ и самого себя частью народа, не видѣлъ въ себѣ и народѣ никакихъ особенныхъ качествъ и недостатковъ и не могъ противопоставлять себя народу. Кромѣ того, хотя онъ долго жилъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ мужикамъ, какъ хозяинъ и посредникъ, а главное какъ совѣтчикъ (мужики вѣрили ему и ходили верстъ за сорокъ къ нему совѣтоваться), онъ не имѣлъ никакого опредѣленнаго сужденія о народѣ и на вопросъ: знаетъ ли онъ народъ, былъ бы въ такомъ же затрудненіи отвѣтить, какъ на вопросъ: любитъ ли онъ народъ? Сказать, что онъ знаетъ народъ, было бы для него то же самое, что сказать, что онъ знаетъ людей. Онъ постоянно наблюдалъ и узнавалъ всякаго рода людей и въ томъ числѣ людей-мужиковъ, которыхъ онъ считалъ хорошими и интересными людьми, и безпрестанно замѣчалъ въ нихъ новыя черты, измѣнялъ о нихъ прежнія сужденія и составлялъ новыя. Сергѣй Ивановичъ—напротивъ. Точно, такъ же какъ онъ любилъ и хвалилъ деревенскую жизнь въ противоположность той, которой онъ не любилъ, точно такъ же и народъ любилъ онъ въ противоположность тому классу людей, котораго онъ не любилъ, и точно такъ же онъ зналъ народъ, какъ что-то противоположное вообще людямъ. Въ его методическомъ умѣ ясно сложились опредѣленныя формы народной жизни, выведенныя отчасти изъ самой народной жизни, но преимущественно изъ противоположенія. Онъ никогда не измѣнялъ своего мнѣнія о народѣ и сочувственнаго къ нему отношенія.

Въ случавшихся между братьями разногласіяхъ при сужденіяхъ о народѣ, Сергѣй Ивановичъ всегда побѣждалъ брата именно тѣмъ, что у Сергѣя Ивановича были опредѣленныя понятія о народѣ, его характерѣ, свойствахъ и вкусахъ; у Константина же Левина никакого опредѣленнаго и неизмѣннаго понятія не было, такъ что въ этихъ спорахъ Константинъ былъ уличаемъ въ противорѣчіи самому себѣ.

Для Сергѣя Ивановича меньшой братъ его былъ славный малый, съ сердцемъ, *поставленнымъ хорошо* (какъ онъ выражался

по-французски), но съ умомъ хотя и довольно быстрымъ, однако подчиненнымъ впечатлѣніямъ минуты и потому исполненнымъ противорѣчій. Со снисходительностью старшаго брата онъ иногда объяснялъ ему значеніе вещей, но не могъ находить удовольствія спорить съ нимъ, потому что слишкомъ легко разбивалъ его.

Константинъ Левинъ смотрѣлъ на брата, какъ на человѣка огромнаго ума и образованія, благороднаго въ самомъ высокомъ значеніи этого слова и одареннаго способностью дѣятельности для общаго блага. Но въ глубинѣ своей души, чѣмъ старше онъ становился и чѣмъ ближе узнавалъ своего брата, тѣмъ чаще и чаще ему приходило въ голову, что эта способность дѣятельности для общаго блага, которой онъ чувствовалъ себя совершенно лишеннымъ, можетъ быть, и не есть качество, а, напротивъ, недостатокъ чего-то, не недостатокъ добрыхъ, честныхъ, благородныхъ желаній и вкусовъ, но недостатокъ силы жизни, того, что называютъ сердцемъ, того стремленія, которое заставляетъ человѣка изъ всѣхъ безчисленныхъ представляющихся путей жизни выбрать одинъ и желать этого одного. Чѣмъ больше онъ узнавалъ брата, тѣмъ болѣе замѣчалъ, что и Сергѣй Ивановичъ и многіе другіе дѣятели для общаго блага не сердцемъ были приведены къ этой любви къ общему благу, но умомъ разсудили, что заниматься этимъ хорошо, и только потому занимались этимъ. Въ этомъ предположеніи утвердило Левина еще и то замѣчаніе, что братъ его нисколько не больше принималъ къ сердцу вопросы объ общемъ благѣ и о безсмертіи души, чѣмъ о шахматной партіи или объ остроумномъ устройствѣ новой машины.

Кромѣ того, Константину Левину было въ деревнѣ неловко съ братомъ еще и оттого, что въ деревнѣ, особенно лѣтомъ, Левинъ бывалъ постоянно занятъ хозяйствомъ и ему недоставало длиннаго лѣтняго дня, для того, чтобы передѣлать все, что̀ нужно, — а Сергѣй Ивановичъ отдыхалъ. Но, хотя онъ и отдыхалъ теперь, т.-е. не работалъ надъ своимъ сочиненіемъ, онъ такъ привыкъ къ умственной дѣятельности, что любилъ высказывать въ красивой сжатой формѣ приходившія ему мысли и любилъ, чтобы было кому слушать. Самый же обыкновенный и естественный слушатель его былъ братъ. И потому, несмотря на дружескую простоту ихъ отношеній, Константину неловко было оставлять его одного. Сергѣй Ивановичъ любилъ лечь въ траву на солнцѣ и лежать такъ, жарясь, и лѣниво болтать.

— Ты не повѣришь, — говорилъ онъ брату, — какое для меня наслажденіе эта хохлацкая лѣнь. Ни одной мысли въ головѣ, хоть шаромъ покати.

Но Константину Левину скучно было сидѣть и слушать его особенно потому, что онъ зналъ, что безъ него возятъ навозъ на неразлѣшенное поле и навалятъ Богъ знаетъ какъ, если не посмотрѣть, и рѣзцы въ плугахъ не завинтятъ, а поснимаютъ и потомъ скажутъ, что плуги—выдумка пустая и то ли дѣло соха Андреевна, и т. п.

— Да будетъ тебѣ ходить по жарѣ, — говорилъ ему Сергѣй Ивановичъ.

— Нѣтъ, мнѣ только на минуту забѣжать въ контору,— гово рилъ Левинъ и убѣгалъ въ поле.

II.

Въ первыхъ числахъ іюня случилось, что няня и экономка Агаѳья Михайловна понесла въ подвалъ баночку съ только что посоленными ею грибками, поскользнулась, упала и свихнула руку въ кисти. Пріѣхалъ молодой, болтливый, только что кончившій курсъ студентъ, земскій врачъ. Онъ осмотрѣлъ руку, сказалъ, что она не вывихнута, наслаждался бесѣдой съ знаменитымъ Сергѣемъ Ивановичемъ Кознышевымъ и разсказывалъ ему, чтобы выказать свой просвѣщенный взглядъ на вещи, всѣ уѣздныя сплетни, жалуясь на дурное положеніе земскаго дѣла. Сергѣй Ивановичъ внимательно слушалъ, разспрашивалъ и, возбуждаемый новымъ слушателемъ, разговорился, высказалъ нѣсколько мѣткихъ и вѣскихъ замѣчаній, почтительно оцѣненныхъ молодымъ докторомъ, и пришелъ въ свое, знакомое брату, оживленное состояніе духа, въ которое онъ обыкновенно приходилъ послѣ блестящаго и оживленнаго разговора. Послѣ отъѣзда доктора онъ пожелалъ ѣхать съ удочкой на рѣку. Сергѣй Ивановичъ любилъ удить рыбу и какъ будто гордился тѣмъ, что можетъ любить такое глупое занятіе.

Константинъ Левинъ, которому нужно было на пахоту и на луга, вызвался довезти брата въ кабріолетѣ.

Было то время года, перевалъ лѣта, когда урожай нынѣшняго года уже опредѣлился; когда начинаются заботы о посѣвѣ будущаго года и подошли покосы; когда рожь вся выколосилась и, сѣро-зеленая, не налитымъ, еще легкимъ колосомъ волнуется по вѣтру; когда зеленые овсы съ раскиданными по нимъ кустами желтой травы неровно выкидываются по позднимъ посѣвамъ; когда ранняя гречиха уже лопушится, скрывая землю; когда убитые въ камень скотиной пары съ оставленными дорогами, которыя не беретъ соха, вспаханы до половины; когда

присохшія вывезенныя кучи навоза пахнутъ по зарямъ вмѣстѣ съ медовыми травами, и на низахъ, ожидая косы, стоятъ сплошнымъ моремъ береженые луга съ чернѣющимися кучами стеблей выполоннаго щавельника.

Было то время, когда въ сельской работѣ наступаетъ короткая передышка передъ началомъ ежегодно повторяющейся и ежегодно вызывающей всѣ силы народа уборки. Урожай былъ прекрасный, и стояли ясные, жаркіе лѣтніе дни съ росистыми короткими ночами.

Братья должны были проѣхать черезъ лѣсъ, чтобы подъѣхать къ лугамъ. Сергѣй Ивановичъ любовался все время красотою заглохшаго отъ листвы лѣса, указывая брату то на темную съ тѣнистой стороны, пестрѣющую желтыми прилистниками, готовящуюся къ цвѣту старую липу, то на изумрудомъ блестящіе молодые побѣги деревъ нынѣшняго года. Константинъ Левинъ не любилъ говорить и слушать про красоты природы. Слова снимали для него красоту съ того, что̀ онъ видѣлъ. Онъ поддакивалъ брату, но невольно сталъ думать о другомъ. Когда они проѣхали лѣсъ, все вниманіе его поглотилось видомъ парового поля на бугрѣ, гдѣ желтѣющаго травой, гдѣ сбитаго и изрѣзаннаго клѣтками, гдѣ уваленнаго кучами, а гдѣ и вспаханнаго. По полю ѣхали вереницей телѣги. Левинъ сосчиталъ телѣги и остался доволенъ тѣмъ, что вывезется все, что̀ нужно, и мысли его перешли при видѣ луговъ на вопросъ о покосѣ. Онъ всегда испытывалъ что-то особенно забирающее за живое въ уборкѣ сѣна. Подъѣхавъ къ лугу, Левинъ остановилъ лошадь.

Утренняя роса еще оставалась внизу на густомъ подсѣдѣ травы, и Сергѣй Ивановичъ, чтобы не мочить ногъ, попросилъ довезти себя по лугу въ кабріолетѣ до того ракитоваго куста, у котораго брались окуни. Какъ ни жалко было Константину Левину мять свою траву, онъ въѣхалъ на лугъ. Высокая трава мягко обвивалась около колесъ и ногъ лошади, оставляя свои сѣмена на мокрыхъ спицахъ и ступицахъ.

Братъ сѣлъ подъ кустомъ, разобравъ удочки, а Левинъ отвелъ лошадь, привязалъ ее и вошелъ въ недвижимое вѣтромъ, огромное, сѣро-зеленое море луга. Шелковистая съ выспѣвающими сѣменами трава была почти по поясъ на заливномъ мѣстѣ.

Перейдя лугъ поперекъ, Константинъ Левинъ вышелъ на дорогу и встрѣтилъ старика съ опухшимъ глазомъ, несшаго роевню съ пчелами.

— Что? или поймалъ, Ѳомичъ? — спросилъ онъ.

— Какое поймалъ, Константинъ Митричъ! Только бы своихъ уберечь. Ушелъ вотъ второй разъ другакъ... Спасибо, ребята доскакали. У васъ пашутъ. Отпрягли лошадь, доскакали...

— Ну, чтò скажешь, Ѳомичъ, — косить или подождать?

— Да что жъ! по-нашему, до Петрова дня подождать. А вы раньше всегда косите. Что жъ, Богъ дастъ, травы добрыя. Скотинѣ просторъ будетъ.

— А погода, какъ думаешь?

— Дѣло Божье. Можетъ, и погода будетъ.

Левинъ подошелъ къ брату.

Ничего не ловилось, но Сергѣй Ивановичъ не скучалъ и казался въ самомъ веселомъ расположенiи духа. Левинъ видѣлъ, что, раззодоренный разговоромъ съ докторомъ, онъ хотѣлъ поговорить. Левину же, напротивъ, хотѣлось скорѣе домой, чтобы распорядиться о вызовѣ косцовъ къ завтраму и рѣшить сомнѣнiе насчетъ покоса, которое сильно занимало его.

— Что жъ, поѣдемъ, — сказалъ онъ.

— Куда жъ торопиться? Посидимъ. Какъ ты измокъ однако! Хоть не ловится, но хорошо. Всякая охота тѣмъ хороша, что имѣешь дѣло съ природой. Ну, чтò за прелесть эта стальная вода! — сказалъ онъ. — Эти берега луговые, — продолжалъ онъ, — всегда напоминаютъ мнѣ загадку, — знаешь? Трава говоритъ водѣ: а мы пошатаемся, пошатаемся.

— Я не знаю этой загадки, — уныло отвѣчалъ Левинъ.

III.

— А знаешь, я о тебѣ думалъ, — сказалъ Сергѣй Ивановичъ. — Это ни на что не похоже, чтò у васъ дѣлается въ уѣздѣ, какъ мнѣ поразсказалъ этотъ докторъ; онъ очень не глупый малый. И я тебѣ говорилъ и говорю; не хорошо, что ты не ѣздишь на собранiя и вообще устранился отъ земскаго дѣла. Если порядочные люди будутъ удаляться, разумѣется, все пойдетъ Богъ знаетъ какъ. Деньги мы платимъ, онѣ идутъ на жалованья, а нѣтъ ни школъ, ни фельдшеровъ, ни повивальныхъ бабокъ, ни аптекъ,—ничего нѣтъ.

— Вѣдь я пробовалъ, — тихо и неохотно отвѣчалъ Левинъ,— не могу! Ну, что жъ дѣлать!

— Да чего ты не можешь? Я, признаюсь, не понимаю. Равнодушiя, неумѣнiя я не допускаю; неужели просто лѣнь?

— Ни то, ни другое, ни третье. Я пробовалъ, и вижу, что ничего не могу сдѣлать, — сказалъ Левинъ.

Онъ мало вникалъ въ то, что̀ говорилъ братъ. Вглядываясь за рѣку на пашню, онъ различалъ что-то черное, но не могъ разобрать, лошадь это или приказчикъ верхомъ.

— Отчего же ты не можешь ничего сдѣлать? Ты сдѣлалъ попытку, и не удалось по-твоему, и ты покоряешься. Какъ не имѣть самолюбія?

— Самолюбія,—сказалъ Левинъ, задѣтый за живое словами брата,—я не понимаю. Когда бы въ университетѣ мнѣ сказали, что другіе понимаютъ интегральное вычисленіе, а я не понимаю, тутъ самолюбіе. Но тутъ надо быть убѣжденнымъ прежде, что нужно имѣть извѣстныя способности для этихъ дѣлъ, и главное въ томъ, что всѣ эти дѣла важны очень.

— Такъ что жъ! развѣ это не важно? — сказалъ Сергѣй Ивановичъ, задѣтый за живое и тѣмъ, что братъ его находилъ неважнымъ то, что его занимало, и въ особенности тѣмъ, что онъ, очевидно, почти не слушалъ его.

— Мнѣ не кажется важнымъ, не забираетъ меня, что жъ ты хочешь?.. — отвѣчалъ Левинъ, разобравъ, что то, что онъ видѣлъ, былъ приказчикъ, и что приказчикъ, вѣроятно, спустилъ мужиковъ съ пахоты. Они перевертывали сохи. «Неужели уже отпахались?» подумалъ онъ.

— Ну, послушай однако,—нахмуривъ свое красивое, умное лицо, сказалъ старшій братъ, — есть границы всему. Это очень хорошо быть чудакомъ и искреннимъ человѣкомъ и не любить фальши, — я все это знаю; но вѣдь то, что ты говоришь, или не имѣетъ смысла, или имѣетъ очень дурной смыслъ Какъ ты находишь неважнымъ, что тотъ народъ, который ты любишь, какъ ты увѣряешь...

«Я никогда не увѣрялъ», подумалъ Константинъ Левинъ.

— ... Мретъ безъ помощи? Грубыя бабки замариваютъ дѣтей, и народъ коснѣетъ въ невѣжествѣ и остается во власти всякаго писаря, а тебѣ дано въ руки средство помочь этому, и ты не помогаешь, потому что по-твоему это неважно.

И Сергѣй Ивановичъ поставилъ ему дилемму: или ты такъ неразвитъ, что не можешь видѣть всего, что̀ можешь сдѣлать, или ты не хочешь поступиться своимъ спокойствіемъ, тщеславіемъ, я не знаю чѣмъ, чтобы это сдѣлать.

Константинъ Левинъ чувствовалъ, что ему остается только покориться или признаться въ недостаткѣ любви къ общему дѣлу. И его это оскорбило и огорчило.

— И то и другое, — сказалъ онъ рѣшительно, — я не вижу чтобы можно было...

— Какъ? Нельзя, хорошо размѣстивъ деньги, дать врачебную помощь?

— Нельзя, какъ мнѣ кажется... На четыре тысячи квадратныхъ верстъ нашего уѣзда, съ нашими зажорами, метелями, рабочею порой, я не вижу возможности давать повсемѣстно врачебную помощь. Да и вообще не вѣрю въ медицину.

— Ну, позволь, это несправедливо... Я тебѣ тысячи примѣровъ назову... Ну, а школы?

— Зачѣмъ школы?

— Что̀ ты говоришь! Развѣ можетъ быть сомнѣніе въ пользѣ образованія? Если оно хорошо для тебя, то и для всякаго.

Константинъ Левинъ чувствовалъ себя нравственно припертымъ къ стѣнѣ и потому разгорячился и высказалъ невольно главную причину своего равнодушія къ общему дѣлу.

— Можетъ быть, все это хорошо; но мнѣ-то зачѣмъ заботиться объ учрежденіяхъ пунктовъ медицинскихъ, которыми я никогда не пользуюсь, и школъ, куда я своихъ дѣтей не буду посылать, куда и крестьяне не хотятъ посылать дѣтей, и я еще не твердо вѣрю, что нужно ихъ посылать?—сказалъ онъ.

Сергѣя Ивановича на минуту удивило это неожиданное воззрѣніе на дѣло; но онъ тотчасъ составилъ новый планъ атаки.

Онъ помолчалъ, вынулъ одну удочку, перекинулъ и, улыбаясь, обратился къ брату:

— Ну, позволь... Во-первыхъ, пунктъ медицинскій понадобился. Вотъ мы для Агаѳьи Михайловны послали за земскимъ докторомъ.

— Ну, я думаю, что рука останется кривою.

— Это еще вопросъ... Потомъ грамотный мужикъ, работникъ, тебѣ же нужнѣе и дороже.

— Нѣтъ, у кого хочешь спроси,—рѣшительно отвѣчалъ Константинъ Левинъ,—грамотный, какъ работникъ, гораздо хуже. И дорогъ починить нельзя; а мосты, какъ поставятъ, такъ и украдутъ.

— Впрочемъ,—нахмурившись сказалъ Сергѣй Ивановичъ, не любившій противорѣчій и въ особенности такихъ, которыя безпрестанно перескакивали съ одного на другое и безъ всякой связи вводили новые доводы, такъ что нельзя было знать, на что отвѣчать,—впрочемъ, не въ томъ дѣло. Позволь. Признаешь ли ты, что образованіе есть благо для народа?

— Признаю,—сказалъ Левинъ нечаянно и тотчасъ же подумалъ, что онъ сказалъ не то, что думаетъ. Онъ чувствовалъ, что, если онъ признаетъ это, ему будетъ доказано, что онъ говоритъ пустяки, не имѣющіе никакого смысла. Какъ это бу-

детъ ему доказано, онъ не зналъ, но зналъ, что это несомнѣнно логически будетъ ему доказано, и онъ ждалъ этого доказательства.

Доводъ вышелъ гораздо проще, чѣмъ того ожидалъ Константинъ Левинъ.

— Если ты признаешь это благомъ, — сказалъ Сергѣй Ивановичъ,—то ты, какъ честный человѣкъ, не можешь не любить и не сочувствовать такому дѣлу и потому не желать работать для него.

— Но я еще не признаю этого дѣла хорошимъ, — покраснѣвъ сказалъ Константинъ Левинъ.

— Какъ? Да ты сейчасъ сказалъ...

— То-есть я не признаю его ни хорошимъ, ни возможнымъ.

— Этого ты не можешь знать, не сдѣлавъ усилій.

— Ну, положимъ,—сказалъ Левинъ, хотя вовсе не полагалъ этого, — положимъ, что это такъ; но я все-таки не вижу, для чего я буду объ этомъ заботиться.

— То-есть какъ?

— Нѣтъ, уже если мы разговорились, то объясни мнѣ съ философской точки зрѣнія,—сказалъ Левинъ.

— Я не понимаю, къ чему тутъ философія, — сказалъ Сергѣй Ивановичъ, какъ показалось Левину, такимъ тономъ, какъ будто онъ не признавалъ права брата разсуждать о философіи. И это раздражило Левина.

— Вотъ къ чему!—горячась заговорилъ онъ.—Я думаю, что двигатель всѣхъ нашихъ дѣйствій есть все-таки личное счастіе. Теперь въ земскихъ учрежденіяхъ я, какъ дворянинъ, не вижу ничего, чтобы содѣйствовало моему благосостоянію. Дороги не лучше и не могутъ быть лучше; лошади мои везутъ меня и по дурнымъ. Доктора и пункта мнѣ не нужно. Мировой судья мнѣ не нуженъ,—я никогда не обращаюсь къ нему и не обращусь. Школы мнѣ не только не нужны, но даже вредны, какъ я тебѣ говорилъ. Для меня земскія учрежденія просто повинность платить восемнадцать копеекъ съ десятины, ѣздить въ городъ, ночевать съ клопами и слушать всякій вздоръ и гадости, а личный интересъ меня не побуждаетъ.

— Позволь,—перебилъ съ улыбкой Сергѣй Ивановичъ,—личный интересъ не побуждалъ насъ работать для освобожденія крестьянъ, а мы работали.

— Нѣтъ!—все болѣе горячась, перебилъ Константинъ.—Освобожденіе крестьянъ было другое дѣло. Тутъ былъ личный интересъ. Хотѣлось сбросить съ себя это ярмо, которое давило насъ, всѣхъ хорошихъ людей. Но быть гласнымъ, разсуждать о томъ, сколько золотарей нужно и какъ трубы провести въ

городѣ, гдѣ я не живу; быть присяжнымъ и судить мужика, укравшаго ветчину, и шесть часовъ слушать всякій вздоръ, который мелютъ защитники и прокуроры, и какъ предсѣдатель спрашиваетъ у моего старика Алешки-дурачка: «признаете ли вы, господинъ подсудимый, фактъ похищенія ветчины?»—Ась?

Константинъ Левинъ уже отвлекся, сталъ представлять предсѣдателя и Алешку-дурачка; ему казалось, что это все идетъ къ дѣлу.

Но Сергѣй Ивановичъ пожалъ плечами.

— Ну, такъ что̀ ты хочешь сказать?

— Я только хочу сказать, что тѣ права, которыя меня... мой интересъ затрогиваютъ, я буду всегда защищать всѣми силами; что, когда у насъ, у студентовъ, дѣлали обыскъ и читали наши письма жандармы, я готовъ всѣми силами защищать эти права, защищать мои права образованія, свободы. Я понимаю военную повинность, которая затрогиваетъ судьбу моихъ дѣтей, братьевъ и меня самого; я готовъ обсуждать то, что меня касается; но судить, куда распредѣлить сорокъ тысячъ земскихъ денегъ или Алешу-дурачка судить, я не понимаю и не могу.

Константинъ Левинъ говорилъ такъ, какъ будто прорвало плотину его словъ. Сергѣй Ивановичъ улыбнулся.

— А завтра ты будешь судиться: что же, тебѣ пріятнѣе было бы, чтобы тебя судили въ старой уголовной палатѣ?

— Я не буду судиться. Я никого не зарѣжу, и мнѣ этого не нужно. Ну ужъ! — продолжалъ онъ, опять перескакивая къ совершенно не идущему къ дѣлу,—наши земскія учрежденія и все это—похоже на березки, которыя мы натыкали, какъ въ Троицынъ день, для того, чтобы было похоже на лѣсъ, который самъ выросъ въ Европѣ, и не могу я отъ души поливать и вѣрить въ эти березки.

Сергѣй Ивановичъ пожалъ только плечами, выражая этимъ жестомъ удивленіе тому, откуда теперь явились въ ихъ спорѣ эти березки, хотя онъ тотчасъ же понялъ то, что̀ хотѣлъ сказать этимъ его братъ.

— Позволь, вѣдь этакъ нельзя разсуждать,—замѣтилъ онъ. Но Константину Левину хотѣлось оправдаться въ томъ недостаткѣ, который онъ зналъ за собой,—въ равнодушіи къ общему благу, и онъ продолжалъ:

— Я думаю,—сказалъ Константинъ,—что никакая дѣятельность не можетъ быть прочна, если она не имѣетъ основы въ личномъ интересѣ. Это общая истина, философская, — сказалъ онъ съ рѣшительностью, повторяя слово *философская*, какъ

будто желая показать, что онъ тоже имѣетъ право, какъ и всякій, говорить о философіи.

Сергѣй Ивановичъ еще разъ улыбнулся. «И у него тамъ тоже какая-то своя философія есть на службу своихъ наклонностей», подумалъ онъ.

— Ну, ужъ о философіи ты оставь,—сказалъ онъ.—Главная задача философіи всѣхъ вѣковъ состоитъ именно въ томъ, чтобы найти ту необходимую связь, которая существуетъ между личнымъ интересомъ и общимъ. Но это не къ дѣлу, а къ дѣлу то, что мнѣ только нужно поправить твое сравненіе. Березки не натыканы, а которыя посажены, которыя посѣяны, и съ ними надо обращаться осторожнѣе. Только тѣ народы имѣютъ будущность, только тѣ народы можно назвать историческими, которые имѣютъ чутье къ тому, чтó важно и значительно въ ихъ учрежденіяхъ, и дорожатъ ими.

И Сергѣй Ивановичъ перенесъ вопросъ въ область философски-историческую, недоступную для Константина Левина, и показалъ ему всю несправедливость его взгляда.

— Что же касается до того, что тебѣ это не нравится, то, извини меня, это наша русская лѣнь и барство, а я увѣренъ, что у тебя это временное заблужденіе и пройдетъ.

Константинъ молчалъ. Онъ чувствовалъ, что онъ разбитъ со всѣхъ сторонъ, но онъ чувствовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что то, что онъ хотѣлъ сказать, было не понято его братомъ. Онъ не зналъ только, почему это было не понято: потому ли, что онъ не умѣлъ сказать ясно то, что хотѣлъ, потому ли, что братъ не хотѣлъ, или потому что не могъ его понять. Но онъ не сталъ углубляться въ эти мысли и, не возражая брату, задумался о совершенно другомъ, личномъ своемъ дѣлѣ.

Сергѣй Ивановичъ замоталъ послѣднюю удочку, отвязалъ лошадь, и они поѣхали.

IV.

Личное дѣло, занимавшее Левина во время разговора его съ братомъ, было слѣдующее: въ прошломъ году, пріѣхавъ однажды на покосъ и разсердившись на приказчика, Левинъ употребилъ свое средство успокоенія—взялъ у мужика косу и сталъ косить.

Работа эта такъ понравилась ему, что онъ нѣсколько разъ принимался косить; выкосилъ весь лугъ передъ домомъ, и нынѣшній годъ съ самой весны составилъ себѣ планъ—косить съ мужиками цѣлые дни. Со времени пріѣзда брата онъ былъ въ

раздумьи: косить или нѣтъ? Ему совѣстно было оставлять брата одного по цѣлымъ днямъ, и онъ боялся, чтобы братъ не посмѣялся надъ нимъ за это. Но, пройдясь по лугу, вспомнивъ впечатлѣніе косьбы, онъ уже почти рѣшилъ, что будетъ косить. Послѣ же раздражительнаго разговора съ братомъ онъ опять вспомнилъ это намѣреніе.

«Нужно физическое движеніе, а то мой характеръ рѣшительно портится», подумалъ онъ и рѣшился косить, какъ ни неловко это будетъ ему передъ братомъ и народомъ.

Съ вечера Константинъ Левинъ пошелъ въ контору, сдѣлалъ распоряженіе о работахъ и послалъ по деревнямъ вызвать на завтра косцовъ, съ тѣмъ чтобы косить Калиновый лугъ, самый большой и лучшій.

— Да мою косу пошлите, пожалуйста, къ Титу, чтобы онъ отбилъ и вынесъ завтра: я, можетъ быть, буду самъ косить тоже,—сказалъ онъ, стараясь не конфузиться.

Приказчикъ улыбнулся и сказалъ:

— Слушаю-съ.

Вечеромъ за чаемъ Левинъ сказалъ и брату.

— Кажется, погода установилась,—сказалъ онъ.—Завтра я начинаю косить.

— Я очень люблю эту работу,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ.

— Я ужасно люблю. Я самъ косилъ иногда съ мужиками и завтра хочу цѣлый день косить.

Сергѣй Ивановичъ поднялъ голову и съ любопытствомъ посмотрѣлъ на брата.

— То-есть какъ? Наравнѣ съ мужиками, цѣлый день?

— Да, это очень пріятно,—сказалъ Левинъ.

— Это прекрасно, какъ физическое упражненіе, только едва ли ты можешь это выдержать,—безъ всякой насмѣшки сказалъ Сергѣй Ивановичъ.

— Я пробовалъ. Сначала тяжело, потомъ втягиваешься. Я думаю, что не отстану...

— Вотъ какъ! Но скажи, какъ мужики смотрятъ на это? Должно быть, посмѣиваются, что чудитъ баринъ.

— Нѣтъ, не думаю, но это такая веселая и вмѣстѣ трудная работа, что некогда думать.

— Но какъ же ты обѣдать съ ними будешь? Туда лафиту тебѣ прислать и индюшку жареную уже неловко.

— Нѣтъ, я только въ одно время съ ихъ отдыхомъ пріѣду домой.

На другое утро Константинъ Левинъ всталъ раньше обыкновеннаго, но хозяйственныя распоряженія задержали его, и

когда онъ пріѣхалъ на покосъ, косцы шли уже по второму ряду.

Еще съ горы открылась ему подъ горою тѣнистая, уже скошенная часть луга, съ сѣрѣющими рядами и черными кучками кафтановъ, снятыхъ косцами, на томъ мѣстѣ откуда они зашли первый рядъ.

По мѣрѣ того какъ онъ подъѣзжалъ, ему открывались шедшіе другъ за другомъ растянутою вереницей и различно махавшіе косами мужики, кто въ кафтанахъ, кто въ однѣхъ рубахахъ. Онъ насчиталъ ихъ сорокъ два человѣка.

Они медленно двигались по неровному низу луга, гдѣ была старая запруда. Нѣкоторыхъ своихъ Левинъ узналъ. Тутъ былъ старикъ Ермилъ въ очень длинной бѣлой рубахѣ, согнувшись махавшій косой: тутъ былъ молодой малый Васька, бывшій у Левина въ кучерахъ, съ размаха бравшій каждый рядъ. Тутъ былъ и Титъ, по косьбѣ дядька Левина, маленькій худенькій мужичокъ. Онъ не сгибаясь шелъ передомъ, какъ бы играя косой, срѣзывая свой широкій рядъ.

Левинъ слѣзъ съ лошади и, привязавъ ее у дороги, сошелся съ Титомъ, который доставъ изъ куста вторую косу, подалъ ее.

— Готова, баринъ: бреетъ, сама коситъ,—сказалъ Титъ, съ улыбкой снимая шапку и подавая ему косу.

Левинъ взялъ косу и сталъ примѣриваться. Кончившіе свои ряды, потные и веселые косцы выходили одинъ за другимъ на дорогу и посмѣиваясь здоровались съ бариномъ. Они всѣ глядѣли на него, но никто ничего не говорилъ до тѣхъ поръ, пока вышедшій на дорогу высокій старикъ съ сморщеннымъ и безбородымъ лицомъ, въ овчинной курткѣ, не обратился къ нему:

— Смотри, баринъ, взялся за гужъ, не отставать,—сказалъ онъ, и Левинъ услыхалъ сдержанный смѣхъ между косцами.

— Постараюсь не отстать,—сказалъ онъ, становясь за Титомъ и выжидая времени начинать.

— Мотри,—повторилъ старикъ.

Титъ освободилъ мѣсто, и Левинъ пошелъ за нимъ. Трава была низкая, придорожная, и Левинъ, давно не косившій и смущенный обращенными на себя взглядами, въ первыя минуты косилъ дурно, хотя и махалъ сильно. Сзади его послышались голоса:

— Насажена неладно, рукоятка высока, вишь, ему сгибаться какъ,—сказалъ одинъ.

— Пяткой больше налегай,—сказалъ другой.

— Ничего, ладно, настрыкается,—продолжалъ старикъ.— Вишь пошелъ... Широкъ рядъ берешь, умаешься... Хозяинъ,

нельзя, для себя старается! А вишь, подрядье-то! За это нашего брата по горбу бывало.

Трава пошла мягче, и Левинъ, слушая, но не отвѣчая, стараясь косить какъ можно лучше, шелъ за Титомъ. Они прошли шаговъ сто. Титъ все шелъ, не останавливаясь, не выказывая ни малѣйшей усталости; но Левину уже страшно становилось, что онъ не выдержитъ: такъ онъ усталъ.

Онъ чувствовалъ, что махаетъ изъ послѣднихъ силъ, и рѣшился просить Тита остановиться. Но въ это самое время Титъ самъ остановился и, нагнувшись, взялъ травы, отеръ косу и сталъ точить. Левинъ расправился и, вздохнувъ, оглянулся. Сзади его шелъ мужикъ и, очевидно, также усталъ, потому что сейчасъ же, не доходя Левина, остановился и принялся точить. Титъ наточилъ свою косу и косу Левина, и они пошли дальше.

На второмъ пріемѣ было то же. Титъ шелъ махъ за махомъ, не останавливаясь и не уставая. Левинъ шелъ за нимъ, стараясь не отставать, и ему становилось все труднѣе и труднѣе: наступала минута, когда онъ чувствовалъ, у него не остается болѣе силъ, но въ это самое время Титъ останавливался и точилъ.

Такъ они прошли первый рядъ. И длинный рядъ этотъ показался особенно труденъ Левину; но зато, когда рядъ былъ дойденъ и Титъ, вскинувъ на плечо косу, медленнымъ шагомъ пошелъ заходить по слѣдамъ, оставленнымъ его каблуками по прокосу, и Левинъ точно такъ же пошелъ по своему прокосу, несмотря на то, что потъ катилъ градомъ по его лицу и капалъ съ носа и вся спина его была мокра, какъ вымоченная въ водѣ, — ему было очень хорошо. Въ особенности радовало его то, что онъ зналъ теперь, что выдержитъ.

Его удовольствіе отравилось только тѣмъ, что рядъ его былъ не хорошъ. «Буду меньше махать рукой, больше всѣмъ туловищемъ», думалъ онъ, сравнивая какъ по ниткѣ обрѣзанный рядъ Тита со своимъ раскиданнымъ и неровно лежащимъ рядомъ.

Первый рядъ, какъ замѣтилъ Левинъ, Титъ шелъ особенно быстро, вѣроятно, желая попытать барина, и рядъ попался длиненъ. Слѣдующіе ряды были уже легче, но Левинъ все-таки долженъ былъ напрягать всѣ свои силы, чтобы не отставать отъ мужиковъ.

Онъ ничего не думалъ, ничего не желалъ, кромѣ того, чтобы не отстать отъ мужиковъ и какъ можно лучше сработать. Онъ слышалъ только лязгъ косъ и видѣлъ предъ собой удалявшую-

ся прямую фигуру Тита, выгнутый полукругъ прокоса, медленно и волнисто склоняющіяся травы и головки цвѣтовъ около лезвея своей косы и впереди себя конецъ ряда, у котораго наступитъ отдыхъ.

Не понимая, что̀ это и откуда, въ серединѣ работы онъ вдругъ испыталъ пріятное ощущеніе холода по жаркимъ вспотѣвшимъ плечамъ. Онъ взглянулъ на небо во время натачиванія косы. Набѣжала низкая, тяжелая туча, и шелъ крупный дождь. Одни мужики пошли къ кафтанамъ и надѣли ихъ; другіе, точно такъ же какъ Левинъ, только радостно пожимали плечами подъ пріятнымъ освѣженіемъ.

Прошли еще и еще рядъ. Проходили длинные, короткіе, съ хорошею, съ дурною травой ряды. Левинъ потерялъ всякое сознаніе времени и рѣшительно не зналъ, поздно или рано теперь. Въ его работѣ стала происходить теперь перемѣна, доставлявшая ему огромное наслажденіе. Въ серединѣ его работы на него находили минуты, во время которыхъ онъ забывалъ то, что̀ дѣлалъ, ему становилось легко, и въ эти же самыя минуты рядъ его выходилъ почти такъ же ровенъ и хорошъ, какъ и у Тита. Но только что онъ вспоминалъ о томъ, что̀ онъ дѣлаетъ, и начиналъ стараться сдѣлать лучше, тотчасъ же онъ испытывалъ всю тяжесть труда, и рядъ выходилъ дуренъ.

Пройдя еще одинъ рядъ, онъ хотѣлъ опять заходить, но Титъ остановился и, подойдя къ старику, что-то тихо сказалъ ему. Они оба поглядѣли на солнце. «О чемъ это они говорятъ и отчего онъ не заходитъ рядъ?» подумалъ Левинъ, не догадываясь, что мужики не переставая косили уже не менѣе четырехъ часовъ и имъ пора завтракать.

— Завтракать, баринъ, — сказалъ старикъ.

— Развѣ пора? Ну, завтракать.

Левинъ отдалъ косу Титу и вмѣстѣ съ мужиками, пошедшими къ кафтанамъ за хлѣбомъ черезъ слегка побрызганные дождемъ ряды длиннаго скошеннаго пространства, пошелъ къ лошади. Тутъ только онъ понялъ, что не угадалъ погоду, и дождь мочилъ его сѣно.

— Испортитъ сѣно,—сказалъ онъ.

— Ничего, баринъ, въ дождь коси, въ погоду греби!—сказалъ старикъ.

Левинъ отвязалъ лошадь и поѣхалъ домой пить кофе.

Сергѣй Ивановичъ только что всталъ. Напившись кофею, Левинъ уѣхалъ опять на покосъ, прежде чѣмъ Сергѣй Ивановичъ успѣлъ одѣться и выйти въ столовую.

V.

Послѣ завтрака Левинъ попалъ въ рядъ уже не на прежнее мѣсто, а между шутникомъ-старикомъ, который пригласилъ его въ сосѣди, и молодымъ мужикомъ, съ осени только женатымъ и пошедшимъ косить первое лѣто.

Старикъ, прямо держась, шелъ впереди, ровно и широко передвигая вывернутыя ноги и точнымъ и ровнымъ движеніемъ, не стоившимъ ему, повидимому, болѣе труда, чѣмъ маханье руками на ходьбѣ, какъ бы играя, откладывалъ одинаковый, высокій рядъ. Точно не онъ, а одна острая коса сама вжикала по сочной травѣ.

Сзади Левина шелъ молодой Мишка. Миловидное, молодое лицо его, обвязанное по волосамъ жгутомъ свѣжей травы, все работало отъ усилій; но какъ только взглядывали на него, онъ улыбался. Онъ видимо готовъ былъ умереть скорѣе, чѣмъ признаться, что ему трудно.

Левинъ шелъ между ними. Въ самый жаръ косьба показалась ему не такъ трудна. Обливавшій его потъ прохлаждалъ его, а солнце, жегшее спину, голову и засученную по локоть руку, придавало крѣпость и упорство въ работѣ; и чаще и чаще приходили тѣ минуты безсознательнаго состоянія, когда можно было не думать о томъ, что́ дѣлаешь. Коса рѣзала сама собой. Это были счастливыя минуты. Еще радостнѣе были минуты, когда, подходя къ рѣкѣ, въ которую утыкались ряды, старикъ обтиралъ мокрою, густою травой косу, полоскалъ ея сталь въ свѣжей водѣ рѣки, зачерпывалъ брусницу и угощалъ Левина.

— Ну-ка кваску моего! А, хорошъ? — говорилъ онъ подмигивая.

И дѣйствительно, Левинъ никогда не пивалъ такого напитка, какъ эта теплая вода съ плавающею зеленью и ржавымъ отъ жестяной брусницы вкусомъ. И тотчасъ послѣ этого наступала блаженная, медленная прогулка съ рукой на косѣ, во время которой можно было отереть лившій потъ, вздохнуть полною грудью и оглядѣть всю тянущуюся вереницу косцовъ и то, что́ дѣлалось вокругъ, въ лѣсу и въ полѣ.

Чѣмъ долѣе Левинъ косилъ, тѣмъ чаще и чаще онъ чувствовалъ минуты забытья, при которомъ уже не руки махали косой, а сама коса двигала за собой все сознающее себя, полное жизни тѣло, и, какъ бы по волшебству, безъ мысли о ней,

работа правильная и отчетливая дѣлалась сама собой. Это были самыя блаженныя минуты.

Трудно было только тогда, когда надо было прекращать это, сдѣлавшееся безсознательнымъ, движеніе и думать; когда надо было окашивать кочку или невыполотый щавельникъ. Старикъ дѣлалъ это легко. Приходила кочка, онъ измѣнялъ движеніе и гдѣ пяткой, гдѣ концомъ косы подбивалъ кочку съ обѣихъ сторонъ коротенькими ударами. И, дѣлая это, онъ все разсматривалъ и наблюдалъ, что̀ открывалось предъ нимъ; то онъ срывалъ кочетокъ, съѣдалъ его или угощалъ Левина, то отбрасывалъ носкомъ косы вѣтку, то оглядывалъ гнѣздышко перепелиное, съ котораго изъ-подъ самой косы вылетала самка, то ловилъ козюлю, попавшуюся на пути, и, какъ вилкой, поднявъ ее косой, показывалъ Левину и отбрасывалъ.

И Левину и молодому малому сзади его эти перемѣны движеній были трудны. Они оба, наладивъ одно напряженное движеніе, находились въ азартѣ работы и не въ силахъ были измѣнять движенія и въ то же время наблюдать, что̀ было предъ ними.

Левинъ не замѣчалъ, какъ проходило время. Если бы спросили его, сколько времени онъ косилъ, онъ сказалъ бы, что полчаса,—а ужъ время подошло къ обѣду. Заходя рядъ, старикъ обратилъ вниманіе Левина на дѣвочекъ и мальчиковъ, которые съ разныхъ сторонъ, чуть видные, по высокой травѣ и по дорогѣ шли къ косцамъ, неся оттягивавшіе имъ ручонки узелки съ хлѣбомъ и заткнутые тряпками кувшинчики съ квасомъ.

— Вишь, козявки ползутъ,—сказалъ онъ, указывая на нихъ, и изъ-подъ руки поглядѣлъ на солнце.

Прошли еще два ряда, старикъ остановился.

— Ну, баринъ, обѣдать!—сказалъ онъ рѣшительно. И, дойдя до рѣки, косцы направились черезъ ряды къ кафтанамъ, у которыхъ, дожидаясь ихъ, сидѣли дѣти, принесшіе обѣды. Мужики собрались—дальніе подъ телѣги, ближніе—подъ ракитовый кустъ, на который накидали травы.

Левинъ подсѣлъ къ нимъ; ему не хотѣлось уѣзжать.

Всякое стѣсненіе предъ бариномъ уже давно исчезло. Мужики приготавливались обѣдать. Одни мылись, молодые ребята купались въ рѣкѣ, другіе прилаживали мѣсто для отдыха, развязывали мѣшочки съ хлѣбомъ и оттыкали кувшинчики съ квасомъ. Старикъ накрошилъ въ чашку хлѣба, размялъ его стеблемъ ложки, налилъ воды изъ брусницы, еще разрѣзалъ хлѣба и, посыпавъ солью, сталъ на востокъ молиться.

— Ну-ка, баринъ, моей тюрьки,—сказалъ онъ, присаживаясь на колѣни предъ чашкой.

Тюрька была такъ вкусна, что Левинъ раздумалъ ѣхать домой обѣдать. Онъ пообѣдалъ со старикомъ и разговорился съ нимъ о его домашнихъ дѣлахъ, принимая въ нихъ живѣйшее участіе, и сообщилъ ему всѣ свои дѣла и всѣ обстоятельства, которыя могли интересовать старика. Онъ чувствовалъ себя болѣе близкимъ къ нему, чѣмъ къ брату, и невольно улыбался отъ нѣжности, которую онъ испытывалъ къ этому человѣку. Когда старикъ опять всталъ, помолился и легъ тутъ же подъ кустомъ, положивъ себѣ подъ изголовье травы, Левинъ сдѣлалъ то же и, несмотря на липкихъ, упорныхъ на солнцѣ мухъ и козявокъ, щекотавшихъ его потное лицо и тѣло, заснулъ тотчасъ же и проснулся только, когда солнце зашло на другую сторону куста и стало доставать его. Старикъ давно не спалъ и сидѣлъ, отбивая косы молодыхъ ребятъ.

Левинъ оглянулся вокругъ себя и не узналъ мѣста: такъ все перемѣнилось. Огромное пространство луга было скошено и блестѣло особеннымъ, новымъ блескомъ, со своими уже пахнущими рядами, на вечернихъ, косыхъ лучахъ солнца. И окошенные кусты у рѣки, и сама рѣка прежде не видная, а теперь блестящая сталью въ своихъ извивахъ, и движущійся и поднимающійся народъ и крутая стѣна травы недокошеннаго мѣста луга, и ястреба, вившіеся надъ оголеннымъ лугомъ,—все это было совершенно ново. Очнувшись, Левинъ сталъ соображать, сколько скошено и сколько еще можно сдѣлать нынче.

Сработано было чрезвычайно много на сорокъ два человѣка. Весь большой лугъ, который при барщинѣ кашивали два дня въ тридцать косъ, былъ уже скошенъ. Нескошенными оставались углы съ короткими рядами. Но Левину хотѣлось какъ можно больше скосить въ этотъ день, и досадно было на солнце, которое такъ скоро спускалось. Онъ не чувствовалъ никакой усталости; ему только хотѣлось еще и еще поскорѣе и какъ можно больше сработать.

— А что, еще скосимъ, какъ думаешь, Машкинъ Верхъ? — сказалъ онъ старику.

— Какъ Богъ дастъ, солнце невысоко. Нечто водочки ребятамъ?

Во время полдника, когда опять сѣли и курящіе закурили, старикъ объявилъ ребятамъ, что «Машкинъ Верхъ скосить — водка будетъ».

— Эка, не скосить! Заходи, Титъ! Живо смахнемъ! Наѣшься ночью. Заходи!—послышались голоса, и, доѣдая хлѣбъ, косцы пошли заходить.

— Ну, ребята, держись!—сказалъ Титъ и почти рысью пошелъ передомъ.

— Иди, иди!—говорилъ старикъ, спѣя за нимъ и легко догоняя его,—срѣжу! берегись!

И молодые и старые, какъ бы наперегонку косили. Но, какъ они ни торопились, они не портили травы, и ряды откладывались такъ же чисто и отчетливо. Остававшійся въ углу уголокъ былъ смахнутъ въ пять минутъ. Еще послѣдніе косцы доходили ряды, какъ передніе захватили кафтаны на плечи и пошли черезъ дорогу къ Машкину Верху.

Солнце уже спускалось къ деревьямъ, когда они, побрякивая брусницами, вошли въ лѣсной овражекъ Машкина Верха. Трава была по поясъ въ серединѣ лощины, нѣжная и мягкая, лопушистая, кое-гдѣ по лѣсу пестрѣющая Иваномъ-да-Марьей.

Послѣ короткаго совѣщанія—вдоль ли, поперекъ ли ходить—Прохоръ Ермилинъ, тоже извѣстный косецъ, огромный, черноватый мужикъ, пошелъ передомъ. Онъ прошелъ рядъ впередъ, повернулся назадъ и отвалилъ,—и всѣ стали выравниваться за нимъ, ходя подъ гору по лощинѣ и на гору подъ самую опушку лѣса. Солнце зашло за лѣсъ. Роса уже пала; косцы только на горкѣ были на солнцѣ, а въ низу, по которому поднимался паръ, и на той сторонѣ шли въ свѣжей, росистой тѣни. Работа кипѣла.

Подрѣзаемая съ сочнымъ звукомъ и пряно пахнущая трава ложилась высокими рядами. Тѣснившіеся по короткимъ рядамъ косцы со всѣхъ сторонъ, побрякивая брусницами и звуча то столкнувшимися косами, то свистомъ бруска по оттачиваемой косѣ, то веселыми криками, подгоняли другъ друга.

Левинъ шелъ все такъ же между молодымъ малымъ и старикомъ. Старикъ, надѣвшій свою овчинную куртку, былъ такъ же веселъ, шутливъ и свободенъ въ движеніяхъ. Въ лѣсу безпрестанно попадались березовые, разбухшіе въ сочной травѣ грибы, которые рѣзались косами. Но старикъ, встрѣчая грибъ, каждый разъ сгибался, подбиралъ и клалъ за пазуху. «Еще старухѣ гостинцу», приговаривалъ онъ.

Какъ ни было легко косить мокрую и слабую траву, но трудно было спускаться и подниматься по крутымъ косогорамъ оврага. Но старика это не стѣсняло. Махая все такъ же косой, онъ маленькимъ, твердымъ шажкомъ своихъ обутыхъ въ большіе лапти ногъ взлѣзалъ медленно на кручь и, хоть и трясся всѣмъ тѣломъ и отвисшими ниже рубахи портками, не пропускалъ на пути ни одной травинки, ни одного гриба и такъ же шутилъ съ мужиками и Левинымъ. Левинъ шелъ за нимъ и часто думалъ, что онъ непремѣнно упадетъ, поднимаясь съ косою

на такой крутой бугоръ, куда и безъ косы трудно взлѣзть, но онъ взлѣзалъ и дѣлалъ, что̀ надо. Онъ чувствовалъ, что какая-то внѣшняя сила двигала имъ.

VI.

Машкинъ Верхъ скосили, додѣлали послѣдніе ряды, надѣли кафтаны и весело пошли къ дому. Левинъ сѣлъ на лошадь и, съ сожалѣніемъ простившись съ мужиками, поѣхалъ домой. Съ горы онъ оглянулся: ихъ не видно было въ поднимавшемся изъ низу туманѣ; были слышны только веселые грубые голоса, хохотъ и звукъ сталкивающихся косъ.

Сергѣй Ивановичъ давно уже отобѣдалъ и пилъ воду съ лимономъ и льдомъ въ своей комнатѣ, просматривая только что полученные съ почты газеты и журналы, когда Левинъ, съ прилипшими отъ пота ко лбу спутанными волосами и почернѣвшею мокрою спиной и грудью, съ веселымъ говоромъ ворвался къ нему въ комнату.

— А мы сработали весь лугъ! Ахъ, какъ хорошо, удивительно! А ты какъ поживалъ?—говорилъ Левинъ, совершенно забывъ вчерашній непріятный разговоръ.

— Батюшки! на что ты похожъ!—сказалъ Сергѣй Ивановичъ, въ первую минуту недовольно оглядываясь на брата.—Да дверь-то, дверь-то затворяй!—вскрикнулъ онъ.—Непремѣнно впустилъ десятокъ цѣлый.

Сергѣй Ивановичъ терпѣть не могъ мухъ и въ своей комнатѣ отворялъ окна только ночью и старательно затворялъ двери.

— Ей-Богу, ни одной. А если впустилъ, я поймаю. Ты не повѣришь, какое наслажденіе! Ты какъ провелъ день?

— Я хорошо. Но неужели ты цѣлый день косилъ? Ты, я думаю, голоденъ какъ волкъ. Кузьма тебѣ все приготовилъ.

— Нѣтъ, мнѣ и ѣсть не хочется. Я тамъ поѣлъ. А вотъ пойду умоюсь.

— Ну, иди, иди, и я сейчасъ приду къ тебѣ,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ, покачивая головой и глядя на брата.—Иди же, иди, скорѣй,—прибавилъ онъ улыбаясь и, собравъ свои книги приготовился идти. Ему самому вдругъ стало весело и не хотѣлось разставаться съ братомъ.—Ну, а во время дождя гдѣ ты былъ?

— Какой же дождь? чуть покрапалъ. Такъ я сейчасъ приду. Такъ ты хорошо провелъ день? Ну, и отлично.—И Левинъ ушелъ одѣваться.

Черезъ пять минутъ братья сошлись въ столовой. Хотя Левину и казалось, что не хочется ѣсть, и онъ сѣлъ за обѣдъ только, чтобы не обидѣть Кузьму, но когда началъ ѣсть, то обѣдъ показался ему чрезвычайно вкусенъ. Сергѣй Ивановичъ улыбаясь глядѣлъ на него.

— Ахъ да, тебѣ письмо,—сказалъ онъ.—Кузьма, принеси, пожалуйста, снизу. Да смотри, дверь затворяй.

Письмо было отъ Облонскаго. Левинъ вслухъ прочелъ его. Облонскій писалъ изъ Петербурга: «Я получилъ письмо отъ Долли, она въ Ергушовѣ, и у ней все не ладится. Съѣзди, пожалуйста, къ ней, помоги совѣтомъ, ты все знаешь. Она такъ рада будетъ тебя видѣть. Она совсѣмъ одна, бѣдная. Теща со всѣми еще за границей».

— Вотъ отлично. Непремѣнно съѣзжу къ нимъ,—сказалъ Левинъ.—А то поѣдемъ вмѣстѣ. Она такая славная. Не правда ли?

— А они недалеко тутъ?

— Верстъ тридцать. Пожалуй, и сорокъ будетъ. Но отличная дорога. Отлично съѣздимъ.

— Очень радъ,—все улыбаясь, сказалъ Сергѣй Ивановичъ. Видъ меньшого брата непосредственно располагалъ его къ веселости.

— Ну, аппетитъ у тебя!—сказалъ онъ, глядя на его склоненное надъ тарелкой буро-красно-загорѣлое лицо и шею.

— Отлично! Ты не повѣришь, какой это режимъ полезный противъ всякой дури. Я хочу обогатить медицину новымъ терминомъ: Arbeitscur.

— Ну, тебѣ-то это не нужно, кажется.

— Да, но разнымъ нервнымъ больнымъ.

— Да, это надо испытать. А я вѣдь хотѣлъ было прійти на покосъ посмотрѣть на тебя, но жара была такая невыносимая, что я и не пошелъ дальше лѣса. Я посидѣлъ и лѣсомъ пошелъ на слободу, встрѣтилъ твою кормилицу и зондировалъ ее насчетъ взгляда мужиковъ на тебя. Какъ я понялъ, они не одобряютъ этого. Она сказалъ: «не господское дѣло». Вообще мнѣ кажется, что въ понятіи народномъ очень твердо опредѣлены требованія на извѣстную, какъ они называютъ, «господскую» дѣятельность. И они не допускаютъ, чтобы господа выходили изъ опредѣлившейся въ ихъ понятіи рамки.

— Можетъ быть; но вѣдь это такое удовольствіе, какого я въ жизнь свою не испытывалъ. И дурного вѣдь ничего нѣтъ. Не правда ли?—отвѣчалъ Левинъ.—Что же дѣлать, если имъ не нравится. А впрочемъ, я думаю, что ничего. А?

— Вообще, — продолжалъ Сергѣй Ивановичъ, — ты, какъ я вижу, доволенъ своимъ днемъ.

— Очень доволенъ. Мы скосили весь лугъ. И съ какимъ старикомъ я тамъ подружился! Это ты не можешь себѣ представить что за прелесть.

— Ну, такъ доволенъ своимъ днемъ. И я тоже. Во-первыхъ, я рѣшилъ двѣ шахматныя задачи, и одна очень мила, — открывается пѣшкой. Я тебѣ покажу. А потомъ — думалъ о нашемъ вчерашнемъ разговорѣ.

— Что? о вчерашнемъ разговорѣ? — сказалъ Левинъ, блаженно щурясь и отдуваясь послѣ оконченнаго обѣда и рѣшительно не въ силахъ вспомнить, какой это былъ вчерашній разговоръ.

— Я нахожу, что ты правъ отчасти. Разногласіе наше заключается въ томъ, что ты ставишь двигателемъ личный интересъ, а я полагаю, что интересъ общаго блага долженъ быть у всякаго человѣка, стоящаго на извѣстной степени образованія. Можетъ быть, ты и правъ, что желательнѣе была бы заинтересованная матеріальная дѣятельность. Вообще, ты натура слишкомъ primesautière, какъ говорятъ французы; ты хочешь страстной, энергической дѣятельности или ничего.

Левинъ слушалъ брата и рѣшительно ничего не понималъ и не хотѣлъ понимать. Онъ только боялся, какъ бы братъ не спросилъ его такой вопросъ, по которому будетъ видно, что онъ ничего не слышалъ.

— Такъ-то, дружокъ, — сказалъ Сергѣй Ивановичъ, трогая его по плечу.

— Да, разумѣется. Да что же! Я не стою за свое, — отвѣчалъ Левинъ съ дѣтскою, виноватою улыбкой. «О чемъ бишь я спорилъ? — думалъ онъ. — Разумѣется, и я правъ, и онъ правъ, и все прекрасно. Надо только пойти въ контору распорядиться». Онъ всталъ, потягиваясь и улыбаясь.

Сергѣй Ивановичъ тоже улыбнулся.

— Хочешь пройтись, пойдемъ вмѣстѣ, — сказалъ онъ, не желая разставаться съ братомъ, отъ котораго такъ и вѣяло свѣжестью и бодростью. — Пойдемъ, зайдемъ и въ контору, если тебѣ нужно.

— Ахъ, батюшки! — вскрикнулъ Левинъ такъ громко, что Сергѣй Ивановичъ испугался.

— Что, что ты?

— Что рука Агаѳьи Михайловны? — сказалъ Левинъ, ударяя себя по головѣ. — Я и забылъ про нее.

— Лучше гораздо.

— Ну, все-таки я сбѣгаю къ ней. Ты не успѣешь шляпы надѣть, я вернусь.

И онъ, какъ трещотка, загремѣлъ каблуками, сбѣгая съ лѣстницы.

VII.

Въ то время, какъ Степанъ Аркадьевичъ проѣхалъ въ Петербургъ для исполненія самой естественной, извѣстной всѣмъ служащимъ, хотя и непонятной для неслужащихъ, нужнѣйшей обязанности, безъ которой нѣтъ возможности служить,—напомнить о себѣ въ министерствѣ, — и при исполненіи этой обязанности, взявъ почти всѣ деньги изъ дому, весело и пріятно проводилъ время и на скачкахъ и на дачахъ, Долли съ дѣтьми переѣхала въ деревню, чтобъ уменьшить сколько возможно расходы. Она переѣхала въ свою приданую деревню Ергушово, ту самую, гдѣ весной былъ проданъ лѣсъ, и которая была въ пятидесяти верстахъ отъ Покровскаго Левина.

Въ Ергушовѣ большой старый домъ былъ давно сломанъ, и еще княземъ былъ отдѣланъ и увеличенъ флигель. Флигель лѣтъ двадцать тому назадъ, когда Долли была ребенкомъ, былъ помѣстителенъ и удобенъ, хотя и стоялъ, какъ всѣ флигеля, бокомъ къ выѣздной аллеѣ и къ югу. Но теперь флигель этотъ былъ старъ и гнилъ. Когда еще Степанъ Аркадьевичъ ѣздилъ весной продавать лѣсъ, Долли просила его осмотрѣть домъ и велѣть поправить что̀ нужно. Степанъ Аркадьевичъ, какъ и всѣ виноватые мужья, очень заботившійся объ удобствахъ жены, самъ осмотрѣлъ домъ и сдѣлалъ распоряженіе о всемъ, по его понятію, нужномь. По его понятію, надо было перебить кретономъ всю мебель, повѣсить гардины, расчистить садъ, сдѣлать мостикъ у пруда и посадить цвѣты; но онъ забылъ много другихъ необходимыхъ вещей, недостатокъ которыхъ потомъ измучилъ Дарью Александровну.

Какъ ни старался Степанъ Аркадьевичъ быть заботливымъ отцомъ и мужемъ, онъ никакъ не могъ помнить, что у него есть жена и дѣти. У него были холостые вкусы, и только съ ними онъ соображался. Вернувшись въ Москву, онъ съ гордостью объявилъ женѣ, что все приготовлено, что домъ будетъ игрушечка и что онъ ей очень совѣтуетъ ѣхать. Степану Аркадьевичу отъѣздъ жены въ деревню былъ очень пріятенъ во всѣхъ отношеніяхъ: и дѣтямъ здорово, и расходовъ меньше, и ему свободнѣе. Дарья же Александровна считала переѣздъ въ деревню на лѣто необходимымъ для дѣтей, въ особенности

для дѣвочки, которая не могла поправиться послѣ скарлатины, и наконецъ, чтобъ избавиться отъ мелкихъ униженій, мелкихъ долговъ дровянику, рыбнику, башмачнику, которые измучили ее. Сверхъ того, отъѣздъ былъ ей пріятенъ еще и потому, что она мечтала залучить къ себѣ въ деревню сестру Кити, которая должна была возвратиться изъ-за границы въ серединѣ лѣта и которой предписано было купанье. Кити писала съ водъ, что ничто ей такъ не улыбается, какъ провести лѣто съ Долли въ Ергушовѣ, полномъ дѣтскихъ воспоминаній для нихъ обѣихъ.

Первое время деревенской жизни было для Долли очень трудное. Она живала въ деревнѣ въ дѣтствѣ, и у нея осталось впечатлѣніе, что деревня есть спасеніе отъ всѣхъ городскихъ непріятностей, что жизнь тамъ хотя и не красива (съ этимъ Долли легко мирилась), зато дешева и удобна: все есть, все дешево, все можно достать, и дѣтямъ хорошо. Но теперь, хозяйкой пріѣхавъ въ деревню, она увидала, что это все совсѣмъ не такъ, какъ она думала.

На другой день по ихъ пріѣздѣ пошелъ проливной дождь, и ночью потекло въ коридорѣ и въ дѣтской, такъ что кроватки перенесли въ гостиную. Кухарки людской не было; изъ девяти коровъ оказались, по словамъ скотницы, однѣ тельныя, другія первымъ теленкомъ, третьи стары, четвертыя тугосиси; ни масла, ни молока даже дѣтямъ недоставало. Яицъ не было. Курицу нельзя было достать; жарили и варили старыхъ, лиловыхъ, жилистыхъ пѣтуховъ. Нельзя было достать бабъ, чтобы вымыть полы,—всѣ были на картошкахъ. Кататься нельзя было, потому что одна лошадь заминалась и рвала въ дышлѣ. Купаться было негдѣ,—весь берегъ рѣки былъ истоптанъ скотиной и открытъ съ дороги; даже гулять нельзя было ходить, потому что скотина входила въ садъ черезъ сломанный заборъ и былъ одинъ страшный быкъ, который ревѣлъ и потому, должно быть, бодался. Шкаповъ для платья не было. Какіе были, тѣ не закрывались, и сами открывались, когда проходили мимо ихъ. Чугуновъ и корчагъ не было; котла для прачечной и даже гладильной доски для дѣвичьей не было.

Первое время, вмѣсто спокойствія и отдыха, попавъ на эти страшныя, съ ея точки зрѣнія, бѣдствія, Дарья Александровна была въ отчаяніи: хлопотала изо всѣхъ силъ, чувствовала безвыходность положенія и каждую минуту удерживала слезы, навертывавшіяся ей на глаза. Управляющій, бывшій вахмистръ, котораго Степанъ Аркадьевичъ полюбилъ и опредѣлилъ изъ швейцаровъ за его красивую и почтительную наружность, не принималъ никакого участія въ бѣдствіяхъ Дарьи Александров-

ны, говорилъ почтительно: «никакъ невозможно, такой народъ скверный», и ни въ чемъ не помогалъ.

Положеніе казалось безвыходнымъ. Но въ домѣ Облонскихъ, какъ и во всѣхъ семейныхъ домахъ, было одно незамѣтное, но важнѣйшее и полезнѣйшее лицо—Матрена Филимоновна. Она успокаивала барыню, увѣряла ее, что все *образуется* (это было ея слово и отъ нея перенялъ его Матвѣй), и сама, не торопясь и не волнуясь, дѣйствовала.

Она тотчасъ же сошлась съ приказчицей и въ первый же день пила съ нею и съ приказчикомъ чай подъ акаціями и обсуждала всѣ дѣла. Скоро подъ акаціями учредился клубъ Матрены Филимоновны, и тутъ, черезъ этотъ клубъ, состоявшій изъ приказчицы, старосты и конторщика, стали понемногу уравниваться трудности жизни, и черезъ недѣлю дѣйствительно все *образовалось*. Крышу починили, кухарку нашли,—старостину куму, куръ купили, коровы стали давать молока, садъ загородили жердями, катокъ сдѣлалъ плотникъ, къ шкапамъ придѣлали крючки, и они не стали отворяться непроизвольно, а гладильная доска, обернутая солдатскимъ сукномъ, легла съ ручки кресла на комодъ, и въ дѣвичьей запахло утюгомъ.

— Ну, вотъ! а все отчаивались,—сказала Матрена Филимоновна, указывая на доску.

Даже построили изъ соломенныхъ щитовъ купальню. Лили стала купаться, и для Дарьи Александровны сбылись хоть отчасти ея ожиданія хотя не спокойной, но удобной деревенской жизни. Спокойною съ шестью дѣтьми Дарья Александровна не могла быть. Одинъ заболѣвалъ, другой могъ заболѣть, третьему недоставало чего-нибудь, четвертый выказывалъ признаки дурного характера и т. д. и т. д. Рѣдко-рѣдко выдавались короткіе спокойные періоды. Но хлопоты и безпокойства эти были для Дарьи Александровны единственнымъ возможнымъ счастьемъ. Если бы не было этого, она бы оставалась одна со своими мыслями о мужѣ, который не любилъ ея. Но, кромѣ того, какъ ни тяжелы были для матери страхъ болѣзней, самыя болѣзни и горе въ виду признаковъ дурныхъ наклонностей въ дѣтяхъ,—сами дѣти выплачивали ей уже теперь мелкими радостями за ея горести. Радости эти были такъ мелки, что онѣ незамѣтны были, какъ золото въ пескѣ, и въ дурныя минуты она видѣла однѣ горести, одинъ песокъ; но были и хорошія минуты, когда она видѣла однѣ радости, одно золото.

Теперь въ уединеніи деревни, она чаще и чаще стала сознавать эти радости. Часто, глядя на нихъ, она дѣлала всевозможныя усилія, чтобъ убѣдить себя, что она заблуждается, что

она, какъ мать, пристрастна къ своимъ дѣтямъ; все-таки она не могла не говорить себѣ, что у нея прелестныя дѣти, всѣ шестеро, все въ разныхъ родахъ, но такія, какія рѣдко бываютъ,— и была счастлива ими и гордилась ими.

VIII.

Въ концѣ мая, когда уже все болѣе или менѣе устроилось, она получила отвѣтъ мужа на свои жалобы о деревенскихъ неустройствахъ. Онъ писалъ ей, прося прощенія въ томъ, что не обдумалъ всего, и обѣщалъ пріѣхать при первой возможности. Возможность эта не представилась, и до начала іюня Дарья Александровна жила одна въ деревнѣ.

Петровками, въ воскресенье, Дарья Александровна ѣздила къ обѣднѣ причащать всѣхъ своихъ дѣтей. Дарья Александровна въ своихъ задушевныхъ, философскихъ разговорахъ съ сестрой, матерью, друзьями очень часто удивляла ихъ своимъ вольнодумствомъ относительно религіи. У нея была своя странная религія метемпсихозы, въ которую она твердо вѣрила, мало заботясь о догматахъ церкви. Но въ семьѣ она—и не для того только, чтобы показывать примѣръ, а отъ всей души—строго исполняла всѣ церковныя требованія, и то, что дѣти около года не были у причастія, очень безпокоило ее, и, съ полнымъ одобреніемъ и сочувствіемъ Матрены Филимоновны, она рѣшила совершить это теперь, лѣтомъ.

Дарья Александровна за нѣсколько дней впередъ обдумала, какъ одѣть всѣхъ дѣтей. Были сшиты, передѣланы и вымыты платья, выпущены рубцы и оборки, пришиты пуговки и приготовлены ленты. Одно платье на Таню, которое взялась шить англичанка, испортило много крови Дарьѣ Александровнѣ. Англичанка, перешивая, сдѣлала вытачки не на мѣстѣ, слишкомъ вынула рукава и совсѣмъ было испортила платье. Танѣ подхватило плечи такъ, что видѣть было больно. Но Матрена Филимоновна догадалась вставить клинья и сдѣлать пелеринку. Дѣло поправилось, но съ англичанкой произошла было почти ссора. На утро, однако, все устроилось, и къ девяти часамъ—срокъ, до котораго просили батюшку подождать съ обѣдней—сіяющія радостью, разодѣтыя дѣти стояли у крыльца передъ коляской, дожидаясь матери.

Въ коляску, вмѣсто заминающагося Ворона, запрягли, по протекціи Матрены Филимоновны, приказчикова Бураго, и Дарья Александровна, задержанная заботами о своемъ туалетѣ, одѣтая въ бѣлое кисейное платье, вышла садиться.

Дарья Александровна причесывалась и одѣвалась съ заботой и волненіемъ. Прежде она одѣвалась для себя, чтобы бы быть красивой и нравиться; потомъ, чѣмъ больше она старѣлась, тѣмъ непріятнѣе ей становилось одѣваться; она видѣла, какъ она подурнѣла. Но теперь она опять одѣвалась съ удовольствіемъ и волненіемъ. Теперь она одѣвалась не для себя, не для своей красоты, а для того, чтобы она, какъ мать этихъ прелестей, не испортила общаго впечатлѣнія. И, посмотрѣвшись въ послѣдній разъ въ зеркало, она осталась довольна собой. Она была хороша. Не такъ хороша, какъ она, бывало, хотѣла быть хороша на балѣ, но хороша для той цѣли, которую она теперь имѣла въ виду.

Въ церкви никого, кромѣ мужиковъ, дворниковъ и ихъ бабъ, не было. Но Дарья Александровна видѣла, или ей казалось, что она видѣла, восхищеніе, возбуждаемое ея дѣтьми и ею. Дѣти не только были прекрасны собой въ своихъ нарядныхъ платьицахъ, но они были милы тѣмъ, какъ хорошо они себя держали. Алеша, правда, стоялъ не совсѣмъ хорошо: онъ все поворачивался и хотѣлъ видѣть сзади свою курточку; но все-таки онъ былъ необыкновенно милъ. Таня стояла какъ большая и смотрѣла за маленькими. Но меньшая, Лили, была прелестна своимъ наивнымъ удивленіемъ предъ всѣмъ, и трудно было не улыбнуться, когда, причастившись, она сказала: «please, some more».

Возвращаясь домой, дѣти чувствовали, что что-то торжественное совершилось, и были очень смирны.

Все шло хорошо и дома; но за завтракомъ Гриша сталъ свистать и, что́ было хуже всего, не послушался англичанки, и былъ оставленъ безъ сладкаго пирога. Дарья Александровна не допустила бы въ такой день до наказанія, если бы она была тутъ; но надо было поддержать распоряженіе англичанки, и она подтвердила ея рѣшеніе, что Гришѣ не будетъ сладкаго пирога. Это испортило немного общую радость.

Гриша плакалъ, говоря, что Николенька свисталъ, но что вотъ его не наказали, и что онъ не отъ пирога плачетъ, — ему все равно,—но о томъ, что съ нимъ несправедливы. Это было слишкомъ уже грустно, и Дарья Александровна рѣшилась, переговоривъ съ англичанкой, простить Гришу и пошла къ ней. Но тутъ, проходя черезъ залу, она увидала сцену, наполнившую такою радостью ея сердце, что слезы выступили ей на глаза и она сама простила преступника.

Наказанный сидѣлъ въ залѣ на угловомъ окнѣ; подлѣ него стояла Таня съ тарелкой. Подъ видомъ желанія обѣда для куколъ, она попросила у англичанки позволенія снести свою

порцію пирога въ дѣтскую и вмѣсто этого принесла ее брату. Продолжая плакать о несправедливости претерпѣннаго имъ наказанія, онъ ѣлъ принесенный пирогъ и сквозь рыданія приговаривалъ: «ѣшь сама, вмѣстѣ будемъ ѣсть... вмѣстѣ».

На Таню сначала подѣйствовала жалость къ Гришѣ, потомъ сознаніе своего добродѣтельнаго поступка, и слезы у нея тоже стояли въ глазахъ; но она, не отказываясь, ѣла свою долю.

Увидавъ мать, они испугались, но, вглядѣвшись въ ея лицо, поняли, что они дѣлаютъ хорошо, засмѣялись и съ полными пирогомъ ртами стали обтирать улыбающіяся губы руками и измазали всѣ свои сіяющія лица слезами и вареньемъ.

— Матушки!! Новое бѣлое платье! Таня! Гриша! — говорила мать, стараясь спасти платье, но со слезами на глазахъ улыбаясь блаженною, восторженною улыбкой.

Новыя платья сняли, велѣли надѣть дѣвочкамъ блузки, а мальчикамъ старыя курточки и велѣли закладывать линейку— опять, къ огорченію приказчика, Бураго въ дышло—чтобъ ѣхать за грибами и на купальню. Стонъ восторженнаго визга поднялся въ дѣтской и не умолкалъ до самаго отъѣзда на купальню.

Грибовъ набрали цѣлую корзинку, даже Лили нашла березовый грибъ. Прежде бывало такъ, что миссъ Гуль найдетъ и покажетъ ей; но теперь она сама нашла большой березовый шлюпикъ, и былъ общій восторженный крикъ: «Лили нашла шлюпикъ!»

Потомъ подъѣхали къ рѣкѣ, поставили лошадей подъ березками и пошли въ купальню. Кучеръ Терентій, привязавъ къ дереву отмахивающихся отъ оводовъ лошадей, легъ, приминая траву, въ тѣни березы и курилъ тютюнъ, а изъ купальни доносился до него неумолкавшій дѣтскій веселый визгъ.

Хотя и хлопотливо было смотрѣть за всѣми дѣтьми и останавливать ихъ шалости, хотя и трудно было вспомнить и не перепутать всѣ эти чулочки, панталончики, башмачки съ разныхъ ногъ и развязывать, разстегивать и завязывать тесемочки и пуговки, Дарья Александровна, сама для себя любившая всегда купанье, считавшая его полезнымъ для дѣтей, ничѣмъ такъ не наслаждалась, какъ этимъ купаньемъ со всѣми дѣтьми. Перебирать всѣ эти пухленькія ножки, натягивая на нихъ чулочки, брать въ руки и окунуть эти голенькія тѣльца и слышать то радостные, то испуганные визги, видѣть эти задыхающіяся, съ открытыми, испуганными и веселыми глазами, лица, этихъ брызгающихся своихъ херувимчиковъ было для нея большое наслажденіе.

Когда уже половина дѣтей были одѣты, къ купальнѣ подошли и робко остановились нарядныя бабы, ходившія за сныткой

и молочайникомъ. Матрена Филимоновна кликнула одну, чтобы дать ей высушить уроненную въ воду простыню и рубашку, и Дарья Александровна разговорилась съ бабами. Бабы, сначала смѣявшіяся въ руку и не понимавшія вопроса, скоро осмѣлились и разговорились, тотчасъ же подкупивъ Дарью Александровну искреннимъ любованьемъ дѣтьми, которое онѣ выказывали.

— Ишь ты, красавица, бѣленькая, какъ сахаръ, — говорила одна, любуясь на Танечку и покачивая головой. — А худая...

— Да, больна была.

— Вишь ты, знать тоже купали, — говорила другая на грудного.

— Нѣтъ, ему только три мѣсяца, — отвѣчала съ гордостью Дарья Александровна.

— Ишь ты!

— А у тебя есть дѣти?

— Было четверо, двое осталось: мальчикъ и дѣвочка. Вотъ въ прошлый мясоѣдъ отняла.

— А сколько ей?

— Да другой годокъ.

— Что же ты такъ долго кормила?

— Наше обыкновеніе: три поста...

И разговоръ сталъ самый интересный для Дарьи Александровны: какъ рожала? чѣмъ былъ боленъ? гдѣ мужъ? часто ли бываетъ?

Дарьѣ Александровнѣ не хотѣлось уходить отъ бабъ: такъ интересенъ ей былъ разговоръ съ ними, такъ совершенно одни и тѣ же были ихъ интересы. Пріятнѣе же всего Дарьѣ Александровнѣ было то, что она ясно видѣла, какъ всѣ эти женщины любовались болѣе всего тѣмъ, какъ много было у нея дѣтей и какъ они хороши. Бабы и насмѣшили Дарью Александровну и обидѣли англичанку тѣмъ, что она была причиной этого непонятнаго для нея смѣха. Одна изъ молодыхъ бабъ приглядывалась къ англичанкѣ, одѣвавшейся послѣ всѣхъ, и когда та надѣла на себя третью юбку, не могла удержаться отъ замѣчанія: «Ишь ты, крутила, крутила, все не накрутитъ!» сказала она, и всѣ разразились хохотомъ.

IX.

Окруженная всѣми выкупанными, съ мокрыми головами, дѣтьми, Дарья Александровна, съ платкомъ на головѣ, уже подъѣзжала къ дому, когда кучеръ сказалъ: «Баринъ какой-то идетъ; кажется, покровскій».

Дарья Александровна взглянула впередъ и обрадовалась, увидавъ въ сѣрой шляпѣ и сѣромъ пальто знакомую фигуру Левина, шедшаго имъ навстрѣчу. Она и всегда рада ему была, но теперь особенно рада была, что онъ видитъ ее во всей ея славѣ. Никто лучше Левина не могъ понять ея величія.

Увидавъ ее, онъ очутился предъ одною изъ картинъ своего воображаемаго въ будущемъ семейнаго быта.

— Вы точно насѣдка, Дарья Александровна.

— Ахъ, какъ я рада!— сказала она, протягивая ему руку.

— Рады, а не дали знать. У меня братъ живетъ. Ужъ я отъ Стивы получилъ записочку, что вы тутъ.

— Отъ Стивы? — съ удивленіемъ спросила Дарья Александровна.

— Да, онъ пишетъ, что вы переѣхали, и думаетъ, что вы позволите мнѣ помочь вамъ чѣмъ-нибудь,— сказалъ Левинъ и, сказавъ это, вдругъ смутился и, прервавъ рѣчь, молча продолжалъ идти подлѣ линейки, срывая липовые побѣги и перекусывая ихъ. Онъ смутился вслѣдствіе предположенія, что Дарьѣ Александровнѣ будетъ непріятна помощь посторонняго человѣка въ томъ дѣлѣ, которое должно было быть сдѣлано ея мужемъ. Дарьѣ Александровнѣ дѣйствительно не нравилась эта манера Степана Аркадьевича—навязывать свои семейныя дѣла чужимъ. И она тотчасъ же поняла, что Левинъ понимаетъ это. За эту-то тонкость пониманія, за эту деликатность и любила Левина Дарья Александровна.

— Я понялъ, разумѣется, — сказалъ Левинъ,—что это только значитъ то, что вы хотите меня видѣть, и очень радъ. Разумѣется, я воображаю, что вамъ, городской хозяйкѣ, здѣсь дико, и если что нужно, я весь къ вашимъ услугамъ.

— О, нѣтъ!—сказала Долли. — Первое время было неудобно, а теперь все прекрасно устроилось, благодаря моей старой нянѣ,—сказала она, указывая на Матрену Филимоновну, понимавшую, что говорятъ о ней, и весело и дружелюбно улыбавшуюся Левину. Она знала его и знала, что это хорошій женихъ барышнѣ, и желала, чтобы дѣло сладилось.

— Извольте садиться, мы сюда потѣснимся,—сказала она ему.

— Нѣтъ, я пройдусь. Дѣти, кто со мной на перегонки съ лошадьми?

Дѣти знали Левина очень мало, не помнили, когда видали его, но не выказывали въ отношеніи къ нему того страннаго чувства застѣнчивости и отвращенія, которое испытываютъ дѣти такъ часто къ взрослымъ притворяющимся людямъ, и за которое имъ такъ часто и больно достается. Притворство въ чемъ бы

то ни было можетъ обмануть самаго умнаго, проницательнаго человѣка; но самый ограниченный ребенокъ, какъ бы оно ни было искусно скрываемо, узнаетъ его и отвращается. Какіе бы ни были недостатки въ Левинѣ, притворства не было въ немъ и признака, и потому дѣти выказали ему дружелюбіе такое же, какое они нашли на лицѣ матери. На приглашеніе его два старшіе тотчасъ же соскочили къ нему и побѣжали съ нимъ такъ же просто, какъ бы они побѣжали съ няней, съ миссъ Гуль или съ матерью. Лили тоже стала проситься къ нему, и мать передала ее ему; онъ посадилъ ее на плечо и побѣжалъ съ ней.

— Не бойтесь, не бойтесь, Дарья Александровна!—говорилъ онъ, весело улыбаясь матери,—невозможно, чтобы я ушибъ или уронилъ.

И, глядя на его ловкія, сильныя, осторожно заботливыя и слишкомъ напряженныя движенія, мать успокоилась и весело и одобрительно улыбалась, глядя на него.

Здѣсь, въ деревнѣ, съ дѣтьми и симпатичною ему Дарьей Александровной Левинъ пришелъ въ то часто находившее на него дѣтски веселое расположеніе духа, которое Дарья Александровна особенно любила въ немъ. Бѣгая съ дѣтьми, онъ училъ ихъ гимнастикѣ, смѣшилъ миссъ Гуль своимъ дурнымъ англійскимъ языкомъ и разсказывалъ Дарьѣ Александровнѣ свои занятія въ деревнѣ.

Послѣ обѣда Дарья Александровна, сидя съ нимъ одна на балконѣ, заговорила о Кити.

— Вы знаете? Кити пріѣдетъ сюда и проведетъ со мною лѣто.

— Право?—сказалъ онъ, вспыхнувъ, и тотчасъ же, чтобы перемѣнить разговоръ, сказалъ: — Такъ прислать вамъ двухъ коровъ? Если вы хотите считаться, то извольте заплатить мнѣ по пяти рублей въ мѣсяцъ, если вамъ не совѣстно.

— Нѣтъ, благодарствуйте. У насъ устроилось.

— Ну, такъ я вашихъ коровъ посмотрю, и, если позволите, я распоряжусь, какъ ихъ кормить. Все дѣло въ кормѣ.

И Левинъ, чтобы только отвлечь разговоръ, изложилъ Дарьѣ Александровнѣ теорію молочнаго хозяйства, состоящую въ томъ, что корова есть только машина для переработки корма въ молоко, и т. д.

Онъ говорилъ это и страстно желалъ услыхать подробности о Кити и вмѣстѣ боялся этого. Ему страшно было, что разстроится пріобрѣтенное имъ съ такимъ трудомъ спокойствіе.

— Да, но, впрочемъ, за всѣмъ этимъ надо слѣдить, а кто же будетъ?—неохотно отвѣчала Дарья Александровна.

Она такъ теперь наладила свое хозяйство черезъ Матрену Филимоновну, что ей не хотѣлось ничего мѣнять въ немъ; да она и не вѣрила знанію Левина въ сельскомъ хозяйствѣ. Разсужденія о томъ, что корова есть машина для дѣланья молока, были ей подозрительны. Ей казалось, что такого рода разсужденія могутъ только мѣшать хозяйству. Ей казалось все это гораздо проще: что надо только, какъ объяснила Матрена Филимоновна, давать Пеструхѣ и Бѣлопахой больше корма и пойла, и чтобы поваръ не уносилъ помои изъ кухни для прачкиной коровы. Это было ясно. А разсужденія о мучномъ и травяномъ кормѣ были сомнительны и неясны. Главное же—ей хотѣлось говорить о Кити.

X.

— Кити пишетъ мнѣ, что ничего такъ не желаетъ, какъ уединенія и спокойствія,—сказала Долли послѣ наступившаго молчанія.

— А что здоровье ея, лучше?—съ волненіемъ спросилъ Левинъ.

— Слава Богу, она совсѣмъ поправилась. Я никогда не вѣрила, чтобы у нея была грудная болѣзнь.

— Ахъ, я очень радъ!—сказалъ Левинъ, и что-то трогательное, безпомощное показалось Долли въ его лицѣ въ то время, какъ онъ сказалъ это и молча смотрѣлъ на нее.

— Послушайте, Константинъ Дмитричъ,—сказала Дарья Александровна, улыбаясь своею доброю и нѣсколько насмѣшливою улыбкой,—за что вы сердитесь на Кити?

— Я? Я не сержусь,—сказалъ Левинъ.

— Нѣтъ, вы сердитесь. Отчего вы не заѣхали ни къ намъ, ни къ нимъ, когда были въ Москвѣ?

— Дарья Александровна,—сказалъ онъ, краснѣя до корней волосъ,—я удивляюсь даже, что вы, съ вашею добротою, не чувствуете этого. Какъ вамъ просто не жалко меня, когда вы знаете...

— Что я знаю?

— Знаете, что я дѣлалъ предложеніе и что мнѣ отказано,—проговорилъ Левинъ, и вся та нѣжность, которую минуту тому назадъ онъ чувствовалъ къ Кити, замѣнилась въ душѣ его чувствомъ злобы за оскорбленіе.

— Почему же вы думаете, что я знаю?

— Потому что всѣ это знаютъ.

— Вотъ ужъ въ этомъ вы ошибаетесь; я не знала этого, хотя и догадывалась.

— А! ну, такъ вы теперь знаете.

— Я знала только то, что что-то было, чтó ее ужасно мучило, и что она просила меня никогда не говорить объ этомъ. А если она не сказала мнѣ, то она никому не говорила. Но что же у васъ было? Скажите мнѣ.

— Я вамъ сказалъ, чтó было.

— Когда?

— Когда я былъ въ послѣднiй разъ у васъ.

— А знаете, чтó я вамъ скажу, — сказала Дарья Александровна: — мнѣ ее ужасно, ужасно жалко. Вы страдаете только отъ гордости.

— Можетъ быть, — сказалъ Левинъ, — но...

Она перебила его.

— Но ее, бѣдняжку, мнѣ ужасно и ужасно жалко. Теперь я все понимаю.

— Ну, Дарья Александровна, вы меня извините, —сказалъ онъ вставая. — Прощайте, Дарья Александровна, до свиданья.

— Нѣтъ, постойте, — сказала она, схватывая его за рукавъ.— Постойте, садитесь.

— Пожалуйста, пожалуйста, не будемъ говорить объ этомъ,— сказалъ онъ, садясь и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя, что въ сердцѣ его поднимается и шевелится казавшаяся ему похороненною надежда.

— Если бъ я васъ не любила, — сказала Дарья Александровна, и слезы выступили ей на глаза, — если бъ я васъ не знала, какъ я васъ знаю...

Казавшееся мертвымъ чувство оживало все болѣе и болѣе, поднималось и завладѣвало сердцемъ Левина.

— Да, я теперь все поняла, — продолжала Дарья Александровна.—Вы этого не можете понять; вамъ, мужчинамъ, свободнымъ и выбирающимъ, всегда ясно, кого вы любите. Но дѣвушка въ положенiи ожиданiя, съ этимъ женскимъ, дѣвичьимъ стыдомъ, дѣвушка, которая видитъ васъ, мужчинъ, издалека, принимаетъ все на слово,—у дѣвушки бываетъ и можетъ быть такое чувство, что она не знаетъ, чтó сказать.

— Да, если сердце не говоритъ...

— Нѣтъ, сердце говоритъ, но вы подумайте: вы, мужчины, имѣете виды на дѣвушку, вы ѣздите въ домъ, вы сближаетесь, высматриваете, выжидаете, найдете ли вы то, чтó вы любите, и потомъ, когда вы убѣждены, что любите, вы дѣлаете предложенiе...

— Ну, это не совсѣмъ такъ.

— Все равно, вы дѣлаете предложеніе, когда ваша любовь созрѣла или когда у васъ между двумя выбираемыми совершился перевѣсъ. А дѣвушку не спрашиваютъ. Хотятъ, чтобъ она сама выбирала, а она не можетъ выбрать и только отвѣчаетъ: «да» и «нѣтъ».

«Да, выборъ между мной и Вронскимъ», подумалъ Левинъ, и оживавшій въ душѣ его мертвецъ опять умеръ и только мучительно давилъ его сердце.

— Дарья Александровна, — сказалъ онъ, — такъ выбираютъ платье или, не знаю, какую покупку, а не любовь. Выборъ сдѣланъ, и тѣмъ лучше... И повторенія быть не можетъ.

— Ахъ, гордость и гордость!—сказала Дарья Александровна, какъ будто презирая его за низость этого чувства въ сравненіи съ тѣмъ другимъ чувствомъ, которое знаютъ однѣ женщины.— Въ то время, какъ вы дѣлали предложеніе Кити, она именно была въ томъ положеніи, когда она не могла отвѣчать. Въ ней было колебаніе. Колебаніе: вы или Вронскій. Его она видѣла каждый день, васъ давно не видала. Положимъ, если бъ она была старше... Для меня, напримѣръ, на ея мѣстѣ не могло быть колебанія. Онъ мнѣ всегда противенъ былъ, и такъ и кончилось.

Левинъ вспомнилъ отвѣтъ Кити. Она сказала: *нѣтъ, это не можетъ быть...*

Дарья Александровна,—сказалъ онъ сухо,—я цѣню вашу довѣренность ко мнѣ; я думаю, что вы ошибаетесь. Но правъ я или не правъ, эта гордость, которую вы такъ презираете, дѣлаетъ то, что для меня всякая мысль о Катеринѣ Александровнѣ невозможна... вы понимаете, совершенно невозможна.

— Я только одно еще скажу: вы понимаете, что я говорю о сестрѣ, которую я люблю, какъ своихъ дѣтей. Я не говорю, чтобъ она любила васъ, но я только хотѣла сказать, что ея отказъ въ ту минуту ничего не доказываетъ.

— Я не знаю!—вскакивая сказалъ Левинъ. — Если бы вы знали, какъ вы больно мнѣ дѣлаете?! Все равно, какъ у васъ бы умеръ ребенокъ, а вамъ бы говорили: а вотъ онъ былъ бы такой, такой и могъ бы жить, и вы бы на него радовались. А онъ умеръ, умеръ, умеръ...

— Какъ вы смѣшны, — сказала Дарья Александровна, съ грустною усмѣшкой смотря на волненіе Левина.—Да, я теперь все больше и больше понимаю,—продолжала она задумчиво.— Такъ вы не пріѣдете къ намъ, когда Кити будетъ?

— Нѣтъ, не пріѣду. Разумѣется, я не буду избѣгать Катерины Александровны, но—гдѣ могу—постараюсь избавить ее отъ непріятности моего присутствія.

— Очень, очень вы смѣшны, — повторила Дарья Александровна, съ нѣжностью вглядываясь въ его лицо.—Ну, хорошо, такъ какъ будто мы ничего про это не говорили. Зачѣмъ ты пришла, Таня?—сказала Дарья Александровна по-французски вошедшей дѣвочкѣ.

— Гдѣ моя лопатка, мама?

— Я говорю по-французски, и ты такъ же скажи.

Дѣвочка хотѣла сказать, но забыла, какъ лопатка по-французски; мать ей подсказала и потомъ по-французски же сказала, гдѣ отыскать лопатку. И это показалось Левину непріятнымъ.

Все теперь казалось ему въ домѣ Дарьи Александровны и въ ея дѣтяхъ совсѣмъ уже не такъ мило, какъ прежде.

«И для чего она говоритъ по-французски съ дѣтьми?—подумалъ онъ.—Какъ это неестественно и фальшиво! И дѣти чувствуютъ это. Выучить по-французски и отучить отъ искренности», думалъ онъ самъ съ собой, не зная того, что Дарья Александровна все это двадцать разъ уже передумала и все-таки, хотя и въ ущербъ искренности, нашла необходимымъ учить этимъ путемъ своихъ дѣтей.

— Но куда же вамъ ѣхать. Посидите.

Левинъ остался до чая, но веселье его все исчезло, и ему было неловко.

Послѣ чая онъ вышелъ въ переднюю велѣть подавать лошадей и, когда вернулся, засталъ Дарью Александровну взволнованную, съ разстроеннымъ лицомъ и слезами на глазахъ. Въ то время, какъ Левинъ выходилъ, случилось для Дарьи Александровны событіе, разрушившее вдругъ все ея сегодняшнее счастіе и гордость дѣтьми: Гриша и Таня подрались за мячикъ. Дарья Александровна, услышавъ крикъ въ дѣтской, выбѣжала и застала ихъ въ ужасномъ видѣ: Таня держала Гришу за волосы, а онъ, съ изуродованнымъ злобой лицомъ, билъ ее кулаками куда попало. Что-то оборвалось въ сердцѣ Дарьи Александровны, когда она увидала это. Какъ будто мракъ надвинулся на ея жизнь: она поняла, что тѣ ея дѣти, которыми она такъ гордилась, были не только самыя обыкновенныя, но даже нехорошія, дурно воспитанныя дѣти, съ грубыми, звѣрскими наклонностями, злыя дѣти.

Она ни о чемъ другомъ не могла говорить и думать и не могла не разсказать Левину своего несчастія.

Левинъ видѣлъ, что она несчастлива, и постарался утѣшить ее, говоря, что это ничего дурного не доказываетъ, что всѣ

дѣти дерутся; но, говоря это, въ душѣ своей Левинъ думалъ: «нѣтъ, я не буду ломаться и говорить по-французски со своими дѣтьми: но у меня будутъ не такія дѣти; надо только не портить, не уродовать дѣтей, и они будутъ прелестны. Да, у меня будутъ не такія дѣти».

Онъ простился и уѣхалъ, и она не удерживала его.

XI.

Въ половинѣ іюля къ Левину явился староста сестриной деревни, находившейся за двадцать верстъ отъ Покровскаго, съ отчетомъ о ходѣ дѣлъ и о покосѣ. Главный доходъ съ имѣнія сестры получался за заливные луга. Въ прежніе годы покосы разбирались мужиками по двадцати рублей за десятину. Когда Левинъ взялъ имѣніе въ управленіе, онъ, осмотрѣвъ покосы, нашелъ, что они стоятъ дороже, и назначилъ цѣну за десятину двадцать пять рублей. Мужики не дали этой цѣны и, какъ подозрѣвалъ Левинъ, отбили другихъ покупателей. Тогда Левинъ поѣхалъ туда самъ и распорядился убирать луга частью наймомъ, частью изъ доли. Свои мужики препятствовали всѣми средствами этому нововведенію, но дѣло пошло, и въ первый же годъ за луга было выручено почти вдвое. Въ третьемъ и прошломъ году продолжалось то же противодѣйствіе мужиковъ, и уборка шла тѣмъ же порядкомъ. Въ нынѣшнемъ году мужики взяли всѣ покосы изъ третьей доли, и теперь староста пріѣхалъ объявить, что покосы убраны и что онъ, побоявшись дождя, пригласилъ конторщика, при немъ раздѣлилъ и сметалъ уже одиннадцать господскихъ стоговъ. По неопредѣленнымъ отвѣтамъ на вопросъ о томъ, сколько было сѣна на главномъ лугу, по поспѣшности старосты, раздѣлившаго сѣно безъ спроса, по всему тону мужика Левинъ понялъ, что въ этомъ дѣлежѣ сѣна что-то не чисто, и рѣшился съѣздить самъ повѣрить дѣло.

Пріѣхавъ въ обѣдъ въ деревню и оставивъ лошадь у пріятеля-старика, мужа братниной кормилицы, Левинъ вошелъ къ старику на пчельникъ, желая узнать отъ него подробности объ уборкѣ покоса. Говорливый, благообразный старикъ Парменычъ радостно принялъ Левина, показалъ ему все свое хозяйство, разсказалъ всѣ подробности о своихъ пчелахъ и о роевщинѣ нынѣшняго года; но на вопросы Левина о покосѣ говорилъ неопредѣленно и неохотно. Это еще болѣе утвердило Левина въ его предположеніяхъ. Онъ пошелъ на покосъ и осмотрѣлъ стога. Въ стогахъ не могло быть по пятидесяти возовъ, и, чтобы ули-

чить мужиковъ, Левинъ велѣлъ сейчасъ же вызвать возившія сѣно подводы, поднять одинъ стогъ и перевезти въ сарай. Изъ стога вышло только тридцать два воза. Несмотря на увѣренія старосты о пухлявости сѣна и о томъ, какъ оно улеглось въ стогахъ, на его божбу о томъ, что все было по-божески, Левинъ настаивалъ на своемъ, что сѣно дѣлили безъ его приказа и что онъ потому не принимаетъ этого сѣна за пятьдесятъ возовъ въ стогу. Послѣ долгихъ споровъ дѣло рѣшили тѣмъ, чтобы мужикамъ принять эти одиннадцать стоговъ, считая по пятидесяти возовъ, на свою долю, а на господскую долю выдѣлять вновь. Переговоры эти и дѣлежъ копенъ продолжались до полдника. Когда послѣднее сѣно было раздѣлено, Левинъ, поручивъ остальное наблюденіе конторщику, присѣлъ на отмѣченной тычинкой ракитника копнѣ, любуясь на кипящій народомъ лугъ.

Передъ нимъ, въ загибѣ рѣки за болотцемъ, весело треща звонкими голосами, двигалась пестрая вереница бабъ, и изъ растрясеннаго сѣна быстро вытягивались по свѣтло-зеленой травѣ сѣрые извилистые валы. Слѣдомъ за бабами шли мужики съ вилами, и изъ валовъ вырастали широкія, высокія, пухлыя копны. Слѣва по убранному уже лугу гремѣли телѣги, и одна за другой, подаваемыя огромными навилинами, исчезали копны и на мѣсто ихъ навивались, нависающіе на зады лошадей, тяжелые воза душистаго сѣна.

— За погодку убрать! Сѣно же будетъ! — сказалъ старикъ, присѣвшій подлѣ Левина. — Чай—не сѣно! Ровно утятамъ зерна разсыпь, какъ подбираютъ!—прибавилъ онъ, указывая на навиваемыя копны.—Съ обѣда половину добрую свезли.

— Послѣднюю, что ль?—крикнулъ онъ на малаго, который, стоя на переду телѣжнаго ящика и помахивая концами пеньковыхъ вожжей, ѣхалъ мимо.

— Послѣднюю, батюшка!—прокричалъ малый, придерживая лошадь, улыбаясь оглянулся на веселую, тоже улыбавшуюся, румяную бабу, сидѣвшую въ телѣжномъ ящикѣ, и погналъ дальше.

— Это кто же? Сынъ? — спросилъ Левинъ.

— Мой меньшенькій,—съ ласковою улыбкой сказалъ старикъ.

— Какой молодецъ!

— Ничего малый.

— Ужъ женатъ?

— Да, третій годъ пошелъ съ Филипповокъ.

— Что жъ, и дѣти есть?

— Какія дѣти! Годъ цѣлый не понималъ ничего, да и стыдимъ,—отвѣчалъ старикъ.—Ну, сѣно! Чай настоящій,—повторилъ онъ, желая перемѣнить разговоръ.

Левинъ внимательнѣе присмотрѣлся къ Ванькѣ Парменову и его женѣ. Они недалеко отъ него навивали копну. Иванъ Парменовъ стоялъ на возу, принимая, разравнивая и отаптывая огромныя навилины сѣна, которыя сначала охапками, а потомъ вилами ловко подавала ему его молодая красавица-хозяйка. Молодая баба работала легко, весело и ловко. Крупное слежавшееся сѣно не бралось сразу на вилы. Она сначала расправляла его, всовывала вилы, потомъ упругимъ и быстрымъ движеніемъ налегала на нихъ всею тяжестью своего тѣла и тотчасъ же, перегибая перетянутую краснымъ кушакомъ спину, выпрямлялась и, выставляя полную грудь изъ-подъ бѣлой занавѣски, съ ловкою ухваткой перехватывала руками вилы и вскидывала навилину высоко на возъ. Иванъ поспѣшно, видимо, стараясь избавить ее отъ всякой минуты лишняго труда, подхватывалъ, широко раскрывая руки, подаваемую охапку и расправлялъ ее на возу. Подавъ послѣднее сѣно граблями, баба отряхнула засыпавшуюся ей за шею труху и, оправивъ сбившійся надъ бѣлымъ, незагорѣлымъ лбомъ красный платокъ, полѣзла подъ телѣгу увязывать возъ. Иванъ училъ ее, какъ цѣплять за лисицу, и чему-то сказанному ею громко расхохотался. Въ выраженіяхъ обоихъ лицъ была видна сильная молодая, недавно проснувшаяся любовь.

XII.

Возъ былъ увязанъ. Иванъ спрыгнулъ и повелъ за поводъ добрую, сытую лошадь. Баба вскинула на возъ грабли и бодрымъ шагомъ, размахивая руками, пошла къ собравшимся хороводомъ бабамъ. Иванъ, выѣхавъ на дорогу, вступилъ въ обозъ съ другими возами. Бабы съ граблями на плечахъ, блестя яркими цвѣтами и треща звонкими, веселыми голосами, шли позади возовъ. Одинъ грубый, дикій бабій голосъ затянулъ пѣсню и допѣлъ ее до повторенія, и дружно, въ разъ, подхватили опять съ начала ту же пѣсню полсотни разныхъ, грубыхъ и тонкихъ, здоровыхъ голосовъ.

Бабы съ пѣснью приближались къ Левину, и ему казалось, что туча съ громомъ веселья надвигалась на него. Туча надвинулась, захватила его, и копна, на которой онъ лежалъ, и другіе копны и воза, и весь лугъ съ дальнимъ полемъ—все захо-

дило и заколыхалось подъ размѣры этой дикой развеселой пѣсни съ вскриками, присвистами и ёканьями. Левину завидно стало за это здоровое веселье, хотѣлось принять участіе въ выраженіи этой радости жизни. Но онъ ничего не могъ сдѣлать и долженъ былъ лежать и смотрѣть и слушать. Когда народъ съ пѣснью скрылся изъ вида и слуха, тяжелое чувство тоски за свое одиночество, за свою тѣлесную праздность, за свою враждебность къ этому міру охватило Левина.

Нѣкоторые изъ тѣхъ самыхъ мужиковъ, которые больше всѣхъ съ нимъ спорили за сѣно, тѣ, которыхъ онъ обидѣлъ, или тѣ, которые хотѣли обмануть его,—эти самые мужики весело кланялись ему и, очевидно, не имѣли и не могли имѣть къ нему никакого зла и никакого не только раскаянія, но и воспоминанія о томъ, что они хотѣли обмануть его. Все это потонуло въ морѣ веселаго общаго труда. Богъ далъ день, Богъ далъ силы. И день и силы посвящены труду, и въ немъ самомъ награда. А для кого трудъ? Какіе будутъ плоды труда? Это—соображенія постороннія и ничтожныя.

Левинъ часто любовался на эту жизнь, часто испытывалъ чувство зависти къ людямъ, живущимъ этою жизнью, но нынче въ первый разъ, въ особенности подъ впечатлѣніемъ того, что онъ видѣлъ въ отношеніяхъ Ивана Парменова къ его молодой женѣ, Левину въ первый разъ ясно пришла мысль о томъ, что отъ него зависитъ перемѣнить ту столь тягостную, праздную, искусственную и личную жизнь, которою онъ жилъ, на эту трудовую, чистую и общую, прелестную жизнь.

Старикъ, сидѣвшій съ нимъ, уже давно ушелъ домой; народъ весь разобрался. Ближніе уѣхали домой, а дальніе собрались къ ужину и ночлегу въ лугу. Левинъ, не замѣчаемый народомъ, продолжалъ лежать на копнѣ и смотрѣть, слушать и думать. Народъ, оставшійся ночевать въ лугу, не спалъ почти всю короткую лѣтнюю ночь. Сначала слышался общій веселый говоръ и хохотъ за ужиномъ, потомъ опять пѣсни и смѣхъ.

Весь длинный трудовой день не оставилъ на нихъ другого слѣда, кромѣ веселости. Предъ утреннею зарей все затихло. Слышались только ночные звуки неумолкаемыхъ въ болотѣ лягушекъ и лошадей, фыркавшихъ по лугу въ поднявшемся предъ утромъ туманѣ. Очнувшись, Левинъ всталъ съ копны и, оглядѣвъ звѣзды, понялъ, что прошла ночь.

«Ну, такъ что же я сдѣлаю? Какъ я сдѣлаю это?» сказалъ онъ себѣ, стараясь выразить для самого себя все то, что онъ передумалъ и перечувствовалъ въ эту короткую ночь. Все, что онъ передумалъ и перечувствовалъ, раздѣлялось на три отдѣль-

ные хода мысли. Одинъ—это было отреченіе отъ своей старой жизни, отъ своего ни къ чему ненужнаго образованія. Это отреченіе доставляло ему наслажденіе и было для него легко и просто. Другія мысли и представленія касались той жизни, которою онъ желалъ жить теперь. Простоту, чистоту, законность этой жизни онъ ясно чувствовалъ и былъ убѣжденъ, что онъ найдетъ въ ней то удовлетвореніе, успокоеніе и достоинство, отсутствіе которыхъ онъ такъ болѣзненно чувствовалъ. Но третій рядъ мыслей вертѣлся на вопросѣ о томъ, какъ сдѣлать этотъ переходъ отъ старой жизни къ новой. И тутъ ничего яснаго ему не представлялось. «Имѣть жену. Имѣть работу и необходимость работы. Оставить Покровское? Купить землю? Приписаться въ общество? Жениться на крестьянкѣ? Какъ же я сдѣлаю это?—опять спрашивалъ онъ себя и не находилъ отвѣта.—Впрочемъ, я не спалъ всю ночь и я не могу дать себѣ яснаго отчета,—сказалъ онъ себѣ.—Я уясню послѣ. Одно вѣрно, что эта ночь рѣшила мою судьбу. Всѣ мои прежнія мечты семейной жизни вздоръ, не то,—сказалъ онъ себѣ.— Все это гораздо проще и лучше...»

«Какъ красиво!—подумалъ онъ, глядя на странную, точно перламутровую, раковину изъ бѣлыхъ барашковъ-облачковъ, остановившуюся надъ самой головой его на серединѣ неба.— Какъ все прелестно въ эту прелестную ночь! И когда успѣла образоваться эта раковина? Недавно я смотрѣлъ на небо, и на немъ ничего не было, только двѣ бѣлыя полосы. Да, вотъ такъ-то незамѣтно измѣнились и мои взгляды на жизнь!»

Онъ вышелъ изъ луга и пошелъ по большой дорогѣ къ деревнѣ. Поднимался вѣтерокъ, и стало сѣро, мрачно. Наступила пасмурная минута, предшествующая обыкновенно разсвѣту, полной побѣдѣ свѣта надъ тьмой.

Пожимаясь отъ холода, Левинъ быстро шелъ, глядя на землю. «Это что? кто-то ѣдетъ», подумалъ онъ, услыхавъ бубенцы, и поднялъ голову. Въ сорока шагахъ отъ него, ему навстрѣчу, по той большой дорогѣ-муравкѣ, по которой онъ шелъ, ѣхала четверней карета съ важами. Дышловыя лошади жались отъ колей на дышло, но ловкій ямщикъ, бокомъ сидѣвшій на козлахъ, держалъ дышломъ по колеѣ, такъ что колеса бѣжали по гладкому.

Только это замѣтилъ Левинъ и, не думая о томъ, кто это можетъ ѣхать, разсѣянно взглянулъ въ карету.

Въ каретѣ дремала въ углу старушка, а у окна, видимо, только что проснувшись, сидѣла молодая дѣвушка, держась обѣими руками за ленточки бѣлаго чепчика. Свѣтлая и задум-

чивая, вся исполненная изящной и сложной внутренней, чуждой Левину жизни, она смотрѣла черезъ него па зарю восхода.

Въ то самое мгновеніе, какъ видѣніе это уже исчезало, правдивые глаза взглянули на него. Она узнала его, и удивленная радость освѣтила ея лицо.

Онъ не могъ ошибиться. Только одни на свѣтѣ были эти глаза. Только одно было на свѣтѣ существо, способное сосредоточивать для него весь свѣтъ и смыслъ жизни. Это была она. Это была Кити. Онъ понялъ, что она ѣхала въ Ергушово со станціи желѣзной дороги. И все то, что волновало Левина въ эту безсонную ночь, всѣ тѣ рѣшенія, которыя были приняты имъ,—все вдругъ исчезло. Онъ съ отвращеніемъ вспомнилъ свои мечты женитьбы на крестьянкѣ. Тамъ только, въ этой, быстро удалявшейся и переѣхавшей на другую сторону дороги, каретѣ,—тамъ только была возможность разрѣшенія столь мучительно тяготившей его въ послѣднее время загадки его жизни.

Она не выглянула больше. Звукъ рессоръ пересталъ быть слышенъ, чуть слышны стали бубенчики. Лай собакъ показалъ, что карета проѣхала и деревню,—и остались вокругъ пустыя поля, деревня впереди и онъ самъ, одинокій и чужой всему, одиноко идущій по заброшенной большой дорогѣ.

Онъ взглянулъ на небо, надѣясь найти тамъ ту раковину, которою онъ любовался и которая олицетворяла для него весь ходъ мыслей и чувствъ нынѣшней ночи. На небѣ не было болѣе ничего похожаго на раковину. Тамъ, въ недосягаемой вышинѣ, совершилась уже таинственная перемѣна. Не было и слѣда раковины, и былъ ровный, разстилавшійся по цѣлой половинѣ неба, коверъ все умельчающихся и умельчающихся барашковъ. Небо поголубѣло и просіяло и съ тою же нѣжностью, но и съ тою же недосягаемостью отвѣчало на его вопрошающій взглядъ.

«Нѣтъ, — сказалъ онъ себѣ, — какъ ни хороша эта жизнь, простая и трудовая, я не могу вернуться къ ней. Я люблю *ее*».

XIII.

Никто, кромѣ самыхъ близкихъ людей къ Алексѣю Александровичу, не зналъ, что этотъ, съ виду самый холодный и разсудительный, человѣкъ имѣлъ одну, противорѣчившую общему складу его характера, слабость: Алексѣй Александровичъ не могъ равнодушно слышать и видѣть слезы ребенка или женщины. Видъ слезъ приводилъ его въ растерянное состояніе, и

онъ терялъ совершенно способность соображенія. Правитель его канцеляріи и секретарь знали это и предувѣдомляли просительницъ, чтобъ онѣ отнюдь не плакали, если не хотятъ испортить свое дѣло. «Онъ разсердится и не станетъ васъ слушать», говорили они. И дѣйствительно, въ этихъ случаяхъ душевное разстройство, производимое въ Алексѣѣ Александровичѣ слезами, выражалось торопливымъ гнѣвомъ. «Я не могу ничего сдѣлать. Извольте идти вонъ!» кричалъ онъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ.

Когда, возвращаясь со скачекъ, Анна объявила ему о своихъ отношеніяхъ къ Вронскому и тотчасъ же вслѣдъ за этимъ, закрывъ лицо руками, заплакала, Алексѣй Александровичъ, несмотря на вызванную въ немъ злобу къ ней, почувствовалъ въ то же время приливъ того душевнаго разстройства, которое на него всегда производили слезы. Зная это и зная, что выраженіе въ эту минуту его чувствъ было бы несоотвѣтственно положенію, онъ старался удержать въ себѣ всякое проявленіе жизни и потому не шевелился и не смотрѣлъ на нее. Отъ этого-то и происходило то странное выраженіе мертвенности на его лицѣ, которое такъ поразило Анну.

Когда они подъѣхали къ дому, онъ высадилъ ее изъ кареты и, сдѣлавъ усиліе надъ собой, съ привычною учтивостью простился съ ней и произнесъ тѣ слова, которыя ни къ чему не обязывали его; онъ сказалъ, что завтра сообщитъ ей свое рѣшеніе.

Слова жены, подтвердившія его худшія сомнѣнія, произвели жестокую боль въ сердцѣ Алексѣя Александровича. Боль эта была усилена еще тѣмъ страннымъ чувствомъ физической жалости къ ней, которую произвели на него ея слезы. Но, оставшись одинъ въ каретѣ, Алексѣй Александровичъ, къ удивленію своему и радости, почувствовалъ совершенное освобожденіе и отъ этой жалости и отъ мучившихъ его въ послѣднее время сомнѣній и страданій ревности.

Онъ испытывалъ чувство человѣка, выдернувшаго долго болѣвшій зубъ. Послѣ страшной боли и ощущенія чего-то огромнаго, больше самой головы, вытягиваемаго изъ челюсти, больной вдругъ, не вѣря еще своему счастію, чувствуетъ, что не существуетъ болѣе того, что такъ долго отравляло его жизнь, приковывало къ себѣ все вниманіе, и что онъ опять можетъ жить, думать и интересоваться не однимъ своимъ зубомъ. Это чувство испыталъ Алексѣй Александровичъ. Боль была странная и страшная, но теперь она прошла; онъ чувствовалъ, что можетъ опять жить и думать не объ одной женѣ.

«Безъ чести и безъ сердца, безъ религіи, испорченная женщина! Это я всегда зналъ и всегда видѣлъ, хотя и старался, жалѣя ее, обманывать себя», сказалъ онъ себѣ. И ему дѣйствительно казалось, что онъ всегда это видѣлъ: онъ припоминалъ подробности ихъ прошедшей жизни, которыя прежде не казались ему чѣмъ-либо дурнымъ; теперь эти подробности ясно показывали, что она всегда была испорченною. «Я ошибся, связавъ свою жизнь съ нею; но въ ошибкѣ моей нѣтъ ничего дурного, и потому я не могу быть несчастливъ. Виноватъ не я, — сказалъ онъ себѣ, — но она. Но мнѣ нѣтъ дѣла до нея. Она не существуетъ для меня».

Все, что постигнетъ ее и сына, къ которому, точно такъ же какъ и къ ней, перемѣнились его чувства, перестало занимать его. Одно, что занимало его теперь, это былъ вопросъ о томъ, какъ наилучшимъ, наиприличнѣйшимъ, удобнѣйшимъ для себя и потому справедливѣйшимъ образомъ отряхнуться отъ той грязи, которою она забрызгала его въ своемъ паденіи, и продолжать идти по своему пути дѣятельной, честной и полезной жизни.

«Я не могу быть несчастливъ отъ того, что презрѣнная женщина сдѣлала преступленіе; я только долженъ найти наилучшій выходъ изъ того тяжелаго положенія, въ которое она ставитъ меня. И я найду его, — говорилъ онъ себѣ, хмурясь больше и больше. — Не я первый, не я послѣдній». И, не говоря объ историческихъ примѣрахъ, начиная съ освѣженнаго въ памяти всѣхъ *Прекрасною Еленою* Менелая, цѣлый рядъ случаевъ современныхъ невѣрностей женъ мужьямъ высшаго свѣта возникъ въ воображеніи Алексѣя Александровича. «Дарьяловъ, Полтавскій, князь Карибановъ, графъ Паскудинъ, Драмъ... Да, и Драмъ... такой честный, дѣльный человѣкъ... Семеновъ, Чагинъ, Сигонинъ,—вспоминалъ Алексѣй Александровичъ.—Положимъ, какой-то неразумный ridicule падаетъ на этихъ людей, но я никогда не видѣлъ въ этомъ ничего, кромѣ несчастія, и всегда сочувствовалъ ему», сказалъ себѣ Алексѣй Александровичъ, хотя это и было неправда и онъ никогда не сочувствовалъ несчастіямъ этого рода, а тѣмъ выше цѣнилъ себя, чѣмъ чаще были примѣры женъ, измѣняющихъ своимъ мужьямъ. «Это несчастіе, которое можетъ постигнуть всякаго. И это несчастіе постигло меня. Дѣло только въ томъ, какъ наилучшимъ образомъ перенести это положеніе». И онъ сталъ перебирать подробности образа дѣйствій людей, находившихся въ такомъ же, какъ и онъ, положеніи.

«Дарьяловъ дрался на дуэли...»

Дуэль въ юности особенно привлекала мысли Алексѣя Александровича именно потому, что онъ былъ физически робкій человѣкъ и хорошо зналъ это. Алексѣй Александровичъ безъ ужаса не могъ подумать о пистолетѣ, на него направленномъ, и никогда въ жизни не употреблялъ никакого оружія. Этотъ ужасъ смолоду часто заставлялъ его думать о дуэли и примѣривать себя къ положенію, въ которомъ нужно подвергать жизнь свою опасности. Достигнувъ успѣха и твердаго положенія въ жизни, онъ давно забылъ объ этомъ чувствѣ; но привычка чувства взяла свое, и страхъ за свою трусость и теперь оказался такъ силенъ, что Алексѣй Александровичъ долго и со всѣхъ сторонъ обдумывалъ и ласкалъ мыслью вопросъ о дуэли, хотя и впередъ зналъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ драться.

«Безъ сомнѣнія, наше общество еще такъ дико (не то что въ Англіи), что очень многіе,—и въ числѣ этихъ многихъ были тѣ, мнѣніемъ которыхъ Алексѣй Александровичъ особенно дорожилъ,— посмотрятъ на дуэль съ хорошей стороны; но какой результатъ будетъ достигнутъ? Положимъ, я вызову на дуэль,—продолжалъ про себя Алексѣй Александровичъ и, живо представивъ себѣ ночь, которую онъ проведетъ послѣ вызова, и пистолетъ, на него направленный, онъ содрогнулся и понялъ, что никогда онъ этого не сдѣлаетъ,—положимъ, я вызову его на дуэль. Положимъ, меня научатъ,—продолжалъ онъ думать,—поставятъ, я пожму гашетку,—говорилъ онъ себѣ, закрывая глаза,—и окажется, что я убилъ его,—сказалъ себѣ Алексѣй Александровичъ и потрясъ головой, чтобъ отогнать эти глупыя мысли.—Какой смыслъ имѣетъ убійство человѣка для того, чтобъ опредѣлить свое отношеніе къ преступной женѣ и сыну? Точно такъ же я долженъ буду рѣшать, что долженъ дѣлать съ ней? Но, что еще вѣроятнѣе и что несомнѣнно будетъ, я буду убитъ или раненъ. Я, невиноватый человѣкъ, жертва, убитъ или раненъ. Еще безсмысленнѣе. Но мало этого: вызовъ на дуэль съ моей стороны будетъ поступокъ нечестный. Развѣ я не знаю впередъ, что мои друзья никогда не допустятъ меня до дуэли,—не допустятъ того, чтобы жизнь государственнаго человѣка, нужнаго Россіи, подверглась опасности? Что же будетъ? Будетъ то, что я, зная впередъ то, что никогда дѣло не дойдетъ до опасности, захотѣлъ только придать себѣ этимъ вызовомъ нѣкоторый ложный блескъ. Это нечестно, это фальшиво, это обманъ другихъ и самого себя. Дуэль немыслима, и никто не ждетъ ея отъ меня. Цѣль моя состоитъ въ томъ, чтобъ обезпечить свою репутацію, нужную мнѣ для безпрепятственнаго

продолженія своей дѣятельности». Служебная дѣятельность, и прежде въ глазахъ Алексѣя Александровича имѣвшая большое значеніе, теперь представлялась ему особенно значительною.

Обсудивъ и отвергнувъ дуэль, Алексѣй Александровичъ обратился къ разводу — другому выходу, избранному нѣкоторыми изъ тѣхъ мужей, которыхъ онъ вспомнилъ. Перебирая въ воспоминаніи всѣ извѣстные случаи разводовъ (ихъ было очень много въ самомъ высшемъ, ему хорошо извѣстномъ обществѣ), Алексѣй Александровичъ не нашелъ ни одного, гдѣ бы цѣль развода была та, которую онъ имѣлъ въ виду. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мужъ уступалъ или продавалъ невѣрную жену, и та самая сторона, которая за вину не имѣла права на вступленіе въ бракъ, вступала въ вымышленныя, мнимо узаконенныя отношенія съ мнимымъ супругомъ. Въ своемъ же случаѣ Алексѣй Александровичъ видѣлъ, что достиженіе законнаго, т.-е. такого развода, гдѣ была бы только отвергнута виновная жена, невозможно. Онъ видѣлъ, что сложныя условія жизни, въ которыхъ онъ находился, не допускали возможности тѣхъ грубыхъ доказательствъ, которыхъ требовалъ законъ для уличенія преступности жены; видѣлъ то, что извѣстная утонченность этой жизни не допускала и примѣненія этихъ доказательствъ, если бъ они и были, что примѣненіе этихъ доказательствъ уронило бы его въ общественномъ мнѣніи болѣе, чѣмъ ее.

Попытка развода могла привести только къ скандальному процессу, который былъ бы находкой для враговъ, для клеветы и униженія его высокаго положенія въ свѣтѣ. Главная же цѣль—опредѣленіе положенія съ наименьшимъ разстройствомъ—не достигалась и черезъ разводъ. Кромѣ того, при разводѣ, даже при попыткѣ развода, очевидно было, что жена разрывала сношенія съ мужемъ и соединялась со своимъ любовникомъ. А въ душѣ Алексѣя Александровича, несмотря на полное теперь, какъ ему казалось, презрительное равнодушіе къ женѣ, оставалось въ отношеніи къ ней одно чувство—нежеланіе того, чтобъ она безпрепятственно могла соединиться съ Вронскимъ, чтобы преступленіе ея было для нея выгодно. Одна мысль эта такъ раздражала Алексѣя Александровича, что, только представивъ себѣ это, онъ замычалъ отъ внутренней боли, приподнялся и перемѣнилъ мѣсто въ каретѣ, и долго послѣ того, нахмуренный, завертывалъ свои зябкія и костлявыя ноги пушистымъ пледомъ.

«Кромѣ формальнаго развода, можно было еще поступить какъ Карибановъ, Паскудинъ и этотъ добрый Драмъ, то-есть разъѣхаться съ женой,—продолжалъ онъ думать, успокоившись;

но и эта мѣра представляла тѣ же неудобства позора, какъ и при разводѣ, и главное—это, точно такъ же какъ и формальный разводъ, бросало его жену въ объятія Вронскаго. — Нѣтъ, это невозможно, невозможно! — опять принимаясь перевертывать свой пледъ, громко заговорилъ онъ. — Я не могу быть несчастливъ, но и она и онъ не должны быть счастливы».

Чувство ревности, которое мучило его во время неизвѣстности, прошло въ ту минуту, когда ему съ болью былъ выдернутъ зубъ словами жены. Но чувство это замѣнилось другимъ — желаніемъ, чтобъ она не только не торжествовала, но получила возмездіе за свое преступленіе. Онъ не признавалъ этого чувства, но въ глубинѣ души ему хотѣлось, чтобъ она пострадала за нарушеніе его спокойствія и чести. И, вновь перебравъ условія дуэли, развода, разлуки и вновь отвергнувъ ихъ, Алексѣй Александровичъ убѣдился, что выходъ былъ только одинъ— удержать ее при себѣ, скрывъ отъ свѣта случившееся и употребивъ всѣ зависящія мѣры для прекращенія связи и главное— въ чемъ самому себѣ не признавался—для наказанія ея. «Я долженъ объявить свое рѣшеніе, что, обдумавъ то тяжелое положеніе, въ которое она поставила семью, всѣ другіе выходы будутъ хуже для обѣихъ сторонъ, чѣмъ внѣшнее statu quo, и что таковое я согласенъ соблюдать, но подъ строгимъ условіемъ исполненія съ ея стороны моей воли, то-есть прекращенія отношеній съ любовникомъ». Въ подтвержденіе этого рѣшенія, когда оно уже было окончательно принято, Алексѣю Александровичу пришло еще одно важное соображеніе. «Только при такомъ рѣшеніи я поступаю и сообразно съ религіей, — сказалъ онъ себѣ,—только при этомъ рѣшеніи я не отвергаю отъ себя преступную жену, а даю ей возможность исправленія и даже— какъ ни тяжело это мнѣ будетъ — посвящаю часть своихъ силъ на исправленіе и спасеніе ея». Хотя Алексѣй Александровичъ и зналъ, что онъ не можетъ имѣть на жену нравственнаго вліянія, что изъ всей этой попытки исправленія ничего не выйдетъ, кромѣ лжи; хотя, переживая эти тяжелыя минуты, онъ и не подумалъ ни разу о томъ, чтобъ искать руководства въ религіи,—теперь, когда его рѣшеніе совпадало съ требованіями, какъ ему казалось, религіи, эта религіозная санкція его рѣшенія давала ему полное удовлетвореніе и отчасти успокоеніе. Ему было радостно думать, что и въ столь важномъ жизненномъ дѣлѣ никто не въ состояніи будетъ сказать, что онъ не поступилъ сообразно съ правилами той религіи, которой знамя онъ всегда держалъ высоко среди общаго охлажденія и равнодушія. Обдумывая дальнѣйшія подробности, Алексѣй Алексан-

дровичъ не видѣлъ даже, почему его отношенія къ женѣ не могли оставаться такія же почти, какъ и прежде. Безъ сомнѣнія, онъ никогда не будетъ въ состояніи возвратить ей своего уваженія; но не было и не могло быть никакихъ причинъ ему разстраивать свою жизнь и страдать вслѣдствіе того, что она была дурная и невѣрная жена. «Да, пройдетъ время, все устрояющее время, и отношенія возстановятся прежнія,—сказалъ себѣ Алексѣй Александровичъ,— то-есть возстановятся въ такой степени, что я не буду чувствовать разстройства въ теченіи своей жизни. Она должна быть несчастлива, но я не виноватъ и потому не могу быть несчастливъ».

XIV.

Подъѣзжая къ Петербургу, Алексѣй Александровичъ не только вполнѣ остановился на этомъ рѣшеніи, но и составилъ въ своей головѣ письмо, которое онъ напишетъ женѣ. Войдя въ швейцарскую, Алексѣй Александровичъ взглянулъ на письма и бумаги, принесенныя изъ министерства, и велѣлъ внести за собой въ кабинетъ.

— Отложить и никого не принимать,—сказалъ онъ на вопросъ швейцара, съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, служившимъ признакомъ его хорошаго расположенія духа, ударяя на словѣ «не принимать».

Въ кабинетѣ Алексѣй Александровичъ прошелся два раза и остановился у огромнаго письменнаго стола, на которомъ уже были зажжены впередъ вошедшимъ камердинеромъ шесть свѣчей, потрещалъ пальцами и сѣлъ, разбирая письменныя принадлежности. Положивъ локти на столъ, онъ склонилъ на бокъ голову, подумалъ съ минуту и началъ писать, не одной секунды не останавливаясь. Онъ писалъ безъ обращенія къ ней и по-французски, употребляя мѣстоименіе «вы», не имѣющее того характера холодности, который оно имѣетъ на русскомъ языкѣ.

«При послѣднемъ разговорѣ нашемъ я выразилъ вамъ мое намѣреніе сообщить свое рѣшеніе относительно предмета этого разговора. Внимательно обдумавъ все, я пишу теперь съ цѣлью исполнить это обѣщаніе. Рѣшеніе мое слѣдующее: каковы бы ни были ваши поступки, я не считаю себя въ правѣ разрывать тѣхъ узъ, которыми мы связаны властью свыше. Семья не можетъ быть разрушена по капризу, произволу или даже по преступленію одного изъ супруговъ, и наша жизнь должна идти,

какъ она шла прежде. Это необходимо для меня, для васъ, для нашего сына. Я вполнѣ увѣренъ, что вы раскаялись и раскаиваетесь въ томъ, что́ служитъ поводомъ настоящаго письма, и что вы будете содѣйствовать мнѣ въ томъ, чтобы вырвать съ корнемъ причину нашего раздора и забыть прошедшее. Въ противномъ случаѣ вы сами можете предположить то, что ожидаетъ васъ и вашего сына. Обо всемъ этомъ болѣе подробно надѣюсь переговорить при личномъ свиданіи. Такъ какъ время дачнаго сезона кончается, я просилъ бы васъ переѣхать въ Петербургъ какъ можно скорѣе, не позже вторника. Всѣ нужныя распоряженія для вашего переѣзда будутъ сдѣланы. Прошу васъ замѣтить, что я приписываю особенное значеніе исполненію этой моей просьбы.

А. Каренинъ.»

PS. «При этомъ письмѣ деньги, которыя могутъ понадобиться для вашихъ расходовъ».

Онъ прочелъ письмо и остался имъ доволенъ, особенно тѣмъ, что онъ вспомнилъ приложить деньги; не было ни жестокаго слова, ни упрека, но не было и снисходительности. Главное же — былъ золотой мостъ для возвращенія. Сложивъ письмо и загладивъ его большимъ массивнымъ ножомъ слоновой кости и уложивъ въ конвертъ съ деньгами, онъ съ удовольствіемъ, которое всегда возбуждаемо было въ немъ обращеніемъ со своими хорошо устроенными письменными принадлежностями, позвонилъ.

— Передашь курьеру, чтобы завтра доставилъ Аннѣ Аркадьевнѣ на дачу,—сказалъ онъ и всталъ.

— Слушаю, ваше превосходительство; чай въ кабинетъ прикажете?

Алексѣй Александровичъ велѣлъ подать чай въ кабинетъ и, играя массивнымъ ножомъ, пошелъ къ креслу, у котораго была приготовлена лампа и начатая французская книга объ евгюбическихъ надписяхъ. Надъ кресломъ висѣлъ овальный въ золотой рамѣ, прекрасно сдѣланный знаменитымъ художникомъ портретъ Анны. Алексѣй Александровичъ взглянулъ на него. Непроницаемые глаза насмѣшливо и нагло смотрѣли на него, какъ въ тотъ послѣдній вечеръ ихъ объясненій. Невыносимо нагло и вызывающе подѣйствовалъ на Алексѣя Александровича видъ отлично сдѣланнаго художникомъ чернаго кружева на головѣ, черныхъ волосъ и бѣлый прекрасной руки съ безымяннымъ пальцемъ, покрытымъ перстнями. Поглядѣвъ на портретъ съ минуту, Алексѣй Александровичъ вздрогнулъ такъ, что губы

затряслись и произвели звукъ «брр», и отвернулся. Поспѣшно сѣвъ въ кресло, онъ раскрылъ книгу. Онъ попробовалъ читать, но никакъ не могъ возстановить въ себѣ весьма живого прежде интереса къ евгюбическимъ надписямъ. Онъ смотрѣлъ въ книгу и думалъ о другомъ. Онъ думалъ не о женѣ, но объ одномъ возникшемъ въ послѣднее время усложненіи въ его государственной дѣятельности, которое въ это время составляло главный интересъ его службы. Онъ чувствовалъ, что онъ глубже, чѣмъ когда-нибудь, вникалъ теперь въ это усложненіе и что въ головѣ его нарождалась—онъ безъ самообольщенія могъ сказать—капитальная мысль, долженствующая распутать все это дѣло, возвысить его въ служебной карьерѣ, уронить его враговъ и потому принести величайшую пользу государству. Какъ только человѣкъ, установивъ чай, вышелъ изъ комнаты, Алексѣй Александровичъ всталъ и пошелъ къ письменному столу. Подвинувъ на середину портфель съ текущими дѣлами, онъ съ чуть замѣтною улыбкой самодовольства вынулъ изъ стойки карандашъ и погрузился въ чтеніе вытребованнаго имъ сложнаго дѣла, относившагося до предстоящаго усложненія. Усложненіе было такое: особенность Алексѣя Александровича, какъ государственнаго человѣка, та, ему одному свойственная, характерная черта, которую имѣетъ каждый выдвигающійся чиновникъ, та, которая, вмѣстѣ съ его упорнымъ честолюбіемъ, сдержанностью, честностью и самоувѣренностью, сдѣлала его карьеру, состояла въ пренебреженіи къ бумажной офиціальности, въ сокращеніи переписки, въ прямомъ, насколько возможно, отношеніи къ живому дѣлу и въ экономности. Случилось же, что въ знаменитой комиссіи 2 іюня было выставлено дѣло объ орошеніи полей Зарайской губерніи, находившееся въ министерствѣ Алексѣя Александровича и представлявшее рѣзкій примѣръ неплодотворности расходовъ и бумажнаго отношенія къ дѣлу. Алексѣй Александровичъ зналъ, что это было справедливо. Дѣло орошенія полей Зарайской губерніи было начато предшественникомъ предшественника Алексѣя Александровича. И дѣйствительно, на это дѣло было потрачено и тратилось очень много денегъ и совершенно непроизводительно, и все дѣло это, очевидно, ни къ чему не могло привести. Алексѣй Александровичъ, вступивъ въ должность, тотчасъ же понялъ это и хотѣлъ было наложить руки на это дѣло; но въ первое время, когда онъ чувствовалъ себя еще нетвердо, онъ зналъ, что это затрогивало слишкомъ много интересовъ и было неблагоразумно; потомъ же онъ, занявшись другими дѣлами, просто забылъ про это дѣло. Оно, какъ и всѣ дѣла, шло само собою, по силѣ

инерціи. (Много людей кормилось этимъ дѣломъ, въ особенности одно очень нравственное и музыкальное семейство: всѣ дочери играли на струнныхъ инструментахъ. Алексѣй Александровичъ зналъ это семейство и былъ посажёнымъ отцомъ у одной изъ старшихъ дочерей.) Поднятіе этого дѣла враждебнымъ министерствомъ было, по мнѣнію Алексѣя Александровича, не честно, потому что въ каждомъ министерствѣ были и не такія дѣла, которыхъ никто, по извѣстнымъ служебнымъ приличіямъ, не поднималъ. Теперь же, если уже ему бросали эту перчатку, то онъ смѣло поднималъ ее и требовалъ назначенія особой комиссіи для изученія и повѣрки трудовъ комиссіи орошенія полей Зарайской губерніи, но зато уже онъ не давалъ никакого спуска и тѣмъ господамъ. Онъ требовалъ и назначенія еще особой комиссіи по дѣлу объ устройствѣ инородцевъ. Дѣло объ устройствѣ инородцевъ было случайно поднято въ комитетѣ 2 іюня и съ энергіей поддерживаемо Алексѣемъ Александровичемъ, какъ не терпящее отлагательства, по плачевному состоянію инородцевъ. Въ комитетѣ дѣло это послужило поводомъ къ пререканію нѣсколькихъ министерствъ. Министерство, враждебное Алексѣю Александровичу, доказывало, что положеніе инородцевъ было весьма цвѣтущее и что предполагаемое переустройство можетъ погубить ихъ процвѣтаніе, а если чтó есть дурного, то это вытекаетъ только изъ неисполненія министерствомъ Алексѣя Александровича предписанныхъ закономъ мѣръ. Теперь Алексѣй Александровичъ намѣренъ былъ требовать: во-первыхъ, чтобы составлена была новая комиссія, которой поручено бы было изслѣдовать на мѣстѣ состояніе инородцевъ; во-вторыхъ, если окажется, что положеніе инородцевъ дѣйствительно таково, какимъ оно является изъ имѣющихся въ рукахъ комитета офиціальныхъ данныхъ, то чтобы была назначена еще другая новая ученая комиссія для изслѣдованія причинъ этого безотраднаго положенія инородцевъ съ точекъ зрѣнія: а) политической, б) административной, в) экономической, г) этнографической, д) матеріальной и е) религіозной; въ-третьихъ, чтобы были затребованы отъ враждебнаго министерства свѣдѣнія о тѣхъ мѣрахъ, которыя были въ послѣднее десятилѣтіе приняты этимъ министерствомъ для предотвращенія тѣхъ невыгодныхъ условій, въ которыхъ нынѣ находятся инородцы, и, въ-четвертыхъ, наконецъ, чтобы было потребовано отъ министерства объясненіе о томъ, почему оно, какъ видно изъ доставленныхъ въ комитетъ свѣдѣній за №№ 17015 и 18308, отъ 5 декабря 1863 года и 7 іюня 1864, дѣйствовало прямо противоположно смыслу коренного и органическаго закона, т... ст. 18, и примѣчаніе къ ст. 36. Краска

оживленія покрыла лицо Алексѣя Александровича, когда онъ быстро писалъ себѣ конспектъ этихъ мыслей. Исписавъ листъ бумаги, онъ всталъ, позвонилъ и передалъ записочку къ правителю канцеляріи о доставленіи ему нужныхъ справокъ. Вставъ и пройдясь по комнатѣ, онъ опять взглянулъ на портретъ, нахмурился и презрительно улыбнулся. Почитавъ еще книгу объ евгюбическихъ надписяхъ и возобновивъ интересъ къ нимъ, Алексѣй Александровичъ въ 11 часовъ пошелъ спать, и когда онъ, лежа въ постели, вспомнилъ о событіи съ женой, оно ему представилось уже совсѣмъ не въ такомъ мрачномъ видѣ.

XV.

Хотя Анна упорно и съ озлобленіемъ противорѣчила Вронскому, когда онъ говорилъ ей, что положеніе ея невозможно, она въ глубинѣ души считала свое положеніе ложнымъ, нечестнымъ и всею душой желала измѣнить его. Возвращаясь съ мужемъ со скачекъ, въ минуту волненія она высказала ему все, и, несмотря на боль, испытанную ею при этомъ, она была рада этому. Послѣ того, какъ мужъ оставилъ ее, она говорила себѣ, что она рада, что теперь все опредѣлится и, по крайней мѣрѣ, не будетъ лжи и обмана. Ей казалось несомнѣннымъ, что теперь положеніе ея навсегда опредѣлится. Оно можетъ быть дурно, это новое положеніе, но оно будетъ опредѣленно, въ немъ не будетъ неясноси и лжи. Та боль, которую она причинила себѣ и мужу, высказавъ эти слова, будетъ вознаграждена теперь тѣмъ, что все опредѣлится, думала она. Въ этотъ же вечеръ она увидалась съ Вронскимъ, но не сказала ему о томъ, что произошло между нею и мужемъ, хотя, для того, чтобъ положеніе опредѣлилось, надо было сказать ему.

Когда она проснулась на другое утро, первое, что представилось ей, были слова, которыя она сказала мужу, и слова эти ей показались такъ ужасны, что она не могла понять теперь, какъ она могла рѣшиться произнести эти странныя, грубыя слова, и не могла представить себѣ того, что изъ этого выйдетъ. Но слова были сказаны, и Алексѣй Александровичъ уѣхалъ, ничего не сказавъ. «Я видѣла Вронскаго и не сказала ему. Еще въ ту самую минуту, какъ онъ уходилъ, я хотѣла воротить его и сказать ему, но раздумала, потому что было странно, почему я не сказала ему въ первую минуту. Отчего я хотѣла и не сказала ему?» И въ отвѣтъ на этотъ вопросъ горячая краска стыда разлилась по ея лицу. Она поняла то, что ее удерживало

отъ этого; она поняла, что ей было стыдно. Ея положеніе, которое казалось уясненнымъ вчера вечеромъ, вдругъ представилось ей теперь не только не уясненнымъ, но безвыходнымъ. Ей стало страшно за позоръ, о которомъ она прежде и не думала. Когда она только думала о томъ, что̀ сдѣлаетъ ея мужъ, ей приходили самыя страшныя мысли. Ей приходило въ голову, что сейчасъ пріѣдетъ управляющій выгонять ее изъ дома, что позоръ ея будетъ объявленъ всему міру. Она спрашивала себя, куда она поѣдетъ, когда ее выгонятъ изъ дома, и не находила отвѣта.

Когда она думала о Вронскомъ, ей представлялось, что онъ не любитъ ея, что онъ уже начинаетъ тяготиться ею, что она не можетъ предложить ему себя, и она чувствовала враждебность къ нему за это. Ей казалось, что тѣ слова, которыя она сказала мужу и которыя она безпрестанно повторяла въ своемъ воображеніи, что она ихъ сказала всѣмъ и что всѣ ихъ слышали. Она не могла рѣшиться взглянуть въ глаза тѣмъ, съ кѣмъ она жила. Она не могла рѣшиться позвать дѣвушку и еще меньше сойти внизъ и увидать сына и гувернантку.

Дѣвушка, уже давно прислушивавшаяся у ея двери, вошла сама къ ней въ комнату. Анна вопросительно взглянула ей въ глаза и испуганно покраснѣла. Дѣвушка извинилась, что вошла, сказавъ, что ей показалось, что позвонили. Она принесла платье и записку. Записка была отъ Бетси. Бетси напоминала ей, что нынче утромъ къ ней съѣдутся Лиза Меркалова и баронесса Штольцъ со своими поклонниками, Калужскимъ и старикомъ Стремовымъ, на партію крокета. «Пріѣзжайте хоть посмотрѣть, какъ изученіе нравовъ. Я васъ жду», кончала она.

Анна прочла записку и тяжело вздохнула.

— Ничего, ничего не нужно,—сказала она Аннушкѣ, перестанавливавшей флаконы и щетки на уборномъ столикѣ.—Поди, я сейчасъ одѣнусь и выйду. Ничего, ничего не нужно.

Аннушка вышла, но Анна не стала одѣваться, а сидѣла въ томъ же положеніи, опустивъ голову и руки, и изрѣдка содрогалась всѣмъ тѣломъ, желая какъ бы сдѣлать какой-то жестъ, сказать что-то и опять замирая. Она безпрестанно повторяла: «Боже мой! Боже мой!» Но ни «Боже», ни «мой» не имѣли для нея никакого смысла. Мысль искать своему положенію помощи въ религіи была для нея, несмотря на то, что она никогда не сомнѣвалась въ религіи, въ которой была воспитана, такъ же чужда, какъ искать помощи у самого Алексѣя Александровича. Она знала впередъ, что помощь религіи возможна только подъ условіемъ отреченія отъ того, что составляло для нея весь смыслъ жизни. Ей не только было тяжело, но она начинала

испытывать страхъ передъ новымъ, никогда неиспытаннымъ ею душевнымъ состоянiемъ. Она чувствовала, что въ душѣ ея все начинаетъ двоиться, какъ двоятся иногда предметы въ усталыхъ глазахъ. Она не знала иногда, чего она боится, чего желаетъ. Боится ли она и желаетъ ли она того, что̀ было, или того, что̀ будетъ, и чего именно она желаетъ, она не знала.

«Ахъ, что я дѣлаю!» сказала она себѣ, почувствовавъ вдругъ боль въ обѣихъ сторонахъ головы. Когда она опомнилась, она увидала, что держитъ обѣими руками свои волосы около висковъ и сжимаетъ ихъ. Она вскочила и стала ходить.

— Кофей готовъ, и мамзель съ Сережей ждутъ,—сказала Аннушка, вернувшись опять и опять заставъ Анну въ томъ же положенiи.

— Сережа? Что Сережа?—оживляясь вдругъ, спросила Анна, вспомнивъ въ первый разъ за все утро о существованiи своего сына.

— Онъ провинился, кажется!—отвѣчала улыбаясь Аннушка.

— Какъ провинился?

— Персики у васъ лежали въ угольной, такъ, кажется, они потихонечку одинъ скушали.

Напоминанiе о сынѣ вдругъ вывело Анну изъ того безвыходнаго положенiя, въ которомъ она находилась. Она вспомнила ту, отчасти искреннюю, хотя и много преувеличенную, роль матери, живущей для сына, которую она взяла на себя въ послѣднiе годы, и съ радостью почувствовала, что въ томъ состоянiи, въ которомъ она находилась, у нея есть держава, независимая отъ положенiя, въ которое она станетъ къ мужу и къ Вронскому. Эта держава былъ сынъ. Въ какое бы положенiе она ни стала, она не можетъ покинуть сына. Пускай мужъ опозоритъ и выгонитъ ее, пускай Вронскiй охладѣетъ къ ней и продолжаетъ вести свою независимую жизнь (она опять съ желчью и упрекомъ подумала о немъ), она не можетъ оставить сына. У нея есть цѣль жизни. И ей надо дѣйствовать, дѣйствовать, чтобъ обезпечить это положенiе съ сыномъ, чтобы его не отняли у нея. Даже скорѣе, какъ можно скорѣе надо дѣйствовать, пока его не отняли у нея. Надо взять сына и уѣхать. Вотъ одно, что ей надо теперь дѣлать. Ей нужно было успокоиться и выйти изъ этого мучительнаго положенiя. Мысль о прямомъ дѣлѣ, связывавшемся съ сыномъ, и о томъ, чтобы сейчасъ же уѣхать съ нимъ куда-нибудь, дала ей это успокоенiе.

Она быстро одѣлась, сошла внизъ и рѣшительными шагами вошла въ гостиную, гдѣ по обыкновенiю ожидалъ ее кофе и Сережа съ гувернанткой. Сережа, весь въ бѣломъ, стоялъ у

стола подъ зеркаломъ и, согнувшись спиной и головой, съ выраженіемъ напряженнаго вниманія, которое она знала въ немъ и которымъ онъ былъ похожъ на отца, что-то дѣлалъ съ цвѣтами, которые онъ принесъ.

Гувернантка имѣла особенно строгій видъ. Сережа пронзительно, какъ это часто бывало съ нимъ, вскрикнулъ: «А, мама!» и остановился въ нерѣшительности: идти ли къ матери здороваться и бросить цвѣты или додѣлать вѣнокъ и съ цвѣтами идти?

Гувернантка, поздоровавшись, длинно и опредѣлительно стала разсказывать проступокъ, сдѣланный Сережей, но Анна не слушала ея; она думала о томъ, возьметъ ли она ее съ собой. «Нѣтъ, не возьму,—рѣшила она.—Я уѣду одна, съ сыномъ».

— Да, это очень дурно,—сказала Анна и, взявъ сына за плечо, не строгимъ, а робкимъ взглядомъ, смутившимъ и обрадовавшимъ мальчика, смотрѣла на него и поцѣловала.—Оставьте его со мной,—сказала она удивленной гувернанткѣ и, не выпуская руки сына, сѣла за приготовленный съ кофеемъ столъ.

— Мама, я... я... не...—сказалъ онъ, стараясь понять по ея выраженію, что̀ ожидаетъ его за персикъ.

— Сережа,—сказала она, какъ только гувернантка вышла изъ комнаты,—это дурно, но ты не будешь больше дѣлать этого?.. Ты любишь меня?

Она чувствовала, что слезы выступаютъ ей на глаза. «Развѣ я могу не любить его?—говорила она себѣ, вникая въ его испуганный и вмѣстѣ обрадованный взглядъ.—И неужели онъ будетъ заодно съ отцомъ, чтобы казнить меня? Неужели не пожалѣетъ меня?» Слезы уже текли по ея лицу и, чтобы скрыть ихъ, она порывисто встала и почти выбѣжала на террасу.

Послѣ грозовыхъ дождей послѣднихъ дней наступила холодная, ясная погода. При яркомъ солнцѣ, сквозившемъ сквозь обмытые листья, въ воздухѣ было холодно.

Она вздрогнула и отъ холода и отъ внутренняго ужаса, съ новою силой охватившихъ ее на чистомъ воздухѣ.

— Поди, поди къ Mariette,—сказала она Сережѣ, вышедшему было за ней, и стала ходить по соломенному ковру террасы. «Неужели они не простятъ меня, не поймутъ, какъ это все не могло быть иначе?» сказала она себѣ.

Остановившись и взглянувъ на колебавшіяся отъ вѣтра вершины осинъ съ обмытыми, ярко блистающими на холодномъ солнцѣ листьями, она поняла, что они не простятъ, что все и всѣ къ ней теперь будутъ безжалостны, какъ это небо, какъ эта зелень. И опять она почувствовала, что въ душѣ у нея начинало двоиться. «Не надо, не надо думать,—сказала она

себѣ.—Надо собираться. Куда? Когда? Кого взять съ собой? Да, въ Москву, на вечернемъ поѣздѣ. Аннушка и Сережа, и только самыя необходимыя вещи. Но прежде надо написать имъ обоимъ». Она быстро пошла въ домъ, въ свой кабинетъ, сѣла къ столу и написала мужу:

«Послѣ того, что произошло, я не могу болѣе оставаться въ вашемъ домѣ. Я уѣзжаю и беру съ собою сына. Я не знаю законовъ и потому не знаю, съ кѣмъ изъ родителей долженъ быть сынъ; но я беру его съ собой, потому что безъ него я не могу жить. Будьте великодушны, оставьте мнѣ его».

До сихъ поръ она писала быстро и естественно, но призывъ къ его великодушію, котораго она не признавала въ немъ, и необходимость заключить письмо чѣмъ-нибудь трогательнымъ остановили ее.

«Говорить о своей винѣ и своемъ раскаяніи я не могу, потому что...»

Опять она остановилась, не находя связи въ своихъ мысляхъ. «Нѣтъ, — сказала она себѣ, — ничего не надо», и, разорвавъ письмо, переписала его, исключивъ упоминаніе о великодушіи, и запечатала.

Другое письмо надо было писать къ Вронскому. «Я объявила мужу», писала она, и долго сидѣла, не въ силахъ будучи писать далѣе. Это было такъ грубо, такъ не женственно. «И потомъ, что же могу я писать ему?» сказала она себѣ. Опять краска стыда покрыла ея лицо, вспомнилось его спокойствіе, и чувство досады къ нему заставило ее разорвать на мелкіе клочки листокъ съ написанной фразой. «Ничего не нужно», сказала она себѣ и, сложивъ бюваръ, пошла наверхъ, объявила гувернанткѣ и людямъ, что она ѣдетъ нынче въ Москву, и тотчасъ принялась за укладку вещей.

XVI.

По всѣмъ комнатамъ дачнаго дома ходили дворники, садовники и лакеи, вынося вещи. Шкапы и комоды были раскрыты; два раза бѣгали въ лавочку за бечевками; по полу валялась газетная бумага. Два сундука, мѣшки и увязанные пледы были снесены въ переднюю. Карета и два извозчика стояли у крыльца. Анна, забывшая за работой укладки внутреннюю тревогу, укладывала, стоя передъ столомъ въ своемъ кабинетѣ, свой дорожный мѣшокъ, когда Аннушка обратила ея вниманіе на стукъ подъѣзжающаго экипажа. Анна взглянула въ окно и увидала у

крыльца курьера Алексѣя Александровича, который звонилъ у входной двери.

— Поди узнай, что̀ такое, — сказала она и со спокойною готовностью на все, сложивъ руки на колѣняхъ, сѣла на кресло. Лакей принесъ толстый пакетъ, надписанный рукою Алексѣя Александровича.

— Курьеру приказано привезти отвѣтъ, — сказалъ онъ.

— Хорошо,—сказала она и, какъ только онъ вышелъ, трясущимися пальцами разорвала письмо. Пачка заклеенныхъ въ бандеролькѣ неперегнутыхъ ассигнацій выпала изъ него. Она высвободила письмо и стала читать съ конца. «Я сдѣлалъ приготовленія для переѣзда, я приписываю значеніе исполненію моей просьбы», прочла она. Она пробѣжала дальше, назадъ, прочла все и еще разъ прочла письмо все съ начала. Когда она кончила, она почувствовала, что ей холодно и что надъ нею обрушилось такое страшное несчастіе, какого она не ожидала.

Она раскаивалась утромъ въ томъ, что̀ она сказала мужу, и желала только одного, чтобъ эти слова были какъ бы не сказаны. И вотъ письмо это признавало слова несказанными и давало ей то, чего она желала. Но теперь это письмо представлялось ей ужаснѣе всего, что̀ только она могла себѣ представить.

«Правъ! правъ!—проговорила она.—Разумѣется, онъ всегда правъ, онъ христіанинъ, онъ великодушенъ! Да, низкій, гадкій человѣкъ! И этого никто, кромѣ меня, не понимаетъ и не пойметъ, и я не могу растолковать. Они говорятъ: религіозный, нравственный, честный, умный человѣкъ; но они не видятъ, что̀ я видѣла. Они не знаютъ, какъ онъ восемь лѣтъ душилъ мою жизнь, душилъ все, что̀ было во мнѣ живого,—что онъ ни разу и не подумалъ о томъ, что я живая женщина, которой нужна любовь. Не знаютъ, какъ на каждомъ шагу онъ оскорблялъ меня и оставался доволенъ собой. Я ли не старалась, всѣми силами старалась, найти оправданіе своей жизни? Я ли не пыталась любить его, любить сына, когда уже нельзя было любить мужа? Но пришло время, я поняла, что я не могу больше себя обманывать, что я живая, что я не виновата, что Богъ меня сдѣлалъ такою, что мнѣ нужно любить и жить. И теперь что же? Убилъ бы онъ меня, убилъ бы его,—я все бы перенесла, я все бы простила, но нѣтъ, онъ...

«Какъ я не угадала того, что̀ онъ сдѣлаетъ? Онъ сдѣлаетъ то, что̀ свойственно его низкому характеру. Онъ останется правъ, а меня, погибшую, еще хуже, еще ниже погубитъ...»

«Вы сами можете предположить то, что̀ ожидаетъ васъ и вашего сына», вспомнила она слова изъ письма. «Это угроза, что онъ отниметъ сына, и, вѣроятно, по ихъ глупому закону, это можно. Но развѣ я не знаю, зачѣмъ онъ говоритъ это? Онъ не вѣритъ и въ мою любовь къ сыну, или презираетъ (какъ онъ всегда и подсмѣивался), презираетъ это мое чувство, но онъ знаетъ, что я не брошу сына, не могу бросить сына, что безъ сына не можетъ быть для меня жизни даже съ тѣмъ, кого я люблю, но что, бросивъ сына и убѣжавъ отъ него, я поступлю какъ самая позорная, гадкая женщина, это онъ знаетъ и знаетъ, что я не въ силахъ буду сдѣлать этого.

«Наша жизнь должна идти какъ прежде»,—вспомнила она другую фразу письма. «Эта жизнь была мучительна еще прежде, она была ужасна въ послѣднее время. Что же это будетъ теперь? И онъ знаетъ все это, знаетъ, что я не могу раскаиваться въ томъ, что я дышу, что я люблю; знаетъ, что, кромѣ лжи и обмана, изъ этого ничего не будетъ; но ему нужно продолжать мучить меня. Я знаю его, я знаю, что онъ, какъ рыба въ водѣ, плаваетъ и наслаждается во лжи. Но нѣтъ, я не доставлю ему этого наслажденія, я разорву эту его паутину лжи, въ которой онъ меня хочетъ опутать; пусть будетъ, что будетъ. Все лучше лжи и обмана.

«Но какъ? Боже мой! Боже мой! Была ли когда нибудь женщина такъ несчастна, какъ я!..»

— Нѣтъ, разорву, разорву!—вскрикнула она, вскакивая и удерживая слезы. И она подошла къ письменному столу, чтобы написать ему другое письмо. Но она въ глубинѣ души своей уже чувствовала, что она не въ силахъ будетъ ничего разорвать, не въ силахъ будетъ выйти изъ этого прежняго положенія, какъ оно ни ложно и ни безчестно.

Она сѣла къ письменному столу, но вмѣсто того, чтобы писать, сложивъ руки на столъ, положила на нихъ голову и заплакала, всхлипывая и колеблясь всею грудью, какъ плачутъ дѣти. Она плакала о томъ, что мечта ея объ уясненіи, опредѣленіи своего положенія разрушена навсегда. Она знала впередъ, что все останется по-старому и даже гораздо хуже, чѣмъ по-старому. Она чувствовала, что то положеніе въ свѣтѣ, которымъ она пользовалась и которое утромъ казалось ей столь ничтожнымъ, что это положеніе дорого ей, что она не будетъ въ силахъ промѣнять его на позорное положеніе женщины, бросившей мужа и сына и соединившейся съ любовникомъ, что, сколько бы она ни старалась, она не будетъ сильнѣе самой себя. Она никогда не испытаетъ свободы любви, а навсегда оста-

нется преступною женой, подъ угрозой ежеминутнаго обличенія, обманывающею мужа для позорной связи съ человѣкомъ чужимъ, независимымъ, съ которымъ она не можетъ жить одною жизнью. Она знала, что это такъ и будетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ это было такъ ужасно, что она не могла представить себѣ даже, чѣмъ это кончится. И она плакала, не удерживаясь, какъ плачутъ наказанныя дѣти.

Послышавшіеся шаги лакея заставили ее очнуться, и, скрывъ отъ него свое лицо, она притворилась, что пишетъ.

— Курьеръ проситъ отвѣта,—доложилъ лакей.

— Отвѣта? Да,—сказала Анна,—пускай подождетъ. Я позвоню.

«Что я могу писать?—думала она.—Что я могу рѣшить одна? Что я знаю? Чего я хочу? Что я люблю?» Опять она почувствовала, что въ душѣ ея начинаетъ двоиться. Она испугалась опять этого чувства и ухватилась за первый представившійся ей предлогъ дѣятельности, который могъ бы отвлечь ее отъ мыслей о себѣ. «Я должна видѣть Алексѣя (такъ она мысленно называла Вронскаго), онъ одинъ можетъ сказать мнѣ, что̀ я должна дѣлать. Поѣду къ Бетси, можетъ быть, тамъ я увижу его», сказала она себѣ, совершенно забывъ о томъ, что вчера еще, когда она сказала ему, что не поѣдетъ къ княгинѣ Тверской, онъ сказалъ, что поэтому и онъ тоже не поѣдетъ. Она подошла къ столу, написала мужу: «Я получила ваше письмо. А.», и, позвонивъ, отдала лакею.

— Мы не ѣдемъ,—сказала она вошедшей Аннушкѣ.

— Совсѣмъ не ѣдемъ?

— Нѣтъ, не раскладывайте до завтра, и карету оставить. Я поѣду къ княгинѣ.

— Какое же платье приготовить?

XVII.

Общество партіи крокета, на которое княгиня Тверская приглашала Анну, должно было состоять изъ двухъ дамъ съ ихъ поклонниками. Двѣ дамы эти были главныя представительницы избраннаго новаго петербургскаго кружка называвшіяся въ подражаніе подражанію чему-то les sept merveilles du monde. Дамы эти принадлежали къ кружку, правда, высшему, но совершенно враждебному тому, который посѣщала Анна. Кромѣ того, старый Стремовъ, одинъ изъ вліятельныхъ людей Петербурга, поклонникъ Лизы Меркаловой, былъ по службѣ врагъ

Алексѣя Александровича. По всѣмъ этимъ соображеніямъ Анна не хотѣла ѣхать, и къ этому ея отказу относились намеки записки княгини Тверской. Теперь же Анна, въ надеждѣ увидать Вронскаго, пожелала ѣхать.

Анна пріѣхала къ княгинѣ Тверской раньше другихъ гостей.

Въ то время, какъ она входила, лакей Вронскаго съ расчесанными бакенбардами, похожій на камеръ-юнкера, входилъ тоже. Онъ остановился у двери и, снявъ фуражку, пропустилъ ее. Анна узнала его и тутъ только вспомнила, что Вронскій вчера сказалъ, что не пріѣдетъ. Вѣроятно, онъ объ этомъ прислалъ записку.

Она слышала, снимая верхнее платье въ передней, какъ лакей, выговаривавшій даже *р* какъ камеръ-юнкеръ, сказалъ: «отъ графа княгинѣ», и передалъ записку.

Ей хотѣлось спросить, гдѣ его баринъ. Ей хотѣлось вернуться назадъ и послать ему письмо, чтобы онъ пріѣхалъ къ ней, или самой ѣхать къ нему. Но ни того, ни другого, ни третьяго нельзя было сдѣлать: уже впереди слышались объявляющіе о ея пріѣздѣ звонки, и лакей княгини Тверской уже сталъ вполоборота у отворенной двери, ожидая ея прохода во внутреннія комнаты.

— Княгиня въ саду, сейчасъ доложатъ. Не угодно ли пожаловать въ садъ?—доложилъ другой лакей въ другой комнатѣ.

Положеніе нерѣшительности, неясности было все то же, какъ и дома; еще хуже, потому что нельзя было ничего предпринять, нельзя было увидать Вронскаго, а надо было оставаться здѣсь, въ чуждомъ и столь противоположномъ ея настроенію обществѣ; но она была въ туалетѣ, который, она знала, шелъ къ ней; она была не одна; вокругъ была эта привычная торжественная обстановка праздности, и ей было легче, чѣмъ дома; она не должна была придумывать, что́ ей дѣлать. Все дѣлалось само собой. Встрѣтивъ шедшую къ ней Бетси въ бѣломъ, поразившемъ ее своею элегантностью, туалетѣ, Анна улыбнулась ей, какъ всегда. Княгиня Тверская шла съ Тушкевичемъ и родственницей, барышней, къ великому счастію провинціальныхъ родителей, проводившей лѣто у знаменитой княгини.

Вѣроятно въ Аннѣ было что-нибудь особенное, потому что Бетси тотчасъ замѣтила это.

— Я дурно спала,—отвѣчала Анна, вглядываясь въ лакея, который шелъ имъ навстрѣчу и, по ея соображеніямъ, несъ записку Вронскаго.

— Какъ я рада, что вы пріѣхали,—сказала Бетси.—Я устала и только что хотѣла выпить чашку чаю, пока они пріѣдутъ. А

вы бы пошли,—обратилась она къ Тушкевичу,—съ Машей попробовали крокетъ-троундъ, тамъ, гдѣ подстригли. Мы съ вами успѣемъ по душѣ поговорить за чаемъ, we'll have a cosy chat, не правда ли?—обратилась она къ Аннѣ съ улыбкой, пожимая ея руку, державшую зонтикъ.

— Тѣмъ болѣе что я не могу пробыть у васъ долго, мнѣ необходимо къ старой Вреде. Я уже сто лѣтъ обѣщала, — сказала Анна, для которой ложь, чуждая ея природѣ, сдѣлалась не только проста и естественна въ обществѣ, но даже доставляла удовольствіе. Для чего она сказала это, чего она за секунду не думала, она никакъ бы не могла объяснить. Она сказала это по тому только соображенію, что такъ какъ Вронскаго не будетъ, то ей надо обезпечить свою свободу и попытаться какъ-нибудь увидать его. Но почему она именно сказала про старую фрейлину Вреде, къ которой ей нужно было, какъ и ко многимъ другимъ, она не умѣла бы объяснить, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ потомъ оказалось, она, придумывая самыя хитрыя средства для свиданія съ Вронскимъ, не могла придумать ничего лучшаго.

— Нѣтъ, я васъ не пущу ни за что,—отвѣчала Бетси, внимательно вглядываясь въ лицо Анны.—Право, я бы обидѣлась, если бы не любила васъ. Точно вы боитесь, что мое общество можетъ компрометировать васъ. Пожалуйста, намъ чаю въ маленькую гостиную,—сказала она, какъ всегда прищуривая глаза при обращеніи къ лакею.

Взявъ отъ него записку, она прочла ее.

— Алексѣй сдѣлалъ намъ ложный прыжокъ,—сказала она по-французски:—онъ пишетъ, что не можетъ быть,—прибавила она такимъ естественнымъ, простымъ тономъ, какъ будто ей никогда и не могло приходить въ голову, чтобы Вронскій имѣлъ для Анны какое-нибудь другое значеніе, кромѣ игры въ крокетъ. Анна знала, что Бетси все знаетъ, но, слушая, какъ она при ней говорила о Вронскомъ, она всегда убѣждалась на минуту, что она ничего не знаетъ.

— А!—равнодушно сказала Анна, какъ бы мало интересуясь этимъ, и продолжала улыбаясь:—Какъ можетъ ваше общество компрометировать кого-нибудь?

Эта игра словами, это скрываніе тайны, какъ и для всѣхъ женщинъ, имѣло большую прелесть для Анны. И не необходимость скрывать, не цѣль, для которой скрывалась, но самый процессъ скрыванія увлекалъ ее.

— Я не могу быть католичнѣе папы,—сказала она.—Стремовъ и Лиза Меркалова—это сливки сливокъ общества. По-

томъ они приняты вездѣ, и *я*,—она особенно ударила на *я*,—никогда не была строга и нетерпима. Мнѣ просто некогда. Нѣтъ, вы не хотите, можетъ быть, встрѣчаться со Стремовымъ? Пускай они съ Алексѣемъ Александровичемъ ломаютъ копья въ комитетѣ,—это насъ не касается. Но въ свѣтѣ это самый любезный человѣкъ, какого только я знаю, и страстный игрокъ въ крокетъ. Вотъ вы увидите. И, несмотря на смѣшное его положеніе стараго влюбленнаго въ Лизу, надо видѣть, какъ онъ выпутывается изъ этого смѣшного положенія! Онъ очень милъ. Сафо Штольцъ вы не знаете? Это—новый, совсѣмъ новый тонъ.

Бетси говорила все это, а между тѣмъ по веселому, умному взгляду ея Анна чувствовала, что она понимаетъ отчасти ея положеніе и что-то затѣваетъ. Онѣ были въ маленькомъ кабинетѣ.

— Однако надо написать Алексѣю,—и Бетси сѣла за столъ, написала нѣсколько строкъ и вложила въ конвертъ.—Я пишу, чтобъ онъ пріѣхалъ обѣдать. У меня одна дама къ обѣду остается безъ мужчины. Посмотрите, убѣдительно ли? Виновата, я на минутку васъ оставлю. Вы, пожалуйста, запечатайте и отошлите,—сказала она изъ двери,—а мнѣ надо сдѣлать распоряженіе.

Ни минуты не думая, Анна сѣла съ письмомъ Бетси къ столу и, не читая, приписала внизу: «Мнѣ необходимо васъ видѣть. Пріѣзжайте къ саду Вреде. Я буду тамъ въ 6 часовъ». Она запечатала, и Бетси, вернувшись, при ней отдала письмо.

Дѣйствительно, за чаемъ, который имъ принесли на столикѣ-подносѣ въ прохладную маленькую гостиную, между двумя женщинами завязался a cosy chat, какой и обѣщала княгиня Тверская до пріѣзда гостей. Онѣ пересуживали тѣхъ, кого ожидали, и разговоръ остановился на Лизѣ Меркаловой.

— Она очень мила и всегда мнѣ была симпатична,—сказала Анна.

— Вы должны ее любить. Она бредитъ вами. Вчера она подошла ко мнѣ послѣ скачекъ и была въ отчаяніи, что не застала васъ. Она говоритъ, что вы настоящая героиня романа и что, если бы она была мужчиной, она бы надѣлала за васъ тысячу глупостей. Стремовъ ей говоритъ, что она и такъ ихъ дѣлаетъ.

— Но скажите, пожалуйста, я никогда не могла понять,—сказала Анна, помолчавъ нѣсколько времени и такимъ тономъ, который ясно показывалъ, что она дѣлала не праздный вопросъ, но что то, что она спрашивала, было для нея важнѣе, чѣмъ бы слѣдовало,—скажите, пожалуйста, что такое ея отношеніе къ князю Калужскому, такъ называемому Мишкѣ? Я мало встрѣчала ихъ. Что это такое?

Бетси улыбнулась глазами и внимательно поглядѣла на Анну

— Новая манера,—сказала она.—Онѣ всѣ избрали эту манеру. Онѣ забросили чепцы за мельницы. Но есть манера и манера, какъ ихъ забросить.

— Да, но какія же ея отношенія къ Калужскому?

Бетси неожиданно весело и неудержимо засмѣялась, что рѣдко случалось съ ней.

— Это вы захватываете область княгини Мягкой. Это вопросъ ужаснаго ребенка,—и Бетси, видимо, хотѣла, но не могла удержаться и разразилась тѣмъ заразительнымъ смѣхомъ, какимъ смѣются рѣдко смѣющіеся люди.—Надо у нихъ спросить,—проговорила она сквозь слезы смѣха.

— Нѣтъ, вы смѣетесь,—сказала Анна, тоже невольно заразившаяся смѣхомъ, — но я никогда не могла понять. Я не понимаю тутъ роли мужа.

— Мужъ? Мужъ Лизы Меркаловой носитъ за ней пледы и всегда готовъ къ услугамъ. А что тамъ дальше въ самомъ дѣлѣ, никто не хочетъ знать. Знаете, въ хорошемъ обществѣ не говорятъ и не думаютъ даже о нѣкоторыхъ подробностяхъ туалета. Такъ и это.

— Вы будете на праздникѣ Роландаки? — спросила Анна, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Не думаю,—отвѣчала Бетси и, не глядя на свою пріятельницу, осторожно стала наливать маленькія прозрачныя чашки душистымъ чаемъ. Подвинувъ чашку къ Аннѣ, она достала пахитоску и вложивъ ее въ серебряную ручку, закурила. — Вотъ видите ли, я въ счастливомъ положеніи,—уже безъ смѣха начала она, взявъ въ руку чашку.—Я понимаю васъ и понимаю Лизу. Лиза—это одна изъ тѣхъ наивныхъ натуръ, которыя, какъ дѣти, не понимаютъ, что́ хорошо и что́ дурно. По крайней мѣрѣ, она не понимала, когда была очень молода. И теперь она знаетъ, что это непониманіе идетъ къ ней. Теперь она, можетъ быть, нарочно не понимаетъ,—говорила Бетси съ тонкою улыбкой. — Но все-таки это ей идетъ. Видите ли, на одну и ту же вещь можно смотрѣть трагически и сдѣлать изъ нея мученіе, и смотрѣть просто и даже весело. Можетъ быть, вы склонны смотрѣть на вещи слишкомъ трагически.

— Какъ бы я желала знать другихъ такъ, какъ я себя знаю,—сказала Анна серьезно и задумчиво. — Хуже ли я другихъ или лучше? Я думаю, хуже.

— Ужасный ребенокъ, ужасный ребенокъ!—повторила Бетси.—Но вотъ и они.

XVIII.

Послышались шаги и мужской голосъ, потомъ женскій голосъ и смѣхъ, и вслѣдъ за тѣмъ вошли ожидаемые гости: Сафо Штольцъ и сіяющій преизбыткомъ здоровья молодой человѣкъ, такъ называемый Васька. Видно было, что ему впрокъ пошло питаніе кровяною говядиной, трюфелями и бургонскимъ. Васька поклонился дамамъ и взглянулъ на нихъ, но только на одну секунду. Онъ вошелъ за Сафо въ гостиную и по гостиной прошелъ за ней, какъ будто былъ къ ней привязанъ, и не спускалъ съ нея блестящихъ глазъ, какъ будто хотѣлъ съѣсть ее. Сафо Штольцъ была блондинка съ черными глазами. Она вошла маленькими бойкими, на крутыхъ каблучкахъ туфель, шажками и крѣпко, по-мужски, пожала дамамъ руки.

Анна ни разу не встрѣчала еще этой новой знаменитости и была поражена и ея красотою, и крайностью, до которой былъ доведенъ ея туалетъ, и смѣлостью ея манеръ. На головѣ ея изъ своихъ и чужихъ нѣжно-золотистаго цвѣта волосъ былъ сдѣланъ такой эшафодажъ прически, что голова ея равнялась по величинѣ стройно выпуклому и очень открытому спереди бюсту. Стремительность же впередъ была такова, что при каждомъ движеніи обозначались изъ-подъ платья формы колѣнъ и верхнія части ноги, и невольно представлялся вопросъ о томъ, гдѣ сзади въ этой подстроенной колеблющейся горѣ дѣйствительно кончается ея настоящее, маленькое и стройное, столь обнаженное сверху и столь спрятанное сзади и внизу тѣло

Бетси поспѣшила познакомить ее съ Анной.

— Можете себѣ представить, мы чуть было не раздавили двухъ солдатъ,—тотчасъ же начала разсказывать, подмигивая, улыбаясь и назадъ отдергивая свой хвостъ, который она сразу слишкомъ перекинула въ одну сторону. — Я ѣхала съ Васькой... Ахъ, да, вы не знакомы.—И она, назвавъ его фамилію, представила молодого человѣка и, покраснѣвъ, звучно засмѣялась своей ошибкѣ, то-есть тому, что она незнакомой назвала его Васькой. Васька еще разъ поклонился Аннѣ, но ничего не сказалъ ей. Онъ обратился къ Сафо:

— Пари проиграно. Мы прежде пріѣхали. Расплачивайтесь,—говорилъ онъ улыбаясь.

Сафо еще веселѣе засмѣялась.

— Не теперь же,—сказала она.

— Все равно я получу послѣ.

— Хорошо, хорошо. Ахъ, да! — вдругъ обратилась она къ хозяйкѣ,—хороша я... Я и забыла... Я вамъ привезла гостя. Вонъ и онъ.

Неожиданный молодой гость, котораго привезла Сафо и котораго она забыла, былъ, однако, такой важный гость, что, несмотря на его молодость, обѣ дамы встали, встрѣчая его.

Это былъ новый поклонникъ Сафо. Онъ теперь, какъ и Васька, по пятамъ ходилъ за ней.

Вскорѣ пріѣхали князь Калужскій и Лиза Меркалова со Стремовымъ. Лиза Меркалова была худая брюнетка съ восточнымъ лѣнивымъ типомъ лица и прелестными, неизъяснимыми, какъ всѣ говорили, глазами. Характеръ ея темнаго туалета (Анна тотчасъ же замѣтила и оцѣнила это) былъ совершенно соотвѣтствующій ея красотѣ. Насколько Сафо была крута и подбориста, настолько Лиза была мягка и распущенна.

Но Лиза на вкусъ Анны была гораздо привлекательнѣе. Бетси говорила про нее Аннѣ, что она взяла на себя тонъ невѣдающаго ребенка; но когда Анна увидала ее, она почувствовала, что это была неправда. Она точно была невѣдающая, испорченная, но милая и безотвѣтная женщина. Правда, что тонъ ея былъ такой же, какъ и тонъ Сафо; такъ же, какъ и за Сафо, за ней ходили, какъ пришитые, и пожирали ее глазами два поклонника, одинъ молодой, другой старикъ; но въ ней было что-то такое, что было выше того, что ее окружало,—въ ней былъ блескъ настоящей воды брильянта среди стеколъ. Этотъ блескъ свѣтился изъ ея прелестныхъ, дѣйствительно неизъяснимыхъ глазъ. Усталый и вмѣстѣ страстный взглядъ этихъ окруженныхъ темнымъ кругомъ глазъ поражалъ своею совершенною искренностью. Взглянувъ въ эти глаза, каждому казалось, что онъ узналъ ее всю и, узнавъ, не могъ не полюбить. При видѣ Анны все ея лицо вдругъ освѣтилось радостною улыбкой.

— Ахъ, какъ я рада васъ видѣть! — сказала она, подходя къ ней. — Я вчера на скачкахъ только что хотѣла дойти до васъ, а вы уѣхали. Мнѣ такъ хотѣлось видѣть васъ именно вчера. Не правда ли, это было ужасно?—сказала она, глядя на Анну своимъ взглядомъ, открывавшимъ, казалось, всю душу.

— Да, я никакъ не ожидала, что это такъ волнуетъ,—сказала Анна краснѣя.

Общество поднялось въ это время, чтобы идти въ садъ.

— Я не пойду,—сказала Лиза, улыбаясь и подсаживаясь къ Аннѣ.—Вы тоже не пойдете? Что за охота играть въ крокетъ!

— Нѣтъ, я люблю,—сказала Анна.

— Вотъ, вотъ какъ вы дѣлаете, что вамъ не скучно? На васъ взглянешь—весело. Вы живете, а я скучаю.

— Какъ скучаете? Да вы—самое веселое общество Петербурга,—сказала Анна.

— Можетъ быть, тѣмъ, которые не нашего общества, еще скучнѣе; но намъ, мнѣ навѣрно, не весело, а ужасно, ужасно скучно.

Сафо, закуривъ папироску, ушла въ садъ съ двумя молодыми людьми. Бетси и Стремовъ остались за чаемъ.

— Какъ скучно!—сказала Бетси.—Сафо говоритъ, что они вчера очень веселились у васъ.

— Ахъ, такая тоска была!—сказала Лиза Меркалова.—Мы поѣхали всѣ ко мнѣ послѣ скачекъ. И все тѣ же, и все тѣ же! Все одно и то же. Весь вечеръ провалялись по диванамъ. Что̀ же тутъ веселаго? Нѣтъ, какъ вы дѣлаете, чтобы вамъ не было скучно?—опять обратилась она къ Аннѣ.—Сто̀итъ взглянуть на васъ, и видишь,—вотъ женщина, которая можетъ быть счастлива, несчастна, но не скучаетъ. Научите, какъ вы это дѣлаете?

— Никакъ не дѣлаю, — отвѣчала Анна, краснѣя отъ этихъ привязчивыхъ вопросовъ.

— Вотъ это лучшая манера,—вмѣшался въ разговоръ Стремовъ.

Стремовъ былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, полусѣдой, еще свѣжій, очень некрасивый, но съ характернымъ и умнымъ лицомъ. Лиза Меркалова была племянница его жены, и онъ проводилъ всѣ свои свободные часы съ ней. Встрѣтивъ Анну Каренину, онъ—по службѣ врагъ Алексѣя Александровича—какъ свѣтскій и умный человѣкъ, постарался быть съ нею, женой своего врага, особенно любезнымъ.

— Никакъ,—подхватилъ онъ, тонко улыбаясь,— это лучшее средство. Я давно вамъ говорю,—обратился онъ къ Лизѣ Меркаловой,—что для того, чтобы не было скучно, надо не думать, что будетъ скучно. Это все равно, какъ не надо бояться, что не заснешь, если боишься безсонницы. Это самое и сказала вамъ Анна Аркадьевна.

— Я бы очень рада была, если бы сказала это, потому что это не только умно,—это правда,—улыбаясь сказала Анна.

— Нѣтъ, вы скажите, отчего нельзя заснуть и нельзя не скучать?

— Чтобы заснуть, надо поработать, и чтобы веселиться, надо тоже поработать.

— Зачѣмъ же я буду работать, когда моя работа никому не нужна? А нарочно и притворяться я не умѣю и не хочу.

— Вы неисправимы,—сказалъ Стремовъ, не глядя на нее, и опять обратился къ Аннѣ.

Рѣдко встрѣчая Анну, онъ не могъ ничего ей сказать, кромѣ пошлостей, но онъ говорилъ эти пошлости о томъ, когда она

переѣзжаетъ въ Петербургъ, о томъ, какъ ее любитъ графиня Лидія Ивановна, съ такимъ выраженіемъ, которое показывало, что онъ отъ всей души желаетъ быть ей пріятнымъ и показать свое уваженіе и даже болѣе.

Вошелъ Тушкевичъ, объявивъ, что все общество ждетъ игроковъ въ крокетъ.

— Нѣтъ, не уѣзжайте, пожалуйста, — просила Лиза Меркалова, узнавъ, что Анна уѣзжаетъ. Стремовъ присоединился къ ней.

— Слишкомъ большой контрастъ,—сказалъ онъ,—ѣхать послѣ этого общества къ старухѣ Вреде. И потомъ для нея вы будете случаемъ позлословить, а здѣсь вы только возбудите другія, самыя хорошія и противоположныя злословію чувства, — сказалъ онъ ей.

Анна на минуту задумалась въ нерѣшительности. Лестныя рѣчи этого умнаго человѣка, наивная, дѣтская симпатія, которую выражала къ ней Лиза Меркалова, и вся эта привычная, свѣтская обстановка—все это было такъ легко, а ожидало ее такое трудное, что она съ минуту была въ нерѣшимости: не остаться ли, не отдалить ли еще тяжелую минуту объясненій? Но, вспомнивъ, что́ ожидаетъ ее одну дома, если она не приметъ никакого рѣшенія, вспомнивъ этотъ страшный для нея и въ воспоминаніи жестъ, когда она взялась обѣими руками за волосы, она простилась и уѣхала.

XIX.

Вронскій, несмотря на свою легкомысленную съ виду свѣтскую жизнь, былъ человѣкъ, ненавидѣвшій безпорядокъ. Еще смолоду, бывши въ корпусѣ, онъ испыталъ униженіе отказа, когда онъ, запутавшись, попросилъ взаймы денегъ, и съ тѣхъ поръ онъ ни разу не ставилъ себя въ такое положеніе.

Для того, чтобы всегда вести свои дѣла въ порядкѣ, онъ, смотря по обстоятельствамъ, чаще или рѣже, разъ пять въ годъ уединялся и приводилъ въ ясность всѣ свои дѣла. Онъ называлъ это посчитаться, или faire la lessive.

Проснувшись поздно на другой день послѣ скачекъ, Вронскій, не брѣясь и не купаясь, одѣлся въ китель и, разложивъ на столѣ деньги, счеты, письма, принялся за работу. Петрицкій, зная, что въ такомъ положеніи онъ бывалъ сердитъ, проснувшись и увидавъ товарища за письменнымъ столомъ, тихо одѣлся и вышелъ, не мѣшая ему.

Всякій человѣкъ, зная до малѣйшихъ подробностей всю сложность условій, его окружающихъ, невольно предполагаетъ, что сложность этихъ условій и трудность ихъ уясненія есть только его личная, случайная особенность и никакъ не думаетъ, что другіе окружены такою же сложностью своихъ личныхъ условій, какъ и онъ самъ. Такъ казалось и Вронскому. И онъ не безъ внутренней гордости и не безъ основанія думалъ, что всякій другой давно бы запутался и принужденъ былъ бы поступать нехорошо, если бы находился въ такихъ же трудныхъ условіяхъ. Но Вронскій чувствовалъ, что именно теперь ему необходимо учесться и уяснить свое положеніе, для того, чтобы не запутаться.

Первое, за что, какъ за самое легкое, взялся Вронскій, были денежныя дѣла. Выписавъ своимъ мелкимъ почеркомъ на почтовомъ листкѣ все, что̀ онъ долженъ, онъ подвелъ итогъ и нашелъ, что онъ долженъ семнадцать тысячъ съ сотнями, которыя онъ откинулъ для ясности. Сосчитавъ деньги и банковую книжку, онъ нашелъ, что у него остается 1.800 руб., а полученія до новаго года не предвидится. Перечтя списокъ долгамъ, Вронскій переписалъ его, подраздѣливъ на три разряда. Къ первому разряду относились долги, которые надо было сейчасъ же заплатить или во всякомъ случаѣ для уплаты которыхъ надо было имѣть готовыя деньги, чтобы при требованіи не могло быть минуты замедленія. Такихъ долговъ было около четырехъ тысячъ: 1.500 за лошадь и 2.500 поручительство за молодого товарища Веневскаго, который при Вронскомъ проигралъ эти деньги шулеру. Вронскій тогда же хотѣлъ отдать деньги (онѣ были у него), но Веневскій и Яшвинъ настаивали на томъ, что заплатятъ они, а не Вронскій, который и не игралъ. Все это было прекрасно, но Вронскій зналъ, что въ этомъ грязномъ дѣлѣ, въ которомъ онъ хотя и принялъ участіе только тѣмъ, что взялъ на словахъ ручательство за Веневскаго, ему необходимо имѣть эти 2.500 р., чтобы ихъ бросить мошеннику и не имѣть съ нимъ болѣе никакихъ разговоровъ. Итакъ, по этому первому важнѣйшему отдѣлу надо было имѣть 4.000 руб. Во второмъ отдѣлѣ—восемь тысячъ—были болѣе важные долги. Это были долги преимущественно по скаковой конюшнѣ, поставщику овса и сѣна, англичанину, шорнику и т. д. По этимъ долгамъ надо было тоже раздать тысячи двѣ, для того, чтобы быть совершенно спокойнымъ. Послѣдній отдѣлъ долговъ—въ магазины, въ гостиницы и портному—былъ такой, о которомъ нечего думать. Такъ что нужно было, по крайней мѣрѣ, 6.000 р. на текущіе расходы, а было только 1.800 р. Для человѣка съ

100.000 р. дохода, какъ опредѣляли всѣ состоянiе Вронскаго, такiе долги, казалось бы, не могли быть затруднительны; но дѣло въ томъ, что у него далеко не было этихъ 100.000 руб. Огромное отцовское состоянiе, приносившее одно до 200.000 р. годового дохода, было нераздѣльно между братьями. Въ то время, какъ старшiй братъ женился, имѣя кучу долговъ, на княжнѣ Варѣ Чирковой, дочери декабриста, безъ всякаго состоянiя, Алексѣй уступилъ старшему брату весь доходъ съ имѣнiй отца, выговоривъ себѣ только 25.000 р. въ годъ. Алексѣй сказалъ тогда брату, что этихъ денегъ ему будетъ достаточно, пока онъ не женится, чего, вѣроятно, никогда не будетъ. И братъ, командуя однимъ изъ самыхъ дорогихъ полковъ и только что женившись, не могъ не принять этого подарка. Мать, имѣвшая свое отдѣльное состоянiе, кромѣ выговоренныхъ 25.000 руб., давала ежегодно Алексѣю еще тысячъ 20, и Алексѣй проживалъ ихъ всѣ. Въ послѣднее время мать, поссорившись съ нимъ за его связь и отъѣздъ изъ Москвы, перестала присылать ему деньги. И вслѣдствiе этого Вронскiй, уже сдѣлавъ привычку жизни на 45.000 и получивъ въ этомъ году только 25.000 руб., находился теперь въ затрудненiи. Чтобы выйти изъ этого затрудненiя, онъ не могъ просить денегъ у матери. Послѣднее ея письмо, полученное имъ наканунѣ, тѣмъ въ особенности раздражило его, что въ немъ были намеки на то, что она готова была помогать ему для успѣха въ свѣтѣ и на службѣ, а не для жизни, которая скандализировала все хорошее общество. Желанiе матери купить его оскорбило его до глубины души и еще болѣе охладило къ ней. Но онъ не могъ отречься отъ сказаннаго великодушнаго слова, хотя и чувствовалъ теперь, смутно предвидя нѣкоторыя случайности своей связи съ Карениной, что великодушное слово это было сказано легкомысленно и что ему, неженатому, могутъ понадобиться всѣ сто тысячъ дохода. Но отречься нельзя было. Ему стоило только вспомнить братнину жену, вспомнить, какъ эта милая, славная Варя при всякомъ удобномъ случаѣ напоминала ему, что она помнитъ его великодушiе и цѣнитъ его, чтобы понять невозможность отнять назадъ данное. Это было такъ же невозможно, какъ прибить женщину, украсть или солгать. Было возможно и должно одно, на что Вронскiй и рѣшился безъ минуты колебанiя: занять деньги у ростовщика, десять тысячъ, въ чемъ не можетъ быть затрудненiя, урѣзать вообще свои расходы и продать скаковыхъ лошадей. Рѣшивъ это, онъ тотчасъ же написалъ записку Роландаки, посылавшему къ нему не разъ съ предложенiемъ купить у него лошадей. Потомъ послалъ за ан-

гличаниномъ и за ростовщикомъ и разложилъ по счетамъ тѣ деньги, которыя у него были. Окончивъ эти дѣла, онъ написалъ холодный и рѣзкій отвѣтъ матери. Потомъ, доставъ изъ бумажника три записки Анны, онъ перечелъ ихъ, сжегъ и, вспомнивъ свой вчерашній разговоръ съ нею, задумался

XX.

Жизнь Вронскаго тѣмъ была особенно счастлива, что у него былъ сводъ правилъ, несомнѣнно опредѣляющихъ все, что должно и не должно дѣлать. Сводъ этихъ правилъ обнималъ очень малый кругъ условій, но зато правила были несомнѣнны, и Вронскій, никогда не выходя изъ этого круга, никогда ни на минуту не колебался въ исполненіи того, что̀ должно. Правила эти несомнѣнно опредѣляли: что нужно заплатить шулеру, а портному не нужно; что лгать не надо мужчинамъ, но женщинамъ можно; что обманывать нельзя никого, но мужа можно; что нельзя прощать оскорбленій и можно оскорблять и т. д. Всѣ эти правила могли быть неразумны, нехороши, но они были несомнѣнны, и, исполняя ихъ, Вронскій чувствовалъ, что онъ спокоенъ и можетъ высоко носить голову. Только въ самое послѣднее время, по поводу своихъ отношеній къ Аннѣ, Вронскій начиналъ чувствовать, что сводъ его правилъ не вполнѣ опредѣлялъ всѣ условія, и въ будущемъ представлялись трудности и сомнѣнія, въ которыхъ Вронскій уже не находилъ руководящей нити.

Теперешнее отношеніе его къ Аннѣ и къ ея мужу было для него просто и ясно. Оно было ясно и точно опредѣлено въ сводѣ правилъ, которыми онъ руководствовался.

Она была порядочная женщина, подарившая ему свою любовь, и онъ любилъ ее, и потому она была для него женщина, достойная такого же и еще большаго уваженія, чѣмъ законная жена. Онъ далъ бы отрубить себѣ руку, прежде чѣмъ позволить себѣ словомъ, намекомъ не только оскорбить ее, но не выказать ей того уваженія, на какое только можетъ разсчитывать женщина.

Отношенія къ обществу тоже были ясны. Всѣ могли знать, подозрѣвать это, но никто не долженъ былъ смѣть говорить. Въ противномъ случаѣ онъ готовъ былъ заставить говорившихъ молчать и уважать несуществующую честь женщины, которую онъ любилъ.

Отношенія къ мужу были яснѣе всего. Съ той минуты, какъ Анна полюбила Вронскаго, онъ считалъ одно свое право на нее

неотъемлемымъ. Мужъ былъ только излишнее и мѣшающее лицо. Безъ сомнѣнія, онъ былъ въ жалкомъ положеніи, но что же было дѣлать. Одно, на что имѣлъ право мужъ, это было то, чтобы потребовать удовлетворенія съ оружіемъ въ рукахъ, и на это Вронскій былъ готовъ съ первой минуты.

Но въ послѣднее время являлись новыя, внутреннія отношенія между нимъ и ею, пугавшія Вронскаго своею неопредѣленностью. Вчера только она объяснила ему, что она беременна. И онъ почувствовалъ, что это извѣстіе и то, чего она ждала отъ него, требовало чего-то такого, что не опредѣлено вполнѣ кодексомъ тѣхъ правилъ, которыми онъ руководствовался въ жизни. И дѣйствительно, онъ былъ взятъ врасплохъ, и въ первую минуту, когда она объявила о своемъ положеніи, сердце его подсказало ему требованіе оставить мужа. Онъ сказалъ это, но теперь, обдумывая, онъ видѣлъ ясно, что лучше было бы обойтись безъ этого, и вмѣстѣ съ тѣмъ, говоря это себѣ, боялся, не дурно ли это.

«Если я сказалъ оставить мужа, то это значитъ соединиться со мной: готовъ ли я на это? Какъ я увезу ее теперь, когда у меня нѣтъ денегъ? Положимъ, это я могъ бы устроить... Но какъ я увезу ее, когда я на службѣ? Если я сказалъ это, то надо быть готовымъ на это, то-есть имѣть деньги и выйти въ отставку».

И онъ задумался. Вопросъ о томъ, выйти или не выйти въ отставку, привелъ его къ другому, тайному, ему одному извѣстному, едва ли не главному, хотя и затаенному интересу всей его жизни.

Честолюбіе было старинная мечта его дѣтства и юности,— мечта, въ которой онъ и себѣ не признавался, но которая была такъ сильна, что и теперь эта страсть боролась съ его любовью. Первые шаги его въ свѣтѣ и на службѣ были удачны, но два года тому назадъ онъ сдѣлалъ грубую ошибку: онъ, желая высказать свою независимость и подвинуться, отказался отъ предложеннаго ему положенія, надѣясь, что отказъ этотъ придастъ ему бо̀льшую цѣну; но оказалось, что онъ былъ слишкомъ смѣлъ, и его оставили; и, волей-неволей сдѣлавъ себѣ положеніе человѣка независимаго, онъ носилъ его, весьма тонко и умно держа себя, такъ, какъ будто онъ ни на кого не сердился, не считалъ себя никѣмъ обиженнымъ и желаетъ только того, чтобы его оставили въ покоѣ, потому что ему весело. Въ сущности же ему еще съ прошлаго года, когда онъ уѣхалъ въ Мо̀скву, перестало быть весело. Онъ чувствовалъ, что это независимое положеніе человѣка, который все бы могъ, но ничего не хо-

четъ, уже начинаетъ сглаживаться, что многіе начинаютъ думать, что онъ ничего бы и не могъ, кромѣ того, какъ быть честнымъ и добрымъ малымъ. Надѣлавшая столько шума и обратившая общее вниманіе связь его съ Карениной, придавъ ему новый блескъ, успокоила на время точившаго его червя честолюбія, но недѣлю тому назадъ этотъ червь проснулся съ новою силой. Его товарищъ съ дѣтства, одного круга, одного общества и товарищъ по корпусу, Серпуховской, одного съ нимъ выпуска, съ которымъ онъ соперничалъ и въ классѣ, и въ гимнастикѣ, и въ шалостяхъ, и въ мечтахъ честолюбія, на-дняхъ вернулся изъ Средней Азіи, получивъ тамъ два чина и отличіе, рѣдко даваемое столь молодымъ генераламъ.

Какъ только онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, заговорили о немъ, какъ о вновь поднимающейся звѣздѣ первой величины. Ровесникъ Вронскому и однокашникъ, онъ былъ генералъ и ожидалъ назначенія, которое могло имѣть вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ, а Вронскій былъ хоть и независимый, и блестящій, и любимый прелестною женщиной человѣкъ, но былъ только ротмистромъ, которому предоставляли быть независимымъ сколько ему угодно. «Разумѣется, я не завидую и не могу завидовать Серпуховскому; но его возвышеніе показываетъ мнѣ, что стоитъ выждать время, и карьера человѣка, какъ я, можетъ быть сдѣлана очень скоро. Три года тому назадъ онъ былъ въ томъ же положеніи, какъ и я. Выйдя въ отставку, я сожгу свои корабли. Оставаясь на службѣ, я ничего не теряю. Она сама сказала, что не хочетъ измѣнять своего положенія. А я съ ея любовью не могу завидовать Серпуховскому». И, закручивая медленнымъ движеніемъ усы, онъ всталъ отъ стола и прошелся по комнатѣ. Глаза его блестѣли особенно ярко, и онъ чувствовалъ то твердое, спокойное и радостное состояніе духа, которое находило на него всегда послѣ уясненія своего положенія. Все было, какъ и послѣ прежнихъ счетовъ, чисто и ясно. Онъ побрился, одѣлся, взялъ холодную ванну и вышелъ.

XXI.

— А я за тобой. Твоя стирка нынче долго продолжалась,— сказалъ Петрицкій.—Что же, кончилось?

— Кончилось,—отвѣчалъ Вронскій, улыбаясь одними глазами и покручивая кончики усовъ такъ осторожно, какъ будто послѣ того порядка, въ который приведены его дѣла, всякое слишкомъ смѣлое и быстрое движеніе можетъ его разрушить.

— Ты всегда послѣ этого точно изъ бани,—сказалъ Петрицкій.—Я отъ Грицки (такъ они звали полкового командира), тебя ждутъ.

Вронскій, не отвѣчая, глядѣлъ на товарища, думая о другомъ.

— Да это у него музыка?—сказалъ онъ, прислушиваясь къ долетавшимъ до него знакомымъ звукамъ трубныхъ басовъ, полекъ и вальсовъ.—Что за праздникъ?

— Серпуховской пріѣхалъ.

— А-а!—сказалъ Вронскій,—я и не зналъ.

Улыбка его глазъ заблестѣла еще ярче.

Разъ рѣшивъ самъ съ собой, что онъ счастливъ своею любовью, пожертвовалъ ей своимъ честолюбіемъ,—взявъ, по крайней мѣрѣ, на себя эту роль,—Вронскій уже не могъ чувствовать ни зависти къ Серпуховскому, ни досады на него за то, что онъ, пріѣхавъ въ полкъ, пришелъ не къ нему первому. Серпуховской былъ добрый пріятель, и онъ былъ радъ ему.

— А, я очень радъ.

Полковой командиръ Деминъ занималъ большой помѣщичій домъ. Все общество было на просторномъ нижнемъ балконѣ. На дворѣ, первое, что̀ бросилось въ глаза Вронскому, были пѣсенники въ кителяхъ, стоявшіе подлѣ боченка съ водкой, и здоровая веселая фигура полкового командира, окруженнаго офицерами; выйдя на первую ступень балкона, онъ, громко перекрикивая музыку, игравшую Офенбаховскую кадриль, что-то приказывалъ и махалъ стоявшимъ нѣсколько въ сторонѣ солдатамъ. Кучка солдатъ, вахмистръ и нѣсколько унтеръ-офицеровъ подошли вмѣстѣ съ Вронскимъ къ балкону. Вернувшись къ столу, полковой командиръ опять вышелъ съ бокаломъ на крыльцо и провозгласилъ тостъ: «за здоровье нашего бывшаго товарища и храбраго генерала князя Серпуховского. Ура!»

За полковымъ командиромъ съ бокаломъ въ рукѣ, улыбаясь, вышелъ и Серпуховской.

— Ты все молодѣешь, Бондаренко,—обратился онъ къ прямо предъ нимъ стоявшему, служившему вторую службу, молодцеватому краснощекому вахмистру.

Вронскій три года не видалъ Серпуховского. Онъ возмужалъ, отпустивъ бакенбарды, но онъ былъ такой же стройный, не столько поражавшій красотой, сколько нѣжностью и благородствомъ лица и сложенія. Одна перемѣна, которую замѣтилъ въ немъ Вронскій, было то тихое, постоянное сіяніе, которое устанавливается на лицахъ людей, имѣющихъ успѣхъ и увѣренныхъ въ признаніи этого успѣха всѣми. Вронскій зналъ это сіяніе и тотчасъ же замѣтилъ его на Серпуховскомъ.

Сходя съ лѣстницы, Серпуховской увидалъ Вронскаго. Улыбка радости освѣтила лицо Серпуховского. Онъ кивнулъ кверху головой, приподнялъ бокалъ, привѣтствуя Вронскаго и показывая этимъ жестомъ, что не можетъ прежде не подойти къ вахмистру, который, вытянувшись, уже складывалъ губы для поцѣлуя.

— Ну, вотъ и онъ! — вскрикнулъ полковой командиръ.—А мнѣ сказалъ Яшвинъ, что ты въ своемъ мрачномъ духѣ.

Серпуховской поцѣловалъ во влажныя и свѣжія губы молодца-вахмистра и, обтирая ротъ платкомъ, подошелъ къ Вронскому.

— Ну, какъ я радъ!—сказалъ онъ, пожимая ему руку и отводя его въ сторону.

— Займитесь имъ! — крикнулъ Яшвину полковой командиръ, указывая на Вронскаго, и сошелъ внизъ къ солдатамъ.

— Отчего ты вчера не былъ на скачкахъ? Я думалъ увидать тамъ тебя,—сказалъ Вронскій, оглядывая Серпуховского.

— Я пріѣхалъ, но поздно. Виноватъ,—прибавилъ онъ и обратился къ адъютанту:—Пожалуйста, отъ меня прикажите раздать, сколько выйдетъ на человѣка.

И онъ торопливо досталъ изъ бумажника три сторублевыя бумажки и покраснѣлъ.

— Вронскій! съѣсть что-нибудь или пить?—спросилъ Яшвинъ.—Эй, давай сюда графу поѣсть! А вотъ это—пей.

Кутежъ у полкового командира продолжался долго.

Пили очень много. Качали и подкидывали Серпуховского. Потомъ качали полкового командира. Потомъ предъ пѣсенниками плясалъ самъ полковой командиръ съ Петрицкимъ. Потомъ полковой командиръ, уже нѣсколько ослабѣвши, сѣлъ на дворѣ на лавку и началъ доказывать Яшвину преимущество Россіи предъ Пруссіей, особенно въ кавалерійской атакѣ, и кутежъ на минуту затихъ. Серпуховской вошелъ въ домъ, въ уборную, чтобъ умыть руки, и нашелъ тамъ Вронскаго; Вронскій обливался водой. Онъ, снявъ китель и подставивъ обросшую волосами красную шею подъ струю умывальника, растиралъ ее и голову руками. Окончивъ умываніе, Вронскій подсѣлъ къ Серпуховскому. Они оба тутъ же сѣли на диванчикъ, и между ними начался разговоръ, очень интересный для обоихъ.

— Я о тебѣ все зналъ черезъ жену,—сказалъ Серпуховской.—Я радъ, что ты часто видалъ ее.

— Она дружна съ Варей, и это единственныя женщины петербургскія, съ которыми мнѣ пріятно видѣться,—улыбаясь отвѣчалъ Вронскій. Онъ улыбался тому, что предвидѣлъ тему, на которую обратился разговоръ, и это было ему пріятно.

— Единственныя?—улыбаясь переспросилъ Серпуховской.

— Да и я о тебѣ зналъ, но не только черезъ твою жену,— строгимъ выраженіемъ лица запрещая этотъ намекъ, сказалъ Вронскій.—Я очень радъ былъ твоему успѣху, но нисколько не удивленъ. Я ждалъ еще больше.

Серпуховской улыбнулся. Ему, очевидно, было пріятно это мнѣніе о немъ, и онъ не находилъ нужнымъ скрывать это.

— Я, напротивъ, признаюсь откровенно, ждалъ меньше. Но я радъ, очень радъ. Я честолюбивъ, это моя слабость, и я признаюсь въ ней.

— Можетъ быть, ты бы не признавался, если бы не имѣлъ успѣха,—сказалъ Вронскій.

— Не думаю,—опять улыбаясь, сказалъ Серпуховской.—Не скажу, чтобы не стоило жить безъ этого, но было бы скучно. Разумѣется, я, можетъ быть, ошибаюсь, но мнѣ кажется, что я имѣю нѣкоторыя способности въ той сферѣ дѣятельности, которую я избралъ, и что въ моихъ рукахъ власть, какая бы она ни была, если будетъ, то будетъ лучше, чѣмъ въ рукахъ многихъ мнѣ извѣстныхъ,—съ сіяющимъ сознаніемъ успѣха сказалъ Серпуховской.—И потому чѣмъ ближе къ этому, тѣмъ я больше доволенъ.

— Можетъ быть, это такъ для тебя, но не для всѣхъ. Я то же думалъ, а вотъ живу и нахожу, что не стоитъ жить только для этого,—сказалъ Вронскій.

— Вотъ оно! Вотъ оно!—смѣясь сказалъ Серпуховской.—Я уже началъ съ того, что я слышалъ про тебя, про твой отказъ... Разумѣется, я тебя одобрилъ. Но на все есть манера. И я думаю, что самый поступокъ хорошъ, но ты его сдѣлалъ не такъ, какъ надо.

— Что̀ сдѣлано, то сдѣлано; я, ты знаешь, я никогда не отрекаюсь отъ того, что̀ сдѣлалъ. И потомъ мнѣ прекрасно.

— Прекрасно—на время. Но ты не удовлетворишься этимъ. Я твоему брату не говорю. Это—милое дитя, такъ же какъ этотъ нашъ хозяинъ. Вонъ онъ!—прибавилъ онъ, прислушиваясь къ крику «ура»,—и ему весело, а тебя не это удовлетворяетъ.

— Я не говорю, чтобы удовлетворяло.

— Да, не это одно. Такіе люди, какъ ты, нужны.

— Кому?

— Кому? Обществу, Россіи. Россіи нужны люди, нужна партія, иначе все идетъ и пойдетъ къ собакамъ.

— То-есть что же? Партія Бертенева противъ русскихъ коммунистовъ?

— Нѣтъ,—сморщившись отъ досады за то, что его подозрѣваютъ въ такой глупости, сказалъ Серпуховской.—Tout ça es‹t›

une blague. Это всегда было и будетъ. Никакихъ коммунистовъ нѣтъ. Но всегда людямъ интриги надо выдумать вредную, опасную партію. Это старая штука. Нѣтъ, нужна партія власти людей независимыхъ, какъ ты и я.

— Но почему же?—Вронскій назвалъ нѣсколько имѣющихъ власть людей.—Но почему же они не независимые люди?

— Только потому, что у нихъ нѣтъ или не было отъ рожденія независимости состоянія, не было именно, не было той близости къ солнцу, въ которой мы родились. Ихъ можно купить или деньгами или лаской. И, чтобъ имъ держаться, имъ надо выдумывать направленіе. И они проводятъ какую-нибудь мысль, направленіе, въ которое сами не вѣрятъ, которое дѣлаетъ зло; и все это направленіе есть только средство имѣть казенный домъ и столько-то жалованья. Cela n'est pas plus fin que ça, когда поглядишь въ ихъ карты. Можетъ быть, я хуже, глупѣе ихъ, хотя я не вижу, почему я долженъ быть хуже ихъ. Но у меня и у тебя есть уже навѣрное одно важное преимущество—то, что насъ труднѣе купить. И такіе люди болѣе чѣмъ когда-нибудь нужны.

Вронскій слушалъ внимательно, но не столько самое содержаніе словъ занимало его, сколько то отношеніе къ дѣлу Серпуховского, уже думающаго бороться съ властью и имѣющаго въ этомъ мірѣ уже свои симпатіи и антипатіи, тогда какъ для него были по службѣ только интересы эскадрона. Вронскій понялъ тоже, какъ могъ быть силенъ Серпуховской своею несомнѣнною способностью обдумывать, понимать вещи, своимъ умомъ и даромъ слова, такъ рѣдко встрѣчающимся въ той средѣ, въ которой онъ жилъ. И, какъ ни совѣстно это было ему, ему было завидно.

— Все-таки мнѣ недостаетъ для этого одной главной вещи,—отвѣчалъ онъ:—недостаетъ желанія власти. Это было, но прошло.

— Извини меня, это неправда, — улыбаясь сказалъ Серпуховской.

— Нѣтъ, правда, правда!.. теперь, чтобы быть искреннимъ,—добавилъ Вронскій.

— Да, правда *теперь*, это другое дѣло; но это *теперь* будетъ не всегда.

— Можетъ быть,—отвѣчалъ Вронскій.

— Ты говоришь *можетъ быть*,—продолжалъ Серпуховской, какъ будто угадавъ его мысли,—а я тебѣ говорю *навѣрное*. И для этого я хотѣлъ тебя видѣть. Ты поступилъ такъ, какъ должно было. Это я понимаю, но *персеверировать* ты не долженъ. Я только прошу у тебя carte blanche. Я не покрови-

тельствую тебѣ... Хотя отчего же мнѣ и не покровительствовать тебѣ: ты столько разъ мнѣ покровительствовалъ! Надѣюсь, что наша дружба стоитъ выше этого. Да,—сказалъ онъ, нѣжно, какъ женщина, улыбаясь ему.—Дай мнѣ carte blanche, выходи изъ полка, и я втяну тебя незамѣтно.

— Но ты пойми, мнѣ ничего не нужно,—сказалъ Вронскій,— какъ только то, чтобы все было, какъ было.

Серпуховской всталъ и сталъ противъ него.

— Ты сказалъ, чтобы все было, какъ было. Я понимаю, что это значитъ. Но послушай: мы ровесники, можетъ быть, ты больше числомъ зналъ женщинъ, чѣмъ я. — Улыбка и жесты Серпуховского говорили, что Вронскій не долженъ бояться, что онъ нѣжно и осторожно дотронется до больного мѣста.—Но я женатъ, и повѣрь, что, узнавъ одну свою жену (какъ кто-то писалъ), которую ты любишь, ты лучше узнаешь всѣхъ женщинъ, чѣмъ если бы ты зналъ ихъ тысячи.

— Сейчасъ придемъ!—крикнулъ Вронскій офицеру, заглянувшему въ комнату и звавшему ихъ къ полковому командиру.

Вронскому хотѣлось теперь дослушать и узнать, что Серпуховской скажетъ ему.

— И вотъ тебѣ мое мнѣніе. Женщины—это главный камень преткновенія въ дѣятельности человѣка. Трудно любить женщину и дѣлать что-нибудь. Для этого есть только одно средство съ удобствомъ безъ помѣхи любить—это женитьба. Какъ бы, какъ бы тебѣ сказать, что я думаю,—говорилъ Серпуховской, любившій сравненія,—постой, постой! Да, какъ нести fardeau и дѣлать что-нибудь руками можно только тогда, когда fardeau увязано на спину,—а это женитьба. И это я почувствовалъ женившись. У меня вдругъ опростались руки. Но безъ женитьбы тащить за собой этотъ fardeau, — руки будутъ такъ полны, что ничего нельзя дѣлать. Посмотри Мазанкова, Крупова. Они погубили свои карьеры изъ-за женщинъ.

— Какія женщины! — сказалъ Вронскій, вспоминая француженку и актрису, съ которыми были въ связи названные два человѣка.

— Тѣмъ хуже, чѣмъ прочнѣе положеніе женщины въ свѣтѣ, тѣмъ хуже. Это все равно, какъ уже—не то, что тащить fardeau руками, а вырывать его у другого.

— Ты никогда не любилъ,—тихо сказалъ Вронскій, глядя предъ собой и думая объ Аннѣ.

— Можетъ быть. Но ты вспомни, что я сказалъ тебѣ. И еще: женщины всѣ матеріальнѣе мужчинъ. Мы дѣлаемъ изъ любви что-то огромное, а онѣ всегда terre-à-terre.

— Сейчасъ, сейчасъ!—обратился онъ къ вошедшему лакею. Но лакей не приходилъ ихъ звать опять, какъ онъ думалъ. Лакей принесъ Вронскому записку.

— Вамъ принесъ человѣкъ отъ княгини Тверской.

Вронскій распечаталъ письмо и вспыхнулъ.

— У меня голова заболѣла, я пойду домой,—сказалъ онъ Серпуховскому.

— Ну, такъ прощай. Даешь carte blanche?

— Послѣ поговоримъ, я найду тебя въ Петербургѣ.

XXII.

Былъ уже шестой часъ, и потому, чтобы поспѣть во-время и вмѣстѣ съ тѣмъ не ѣхать на своихъ лошадяхъ, которыхъ всѣ знали, Вронскій сѣлъ на извозчичью карету Яшвина и велѣлъ ѣхать какъ можно скорѣе. Извозчичья старая четырехмѣстная карета была просторна. Онъ сѣлъ въ уголъ, вытянулъ ноги на переднее мѣсто и задумался.

Смутное сознаніе той ясности, въ которую были приведены его дѣла, смутное воспоминаніе о дружбѣ и лести Серпуховского, считавшаго его нужнымъ человѣкомъ, и, главное, ожиданіе свиданія — все соединялось въ общее впечатлѣніе радостнаго чувства жизни. Чувство это было такъ сильно, что онъ невольно улыбался. Онъ спустилъ ноги, заложилъ одну на колѣно другой и, взявъ ее въ руку, ощупалъ упругую икру ноги, зашибленной вчера при паденіи, и, откинувшись назадъ, вздохнулъ нѣсколько разъ всею грудью.

«Хорошо, очень хорошо!» сказалъ онъ самъ себѣ. Онъ и прежде часто испытывалъ радостное сознаніе своего тѣла, но никогда онъ такъ не любилъ себя, своего тѣла, какъ теперь. Ему пріятно было чувствовать эту легкую боль въ сильной ногѣ, пріятно было мышечное ощущеніе движеній своей груди при дыханіи. Тотъ самый ясный и холодный августовскій день, который такъ безнадежно дѣйствовалъ на Анну, казался ему возбудительно оживляющимъ и освѣжалъ его разгорѣвшіяся отъ обливанія лицо и шею. Запахъ брильянтина отъ его усовъ казался ему особенно пріятнымъ на этомъ свѣжемъ воздухѣ. Все, что онъ видѣлъ въ окно кареты, все въ этомъ холодномъ чистомъ воздухѣ, на этомъ блѣдномъ свѣтѣ заката было такъ же свѣжо, весело и сильно, какъ и онъ самъ: и крыши домовъ, блестящія въ лучахъ спускавшагося солнца, и рѣзкія очертанія заборовъ и угловъ построекъ, и фигуры изрѣдка встрѣчающих-

ся пѣшеходовъ и экипажей, и неподвижная зелень деревъ и травъ, и поля съ правильно прорѣзанными бороздами картофеля, и косыя тѣни, падавшія отъ домовъ и отъ деревъ, и отъ кустовъ, и отъ самыхъ бороздъ картофеля, — все было красиво, какъ хорошенькій пейзажъ, только что оконченный и покрытый лакомъ.

— Пошелъ, пошелъ!—сказалъ онъ кучеру, высунувшись въ окно, и, доставъ изъ кармана трехрублевую бумажку, сунулъ ее оглянувшемуся кучеру. Рука извозчика ощупала что-то у фонаря, послышался свистъ кнута, и карета быстро покатилась по ровному шоссе.

«Ничего, ничего мнѣ не нужно, кромѣ этого счастья,—думалъ онъ, глядя на костяную шишечку звонка въ промежуткѣ между окнами и воображая себѣ Анну такою, какою онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ.—И чѣмъ дальше, тѣмъ больше я люблю ее. Вотъ и садъ казенной дачи Вреде. Гдѣ же она тутъ? Гдѣ? Какъ? Зачѣмъ она здѣсь назначила свиданіе и пишетъ въ письмѣ Бетси?» подумалъ онъ теперь только; но думать было уже некогда. Онъ остановилъ кучера, не доѣзжая до аллеи, и, отворивъ дверцу, на ходу выскочилъ изъ кареты и пошелъ въ аллею, ведшую къ дому. Въ аллеѣ никого не было; но, оглянувшись направо, онъ увидалъ ее. Лицо ея было закрыто вуалью, но онъ обхватилъ радостнымъ взглядомъ особенное, ей одной свойственное движеніе походки, склона плечъ и постанова головы, и тотчасъ же будто электрическій токъ пробѣжалъ по его тѣлу. Онъ съ новою силой почувствовалъ самого себя, отъ упругихъ движеній ногъ до движенія легкихъ при дыханіи, и что-то защекотало его губы.

Сойдясь съ нимъ, она крѣпко пожала его руку.

— Ты не сердишься, что я вызвала тебя? Мнѣ необходимо было тебя видѣть,—сказала она; и тотъ серьезный и строгій складъ губъ, который онъ видѣлъ изъ-подъ вуали, сразу измѣнилъ его душевное настроеніе.

— Я, сердиться! Но какъ ты пріѣхала, куда?

— Все равно,—сказала она, кладя свою руку на его,—пойдемъ, мнѣ нужно переговорить.

Онъ понялъ, что что-то случилось и что свиданіе это не будетъ радостное. Въ присутствіи ея онъ не имѣлъ своей воли: не зная причины ея тревоги, онъ чувствовалъ уже, что та же тревога невольно сообщалась и ему.

— Что же, что? — спрашивалъ онъ, сжимая локтемъ ея руку и стараясь прочесть въ ея лицѣ ея мысли.

Она прошла молча нѣсколько шаговъ, собираясь съ духомъ, и вдругъ остановилась.

— Я не сказала тебѣ вчера,—начала она, быстро и тяжело дыша,—что, возвращаясь домой съ Алексѣемъ Александровичемъ, я объявила ему все... сказала, что я не могу быть его женой, что... и все сказала.

Онъ слушалъ ее, невольно склоняясь всѣмъ станомъ, какъ бы желая этимъ смягчить для нея тяжесть ея положенія. Но, какъ только она сказала это, онъ вдругъ выпрямился, и лицо его приняло гордое и строгое выраженіе.

— Да, да, это лучше, тысячу разъ лучше! Я понимаю, какъ тяжело это было,—сказалъ онъ. Но она не слушала его словъ, она читала его мысли по выраженію лица. Она не могла знать, что выраженіе его лица относилось къ первой пришедшей Вронскому мысли—о неизбѣжности теперь дуэли. Ей никогда и въ голову не приходила мысль о дуэли и поэтому это мимолетное выраженіе строгости она объяснила иначе.

Получивъ письмо мужа, она знала уже въ глубинѣ души, что все останется по-старому, что она не въ силахъ будетъ пренебречь своимъ положеніемъ, бросить сына и соединиться съ любовникомъ. Утро, проведенное у княгини Тверской, еще болѣе утвердило ее въ этомъ. Но свиданіе это все-таки было для нея чрезвычайно важно. Она надѣялась, что это свиданіе измѣнитъ ихъ положеніе и спасетъ ее. Если онъ при этомъ извѣстіи рѣшительно, страстно, безъ минуты колебанія скажетъ ей: брось все и бѣги со мной, она броситъ сына и уйдетъ съ нимъ. Но извѣстіе это не произвело въ немъ того, чего она ожидала: онъ только чѣмъ-то какъ будто оскорбился.

— Мнѣ нисколько не тяжело было. Это сдѣлалось само собой, — сказала она раздражительно, — и вотъ...—она достала письмо мужа изъ перчатки.

— Я понимаю, понимаю, — перебилъ онъ ее, взявъ письмо, но не читая его и стараясь ее успокоить;—я одного желалъ, я одного просилъ — разорвать это положеніе, чтобы посвятить свою жизнь твоему счастію.

— Зачѣмъ ты говоришь мнѣ это? — сказала она. — Развѣ я могу сомнѣваться въ этомъ? Если бъ я сомнѣвалась...

— Кто это идетъ?—сказалъ вдругъ Вронскій, указывая на шедшихъ навстрѣчу двухъ дамъ:—можетъ быть, знаютъ насъ!—и онъ поспѣшно направился, увлекая ее за собой, на боковую дорожку.

— Ахъ, мнѣ все равно! — сказала она. Губы ея задрожали. И ему показалось, что глаза ея со странною злобой смотрѣли на него изъ-подъ вуали.—Такъ я говорю, что не въ этомъ

дѣло, я не могу сомнѣваться въ этомъ; но вотъ что онъ пишетъ мнѣ. Прочти. — Она опять остановилась.

Опять, какъ и въ первую минуту при извѣстіи объ ея разрывѣ съ мужемъ, Вронскій, читая письмо, невольно отдался тому естественному впечатлѣнію, которое вызывало въ немъ отношеніе къ оскорбленному мужу. Теперь, когда онъ держалъ въ рукахъ его письмо, онъ невольно представлялъ себѣ этотъ вызовъ, который, вѣроятно, нынче же или завтра онъ найдетъ у себя, и самую дуэль, во время которой онъ съ тѣмъ самымъ холоднымъ и гордымъ выраженіемъ, которое и теперь было на его лицѣ, выстрѣливъ въ воздухъ, будетъ стоять подъ выстрѣломъ оскорбленнаго мужа. И тутъ же въ его головѣ мелькнула мысль о томъ, что̀ ему только что говорилъ Серпуховской и что̀ онъ самъ утромъ думалъ: что лучше не связывать себя, и онъ зналъ, что эту мысль онъ не можетъ передать ей.

Прочтя письмо, онъ поднялъ на нее глаза, и во взглядѣ его не было твердости. Она поняла тотчасъ же, что̀ онъ уже самъ съ собой прежде думалъ объ этомъ. Она знала, что, что бы онъ ни сказалъ ей, онъ скажетъ не все, что̀ онъ думаетъ. И она поняла, что послѣдняя надежда ея была обманута. Это было не то, чего она ожидала.

— Ты видишь, что̀ это за человѣкъ, — сказала она дрожащимъ голосомъ,—онъ...

— Прости меня, но я радуюсь этому,—перебилъ Вронскій.— Ради Бога, дай мнѣ договорить,—прибавилъ онъ, умоляя ее взглядомъ дать ему время объяснить свои слова.—Я радуюсь, потому что это не можетъ, никакъ не можетъ оставаться такъ, какъ онъ предполагаетъ.

— Почему же не можетъ?—сдерживая слезы, проговорила Анна, очевидно, уже не приписывая никакого значенія тому, что̀ онъ скажетъ. Она чувствовала, что судьба ея была рѣшена.

Вронскій хотѣлъ сказать, что послѣ неизбѣжной, по его мнѣнію, дуэли это не могло продолжаться, но сказалъ другое.

— Не можетъ продолжаться. Я надѣюсь, что теперь ты оставишь его. Я надѣюсь, — онъ смутился и покраснѣлъ,—что ты позволишь мнѣ устроить и обдумать нашу жизнь. Завтра...— началъ было онъ.

Она не дала договорить ему.

— А сынъ?—вскрикнула она.—Ты видишь, что онъ пишетъ: надо оставить его, а я не могу и не хочу сдѣлать это.

— Но, ради Бога, что же лучше: оставить сына или продолжать это унизительное положеніе?

— Для кого унизительное положеніе?

— Для всѣхъ и больше всего для тебя.

— Ты говоришь унизительное... не говори этого. Эти слова не имѣютъ для меня смысла, — сказала она дрожащимъ голосомъ. Ей не хотѣлось теперь, чтобъ онъ говорилъ неправду. Ей оставалась одна его любовь, и она хотѣла любить его.— Ты пойми, что для меня съ того дня, какъ я полюбила тебя, все перемѣнилось. Для меня одно и одно — это твоя любовь. Если она моя, то я чувствую себя такъ высоко, такъ твердо, что ничто не можетъ для меня быть унизительнымъ. Я горда своимъ положеніемъ, потому что... горда тѣмъ... горда...—Она не договорила, чѣмъ она была горда. Слезы стыда и отчаянія задушили ея голосъ. Она остановилась и зарыдала.

Онъ почувствовалъ тоже, что что-то поднимается къ его горлу, щиплетъ ему въ носу,—и онъ въ первый разъ въ жизни почувствовалъ себя готовымъ заплакать. Онъ не могъ бы сказать, что̀ именно такъ тронуло его; ему было жалко ее, и онъ чувствовалъ, что не можетъ помочь ей, и вмѣстѣ съ тѣмъ зналъ, что онъ виною ея несчастія, что онъ сдѣлалъ что-то нехорошее.

— Развѣ не возможенъ разводъ?—сказалъ онъ слабо. Она, не отвѣчая, покачала головой.—Развѣ нельзя взять сына и все-таки оставить его?

— Да; но это все отъ него зависитъ. Теперь я должна ѣхать къ нему,—сказала она сухо. Ея предчувствіе, что все останется по-старому, не обмануло ея.

— Во вторникъ я буду въ Петербургѣ, и все рѣшится.

— Да,—сказала она.—Но не будемъ больше говорить про это.

Карета Анны, которую она отсылала и которой велѣла пріѣхать къ рѣшеткѣ сада Вреде, подъѣхала. Анна простилась съ Вронскимъ и уѣхала домой.

XXIII.

Въ понедѣльникъ было обычное засѣданіе комиссіи 2 іюня. Алексѣй Александровичъ вошелъ въ залу засѣданія, поздоровался съ членами и предсѣдателемъ, какъ и обыкновенно, и сѣлъ на свое мѣсто, положивъ руку на приготовленныя передъ нимъ бумаги. Въ числѣ этихъ бумагъ лежали и нужныя ему справки и набросанный конспектъ того заявленія, которое онъ намѣревался сдѣлать. Впрочемъ, ему и не нужны были справки. Онъ помнилъ все и не считалъ нужнымъ повторять въ своей памяти то, что онъ скажетъ. Онъ зналъ, что, когда наступитъ

время и когда онъ увидитъ предъ собой лицо противника, тщетно старающееся придать себѣ равнодушное выраженіе, рѣчь его выльется сама собой лучше, чѣмъ онъ могъ теперь приготовиться. Онъ чувствовалъ, что содержаніе его рѣчи было такъ велико, что каждое слово будетъ имѣть значеніе. Между тѣмъ, слушая обычный докладъ, онъ имѣлъ самый невинный, безобидный видъ. Никто не думалъ, глядя на его бѣлыя съ напухшими жилами руки, такъ нѣжно съ длинными пальцами ощупывавшія оба края лежавшаго передъ нимъ листа бѣлой бумаги, и на его съ выраженіемъ усталости на бокъ склоненную голову, что сейчасъ изъ его устъ выльются такія рѣчи, которыя произведутъ страшную бурю, заставятъ членовъ кричать, перебивая другъ друга, и предсѣдателя требовать соблюденія порядка. Когда докладъ кончился, Алексѣй Александровичъ своимъ тихимъ, тонкимъ голосомъ объявилъ, что онъ имѣетъ сообщить нѣкоторыя свои соображенія по дѣлу объ устройствѣ инородцевъ. Вниманіе обратилось на него. Алексѣй Александровичъ откашлялся и, не глядя на своего противника, но избравъ, какъ онъ это всегда дѣлалъ при произнесеніи своихъ рѣчей, первое сидѣвшее передъ нимъ лицо—маленькаго, смирнаго старичка, не имѣвшаго никогда никакого мнѣнія въ комиссіи, началъ излагать свои соображенія. Когда дѣло дошло до коренного и органическаго закона, противникъ вскочилъ и началъ возражать. Стремовъ, тоже членъ комиссіи и тоже задѣтый за живое, сталъ оправдываться, и вообще произошло бурное засѣданіе; но Алексѣй Александровичъ восторжествовалъ, и его предложеніе было принято, были назначены три новыя комиссіи, и на другой день въ извѣстномъ петербургскомъ кругу только и было рѣчи, что объ этомъ засѣданіи. Успѣхъ Алексѣя Александровича былъ даже больше, чѣмъ онъ ожидалъ.

На другое утро, во вторникъ, Алексѣй Александровичъ, проснувшись, съ удовольствіемъ вспомнилъ вчерашнюю побѣду и не могъ не улыбнуться, хотя и желалъ казаться равнодушнымъ, когда правитель канцеляріи, желая польстить ему, сообщилъ о слухахъ, дошедшихъ до него, о происшедшемъ въ комиссіи.

Занимаясь съ правителемъ канцеляріи, Алексѣй Александровичъ совершенно забылъ о томъ, что нынче былъ вторникъ — день, назначенный имъ для пріѣзда Анны Аркадьевны, и былъ удивленъ и непріятно пораженъ, когда человѣкъ пришелъ доложить ему о ея пріѣздѣ.

Анна пріѣхала въ Петербургъ рано утромъ; за ней была выслана карета по ея телеграммѣ, и потому Алексѣй Александровичъ могъ знать о ея пріѣздѣ. Но когда она пріѣхала, онъ не

встрѣтилъ ея. Ей сказали, что онъ еще не выходилъ и занимается съ правителемъ канцеляріи. Она велѣла сказать мужу, что пріѣхала, прошла въ свой кабинетъ и занялась разборомъ своихъ вещей, ожидая, что онъ придетъ къ ней. Но прошелъ часъ, онъ не приходилъ къ ней. Она вышла въ столовую подъ предлогомъ распоряженія и нарочно громко говорила, ожидая, что онъ придетъ сюда; но онъ не вышелъ, хотя она слышала, что онъ выходилъ къ дверямъ кабинета, провожая правителя канцеляріи. Она знала, что онъ по обыкновенію скоро уѣдетъ по службѣ, и ей хотѣлось до этого видѣть его, чтобъ отношенія ихъ были опредѣлены.

Она прошлась по залѣ и съ рѣшимостью направилась къ нему. Когда она вошла въ его кабинетъ, онъ въ вицмундирѣ, очевидно готовый къ отъѣзду, сидѣлъ у маленькаго стола, на который, облокотилъ руки, и уныло смотрѣлъ передъ собой. Она увидала его прежде, чѣмъ онъ ее, и она поняла, что онъ думалъ о ней.

Увидавъ ее, онъ хотѣлъ встать, раздумалъ, потомъ лицо его вспыхнуло, чего никогда прежде не видала Анна, и онъ быстро всталъ и пошелъ ей навстрѣчу, глядя не въ глаза ей, а выше, на ея лобъ и прическу. Онъ подошелъ къ ней, взялъ ее за руку и попросилъ сѣсть.

— Я очень радъ, что вы пріѣхали, — сказалъ онъ, садясь подлѣ нея, и, очевидно, желая сказать что-то, онъ запнулся. Нѣсколько разъ онъ хотѣлъ начать говорить, но останавливался. Несмотря на то, что, готовясь къ этому свиданію, она учила себя презирать и обвинять его, она не знала, что̀ сказать ему, и ей было жалко его. И такъ молчаніе продолжалось довольно долго.—Сережа здоровъ?—сказалъ онъ и, не дожидаясь отвѣта, прибавилъ:—Я не буду обѣдать дома нынче и сейчасъ мнѣ надо ѣхать.

— Я хотѣла уѣхать въ Москву,—сказала она.

— Нѣтъ, вы очень, очень хорошо сдѣлали, что пріѣхали,—сказалъ онъ и опять умолкъ.

Видя, что онъ не въ силахъ самъ начать говорить, она начала сама.

— Алексѣй Александровичъ,—сказала она, взглядывая на него и не опуская глазъ подъ его устремленнымъ на ея прическу взоромъ,—я преступная женщина, я дурная женщина, но я то же, что я была, что я сказала вамъ тогда, и пріѣхала сказать вамъ, что я не могу ничего перемѣнить.

— Я васъ не спрашивалъ объ этомъ,—сказалъ онъ, вдругъ рѣшительно и съ ненавистью глядя ей прямо въ глаза,—я такъ

и предполагалъ.—Подъ вліяніемъ гнѣва онъ, видимо, овладѣлъ опять вполнѣ всѣми своими способностями.—Но, какъ я вамъ говорилъ тогда и писалъ,—заговорилъ онъ рѣзкимъ, тонкимъ голосомъ,—я теперь повторяю, что я не обязанъ этого знать. Я игнорирую это. Не всѣ жены такъ добры, какъ вы, чтобы такъ спѣшить сообщать столь *пріятное* извѣстіе мужьямъ.— Онъ особенно ударилъ на словѣ «пріятное».—Я игнорирую до тѣхъ поръ, пока свѣтъ не знаетъ этого, пока мое имя не опозорено. И потому я только предупреждаю васъ, что наши отношенія должны быть такія, какія они всегда были, и что только въ томъ случаѣ, если вы *компрометируете* себя, я долженъ буду принять мѣры, чтобы оградить свою честь.

— Но отношенія наши не могутъ быть такими, какъ всегда,—робкимъ голосомъ заговорила Анна, съ испугомъ глядя на него.

Когда она увидала опять эти спокойные жесты, услыхала этотъ пронзительный, дѣтскій и насмѣшливый голосъ, отвращеніе къ нему уничтожило въ ней прежнюю жалость, и она только боялась, но во что бы то ни стало хотѣла уяснить свое положеніе.

— Я не могу быть вашею женой, когда я...—начала было она.

Онъ засмѣялся злымъ и холоднымъ смѣхомъ.

— Должно быть, тотъ родъ жизни, который вы избрали, отразился на вашихъ понятіяхъ. Я настолько уважаю или презираю и то и другое... я уважаю прошедшее ваше и презираю настоящее... что я былъ далекъ отъ той интерпретаціи, которую вы дали моимъ словамъ.

Анна вздохнула и опустила голову.

— Впрочемъ, не понимаю, какъ, имѣя столько независимости, какъ вы,—продолжалъ онъ разгорячась,—объявляя мужу прямо о своей невѣрности и не находя въ этомъ ничего предосудительнаго, какъ кажется, вы находите предосудительнымъ исполненіе въ отношеніи къ мужу обязанности жены?

— Алексѣй Александровичъ! что̀ вамъ отъ меня нужно?

— Мнѣ нужно, чтобъ я не встрѣчалъ здѣсь этого человѣка и чтобы вы вели себя такъ, чтобы ни *свѣтъ*, ни *прислуга* не *могли* обвинять васъ... чтобы вы не видали его. Кажется, это немного. И за это вы будете пользоваться правами честной жены, не исполняя ея обязанностей. Вотъ все, что я имѣю сказать вамъ. Теперь мнѣ время ѣхать. Я не обѣдаю дома.—Онъ всталъ и направился къ двери.

Анна встала тоже. Онъ, молча поклонившись, пропустилъ ее.

XXIV.

Ночь, проведенная Левинымъ на копнѣ, не прошла для него даромъ: то хозяйство, которое онъ велъ, опротивѣло ему и потеряло для него всякій интересъ. Несмотря на превосходный урожай, никогда не было или, по крайней мѣрѣ, никогда ему не казалось, чтобы было столько неудачъ и столько враждебныхъ отношеній между нимъ и мужиками, какъ нынѣшній годъ, и причина неудачъ и этой враждебности была теперь совершенно понятна ему. Прелесть, которую онъ испытывалъ въ самой работѣ, происшедшее вслѣдствіе того сближеніе съ мужиками, зависть, которую онъ испытывалъ къ нимъ, къ ихъ жизни, желаніе перейти въ эту жизнь, которое въ эту ночь было для него уже не мечтою, но намѣреніемъ, подробности исполненія котораго онъ обдумывалъ,—все это такъ измѣнило его взглядъ на заведенное у него хозяйство, что онъ не могъ уже никакъ находить въ немъ прежняго интереса и не могъ не видѣть того непріятнаго отношенія своего къ работникамъ, которое было основой всего дѣла. Стада улучшенныхъ коровъ, такихъ же, какъ Пава, вся удобренная, вспаханная плугами земля, девять равныхъ полей, обсаженныхъ лозинами, девяносто десятинъ глубоко запаханнаго навоза, рядовыя сѣялки и т. п.—все это было прекрасно, если бы это дѣлалось только имъ самимъ или имъ съ товарищами, людьми, сочувствующими ему. Но онъ ясно видѣлъ теперь (работа его надъ книгой о сельскомъ хозяйствѣ, въ которомъ главнымъ элементомъ хозяйства долженъ былъ быть работникъ, много помогла ему въ этомъ), онъ ясно видѣлъ теперь, что то хозяйство, которое онъ велъ, была только жестокая и упорная борьба между нимъ и работниками, въ которой на одной сторонѣ, на его сторонѣ, было постоянное напряженное стремленіе передѣлать все на считаемый лучшимъ образецъ, на другой же сторонѣ—естественный порядокъ вещей. И въ этой борьбѣ онъ видѣлъ, что при величайшемъ напряженіи силъ съ его стороны и безъ всякаго усилія и даже намѣренія съ другой—достигалось только то, что хозяйство шло ни въ чью и совершенно напрасно портились прекрасныя орудія, прекрасная скотина и земля. Главное же—не только совершенно даромъ пропадала направленная на это дѣло энергія, но онъ не могъ не чувствовать теперь, когда смыслъ его хозяйства обнажился для него, что цѣль его энергіи была самая недостойная. Въ сущности, въ чемъ состояла борьба? Онъ стоялъ за каждый свой грошъ (и не могъ не стоять, потому что стоило ему ослабить энергію, и ему бы недостало денегъ расплачи-

ваться съ рабочими), а они только стояли за то, чтобы работать спокойно и пріятно, т.-е. такъ, какъ они привыкли. Въ его интересахъ было то, чтобы каждый работникъ сработалъ какъ можно больше, притомъ чтобы не забывался, чтобы старался не сломать вѣялки, конныхъ граблей, молотилки, чтобъ онъ обдумывалъ то, что онъ дѣлаетъ; работнику же хотѣлось работать какъ можно пріятнѣе, съ отдыхомъ, и главное — беззаботно и забывшись, не размышляя. Въ нынѣшнее лѣто на каждомъ шагу Левинъ видѣлъ это. Онъ посылалъ скосить клеверъ на сѣно, выбравъ плохія десятины, проросшія травой и полынью, негодныя на сѣмена, — ему скашивали подъ рядъ лучшія сѣменныя десятины, оправдываясь тѣмъ, что такъ приказалъ приказчикъ, и утѣшали его тѣмъ, что сѣно будетъ отличное; но онъ зналъ, что это происходило отъ того, что эти десятины было косить легче. Онъ посылалъ сѣноворошилку трясти сѣно, — ее ломали на первыхъ рядахъ, потому что скучно было мужику сидѣть на козлахъ подъ махающими надъ нимъ крыльями. И ему говорили: «не извольте безпокоиться, бабы живо растрясутъ». Плуги оказывались негодящимися, потому что работнику не приходило въ голову опустить поднятый рѣзецъ, и, ворочая силомъ, онъ мучилъ лошадей и портилъ землю; и Левина просили быть покойнымъ. Лошадей запускали въ пшеницу, потому что ни одинъ работникъ не хотѣлъ быть ночнымъ строжемъ, и, несмотря на приказаніе этого не дѣлать, работники чередовались стеречь ночное, и Ванька, проработавъ весь день, заснулъ и каялся въ своемъ грѣхѣ, говоря: «воля ваша». Трехъ лучшихъ телокъ окормили, потому что безъ водопоя выпустили на клеверную отаву, и никакъ не хотѣли вѣрить, что ихъ раздуло клеверомъ, а разсказывали въ утѣшеніе, какъ у сосѣда сто двѣнадцать головъ въ три дня выпало. Все это дѣлалось не потому, что кто-нибудь желалъ зла Левину или его хозяйству, — напротивъ, онъ зналъ, что его любили, считали простымъ бариномъ (что̀ есть высшая похвала); но дѣлалось это только потому, что хотѣлось весело и беззаботно работать и интересы его были имъ не только чужды и непонятны, но фатально противоположны ихъ самымъ справедливымъ интересамъ. Уже давно Левинъ чувствовалъ недовольство своимъ отношеніемъ къ хозяйству. Онъ видѣлъ, что лодка его течетъ, но онъ не находилъ и не искалъ течи, можетъ быть, нарочно обманывая себя. (Ему бы ничего не оставалось, если бы онъ разочаровался въ ней.) Но теперь онъ не могъ болѣе себя обманывать. То хозяйство, которое онъ велъ, стало ему не только не интересно, но отвратительно, и онъ не могъ больше имъ заниматься.

Къ этому еще присоединилось присутствіе въ тридцати верстахъ отъ него Кити Щербацкой, которую онъ хотѣлъ и не могъ видѣть. Дарья Александровна Облонская, когда онъ былъ у нея, звала его пріѣхать: пріѣхать съ тѣмъ, чтобы возобновить предложеніе ея сестрѣ, которая, какъ она давала чувствовать, теперь приметъ его. Самъ Левинъ, увидавъ Кити Щербацкую, понялъ, что онъ не переставалъ любить ее; но онъ не могъ ѣхать къ Облонскимъ, зная, что она тамъ. То, что онъ сдѣлалъ ей предложеніе и она отказала ему, клало между нимъ и ею непреодолимую преграду. «Я не могу просить ее быть моею женой потому только, что она не можетъ быть женою того, кого она хотѣла, — говорилъ онъ самъ себѣ. Мысль объ этомъ дѣлала его холоднымъ и враждебнымъ къ ней. — Я не въ силахъ буду говорить съ нею безъ чувства упрека, смотрѣть на нее безъ злобы, и она только еще больше возненавидитъ меня, какъ и должно быть. И потомъ, какъ я могу теперь, послѣ того, что мнѣ сказала Дарья Александровна, ѣхать къ нимъ? Развѣ я могу не показать, что я знаю то, что она сказала мнѣ? И я пріѣду съ великодушіемъ — простить, помиловать ее. Я предъ нею въ роли прощающаго и удостоивающаго ее своей любви!.. Зачѣмъ мнѣ Дарья Александровна сказала это? Случайно бы я могъ увидать ее, и тогда все бы сдѣлалось само собой, но теперь это невозможно, невозможно!»

Дарья Александровна прислала ему записку, прося у него дамскаго сѣдла для Кити. «Мнѣ сказали, что у васъ есть сѣдло,—писала она ему.—Надѣюсь, что вы привезете его сами».

Этого уже онъ не могъ переносить. Какъ умная, деликатная женщина могла такъ унижать сестру! Онъ написалъ десять записокъ и всѣ разорвалъ и послалъ сѣдло безъ всякаго отвѣта. Написать, что онъ пріѣдетъ, нельзя, потому что онъ не можетъ пріѣхать; написать, что онъ не можетъ пріѣхать, потому что что-нибудь мѣшаетъ или онъ уѣзжаетъ, это еще хуже. Онъ послалъ сѣдло безъ отвѣта и съ сознаніемъ, что онъ сдѣлалъ что-то стыдное, на другой же день, передавъ все опостылѣвшее хозяйство приказчику, уѣхалъ въ дальній уѣздъ къ пріятелю своему Свіяжскому, около котораго были прекрасныя дупелиныя болота и который недавно писалъ ему, прося исполнить давнишнее намѣреніе побывать у него. Дупелиныя болота въ Суровскомъ уѣздѣ давно соблазняли Левина, но онъ за хозяйственными дѣлами все откладывалъ эту поѣздку. Теперь же онъ радъ былъ уѣхать и отъ сосѣдства Щербацкихъ и главное отъ хозяйства, именно на охоту, которая во всѣхъ горестяхъ служила ему лучшимъ утѣшеніемъ.

XXV.

Въ Суровскій уѣздъ не было ни желѣзной, ни почтовой дороги, и Левинъ ѣхалъ на своихъ въ тарантасѣ.

На половинѣ дороги онъ остановился кормить у богатаго мужика. Лысый, свѣжій старикъ, съ широкою рыжею бородой, сѣдою у щекъ, отворилъ ворота, прижавшись къ вереѣ, чтобы пропустить тройку. Указавъ кучеру мѣсто подъ навѣсомъ на большомъ, чистомъ и прибранномъ новомъ дворѣ съ обгорѣвшими сохами, старикъ попросилъ Левина въ горницу. Чисто одѣтая молодайка, въ калошкахъ на босу ногу, согнувшись, подтирала полъ въ новыхъ сѣняхъ. Она испугалась вбѣжавшей за Левинымъ собаки и вскрикнула, но тотчасъ же засмѣялась своему испугу, узнавъ, что собака не тронетъ. Показавъ Левину засученною рукой на дверь въ горницу, она спрятала опять, согнувшись, свое красивое лицо, и продолжала мыть.

— Самоваръ, что ли? — спросила она.

— Да, пожалуйста.

Горница была большая съ голландскою печью и перегородкой. Подъ образами стоялъ раскрашенный узорами столъ, лавка и два стула. У входа былъ шкапчикъ съ посудой. Ставни были закрыты, мухъ было мало и такъ чисто, что Левинъ позаботился о томъ, чтобы Ласка, бѣжавшая дорогой и купавшаяся въ лужахъ, не натоптала полъ, и указалъ ей мѣсто въ углу, у двери. Оглядѣвъ горницу, Левинъ вышелъ на задній дворъ. Благовидная молодайка въ калошкахъ, качая пустыми ведрами на коромыслѣ, сбѣжала впереди него за водой къ колодцу.

— Живо у меня! — весело крикнулъ на нее старикъ и пошелъ къ Левину. — Что, сударь, къ Николаю Ивановичу Свіяжскому ѣдете? Тоже къ намъ заѣзжаютъ, — словоохотно началъ онъ, облокачиваясь на перила крыльца. Въ серединѣ разсказа старика о его знакомствѣ съ Свіяжскимъ ворота опять заскрипѣли, и на дворъ въѣхали работники съ поля съ сохами и боронами. Запряженныя въ сохи и бороны лошади были сытыя и крупныя. Работники, очевидно, были семейные: двое были молодые, въ ситцевыхъ рубахахъ и картузахъ; другіе двое были наемные, въ посконныхъ рубахахъ, одинъ старикъ, другой молодой малый.

Отойдя отъ крыльца, старикъ подошелъ къ лошадямъ и принялся распрягать.

— Что это пахали? — спросилъ Левинъ.

— Картошки пропахивали. Тоже землицу держимъ. Ты, Ѳедотъ, мерина-то не пускай, а къ колодѣ поставь, иную запряжемъ.

— Что, батюшка, сошники-то я приказывалъ взять, принесъ, что ли? — спросилъ большой ростомъ, здоровенный малый, очевидно, сынъ старика.

— Во... въ саняхъ, — отвѣчалъ старикъ, сматывая кругомъ снятыя вожжи и бросая ихъ наземь. — Наладь, поколѣ пообѣдають.

Благовидная молодайка съ полными, оттягивающими ей плечи ведрами прошла въ сѣни. Появились откуда-то еще бабы — молодыя, красивыя, среднія и старыя некрасивыя, съ дѣтьми и безъ дѣтей.

Самоваръ загудѣлъ въ трубѣ; рабочіе и семейные, убравшись съ лошадьми, пошли обѣдать. Левинъ, доставъ изъ коляски свою провизію, пригласилъ съ собою старика напиться чаю.

— Да что, уже пили нынче, — сказалъ старикъ, очевидно, съ удовольствіемъ принимая это предложеніе. — Нешто для компаніи.

За чаемъ Левинъ узналъ всю исторію старикова хозяйства. Старикъ снялъ десять лѣтъ тому назадъ у помѣщицы сто двадцать десятинъ, а въ прошломъ году купилъ ихъ и снималъ еще триста у сосѣдняго помѣщика. Малую часть земли, самую плохую, онъ раздавалъ внаймы, а десятинъ сорокъ въ полѣ пахалъ самъ своею семьей и двумя наемными рабочими. Старикъ жаловался, что дѣло шло плохо. Но Левинъ понималъ, что онъ жаловался только изъ приличія, а что хозяйство его процвѣтало. Если бы было плохо, онъ не купилъ бы по сту пяти рублей землю, не женилъ бы трехъ сыновей и племянника, не построился бы два раза послѣ пожаровъ, и все лучше и лучше. Несмотря на жалобы старика, видно было, что онъ справедливо гордъ своимъ благосостояніемъ, гордъ своими сыновьями, племянникомъ, невѣстками, лошадьми, коровами и въ особенности тѣмъ, что держится все это хозяйство. Изъ разговора со старикомъ Левинъ узналъ, что онъ былъ и не прочь отъ нововведеній. Онъ сѣялъ много картофеля, и картофель его, который Левинъ видѣлъ подъѣзжая, уже отцвѣталъ и завязывался, тогда какъ у Левина только зацьѣталъ. Онъ пахалъ подъ картофель плугою, какъ онъ называлъ плугъ, взятый у помѣщика. Онъ сѣялъ пшеницу. Маленькая подробность о томъ, что, пропалывая рожь, старикъ прополонною рожью кормилъ лошадей, особенно поразила Левина. Сколько разъ Левинъ, видя этотъ пропадающій прекрасный кормъ, хотѣлъ собирать его, но всегда

это оказывалось невозможнымъ. У мужика же это дѣлалось, и онъ не могъ нахвалиться этимъ кормомъ.

— Что же бабенкамъ дѣлать? Вынесутъ кучки на дорогу, а телѣга подъѣдетъ.

— Вотъ у насъ, помѣщиковъ, все плохо идетъ съ работниками, — сказалъ Левинъ, подавая ему стаканъ съ чаемъ.

— Благодаримъ, — отвѣчалъ старикъ, взялъ стаканъ, но отказался отъ сахара, указавъ на оставшійся обгрызенный имъ комокъ. — Гдѣ же съ работниками вести дѣло? — сказалъ онъ.— Раззоръ одинъ. Вотъ хоть бы Свіяжсковъ. Мы знаемъ, какая земля — макъ, а тоже не больно хвалится урожаемъ. Все недосмотръ!

— Да вотъ ты же хозяйничаешь съ работниками?

— Наше дѣло мужицкое. Мы до всего сами. Плохъ — и вонъ; и своими управимся.

— Батюшка, Финогенъ велѣлъ дегтю достать, — сказала вошедшая баба въ калошкахъ.

— Такъ-то, сударь!—сказалъ старикъ вставая, перекрестился продолжительно, поблагодарилъ Левина и вышелъ.

Когда Левинъ вошелъ въ черную избу, чтобы вызвать своего кучера, онъ увидалъ всю семью мужчинъ за столомъ. Бабы прислуживали стоя. Молодой здоровенный сынъ, съ полнымъ ртомъ каши, что-то разсказывалъ смѣшное, и всѣ хохотали, и въ особенности весело баба въ калошкахъ, подливавшая щи въ чашку.

Очень можетъ быть, что благовидное лицо бабы въ калошкахъ много содѣйствовало тому впечатлѣнію благоустройства, которое произвелъ на Левина этотъ крестьянскій домъ, но впечатлѣніе это было такъ сильно, что Левинъ никогда не могъ отдѣлаться отъ него. И всю дорогу отъ старика до Свіяжскаго нѣтъ - нѣтъ и опять вспоминалъ объ этомъ хозяйствѣ, какъ будто что - то въ этомъ впечатлѣніи требовало его особеннаго вниманія.

XXVI.

Свіяжскій былъ предводителемъ въ своемъ уѣздѣ. Онъ былъ пятью годами старше Левина и давно женатъ. Въ домѣ его жила молодая его свояченица, очень симпатичная Левину дѣвушка. И Левинъ зналъ, что Свіяжскій и его жена очень желали выдать за него эту дѣвушку. Онъ зналъ это несомнѣнно, какъ знаютъ это всегда молодые люди, такъ называемые женихи, хотя никогда никому не рѣшился бы сказать этого, и зналъ тоже и то, что, несмотря на то, что онъ хотѣлъ женить-

ся, несмотря на то, что по всѣмъ даннымъ эта весьма привлекательная дѣвушка должна была быть прекрасною женой, онъ такъ же мало могъ жениться на ней, даже если бъ онъ и не былъ влюбленъ въ Кити Щербацкую, какъ улетѣть на небо. И это знаніе отравляло ему то удовольствіе, которое онъ надѣялся имѣть отъ поѣздки къ Свіяжскому.

Получивъ письмо Свіяжскаго съ приглашеніемъ на охоту, Левинъ тотчасъ же подумалъ объ этомъ, но, несмотря на это, рѣшилъ, что такіе виды на него Свіяжскаго есть только его ни на чемъ неоснованное предположеніе, и потому онъ все-таки поѣдетъ. Кромѣ того, въ глубинѣ души ему хотѣлось испытать себя, примѣриться опять къ этой дѣвушкѣ. Домашняя же жизнь Свіяжскихъ была въ высшей степени пріятна, и самъ Свіяжскій, самый лучшій типъ земскаго дѣятеля, какой только зналъ Левинъ, былъ для Левина всегда чрезвычайно интересенъ.

Свіяжскій былъ одинъ изъ тѣхъ, всегда удивительныхъ для Левина людей, разсужденіе которыхъ, очень послѣдовательное, хотя и никогда не самостоятельное, идетъ само по себѣ, а жизнь, чрезвычайно опредѣленная и твердая въ своемъ направленіи, идетъ сама по себѣ, совершенно независимо и почти всегда въ разрѣзъ съ разсужденіемъ. Свіяжскій былъ человѣкъ чрезвычайно либеральный. Онъ презиралъ дворянство и считалъ большинство дворянъ тайными, отъ робости только не выражавшимися крѣпостниками. Онъ считалъ Россію погибшею страной въ родѣ Турціи и правительство Россіи столь дурнымъ, что никогда не позволялъ себѣ даже серьезно критиковать его дѣйствія, и вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ и былъ образцовымъ дворянскимъ предводителемъ и въ дорогу всегда надѣвалъ съ кокардой и съ краснымъ околышемъ фуражку. Онъ полагалъ, что жизнь человѣческая возможна только за границей, куда онъ уѣзжалъ жить при первой возможности, а вмѣстѣ съ тѣмъ велъ въ Россіи очень сложное и усовершенствованное хозяйство и съ чрезвычайнымъ интересомъ слѣдилъ за всѣмъ и зналъ все, что дѣлалось въ Россіи. Онъ считалъ русскаго мужика стоящимъ по развитію на переходной ступени отъ обезьяны къ человѣку, а вмѣстѣ съ тѣмъ на земскихъ выборахъ охотнѣе всѣхъ пожималъ руку мужикамъ и выслушивалъ ихъ мнѣнія. Онъ не вѣрилъ ни въ чохъ, ни въ смерть, но былъ очень озабоченъ вопросомъ улучшенія быта духовенства и сокращенія приходовъ, при чемъ особенно хлопоталъ, чтобы церковь осталась въ его селѣ.

Въ женскомъ вопросѣ онъ былъ на сторонѣ крайнихъ сторонниковъ полной свободы женщинъ и въ особенности ихъ

права на трудъ; съ женоюно жилъ такъ, что всѣ любовались ихъ дружною бездѣтною семейною жизнью, и устроилъ жизнь своей жены такъ, что она ничего не дѣлала и не могла дѣлать, кромѣ общей съ мужемъ заботы, какъ получше и повеселѣе провести время.

Если бы Левинъ не имѣлъ свойства объяснять себѣ людей съ самой хорошей стороны, характеръ Свіяжскаго не представлялъ бы для него никакого затрудненія и вопроса; онъ бы сказалъ себѣ: «дуракъ или дрянь», и все бы было ясно. Но онъ не могъ сказать *дуракъ* потому, что Свіяжскій былъ несомнѣнно не только очень умный, но очень образованный и необыкновенно просто носящій свое образованіе человѣкъ. Не было предмета, котораго бы онъ не зналъ; но онъ показывалъ свое знаніе, только когда бывалъ вынуждаемъ къ этому. Еще меньше могъ Левинъ сказать, что онъ былъ дрянь, потому что Свіяжскій былъ несомнѣнно честный, добрый, умный человѣкъ, который весело, оживленно постоянно дѣлалъ дѣло, высоко цѣнимое всѣми его окружающими, и уже навѣрное никогда сознательно не дѣлалъ и не могъ сдѣлать ничего дурного.

Левинъ старался понять и не понималъ и всегда, какъ на живую загадку, смотрѣлъ на него и на его жизнь.

Они были дружны съ Левинымъ, и поэтому Левинъ позволялъ себѣ допытывать Свіяжскаго, добираться до самой основы его взгляда на жизнь; но всегда это было тщетно. Каждый разъ, какъ Левинъ пытался проникнуть дальше открытыхъ для всѣхъ пріемныхъ комнатъ ума Свіяжскаго, онъ замѣчалъ, что Свіяжскій слегка смущался; чуть замѣтный испугъ выражался въ его взглядѣ, какъ будто онъ боялся, что Левинъ пойметъ его, и онъ давалъ добродушный и веселый отпоръ.

Теперь, послѣ своего разочарованія въ хозяйствѣ, Левину особенно пріятно было побывать у Свіяжскаго. Не говоря о томъ, что на него просто весело дѣйствовалъ видъ этихъ счастливыхъ, довольныхъ собою и всѣми голубковъ, ихъ благоустроеннаго гнѣзда, ему хотѣлось теперь, чувствуя себя столь недовольнымъ своею жизнью, добраться въ Свіяжскомъ до того секрета, который давалъ ему такую ясность, опредѣленность и веселость въ жизни. Кромѣ того, Левинъ зналъ, что онъ увидитъ у Свіяжскаго помѣщиковъ-сосѣдей, и ему теперь особенно интересно было поговорить, послушать о хозяйствѣ тѣ самые разговоры объ урожаѣ, наймѣ рабочихъ и т. п., которые, Левинъ зналъ, принято считать чѣмъ-то очень низкимъ, но которые теперь для Левина казались одни важными. «Это, можетъ быть, не важно было при крѣпостномъ правѣ или не важно въ

Англіи. Въ обоихъ случаяхъ самыя условія опредѣлены; но у насъ теперь, когда все это переворотилось и только укладывается, вопросъ о томъ, какъ уложатся эти условія, есть единственный важный вопросъ въ Россіи», думалъ Левинъ.

Охота оказалась хуже, чѣмъ ожидалъ Левинъ. Болото высохло, и дупелей совсѣмъ не было. Онъ проходилъ цѣлый день и принесъ только три штуки, но зато принесъ, какъ и всегда съ охоты, отличный аппетитъ, отличное расположеніе духа и то возбужденное умстъенное состояніе, которымъ всегда сопровождалось у него сильное физическое движеніе. И на охотѣ, въ то время, когда онъ, казалось, ни о чемъ не думалъ, нѣтъ-нѣтъ и опять ему вспоминался старикъ со своей семьей, и впечатлѣніе это какъ будто требовало къ себѣ не только вниманія но и разрѣшенія чего-то съ нимъ связаннаго.

Вечеромъ, за чаемъ, въ присутствіи двухъ помѣщиковъ, пріѣхавшихъ по какимъ-то дѣламъ опеки, завязался тотъ самый интересный разговоръ, какого и ожидалъ Левинъ.

Левинъ сидѣлъ подлѣ хозяйки у чайнаго стола и долженъ былъ вести разговоръ съ нею и свояченицею, сидѣвшею противъ него. Хозяйка была круглолицая, бѣлокурая и невысокая женщина, вся сіяющая ямочками и улыбками. Левинъ старался черезъ нее выпытать рѣшеніе той для него важной загадки, которую представлялъ ея мужъ, но онъ не имѣлъ полной свободы мыслей, потому что ему было мучительно неловко. Мучительно неловко ему было отъ того, что противъ него сидѣла свояченица въ особенномъ, для него, какъ ему казалось, надѣтомъ платьѣ, съ особеннымъ въ видѣ трапеціи вырѣзомъ на бѣлой груди; этотъ четырехугольный вырѣзъ, несмотря на то, что грудь была очень бѣлая, или особенно потому, что она была очень бѣлая, лишалъ Левина свободы мысли. Онъ воображалъ себѣ, вѣроятно, ошибочно, что вырѣзъ этотъ сдѣланъ на его счетъ, и считалъ себя не въ правѣ смотрѣть на него, и старался не смотрѣть на него; но чувствовалъ, что онъ виноватъ ужъ за одно то, что вырѣзъ сдѣланъ. Левину казалось, что онъ кого-то обманываетъ, что ему слѣдуетъ объяснить что-то, но что объяснить этого никакъ нельзя, и потому онъ безпрестанно краснѣлъ, былъ безпокоенъ и неловокъ. Неловкость его сообщалась и хорошенькой свояченицѣ. Но хозяйка, казалось, не замѣчала этого и нарочно втягивала ее въ разговоръ.

— Вы говорите, — продолжала хозяйка начатый разговоръ,— что мужа не можетъ интересовать все русское. Напротивъ, онъ веселъ бываетъ за границей, но никогда такъ, какъ здѣсь. Здѣсь онъ чувствуетъ себя въ своей сферѣ. Ему столько дѣла, и онъ

имѣетъ даръ всѣмъ интересоваться. Ахъ, вы не были въ нашей школѣ?

— Я видѣлъ... Это плющомъ обвитый домикъ?

— Да, это Настино дѣло, — сказала она, указывая на сестру.

— Вы сами учите? — спросилъ Левинъ, стараясь смотрѣть мимо вырѣза, но чувствуя, что, куда бы онъ ни смотрѣлъ въ ту сторону, онъ будетъ видѣть вырѣзъ.

— Да, я сама учила и учу, но у насъ прекрасная учительница. И гимнастику мы ввели.

— Нѣтъ, я благодарю, я не хочу больше чаю, — сказалъ Левинъ и, чувствуя, что онъ дѣлаетъ неучтивость, но не въ силахъ болѣе продолжать этотъ разговоръ, краснѣя всталъ. — Я слышу очень интересный разговоръ, — прибавилъ онъ и подошелъ къ другому концу стола, у котораго сидѣлъ хозяинъ съ двумя помѣщиками. Свіяжскій сидѣлъ бокомъ къ столу, облоконенною рукой поворачивая чашку, другою собирая въ кулакъ свою бороду и поднося ее къ носу и опять выпуская, какъ бы нюхая. Онъ блестящими черными глазами смотрѣлъ прямо на горячившагося помѣщика съ сѣдыми усами, и, видимо, находилъ забаву въ его рѣчахъ. Помѣщикъ жаловался на народъ. Левину ясно было, что Свіяжскій знаетъ такой отвѣтъ на жалобы помѣщика, который сразу уничтожитъ весь смыслъ его рѣчи, но что по своему положенію онъ не можетъ сказать этого отвѣта и слушаетъ не безъ удовольствія комическую рѣчь помѣщика.

Помѣщикъ съ сѣдыми усами былъ, очевидно, закоренѣлый крѣпостникъ и деревенскій старожилъ, страстный сельскій хозяинъ. Признаки эти Левинъ видѣлъ и въ одеждѣ, старомодномъ, потертомъ сюртукѣ, видимо непривычномъ помѣщику, и въ его умныхъ, нахмуренныхъ глазахъ, и въ складной русской рѣчи, и въ усвоенномъ, очевидно, долгимъ опытомъ повелительномъ тонѣ, и въ рѣшительныхъ движеніяхъ большихъ, красивыхъ, загорѣлыхъ рукъ съ однимъ старымъ обручальнымъ кольцомъ на безыменкѣ.

XXVII.

— Только если бы не жалко бросить, что заведено... трудовъ положено много... махнулъ бы на все рукой, продалъ бы, поѣхалъ бы, какъ Николай Ивановичъ... *Елену* слушать,—сказалъ помѣщикъ съ освѣтившею его умное старое лицо пріятною улыбкою.

— Да вотъ не бросаете же,—сказалъ Николай Ивановичъ Свіяжскій,—стало быть, расчеты есть.

— Расчетъ одинъ, что дома живу, не покупное, не нанятое. Да еще все надѣешься, что образумится народъ. А то, вѣрите ли, это пьянство, распутство!.. Всѣ передѣлились, ни лошаденки, ни коровенки. Съ голоду дохнетъ, а возьмите его въ работники наймите,—онъ вамъ норовитъ напортить да еще къ мировому судьѣ.

— Зато и вы пожалуйтесь мировому судьѣ,—сказалъ Свіяжскій.

— Я пожалуюсь? Да ни за что въ свѣтѣ! Разговоры такіе пойдутъ, что и не радъ жалобѣ! Вотъ на заводѣ—взяли задатки, ушли. Что жъ мировой судья? Оправдалъ. Только и держится все волостнымъ судомъ да старшиной. Этотъ отпоретъ его по-старинному. А не будь этого—бросай все! Бѣги на край свѣта!

Очевидно, помѣщикъ дразнилъ Свіяжскаго, но Свіяжскій не только не сердился, но, видимо, забавлялся этимъ.

— Да вотъ ведемъ же мы свое хозяйство безъ этихъ мѣръ,—сказалъ онъ улыбаясь,—я, Левинъ, они.

Онъ указалъ на другого помѣщика.

— Да, у Михаила Петровича идетъ, а спросите-ка какъ. Это развѣ раціональное хозяйство?—сказалъ помѣщикъ, очевидно, щеголяя словомъ «раціональное».

— У меня хозяйство простое,—сказалъ Михаилъ Петровичъ.—Благодарю Бога. Мое хозяйство все, чтобы денежки къ осеннимъ податямъ были готовы. Приходятъ мужички: батюшка, отецъ, вызволь! Ну, свои всѣ сосѣди мужики, жалко. Ну, дашь на первую треть, только скажешь: помнить, ребята, я вамъ помогъ, и вы помогите, когда нужда—посѣвъ ли овсяный, уборка сѣна, жнитво, ну, и выговоришь по скольку съ тягла. Тоже есть безсовѣстные и изъ нихъ, это правда.

Левинъ, зная давно эти патріархальные пріемы, переглянулся съ Свіяжскимъ и перебилъ Михаила Петровича, обращаясь опять къ помѣщику съ сѣдыми усами:

— Такъ вы какъ же полагаете?—спросилъ онъ:—какъ ж теперь надо вести хозяйство?

— Да такъ же и вести, какъ Михаилъ Петровичъ: или отдать исполу, или внаймы мужикамъ; это можно, но только этимъ самымъ уничтожается общее богатство государства. Гдѣ земля у меня при крѣпостномъ трудѣ и хорошемъ хозяйствѣ приносила самъ-девять, она исполу принесетъ самъ-третей. Погубила Россію эмансипація!

Свіяжскій поглядѣлъ улыбающимися глазами на Левина и даже сдѣлалъ ему чуть замѣтный насмѣшливый знакъ; но Левинъ не находилъ словъ помѣщика смѣшными,—онъ понималъ ихъ больше, чѣмъ понималъ Свіяжскаго. Многое же изъ того, что дальше говорилъ помѣщикъ, доказывая, почему Россія погублена эмансипаціей, показалось ему даже очень вѣрнымъ, для него новымъ и неопровержимымъ. Помѣщикъ, очевидно, говорилъ свою собственную мысль,—что̀ такъ рѣдко бываетъ,—и мысль, къ которой онъ приведенъ былъ не желаніемъ занять чѣмъ-нибудь праздный умъ, а мысль, которая выросла изъ условій его жизни, которую онъ высидѣлъ въ своемъ деревенскомъ уединеніи и со всѣхъ сторонъ обдумывалъ.

— Дѣло, изволите видѣть, въ томъ, что всякій прогрессъ совершается только властью,— говорилъ онъ, очевидно, желая показать, что онъ не чуждъ образованію. — Возьмите реформы Петра, Екатерины, Александра. Возьмите европейскую исторію. Тѣмъ болѣе прогрессъ въ земледѣльческомъ быту. Хоть картофель—и тотъ вводился у насъ силой. Вѣдь сохой тоже не всегда пахали. Тоже ввели ее, можетъ быть, при удѣлахъ, но навѣрно ввели силою. Теперь, въ наше время, мы, помѣщики, при крѣпостномъ правѣ вели свое хозяйство съ усовершенствованіями; и сушилки, и вѣялки, и возка навоза, и всѣ орудія — все мы вводили своею властью, и мужики сначала противились, а потомъ подражали намъ. Теперь-съ, при уничтоженіи крѣпостного права, у насъ отняли власть, — то и хозяйство наше, гдѣ оно поднято на высокій уровень, должно опуститься къ самому дикому первобытному состоянію. Такъ я понимаю.

— Да почему же? Если оно раціонально, то вы можете наймомъ вести его, — сказалъ Свіяжскій.

— Власти нѣтъ-съ. Кѣмъ я его буду вести, позвольте спросить?

«Вотъ она — рабочая сила, главный элементъ хозяйства», подумалъ Левинъ.

— Рабочими.

— Рабочіе не хотятъ работать хорошо и работать хорошими орудіями. Рабочій нашъ только одно знаетъ—напиться, какъ свинья, пьяный и испортить все, что вы ему дадите. Лошадей опоитъ, сбрую хорошую оборветъ, колесо шинованное смѣнитъ, пропьетъ, въ молотилку шкворень пуститъ, чтобы ее сломать. Ему тошно видѣть все, что не по его. Отъ этого и спустился весь уровень хозяйства. Земли заброшены, заросли полынями или розданы мужикамъ, и гдѣ производили милліонъ, производятъ сотни тысячъ четвертей; общее богатство уменьшилось. Если бы сдѣлали то же, да съ расчетомъ...

И онъ началъ развивать свой планъ освобожденія, при которомъ были бы устранены эти неудобства.

Левина не интересовало это, но, когда онъ кончилъ, Левинъ вернулся къ первому его положенію и сказалъ, обращаясь къ Свіяжскому и стараясь вызвать его на высказываніе своего серьезнаго мнѣнія:

— То, что уровень хозяйства спускается и что при нашихъ отношеніяхъ къ рабочимъ нѣтъ возможности вести выгодно раціональное хозяйство, — это совершенно справедливо, — сказалъ онъ.

— Я не нахожу, — уже серьезно возразилъ Свіяжскій, — я только вижу то, что мы не умѣемъ вести хозяйство и что, напротивъ, то хозяйство, которое мы вели при крѣпостномъ правѣ, не то что слишкомъ высоко, а слишкомъ низко. У насъ нѣтъ ни машинъ, ни рабочаго скота хорошаго, ни управленія настоящаго, ни считать мы не умѣемъ. Спросите у хозяина, — онъ не знаетъ, что̀ ему выгодно, что̀ невыгодно.

— Итальянская бухгалтерія, — сказалъ иронически помѣщикъ.—Тамъ, какъ ни считай, какъ вамъ все перепортятъ, барыша не будетъ.

— Зачѣмъ же перепортятъ? Дрянную молотилку, россійскій топчачокъ вашъ сломаютъ, а мою паровую не сломаютъ. Лошаденку рассейскую — какъ это? тасканской породы, что за хвостъ таскать — вамъ испортятъ, а заведете першероновъ или хоть битюковъ, ихъ не испортятъ. И такъ все. Намъ выше надо поднимать хозяйство.

— Да было бы изъ чего, Николай Иванычъ! Вамъ хорошо, а я сына въ университетѣ содержи, малыхъ въ гимназіи воспитывай, — такъ мнѣ першероновъ не купить.

— А на это банки.

— Чтобы послѣднее съ молотка продали? Нѣтъ, благодарю!

— Я не согласенъ, что нужно и можно поднять еще выше уровень хозяйства,—сказалъ Левинъ.—Я занимаюсь этимъ, и у меня есть средства, а я ничего не могъ сдѣлать. Банки не знаю кому полезны. Я, по крайней мѣрѣ, на что ни затрачивалъ деньги въ хозяйствѣ, все съ убыткомъ: скотина—убытокъ, машины—убытокъ.

— Вотъ это вѣрно, — засмѣявшись даже отъ удовольствія, подтвердилъ помѣщикъ съ сѣдыми усами.

— И я не одинъ, — продолжалъ Левинъ, — я сошлюсь на всѣхъ хозяевъ, ведущихъ раціональное дѣло; всѣ, за рѣдкими исключеніями, ведутъ дѣло въ убытокъ. Ну, вы скажите, что ваше хозяйство выгодно? — сказалъ Левинъ, и тотчасъ же во взглядѣ

22*

Свіяжскаго Левинъ замѣтилъ то мимолетное выраженіе испуга, которое онъ замѣчалъ, когда хотѣлъ проникнуть далѣе пріемныхъ комнатъ ума Свіяжскаго.

Кромѣ того, этотъ вопросъ со стороны Левина былъ не совсѣмъ добросовѣстенъ. Хозяйка за чаемъ только что говорила ему, что они нынче лѣтомъ приглашали изъ Москвы нѣмца, знатока бухгалтеріи, который за пятьсотъ рублей вознагражденія учелъ ихъ хозяйство и нашелъ, что оно приноситъ убытка 3.000 съ чѣмъ-то рублей. Она не помнила именно сколько, но, кажется, нѣмецъ высчиталъ до четверти копейки.

Помѣщикъ при упоминаніи о выгодахъ хозяйства Свіяжскаго улыбнулся, очевидно, зная, какой могъ быть барышъ у сосѣда и предводителя.

— Можетъ быть, невыгодно, — отвѣчалъ Свіяжскій. — Это только доказываетъ, или что я плохой хозяинъ, или что я затрачиваю капиталъ на увеличеніе ренты.

— Ахъ, рента! — съ ужасомъ воскликнулъ Левинъ. — Можетъ быть, есть рента въ Европѣ, гдѣ земля стала лучше отъ положеннаго на нее труда, но у насъ вся земля становится хуже отъ положеннаго труда, то-есть что ее выпашутъ, — стало быть, нѣтъ ренты.

— Какъ нѣтъ ренты? Это законъ.

— То мы внѣ закона: рента ничего для насъ не объяснитъ, а, напротивъ, запутаетъ. Нѣтъ, вы скажите, какъ ученіе о рентѣ можетъ быть...

— Хотите простокваши? Маша, пришли намъ сюда простокваши или малины, — обратился онъ къ женѣ. — Нынче замѣчательно поздно малина держится.

И въ самомъ пріятномъ расположеніи духа Свіяжскій всталъ и отошелъ, видимо, предполагая, что разговоръ оконченъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Левину казалось, что онъ только начинается.

Лишившись собесѣдника, Левинъ продолжалъ разговоръ съ помѣщикомъ, стараясь доказать ему, что все затрудненіе происходитъ отъ того, что мы не хотимъ знать свойствъ и привычекъ нашего рабочаго; но помѣщикъ былъ, какъ и всѣ люди, самобытно и уединенно думающіе, тугъ къ пониманію чужой мысли и особенно пристрастенъ къ своей. Онъ настаивалъ на томъ, что русскій мужикъ есть свинья и любитъ свинство, и, чтобы вывести его изъ свинства, нужна власть, а ея нѣтъ, нужна палка, а мы стали такъ либеральны, что замѣнили тысячелѣтнюю палку вдругъ какими-то адвокатами и заключеніями, при

которыхъ негодныхъ вонючихъ мужиковъ кормятъ хорошимъ супомъ и высчитываютъ имъ кубическіе футы воздуха.

— Отчего вы думаете, — говорилъ Левинъ, стараясь вернуться къ вопросу, — что нельзя найти такого отношенія къ рабочей силѣ, при которой работа была бы производительна?

— Никогда этого съ русскимъ народомъ не будетъ! Власти нѣтъ, — отвѣчалъ помѣщикъ.

— Какъ же новыя условія могутъ быть найдены? — сказалъ Свіяжскій, поѣвъ простокваши, закуривъ папиросу и опять подойдя къ спорящимъ. — Всѣ возможныя отношенія къ рабочей силѣ опредѣлены и изучены, — сказалъ онъ. — Остатокъ варварства — первобытная община съ круговой порукой сама собой распадается, крѣпостное право уничтожилось, остается только свободный трудъ, и формы его опредѣлены и готовы и надо брать ихъ. Батракъ, поденный, фермеръ — и изъ этого вы не выйдете.

— Но Европа недовольна этими формами.

— Недовольна и ищетъ новыхъ. И найдетъ, вѣроятно.

— Я про то только и говорю, — отвѣчалъ Левинъ. — Почему же намъ не искать съ своей стороны?

— Потому что это все равно, что придумывать вновь пріемы для постройки желѣзныхъ дорогъ. Они готовы, придуманы.

— Но если они намъ не приходятся, если они глупы? — сказалъ Левинъ.

И опять онъ замѣтилъ выраженіе испуга въ глазахъ Свіяжскаго.

— Да, это: мы шапками закидаемъ, мы нашли то, чего ищетъ Европа! Все это я знаю, но, извините меня, вы знаете ли все, что сдѣлано въ Европѣ по вопросу объ устройствѣ рабочихъ?

— Нѣтъ, плохо.

— Этотъ вопросъ занимаетъ теперь лучшіе умы въ Европѣ. Шульце-Деличевское направленіе... Потомъ вся эта громадная литература рабочаго вопроса, самаго либеральнаго, Лассалевскаго направленія... Мильгаузенское устройство — это уже фактъ, вы вѣрно знаете.

— Я имѣю понятіе, но очень смутное.

— Нѣтъ, вы только говорите, вы вѣрно знаете все это не хуже меня. Я, разумѣется, не соціальный профессоръ, но меня это интересовало, и, право, если васъ интересуетъ, вы займитесь.

— Но къ чему же они пришли?

— Виноватъ...

Помѣщики встали, и Свіяжскій, опять остановивъ Левина въ его непріятной привычкѣ заглядывать въ то, что̀ сзади пріемныхъ комнатъ его ума, пошелъ провожать своихъ гостей.

XXVIII.

Левину невыносимо скучно было въ этотъ вечеръ съ дамами: его, какъ никогда прежде, волновала мысль о томъ, что то недовольство хозяйствомъ, которое онъ теперь испытывалъ, есть не исключительное его положеніе, а общее условіе, въ которомъ находится дѣло въ Россіи, что устройство какого-нибудь такого отношенія рабочихъ, гдѣ бы они работали, какъ у мужика на половинѣ дороги, есть не мечта, а задача, которую необходимо рѣшить. И ему казалось, что задачу эту можно рѣшить и должно попытаться это сдѣлать.

Простившись съ дамами и обѣщавъ пробыть завтра еще цѣлый день, съ тѣмъ чтобы вмѣстѣ ѣхать верхомъ осматривать интересный провалъ въ казенномъ лѣсу, Левинъ передъ сномъ зашелъ въ кабинетъ хозяина, чтобы взять книги о рабочемъ вопросѣ, которыя Свіяжскій предложилъ ему. Кабинетъ Свіяжскаго была огромная комната, обставленная шкапами съ книгами и съ двумя столами,— однимъ массивнымъ письменнымъ, стоявшимъ посрединѣ комнаты, и другимъ круглымъ, уложеннымъ звѣздою вокругъ лампы послѣдними нумерами газетъ и журналовъ на разныхъ языкахъ. У письменнаго стола была стойка съ обозначенными золотыми ярлыками ящиками различнаго рода дѣлъ.

Свіяжскій досталъ книги и сѣлъ въ качающееся кресло.

— Что это вы смотрите? — сказалъ онъ Левину, который, остановившись у круглаго стола, переглядывалъ журналы. — Ахъ, да, тутъ очень интересная статья, — сказалъ Свіяжскій про журналъ, который Левинъ держалъ въ рукахъ. — Оказывается,— прибавилъ онъ съ веселымъ оживленіемъ, — что главнымъ виновникомъ раздѣла Польши былъ совсѣмъ не Фридрихъ. Оказывается...

И онъ со свойственною ему ясностью разсказалъ вкратцѣ эти новыя, очень важныя и интересныя открытія. Несмотря на то, что Левина занимала теперь больше всего мысль о хозяйствѣ, онъ, слушая хозяина, спрашивалъ себя: «Что тамъ въ немъ сидитъ? И почему, почему ему интересенъ раздѣлъ Польши?» Когда Свіяжскій кончилъ, Левинъ невольно спросилъ:—Ну, такъ что же? — Но ничего не было. Было только интересно то, что «оказывалось». Но Свіяжскій не объяснилъ и не нашелъ нужнымъ объяснить, почему это было ему интересно.

— Да, но меня очень заинтересовалъ сердитый помѣщикъ,— вздохнувъ сказалъ Левинъ. — Онъ уменъ и много правды говорилъ.

— Ахъ, подите! Закоренѣлый тайный крѣпостникъ, какъ они всѣ! — сказалъ Свіяжскій.

— Коихъ вы предводитель...

— Да, только я ихъ предводительствую въ другую сторону, — смѣясь сказалъ Свіяжскій.

— Меня очень занимаетъ вотъ что, — сказалъ Левинъ. — Онъ правъ, что дѣло наше, то-есть раціональнаго хозяйства, не идетъ, что идетъ только хозяйство ростовщическое, какъ у этого тихонькаго, или самое простое... Кто въ этомъ виноватъ?

— Разумѣется, мы сами. Да и потомъ неправда, что оно не идетъ. У Васильчикова идетъ.

— Заводъ...

— Но я все-таки не знаю, что васъ удивляетъ. Народъ стоитъ на такой низкой степени и матеріальнаго и нравственнаго развитія, что, очевидно, онъ долженъ противодѣйствовать всему, что ему нужно. Въ Европѣ раціональное хозяйство идетъ потому, что народъ образованъ; стало быть, у насъ надо образовать народъ, — вотъ и все.

— Но какъ же образовать народъ?

— Чтобы образовать народъ, нужны три вещи: школы, школы и школы.

— Но вы сами сказали, что народъ стоитъ на низкой степени матеріальнаго развитія: чѣмъ же тутъ помогутъ школы?

— Знаете, вы напоминаете мнѣ анекдотъ о совѣтахъ больному: «вы бы попробовали слабительное. Давали: хуже. Попробуйте піявки. Пробовали: хуже. Ну, такъ ужъ только молитесь Богу. Пробовали: хуже». Такъ и мы съ вами. Я говорю политическая экономія, вы говорите — хуже. Я говорю соціализмъ — хуже. Образованіе — хуже.

— Да чѣмъ же помогутъ школы?

— Дадутъ ему другія потребности.

— Вотъ этого я никогда не понималъ, — съ горячностью возразилъ Левинъ. — Какимъ образомъ школы помогутъ народу улучшить свое матеріальное состояніе? Вы говорите: школы, образованіе дадутъ ему новыя потребности. Тѣмъ хуже, потому что онъ не въ силахъ будетъ удовлетворить имъ. А какимъ образомъ знанія сложенія и вычитанія и катихизиса помогутъ ему улучшить свое матеріальное состояніе, я никогда не могъ понять. Я третьяго дня вечеромъ встрѣтилъ бабу съ груднымъ ребенкомъ и спросилъ ее, куда она идетъ. Она говоритъ: «къ бабкѣ ходила, на мальчика крикса напала, такъ носила лѣчить». Я спросилъ: «какъ бабка лѣчитъ криксу?» — «Ребеночка къ курамъ на нашестъ сажаетъ и приговариваетъ что-то».

— Ну вотъ, вы сами говорите! Чтобы она не носила лѣчить криксу на нашесть, для этого нужно... — весело улыбаясь, сказалъ Свіяжскій.

— Ахъ, нѣтъ! — съ досадой сказалъ Левинъ, — это лѣченіе для меня только подобіе лѣченія народа школами. Народъ бѣденъ и необразованъ — это мы видимъ такъ же вѣрно, какъ баба видитъ криксу, потому что ребенокъ кричитъ. Но почему отъ этой бѣды — бѣдности и необразованія — помогутъ школы, такъ же непонятно, какъ непонятно, почему отъ криксы помогутъ куры на нашестѣ. Надо помочь тому, отъ чего онъ бѣденъ.

— Ну, въ этомъ вы, по крайней мѣрѣ, сходитесь со Спенсеромъ, котораго вы такъ не любите; онъ говоритъ тоже, что образованіе можетъ быть слѣдствіемъ большого благосостоянія и удобства жизни, частыхъ омовеній, какъ онъ говоритъ, но не умѣнія читать и считать...

— Ну вотъ, я очень радъ или; напротивъ, очень не радъ, что сошелся со Спенсеромъ; только это я давно знаю. Школы не помогутъ, а поможетъ такое экономическое устройство, при которомъ народъ будетъ богаче, будетъ больше досуга, — и тогда будутъ и школы.

— Однако во всей Европѣ теперь школы обязательны.

— А какъ же вы сами согласны въ этомъ со Спенсеромъ?— спросилъ Левинъ.

Но въ глазахъ Свіяжскаго мелькнуло выраженіе испуга, и онъ улыбаясь сказалъ:

— Нѣтъ, эта крикса превосходна! Неужели вы сами слышали?

Левинъ видѣлъ, что такъ и не найдетъ онъ связи жизни этого человѣка съ его мыслями. Очевидно, ему совершенно было все равно, къ чему приведетъ его разсужденіе; ему нуженъ былъ только процессъ разсужденія. И ему непріятно было, когда процессъ разсужденія заводилъ его въ тупой переулокъ. Этого только онъ не любилъ и избѣгалъ, переводя разговоръ на что-нибудь пріятно-веселое.

Всѣ впечатлѣнія этого дня, начиная съ впечатлѣнія мужика на половинѣ дороги, которое служило какъ бы основнымъ базисомъ всѣхъ нынѣшнихъ впечатлѣній и мыслей, сильно взволновали Левина. Этотъ милый Свіяжскій, держащій при себѣ мысли только для общественнаго употребленія и, очевидно, имѣющій другія какія-то, тайныя для Левина, основы жизни, — вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, съ толпой, имя которой легіонъ, руководящій общественнымъ мнѣніемъ посредствомъ чуждыхъ ему мыслей; этотъ озлобленный помѣщикъ, совершенно правый въ своихъ разсужденіяхъ, вымученныхъ жизнью, но неправый своимъ озло-

бленіемъ къ цѣлому классу и самому лучшему классу Россіи; собственное недовольство своею дѣятельностью и смутная надежда найти поправку всему этому, — все это сливалось въ чувство внутренней тревоги и ожиданія близкаго разрѣшенія.

Оставшись въ отведенной ему комнатѣ, лежа на пружинномъ тюфякѣ, подкидывавшемъ неожиданно при каждомъ движеніи его руки и ноги, Левинъ долго не спалъ. Ни одинъ разговоръ со Свіяжскимъ, хотя и много умнаго было сказано имъ, не интересовалъ Левина; но доводы помѣщика требовали обсужденія. Левинъ невольно вспоминалъ всѣ его слова и поправлялъ въ своемъ воображеніи то, что онъ отвѣчалъ ему.

«Да, я долженъ былъ сказать ему: вы говорите, что хозяйство наше не идетъ потому, что мужикъ ненавидитъ всѣ усовершенствованія и что ихъ надо вводить властью; но, если бы хозяйство совсѣмъ не шло безъ этихъ усовершенствованій, вы бы были правы; но оно идетъ только тамъ, гдѣ рабочій дѣйствуетъ сообразно со своими привычками, какъ у старика на половинѣ дороги. Ваше и наше общее недовольство хозяйствомъ доказываетъ, что виноваты мы, а не рабочіе. Мы давно уже ломимъ по-своему, по-европейски, не спрашиваясь о свойствахъ рабочей силы. Попробуемъ признать рабочую силу не идеальною рабочею *силой*, а *русскимъ мужикомъ* съ его инстинктами и будемъ устраивать сообразно съ этимъ хозяйство. Представьте себѣ, долженъ бы я былъ сказать ему, что у васъ хозяйство ведется, какъ у старика, что вы нашли средство заинтересовать рабочихъ въ успѣхѣ работы и нашли ту же середину въ усовершенствованіяхъ, которую они признаютъ, и вы, не истощая почвы, получите вдвое, втрое противъ прежняго. Раздѣлите пополамъ, отдайте половину рабочей силѣ; та разность, которая вамъ останется, будетъ больше, и рабочей силѣ достанется больше. А чтобы сдѣлать это, надо спустить уровень хозяйства и заинтересовать рабочихъ въ успѣхѣ хозяйства. Какъ это сдѣлать, это вопросъ подробностей; но несомнѣнно, что это возможно».

Мысль эта привела Левина въ сильное волненіе. Онъ не спалъ половину ночи, обдумывая подробности для приведенія мысли въ исполненіе. Онъ не сбирался уѣзжать на другой день, но теперь рѣшилъ, что уѣдетъ рано утромъ домой. Кромѣ того, эта свояченица съ вырѣзомъ въ платьѣ производила въ немъ чувство, подобное стыду и раскаянію въ совершонномъ дурномъ поступкѣ. Главное же — ему нужно было ѣхать, не откладывая: надо успѣть предложить мужикамъ новый проектъ, прежде чѣмъ посѣяно озимое, съ тѣмъ чтобы сѣять его уже на новыхъ основаніяхъ. Онъ рѣшилъ перевернуть все прежнее хозяйство.

XXIX.

Исполненіе плана Левина представляло много трудностей; но онъ бился, сколько было силъ, и достигъ хотя и не того, чего онъ желалъ, но того, что онъ могъ, не обманывая себя, вѣрить, что дѣло это стоитъ работы. Одна изъ главныхъ трудностей была та, что хозяйство уже шло, что нельзя было остановить все и начать все сначала, а надо было на ходу перелаживать машину.

Когда онъ, въ тотъ же вечеръ, какъ пріѣхалъ домой, сообщилъ приказчику свои планы, приказчикъ съ видимымъ удовольствіемъ согласился съ тою частью рѣчи, которая показывала, что все дѣлаемое до сихъ поръ было вздоръ и невыгодно. Приказчикъ сказалъ, что онъ давно говорилъ это, но что его не хотѣли слушать. Что же касалось до предложенія, сдѣланнаго Левинымъ, — принять участіе, какъ пайщику, вмѣстѣ съ работниками во всемъ хозяйственномъ предпріятіи,—то приказчикъ на это выразилъ только большое уныніе и никакого опредѣленнаго мнѣнія, а тотчасъ заговорилъ о необходимости на завтра свезти остальные снопы ржи и послать двоить, такъ что Левинъ почувствовалъ, что теперь не до этого.

Заговаривая съ мужиками о томъ же и дѣлая имъ предложенія сдачи на новыхъ условіяхъ земель, онъ тоже сталкивался съ тѣмъ главнымъ затрудненіемъ, что они были такъ заняты текущею работой дня, что имъ некогда было обдумывать выгоды и невыгоды предпріятія.

Наивный мужикъ, Иванъ скотникъ, казалось, понялъ вполнѣ предложеніе Левина — принять съ семьей участіе въ выгодахъ скотнаго двора — и вполнѣ сочувствовалъ этому предпріятію. Но когда Левинъ внушалъ ему будущія выгоды, на лицѣ Ивана выражались тревога и сожалѣніе, что онъ не можетъ всего дослушать, и онъ поспѣшно находилъ себѣ какое-нибудь, не терпящее отлагательства, дѣло: или брался за вилы докидывать сѣно изъ денника, или наливать воду, или подчищать навозъ.

Другая трудность состояла въ непобѣдимомъ недовѣріи крестьянъ къ тому, чтобы цѣль помѣщика могла состоять въ чемъ-нибудь другомъ, кромѣ желанія обобрать ихъ сколько можно. Они были твердо увѣрены, что настоящая цѣль его (что бы онъ ни сказалъ имъ) будетъ всегда въ томъ, чего онъ не скажетъ имъ. И сами они, высказываясь, говорили много, но никогда не говорили того, въ чемъ состояла ихъ настоящая цѣль. Кромѣ того (Левинъ чувствовалъ, что желчный помѣщикъ былъ правъ),

крестьяне первымъ и неизмѣннымъ условіемъ какого бы то ни было соглашенія ставили то, чтобъ они не были принуждаемы къ какимъ бы то ни было новымъ пріемамъ хозяйства и къ употребленію новыхъ орудій. Они соглашались, что плугъ пашетъ лучше, что скоропашка работаетъ успѣшнѣе, но они находили тысячи причинъ, почему нельзя было имъ употреблять ни то, ни другое, и, хотя онъ и убѣжденъ былъ, что надо спустить уровень хозяйства, ему жалко было отказаться отъ усовершенствованій, выгода которыхъ была такъ очевидна. Но, несмотря на всѣ эти трудности, онъ добился своего, и къ осени дѣло пошло, или, по крайней мѣрѣ, ему такъ казалось.

Сначала Левинъ думалъ сдать все хозяйство, какъ оно было, мужикамъ, работникамъ и приказчику на новыхъ товарищескихъ условіяхъ; но очень скоро убѣдился, что это невозможно, и рѣшился подраздѣлить хозяйство. Скотный дворъ, садъ, огородъ, покосы, поля, раздѣленные на нѣсколько отдѣловъ, должны были составить отдѣльныя статьи. Наивный Иванъ скотникъ, лучше всѣхъ, казалось Левину, понявшій дѣло, подобравъ себѣ артель, преимущественно изъ своей семьи, сталъ участникомъ скотнаго двора. Дальнее поле, лежавшее восемь лѣтъ въ залежахъ подъ пусками, было взято съ помощью умнаго плотника, Ѳедора Рѣзунова, шестью семьями мужиковъ на новыхъ общественныхъ основаніяхъ, и мужикъ Шураевъ снялъ на тѣхъ же условіяхъ всѣ огороды. Остальное еще было по-старому, но эти три статьи были началомъ новаго устройства и вполнѣ занимали Левина.

Правда, что на скотномъ дворѣ дѣло шло до сихъ поръ не лучше, чѣмъ прежде, и Иванъ сильно противодѣйствовалъ теплому помѣщенію коровъ и сливочному маслу, утверждая, что коровѣ на холоду потребуется меньше корма и что сметанное масло спорѣе, и требовалъ жалованья, какъ и въ старину, и нисколько не интересовался тѣмъ, что деньги, получаемыя имъ, были не жалованье, а выдача впередъ доли барыша.

Правда, что компанія Ѳедора Рѣзунова не передвоила подъ посѣвъ плугами, какъ было уговорено, оправдываясь тѣмъ, что время коротко. Правда, мужики этой компаніи, хотя и условились вести это дѣло на новыхъ основаніяхъ, называли эту землю не общею, а испольною, и не разъ и мужики этой артели, и самъ Рѣзуновъ говорили Левину: «получили бы денежки за землю и вамъ покойнѣе, и намъ бы развяза». Кромѣ того, мужики эти все откладывали подъ разными предлогами условленную съ ними постройку на этой землѣ скотнаго двора и риги и оттянули до зимы.

Правда, Шураевъ снятые имъ огороды хотѣлъ было раздать по мелочамъ мужикамъ. Онъ, очевидно, совершенно превратно и, казалось, умышленно-превратно понялъ условія, на которыхъ ему была сдана земля.

Правда, часто разговаривая съ мужиками и разъясняя имъ всѣ выгоды предпріятія, Левинъ чувствовалъ, что мужики слушаютъ при этомъ только пѣніе его голоса и знаютъ твердо, что, что бы онъ ни говорилъ, они не дадутся ему въ обманъ. Въ особенности чувствовалъ онъ это, когда говорилъ съ самымъ умнымъ изъ мужиковъ, Рѣзуновымъ, и замѣчалъ ту игру въ глазахъ Рѣзунова, которая ясно показывала и насмѣшку надъ Левинымъ, и твердую увѣренность, что если будетъ кто обмануть, то ужъ никакъ не онъ, Рѣзуновъ.

Но, несмотря на все это, Левинъ думалъ, что дѣло шло и что, строго ведя счеты и настаивая на своемъ, онъ докажетъ имъ въ будущемъ выгоды такого устройства, и что тогда дѣло пойдетъ само собой.

Дѣла эти, вмѣстѣ съ остальнымъ хозяйствомъ, оставшимся на его рукахъ, вмѣстѣ съ работою кабинетной надъ своею книгой, такъ занимали все лѣто Левина, что онъ почти и не ѣздилъ на охоту. Онъ узналъ въ концѣ августа о томъ, что Облонскіе уѣхали въ Москву, отъ ихъ человѣка, привезшаго назадъ сѣдло. Онъ чувствовалъ, что, не отвѣтивъ на письмо Дарьи Александровны, своею невѣжливостью, о которой онъ безъ краски стыда не могъ вспоминать, онъ сжегъ свои корабли и никогда ужъ не поѣдетъ къ нимъ. Точно такъ же онъ поступилъ и со Свіяжскимъ, уѣхавъ не простившись. Но онъ къ нимъ тоже никогда не поѣдетъ. Теперь это ему было все равно. Дѣло новаго устройства своего хозяйства занимало его такъ, какъ еще ничто никогда въ жизни. Онъ перечиталъ книги, данныя ему Свіяжскимъ, и, выписавъ то, чего у него не было, перечиталъ и политико-экономическія, и соціалистическія книги по этому предмету, но, какъ онъ и ожидалъ, ничего не нашелъ такого, что относилось бы до предпринятаго имъ дѣла. Въ политико-экономическихъ книгахъ, въ Миллѣ, напримѣръ, котораго онъ изучалъ перваго, съ большимъ жаромъ, надѣясь всякую минуту найти разрѣшеніе занимавшихъ его вопросовъ, онъ нашелъ выведенные изъ положенія европейскаго хозяйства законы; но онъ никакъ не видѣлъ, почему эти законы, неприложимые къ Россіи, должны быть общіе. То же самое онъ видѣлъ и въ соціалистическихъ книгахъ: или это были прекрасныя, но неприложимыя фантазіи, которыми онъ увлекался, еще бывши студентомъ, или поправки, починки того положенія дѣла, въ которое поставлена была Европа и съ которымъ земле-

дѣльческое дѣло въ Россіи не имѣло ничего общаго. Политическая экономія говорила, что законы, по которымъ развилось и развивается богатство Европы, суть законы всеобщіе и несомнѣнные. Соціалистическое ученіе говорило, что развитіе по этимъ законамъ ведетъ къ погибели. И ни то, ни другое не давало не только отвѣта, но ни малѣйшаго намека на то, что̀ ему, Левину, и всѣмъ русскимъ мужикамъ и землевладѣльцамъ дѣлать со своими милліонами рукъ и десятинъ, чтобъ они были наиболѣе производительны для общаго благосостоянія.

Ужъ разъ взявшись за это дѣло, онъ добросовѣстно перечитывалъ все, что относилось къ его предмету, и намѣревался осенью ѣхать за границу, чтобъ изучить еще это дѣло на мѣстѣ, съ тѣмъ чтобы съ нимъ уже не случалось болѣе по этому вопросу того, что такъ часто случалось съ нимъ по различнымъ вопросамъ. Только начнетъ онъ, бывало, понимать мысль собесѣдника и излагать свою, какъ вдругъ ему говорятъ: «а Кауфманъ, а Джонсъ, а Дюбуа, а Мичели? Вы не читали ихъ. Прочтите: они разработали этотъ вопросъ».

Онъ видѣлъ теперь ясно, что Кауфманъ и Мичели ничего не имѣютъ сказать ему. Онъ зналъ, чего онъ хотѣлъ. Онъ видѣлъ, что Россія имѣетъ прекрасныя земли, прекрасныхъ рабочихъ и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ у мужика на половинѣ дороги, рабочіе и земля производятъ много, въ большинствѣ же случаевъ, когда по-европейски прикладывается капиталъ, производятъ мало, и что происходитъ это только отъ того, что рабочіе хотятъ работать и работаютъ хорошо однимъ имъ свойственнымъ образомъ, и что это противодѣйствіе не случайное, а постоянное, имѣющее основанія въ духѣ народа. Онъ думалъ, что русскій народъ, имѣющій призваніе заселять и обрабатывать огромныя незанятыя пространства, сознательно, до тѣхъ поръ, пока всѣ земли не заняты, держался нужныхъ для этого пріемовъ и что эти пріемы совсѣмъ не такъ дурны, какъ это обыкновенно думаютъ. И онъ хотѣлъ доказать это теоретически, въ книгѣ, и на практикѣ, въ своемъ хозяйствѣ.

XXX.

Въ концѣ сентября былъ свезенъ лѣсъ для постройки двора на отданной артели землѣ и было продано масло отъ коровъ и раздѣленъ барышъ. Въ хозяйствѣ, на практикѣ, дѣло шло отлично, или, по крайней мѣрѣ, такъ казалось Левину. Для того же, чтобы теоретически разъяснить все дѣло и окончить сочи-

неніе, которое, сообразно мечтаніямъ Левина, должно было не только произвести переворотъ въ политической экономіи, но совершенно уничтожить эту науку и положить начало новой наукѣ— объ отношеніяхъ народа къ землѣ, нужно было только съѣздить за границу и изучить на мѣстѣ все, что тамъ было сдѣлано въ этомъ направленіи, и найти убѣдительныя доказательства, что все то, что тамъ сдѣлано, — не то, что нужно. Левинъ ждалъ только поставки пшеницы, чтобы получить деньги и ѣхать за границу. Но начались дожди, не дававшіе убрать оставшіеся въ полѣ хлѣба и картофель, и остановили всѣ работы и даже поставку пшеницы. По дорогамъ была непролазная грязь, двѣ мельницы снесло паводкомъ, и погода все становилась хуже и хуже.

30 сентября показалось съ утра солнце, и, надѣясь на погоду, Левинъ сталъ рѣшительно готовиться къ отъѣзду. Онъ велѣлъ насыпать пшеницу, послалъ къ купцу приказчика, чтобы взять деньги, и самъ поѣхалъ по хозяйству, чтобы сдѣлать послѣднія распоряженія передъ отъѣздомъ.

Передѣлавъ, однако, всѣ дѣла, мокрый отъ ручьевъ, которые по кожану заливались ему то за шею, то за голенища, но въ самомъ бодромъ и возбужденномъ состояніи духа, Левинъ возвратился къ вечеру домой. Непогода къ вечеру разошлась еще хуже: крупа такъ больно стегала всю вымокшую, трясущую ушами и головой лошадь, что она шла бокомъ; но Левину подъ башлыкомъ было хорошо и онъ весело поглядывалъ вокругъ себя то на мутные ручьи, бѣжавшіе по колеямъ, то на нависшія на каждомъ оголенномъ сучкѣ капли, то на бѣлизну пятна не растаявшей крупы на доскахъ моста, то на сочный, еще мясистый листъ вяза, который обвалился густымъ слоемъ вокругъ раздѣтаго дерева. Несмотря на мрачность окружающей природы, онъ чувствовалъ себя особенно возбужденнымъ. Разговоры съ мужиками въ дальней деревнѣ показывали, что они начинали привыкать къ своимъ новымъ отношеніямъ. Дворникъ старикъ, къ которому онъ заѣзжалъ обсушиться, очевидно одобрялъ планъ Левина и самъ предлагалъ вступить въ товарищество по покупкѣ скота.

«Надо только упорно идти къ своей цѣли, и я добьюсь своего, — думалъ Левинъ, — а работать и трудиться есть изъ-за чего. Это дѣло не мое личное, а тутъ вопросъ объ общемъ благѣ. Все хозяйство, главное—положеніе всего народа, совершенно должно измѣниться. Вмѣсто бѣдности — общее богатство, довольство; вмѣсто вражды — согласіе и связь интересовъ. Однимъ словомъ, революція безкровная, но величайшая рево-

люція, сначала въ маленькомъ кругу нашего уѣзда, потомъ губерніи, Россіи, всего міра. Потому что мысль справедливая не можетъ не быть плодотворна. Да, это цѣль, изъ - за которой стоитъ работать. И то, что это я, Костя Левинъ, тотъ самый, который пріѣхалъ на балъ въ черномъ галстукѣ и которому отказала Щербацкая и который такъ самъ для себя жалокъ и ничтоженъ, — это ничего не доказываетъ. Я увѣренъ, что Франклинъ чувствовалъ себя такъ же ничтожнымъ и такъ же не довѣрялъ себѣ, вспоминая себя всего. Это ничего не значитъ. И у него была, вѣрно, своя Агаѳья Михайловна, которой онъ повѣрялъ свои тайны».

Въ такихъ мысляхъ Левинъ уже въ темнотѣ подъѣхалъ къ дому.

Приказчикъ, ѣздившій къ купцу, пріѣхалъ и привезъ часть денегъ за пшеницу. Условіе съ дворникомъ было сдѣлано, и по дорогѣ приказчикъ узналъ, что хлѣбъ вездѣ застоялъ въ полѣ, такъ что неубранныя свои 160 копенъ были ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что было у другихъ.

Пообѣдавъ, Левинъ сѣлъ, какъ и обыкновенно, съ книгой на кресло и, читая, продолжалъ думать о своей предстоящей поѣздкѣ въ связи съ книгой. Нынче ему особенно ясно представлялось все значеніе его дѣла и сами собой складывались въ его умѣ цѣлые періоды, выражающіе сущность его мыслей. «Это надо записать, — подумалъ онъ. — Это должно составить краткое введеніе, которое я прежде считалъ ненужнымъ». Онъ всталъ, чтобы идти къ письменному столу, и Ласка, лежавшая у его ногъ, потягиваясь, тоже встала и оглядывалась на него, какъ бы спрашивая, куда идти. Но записать было некогда, потому что пришли начальники къ наряду, и Левинъ вышелъ къ нимъ въ переднюю.

Послѣ наряда, то-есть распоряженій по работамъ завтрашняго дня, и пріема всѣхъ мужиковъ, имѣвшихъ до него дѣла, Левинъ пошелъ въ кабинетъ и сѣлъ за работу. Ласка легла подъ столъ; Агаѳья Михайловна съ чулкомъ усѣлась на своемъ мѣстѣ.

Пописавъ нѣсколько времени, Левинъ вдругъ съ необыкновенною живостью вспомнилъ Кити, ея отказъ и послѣднюю встрѣчу. Онъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— Да нечего скучать, — сказала ему Агаѳья Михайловна. — Ну, что вы сидите дома? Ѣхали бы на теплыя воды, благо собрались.

— Я и то ѣду послѣзавтра, Агаѳья Михайловна. Надо дѣло кончить.

— Ну, какое ваше дѣло! Мало вы развѣ и такъ мужиковъ наградили! И то говорятъ: вашъ баринъ отъ царя за то милость получитъ. И чудно: что вамъ о мужикахъ заботиться?

— Я не о нихъ забочусь, я для себя дѣлаю.

Агаѳья Михайловна знала всѣ подробности хозяйственныхъ плановъ Левина. Левинъ часто со всѣми тонкостями излагалъ ей свои мысли и нерѣдко спорилъ съ нею и не соглашался съ ея объясненіями. Но теперь она совсѣмъ иначе поняла то, что онъ сказалъ ей.

— О своей душѣ, извѣстное дѣло, пуще всего думать надо, — сказала она со вздохомъ. — Вонъ Парѳенъ Денисычъ даромъ что неграмотный былъ; а такъ померъ, что дай Богъ всякому,— сказала она про недавно умершаго двороваго. — Причастили, особоровали.

— Я не про то говорю, — сказалъ онъ. — Я говорю, что я для своей выгоды дѣлаю. Мнѣ выгоднѣе, если мужики лучше работаютъ.

— Да ужъ вы какъ ни дѣлайте, онъ коли лѣнтяй, такъ все будетъ черезъ пень колоду валить. Если совѣсть есть, будетъ работать; а нѣтъ, ничего не сдѣлаешь.

— Ну, да вѣдь вы сами говорите, Иванъ лучше сталъ за скотиной ходить?

— Я одно говорю, — отвѣтила Агаѳья Михайловна, очевидно не случайно, но со строгою послѣдовательностью мысли: — жениться вамъ надо, вотъ что!

Упоминаніе Агаѳьи Михайловны о томъ самомъ, о чемъ онъ только что думалъ, огорчило и оскорбило его. Левинъ нахмурился и, не отвѣчая ей, сѣлъ опять за свою работу, повторивъ себѣ все то, что онъ думалъ о значеніи этой работы. Изрѣдка только онъ прислушивался въ тишинѣ къ звуку спицъ Агаѳьи Михайловны и, вспоминая то, о чемъ онъ не хотѣлъ вспоминать, опять морщился.

Въ девять часовъ послышался колокольчикъ и глухое колебаніе кузова по грязи.

— Ну вотъ къ вамъ и гости пріѣхали, нескучно будетъ, — сказала Агаѳья Михайловна, вставая и направляясь къ двери. Но Левинъ перегналъ ее. Работа его не шла теперь, и онъ былъ радъ какому бы то ни было гостю.

XXXI.

Сбѣжавъ до половины лѣстницы, Левинъ услыхалъ въ передней знакомый ему звукъ покашливанья; но онъ слышалъ его

неясно изъ-за звука своихъ шаговъ и надѣялся, что онъ ошибся; потомъ онъ увидалъ и всю длинную, костлявую, знакомую фигуру, и казалось, уже нельзя было обманываться, но все еще надѣялся, что онъ ошибается и что этотъ длинный человѣкъ, снимавшій шубу и откашливавшійся, былъ не братъ Николай.

Левинъ любилъ своего брата, но быть съ нимъ вмѣстѣ всегда было мученіе. Теперь же, когда Левинъ подъ вліяніемъ пришедшей ему мысли и напоминанія Агаѳьи Михайловны былъ въ неясномъ, запутанномъ состояніи, ему предстоящее свиданіе съ братомъ показалось особенно тяжелымъ. Вмѣсто гостя веселаго, здороваго, чужого, который, онъ надѣялся, развлечетъ его въ его душевной неясности, онъ долженъ былъ видѣться съ братомъ, который понимаетъ его насквозь, который вызоветъ въ немъ всѣ самыя задушевныя мысли, заставитъ его высказаться вполнѣ. А этого ему не хотѣлось.

Сердясь на самого себя за это гадкое чувство, Левинъ сбѣжалъ въ переднюю; какъ только онъ вблизи увидалъ брата, это чувство личнаго разочарованія тотчасъ же исчезло и замѣнилось жалостью. Какъ ни страшенъ былъ братъ Николай своею худобой и болѣзненностью прежде, теперь онъ еще похудѣлъ, еще изнемогъ. Это былъ скелетъ, покрытый кожей.

Онъ стоялъ въ передней, дергаясь длинною, худой шеей и срывая съ нея шарфъ, и странно жалостно улыбался. Увидавъ эту улыбку, смиренную и покорную, Левинъ почувствовалъ, что судороги сжимаютъ ему горло.

— Вотъ я пріѣхалъ къ тебѣ, — сказалъ Николай глухимъ голосомъ ни на секунду, не спуская глазъ съ лица брата. — Я давно хотѣлъ, да все нездоровилось. Теперь же я очень поправился, — говорилъ онъ, обтирая свою бороду большими худыми ладонями.

— Да, да! — отвѣчалъ Левинъ. И ему стало еще страшнѣе, когда онъ, цѣлуясь, почувствовалъ губами сухость тѣла брата и увидавъ вблизи его большіе, странно свѣтящіеся глаза.

За нѣсколько недѣль предъ этимъ Константинъ Левинъ писалъ брату, что, по продажѣ той маленькой части, которая оставалась у нихъ недѣленною въ домѣ, братъ имѣлъ получить теперь свою долю, около 2.000 рублей.

Николай сказалъ, что онъ пріѣхалъ теперь получить эти деньги и главное побывать въ своемъ гнѣздѣ, дотронуться до земли, чтобы набраться, какъ богатыри, силы для предстоящей дѣятельности. Несмотря на увеличившуюся сутуловатость, несмотря на поразительную съ его ростомъ худобу, движенія его,

какъ и обыкновенно, были быстры и порывисты. Левинъ провелъ его въ кабинетъ.

Братъ переодѣлся особенно старательно, чего прежде не бывало, причесалъ свои рѣдкіе, прямые волосы и улыбаясь вошелъ наверхъ.

Онъ былъ въ самомъ ласковомъ и веселомъ духѣ, какимъ въ дѣтствѣ его часто помнилъ Левинъ. Онъ упомянулъ даже и о Сергѣѣ Ивановичѣ безъ злобы. Увидавъ Агаѳью Михайловну, онъ пошутилъ съ ней и разспрашивалъ про старыхъ слугъ. Извѣстіе о смерти Парѳена Денисыча непріятно подѣйствовало на него. На лицѣ его выразился испугъ; но онъ тотчасъ же оправился.

— Вѣдь онъ ужъ старъ былъ, — сказалъ онъ и перемѣнилъ разговоръ. — Да, вотъ поживу у тебя мѣсяцъ-два, а потомъ въ Москву. Ты знаешь, мнѣ Мягковъ обѣщалъ мѣсто, и я поступаю на службу. Теперь я устрою свою жизнь совсѣмъ иначе, — продолжалъ онъ. — Ты знаешь, я удалилъ эту женщину.

— Марью Николаевну? какъ, за что же?

— Ахъ, она гадкая женщина! Кучу непріятностей мнѣ сдѣлала. — Но онъ не разсказалъ, какія были эти непріятности. Онъ не могъ сказать, что онъ прогналъ Марью Николаевну за то, что чай былъ слабъ, главное же за то, что она ухаживала за нимъ, какъ за больнымъ. — Потомъ вообще теперь я хочу совсѣмъ перемѣнить жизнь. Я, разумѣется, какъ и всѣ, дѣлалъ глупости, но состояніе — послѣднее дѣло, я его не жалѣю. Было бы здоровье, а здоровье, слава Богу, поправилось.

Левинъ слушалъ и придумывалъ, но не могъ придумать, что сказать. Вѣроятно, Николай почувствовалъ то же; онъ сталъ разспрашивать брата о дѣлахъ его; и Левинъ былъ радъ говорить о себѣ, потому что онъ могъ говорить не притворяясь. Онъ разсказалъ брату свои планы и дѣйствія.

Братъ слушалъ, но, очевидно, не интересовался этимъ.

Эти два человѣка были такъ родны и близки другъ другу, что малѣйшее движеніе, тонъ голоса говорилъ для обоихъ больше, чѣмъ все, что можно сказать словами.

Теперь у нихъ обоихъ была одна мысль: болѣзнь и близость смерти Николая, подавлявшая все остальное. Но ни тотъ, ни другой не смѣли говорить о ней, и потому все, что̀ бы они ни говорили, не выразивъ того, что одно занимало ихъ, все было ложь. Никогда Левинъ не былъ такъ радъ тому, что̀ кончился вечеръ и надо было идти спать. Никогда ни съ какимъ постороннимъ, ни на какомъ офиціальномъ визитѣ онъ не былъ такъ ненатураленъ и фальшивъ, какъ онъ былъ нынче. И сознаніе

этой ненатуральности и раскаяніе въ ней дѣлали его еще болѣе ненатуральнымъ. Ему хотѣлось плакать надъ своимъ умирающимъ любимымъ братомъ, а онъ долженъ былъ слушать и поддерживать разговоръ о томъ, какъ онъ будетъ жить.

Такъ какъ въ домѣ было сыро и одна только комната топлена, то Левинъ уложилъ брата спать въ своей же спальнѣ за перегородкой.

Братъ легъ и спалъ или не спалъ, но, какъ больной, ворочался, кашлялъ, и когда не могъ откашляться, что-то ворчалъ. Иногда, когда онъ тяжело вздыхалъ, онъ говорилъ: «Ахъ, Боже мой!» Иногда, когда мокрота душила его, онъ съ досадой выговаривалъ: «А, чортъ!» Левинъ долго не спалъ, слушая его. Мысли его были самыя разнообразныя, но конецъ всѣхъ мыслей былъ одинъ — смерть.

Смерть, неизбѣжный конецъ всего, въ первый разъ съ неотразимой силою представилась ему. И смерть эта, которая была тутъ, въ этомъ любимомъ братѣ, спросонокъ стонущемъ и безразлично по привычкѣ призывающемъ то Бога, то чорта, была совсѣмъ не такъ далека, какъ ему прежде казалось. Она была и въ немъ самомъ — онъ это чувствовалъ. Не нынче — такъ завтра, не завтра — такъ черезъ тридцать лѣтъ, развѣ не все равно! А что такое была эта неизбѣжная смерть, онъ не только не зналъ, не только никогда и не думалъ объ этомъ, но не умѣлъ и не смѣлъ думать объ этомъ.

«Я работаю, я хочу сдѣлать что-то, а я забылъ, что все кончится, что — смерть».

Онъ сидѣлъ на кровати въ темнотѣ, скорчившись и обнявъ свои колѣни, и, сдерживая дыханіе отъ напряженія мысли, думалъ. Но чѣмъ болѣе онъ напрягалъ мысль, тѣмъ только яснѣе ему становилось, что это несомнѣнно такъ, что дѣйствительно онъ забылъ, просмотрѣлъ въ жизни одно маленькое обстоятельство, — то, что придетъ смерть и все кончится, что ничего и не стоило начинать и что помочь этому никакъ нельзя. Да, это ужасно, но это такъ.

«Да вѣдь я живъ еще. Теперь-то что же дѣлать, что дѣлать?» говорилъ онъ съ отчаяніемъ. Онъ зажегъ свѣчу и осторожно всталъ и пошелъ къ зеркалу и сталъ смотрѣть свое лицо и волосы. Да, въ вискахъ были сѣдые волосы. Онъ открылъ ротъ. Зубы задніе начинали портиться. Онъ обнажилъ свои мускулистыя руки. Да, силы много. Но и у Николеньки, который тамъ дышитъ остатками легкихъ, было тоже здоровое тѣло. И вдругъ ему вспомнилось, какъ они дѣтьми вмѣстѣ ложились спать и ждали только того, чтобы Ѳедоръ Богданычъ

вышелъ за дверь, чтобы кидать другъ въ друга подушками и хохотать, хохотать неудержимо, такъ, что даже страхъ предъ Өедоромъ Богданычемъ не могъ остановить это черезъ край бившее и пѣнящееся сознаніе счастья жизни. «А теперь эта скривившаяся пустая грудь... и я, не знающій, зачѣмъ и что со мной будетъ...»

— К-ха! К-ха! А, чортъ! Что возишься, что ты не спишь? — окликнулъ его голосъ брата.

— Такъ, я не знаю, безсонница.

— А я хорошо спалъ, у меня теперь ужъ нѣтъ пота. Посмотри, пощупай рубашку. Нѣтъ пота?

Левинъ пощупалъ, ушелъ за перегородку, потушилъ свѣчу, но долго еще не спалъ. Только что ему немного уяснился вопросъ о томъ, какъ жить, какъ представился новый неразрѣшимый вопросъ — смерть.

«Ну, онъ умираетъ, ну, онъ умретъ къ веснѣ, ну, какъ помочь ему? Что я могу сказать ему? Что я знаю про это? Я и забылъ, что это есть».

XXXII.

Левинъ уже давно сдѣлалъ замѣчаніе, что когда съ людьми бываетъ неловко отъ ихъ излишней уступчивости, покорности, то очень скоро сдѣлается невыносимо отъ ихъ излишней требовательности и придирчивости. Онъ чувствовалъ, что это случится и съ братомъ. И дѣйствительно, кротости брата Николая хватило не надолго. Онъ съ другого же утра сталъ раздражителенъ и старательно придирался къ брату, затрогивая его за самыя больныя мѣста.

Левинъ чувствовалъ себя виноватымъ и не могъ поправить этого. Онъ чувствовалъ, что если бъ они оба не притворялись, а говорили то, что называется говорить по душѣ, т.-е. только то, что они точно думаютъ и чувствуютъ, то они только бы смотрѣли въ глаза другъ другу, и Константинъ только бы говорилъ: «ты умрешь, ты умрешь!» а Николай только бы отвѣчалъ: «знаю, что умру; но боюсь, боюсь, боюсь!» И больше бы ничего они не говорили, если бы говорили только по душѣ. Но этакъ нельзя было жить, и потому Константинъ пытался дѣлать то, что онъ всю жизнь пытался и не умѣлъ дѣлать, и то, что, по его наблюденію, многіе такъ хорошо умѣли дѣлать и безъ чего нельзя жить: онъ пытался говорить не то, что думалъ, и постоянно

чувствовалъ, что это выходило фальшиво, что братъ его ловитъ на этомъ и раздражается этимъ.

На третій день Николай вызвалъ брата высказать опять ему свой планъ и сталъ не только осуждать его, но сталъ умышленно смѣшивать его съ коммунизмомъ.

— Ты только взялъ чужую мысль, но изуродовалъ ее и хочешь прилагать къ неприложимому.

— Да я тебѣ говорю, что это не имѣетъ ничего общаго. Они отвергаютъ справедливость собственности, капитала, наслѣдственности, а я не отрицаю этого главнаго стимула (Левину было противно самому, что онъ употреблялъ такія слова, но съ тѣхъ поръ, какъ увлекся своею работой, онъ невольно сталъ чаще и чаще употреблять нерусскія слова), хочу только регулировать трудъ.

— То-то и есть, ты взялъ чужую мысль, отрѣзалъ отъ нея все, что составляетъ ея силу, и хочешь увѣрить, что это что-то новое, — сказалъ Николай, сердито дергаясь въ своемъ галстукѣ.

— Да моя мысль не имѣетъ ничего общаго...

— Тамъ, — злобно блестя глазами и иронически улыбаясь, говорилъ Николай Левинъ,—тамъ, по крайней мѣрѣ, есть прелесть, какъ бы сказать, геометрическая — ясности, несомнѣнности. Можетъ быть, это утопія. Но допустимъ, что можно сдѣлать изъ всего прошедшаго tabula rasa: нѣтъ собственности, нѣтъ семьи, то и трудъ устроается. Но у тебя ничего нѣтъ...

— Зачѣмъ ты смѣшиваешь? я никогда не былъ коммунистомъ.

— А я былъ, и нахожу, что это преждевременно, но разумно и имѣетъ будущность, какъ христіанство въ первые вѣка.

— Я только полагаю, что рабочую силу надо разсматривать съ естествоиспытательской точки зрѣнія, то-есть изучить ее, признать ея свойства и...

— Да это совершенно напрасно. Эта сила сама находитъ, по степени своего развитія, извѣстный образъ дѣятельности. Вездѣ были рабы, потомъ metayers; и у насъ есть испольная работа, есть аренда, есть батрацкая работа, — чего жъ ты ищешь?

Левинъ вдругъ разгорячился при этихъ словахъ, потому что въ глубинѣ души онъ боялся, что это было правда, — правда то, что онъ хотѣлъ балансировать между коммунизмомъ и опредѣленными формами, и что это едва ли было возможно.

— Я ищу средства работать производительно и для себя и для рабочаго. Я хочу устроить... — отвѣчалъ онъ горячо.

— Ничего ты не хочешь устроить; просто, какъ ты всю жизнь жилъ, тебѣ хочется оригинальничать, показать, что ты не просто эксплуатируешь мужиковъ, а съ идеей.

— Ну, такъ ты думаешь, и оставь! — отвѣчалъ Левинъ, чувствуя, что мускулъ лѣвой щеки его неудержимо прыгаетъ.

— Ты не имѣлъ и не имѣешь убѣжденій, а тебѣ только бы утѣшать свое самолюбіе.

— Ну и прекрасно, и оставь меня!

— И оставлю! И давно пора, и убирайся къ чорту! и очень жалѣю, что пріѣхалъ.

Какъ ни старался потомъ Левинъ успокоить брата, Николай ничего не хотѣлъ слышать, говорилъ, что гораздо лучше разъѣхаться, и Константинъ видѣлъ, что просто брату невыносима стала жизнь.

Николай уже совсѣмъ собрался уѣзжать, когда Константинъ опять пришелъ къ нему и ненатурально просилъ извинить, если чѣмъ-нибудь оскорбилъ его.

— А, великодушіе! — сказалъ Николай и улыбнулся. — Если тебѣ хочется быть правымъ, то могу доставить тебѣ это удовольствіе. Ты правъ; но я все-таки уѣду!

Предъ самымъ только отъѣздомъ Николай поцѣловался съ нимъ и сказалъ, вдругъ странно серьезно взглянувъ на брата:

— Все-таки не поминай меня лихомъ, Костя!—и голосъ его дрогнулъ.

Это были единственныя слова, которыя были сказаны искренно. Левинъ понялъ, что подъ этими словами подразумѣвалось: «ты видишь и знаешь, что я плохъ, и, можетъ быть, мы больше не увидимся». Левинъ понялъ это, и слезы брызнули у него изъ глазъ. Онъ еще разъ поцѣловалъ брата, но ничего не могъ и не умѣлъ сказать ему.

На третій день послѣ отъѣзда брата и Левинъ уѣхалъ за границу. Встрѣтившись на желѣзной дорогѣ съ Щербацкимъ, двоюроднымъ братомъ Кити, Левинъ очень удивилъ его своею мрачностью.

— Что съ тобой? — спросилъ его Щербацкій.

— Да ничего, такъ, веселаго на свѣтѣ мало.

— Какъ мало? вотъ поѣдемъ со мной въ Парижъ вмѣсто какого-то Мюлуза. Посмотрите, какъ весело.

— Нѣтъ, ужъ я кончилъ. Мнѣ умирать пора.

— Вотъ такъ штука! — смѣясь сказалъ Щербацкій. — Я только приготовился начинать.

— Да и я такъ думалъ недавно, но теперь я знаю, что скоро умру.

Левинъ говорилъ то, что онъ истинно думалъ въ это послѣднее время. Онъ во всемъ видѣлъ только смерть или приближеніе къ ней. Но затѣянное имъ дѣло тѣмъ болѣе занимало его. Надо же было какъ-нибудь доживать жизнь, пока не пришла смерть. Темнота покрывала для него все; но именно вслѣдствіе этой темноты онъ чувствовалъ, что единственною руководительною нитью въ этой темнотѣ было его дѣло, и онъ изъ послѣднихъ силъ ухватился и держался за него.

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ.

I.

Каренины, мужъ и жена, продолжали жить въ одномъ домѣ, встрѣчались каждый день, но были совершенно чужды другъ другу. Алексѣй Александровичъ за правило поставилъ каждый день видѣть жену, для того чтобы прислуга не имѣла права дѣлать предположенія, но избѣгалъ обѣдовъ дома. Вронскій никогда не бывалъ въ домѣ Алексѣя Александровича, но Анна видала его внѣ дома, и мужъ зналъ это.

Положеніе было мучительное для всѣхъ троихъ, и ни одинъ изъ нихъ не въ силахъ былъ бы прожить и одного дня въ этомъ положеніи, если бы не ожидалъ, что оно измѣнится и что это только временное, горестное затрудненіе, которое пройдетъ. Алексѣй Александровичъ ждалъ, что страсть эта пройдетъ, какъ и все проходитъ, что всѣ про это забудутъ и имя его останется неопозореннымъ. Анна, отъ которой зависѣло это положеніе и для которой оно было мучительнѣе всѣхъ, переносила его, потому что она не только ждала, но твердо была увѣрена, что все это очень скоро развяжется и уяснится. Она рѣшительно не знала, что̀ развяжетъ это положеніе, но твердо была увѣрена, что это что-то придетъ теперь очень скоро. Вронскій, невольно подчиняясь ей, тоже ожидалъ чего-то независимаго отъ него, долженствовавшаго разъяснить всѣ затрудненія.

Въ серединѣ зимы Вронскій провелъ очень скучную недѣлю. Онъ былъ приставленъ къ пріѣхавшему въ Петербургъ иностранному принцу и долженъ былъ показывать ему достопримѣчательности Петербурга. Вронскій самъ былъ представителенъ; кромѣ того, обладалъ искусствомъ держать себя достойно-почтительно и имѣлъ привычку въ обращеніи съ такими лицами; потому онъ и былъ приставленъ къ принцу. Но обязанность его показалась ему очень тяжела. Принцъ желалъ ничего не упустить такого, про что дома у него спросятъ: видѣлъ

ли онъ это въ Россіи; да и самъ желалъ воспользоваться, сколько возможно, русскими удовольствіями. Вронскій обязанъ былъ руководить его въ томъ и въ другомъ. По утрамъ они ѣздили осматривать достопримѣчательности; по вечерамъ участвовали въ національныхъ удовольствіяхъ. Принцъ пользовался необыкновеннымъ, даже между принцами, здоровьемъ; и гимнастикой, и хорошимъ уходомъ за своимъ тѣломъ онъ довелъ себя до такой силы, что, несмотря на излишества, которымъ онъ предавался въ удовольствіяхъ, онь былъ свѣжъ какъ большой зеленый глянцевитый голландскій огурецъ. Принцъ много путешествовалъ и находилъ, что одна изъ главныхъ выгодъ теперешней легкости путей сообщеній состоитъ въ доступности національныхъ удовольствій. Онъ былъ въ Испаніи и тамъ давалъ серенады и сблизился съ испанкою, игравшею на мандолинѣ. Въ Швейцаріи убилъ *гемза*. Въ Англіи скакалъ въ красномъ фракѣ черезъ заборы и на пари убилъ 200 фазановъ. Въ Турціи былъ въ гаремѣ, въ Индіи ѣздилъ на слонѣ и теперь въ Россіи желалъ вкусить всѣхъ спеціально русскихъ удовольствій.

Вронскому, бывшему при немъ какъ бы главнымъ церемоніймейстеромъ, большого труда стоило распредѣлять всѣ предлагаемыя принцу различными лицами русскія удовольствія. Были и рысаки, и блины, и медвѣжьи охоты, и тройки, и цыгане, и кутежи съ русскимъ битьемъ посуды. И принцъ съ чрезвычайною легкостью усвоилъ себѣ русскій духъ, билъ подносы съ посудой, сажалъ на колѣни цыганку и, казалось, спрашивалъ, что же еще, или только въ этомъ и состоитъ русскій духъ?

Въ сущности изъ всѣхъ русскихъ удовольствій болѣе всего нравились принцу французскія актрисы, балетная танцовщица и шампанское съ бѣлою печатью. Вронскій имѣлъ привычку къ принцамъ; но — оттого ли, что онъ самъ въ послѣднее время перемѣнился, или отъ слишкомъ большой близости съ этимъ принцемъ — эта недѣля показалась ему страшно тяжела. Онъ всю эту недѣлю, не переставая, испытывалъ чувство, подобное чувству человѣка, который былъ бы приставленъ къ опасному сумасшедшему, боялся бы сумасшедшаго и вмѣстѣ, по близости къ нему, боялся бы и за свой умъ. Вронскій постоянно чувствовалъ необходимость ни на секунду не ослаблять тона строгой офиціальной почтительности, чтобы не быть оскорбленнымъ. Манера обращенія принца съ тѣми самыми лицами, которыя, къ удивленію Вронскаго, изъ кожи вонъ лѣзли, чтобы доставлять ему русскія удовольствія, была презрительна. Его сужденія о русскихъ женщинахъ, которыхъ онъ желалъ изучать, не разъ

заставляли Вронскаго краснѣть отъ негодованія. Главная же причина, почему принцъ былъ особенно тяжелъ Вронскому, была та, что онъ невольно видѣлъ въ немъ себя самого. И то, что онъ видѣлъ въ этомъ зеркалѣ, не льстило его самолюбію. Это былъ очень глупый и очень самоувѣренный, и очень здоровый, и очень чистоплотный человѣкъ, и больше ничего. Онъ былъ джентльменъ — это была правда, и Вронскій не могъ отрицать этого. Онъ былъ ровенъ и неискателенъ съ высшими, былъ свободенъ и простъ въ обращеніи съ равными и былъ презрительно добродушенъ съ низшими. Вронскій самъ былъ таковымъ и считалъ это большимъ достоинствомъ; но въ отношеніи принца онъ былъ низшій, и это презрительно-добродушное отношеніе къ нему возмущало его.

«Глупая говядина! неужели я такой?» думалъ онъ.

Какъ бы то ни было, когда онъ простился съ нимъ на седьмой день, передъ отъѣздомъ его въ Москву, и получилъ благодарность, онъ былъ счастливъ, что избавился отъ этого неловкаго положенія и непріятнаго зеркала. Онъ простился съ нимъ на станціи, возвращаясь съ медвѣжьей охоты, гдѣ всю ночь у нихъ было представленіе русскаго молодечества.

II.

Вернувшись домой, Вронскій нашелъ у себя записку отъ Анны. Она писала: «Я больна и несчастлива. Я не могу выѣзжать, но и не могу долѣе не видать васъ. Пріѣзжайте вечеромъ. Въ семь часовъ Алексѣй Александровичъ ѣдетъ на совѣтъ и пробудетъ до десяти». Подумавъ съ минуту о странности того, что она зоветъ его прямо къ себѣ, несмотря на требованіе мужа не принимать его, онъ рѣшилъ, что поѣдетъ.

Вронскій былъ въ эту зиму произведенъ въ полковники, вышелъ изъ полка и жилъ одинъ. Позавтракавъ, онъ тотчасъ же легъ на диванъ, и въ пять минутъ воспоминанія безобразныхъ сценъ, видѣнныхъ имъ въ послѣдніе дни, перепутались и связались съ представленіемъ объ Аннѣ и мужикѣ - обкладчикѣ, который игралъ важную роль на медвѣжьей охотѣ, и Вронскій заснулъ. Онъ проснулся въ темнотѣ, дрожа отъ страха, и поспѣшно зажегъ свѣчу. «Что такое? что? Что такое страшное я видѣлъ во снѣ? Да, да. Мужикъ обкладчикъ, кажется, маленькій, грязный, съ взъерошенною бородой, что-то дѣлалъ нагнувшись и вдругъ заговорилъ по-французски какія-то странныя слова. Да, больше ничего не было во снѣ, — сказалъ онъ себѣ. —

Но отчего же это было такъ ужасно?» Онъ живо вспомнилъ опять мужика и тѣ непонятныя французскія слова, которыя произносилъ этотъ мужикъ, и ужасъ пробѣжалъ холодомъ по его спинѣ.

«Что за вздоръ!» подумалъ Вронскій и взглянулъ на часы.

Было уже половина девятаго. Онъ позвонилъ человѣка, поспѣшно одѣлся и вышелъ на крыльцо, совершенно забывъ про сонъ и мучаясь только тѣмъ, что опоздалъ. Подъѣзжая къ крыльцу Карениныхъ, онъ взглянулъ на часы и увидалъ, что было безъ десяти минутъ девять. Высокая, узенькая карета, запряженная парой сѣрыхъ, стояла у подъѣзда. Онъ узналъ карету Анны. «Она ѣдетъ ко мнѣ, — подумалъ Вронскій, — и лучше бы было. Непріятно мнѣ входить въ этотъ домъ. Но все равно, я не могу прятаться», сказалъ онъ себѣ, и съ тѣми, усвоенными имъ съ дѣтства, пріемами человѣка, которому нечего стыдиться, Вронскій вышелъ изъ саней и подошелъ къ двери. Дверь отворилась, и швейцаръ съ пледомъ на рукѣ подозвалъ карету. Вронскій, не привыкшій замѣчать подробности, замѣтилъ, однако, теперь удивленное выраженіе, съ которымъ швейцаръ взглянулъ на него. Въ самыхъ дверяхъ Вронскій почти столкнулся съ Алексѣемъ Александровичемъ. Рожокъ газа прямо освѣщалъ безкровное, осунувшееся лицо подъ черною шляпой и бѣлый галстукъ, блестѣвшій изъ-за бобра пальто. Неподвижные, тусклые глаза Каренина устремились на лицо Вронскаго. Вронскій поклонился, и Алексѣй Александровичъ, пожевавъ ртомъ, поднялъ руку къ шляпѣ и прошелъ. Вронскій видѣлъ, какъ онъ, не оглядываясь, сѣлъ въ карету, принялъ въ окно пледъ и бинокль и скрылся. Вронскій вошелъ въ переднюю. Брови его были нахмурены, и глаза блестѣли злымъ и гордымъ блескомъ.

«Вотъ положеніе! — думалъ онъ. — Если бы онъ боролся, отстаивалъ свою честь, я бы могъ дѣйствовать, выразить свои чувства; но эта слабость или подлость... Онъ ставитъ меня въ положеніе обманщика, тогда какъ я не хотѣлъ и не хочу этимъ быть».

Со времени своего объясненія съ Анной въ саду Вреде мысли Вронскаго измѣнились. Онъ, невольно покоряясь слабости Анны, которая отдавалась ему вся и ожидала только отъ него рѣшенія своей судьбы, впередъ покоряясь всему, давно пересталъ думать, чтобы связь эта могла кончиться, какъ онъ думалъ тогда. Честолюбивые планы его опять отступили на задній планъ, и онъ, чувствуя, что вышелъ изъ того круга дѣятельности, въ которомъ все было опредѣлено, отдавался весь своему чув

ству, и чувство это все сильнѣе и сильнѣе привязывало его къ ней.

Еще въ передней онъ услыхалъ ея удаляющіеся шаги. Онъ понялъ, что она ждала его, прислушивалась и теперь вернулась въ гостиную.

— Нѣтъ! — вскрикнула она, увидавъ его, и при первомъ звукѣ ея голоса слезы вступили ей въ глаза, — нѣтъ, если это такъ будетъ продолжаться, то это случится еще гораздо, гораздо прежде!

— Что, мой другъ?

— Что? Я жду, мучаюсь, часъ, два... Нѣтъ, я не буду!.. Я не могу ссориться съ тобой. Вѣрно, ты не могъ. Нѣтъ, не буду!

Она положила обѣ руки на его плечи и долго смотрѣла на него глубокимъ, восторженнымъ и вмѣстѣ испытующимъ взглядомъ. Она изучала его лицо за то время, которое она не видала его. Она, какъ и при всякомъ свиданіи, сводила въ одно свое воображаемое представленіе о немъ (несравненно лучшее, невозможное въ дѣйствительности) съ нимъ, какимъ онъ былъ.

III.

— Ты встрѣтилъ его? — спросила она, когда они сѣли у стола подъ лампой. — Вотъ тебѣ наказаніе за то, что опоздалъ.

— Да, но какъ же? Онъ долженъ былъ быть въ совѣтѣ?

— Онъ былъ и вернулся, и опять поѣхалъ куда-то. Но это ничего. Не говори про это. Гдѣ ты былъ? Все съ принцемъ?

Она знала всѣ подробности его жизни. Онъ хотѣлъ сказать, что не спалъ всю ночь и заснулъ, но, глядя на ея взволнованное и счастливое лицо, ему совѣстно стало. И онъ сказалъ, что ему надо было ѣхать дать отчетъ объ отъѣздѣ принца.

— Но теперь кончилось? Онъ уѣхалъ?

— Слава Богу, кончилось. Ты не повѣришь, какъ мнѣ невыносимо было это.

— Отчего жъ? Вѣдь это всегдашняя жизнь васъ, всѣхъ молодыхъ мужчинъ,—сказала она, насупивъ брови, и, взявшись за вязанье, которое лежало на столѣ, стала, не глядя на Вронскаго, выпрастывать изъ него крючокъ.

— Я уже давно оставилъ эту жизнь,—сказалъ онъ, удивляясь перемѣнѣ выраженія ея лица и стараясь проникнуть его значеніе.—И признаюсь,—сказалъ онъ, улыбкой выставляя свои плотные бѣлые зубы,—я въ эту недѣлю какъ въ зеркало смотрѣлся, глядя на эту жизнь, и мнѣ непріятно было.

Она держала въ рукахъ вязанье, но не вязала, а смотрѣла на него страннымъ, блестящимъ и недружелюбнымъ взглядомъ.

— Нынче утромъ Лиза заѣзжала ко мнѣ,—онѣ еще не боятся ѣздить ко мнѣ, несмотря на графиню Лидію Ивановну,— вставила она,—и разсказывала про вашъ аѳинскій вечеръ. Какая гадость!

— Я только хотѣлъ сказать, что...

Она перебила его:

— Это Thérèse была, которую ты зналъ прежде?

— Я хотѣлъ сказать...

— Какъ вы гадки, мужчины! Какъ вы не можете себѣ представить, что женщина этого не можетъ забыть,—говорила она, горячась все болѣе и болѣе и этимъ открывая ему причину своего раздраженія.—Особенно женщина, которая не можетъ знать твоей жизни. Что я знаю? что я знала?—говорила она,—то, что ты скажешь мнѣ. А почемъ я знаю, правду ли ты говорилъ мнѣ?..

— Анна! ты оскорбляешь меня. Развѣ ты не вѣришь мнѣ? Развѣ я не сказалъ тебѣ, что у меня нѣтъ мысли, которую я бы не открылъ тебѣ?

— Да, да,—сказала она, видимо стараясь отогнать ревнивыя мысли.—Но если бы ты зналъ, какъ мнѣ тяжело!.. Я вѣрю, вѣрю тебѣ... Такъ что ты говорилъ?

Но онъ не могъ сразу вспомнить того, что онъ хотѣлъ сказать. Эти припадки ревности, въ послѣднее время все чаще и чаще находившіе на нее, ужасали его и, какъ онъ ни старался скрывать это, охлаждали его къ ней, несмотря на то, что онъ зналъ, что причина ревности была любовь къ нему. Сколько разъ онъ говорилъ себѣ, что ея любовь была счастіе; и вотъ она любила его, какъ можетъ любить женщина, для которой любовь перевѣсила всѣ блага въ жизни,—и онъ былъ гораздо дальше отъ счастія, чѣмъ когда онъ поѣхалъ за ней изъ Москвы. Тогда онъ считалъ себя несчастливымъ, но счастіе было впереди, теперь же онъ чувствовалъ, что лучшее счастіе было уже назади. Она была совсѣмъ не та, какою онъ видѣлъ ее первое время. И нравственно, и физически она измѣнилась къ худшему. Она вся расширѣла, и въ лицѣ ея, въ то время какъ она говорила объ актрисѣ, было злое, искажавшее его выраженіе. Онъ смотрѣлъ на нее, какъ смотритъ человѣкъ на сорванный имъ и завядшій цвѣтокъ, въ которомъ онъ съ трудомъ узнаетъ красоту, за которую онъ сорвалъ и погубилъ его. И, несмотря на то, онъ чувствовалъ, что тогда, когда любовь его была сильнѣе, онъ могъ, если бы сильно захотѣлъ этого, вырвать эту любовь изъ своего сердца; но теперь, когда, какъ

въ эту минуту, ему казалось, что онъ не чувствовалъ любви къ ней, онъ зналъ, что связь его съ ней не можетъ быть разорвана.

— Ну, ну, такъ что ты хотѣлъ сказать мнѣ про принца? Я прогнала, прогнала бѣса,—прибавила она. Бѣсомъ называлась между ними ревность.—Да, такъ что ты началъ говорить о принцѣ? Почему тебѣ такъ тяжело было?

— Ахъ! невыносимо!—сказалъ онъ, стараясь уловить нить потерянной мысли.—Онъ не выигрываетъ отъ близкаго знакомства. Если опредѣлить его, то это—прекрасно выкормленное животное, какія на выставкахъ получаютъ первыя медали, и больше ничего,—говорилъ онъ съ досадою, заинтересовавшею ее.

— Нѣтъ, какъ же?—возразила она.—Все-таки онъ многое видѣлъ, образованъ?

— Это совсѣмъ другое образованіе—ихъ образованіе. Онъ, видно, и образованъ только для того, чтобы имѣть право презирать образованіе, какъ они все презираютъ, кромѣ животныхъ удовольствій.

— Да вѣдь вы всѣ любите эти животныя удовольствія,—сказала она, и опять онъ замѣтилъ мрачный взглядъ, который избѣгалъ его.

— Что это ты такъ защищаешь его? — сказалъ онъ улыбаясь.

— Я не защищаю, мнѣ совершенно все равно; но я думаю, что если бы ты самъ не любилъ этихъ удовольствій, то ты могъ бы отказаться. А тебѣ доставляетъ удовольствіе смотрѣть на Терезу въ костюмѣ Евы...

— Опять, опять дьяволъ!—взявъ руку, которую она положила на столъ, и цѣлуя ее, сказалъ Вронскій.

— Да, но я не могу! Ты не знаешь, какъ я измучилась, ожидая тебя! Я думаю, что я не ревнива. Я не ревнива; я вѣрю тебѣ, когда ты тутъ, со мной; но когда ты гдѣ-то одинъ ведешь свою непонятную мнѣ жизнь...

Она отклонилась отъ него, выпростала, наконецъ, крючокъ изъ вязанья, и быстро съ помощью указательнаго пальца стали накидываться одна за другой петли бѣлой, блестѣвшей подъ свѣтомъ лампы шерсти, и быстро нервически стала поворачиваться тонкая кисть въ шитомъ рукавчикѣ.

— Ну какъ же? гдѣ ты встрѣтилъ Алексѣя Александровича?—вдругъ ненатурально зазвенѣлъ ея голосъ.

— Мы столкнулись въ дверяхъ.

— И онъ такъ поклонился тебѣ?

Она вытянула лицо и, полузакрывъ глаза, быстро измѣнила выраженіе лица, сложила руки, и. Вронскій въ ея красивомъ лицѣ вдругъ увидалъ то самое выраженіе лица, съ которымъ поклонился ему Алексѣй Александровичъ. Онъ улыбнулся, а она весело засмѣялась тѣмъ милымъ груднымъ смѣхомъ, который былъ одною изъ главныхъ ея прелестей.

— Я рѣшительно не понимаю его,—сказалъ Вронскій.—Если бы послѣ твоего объясненія на дачѣ онъ разорвалъ съ тобой, если бы онъ вызвалъ меня на дуэль, но этого я не понимаю; какъ онъ можетъ переносить такое положеніе? Онъ страдаетъ, это видно.

— Онъ?—съ усмѣшкой сказала она.—Онъ совершенно доволенъ.

— За что мы всѣ мучаемся, когда все могло бы быть такъ хорошо.

— Только не онъ. Развѣ я не знаю его, эту ложь, которою онъ весь пропитанъ?.. Развѣ можно, чувствуя что-нибудь, жить, какъ онъ живетъ со мной? Онъ ничего не понимаетъ, не чувствуетъ. Развѣ можетъ человѣкъ, который что-нибудь чувствуетъ, жить со своею преступною женой въ одномъ домѣ? Развѣ можно говорить съ ней? Говорить ей *ты*?

И опять она невольно представила его: «Ты, ma chère, ты, Анна!»

— Это не мужчина, не человѣкъ, это кукла. Никто не знаетъ, но я знаю. О! если бы я была на его мѣстѣ, я бы давно убила, я бы разорвала на куски эту жену, такую, какъ я, а не говорила бы: ты, ma chère, Анна. Это не человѣкъ, это—министерская машина. Онъ не понимаетъ, что я твоя жена, что онъ чужой, что онъ лишній... Не будемъ, не будемъ говорить!..

— Ты неправа и неправа, мой другъ!—сказалъ Вронскій, стараясь успокоить ее.—Но все равно, не будемъ о немъ говорить. Разскажи мнѣ, что ты дѣлала? Что съ тобой? Что такое эта болѣзнь и что сказалъ докторъ?

Она смотрѣла на него съ насмѣшливою радостью. Видимо, она нашла еще смѣшныя и уродливыя стороны въ мужѣ и ждала времени, чтобъ ихъ высказать.

Но онъ продолжалъ:

— Я догадываюсь, что это не болѣзнь, а твое положеніе. Когда это будетъ?

Насмѣшливый блескъ потухъ въ ея глазахъ, но другая улыбка—знанія чего-то неизвѣстнаго ему и тихой грусти—замѣнила ея прежнее выраженіе.

— Скоро, скоро. Ты говорилъ, что наше положенiе мучително, что надо развязать его. Если бы ты зналъ, какъ мнѣ оно тяжело, что̀ бы я дала за то, чтобы свободно и смѣло любить тебя! Я бы не мучилась и тебя не мучила бы своею ревностью... И это будетъ скоро, но не такъ, какъ мы думаемъ.

И при мысли о томъ, какъ это будетъ, она такъ показалась жалка сама себѣ, что слезы выступили ей на глаза и она не могла продолжать. Она положила блестящую подъ лампой кольцами и бѣлизной руку на его рукавъ.

— Это не будетъ такъ, какъ мы думаемъ. Я не хотѣла тебѣ говорить этого, но ты заставилъ меня. Скоро, скоро все развяжется, и мы всѣ, всѣ успокоимся и не будемъ больше мучиться.

— Я не понимаю,—сказалъ онъ, понимая ее.

— Ты спрашивалъ—когда? Скоро. И я не переживу этого. Не перебивай!—И она заторопилась говорить.—Я знаю это и знаю вѣрно. Я умру, и очень рада, что умру и избавлю себя и васъ.

Слезы потекли у нея изъ глазъ; онъ нагнулся къ ея рукѣ и сталъ цѣловать, стараясь скрыть свое волненiе, которое, онъ зналъ, не имѣло никакого основанiя, но котораго онъ не могъ преодолѣть.

— Вотъ такъ, вотъ это лучше,—говорила она, пожимая сильнымъ движенiемъ его руку.—Вотъ одно, одно, что намъ осталось.

Онъ опомнился и поднялъ голову.

— Что за вздоръ! Что за безсмысленный вздоръ ты говоришь!

— Нѣтъ, это правда.

— Что, что правда?

— Что я умру. Я видѣла сонъ.

— Сонъ?—повторилъ Вронскiй и мгновенно вспомнилъ своего мужика во снѣ.

— Да, сонъ,—сказала она.—Давно ужъ я видѣла этотъ сонъ. Я видѣла, что я вбѣжала въ свою спальню, что мнѣ нужно тамъ взять что-то, узнать что-то: ты знаешь, какъ это бываетъ во снѣ,—говорила она, съ ужасомъ широко открывая глаза,—и въ спальнѣ въ углу стоитъ что-то...

— Ахъ, какой вздоръ! Какъ можно вѣрить...

Но она не позволила себя перебить. То, что̀ она говорила, было слишкомъ важно для нея.

— И это что-то повернулось, и я вижу, что это мужикъ съ взъерошенною бородой, маленькiй и страшный. Я хотѣла бѣжать, но онъ нагнулся надъ мѣшкомъ и руками что-то копошится тамъ...

Она представила, какъ онъ копошился въ мѣшкѣ. Ужасъ былъ на ея лицѣ. И Вронскій, вспоминая свой сонъ, чувствовалъ такой же ужасъ, наполнявшій его душу.

— Онъ копошится и приговариваетъ по-французски скоро-скоро и, знаешь, грасируетъ: Il faut le battre le fer, le broyer, le pétrir... И я отъ страха захотѣла проснуться, проснулась... но я проснулась во снѣ. И стала спрашивать себя, что̀ это значитъ? И Корней мнѣ говоритъ: «родами, родами умрете, родами, матушка»... И я проснулась...

— Какой вздоръ, какой вздоръ!—говорилъ Вронскій, но онъ самъ чувствовалъ, что не было никакой убѣдительности въ его голосѣ.

— Но не будемъ говорить. Позвони я велю подать чаю. Да подожди, теперь недолго, я...

Но вдругъ она остановилась. Выраженіе ея лица мгновенно измѣнилось. Ужасъ и волненіе вдругъ замѣнились выраженіемъ тихаго, серьезнаго и блаженнаго вниманія. Онъ не могъ понять значенія этой перемѣны. Она слышала въ себѣ движеніе новой жизни.

IV.

Алексѣй Александровичъ послѣ встрѣчи у себя на крыльцѣ съ Вронскимъ поѣхалъ, какъ и намѣренъ былъ, въ итальянскую оперу. Онъ отсидѣлъ тамъ два акта и видѣлъ всѣхъ, кого ему нужно было. Вернувшись домой, онъ внимательно осмотрѣлъ вѣшалку и, замѣтивъ, что военнаго пальто, не было, по обыкновенію прошелъ къ себѣ. Но, противно обыкновенію, онъ не легъ спать и проходилъ взадъ и впередъ по своему кабинету до трехъ часовъ ночи. Чувство гнѣва на жену, не хотѣвшую соблюдать приличій и исполнять единственное поставленное ей условіе: не принимать у себя своего любовника, не давало ему покоя. Она не исполнила его требованія, и онъ долженъ наказать ее и привести въ исполненіе свою угрозу: требовать развода и отнять сына. Онъ зналъ всѣ трудности, связанныя съ этимъ дѣломъ, но онъ сказалъ, что сдѣлаетъ это, и теперь онъ долженъ исполнить угрозу. Графиня Лидія Ивановна намекала ему, что это былъ лучшій выходъ изъ его положенія, и въ послѣднее время практика разводовъ довела это дѣло до такого усовершенствованія, что Алексѣй Александровичъ видѣлъ возможность преодолѣть формальныя трудности. Кромѣ того, бѣда одна не ходитъ, и дѣла объ устройствѣ инородцевъ и объ орошеніи полей Зарайской губерніи навлекли на Алексѣя Александ-

дровича такія непріятности по службѣ, что онъ все это послѣднее время находился въ крайнемъ раздраженіи.

Онъ не спалъ всю ночь, и гнѣвъ его, увеличиваясь въ какой-то огромной прогрессіи, дошелъ къ утру до крайнихъ предѣловъ. Онъ поспѣшно одѣлся и, какъ бы неся полную чашу гнѣва и боясь расплескать ее, боясь вмѣстѣ съ гнѣвомъ утратить энергію, нужную ему для объясненій съ женой, вошелъ къ ней, какъ только узналъ, что она встала.

Анна, думавшая, что она такъ хорошо знаетъ своего мужа, была поражена его видомъ, когда онъ вошелъ къ ней. Лобъ его былъ нахмуренъ, и глаза мрачно смотрѣли впередъ себя, избѣгая ея взгляда; ротъ былъ твердо и презрительно сжатъ. Въ походкѣ, въ движеніяхъ, въ звукѣ голоса его были рѣшительность и твердость, какихъ жена никогда не видала въ немъ. Онъ вошелъ въ комнату и, не поздоровавшись съ нею, прямо направился къ ея письменному столу и, взявъ ключи, отворилъ ящикъ.

— Что вамъ нужно?—вскрикнула она.

— Письма вашего любовника,—сказалъ онъ.

— Ихъ здѣсь нѣтъ,—сказала она, затворяя ящикъ; но по этому движенію онъ понялъ, что угадалъ вѣрно, и, грубо оттолкнувъ ея руку, быстро схватилъ портфель, въ которомъ онъ зналъ, она клала самыя нужныя бумаги. Она хотѣла вырвать портфель, но онъ оттолкнулъ ее.

— Сядьте! мнѣ нужно говорить съ вами,—сказалъ онъ, положивъ портфель подъ мышку и такъ напряженно прижавъ его локтемъ, что плечо его поднялось.

Она съ удивленіемъ и робостью молча глядѣла на него.

— Я сказалъ вамъ, что не позволю вамъ принимать вашего любовника у себя.

— Мнѣ нужно было видѣть его, чтобъ...

Она остановилась, не находя никакой выдумки.

— Не вхожу въ подробности о томъ, для чего женщинѣ нужно видѣть любовника.

— Я хотѣла, я только...—вспыхнувъ сказала она. Эта его грубость раздражила ее и придала ей смѣлости.—Неужели вы не чувствуете, какъ вамъ легко оскорблять меня?—сказала она.

— Оскорблять можно честнаго человѣка и честную женщину, но сказать вору, что онъ воръ, есть только la constatation d'un fait.

— Этой новой черты жестокости я не знала еще въ васъ.

— Вы называете жестокостью то, что мужъ предоставляетъ женѣ свободу, давая ей честный кровъ имени только подъ условіемъ соблюденія приличій. Это жестокость?

— Это хуже жестокости, это подлость, если уже вы хотите знать!—со взрывомъ злобы вскрикнула Анна и, вставъ, хотѣла уйти.

— Нѣтъ! —закричалъ онъ своимъ писклывымъ голосомъ, который поднялся теперь еще нотой выше обыкновеннаго, и, схвативъ своими большими пальцами ее за руку такъ сильно, что красные слѣды остались на ней отъ браслета, который онъ прижалъ, насильно посадилъ ее на мѣсто.—Подлость? Если вы хотите употребить это слово, то подлость — это бросить мужа, сына для любовника и ѣсть хлѣбъ мужа.

Она нагнула голову. Она не только не сказала того, что она говорила вчера любовнику, что *онъ* ея мужъ, а мужъ лишній; она и не подумала этого. Она чувствовала всю справедливость его словъ и только сказала тихо:

— Вы не можете описать мое положеніе хуже того, какъ я сама его понимаю; но зачѣмъ вы говорите все это?

— Зачѣмъ я говорю это? зачѣмъ?—продолжалъ онъ такъ же гнѣвно. — Чтобы вы знали, что, такъ какъ вы не исполнили моей воли относительно соблюденія приличій, я приму мѣры, чтобы положеніе это кончилось.

— Скоро, скоро оно кончится и такъ, — проговорила она, и опять слезы при мысли о близкой, теперь желаемой смерти выступили ей на глаза.

— Оно кончится скорѣе, чѣмъ вы придумали со своимъ любовникомъ! Вамъ нужно удовлетвореніе животной страсти...

— Алексѣй Александровичъ! я не говорю, что это не великодушно, но это непорядочно—бить лежачаго.

— Да, вы только себя помните! Но страданія человѣка, который былъ вашимъ мужемъ, вамъ не интересны. Вамъ все равно, что вся жизнь его рушилась, что онъ пеле... педе... пелестрадалъ...

Алексѣй Александровичъ говорилъ такъ скоро, что онъ запутался и никакъ не могъ выговорить этого слова. Онъ выговорилъ его подъ конецъ *пелестрадалъ*. Ей стало смѣшно и тотчасъ стыдно за то, что ей могло быть что-нибудь смѣшно въ такую минуту. И въ первый разъ она на мгновеніе почувствовала за него, перенеслась въ него и ей жалко стало его. Но что жъ она могла сказать или сдѣлать? Она опустила голову и молчала. Онъ тоже помолчалъ нѣсколько времени и заговорилъ потомъ уже менѣе писклывымъ, холоднымъ голо-

сомъ, подчеркивая произвольно избранныя, не имѣющія никакой особенной важности слова.

— Я пришелъ вамъ сказать...—сказалъ онъ.

Она взглянула на него. «Нѣтъ, это мнѣ показалось,—подумала она, вспоминая выраженіе его лица, когда онъ запутался на словѣ *пелестрадалъ*, — нѣтъ, развѣ можетъ человѣкъ съ этими мутными глазами, съ этимъ самодовольнымъ спокойствіемъ чувствовать что-нибудь».

— Я не могу ничего измѣнить,—прошептала она.

— Я пришелъ вамъ сказать, что я завтра уѣзжаю въ Москву и не вернусь болѣе въ этотъ домъ, и вы будете имѣть извѣстіе о моемъ рѣшеніи черезъ адвоката, которому я поручу дѣло развода. Сынъ же мой переѣдетъ къ сестрѣ,—сказалъ Алексѣй Александровичъ, съ усиліемъ вспоминая то, что хотѣлъ сказать о сынѣ.

— Вамъ нуженъ Сережа, чтобы сдѣлать мнѣ больно,—проговорила она, исподлобья глядя на него.—Вы не любите его... Оставьте Сережу!

— Да, я потерялъ даже любовь къ сыну, потому что съ нимъ связано мое отвращеніе къ вамъ. Но я все-таки возьму его. Прощайте!

И онъ хотѣлъ уйти, но теперь она задержала его.

— Алексѣй Александровичъ, оставьте Сережу!—прошептала она еще разъ. — Я болѣе ничего не имѣю сказать. Оставьте Сережу до моихъ... Я скоро рожу, оставьте его!

Алексѣй Александровичъ вспыхнулъ и, вырвавъ у нея руку, вышелъ молча изъ комнаты.

V.

Пріемная комната знаменитаго петербургскаго адвоката была полна, когда Алексѣй Александровичъ вошелъ въ нее. Три дамы: старушка, молодая и купчиха, три господина: одинъ — банкиръ-нѣмецъ съ перстнемъ на пальцѣ, другой—купецъ съ бородой и третій—сердитый чиновникъ въ вицмундирѣ съ крестомъ на шеѣ, очевидно давно уже ждали. Два помощника писали на столахъ, скрипя перьями. Письменныя принадлежности, до которыхъ Алексѣй Александровичъ былъ охотникъ, были необыкновенно хороши. Алексѣй Александровичъ не могъ не замѣтить этого. Одинъ изъ помощниковъ не вставая, прищурившись, сердито обратился къ Алексѣю Александровичу:

— Что вамъ угодно?

— Я имѣю дѣло до адвоката.

— Адвокатъ занятъ,—строго отвѣчалъ помощникъ, указывая перомъ на дожидавшихся, и продолжалъ писать.

— Не можетъ ли онъ найти время?—сказалъ Алексѣй Александровичъ.

— У него нѣтъ свободнаго времени, онъ всегда занятъ. Извольте подождать.

— Такъ не потрудитесь ли подать мою карточку,—достойно сказалъ Алексѣй Александровичъ, видя необходимость открыть свое инкогнито.

Помощникъ взялъ карточку и, очевидно, не одобряя ея содержанія, прошелъ въ дверь.

Алексѣй Александровичъ сочувствовалъ гласному суду въ принципѣ, но нѣкоторымъ подробностямъ его примѣненія у насъ онъ не вполнѣ сочувствовалъ, по извѣстнымъ ему высшимъ служебнымъ отношеніямъ, и осуждалъ ихъ, насколько онъ могъ осуждать что-либо высочайше утвержденное. Вся жизнь его протекла въ административной дѣятельности и потому, когда онъ не сочувствовалъ чему-либо, то несочувствіе его было смягчено признаніемъ необходимости ошибокъ и возможности исправленія въ каждомъ дѣлѣ. Въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ онъ не одобрялъ тѣхъ условій, въ которыя была поставлена адвокатура. Но онъ до сихъ поръ не имѣлъ дѣла до адвокатуры и потому не одобрялъ ея только теоретически; теперь же неодобреніе его еще усилилось тѣмъ непріятнымъ впечатлѣніемъ, которое онъ получилъ въ пріемной адвоката.

— Сейчасъ выйдутъ,—сказалъ помощникъ, и дѣйствительно черезъ двѣ минуты въ дверяхъ показалась длинная фигура стараго правовѣда, совѣщавшагося съ адвокатомъ, и самого адвоката.

Адвокатъ былъ маленькій, коренастый, плѣшивый человѣкъ съ черно-рыжеватою бородой, свѣтлыми, длинными бровями и нависшимъ лбомъ. Онъ былъ нарядѣнъ, какъ женихъ, отъ галстука и двойной цѣпочки до лаковыхъ ботинокъ. Лицо было умное, мужицкое, а нарядъ франтовской и дурного вкуса.

— Пожалуйте,—сказалъ адвокатъ, обращаясь къ Алексѣю Александровичу. И, мрачно пропустивъ мимо себя Каренина, онъ затворилъ дверь.—Не угодно ли?—Онъ указалъ на кресло у письменнаго уложеннаго бумагами стола и самъ сѣлъ на предсѣдательское мѣсто, потирая маленькія руки съ короткими, обросшими бѣлыми волосами пальцами и склонивъ на бокъ голову. Но только что онъ успокоился въ своей позѣ, какъ надъ столомъ пролетѣла моль. Адвокатъ съ быстротой, которой нельзя было ожидать отъ него, рознялъ руки, поймалъ моль и опять принялъ прежнее положеніе.

— Прежде чѣмъ начать говорить о моемъ дѣлѣ,—сказалъ Алексѣй Александровичъ, удивленно прослѣдивъ глазами за движеніемъ адвоката,—я долженъ замѣтить, что дѣло, о которомъ я имѣю говорить съ вами, должно быть тайной.

Чуть замѣтная улыбка раздвинула рыжеватые нависшіе усы адвоката.

— Я бы не былъ адвокатомъ, если бы не могъ сохранять тайны, ввѣренныя мнѣ. Но если вамъ угодно подтвержденіе...

Алексѣй Александровичъ взглянулъ на его лицо и увидалъ, что сѣрые умные глаза смѣются и какъ будто все ужъ знаютъ.

— Вы знаете мою фамилію?—продолжалъ Алексѣй Александровичъ.

— Знаю васъ и вашу полезную,—опять онъ поймалъ моль,—дѣятельность, какъ и всякій русскій,—сказалъ адвокатъ наклонившись.

Алексѣй Александровичъ вздохнулъ, сбираясь съ духомъ. Но, разъ рѣшившись, онъ уже продолжалъ своимъ пискливымъ голосомъ, не робѣя, не запинаясь и подчеркивая нѣкоторыя слова.

— Я имѣю несчастіе,—началъ Алексѣй Александровичъ,—быть обманутымъ мужемъ и желаю законно разорвать сношенія съ женой, то-есть развестись, но притомъ такъ, чтобы сынъ не оставался съ матерью.

Сѣрые глаза адвоката старались не смѣяться, но они прыгали отъ неудержимой радости, и Алексѣй Александровичъ видѣлъ, что тутъ была не одна радость человѣка, получающаго выгодный заказъ,—тутъ были торжество и восторгъ, былъ блескъ, похожій на тотъ зловѣщій блескъ, который онъ видалъ въ глазахъ жены.

— Вы желаете моего содѣйствія для совершенія развода?

— Да, именно, но долженъ предупредить васъ, что я рискую злоупотребить вашимъ вниманіемъ. Я пріѣхалъ только предварительно посовѣтоваться съ вами. Я желаю развода, но для меня важны формы, при которыхъ онъ возможенъ. Очень можетъ быть, что, если формы не совпадутъ съ моими требованіями, я откажусь отъ законнаго исканія.

— О, это всегда такъ,—сказалъ адвокатъ,—и это всегда въ вашей волѣ.

Адвокатъ опустилъ глаза на ноги Алексѣя Александровича, чувствуя, что онъ видомъ своей неудержимой радости можетъ оскорбить кліэнта. Онъ посмотрѣлъ на моль, пролетавшую предъ его носомъ, и дернулся рукой, но не поймалъ ея изъ уваженія къ положенію Алексѣя Александровича.

— Хотя въ общихъ чертахъ наши законоположенія объ этомъ предметѣ мнѣ извѣстны,—продолжалъ Алексѣй Александровичъ,—я бы желалъ знать вообще тѣ формы, въ которыхъ на практикѣ совершаются подобнаго рода дѣла.

— Вы желаете,—не поднимая глазъ, отвѣчалъ адвокатъ, не безъ удовольствія входя въ тонъ рѣчи своего кліэнта, — чтобы я изложилъ вамъ тѣ пути, по которымъ возможно исполненіе вашего желанія.

И на подтвердительное наклоненіе головы Алексѣя Александровича онъ продолжалъ, изрѣдка только взглядывая мелькомъ на покраснѣвшее пятнами лицо Алексѣя Александровича:

— Разводъ по нашимъ законамъ,—сказалъ онъ съ легкимъ оттѣнкомъ неодобренія къ нашимъ законамъ,—возможенъ, какъ вамъ извѣстно, въ слѣдующихъ случаяхъ... Подождать!—обратился онъ къ высунувшемуся въ дверь помощнику, но все-таки всталъ, сказалъ нѣсколько словъ и сѣлъ опять. — Въ слѣдующихъ случаяхъ: физическіе недостатки супруговъ, затѣмъ безвѣстная пятилѣтняя отлучка,—сказалъ онъ, загнувъ поросшій волосами короткій палецъ,—затѣмъ прелюбодѣяніе (это слово онъ произнесъ съ видимымъ удовольствіемъ). Подраздѣленія слѣдующія (онъ продолжалъ загибать свои толстые пальцы, хотя случаи и подраздѣленія, очевидно, не могли быть классифицированы вмѣстѣ): физическіе недостатки мужа или жены, затѣмъ прелюбодѣяніе мужа или жены.—Такъ какъ всѣ пальцы вышли, онъ ихъ всѣ разогнулъ и продолжалъ:—Это взглядъ теоретическій; но я полагаю, что вы сдѣлали мнѣ честь обратиться ко мнѣ для того, чтобъ узнать практическое приложеніе. И потому, руководствуясь антецедентами, я долженъ доложить вамъ, что случаи разводовъ всѣ приходятъ къ слѣдующимъ: физическихъ недостатковъ нѣтъ, какъ я могу понимать? и также безвѣстнаго отсутствія?..

Алексѣй Александровичъ утвердительно склонилъ голову.

— Приходятъ къ слѣдующимъ: прелюбодѣяніе одного изъ супруговъ и уличеніе преступной стороны по взаимному соглашенію, и помимо такого соглашенія уличеніе невольное. Долженъ сказать, что послѣдній случай рѣдко встрѣчается въ практикѣ,—сказалъ адвокатъ и, мелькомъ взглянувъ на Алексѣя Александровича, замолкъ, какъ продавецъ пистолетовъ, описавшій выгоды того и другого оружія и ожидающій выбора своего покупателя. Но Алексѣй Александровичъ молчалъ, и потому адвокатъ продолжалъ:—Самое обычное и простое разумное, я считаю, есть прелюбодѣяніе по взаимному соглашенію. Я бы не позволилъ себѣ такъ выразиться, говоря съ человѣкомъ нераз-

витымъ,—сказалъ адвокатъ,—но полагаю, что для васъ это понятно.

Алексѣй Александровичъ былъ, однако, такъ разстроенъ, что не сразу понялъ разумность прелюбодѣянія по взаимному соглашенію, и выразилъ это недоумѣніе въ своемъ взглядѣ; но адвокатъ тотчасъ же помогъ ему:

— Люди не могутъ болѣе жить вмѣстѣ—вотъ фактъ. И если оба въ этомъ согласны, то подробности и формальности становятся безразличны. А съ тѣмъ вмѣстѣ это есть простѣйшее и вѣрнѣйшее средство.

Алексѣй Александровичъ вполнѣ понялъ теперь. Но у него были религіозныя требованія, которыя мѣшали допущенію этой мѣры.

— Это внѣ вопроса въ настоящемъ случаѣ,—сказалъ онъ.—Тутъ только одинъ случай возможенъ: уличеніе невольное, подтвержденное письмами, которыя я имѣю.

При упоминаніи о письмахъ адвокатъ поджалъ губы и произвелъ тонкій, соболѣзнующій и презрительный звукъ.

— Изволите видѣть,—началъ онъ.—Дѣла этого рода рѣшаются, какъ вамъ извѣстно, духовнымъ вѣдомствомъ; отцы же протопопы въ дѣлахъ этого рода большіе охотники до мельчайшихъ подробностей,—сказалъ онъ съ улыбкой, показывающей сочувствіе вкусу протопоповъ.—Письма, безъ сомнѣнія, могутъ подтвердить отчасти; но улики должны быть добыты прямымъ путемъ, то-есть свидѣтелями. Вообще же, если вы сдѣлаете мнѣ честь удостоить меня своимъ довѣріемъ, предоставьте мнѣ же выборъ тѣхъ мѣръ, которыя должны быть употреблены. Кто хочетъ результата, тотъ допускаетъ и средства.

— Если такъ...—вдругъ поблѣднѣвъ, началъ Алексѣй Александровичъ; но въ это время адвокатъ всталъ и опять вышелъ къ двери къ перебившему его помощнику.

— Скажите ей, что мы не на дешевыхъ товарахъ!—сказалъ онъ и возвратился къ Алексѣю Александровичу.

Возвращаясь къ мѣсту, онъ поймалъ незамѣтно еще одну моль. «Хорошъ будетъ мой репсъ къ лѣту!» подумалъ онъ хмурясь.

— Итакъ, вы изволили говорить...—сказалъ онъ.

— Я сообщу вамъ свое рѣшеніе письменно,—сказалъ Алексѣй Александровичъ вставая и взялся за столъ. Постоявъненемного молча, онъ сказалъ:—Изъ словъ вашихъ я могу заключить слѣдовательно, что совершеніе развода возможно. Я просилъ бы васъ сообщить мнѣ также, какія ваши условія.

— Возможно все, если вы предоставите мнѣ полную свободу дѣйствій,—не отвѣчая на вопросъ, сказалъ адвокатъ.—Когда

я могу разсчитывать получить отъ васъ извѣстія?—спросилъ адвокатъ, подвигаясь къ двери и блестя и глазами, и лаковыми сапожками.

— Черезъ недѣлю. Отвѣтъ же вашъ о томъ, принимаете ли вы на себя ходатайство по этому дѣлу и на какихъ условіяхъ, вы будете такъ добры сообщить мнѣ.

— Очень хорошо-съ.

Адвокатъ почтительно поклонился, выпустилъ изъ двери кліэнта и, оставшись одинъ, отдался своему радостному чувству. Ему стало такъ весело, что онъ, противно своимъ правиламъ, сдѣлалъ уступку торговавшейся барынѣ и пересталъ ловить моль, окончательно рѣшивъ, что къ будущей зимѣ надо перебить мебель бархатомъ, какъ у Сигонина.

VI.

Алексѣй Александровичъ одержалъ блестящую побѣду въ засѣданіи комиссіи семнадцатаго августа, но послѣдствія этой побѣды подрѣзали его. Новая комиссія для изслѣдованія во всѣхъ отношеніяхъ быта инородцевъ была составлена и отправлена на мѣсто съ необычайною, возбуждаемою Алексѣемъ Александровичемъ, быстротой и энергіей. Черезъ три мѣсяца былъ представленъ отчетъ. Бытъ инородцевъ былъ изслѣдованъ въ политическомъ, административномъ, экономическомъ, этнографическомъ, матеріальномъ и религіозномъ отношеніяхъ. На всѣ вопросы были прекрасно изложены отвѣты, и отвѣты, не подлежавшіе сомнѣнію, такъ какъ они не были произведеніемъ всегда подверженной ошибкамъ человѣческой мысли, но всѣ были произведеніями служебной дѣятельности. Отвѣты всѣ были результатами офиціальныхъ данныхъ, донесеній губернаторовъ и архіереевъ, основанныхъ на донесеніяхъ уѣздныхъ начальниковъ и благочинныхъ, основанныхъ съ своей стороны на донесеніяхъ волостныхъ правленій и приходскихъ священниковъ, и потому всѣ эти отвѣты были несомнѣнны. Всѣ тѣ вопросы о томъ, напримѣръ, почему бываютъ неурожаи, почему жители держатся своихъ вѣрованій и т. п.,—вопросы, которые безъ удобства служебной машины не разрѣшаются и не могутъ быть разрѣшены вѣками, получили ясное, несомнѣнное разрѣшеніе. И рѣшеніе было въ пользу мнѣнія Алексѣя Александровича. Но Стремовъ, чувствуя себя задѣтымъ за живое въ послѣднемъ засѣданіи, употребилъ при полученіи донесеній комиссіи неожиданную Алексѣемъ Александровичемъ тактику. Стремовъ, увлекши за собой нѣкоторыхъ другихъ членовъ, вдругъ пере-

шелъ на сторону Алексѣя Александровича и съ жаромъ не только защищалъ приведеніе въ дѣйствіе мѣръ, предлагаемыхъ Каренинымъ, но и предлагалъ другія крайнія въ томъ же духѣ. Мѣры эти, усиленныя еще противъ того, что было основною мыслью Алексѣя Александровича, были приняты и тогда обнажилась тактика Стремова. Мѣры эти, доведенныя до крайности, вдругъ оказались такъ глупы, что въ одно и то же время и государственные люди, и общественное мнѣніе, и умныя дамы, и газеты—все обрушилось на эти мѣры, выражая свое негодованіе и противъ самыхъ мѣръ и противъ ихъ признаннаго отца, Алексѣя Александровича. Стремовъ же отстранился, дѣлая видъ, что онъ только слѣпо слѣдовалъ плану Каренина и теперь самъ удивленъ и смущенъ тѣмъ, что̀ сдѣлано. Это подрѣзало Алексѣя Александровича. Но, несмотря на падающее здоровье, несмотря на семейныя горести, Алексѣй Александровичъ не сдавался. Въ комиссіи произошелъ расколъ. Одни члены, со Стремовымъ во главѣ, оправдывали свою ошибку тѣмъ, что они повѣрили ревизіонной, руководимой Алексѣемъ Александровичемъ комиссіи, представившей донесеніе, и говорили, что донесеніе этой комиссіи есть вздоръ и только исписанная бумага. Алексѣй Александровичъ съ партіей людей, видѣвшихъ опасность такого революціоннаго отношенія къ бумагамъ, продолжалъ поддерживать данныя, выработанныя ревизіонною комиссіей. Вслѣдствіе этого въ высшихъ сферахъ и даже въ обществѣ все спуталось, и, несмотря на то, что всѣхъ это крайне интересовало, никто не могъ понять, дѣйствительно ли бѣдствуютъ и погибаютъ инородцы или процвѣтаютъ. Положеніе Алексѣя Александровича вслѣдствіе этого и отчасти вслѣдствіе павшаго на него презрѣнія за невѣрность его жены стало весьма шатко. И въ этомъ положеніи Алексѣй Александровичъ принялъ важное рѣшеніе. Онъ, къ удивленію комиссіи, объявилъ, что онъ будетъ просить разрѣшенія самому ѣхать на мѣсто для изслѣдованія дѣла. И испросивъ разрѣшеніе, Алексѣй Александровичъ отправился въ дальнія губерніи.

Отъѣздъ Алексѣя Александровича надѣлалъ много шума, тѣмъ болѣе что онъ при самомъ отъѣздѣ офиціально возвратилъ при бумагѣ прогонныя деньги, выданныя ему на двѣнадцать лошадей для проѣзда до мѣста назначенія.

— Я нахожу, что это очень благородно,—говорила про это Бетси съ княгиней Мягкой.—Зачѣмъ выдавать на почтовыхъ лошадей, когда всѣ знаютъ, что вездѣ теперь желѣзныя дороги?

Но княгиня Мягкая была несогласна, и мнѣніе княгини Тверской даже раздражило ее.

— Вамъ хорошо говорить,—сказала она,—когда у васъ милліоны я не знаю какіе, а я очень люблю, когда мужъ ѣздитъ ревизовать лѣтомъ. Ему очень здорово и пріятно проѣхаться, а у меня ужъ такъ заведено, что на эти деньги у меня экипажъ и извозчикъ содержится.

Проѣздомъ въ дальнія губерніи Алексѣй Александровичъ остановился на три дня въ Москвѣ.

На другой день своего пріѣзда онъ поѣхалъ съ визитомъ къ генералъ-губернатору. На перекресткѣ у Газетнаго переулка, гдѣ всегда толпятся экипажи и извозчики, Алексѣй Александровичъ вдругъ услыхалъ свое имя, выкрикиваемое такимъ громкимъ и веселымъ голосомъ, что онъ не могъ не оглянуться. На углу тротуара въ короткомъ модномъ пальто, съ короткою модною шляпой набекрень, сіяя улыбкой бѣлыхъ зубовъ между красными губами, веселый, молодой, сіяющій, стоялъ Степанъ Аркадьевичъ, рѣшительно и настоятельно кричавшій и требовавшій остановки. Онъ держался одною рукой за окно остановившейся на углу кареты, изъ которой высовывались женская голова въ бархатной шляпѣ и двѣ дѣтскія головки, и улыбался и манилъ рукой зятя. Дама улыбалась доброю улыбкой и тоже махала рукой Алексѣю Александровичу. Это была Долли съ дѣтьми.

Алексѣй Александровичъ никого не хотѣлъ видѣть въ Москвѣ, а менѣе всего брата своей жены. Онъ приподнялъ шляпу и хотѣлъ проѣхать, но Степанъ Аркадьевичъ велѣлъ его кучеру остановиться и подбѣжалъ къ нему черезъ снѣгъ.

— Ну, какъ не грѣхъ не прислать сказать! Давно ли? А я вчера былъ у Дюссо и вижу на доскѣ: «Каренинъ», а мнѣ и въ голову не пришло, что это ты!—говорилъ Степанъ Аркадьевичъ, всовываясь съ головой въ окно кареты.—А то я бы зашелъ. Какъ я радъ тебя видѣть!—говорилъ онъ, похлопывая ногу объ ногу, чтобы отряхнуть съ нихъ снѣгъ.—Какъ не грѣхъ не дать знать!—повторилъ онъ.

— Мнѣ некогда было, я очень занятъ,—сухо отвѣтилъ Алексѣй Александровичъ.

— Пойдемъ же къ женѣ, она такъ хочетъ тебя видѣть.

Алексѣй Александровичъ развернулъ пледъ, подъ которымъ были закутаны его зябкія ноги, и выйдя изъ кареты, пробрался черезъ снѣгъ къ Дарьѣ Александровнѣ.

— Что же это, Алексѣй Александровичъ, за что вы насъ такъ обходите?—сказала Долли улыбаясь.

— Я очень занятъ былъ. Очень радъ васъ видѣть,—сказалъ онъ тономъ, который ясно говорилъ, что онъ огорченъ этимъ.—Какъ ваше здоровье?

— Ну, что моя милая Анна?

Алексѣй Александровичъ промычалъ что-то и хотѣлъ уйти. Но Степанъ Аркадьевичъ остановилъ его.

— А вотъ что мы сдѣлаемъ завтра. Долли, зови его обѣдать! Позовемъ Кознышева и Песцова, чтобъ его угостить московскою интеллигенціей.

— Такъ пожалуйста пріѣзжайте,—сказала Долли,—мы васъ будемъ ждать въ пять, въ шесть часовъ, если хотите. Ну, что моя милая Анна? Какъ давно...

— Она здорова,—хмурясь промычалъ Алексѣй Александровичъ.—Очень радъ!—и онъ направился къ своей каретѣ.

— Будете? — прокричала Долли.

Алексѣй Александровичъ проговорилъ что-то, чего Долли не могла разслышать въ шумѣ двигавшихся экипажей.

— Я завтра заѣду! — прокричалъ ему Степанъ Аркадьевичъ.

Алексѣй Александровичъ сѣлъ въ карету и углубился въ нее такъ, чтобы не видать и не быть видимымъ.

— Чудакъ! — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ женѣ и, взглянувъ на часы, сдѣлалъ предъ лицомъ движеніе рукой, означающее ласку женѣ и дѣтямъ, и молодецки пошелъ по тротуару.

— Стива! Стива! — закричала Долли покраснѣвъ.

Онъ обернулся.

— Мнѣ вѣдь нужно пальто Гришѣ купить и Танѣ. Дай же мнѣ денегъ.

— Ничего, ты скажи, что я отдамъ!—и онъ скрылся, весело кивнувъ головой проѣзжавшему знакомому.

VII.

На другой день было воскресенье. Степанъ Аркадьевичъ заѣхалъ въ Большой театръ на репетицію балета и передалъ Машѣ Чибисовой, хорошенькой, вновь поступившей по его протекціи танцовщицѣ, обѣщанные наканунѣ коральки и за кулисой въ денной темнотѣ театра успѣлъ поцѣловать ея хорошенькое, просіявшее отъ подарка личико. Кромѣ подарка коральковъ, ему нужно было условиться съ ней о свиданіи послѣ балета. Объяснивъ ей, что ему нельзя быть къ началу балета, онъ обѣщался, что пріѣдетъ къ послѣднему акту и свезетъ ее ужинать. Изъ театра Степанъ Аркадьевичъ заѣхалъ въ Охотный рядъ, самъ выбралъ рыбу и спаржу къ обѣду и въ 12 ча-

совъ былъ уже у Дюссо, гдѣ ему нужно было быть у троихъ, какъ на его счастіе, стоявшихъ въ одной гостиницѣ: у Левина, остановившагося тутъ и недавно пріѣхавшаго изъ-за границы, у новаго своего начальника, только что поступившаго на это высщее мѣсто и ревизовавшаго Москву, и у зятя Каренина, чтобы его непремѣнно привезти обѣдать.

Степанъ Аркадьевичъ любилъ пообѣдать, но еще болѣе любилъ дать обѣдъ, небольшой, но утонченный и по ѣдѣ, и питью, и по выбору гостей. Программа нынѣшняго обѣда ему очень понравилась: будутъ окуни живые, спаржа и la pièce de résistance—чудесный, но простой ростбифъ, и сообразныя вина: это изъ ѣды и питья. А изъ гостей будутъ Кити и Левинъ и, чтобы незамѣтно это было, будетъ еще кузина и Щербацкій молодой, и la pièce de résistance изъ гостей — Кознышевъ Сергѣй и Алексѣй Александровичъ. Сергѣй Ивановичъ—москвичъ и философъ, Алексѣй Александровичъ — петербуржецъ и практикъ, да позоветъ еще извѣстнаго чудака-энтузіаста Песцова, либерала, говоруна, музыканта, историка и милѣйшаго пятидесятилѣтняго юношу, который будетъ соусъ или гарниръ къ Кознышеву и Каренину. Онъ будетъ раззадоривать и стравлять ихъ.

Деньги отъ купца за лѣсъ по второму сроку были получены и еще не издержаны, Долли была очень мила и добра послѣднее время, и мысль этого обѣда во всѣхъ отношеніяхъ радовала Степана Аркадьевича. Онъ находился въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Были два обстоятельства немножко непріятныя; но оба эти обстоятельства тонули въ морѣ добродушнаго веселья, которое волновалось въ душѣ Степана Аркадьевича. Эти два обстоятельства были: первое то, что вчера онъ, встрѣтивъ на улицѣ Алексѣя Александровича, замѣтилъ, что онъ сухъ и строгъ съ нимъ, и, сведя это выраженіе лица Алексѣя Александровича и то, что онъ не пріѣхалъ къ нимъ и не далъ знать о себѣ, съ тѣми толками, которые онъ слышалъ объ Аннѣ и Вронскомъ, Степанъ Аркадьевичъ догадался, что что-то неладно между мужемъ и женой.

Это было одно непріятное. Другое немножко непріятное было то, что новый начальникъ, какъ всѣ новые начальники, имѣлъ уже репутацію страшнаго человѣка, встающаго въ 6 часовъ утра, работающаго какъ лошадь и требующаго такой же работы отъ своихъ подчиненныхъ. Кромѣ того, новый начальникъ этотъ еще имѣлъ репутацію медвѣдя въ обращеніи и былъ, по слухамъ, человѣкъ совершенно противоположнаго направленія тому, къ которому принадлежалъ прежній начальникъ и до сихъ поръ

принадлежалъ самъ Степанъ Аркадьевичъ. Вчера Степанъ Аркадьевичъ являлся по службѣ въ мундирѣ, и новый начальникъ былъ очень любезенъ и разговорился съ Облонскимъ, какъ съ знакомымъ; поэтому Степанъ Аркадьевичъ считалъ своею обязанностью сдѣлать ему визитъ въ сюртукѣ. Мысль о томъ, что новый начальникъ можетъ нехорошо принять его, было это другое непріятное обстоятельство. Но Степанъ Аркадьевичъ инстинктивно чувствовалъ, что все *образуется* прекрасно. «Всѣ люди, всѣ человѣки, какъ и мы грѣшные: изъ чего злиться и ссориться?» думалъ онъ, входя въ гостиницу.

— Здорово, Василій,—говорилъ онъ, въ шляпѣ набекрень проходя по коридору и обращаясь къ знакомому лакею,—ты бакенбарды отпустилъ? Левинъ—7-й нумеръ, а? Проводи пожалуйста. Да узнай, графъ Аничкинъ (это былъ новый начальникъ) приметъ ли?

— Слушаю-съ!—улыбаясь отвѣчалъ Василій.—Давно къ намъ не жаловали.

— Я вчера былъ, только съ другого подъѣзда. Это 7-й?

Левинъ стоялъ съ тверскимъ мужикомъ посрединѣ номера и аршиномъ мѣрилъ свѣжую медвѣжью шкуру, когда вошелъ Степанъ Аркадьевичъ.

— А, убили?—крикнулъ Степанъ Аркадьевичъ.—Славная штука! Медвѣдица? Здравствуй, Архипъ!

Онъ пожалъ руку мужику и присѣлъ на стулъ, не снимая пальто и шляпы.

— Да сними же, посиди!—снимая съ него шляпу, сказалъ Левинъ.

— Нѣтъ, мнѣ некогда, я только на одну секундочку,—отвѣчалъ Степанъ Аркадьевичъ. Онъ распахнулъ пальто, но потомъ снялъ его и просидѣлъ цѣлый часъ, разговаривая съ Левинымъ объ охотѣ и самыхъ задушевныхъ предметахъ.—Ну, скажи же пожалуйста, что ты дѣлалъ за границей? гдѣ былъ?—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, когда мужикъ вышелъ.

— Да я жилъ въ Германіи, въ Пруссіи, во Франціи, въ Англіи, но не въ столицахъ, а въ фабричныхъ городахъ, и много видѣлъ новаго. И радъ, что былъ.

— Да, я знаю твою мысль устройства рабочаго.

— Совсѣмъ нѣтъ: въ Россіи не можетъ быть вопроса рабочаго. Въ Россіи вопросъ отношенія рабочаго народа къ землѣ; онъ и тамъ есть, но тамъ это—починка испорченнаго, а у насъ...

Степанъ Аркадьевичъ внимательно слушалъ Левина.

— Да, да! — говорилъ онъ. — Очень можетъ быть, что ты правъ,—сказалъ онъ.—Но я радъ, что ты въ бодромъ духѣ:

и за медвѣдями ѣздишь, и работаешь, и увлекаешься. А то мнѣ Щербацкій говорилъ,—онъ тебя встрѣтилъ,—что ты въ какомъ-то уныніи, все о смерти говоришь...

— Да что же? я не перестаю думать о смерти,—сказалъ Левинъ.—Правда, что умирать пора и что все это вздоръ. Я по правдѣ тебѣ скажу: и мыслію своею и работой ужасно дорожу, но въ сущности ты подумай объ этомъ, вѣдь весь этотъ міръ нашъ—это маленькая плѣсень, которая наросла на крошечной планетѣ. А мы думаемъ, что у насъ можетъ быть что-нибудь великое—мысли, дѣла! Все это песчинки.

— Да это, братъ, старо, какъ міръ!

— Старо, но, знаешь, когда это поймешь ясно, то какъ-то все дѣлается ничтожно. Когда поймешь, что нынче-завтра умрешь и ничего не останется, то такъ все ничтожно! И я считаю очень важною свою мысль, а она оказывается такъ же ничтожною, если бы даже исполнить ее, какъ обойти эту медвѣдицу. Такъ и проводишь жизнь, развлекаясь охотой, работой, чтобы только не думать о смерти.

Степанъ Аркадьевичъ тонко и ласково улыбался, слушая Левина.

— Ну, разумѣется! Вотъ ты и пришелъ ко мнѣ; помнишь, ты нападалъ на меня за то, что я ищу въ жизни наслажденій? Не будь, о, моралистъ, такъ строгъ!..

— Нѣтъ, все-таки въ жизни хорошее есть то...—Левинъ запутался.—Да я не знаю. Знаю только, что помремъ скоро.

— Зачѣмъ же скоро?

— И знаешь, прелести въ жизни меньше, когда думаешь о смерти, но спокойнѣе.

— Напротивъ, напослѣдяхъ еще веселѣе. Ну, однако мнѣ пора,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, вставая въ десятый разъ.

— Да нѣтъ, посиди!—говорилъ Левинъ, удерживая его.—Теперь когда же увидимся? Я завтра ѣду.

— Я-то хорошъ! Я за тѣмъ пріѣхалъ... Непремѣнно пріѣзжай нынче ко мнѣ обѣдать. Братъ твой будетъ, Каренинъ, мой зять, будетъ.

— Развѣ онъ здѣсь?—сказалъ Левинъ и хотѣлъ спросить про Кити. Онъ слышалъ, что она была въ началѣ зимы въ Петербургѣ у своей сестры, жены дипломата, и не зналъ, вернулась она или нѣтъ, но раздумалъ спрашивать. «Будетъ, не будетъ—все равно».

— Такъ пріѣдешь?

— Ну, разумѣется.

— Такъ въ пять часовъ и въ сюртукѣ.

И Степанъ Аркадьевичъ всталъ и пошелъ внизъ къ новому начальнику. Инстинктъ не обманулъ Степана Аркадьевича. Новый страшный начальникъ оказался весьма обходительнымъ человѣкомъ, и Степанъ Аркадьевичъ позавтракалъ съ нимъ и засидѣлся такъ, что только въ четвертомъ часу попалъ къ Алексѣю Александровичу.

VIII.

Алексѣй Александровичъ, вернувшись отъ обѣдни, проводилъ все утро дома. Въ это утро ему предстояло два дѣла: во-первыхъ, принять и направить отправляющуюся въ Петербургъ и находившуюся теперь въ Москвѣ депутацію инородцевъ; во-вторыхъ, написать обѣщанное письмо адвокату. Депутація, хотя и вызванная по иниціативѣ Алексѣя Александровича, представляла много неудобствъ и даже опасностей, и Алексѣй Александровичъ былъ очень радъ, что засталъ ее въ Москвѣ. Члены этой депутаціи не имѣли ни малѣйшаго понятія о своей роли и обязанности. Они были наивно увѣрены, что ихъ дѣло состоитъ въ томъ, чтобы излагать свои нужды и настоящее положеніе вещей, прося помощи правительства, и рѣшительно не понимали, что нѣкоторыя заявленія и требованія ихъ поддерживали враждебную партію и потому губили все дѣло. Алексѣй Александровичъ долго возился съ ними, написалъ имъ программу, изъ которой они не должны были выходить, и, отпустивъ ихъ, написалъ письма въ Петербургъ для направленія депутаціи. Главнымъ помощникомъ въ этомъ дѣлѣ должна была быть графиня Лидія Ивановна. Она была спеціалистка въ дѣлѣ депутацій, и никто, какъ она, не умѣлъ муссировать и давать настоящее направленіе депутаціямъ. Окончивъ это, Алексѣй Александровичъ написалъ и письмо адвокату. Онъ безъ малѣйшаго колебанія далъ ему разрѣшеніе дѣйствовать по его благоусмотрѣнію. Въ письмо онъ вложилъ три записки Вронскаго къ Аннѣ, которыя нашлись въ отнятомъ портфелѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Алексѣй Александровичъ выѣхалъ изъ дома съ намѣреніемъ не возвращаться въ семью, и съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ у адвоката и сказалъ хоть одному человѣку о своемъ намѣреніи, съ тѣхъ поръ особенно, какъ онъ перевелъ это дѣло жизни въ дѣло бумажное, онъ все больше и больше привыкалъ къ своему намѣренію и видѣлъ теперь ясно возможность его исполненія.

Онъ запечатывалъ конвертъ къ адвокату, когда услыхалъ громкіе звуки голоса Степана Аркадьевича. Степанъ Аркадьевичъ

спорилъ со слугой Алексѣя Александровича и настаивалъ на томъ, чтобы о немъ было доложено.

«Все равно, — подумалъ Алексѣй Александровичъ, — тѣмъ лучше: я сейчасъ объявлю о своемъ положеніи въ отношеніи къ его сестрѣ и объясню, почему я не могу обѣдать у него».

— Проси! — громко проговорилъ онъ, сбирая бумаги и укладывая ихъ въ бюваръ.

— Ну вотъ видишь ли, что ты врешь, и онъ дома! — отвѣтилъ голосъ Степана Аркадьевича лакею, не пускавшему его, и, на ходу снимая пальто, Облонскій вошелъ въ комнату. — Ну, я очень радъ, что засталъ тебя. Такъ я надѣюсь... — весело началъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Я не могу быть, — холодно, стоя и не сажая гостя, сказалъ Алексѣй Александровичъ.

Алексѣй Александровичъ думалъ тотчасъ стать въ тѣ холодныя отношенія, въ которыхъ онъ долженъ былъ быть съ братомъ жены, противъ которой онъ начиналъ дѣло развода; но онъ не разсчитывалъ на то море добродушія, которое выливалось изъ береговъ въ душѣ Степана Аркадьевича.

Степанъ Аркадьевичъ широко открылъ свои блестящіе, ясные глаза.

— Отчего ты не можешь? Что ты хочешь сказать? — съ недоумѣніемъ сказалъ онъ по-французски. — Нѣтъ, ужъ это обѣщано. И мы всѣ разсчитываемъ на тебя.

— Я хочу сказать, что не могу быть у васъ, потому что тѣ родственныя отношенія, которыя были между нами должны прекратиться.

— Какъ? то-есть какъ же? почему? — съ улыбкой проговорилъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Потому что я начинаю дѣло развода съ вашею сестрой, моею женой. Я долженъ былъ...

Но Алексѣй Александровичъ еще не успѣлъ окончить своей рѣчи, какъ Степанъ Аркадьевичъ уже поступилъ совсѣмъ не такъ, какъ онъ ожидалъ. Степанъ Аркадьевичъ охнулъ и сѣлъ въ кресло.

— Нѣтъ, Алексѣй Александровичъ, что ты говоришь! — вскрикнулъ Облонскій, и страданіе выразилось на его лицѣ.

— Это такъ.

— Извини меня, я не могу и не могу этому вѣрить...

Алексѣй Александровичъ сѣлъ, чувствуя, что слова его не имѣли того дѣйствія, которое онъ ожидалъ, и что ему необходимо нужно будетъ объясняться и что, какія бы ни были его объясненія, отношенія его къ шурину останутся тѣ же.

— Да, я поставленъ въ тяжелую необходимость требовать развода, — сказалъ онъ.

— Я одно скажу, Алексѣй Александровичъ. Я знаю тебя за отличнаго, справедливаго человѣка, знаю Анну — извини меня, я не могу перемѣнить о ней мнѣнія — за прекрасную, отличную женщину и потому, извини меня, я не могу вѣрить этому. Тутъ есть недоразумѣніе, — сказалъ онъ.

— Да, если бы это было только недоразумѣніе.

— Позволь, я понимаю, — перебилъ Степанъ Аркадьевичъ.— Но, разумѣется... Одно: не надо торопиться. Не надо, не надо торопиться!

— Я не торопился, — холодно сказалъ Алексѣй Александровичъ, — а совѣтоваться въ такомъ дѣлѣ ни съ кѣмъ нельзя. Я твердо рѣшилъ.

— Это ужасно! — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, тяжело вздохнувъ. — Я бы одно сдѣлалъ, Алексѣй Александровичъ. Умоляю тебя, сдѣлай это! — сказалъ онъ. — Дѣло еще не начато, какъ я понялъ. Прежде чѣмъ ты начнешь дѣло, повидайся съ моею женой, поговори съ ней. Она любитъ Анну какъ сестру, любитъ тебя, и она удивительная женщина. Ради Бога, поговори съ ней! Сдѣлай мнѣ эту дружбу, я умоляю тебя!

Алексѣй Александровичъ задумался, и Степанъ Аркадьевичъ съ участіемъ смотрѣлъ на него, не прерывая его молчанія.

— Ты съѣздишь къ ней?

— Да я не знаю. Я потому не былъ у васъ. Я полагаю, что наши отношенія должны измѣниться.

— Отчего же? Я не вижу этого. Позволь мнѣ думать, что, помимо нашихъ родственныхъ отношеній, ты имѣешь ко мнѣ, хоть отчасти, тѣ дружескія чувства, которыя я всегда имѣлъ къ тебѣ... И истинное уваженіе, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, пожимая его руку. — Если бы даже худшія предположенія твои были справедливы, я не беру и никогда не возьму на себя судить ту или другую сторону и не вижу причины, почему наши отношенія должны измѣниться. Но теперь, сдѣлай это, пріѣзжай къ женѣ.

— Ну, мы разно смотримъ на это дѣло, — холодно сказалъ Алексѣй Александровичъ. — Впрочемъ, не будемъ говорить объ этомъ.

— Нѣтъ, почему же тебѣ не пріѣхать хоть нынче обѣдать? Жена ждетъ тебя. Пожалуйста, пріѣзжай. И главное, — переговори съ ней. Она удивительная женщина. Ради Бога, на колѣняхъ умоляю тебя!

— Если вы такъ хотите этого, я пріѣду, — вздохнувъ сказалъ Алексѣй Александровичъ.

И, желая перемѣнить разговоръ, онъ спросилъ о томъ, что интересовало ихъ обоихъ: о новомъ начальникѣ Степана Аркадьевича, еще не старомъ человѣкѣ, получившемъ вдругъ такое высокое назначеніе.

Алексѣй Александровичъ и прежде не любилъ графа Аничкина и всегда расходился съ нимъ въ мнѣніяхъ, но теперь не могъ удержаться отъ понятной для служащихъ ненависти человѣка, потерпѣвшаго пораженіе на службѣ, къ человѣку, получившему повышеніе.

— Ну что, видѣлъ ты его? — сказалъ Алексѣй Александровичъ съ ядовитою усмѣшкой.

— Какъ же, онъ вчера былъ у насъ въ присутствіи. Онъ, кажется, знаетъ дѣло отлично и очень дѣятеленъ.

— Да, но на что направлена его дѣятельность? — сказалъ Алексѣй Александровичъ. — На то ли, чтобы дѣлать дѣло, или передѣлывать то, что сдѣлано? Несчастіе нашего государства— это бумажная администрація, которой онъ достойный представитель.

— Право, я не знаю, что въ немъ можно осуждать. Направленія его я не знаю, но одно — онъ отличный малый, — отвѣчалъ Степанъ Аркадьевичъ. — Я сейчасъ былъ у него, и право—отличный малый. Мы позавтракали, и я его научилъ дѣлать—знаешь это питье — вино съ апельсинами. Это очень прохлаждаетъ. И удивительно, что онъ не зналъ этого. Ему очень понравилось. Нѣтъ, право, онъ славный малый.

Степанъ Аркадьевичъ взглянулъ на часы.

— Ахъ, батюшки, ужъ пятый, а мнѣ еще къ Долговушину! Такъ, пожалуйста, пріѣзжай обѣдать. Ты не можешь себѣ представить, какъ ты меня огорчишь и жену.

Алексѣй Александровичъ проводилъ шурина совсѣмъ уже не такъ, какъ онъ его встрѣтилъ.

— Я обѣщалъ и пріѣду, — отвѣчалъ онъ уныло.

— Повѣрь, что я цѣню, и, надѣюсь, ты не раскаешься, — отвѣчалъ улыбаясь Степанъ Аркадьевичъ.

И, на ходу надѣвая пальто, онъ задѣлъ рукой по головѣ лакея, засмѣялся и вышелъ.

— Въ пять часовъ и въ сюртукѣ, пожалуйста! — крикнулъ онъ еще разъ, возвращаясь къ двери.

IX.

Ужъ былъ шестой часъ, и уже нѣкоторые гости пріѣхали, когда пріѣхалъ и самъ хозяинъ. Онъ вошелъ вмѣстѣ съ Сергѣемъ

Ивановичемъ Кознышевымъ и Песцовымъ, которые въ одно время столкнулись у подъѣзда. Это были два главные представителя московской интеллигенціи, какъ называлъ ихъ Облонскій. Оба были люди уважаемые и по характеру, и по уму. Они уважали другъ друга, но почти во всемъ были совершенно и безнадежно несогласны между собой — не потому, чтобъ они принадлежали къ противоположнымъ направленіямъ, но именно потому, что были одного лагеря (враги ихъ смѣшивали въ одно), но въ этомъ лагерѣ имѣли каждый свой оттѣнокъ. А такъ какъ нѣтъ ничего неспособнѣе къ соглашенію, какъ разномысліе въ полуотвлеченностяхъ, то они не только никогда не сходились въ мнѣніяхъ, но привыкли уже давно, не сердясь, только посмѣиваться неисправимому заблужденію одинъ другого.

Они входили въ дверь, разговаривая о погодѣ, когда Степанъ Аркадьевичъ догналъ ихъ. Въ гостиной сидѣли уже князь Александръ Дмитріевичъ Облонскій, молодой Щербацкій, Туровцынъ, Кити и Каренинъ.

Степанъ Аркадьевичъ тотчасъ же увидалъ, что въ гостиной безъ него дѣло идетъ плохо. Дарья Александровна, въ своемъ парадномъ сѣромъ шелковомъ платьѣ, очевидно озабоченная и дѣтьми, которыя должны обѣдать въ дѣтской одни, и тѣмъ, что мужа еще нѣтъ, не сумѣла безъ него хорошенько перемѣшать все это общество. Всѣ сидѣли, какъ поповны въ гостяхъ (какъ выражался старый князь), очевидно въ недоумѣніи, зачѣмъ они сюда попали, выжимая слова, чтобы не молчать. Добродушный Туровцынъ, очевидно, чувствовалъ себя не въ своей сферѣ, и улыбка толстыхъ губъ, съ которою онъ встрѣтилъ Степана Аркадьевича, какъ словами, говорила: «ну, братъ, засадилъ ты меня съ умными! Вотъ выпить и въ Château des fleurs — это по моей части». Старый князь сидѣлъ молча, съ боку поглядывая своими блестящими глазками на Каренина, и Степанъ Аркадьевичъ понялъ, что онъ придумалъ уже какое-нибудь словцо, чтобъ отпечатать этого государственнаго мужа, на котораго, какъ на стерлядь, зовутъ въ гости. Кити смотрѣла на дверь, сбираясь съ силами, чтобы не покраснѣть при входѣ Константина Левина. Молодой Щербацкій, съ которымъ не познакомили Каренина, старался показать, что это нисколько его не стѣсняетъ. Самъ Каренинъ былъ по петербургской привычкѣ на обѣдѣ съ дамами во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, и Степанъ Аркадьевичъ по его лицу понялъ, что онъ пріѣхалъ, только чтобъ исполнить данное слово, и, присутствуя въ этомъ обществѣ, совершалъ тяжелый долгъ. Онъ-то былъ главнымъ виновникомъ холода, заморозившаго всѣхъ гостей до пріѣзда Степана Аркадьевича.

Войдя въ гостиную, Степанъ Аркадьевичъ извинился, объяснилъ, что былъ задержанъ тѣмъ княземъ, который былъ всегдашнимъ козломъ-искупителемъ всѣхъ его опаздываній и отлучекъ, и въ одну минуту всѣхъ перезнакомилъ и, сведя Алексѣя Александровича съ Сергѣемъ Кознышевымъ, подпустилъ имъ тему объ обрусеніи Польши, за которую они тотчасъ уцѣпились вмѣстѣ съ Песцовымъ. Потрепавъ по плечу Туровцына, онъ шепнулъ ему что-то смѣшное и подсадилъ его къ женѣ и къ князю. Потомъ сказалъ Кити о томъ, что она очень хороша сегодня, и познакомилъ Щербацкаго съ Каренинымъ. Въ одну минуту онъ такъ перемѣсилъ все это общественное тѣсто, что стала гостиная хоть куда, и голоса оживленно зазвучали. Одного Константина Левина не было. Но это было къ лучшему, потому что, выйдя въ столовую, Степанъ Аркадьевичъ къ ужасу своему увидалъ, что портвейнъ и хересъ взяты отъ Депре, а не отъ Леве, и онъ, распорядившись послать кучера какъ можно скорѣе къ Леве, направился опять въ гостиную.

Въ столовой ему встрѣтился Константинъ Левинъ.

— Я не опоздалъ?

— Развѣ ты можешь не опоздать! — взявъ его подъ руку, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— У тебя много народа? Кто да кто? — невольно краснѣя, спросилъ Левинъ, обивая перчаткой снѣгъ съ шапки.

— Все свои. Кити тутъ. Пойдемъ же, я тебя познакомлю съ Каренинымъ.

Степанъ Аркадьевичъ, несмотря на свою либеральность, зналъ, что знакомство съ Каренинымъ не можетъ не быть лестно, и потому угощалъ этимъ лучшихъ пріятелей. Но въ эту минуту Константинъ Левинъ не въ состояніи былъ чувствовать всего удовольствія этого знакомства. Онъ не видалъ Кити послѣ памятнаго ему вечера, на которомъ онъ встрѣтилъ Вронскаго, если не считать ту минуту, когда онъ увидалъ ее на большой дорогѣ. Онъ въ глубинѣ души зналъ, что онъ ее увидитъ нынче здѣсь. Но онъ, поддерживая въ себѣ свободу мысли, старался увѣрить себя, что онъ не знаетъ этого. Теперь же, когда онъ услыхалъ, что она тутъ, онъ вдругъ почувствовалъ такую радость и вмѣстѣ такой страхъ, что ему захватило дыханіе и онъ не могъ выговорить того, что хотѣлъ сказать.

«Какая, какая она? Та ли, какая была прежде, или та, какая была въ каретѣ? Что если правду говорила Дарья Александровна? Отчего же и не правда?» думалъ онъ.

— Ахъ, пожалуйста, познакомь меня съ Каренинымъ, — съ трудомъ выговорилъ онъ и отчаянно-рѣшительнымъ шагомъ вошелъ въ гостиную и увидѣлъ ее.

Она была ни такая, какъ прежде, ни такая, какъ была въ каретѣ, — она была совсѣмъ другая.

Она была испуганная, робкая, пристыженная и оттого еще болѣе прелестная. Она увидала его въ то же мгновеніе, какъ онъ вошелъ въ комнату. Она ждала его. Она обрадовалась и смутилась отъ своей радости до такой степени, что была минута, именно та, когда онъ подходилъ къ хозяйкѣ и опять взглянулъ на нее, что и ей, и ему, и Долли, которая все видѣла, казалось, что она не выдержитъ и заплачетъ. Она покраснѣла, поблѣднѣла, опять покраснѣла и замерла, чуть вздрагивая губами, ожидая его. Онъ подошелъ къ ней, поклонился и молча протянулъ руку. Если бы не легкое дрожаніе губъ и влажность, покрывавшая глаза и прибавившая имъ блеска, улыбка ея была почти спокойна, когда она сказала:

— Какъ мы давно не видались! — и она съ отчаянною рѣшительностью пожала своею холодною рукой его руку.

— Вы не видали меня, а я видѣлъ васъ, — сказалъ Левинъ, сіяя улыбкой счастія. — Я видѣлъ васъ, когда вы съ желѣзной дороги ѣхали въ Ергушово.

— Когда? — спросила она съ удивленіемъ.

— Вы ѣхали въ Ергушово, — говорилъ Левинъ, чувствуя, что онъ захлебывается отъ счастія, которое заливаетъ его душу. «И какъ я смѣлъ соединять мысль о чемъ-нибудь не невинномъ съ этимъ трогательнымъ существомъ! И да, кажется, правда то, что̀ говорила Дарья Александровна», думалъ онъ.

Степанъ Аркадьевичъ взялъ его за руку и подвелъ къ Каренину.

— Позвольте васъ познакомить. — Онъ назвалъ ихъ имена.

— Очень пріятно опять встрѣтиться,— холодно сказалъ Алексѣй Александровичъ, пожимая руку Левину.

— Вы знакомы? — съ удивленіемъ спросилъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Мы провели вмѣстѣ три часа въ вагонѣ, — улыбаясь сказалъ Левинъ, — но вышли, какъ изъ маскарада, заинтригованные, — я, по крайней мѣрѣ.

— Вотъ какъ! Милости просимъ, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, указывая по направленію къ столовой.

Мужчины вышли въ столовую и подошли къ столу съ закуской, уставленному шестью сортами водокъ и столькими же сортами сыровъ съ серебряными лопаточками и безъ лопаточекъ, икрами, селедками, консервами разныхъ сортовъ и тарелками съ ломтиками французскаго хлѣба.

Мужчины стояли около пахучихъ водокъ и закусокъ, и разговоръ объ обрусеніи Польши между Сергѣемъ Ивановичемъ Кознышевымъ, Каренинымъ и Песцовымъ затихалъ въ ожиданіи обѣда.

Сергѣй Ивановичъ, умѣвшій, какъ никто, для окончанія самаго отвлеченнаго и серьезнаго спора неожиданно подсыпать аттической соли и этимъ измѣнять настроеніе собесѣдниковъ, сдѣлалъ это и теперь.

Алексѣй Александровичъ доказывалъ, что обрусеніе Польши можетъ совершиться только вслѣдствіе высшихъ принциповъ, которые должны быть внесены русскою администраціей.

Песцовъ настаивалъ на томъ, что одинъ народъ ассимилируетъ себѣ другой, только когда онъ гуще населенъ.

Кознышевъ признавалъ то и другое, но съ ограниченіями. Когда же они выходили изъ гостиной, чтобы заключить разговоръ, Кознышевъ сказалъ улыбаясь:

— Поэтому для обрусенія инородцевъ есть одно средство — выводить какъ можно больше дѣтей. Вотъ мы съ братомъ хуже всѣхъ дѣйствуемъ. А вы, господа женатые люди, въ особенности вы, Степанъ Аркадьевичъ, дѣйствуете вполнѣ патріотически; у васъ сколько? — обратился онъ, ласково улыбаясь хозяину и подставляя ему крошечную рюмочку.

Всѣ засмѣялись, и въ особенности весело Степанъ Аркадьевичъ.

— Да вотъ это самое лучшее средство! — сказалъ онъ, прожевывая сыръ и наливая какую-то особеннаго сорта водку въ подставленную рюмку. Разговоръ дѣйствительно прекратился на шуткѣ.

— Этотъ сыръ не дуренъ. Прикажете? — говорилъ хозяинъ.— Неужели ты опять былъ на гимнастикѣ? — обратился онъ къ Левину, лѣвою рукой ощупывая его мышцу. Левинъ улыбнулся, напружилъ руку, и подъ пальцами Степана Аркадьевича, какъ круглый сыръ, поднялся стальной бугоръ изъ-подъ тонкаго сукна сюртука.

— Вотъ бицепсъ-то! Самсонъ!

— Я думаю, надо имѣть большую силу для охоты на медвѣдей, — сказалъ Алексѣй Александровичъ, имѣвшій самыя туманныя понятія объ охотѣ, намазывая сыръ и прорывая тоненькій, какъ паутина, мякишъ хлѣба.

Левинъ улыбнулся.

— Никакой. Напротивъ, ребенокъ можетъ убить медвѣдя, — сказалъ онъ, сторонясь съ легкимъ поклономъ предъ дамами, которыя съ хозяйкой подходили къ столу закусокъ.

— А вы убили медвѣдя, мнѣ говорили? — сказала Кити, тщетно стараясь поймать вилкой непокорный, отскальзывающій грибъ и встряхивая кружевами, сквозь которыя бѣлѣла ея рука. — Развѣ у васъ есть медвѣди? — прибавила она, вполоборота повернувъ къ нему свою прелестную головку и улыбаясь.

Ничего, казалось, не было необыкновеннаго въ томъ, чтò она сказала, но какое невыразимое для него словами значеніе было въ каждомъ звукѣ, въ каждомъ движеніи ея губъ, глазъ, руки, когда она говорила это! Тутъ была и просьба о прощеніи, и довѣріе къ нему, и ласка, нѣжная, робкая ласка, и обѣщаніе, и надежда, и любовь къ нему, въ которую онъ не могъ не вѣрить и которая душила его счастіемъ.

— Нѣтъ, мы ѣздили въ Тверскую губернію. Возвращаясь оттуда, я встрѣтился въ вагонѣ съ вашимъ бофреромъ, или вашего бофрера зятемъ, — сказалъ онъ съ улыбкой. — Это была смѣшная встрѣча.

И онъ весело и забавно разсказалъ, какъ онъ, не спавъ всю ночь, въ полушубкѣ ворвался въ отдѣленіе Алексѣя Александровича.

— Кондукторъ, противно пословицѣ, хотѣлъ по платью проводить меня вонъ; но тутъ уже я началъ выражаться высокимъ слогомъ, и... вы тоже, — сказалъ онъ, забывъ его имя и обращаясь къ Каренину, — сначала по полушубку хотѣли тоже изгнать меня, но потомъ заступились, за что я очень благодаренъ.

— Вообще весьма неопредѣленны права пассажировъ на выборъ мѣста, — сказалъ Алексѣй Александровичъ, обтирая платкомъ концы своихъ пальцевъ.

— Я видѣлъ, что вы были въ нерѣшительности насчетъ меня, — добродушно улыбаясь, сказалъ Левинъ, — но я поторопился начать умный разговоръ, чтобы загладить свой полушубокъ.

Сергѣй Ивановичъ, продолжая разговоръ съ хозяйкой и однимъ ухомъ слушая брата, покосился на него. «Чтò это съ нимъ нынче? Такимъ побѣдителемъ», подумалъ онъ. Онъ не зналъ, что Левинъ чувствовалъ, что у него выросли крылья. Левинъ зналъ, что она слышитъ его слова и что ей пріятно его слышать. И это одно только занимало его. Не въ одной этой комнатѣ, но во всемъ мірѣ для него существовали только онъ, получившій для себя огромное значеніе и важность, и она. Онъ чувствовалъ себя на высотѣ, отъ которой кружилась голова, и тамъ, гдѣ-то внизу, далеко были всѣ эти добрые, славные Каренины, Облонскіе и весь міръ.

Совершенно незамѣтно, не взглянувъ на нихъ, а такъ, какъ будто ужъ некуда было больше посадить, Степанъ Аркадьевичъ посадилъ Левина и Кити рядомъ.

— Ну, ты хоть сюда сядь, — сказалъ онъ Левину.

Обѣдъ былъ такъ же хорошъ, какъ и посуда, до которой былъ охотникъ Степанъ Аркадьевичъ. Супъ Мари-Луизъ удался прекрасно, пирожки крошечные, тающіе во рту были безукоризненны. Два лакея и Матвѣй въ бѣлыхъ галстукахъ дѣлали свое дѣло съ кушаньемъ и виномъ незамѣтно, тихо и скоро. Обѣдъ съ матеріальной стороны удался; не менѣе онъ удался и со стороны не матеріальной. Разговоръ, то общій, то частный, не умолкалъ и къ концу обѣда такъ оживился, что мужчины встали изъ-за стола, не переставая говорить, и даже Алексѣй Александровичъ оживился.

X.

Песцовъ любилъ разсуждать до конца и не удовлетворился словами Сергѣя Ивановича, тѣмъ болѣе что онъ почувствовалъ несправедливость своего мнѣнія.

— Я никогда не разумѣлъ, — сказалъ онъ за супомъ, обращаясь къ Алексѣю Александровичу, — одну густоту населенія, но въ соединеніи съ основами, а не съ принципами.

— Мнѣ кажется,—неторопливо и вяло отвѣчалъ Алексѣй Александровичъ, — что это одно и то же. По моему мнѣнію, дѣйствовать на другой народъ можетъ только тотъ, который имѣетъ высшее развитіе, который...

— Но въ томъ и вопросъ, — перебилъ своимъ басомъ Песцовъ, который всегда торопился говорить и, казалось, всегда всю душу полагалъ на то, о чемъ онъ говорилъ,—въ чемъ полагать высшее развитіе? Англичане, французы, нѣмцы — кто стоитъ на высшей степени развитія? Кто будетъ націонализировать одинъ другого? Мы видимъ, что Рейнъ офранцузился, а нѣмцы не ниже стоятъ! — кричалъ онъ. — Тутъ есть другой законъ!

— Мнѣ кажется, что вліяніе всегда на сторонѣ истиннаго образованія, — сказалъ Алексѣй Александровичъ, слегка поднимая брови.

— Но въ чемъ же мы должны полагать признаки истиннаго образованія? — сказалъ Песцовъ.

— Я полагаю, что признаки эти извѣстны,—сказалъ Алексѣй Александровичъ.

— Вполнѣ ли они извѣстны?—съ тонкою улыбкой вмѣшался Сергѣй Ивановичъ. — Теперь признано, что настоящее образованіе можетъ быть только чисто классическое; но мы видимъ ожесточенные споры той и другой стороны, и нельзя отрицать, чтобъ и противный лагерь не имѣлъ сильныхъ доводовъ въ свою пользу.

—Вы классикъ, Сергѣй Ивановичъ. Прикажете краснаго? — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Я не высказываю своего мнѣнія о томъ и другомъ образованіи, — съ улыбкой снисхожденія, какъ къ ребенку, сказалъ Сергѣй Ивановичъ, подставляя свой стаканъ, — я только говорю, что обѣ стороны имѣютъ сильные доводы, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Алексѣю Александровичу.— Я классикъ по образованію, но въ спорѣ этомъ я лично не могу найти своего мѣста. Я не вижу ясныхъ доводовъ, почему классическимъ наукамъ дано преимущество предъ реальными.

— Естественныя имѣютъ столь же педагогически - развивательное вліяніе, — подхватилъ Песцовъ. — Возьмите одну астрономію, возьмите ботанику, зоологію съ ея системой общихъ законовъ!

— Я не могу вполнѣ съ этимъ согласиться, — отвѣчалъ Алексѣй Александровичъ. — Мнѣ кажется, что нельзя не признать того, что самый процессъ изученія формъ языковъ особенно благотворно дѣйствуетъ на духовное развитіе. Кромѣ того, нельзя отрицать и того, что вліяніе классическихъ писателей въ высшей степени нравственное, тогда какъ, къ несчастію, съ преподаваніемъ естественныхъ наукъ соединяются тѣ вредныя и ложныя ученія, которыя составляютъ язву нашего времени.

Сергѣй Ивановичъ хотѣлъ что - то сказать, но Песцовъ своимъ густымъ басомъ перебилъ его. Онъ горячо началъ доказывать несправедливость этого мнѣнія. Сергѣй Ивановичъ спокойно дожидался слова, очевидно съ готовымъ побѣдительнымъ возраженіемъ.

— Но, — сказалъ Сергѣй Ивановичъ, тонко улыбаясь и обращаясь къ Каренину, — нельзя не согласиться, что взвѣсить вполнѣ всѣ выгоды и невыгоды тѣхъ и другихъ наукъ трудно и что вопросъ о томъ, какія предпочесть, не былъ бы рѣшенъ такъ скоро и окончательно, если бы на сторонѣ классическаго образованія не было того преимущества, которое вы сейчасъ высказали: нравственнаго—disons le mot—антинигилистическаго вліянія.

— Безъ сомнѣнія.

— Если бы не было этого преимущества антинигилистическаго вліянія на сторонѣ классическихъ наукъ, мы бы больше подумали, взвѣсили бы доводы обѣихъ сторонъ, — съ тонкою улыбкой говорилъ Сергѣй Ивановичъ, — мы бы дали просторъ тому и другому направленію. Но теперь мы знаемъ, что въ этихъ пилюляхъ классическаго образованія лежитъ цѣлебная сила антинигилизма, и мы смѣло предлагаемъ ихъ нашимъ паціентамъ... А что какъ нѣтъ и цѣлебной силы? — заключилъ онъ, высыпая аттическую соль.

При пилюляхъ Сергѣя Ивановича всѣ засмѣялись, и въ особенности громко и весело Туровцынъ, дождавшійся наконецъ того смѣшного, чего онъ только и ждалъ, слушая разговоръ.

Степанъ Аркадьевичъ не ошибся, пригласивъ Песцова. Съ Песцовымъ разговоръ умный не могъ умолкнуть ни на минуту. Только что Сергѣй Ивановичъ заключилъ разговоръ своей шуткой, Песцовъ тотчасъ поднялъ новый.

— Нельзя согласиться даже съ тѣмъ, — сказалъ онъ, — чтобы правительство имѣло эту цѣль. Правительство, очевидно, руководствуется общими соображеніями, оставаясь индиферентнымъ къ вліяніямъ, которыя могутъ имѣть принимаемыя мѣры. Напримѣръ, вопросъ женскаго образованія долженъ бы былъ считаться зловреднымъ, но правительство открываетъ женскіе курсы и университеты.

И разговоръ тотчасъ же перескочилъ на новую тему женскаго образованія.

Алексѣй Александровичъ выразилъ мысль о томъ, что образованіе женщинъ обыкновенно смѣшивается съ вопросомъ о свободѣ женщинъ и только поэтому можетъ считаться вреднымъ.

— Я, напротивъ, полагаю, что эти два вопроса неразрывно связаны, — сказалъ Песцовъ, — это ложный кругъ. Женщина лишена правъ по недостатку образованія, а недостатокъ образованія происходитъ отъ отсутствія правъ. Надо не забывать того, что порабощеніе женщинъ такъ велико и старо, что мы часто не хотимъ понимать ту пучину, которая отдѣляетъ ихъ отъ насъ, — говорилъ онъ.

— Вы сказали права, — сказалъ Сергѣй Ивановичъ, дождавшись молчанія Песцова, — права занимания должностей присяжныхъ, гласныхъ, предсѣдателей управъ, права служащаго, члена парламента...

— Безъ сомнѣнія.

— Но если женщины, какъ рѣдкое исключеніе, и могутъ занимать эти мѣста, то, мнѣ кажется, вы неправильно употребили выраженіе «права». Вѣрнѣе было бы сказать: обязанно-

сти. Всякій согласится, что, исполняя какую-нибудь должность: присяжнаго, гласнаго, телеграфнаго чиновника, мы чувствуемъ, что исполняемъ обязанность. И потому вѣрнѣе выразиться, что женщины ищутъ обязанностей и совершенно законно. И можно только сочувствовать этому ихъ желанію помочь общему мужскому труду.

— Совершенно справедливо,— подтвердилъ Алексѣй Александровичъ. — Вопросъ, я полагаю, состоитъ только въ томъ, способны ли онѣ къ этимъ обязанностямъ.

— Вѣроятно, будутъ очень способны,— вставилъ Степанъ Аркадьевичъ, — когда образованіе будетъ распространено между ними. Мы это видимъ...

— А пословица? — сказалъ князь, давно уже прислушиваясь къ разговору и блестя своими маленькими, насмѣшливыми глазами, — при дочеряхъ можно: волосъ дологъ...

— Точно такъ же думали о неграхъ до ихъ освобожденія! — сердито сказалъ Песцовъ.

— Я нахожу только страннымъ, что женщины ищутъ новыхъ обязанностей, — сказалъ Сергѣй Ивановичъ, — тогда какъ мы, къ несчастію, видимъ, что мужчины обыкновенно избѣгаютъ ихъ.

— Обязанности сопряжены съ правами; власть, деньги, почести — ихъ-то ищутъ женщины, — сказалъ Песцовъ.

— Все равно, что я бы искалъ права быть кормилицей и обижался бы, что женщинамъ платятъ, а мнѣ не хотятъ, — сказалъ старый князь.

Туровцынъ разразился громкимъ смѣхомъ, и Сергѣй Ивановичъ пожалѣлъ, что не онъ сказалъ это. Даже Алексѣй Александровичъ улыбнулся.

— Да, но мужчина не можетъ кормить, — сказалъ Песцовъ,— а женщина...

— Нѣтъ, англичанинъ выкормилъ на кораблѣ своего ребенка, — сказалъ старый князь, позволяя себѣ эту вольность разговора при своихъ дочеряхъ.

— Сколько такихъ англичанъ, столько же и женщинъ будетъ чиновниковъ, — сказалъ уже Сергѣй Ивановичъ.

— Да, но что же дѣлать дѣвушкѣ, у которой нѣтъ семьи? — вступился Степанъ Аркадьевичъ, вспоминая о Чибисовой, которую онъ все время имѣлъ въ виду, сочувствуя Песцову и поддерживая его.

— Если хорошенько разобрать исторію этой дѣвушки, то вы найдете, что эта дѣвушка бросила семью или свою, или сестрину, гдѣ бы она могла имѣть женское дѣло, — неожиданно вступая въ разговоръ, сказала съ раздражительностью Дарья Але-

ксандровна, вѣроятно, догадываясь, какую дѣвушку имѣлъ въ виду Степанъ Аркадьевичъ.

— Но мы стоимъ за принципъ, за идеалъ!—звучнымъ басомъ возражалъ Песцовъ. — Женщина хочетъ имѣть право быть независимою, образованною. Она стѣснена, подавлена сознаніемъ невозможности этого.

— А я стѣсненъ и подавленъ тѣмъ, что меня не примутъ въ кормилицы въ воспитательный домъ, — опять сказалъ старый князь къ великой радости Туровцына, со смѣху уронившаго спаржу толстымъ концомъ въ соусъ.

XI.

Всѣ принимали участіе въ общемъ разговорѣ, кромѣ Кити и Левина. Сначала, когда говорилось о вліяніи, которое имѣетъ одинъ народъ на другой, Левину невольно приходило въ голову то, что онъ имѣлъ сказать по этому предмету; но мысли эти, прежде для него очень важныя, какъ бы во снѣ мелькали въ его головѣ и не имѣли для него теперь ни малѣйшаго интереса. Ему даже странно казалось, зачѣмъ они такъ стараются говорить о томъ, что̀ никому не нужно. Для Кити точно такъ же, казалось, должно бы быть интересно то, что они говорили о правахъ и образованіи женщинъ. Сколько разъ она думала объ этомъ, вспоминая о своей заграничной пріятельницѣ Варенькѣ, о ея тяжелой зависимости, сколько разъ думала про себя, что̀ съ ней самой будетъ, если она не выйдетъ замужъ, и сколько разъ спорила объ этомъ съ сестрой! Но теперь это нисколько не интересовало ее. У нихъ шелъ свой разговоръ съ Левинымъ, и не разговоръ, а какое-то таинственное общеніе, которое съ каждою минутой все ближе связывало ихъ и производило въ обоихъ чувство радостнаго страха передъ тѣмъ неизвѣстнымъ, въ которое они вступали.

Сначала Левинъ на вопросъ Кити о томъ, какъ онъ могъ видѣть ее прошлаго года въ каретѣ, разсказалъ ей, какъ онъ шелъ съ покоса по большой дорогѣ и встрѣтилъ ее.

— Это было рано-рано утромъ. Вы вѣрно только проснулись. Maman ваша спала въ своемъ уголкѣ. Чудное утро было. Я иду и думаю: кто это четверней въ каретѣ? Славная четверка съ бубенчиками, и на мгновеніе вы мелькнули, и вижу я въ окно, вы сидите вотъ такъ и обѣими руками держите завязки чепчика и о чемъ-то ужасно задумались, — говорилъ онъ улыбаясь. — Какъ бы я желалъ знать, о чемъ вы тогда думали. О важномъ?

«Не была ли растрепана?» подумала она, но, увидавъ восторженную улыбку, которую вызывали въ его воспоминаніи эти подробности, она почувствовала, что, напротивъ, впечатлѣніе, произведенное ею, было очень хорошее. Она покраснѣла и радостно засмѣялась.

— Право, не помню.

— Какъ хорошо смѣется Туровцынъ! — сказалъ Левинъ, любуясь на его влажные глаза и трясущееся тѣло.

— Вы давно его знаете? — спросила Кити.

— Кто его не знаетъ!

— И я вижу, что вы думаете, что онъ дурной человѣкъ?

— Не дурной, а ничтожный.

— И неправда! И поскорѣй не думайте больше такъ! — сказала Кити. — Я тоже была о немъ очень низкаго мнѣнія, но это, это премилый и удивительно добрый человѣкъ. Сердце у него золотое.

— Какъ это вы могли узнать его сердце?

— Мы съ нимъ большіе друзья. Я очень хорошо знаю его. Прошлую зиму, вскорѣ послѣ того... какъ вы у насъ были, — сказала она съ виноватою и вмѣстѣ довѣрчивою улыбкой, — у Долли дѣти всѣ были въ скарлатинѣ, и онъ зашелъ къ ней какъ-то. И можете себѣ представить,—говорила она шопотомъ,— ему такъ жалко стало ее, что онъ остался и сталъ помогать ей ходить за дѣтьми. Да, и три недѣли прожилъ у нихъ въ домѣ и какъ нянька ходилъ за дѣтьми.

— Я разсказываю Константину Дмитріевичу про Туровцына въ скарлатинѣ, — сказала она, перегнувшись къ сестрѣ.

— Да, удивительно, прелесть! — сказала Долли, взглядывая на Туровцына, чувствовавшаго, что говорили о немъ, и кротко улыбаясь ему. Левинъ еще разъ взглянулъ на Туровцына и удивился, какъ онъ прежде не понималъ всей прелести этого человѣка.

— Виноватъ, виноватъ, и никогда не буду больше дурно думать о людяхъ! — весело сказалъ онъ, искренно высказывая то, что онъ теперь чувствовалъ.

XII.

Въ затѣянномъ разговорѣ о правахъ женщины были щекотливые при дамахъ вопросы о неравенствѣ правъ въ бракѣ. Песцовъ во время обѣда нѣсколько разъ налеталъ на эти вопросы, но Сергѣй Ивановичъ и Степанъ Аркадьевичъ осторожно отклоняли его.

Когда же встали изъ-за стола и дамы вышли, Песцовъ, не слѣдуя за ними, обратился къ Алексѣю Александровичу и принялся высказывать главную причину неравенства. Неравенство супруговъ, по его мнѣнію, состояло въ томъ, что невѣрность жены и невѣрность мужа казнятся неравно и закономъ, и общественнымъ мнѣніемъ.

Степанъ Аркадьевичъ поспѣшно подошелъ къ Алексѣю Александровичу, предлагая ему курить.

— Нѣтъ, я не курю, — спокойно отвѣчалъ Алексѣй Александровичъ и, какъ бы умышленно желая показать, что онъ не боится этого разговора, обратился съ холодною улыбкой къ Песцову.

— Я полагаю, что основанія такого взгляда лежатъ въ самой сущности вещей,—сказалъ онъ и хотѣлъ пройти въ гостиную; но тутъ вдругъ неожиданно заговорилъ Туровцынъ, обращаясь къ Алексѣю Александровичу.

— А вы изволили слышать о Прячниковѣ? — сказалъ Туровцынъ, оживленный выпитымъ шампанскимъ и давно ждавшій случая прервать тяготившее его молчаніе.—Вася Прячниковъ,— сказалъ онъ со своею доброю улыбкой влажныхъ и румяныхъ губъ, обращаясь преимущественно къ главному гостю, Алексѣю Александровичу, — мнѣ нынче разсказывали, дрался на дуэли въ Твери съ Квитскимъ и убилъ его.

Какъ всегда кажется, что зашибаешь, какъ нарочно, именно больное мѣсто, такъ и теперь Степанъ Аркадьевичъ чувствовалъ, что на бѣду нынче каждую минуту разговоръ нападалъ на больное мѣсто Алексѣя Александровича. Онъ хотѣлъ опять отвести зятя, но самъ Алексѣй Александровичъ съ любопытствомъ спросилъ:

— За что дрался Прячниковъ?

— За жену. Молодцомъ поступилъ! Вызвалъ и убилъ!

— А! — равнодушно сказалъ Алексѣй Александровичъ и, поднявъ брови, прошелъ въ гостиную.

— Какъ я рада, что вы пришли, — сказала ему Долли съ испуганною улыбкой, встрѣчая его въ проходной гостиной: — мнѣ нужно поговорить съ вами. Сядемте здѣсь.

Алексѣй Александровичъ, съ тѣмъ же выраженіемъ равнодушія, которое придавали ему приподнятыя брови, сѣлъ подлѣ Дарьи Александровны и притворно улыбнулся.

— Тѣмъ болѣе, — сказалъ онъ, — что и я хотѣлъ просить вашего извиненія и тотчасъ откланяться. Мнѣ завтра надо ѣхать.

Дарья Александровна была твердо увѣрена въ невинности Анны и чувствовала, что она блѣднѣетъ и губы ея дрожатъ отъ

гнѣва на этого холоднаго, безчувственнаго человѣка, такъ покойно намѣревающагося погубить ея невиннаго друга.

— Алексѣй Александровичъ, — сказала она, съ отчаянною рѣшительностью глядя ему въ глаза, — я спрашивала у васъ про Анну, вы мнѣ не отвѣтили. Что она?

— Она, кажется, здорова, Дарья Александровна, — не глядя на нее, отвѣчалъ Алексѣй Александровичъ.

— Алексѣй Александровичъ, простите меня, я не имѣю права... но я какъ сестру люблю и уважаю Анну; я прошу, умоляю васъ сказать мнѣ, что такое между вами? въ чемъ вы обвиняете ее?

Алексѣй Александровичъ поморщился и, почти закрывъ глаза, опустилъ голову.

— Я полагаю, что мужъ передалъ вамъ тѣ причины, почему я считаю нужнымъ измѣнить прежнія свои отношенія къ Аннѣ Аркадьевнѣ, — сказалъ онъ, не глядя ей въ глаза и недовольно оглядывая проходившаго черезъ гостиную Щербацкаго.

— Я не вѣрю, не вѣрю, не могу вѣрить этому! — сжимая предъ собой свои костлявыя руки, съ энергическимъ жестомъ проговорила Долли. Она быстро встала и положила свою руку на рукавъ Алексѣя Александровича. — Намъ помѣшаютъ здѣсь. Пойдемте сюда, пожалуйста.

Волненіе Долли дѣйствовало на Алексѣя Александровича. Онъ всталъ и покорно пошелъ за нею въ классную комнату. Они сѣли за столъ, обтянутый изрѣзанною перочинными ножами клеенкой.

— Я не вѣрю, не вѣрю этому!—проговорила Долли, стараясь уловить его избѣгающій ея взглядъ.

— Нельзя не вѣрить фактамъ, Дарья Александровна, — сказалъ онъ, ударяя на слово *фактамъ*.

— Но что же она сдѣлала?—проговорила Дарья Александровна. — Что именно она сдѣлала?

— Она презрѣла свои обязанности и измѣнила своему мужу. Вотъ что она сдѣлала, — сказалъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть! Нѣтъ, ради Бога, вы ошиблись, — говорила Долли, дотрогиваясь руками до висковъ и закрывая глаза.

Алексѣй Александровичъ холодно улыбнулся однѣми губами, желая показать ей и самому себѣ твердость своего убѣжденія; но эта горячая защита, хотя и не колебала его, растравляла его рану. Онъ заговорилъ съ бо̀льшимъ оживленіемъ.

— Весьма трудно ошибиться, когда жена сама объявляетъ о томъ мужу. Объявляетъ, что восемь лѣтъ жизни и сынъ, что

все это ошибка и что она хочетъ жить спачала, — сказалъ онъ сердито, сопя носомъ.

— Анна и порокъ — я не могу соединить, не могу вѣрить этому.

— Дарья Александровна! — сказалъ онъ, теперь прямо взглянувъ въ доброе взволнованное лицо Долли и чувствуя, что языкъ его невольно развязывается, — я бы дорого далъ, чтобы сомнѣніе еще было возможно. Когда я сомнѣвался, мнѣ было тяжело, но легче, чѣмъ теперь. Когда я сомнѣвался, то была надежда; но теперь нѣтъ надежды, и я все - таки сомнѣваюсь во всемъ. Я такъ сомнѣваюсь во всемъ, что ненавижу сына и иногда не вѣрю, что это мой сынъ. Я очень несчастливъ.

Ему не нужно было говорить этого. Дарья Александровна поняла это, какъ только онъ взглянулъ ей въ лицо; и ей стало жалко его, и вѣра въ невинности ея друга поколебалась въ ней.

— Ахъ, это ужасно, ужасно! Но неужели это правда, что вы рѣшились на разводъ?

— Я рѣшился на послѣднюю мѣру. Мнѣ больше нечего дѣлать.

— Нечего дѣлать, нечего дѣлать...—проговорила она со слезами на глазахъ. — Нѣтъ, не нечего дѣлать! — сказала она.

— То-то и ужасно въ этомъ родѣ горя, что нельзя, какъ во всякомъ другомъ—въ потерѣ, въ смерти, нести крестъ, а тутъ нужно дѣйствовать,—сказалъ онъ, какъ будто угадывая ея мысль. — Нужно выйти изъ того унизительнаго положенія, въ которое вы поставлены; нельзя жить втроемъ.

— Я понимаю, я очень понимаю это,—сказала Долли и опустила голову. Она помолчала, думая о себѣ, о своемъ семейномъ горѣ, и вдругъ энергическимъ жестомъ подняла голову и умоляющимъ жестомъ сложила руки. — Но постойте! Вы христіанинъ. Подумайте о ней! Что съ ней будетъ, если вы бросите ее?

— Я думалъ, Дарья Александровна, и много думалъ, — говорилъ Алексѣй Александровичъ. Лицо его покраснѣло пятнами, и мутные глаза глядѣли прямо на нее. Дарья Александровна теперь всею душой уже жалѣла его. — Я это самое сдѣлалъ послѣ того, какъ мнѣ объявленъ былъ ею же самой мой позоръ: я оставилъ все по-старому. Я далъ возможность исправленія, я старался спасти ее. И что же? Она не исполнила самаго легкаго требованія — соблюденія приличій, — говорилъ онъ разгорячась.—Спасать можно человѣка, который не хочетъ погибать, но если натура вся такъ испорчена, развращена, что самая погибель кажется ей спасеніемъ, то что же дѣлать?

— Все, только не разводъ!—отвѣчала Дарья Александровна.

— Но что же все?

— Нѣтъ, это ужасно. Она будетъ ничьей женой, она погибнетъ!

— Что же я могу сдѣлать?—поднявъ плечи и брови, сказалъ Алексѣй Александровичъ. Воспоминаніе о послѣднемъ проступкѣ жены такъ раздражило его, что онъ опять сталъ холоденъ, какъ и при началѣ разговора.—Я очень благодарю за ваше участіе, но мнѣ пора,—сказалъ онъ вставая.

— Нѣтъ, постойте! Вы не должны погубить ее. Постойте, я вамъ скажу про себя. Я вышла замужъ, и мужъ обманывалъ меня; въ злобѣ, ревности я хотѣла все бросить и хотѣла сама... Но я опомнилась, и кто же? Анна спасла меня. И вотъ я живу. Дѣти растутъ, мужъ возвращается въ семью и чувствуетъ свою неправоту, дѣлается чище, лучше, и я живу... Я простила, и вы должны простить!

Алексѣй Александровичъ слушалъ, но слова ея уже не дѣйствовали на него. Въ душѣ его опять поднялась вся злоба того дня, когда онъ рѣшился на разводъ. Онъ отряхнулся и заговорилъ пронзительнымъ, громкимъ голосомъ:

— Простить я не могу и не хочу, и считаю несправедливымъ. Я для этой женщины сдѣлалъ все, и она затоптала все въ грязь, которая ей свойственна. Я не злой человѣкъ, я никогда никого не ненавидѣлъ, но ее я ненавижу всѣми силами души и не могу даже простить ее, потому что слишкомъ ненавижу за все то зло, которое она сдѣлала мнѣ! — проговорилъ онъ со слезами злобы въ голосѣ.

— Любите ненавидящихъ васъ... — стыдливо прошептала Дарья Александровна.

Алексѣй Александровичъ презрительно усмѣхнулся. Это онъ давно зналъ, но это не могло быть приложимо къ его случаю.

— Любите ненавидящихъ васъ, а любить тѣхъ, кого ненавидишь, нельзя. Простите, что я васъ разстроилъ. У каждаго своего горя достаточно!— И, овладѣвъ собой, Алексѣй Александровичъ спокойно простился и уѣхалъ.

XIII.

Когда встали изъ-за стола, Левину хотѣлось идти за Кити въ гостиную; но онъ боялся, не будетъ ли ей это непріятно по слишкомъ большой очевидности его ухаживанья за ней. Онъ остался въ кружкѣ мужчинъ, принимая участіе въ общемъ раз-

говорѣ, и, не глядя на Кити, чувствовалъ ея движенія, ея взгляды и то мѣсто, на которомъ она была въ гостиной.

Онъ сейчасъ уже и безъ малѣйшаго усилія исполнялъ то обѣщаніе, которое онъ далъ ей: всегда думать хорошо про всѣхъ людей и всегда всѣхъ любить. Разговоръ зашелъ объ общинѣ, въ которой Песцовъ видѣлъ какое-то особенное начало, называемое имъ хоровымъ началомъ. Левинъ былъ несогласенъ ни съ Песцовымъ, ни съ братомъ, который какъ-то по-своему и признавалъ и не признавалъ значеніе русской общины. Но онъ говорилъ съ ними, стараясь только помирить ихъ и смягчать ихъ возраженія. Онъ нисколько не интересовался тѣмъ, чтó онъ самъ говорилъ, еще менѣе тѣмъ, чтó они говорили, но только желалъ одного: чтобъ имъ и всѣмъ было хорошо и пріятно. Онъ зналъ теперь то, чтò одно важно. И это одно было сначала тамъ, въ гостиной, а потомъ стало подвигаться и остановилось у двери. Онъ, не оборачиваясь, почувствовалъ устремленный на себя взглядъ и улыбку и не могъ не обернуться. Она стояла въ дверяхъ съ Щербацкимъ и смотрѣла на него.

— Я думалъ, вы къ фортепіанамъ идете,—сказалъ онъ, подходя къ ней.—Вотъ чего мнѣ недостаетъ въ деревнѣ: музыки.

— Нѣтъ, мы шли только за тѣмъ, чтобы васъ вызвать, и благодарю, — сказала она, какъ подаркомъ, награждая его улыбкой, — чтó вы пришли. Что за охота спорить? Вѣдь никогда одинъ не убѣдитъ другого.

— Да, правда, — сказалъ Левинъ, — большею частью бываетъ, что споришь горячо только оттого, что никакъ не можешь понять, чтó именно хочетъ доказать противникъ.

Левинъ часто замѣчалъ при спорахъ между самыми умными людьми, что послѣ огромныхъ усилій, огромнаго количества логическихъ тонкостей и словъ спорящіе приходили, наконецъ, къ сознанію того, что то, что они долго бились доказать другъ другу, давнымъ-давно, съ начала спора, было извѣстно имъ, но что они любятъ разное и потому не хотятъ назвать того, чтó они любятъ, чтобы не быть оспоренными. Онъ часто испытывалъ, что иногда во время спора поймешь то, что любитъ противникъ, и вдругъ самъ полюбишь это самое и тотчасъ согласишься, и тогда всѣ доводы отпадаютъ, какъ ненужное; а иногда испытывалъ наоборотъ: выскажешь, наконецъ, то, что любишь самъ и изъ-за чего придумываешь доводы, и если случится, что выскажешь это хорошо и искренно, то вдругъ противникъ соглашается и перестаетъ спорить. Это самое онъ хотѣлъ сказать.

Она сморщила лобъ, стараясь понять. Но только что онъ началъ объяснять, она уже поняла.

— Я понимаю: надо узнать, за что онъ споритъ, что онъ любитъ, тогда можно...

Она вполнѣ угадала и выразила его дурно выраженную мысль. Левинъ радостно улыбнулся: такъ ему поразителенъ былъ этотъ переходъ отъ запутаннаго многословнаго спора съ Песцовымъ и братомъ къ этому лаконическому и ясному, безъ словъ почти, сообщенію самыхъ сложныхъ мыслей.

Щербацкій отошелъ отъ нихъ, и Кити, подойдя къ разставленному карточному столу, сѣла и, взявъ въ руки мѣлокъ, стала чертить имъ по новому зеленому сукну расходящіеся круги.

Они возобновили разговоръ, шедшій за обѣдомъ: о свободѣ и занятіяхъ женщинъ. Левинъ былъ согласенъ съ мнѣніемъ Дарьи Александровны, что дѣвушка, не вышедшая замужъ, найдетъ себѣ дѣло женское въ семьѣ. Онъ подтверждалъ это тѣмъ, что ни одна семья не можетъ обойтись безъ помощницы, что въ каждой бѣдной и богатой семьѣ есть и должны быть няньки, наемныя или родныя.

— Нѣтъ, — сказала Кити, покраснѣвъ, но тѣмъ смѣлѣе глядя на него своими правдивыми глазами,—дѣвушка можетъ быть такъ поставлена, что не можетъ безъ униженія войти въ семью, а сама...

Онъ понялъ ее съ намека.

— О, да! — сказалъ онъ, — да, да, да, вы правы, вы правы! И онъ понялъ все, что за обѣдомъ доказывалъ Песцовъ о свободѣ женщинъ, только тѣмъ, что видѣлъ въ сердцѣ Кити страхъ дѣвства и униженія, и, любя ее, онъ почувствовалъ этотъ страхъ и униженіе и сразу отрекся отъ своихъ доводовъ.

Наступило молчаніе. Она все чертила мѣломъ по столу. Глаза ея блестѣли тихимъ блескомъ. Подчиняясь ея настроенію, онъ чувствовалъ во всемъ существѣ своемъ все усиливающееся напряженіе счастія.

— Ахъ, я весь столъ исчертила! — сказала она и, положивъ мѣлокъ, сдѣлала движеніе, какъ будто хотѣла встать.

«Какъ же я останусь одинъ безъ нея?» съ ужасомъ подумалъ онъ и взялъ мѣлокъ. — Постойте, — сказалъ онъ, садясь къ столу. — Я давно хотѣлъ спросить у васъ одну вещь.

Онъ глядѣлъ ей прямо въ ласковые, хотя и испуганные глаза.

— Пожалуйста, спросите.

— Вотъ, — сказалъ онъ и написалъ начальныя буквы: к, в, м, о: э, н, м, б, з, л, э, н, и, т? Буквы эти значили: «когда вы мнѣ отвѣтили: этого не можетъ быть, значило ли это — никогда, или тогда?» Не было никакой вѣроятности, чтобы она могла

понять эту сложную фразу; но онъ посмотрѣлъ на нее съ такимъ видомъ, что жизнь его зависитъ отъ того, пойметъ ли она эти слова.

Она взглянула на него серьезно, потомъ оперла нахмуренный лобъ на руку и стала читать. Изрѣдка она взглядывала на него, спрашивая у него взглядомъ: «то ли это, что я думаю?»

— Я поняла, — сказала она покраснѣвъ.

— Какое это слово? — сказалъ онъ, указывая на н, которымъ означалось слово: *никогда*.

— Это слово значитъ *никогда*, — сказала она, — но это неправда!

Онъ быстро стеръ написанное, подалъ ей мѣлъ и всталъ. Она написала: т, я, н, м, и, о.

Долли утѣшилась совсѣмъ отъ горя, причиненнаго ей разговоромъ съ Алексѣемъ Александровичемъ, когда она увидала эти двѣ фигуры: Кити съ мѣлкомъ въ рукахъ и съ улыбкою робкою и счастливою, глядящую вверхъ на Левина, и его красивую фигуру, нагнувшуюся надъ столомъ, съ горящими глазами, устремленными то на столъ, то на нее. Онъ вдругъ просіялъ: онъ понялъ. Это значило: «тогда я не могла иначе отвѣтить».

Онъ взглянулъ на нее вопросительно, робко.

— Только тогда?

— Да, — отвѣчала ея улыбка.

— А т... а теперь? — спросилъ онъ.

— Ну, такъ вотъ прочтите. Я скажу то, чего бы желала. Очень бы желала! — Она написала начальныя буквы: ч, в, м, з, и, п, ч, б. Это значило: «чтобы вы могли забыть и простить, что было».

Онъ схватилъ мѣлъ напряженными, дрожащими пальцами и, сломавъ его, написалъ начальныя буквы слѣдующаго: «мнѣ нечего забывать и прощать, я не переставалъ любить васъ».

Она взглянула на него съ остановившеюся улыбкой.

— Я поняла, — шопотомъ сказала она.

Онъ сѣлъ и написалъ длинную фразу. Она все поняла и, не спрашивая его такъ ли, взяла мѣлъ и тотчасъ же отвѣтила.

Онъ долго не могъ понять того, что она написала, и часто взглядывалъ въ ея глаза. На него нашло затменіе отъ счастія. Онъ никакъ не могъ подставить тѣ слова, какія она разумѣла; но въ прелестныхъ, сіяющихъ счастіемъ глазахъ ея онъ понялъ все, что ему нужно было знать. И онъ написалъ три буквы. Но онъ еще не кончилъ писать, а она уже читала за его рукой и сама докончила и написала отвѣтъ: Да.

— Въ secretaire играете? — сказалъ старый князь подходя.— Ну, поѣдемъ однако, если ты хочешь поспѣть въ театръ.

Левинъ всталъ и проводилъ Кити до дверей.

Въ разговорѣ ихъ все было сказано; было сказано, что она любитъ его и что скажетъ отцу и матери, что завтра онъ пріѣдетъ утромъ.

XIV.

Когда Кити уѣхала и Левинъ остался одинъ, онъ почувствовалъ такое безпокойство безъ нея и такое нетерпѣливое желаніе поскорѣе, поскорѣе дожить до завтрашняго утра, когда онъ опять увидитъ ее и навсегда соединится съ ней, что онъ испугался, какъ смерти, этихъ четырнадцати часовъ, которые ему предстояло провести безъ нея. Ему необходимо было быть и говорить съ кѣмъ-нибудь, чтобы не оставаться одному, чтобъ обмануть время. Степанъ Аркадьевичъ былъ для него самый пріятный собесѣдникъ, но онъ ѣхалъ, какъ онъ говорилъ, на вечеръ, въ дѣйствительности же въ балетъ. Левинъ только успѣлъ сказать ему, что онъ счастливъ и что онъ любитъ его и никогда, никогда не забудетъ того, что онъ для него сдѣлалъ. Взглядъ и улыбка Степана Аркадьевича показали Левину, что онъ понималъ, какъ должно, это чувство.

— Что жъ, не пора умирать? — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, съ умиленіемъ пожимая руку Левина.

— Нннѣѣтъ! — сказалъ Левинъ.

Дарья Александровна, прощаясь съ нимъ, тоже какъ бы поздравила его, сказавъ: — Какъ я рада, что вы встрѣтились опять съ Кити, надо дорожить старыми дружбами. — Левину непріятны были эти слова Дарьи Александровны. Она не могла понять, какъ все это было высоко и недоступно ей, и она не должна была смѣть упоминать объ этомъ. Левинъ простился съ ними, но, чтобы не остаться одному, прицѣпился къ своему брату.

— Ты куда ѣдешь?

— Я въ засѣданіе.

— Ну, и я съ тобой. Можно?

— Отчего же, поѣдемъ, — улыбаясь сказалъ Сергѣй Ивановичъ. — Что съ тобой нынче?

— Со мной? Со мной счастіе!—сказалъ Левинъ, опуская окно кареты, въ которой они ѣхали.—Ничего тебѣ? а то душно. Со мной счастіе! Отчего ты не женился никогда?

Сергѣй Ивановичъ улыбнулся.

— Я очень радъ, она, кажется славная дѣв...—началъ было Сергѣй Ивановичъ.

— Не говори, не говори, не говори!—закричалъ Левинъ, схвативъ его обѣими руками за воротникъ его шубы и запахивая его. «Она славная дѣвушка» были такія простыя, низменныя слова, столь несоотвѣтственныя его чувству.

Сергѣй Ивановичъ засмѣялся веселымъ смѣхомъ, что̀ съ нимъ рѣдко бывало.

— Ну, все-таки можно сказать, что я очень радъ этому.

— Это можно завтра, завтра, и больше ничего! Ничего, ничего, молчаніе,—сказалъ Левинъ и, запахнувъ его еще разъ шубой, прибавилъ:—Я тебя очень люблю! Что же, можно мнѣ быть въ засѣданіи?

— Разумѣется, можно.

— О чемъ у васъ нынче рѣчь?—спрашивалъ Левинъ, не переставая улыбаться.

Они пріѣхали въ засѣданіе. Левинъ слушалъ, какъ секретарь, запинаясь, читалъ протоколъ, котораго, очевидно, самъ не понималъ; но Левинъ видѣлъ по лицу этого секретаря, какой онъ былъ милый, добрый и славный человѣкъ. Это видно было по тому, какъ онъ мѣшался и конфузился, читая протоколъ. Потомъ начались рѣчи. Они спорили объ отчисленіи какихъ-то суммъ и о проведеніи какихъ-то трубъ, и Сергѣй Ивановичъ уязвилъ двухъ членовъ и что-то побѣдоносно долго говорилъ; и другой членъ, написавъ что-то на бумажкѣ, заробѣлъ сначала, но потомъ отвѣтилъ ему очень ядовито и мило. И потомъ Свіяжскій (онъ былъ тутъ же) тоже что-то сказалъ такъ красиво и благородно. Левинъ слушалъ ихъ и ясно видѣлъ, что ни этихъ отчисленныхъ суммъ, ни трубъ, ничего этого не было и что они вовсе не сердились, а что они были всѣ такіе добрые, славные люди и такъ все это хорошо, мило шло между ними. Никому они не мѣшали, и всѣмъ было пріятно. Замѣчательно было для Левина то, что они всѣ для него нынче были видны насквозь, и по маленькимъ, прежде незамѣтнымъ признакамъ онъ узнавалъ душу каждаго и ясно видѣлъ, что они всѣ были добрые. Въ особенности его, Левина, они всѣ чрезвычайно любили нынче. Это видно было по тому, какъ они говорили съ нимъ, какъ ласково, любовно смотрѣли на него даже всѣ незнакомые.

— Ну, что же, ты доволенъ?—спросилъ у него Сергѣй Ивановичъ.

— Очень. Я никакъ не думалъ, что это такъ интересно! Славно, прекрасно!

Свіяжскій подошелъ къ Левину и звалъ его къ себѣ чай пить. Левинъ никакъ не могъ понять и вспомнить, чѣмъ онъ былъ

недоволенъ въ Свіяжскомъ, чего онъ искалъ отъ него. Онъ былъ умный и удивительно добрый человѣкъ.

— Очень радъ,—сказалъ онъ и спросилъ про жену и про своячиницу. И по странной филіаціи мыслей, такъ какъ въ его воображеніи мысль о своячиницѣ Свіяжскаго связывалась съ бракомъ, ему представилось, что никому лучше нельзя разсказать своего счастія, какъ женѣ и своячиницѣ Свіяжскаго, и онъ очень былъ радъ ѣхать къ нимъ.

Свіяжскій разспрашивалъ его про его дѣло въ деревнѣ, какъ и всегда, не предполагая никакой возможности найти что-нибудь ненайденное въ Европѣ, и теперь это нисколько не непріятно было Левину. Онъ, напротивъ, чувствовалъ, что Свіяжскій правъ, что все дѣло это ничтожно, и видѣлъ удивительную мягкость и нѣжность, съ которою Свіяжскій избѣгалъ высказыванія своей правоты. Дамы Свіяжскаго были особенно милы. Левину казалось, что онѣ все уже знаютъ и сочувствуютъ ему, но не говорятъ только изъ деликатности. Онъ просидѣлъ у нихъ часъ, два, три, разговаривая о разныхъ предметахъ, но подразумѣвалъ одно то, что наполняло его душу, и не замѣчалъ того, что онъ надоѣлъ имъ ужасно и что имъ давно пора было спать. Свіяжскій проводилъ его до передней, зѣвая и удивляясь тому странному состоянію, въ которомъ былъ его пріятель. Былъ второй часъ. Левинъ вернулся въ гостиницу и испугался мысли о томъ, какъ онъ одинъ теперь со своимъ нетерпѣніемъ проведетъ остающіеся ему еще десять часовъ. Не спавшій чередовой лакей зажегъ ему свѣчи и хотѣлъ уйти, но Левинъ остановилъ его. Лакей этотъ, Егоръ, котораго прежде не замѣчалъ Левинъ, оказался очень умнымъ и хорошимъ, а главное добрымъ человѣкомъ.

— Что же, трудно, Егоръ, не спать?

— Что дѣлать? Наша должность такая. У господъ покойнѣе; зато расчетовъ здѣсь больше.

Оказалось, что у Егора была семья, три мальчика и дочь швея, которую онъ хотѣлъ отдать замужъ за приказчика въ шорной лавкѣ.

Левинъ по этому случаю сообщилъ Егору свою мысль о томъ, что въ бракѣ главное дѣло любовь и что съ любовью всегда будешь счастливъ, потому что счастіе бываетъ только въ себѣ самомъ.

Егоръ внимательно выслушалъ и очевидно вполнѣ понялъ мысль Левина, но въ подтвержденіе ея онъ привелъ неожиданное для Левина замѣчаніе о томъ, что, когда онъ жилъ у хорошихъ господъ, онъ всегда былъ своими господами дово-

ленъ и теперь вполнѣ доволенъ своимъ хозяиномъ, хотя онъ французъ.

«Удивительно добрый человѣкъ!» думалъ Левинъ.

— Ну, а ты, Егоръ, когда женился, ты любилъ свою жену?

— Какъ же не любить, — отвѣчалъ Егоръ.

И Левинъ видѣлъ, что Егоръ находился тоже въ восторженномъ состоянiи и намѣревался высказать всѣ свои задушевныя чувства.

— Моя жизнь тоже удивительная. Я сызмальства...—началъ онъ, блестя глазами, очевидно, заразившись восторженностью Левина, такъ же какъ люди заражаются зѣвотою.

Но въ это время послышался звонокъ; Егоръ ушелъ, и Левинъ остался одинъ. Онъ почти ничего не ѣлъ за обѣдомъ, отказался отъ чая и ужина у Свiяжскихъ, но не могъ подумать объ ужинѣ. Онъ не спалъ прошлую ночь, но не могъ и думать о снѣ. Въ комнатѣ было свѣжо, но его душила жара. Онъ отворилъ обѣ форточки и сѣлъ на столъ противъ форточекъ. Изъ-за покрытой снѣгомъ крыши видны были узорчатый съ цѣпями крестъ и выше его—поднимающiйся треугольникъ созвѣздiя Возничаго съ желтовато-яркою Капеллой. Онъ смотрѣлъ то на крестъ, то на звѣзду, вдыхалъ въ себя свѣжiй морозный воздухъ, равномѣрно вбѣгающiй въ комнату, и, какъ во снѣ, слѣдилъ за возникающими въ воображенiи образами и воспоминанiями. Въ четвертомъ часу онъ услыхалъ шаги по коридору и выглянулъ въ дверь. Это возвращался знакомый ему игрокъ Мяскинъ изъ клуба. Онъ шелъ мрачно, насупившись и откашливаясь. «Бѣдный, несчастный!» подумалъ Левинъ, и слезы выступили ему на глаза отъ любви и жалости къ этому человѣку. Онъ хотѣлъ поговорить съ нимъ, утѣшить его; но, вспомнивъ, что онъ въ одной рубашкѣ, раздумалъ и опять сѣлъ къ форточкѣ, чтобы купаться въ холодномъ воздухѣ и глядѣть на этотъ чудной формы молчаливый, но полный для него значенiя крестъ и на возносящуюся желто-яркую звѣзду. Въ седьмомъ часу зашумѣли полотеры, зазвонили къ какой-то службѣ, и Левинъ почувствовалъ, что начинаетъ зябнуть. Онъ затворилъ форточку, умылся, одѣлся и вышелъ на улицу.

XV.

На улицахъ еще было пусто. Левинъ пошелъ къ дому Щербацкихъ. Парадныя двери были заперты, и все спало. Онъ пошелъ назадъ, вошелъ опять въ нумеръ и потребовалъ кофей. Денной лакей, уже не Егоръ, принесъ ему. Левинъ хотѣлъ

вступить съ нимъ въ разговоръ, но лакею позвонили, и онъ ушелъ. Левинъ попробовалъ опять отпить кофе и положилъ калачъ въ ротъ, но ротъ его рѣшительно не зналъ, что дѣлать съ калачомъ. Левинъ выплюнулъ калачъ, надѣлъ пальто и пошелъ опять ходить. Былъ десятый часъ, когда онъ во второй разъ пришелъ къ крыльцу Щербацкихъ. Въ домѣ только что встали, и поваръ шелъ за провизiей. Надо было прожить еще, по крайней мѣрѣ, два часа.

Всю эту ночь и утро Левинъ жилъ совершенно безсознательно и чувствовалъ себя совершенно изъятымъ изъ условiй матерiальной жизни. Онъ не ѣлъ цѣлый день, не спалъ двѣ ночи, провелъ нѣсколько часовъ раздѣтый на морозѣ и чувствовалъ себя не только свѣжимъ и здоровымъ, какъ никогда, но онъ чувствовалъ себя совершенно независимымъ отъ тѣла: онъ двигался безъ усилiя мышцъ и чувствовалъ, что все можетъ сдѣлать. Онъ былъ увѣренъ, что полетѣлъ бы вверхъ или сдвинулъ бы уголъ дома, если бъ это понадобилось. Онъ проходилъ остальное время по улицамъ, безпрестанно посматривая на часы и оглядываясь по сторонамъ.

И что онъ видѣлъ тогда, того послѣ уже онъ никогда не видалъ. Въ особенности дѣти, шедшiя въ школу, голуби сизые, слетѣвшiе съ крыши на тротуаръ, и сайки, посыпанныя мукой, которыя выставила невидимая рука, тронули его. Эти сайки, голуби и два мальчика были неземныя существа. Все это случилось въ одно время: мальчикъ подбѣжалъ къ голубю и улыбаясь взглянулъ на Левина; голубь затрещалъ крыльями и отпорхнулъ, блестя на солнцѣ между дрожащими въ воздухѣ пылинками снѣга, а изъ окошка пахнуло духомъ печенаго хлѣба и выставились сайки. Все это вмѣстѣ было такъ необычайно хорошо, что Левинъ засмѣялся и заплакалъ отъ радости. Сдѣлавъ большой кругъ по Газетному переулку и Кисловкѣ, онъ вернулся опять въ гостиницу и, положивъ предъ собой часы, сѣлъ, ожидая двѣнадцати. Въ сосѣднемъ нумерѣ говорили что-то о машинахъ и обманѣ и кашляли утреннимъ кашлемъ. Они не понимали, что уже стрѣлка подходитъ къ двѣнадцати. Стрѣлка подошла. Левинъ вышелъ на крыльцо. Извозчики, очевидно, все знали. Они съ счастливыми лицами окружили Левина, споря между собой и предлагая свои услуги. Стараясь не обидѣть другихъ извозчиковъ и обѣщавъ съ тѣми тоже поѣздить, Левинъ взялъ одного и велѣлъ ѣхать къ Щербацкимъ. Извозчикъ былъ прелестенъ въ бѣломъ, высунутомъ изъ-подъ кафтана и натянутомъ на налитой, красной, крѣпкой шеѣ воротѣ рубахи. Сани у этого извозчика были высокiя, ловкiя, такiя, на какихъ Ле-

винъ уже послѣ никогда не ѣздилъ, и лошадь была хороша и старалась бѣжать, но не двигалась съ мѣста. Извозчикъ зналъ домъ Щербацкихъ и, особенно почтительно къ сѣдоку округливъ руки и сказавъ «тпру», осадилъ у подъѣзда. Швейцаръ Щербацкихъ навѣрное все зналъ. Это видно было по улыбкѣ его глазъ и потому, какъ онъ сказалъ:

— Ну, давно не были, Константинъ Дмитріевичъ!

Не только онъ все зналъ, но онъ, очевидно, ликовалъ и дѣлалъ усилія, чтобы скрыть свою радость. Взглянувъ въ его старческіе милые глаза, Левинъ понялъ даже что-то еще новое въ своемъ счастіи.

— Встали?

— Пожалуйте! А то оставьте здѣсь,—сказалъ онъ улыбаясь, когда Левинъ хотѣлъ вернуться взять шапку. Это что-нибудь значило.

— Кому доложить прикажете?—спросилъ лакей.

Лакей былъ хотя и молодой и изъ новыхъ лакеевъ, франтъ, но очень добрый и хорошій человѣкъ и тоже все понималъ.

— Княгинѣ... князю... княжнѣ...—сказалъ Левинъ.

Первое лицо, которое онъ увидалъ, была mademoiselle Linon. Она шла черезъ залу, и букольки и лицо ея сіяли. Онъ только что заговорилъ съ нею, какъ вдругъ за дверью послышался шорохъ платья, и mademoiselle Linon исчезла изъ глазъ Левина, и радостный ужасъ близости своего счастія сообщился ему. Mademoiselle Linon заторопилась и, оставивъ его, пошла къ другой двери. Только что она вышла, быстрые-быстрые, легкіе шаги зазвучали по паркету, и его счастіе, его жизнь, онъ самъ, лучшее его самого себя, то, чего онъ искалъ и желалъ такъ долго, быстро-быстро близилось къ нему. Она не шла, но какою-то невидимою силой неслась къ нему.

Онъ видѣлъ только ея ясные, правдивые глаза, испуганные тою же радостью любви, которая наполняла и его сердце. Глаза эти свѣтились ближе и ближе, ослѣпляя его своимъ свѣтомъ любви. Она остановилась подлѣ самого его, касаясь его. Руки ея поднялись и опустились ему на плечи.

Она сдѣлала все, что могла: она подбѣжала къ нему и отдалась вся, робѣя и радуясь. Онъ обнялъ ее и прижалъ губы къ ея рту, искавшему его поцѣлуя.

Она тоже не спала всю ночь и все утро ждала его.

Мать и отецъ были безспорно согласны и счастливы ея счастіемъ. Она ждала его. Она первая хотѣла объявить ему свое и его счастіе. Она готовилась одна встрѣтить его и радовалась этой мысли, и робѣла, и стыдилась, и сама не знала, что она

сдѣлаетъ. Она слышала его шаги и голосъ и ждала за дверью, пока уйдетъ mademoiselle Linon. Mademoiselle Linon ушла. Она, не думая, не спрашивая себя, какъ и что, подошла къ нему и сдѣлала то, что она сдѣлала.

— Пойдемте къ мама!—сказала она, взявъ его за руку. Онъ долго ничего не могъ сказать, не столько потому, чтобъ онъ боялся словомъ испортить высоту своего чувства, сколько потому, что каждый разъ, какъ онъ хотѣлъ сказать что-нибудь, вмѣсто словъ, онъ чувствовалъ, что у него вырвутся слезы счастія. Онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ.

— Неужели это правда?—сказалъ онъ, наконецъ, глухимъ голосомъ.—Я не могу вѣрить, что ты любишь меня!

Она улыбнулась этому «ты» и той робости, съ которою онъ взглянулъ на нее.

— Да!—значительно, медленно проговорила она.—Я такъ счастлива!

Она, не выпуская руки его, вошла въ гостиную. Княгиня, увидавъ ихъ, задышала часто и тотчасъ же заплакала, и тотчасъ же засмѣялась, и такимъ энергическимъ шагомъ, какого не ждалъ Левинъ, подбѣжала къ нимъ и, обнявъ голову Левина, поцѣловала его и обмочила его щеки слезами.

— Такъ все кончено! Я рада. Люби ее. Я рада... Кити!

— Скоро устроились!—сказалъ старый князь, стараясь быть равнодушнымъ; но Левинъ замѣтилъ, что глаза его были влажны, когда онъ обратился къ нему.—Я давно, всегда этого желалъ!—сказалъ князь, взявъ за руку Левина и притягивая его къ себѣ.—Я еще тогда, когда эта вѣтренница вздумала...

— Папа!—вскрикнула Кити и закрыла ему ротъ руками.

— Ну, не буду!—сказалъ онъ.—Я очень, очень... ра... Ахъ, какъ я глупъ...

Онъ обнялъ Кити, поцѣловалъ ея лицо, руку, опять лицо и перекрестилъ ее.

И Левина охватило новое чувство любви къ этому прежде чуждому ему человѣку, старому князю, когда онъ смотрѣлъ, какъ Кити долго и нѣжно цѣловала ему мясистую руку.

XVI.

Княгиня сидѣла въ креслѣ молча и улыбаясь; князь сѣлъ подлѣ нея. Кити стояла у кресла отца, все не выпуская его руку. Всѣ молчали.

Княгиня первая назвала все словами и перевела всѣ мысли и чувства въ вопросы жизни. И всѣмъ одинаково странно и больно даже это показалось въ первую минуту.

— Когда же? Надо благословить и объявить. А когда же свадьба? Какъ ты думаешь, Александръ?

— Вотъ онъ,—сказалъ старый князь, указывая на Левина,— онъ тутъ главное лицо.

— Когда? — сказалъ Левинъ краснѣя. — Завтра. Если вы меня спрашиваете, то по-моему нынче благословить и завтра свадьба.

— Ну, полно, mon cher, глупости.

— Ну, черезъ недѣлю.

— Онъ точно сумасшедшій.

— Нѣтъ, отчего же?

— Да помилуй!—радостно улыбаясь этой поспѣшности, сказала мать.—А приданое?

«Неужели будетъ приданое и все это?—подумалъ Левинъ съ ужасомъ.— А впрочемъ, развѣ можетъ приданое, и благословенье, и все это—развѣ это можетъ испортить мое счастіе? Ничто не можетъ испортить!—Онъ взглянулъ на Кити и замѣтилъ, что ее нисколько, нисколько не оскорбила мысль о приданомъ.— Стало быть, это нужно», подумалъ онъ.

— Я вѣдь ничего не знаю, я только сказалъ свое желаніе,— проговорилъ онъ, извиняясь.

— Такъ мы разсудимъ. Теперь можно благословить и объявить. Это такъ.

Княгиня подошла къ мужу, поцѣловала его и хотѣла идти, но онъ удержалъ ее, обнялъ и, нѣжно, какъ молодой влюбленный, нѣсколько разъ, улыбаясь, поцѣловалъ ее. Старики, очевидно, спутались на минутку и не знали хорошенько, они ли опять влюблены или только дочь ихъ. Когда князь съ княгиней вышли, Левинъ подошелъ къ своей невѣстѣ и взялъ ее за руку. Онъ теперь овладѣлъ собой и могъ говорить, и ему много нужно было сказать ей. Но онъ сказалъ совсѣмъ не то, что нужно было.

— Какъ я зналъ, что это такъ будетъ! Я никогда не надѣялся; но въ душѣ я былъ увѣренъ всегда,—сказалъ онъ.—Я вѣрю, что это было предназначено.

— А я?—сказала она.—Даже тогда...—она остановилась и опять продолжала, рѣшительно глядя на него своими правдивыми глазами,—даже тогда, когда я оттолкнула отъ себя свое счастіе. Я любила всегда васъ одного, но я была увлечена. Я должна сказать... Вы можете забыть это?

— Можетъ быть, это къ лучшему. Вы мнѣ должны простить многое. Я долженъ сказать вамъ...

Это было одно изъ того, что онъ рѣшилъ сказать ей. Онъ рѣшился сказать ей съ первыхъ же дней двѣ вещи: то, что онъ не такъ чистъ, какъ она, и другое—что онъ невѣрующій. Это было мучительно, но онъ считалъ, что долженъ сказать и то и другое.

— Нѣтъ, не теперь, послѣ!—сказалъ онъ.

— Хорошо, послѣ, но непремѣнно скажите. Я не боюсь ничего. Мнѣ нужно все знать. Теперь кончено.

Онъ досказалъ:

— Кончено то, что вы возьмете меня, какой бы я ни былъ... не откажетесь отъ меня? Да?

— Да, да.

Разговоръ ихъ былъ прерванъ mademoiselle Linon, которая, хотя и притворно, но нѣжно улыбаясь, пришла поздравить свою любимую воспитанницу. Еще она не вышла, какъ съ поздравленіемъ пришли слуги. Потомъ пріѣхали родные, и начался тотъ блаженный сумбуръ, изъ котораго Левинъ не выходилъ до другого дня своей свадьбы. Левину было постоянно неловко, скучно, но напряженіе счастія шло, все увеличиваясь. Онъ постоянно чувствовалъ, что отъ него требуется многое, чего онъ не знаетъ, и онъ дѣлалъ все, что ему говорили, и все это доставляло ему счастіе. Онъ думалъ, что его сватовство не будетъ имѣть ничего похожаго на другія, что обычныя условія сватовства испортятъ его особенное счастіе, но кончилось тѣмъ, что онъ дѣлалъ то же, что другіе, и счастіе его отъ этого только увеличивалось и дѣлалось болѣе и болѣе особеннымъ, не имѣвшимъ и не имѣющимъ ничего подобнаго.

— Теперь мы поѣдимъ конфетъ,—говорила m-lle Linon, и Левинъ ѣхалъ покупать конфеты.

— Ну, очень радъ,—сказалъ Свіяжскій.—Я вамъ совѣтую букеты брать у Ѳомина.

— А надо?—И онъ ѣхалъ къ Ѳомину.

Братъ говорилъ ему, что надо занять денегъ, потому что будетъ много расходовъ, подарки...

— А надо подарки?—И онъ скакалъ къ Фульде.

И у кондитера, и у Ѳомина, и у Фульде онъ видѣлъ, что его ждали, что ему рады и торжествуютъ его счастію такъ же, какъ и всѣ, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло въ эти дни. Необыкновенно было то, что его всѣ не только любили, но и всѣ прежде несимпатичные, холодные, равнодушные люди, восхищаясь имъ, покорялись ему во всемъ, нѣжно и деликатно обходились съ

его чувствомъ и раздѣляли его убѣжденіе, что онъ былъ счастливѣйшимъ въ мірѣ человѣкомъ, потому что невѣста его была верхъ совершенства. То же самое чувствовала и Кити. Когда графиня Нордстонъ позволила себѣ намекнуть о томъ, что она желала чего-то лучшаго, то Кити такъ разгорячилась и такъ убѣдительно доказала, что лучше Левина ничего не можетъ быть на свѣтѣ, что графиня Нордстонъ должна была признать это и въ присутствіи Кити безъ улыбки восхищенія уже не встрѣчала Левина.

Объясненіе, обѣщанное имъ, было одно тяжелое событіе того времени. Онъ посовѣтовался со старымъ княземъ и, получивъ его разрѣшеніе, передалъ Кити свой дневникъ, въ которомъ было написано то, что мучило его. Онъ и писалъ этотъ дневникъ тогда въ виду будущей невѣсты. Его мучили двѣ вещи: его невинность и невѣріе. Признаніе въ невѣріи прошло незамѣченнымъ. Она была религіозна, никогда не сомнѣвалась въ истинахъ религіи, но его внѣшнее невѣріе даже нисколько не затронуло ея. Она знала любовью всю его душу, и въ душѣ его она видѣла то, чего она хотѣла; а что такое состояніе души называется быть невѣрующимъ, это ей было все равно. Другое же признаніе заставило ее горько плакать.

Левинъ не безъ внутренней борьбы передалъ ей свой дневникъ. Онъ зналъ, что между нимъ и ею не можетъ и не должно быть тайнъ, и потому онъ рѣшилъ, что такъ должно, но онъ не далъ себѣ отчета о томъ, какъ это можетъ подѣйствовать, онъ не перенесся въ нее. Только когда въ этотъ вечеръ онъ пріѣхалъ къ нимъ предъ театромъ, вошелъ въ ея комнату и увидѣлъ заплаканное, несчастное отъ непоправимаго, имъ произведеннаго горя жалкое и милое лицо, онъ понялъ ту пучину, которая отдѣляла его позорное прошедшее отъ ея голубиной чистоты, и ужаснулся тому, что̀ онъ сдѣлалъ.

— Возьмите, возьмите эти ужасныя книги!—сказала она, отталкивая лежавшія передъ ней на столѣ тетради.—Зачѣмъ вы дали ихъ мнѣ!.. Нѣтъ, все-таки лучше,—прибавила она, сжалившись надъ его отчаяннымъ лицомъ.—Но это ужасно, ужасно!

Онъ опустилъ голову и молчалъ. Онъ ничего не могъ сказать.

— Вы не простите меня, — прошепталъ онъ.

— Нѣтъ, я простила. Но это ужасно!

Однако счастіе его было такъ велико, что это признаніе не нарушило его, а придало ему только новый оттѣнокъ. Она простила его; но съ тѣхъ поръ онъ еще болѣе считалъ себя недостойнымъ ея, еще ниже нравственно склонялся предъ нею и еще выше цѣнилъ свое незаслуженное счастіе.

XVII.

Невольно перебирая въ своемъ воспоминаніи впечатлѣнія разговоровъ, веденныхъ во время и послѣ обѣда, Алексѣй Александровичъ возвращался въ свой одинокій нумеръ. Слова Дарьи Александровны о прощеніи произвели въ немъ только досаду. Приложеніе или неприложеніе христіанскаго правила къ своему случаю былъ вопросъ слишкомъ трудный, о которомъ нельзя было говорить слегка, и вопросъ этотъ былъ уже давно рѣшенъ Алексѣемъ Александровичемъ отрицательно. Изъ всего сказаннаго наиболѣе запали въ его воображеніе слова глупаго, добраго Туровцына: *молодецки поступилъ, вызвалъ на дуэль и убилъ*. Всѣ, очевидно, сочувствовали этому, хотя изъ учтивости и не высказали этого.

«Впрочемъ, это дѣло кончено, нечего думать объ этомъ», сказалъ себѣ Алексѣй Александровичъ. И, думая только о предстоящемъ отъѣздѣ и дѣлѣ ревизіи, онъ вошелъ въ свой нумеръ и спросилъ у провожавшаго швейцара, гдѣ его лакей; швейцаръ сказалъ, что лакей только что вышелъ. Алексѣй Александровичъ велѣлъ себѣ подать чаю, сѣлъ къ столу и, взявъ Фрума, сталъ соображать маршрутъ путешествія.

— Двѣ телеграммы,—сказалъ вернувшійся лакей, входя въ комнату.—Извините, ваше превосходительство, я только что вышелъ.

Алексѣй Александровичъ взялъ телеграммы и распечаталъ. Первая телеграмма было извѣстіе о назначеніи Стремова на то самое мѣсто, котораго желалъ Каренинъ. Алексѣй Александровичъ бросилъ депешу и, покраснѣвъ, всталъ и сталъ ходить по комнатѣ: Quos vult perdere dementat», сказалъ онъ, разумѣя подъ quos тѣ лица, которыя содѣйствовали этому назначенію. Ему не то было досадно, что не онъ получилъ это мѣсто, что его очевидно обошли; но ему непонятно, удивительно было, какъ они не видали, что болтунъ, фразеръ Стремовъ менѣе всякаго другого способенъ къ этому. Какъ они не видали, что они губили себя, свой prestige этимъ назначеніемъ.

«Что-нибудь еще въ этомъ родѣ», сказалъ онъ себѣ желчно, открывая вторую депешу. Телеграмма была отъ жены. Подпись ея синимъ карандашомъ, «Анна», первая бросилась ему въ глаза. «Умираю, прошу, умоляю пріѣхать. Умру съ прощеніемъ спокойнѣе», прочелъ онъ. Онъ презрительно улыбнулся и бросилъ телеграмму. Что это былъ обманъ и хитрость, въ этомъ, какъ

ему казалось въ первую минуту, не могло быть никакого сомнѣнья.

«Нѣтъ обмана, предъ которымъ бы она остановилась. Она должна родить. Можетъ быть, болѣзнь родовъ. Но какая же ихъ цѣль? Узаконить ребенка, компрометировать меня и помѣшать разводу, — думалъ онъ. — Но что-то тамъ сказано: «умираю...»—Онъ перечелъ телеграмму, и вдругъ прямой смыслъ того, что было сказано въ ней, поразилъ его.—А если это правда?—сказалъ онъ себѣ.—Если правда, что въ минуту страданій и близости смерти она искренно раскаивается, и я, принявъ это за обманъ, откажусь пріѣхать? Это будетъ не только жестоко и всѣ осудятъ меня, но это будетъ глупо съ моей стороны».

— Петръ, останови карету. Я ѣду въ Петербургъ,—сказалъ онъ лакею.

Алексѣй Александровичъ рѣшилъ, что поѣдетъ въ Петербургъ и увидитъ жену. Если ея болѣзнь есть обманъ, то онъ промолчитъ и уѣдетъ. Если она дѣйствительно больна при смерти и желаетъ его видѣть предъ смертью, то онъ проститъ ее, если застанетъ въ живыхъ, и отдастъ послѣдній долгъ, если пріѣдетъ слишкомъ поздно.

Всю дорогу онъ не думалъ больше о томъ, что ему дѣлать.

Съ чувствомъ усталости и нечистоты, производимымъ ночью въ вагонѣ, въ раннемъ туманѣ Петербурга Алексѣй Александровичъ ѣхалъ по пустынному Невскому и глядѣлъ предъ собою, не думая о томъ, что ожидало его. Онъ не могъ думать объ этомъ, потому что, представляя себѣ то, что будетъ, онъ не могъ отогнать предположенія о томъ, что смерть ея развяжетъ сразу всю трудность его положенія. Хлѣбники, лавки запертыя, ночные извозчики, дворники, метущіе тротуары, мелькали въ его глазахъ, и онъ наблюдалъ все это, стараясь заглушить въ себѣ мысль о томъ, что ожидаетъ его и чего онъ не смѣетъ желать и все-таки желаетъ. Онъ подъѣхалъ къ крыльцу. Извозчикъ и карета со спящимъ кучеромъ стояли у подъѣзда. Входя въ сѣни, Алексѣй Александровичъ какъ бы досталъ изъ дальняго угла своего мозга рѣшеніе и справился съ нимъ. Тамъ значилось: «если обманъ, то презрѣніе спокойное и уѣхать; если правда, то соблюсти приличія».

Швейцаръ отворилъ дверь еще прежде, чѣмъ Алексѣй Александровичъ позвонилъ. Швейцаръ Петровъ, иначе Капитонычъ, имѣлъ странный видъ въ старомъ сюртукѣ, безъ галстука и въ туфляхъ.

— Что барыня?

— Вчера разрѣшились благополучно.

Алексѣй Александровичъ остановился и поблѣднѣлъ. Онъ ясно понялъ теперь, съ какою силой онъ желалъ ея смерти.

— А здоровье?

Корней въ утреннемъ фартукѣ сбѣжалъ съ лѣстницы.

— Очень плохо, — отвѣчалъ онъ. — Вчера былъ докторскій съѣздъ и теперь докторъ здѣсь.

— Возьми вѣщи,—сказалъ Алексѣй Александровичъ и, испытывая нѣкоторое облегченіе отъ извѣстія, что есть все-таки надежда смерти, онъ вошелъ въ переднюю.

На вѣшалкѣ было военное пальто. Алексѣй Александровичъ замѣтилъ это и спросилъ:

— Кто здѣсь?

— Докторъ, акушерка и графъ Вронскій.

Алексѣй Александровичъ прошелъ во внутреннія комнаты.

Въ гостиной никого не было; изъ ея кабинета на звукъ его шаговъ вышла акушерка въ чепцѣ съ лиловыми лентами.

Она подошла къ Алексѣю Александровичу и съ фамильярностью близости смерти, взявъ его за руку, повлекла въ спальню.

— Слава Богу, что вы пріѣхали! Только о васъ и о васъ,— сказала она.

— Дайте же льду скорѣе!—сказалъ изъ спальни повелительный голосъ доктора.

Алексѣй Александровичъ прошелъ въ ея кабинетъ. У ея стола бокомъ къ спинкѣ на низкомъ стулѣ сидѣлъ Вронскій и, закрывъ лицо руками, плакалъ. Онъ вскочилъ на голосъ доктора, отнялъ руки отъ лица и увидалъ Алексѣя Александровича. Увидавъ мужа, онъ такъ смутился, что опять сѣлъ, втягивая голову въ плечи, какъ бы желая исчезнуть куда-нибудь; но онъ сдѣлалъ усиліе надъ собой, поднялся и сказалъ:

— Она умираетъ. Доктора сказали, что нѣтъ надежды. Я весь въ вашей власти, но позвольте мнѣ быть тутъ... впрочемъ, я въ вашей волѣ, я...

Алексѣй Александровичъ, увидавъ слезы Вронскаго, почувствовалъ приливъ того душевнаго разстройства, которое производилъ въ немъ видъ страданій другихъ людей, и, отворачивая лицо, онъ, не дослушавъ его словъ, поспѣшно пошелъ къ двери. Изъ спальни слышался голосъ Анны, говорившій что-то. Голосъ ея былъ веселый, оживленный, съ чрезвычайно опредѣленными интонаціями. Алексѣй Александровичъ вошелъ въ спальню и подошелъ къ кровати. Она лежала, повернувшись лицомъ къ нему. Щеки рдѣли румянцемъ, глаза блестѣли, маленькія бѣлыя руки, высовываясь изъ манжетъ кофты, играли угломъ одѣяла, перевивая его. Казалось, она была не только

здорова и свѣжа, но въ наилучшемъ расположеніи духа. Она говорила скоро, звучно и съ необыкновенно правильными и прочувствованными интонаціями.

— Потому что Алексѣй, я говорю про Алексѣя Александровича (какая странная, ужасная судьба, что оба Алексѣя, не правда ли?), Алексѣй не отказалъ бы мнѣ. Я бы забыла, онъ бы простилъ... Да что жъ онъ не ѣдетъ? Онъ добръ, онъ самъ не знаетъ, какъ онъ добръ. Ахъ, Боже мой, какая тоска! Дайте мнѣ поскорѣй воды! Ахъ, это ей, дѣвочкѣ моей, будетъ вредно! Ну, хорошо, ну, дайте ей кормилицу. Ну, я согласна, это даже лучше. Онъ пріѣдетъ, ему больно будетъ видѣть ее. Отдайте ее.

— Анна Аркадьевна, онъ пріѣхалъ. Вотъ онъ,—говорила акушерка, стараясь обратить на Алексѣя Александровича ея вниманіе.

— Ахъ, какой вздоръ!—продолжала Анна, не видя мужа.— Да дайте мнѣ ее, дѣвочку, дайте! Онъ еще не пріѣхалъ. Вы оттого говорите, что не проститъ, что вы не знаете его. Никто не зналъ. Одна я, и то мнѣ тяжело стало. Его глаза, надо знать, у Сережи точно такіе же, и я ихъ видѣть не могу отъ этого. Дали ли Сережѣ обѣдать? Вѣдь я знаю, всѣ забудутъ. Онъ бы не забылъ. Надо Сережу перевести въ угольную и Mariette попросить съ нимъ лечь.

Вдругъ она сжалась, затихла и съ испугомъ, какъ будто ожидая удара, какъ будто защищаясь, подняла руки къ лицу. Она увидала мужа.

— Нѣтъ, нѣтъ!—заговорила она,—я не боюсь его, я боюсь смерти. Алексѣй, подойди сюда. Я тороплюсь оттого, что мнѣ некогда, мнѣ осталось жить немного, сейчасъ начнется жаръ, и я ничего уже не пойму. Теперь я понимаю и все понимаю, я все вижу.

Сморщенное лицо Алексѣя Александровича приняло страдальческое выраженіе; онъ взялъ ее за руку и хотѣлъ что-то сказать, но никакъ не могъ выговорить; нижняя губа его дрожала, но онъ все еще боролся со своимъ волненіемъ и только изрѣдка взглядывалъ на нее. И каждый разъ, какъ онъ взглядывалъ, онъ видѣлъ глаза ея, которые смотрѣли на него съ такою умиленною и восторженною нѣжностью, какой онъ никогда не видалъ въ нихъ.

— Подожди, ты не знаешь... Постойте, постойте...—она остановилась, какъ бы собираясь съ мыслями.—Да,—начинала она.—Да, да, да. Вотъ что я хотѣла сказать. Не удивляйся на меня. Я все та же... Но во мнѣ есть другая, я ея боюсь, она полюбила того, и я хотѣла возненавидѣть тебя и не могла за-

быть про ту, которая была прежде. Та не я. Теперь я настоящая, я вся. Я теперь умираю, я знаю, что умру, спроси у него. Я и теперь чувствую, вотъ они, пуды на рукахъ, на ногахъ, на пальцахъ. Пальцы—вотъ какіе огромные! Но это все скоро кончится... Одно мнѣ нужно: ты прости меня, прости совсѣмъ! Я ужасна, но мнѣ няня говорила: святая мученица—какъ ее звали?—она хуже была. И я поѣду въ Римъ, тамъ пустыни, и тогда я никому не буду мѣшать, только Сережу возьму и дѣвочку... Нѣтъ, ты не можешь простить! Я знаю, этого нельзя простить! Нѣтъ, нѣтъ, уйди, ты слишкомъ хорошъ!—Она держала одною горячею рукой его руку, другою отталкивала его.

Душевное разстройство Алексѣя Александровича все усиливалось и дошло теперь до такой степени, что онъ уже пересталъ бороться съ нимъ; онъ вдругъ почувствовалъ, что то, что онъ считалъ душевнымъ разстройствомъ, было, напротивъ, блаженное состояніе души, давшее ему вдругъ новое, никогда неиспытанное имъ счастіе. Онъ не думалъ, что тотъ христіанскій законъ, которому онъ всю жизнь свою хотѣлъ слѣдовать, предписывалъ ему прощать и любить своихъ враговъ; но радостное чувство любви и прощенія къ врагамъ наполняло его душу. Онъ стоялъ на колѣняхъ и, положивъ голову на сгибъ ея руки, которая жгла его огнемъ черезъ кофту, рыдалъ, какъ ребенокъ. Она обняла его плѣшивѣющую голову, подвинулась къ нему и съ вызывающею гордостью подняла кверху глаза.

— Вотъ онъ, я знала! Теперь прощайте всѣ, прощайте!.. Опять они пришли, отчего они не уходятъ?.. Да снимите же съ меня эти шубы!

Докторъ отнялъ ея руки, осторожно положивъ ее на подушку, и накрылъ съ плечами. Она покорно легла навзничь и смотрѣла передъ собой сіяющимъ взглядомъ.

— Помни одно, что мнѣ нужно было одно прощеніе, и ничего больше я не хочу... Отчего жъ онъ не придетъ?—заговорила она, обращаясь въ дверь къ Вронскому.—Подойди, подойди! Подай ему руку.

Вронскій подошелъ къ краю кровати и, увидавъ Анну, опять закрылъ лицо руками.

— Открой лицо, смотри на него. Онъ святой,—сказала она.—Да открой. открой лицо!—сердито заговорила она.—Алексѣй Александровичъ, открой ему лицо! Я хочу его видѣть.

Алексѣй Александровичъ взялъ руки Вронскаго и отвелъ ихъ отъ лица, ужаснаго по выраженію страданія и стыда, которые были на немъ.

— Подай ему руку. Прости его.

Алексѣй Александровичъ подалъ ему руку, не удерживая слезъ, которыя лились изъ его глазъ.

— Слава Богу, слава Богу,—заговорила она,—теперь все готово. Только немножко вытянуть ноги. Вотъ такъ, вотъ прекрасно. Какъ эти цвѣты сдѣланы безъ вкуса, совсѣмъ не похоже на фіалку,—говорила она, указывая на обои.—Боже мой, Боже мой! Когда это кончится? Дайте мнѣ морфину. Докторъ! дайте же морфину. О Боже мой, Боже мой!

И она заметалась на постели.

Докторъ и доктора говорили, что это была родильная горячка, въ которой изъ ста было 99 шансовъ, что кончится смертью. Весь день были жаръ, вредъ и безпамятство. Къ полночи больная лежала безъ чувствъ и почти безъ пульса.

Ждали конца каждую минуту.

Вронскій уѣхалъ домой, но утромъ онъ пріѣхалъ узнать, и Алексѣй Александровичъ, встрѣтивъ его въ передней, сказалъ: «оставайтесь, можетъ быть, она спроситъ васъ», и самъ провелъ его въ кабинетъ жены. Къ утру опять началось волненіе, живость, быстрота мысли и рѣчи и опять кончилось безпамятствомъ. На третій день было то же, и доктора сказали, что есть надежда. Въ этотъ день Алексѣй Александровичъ вышелъ въ кабинетъ, гдѣ сидѣлъ Вронскій, и, заперевъ дверь, сѣлъ противъ него.

— Алексѣй Александровичъ,—сказалъ Вронскій, чувствуя, что приближается объясненіе,—я не могу говорить, не могу понимать. Пощадите меня! Какъ вамъ ни тяжело, повѣрьте, что мнѣ еще ужаснѣе.

Онъ хотѣлъ встать. Но Алексѣй Александровичъ взялъ его за руку и сказалъ:

— Я прошу васъ выслушать меня, это необходимо. Я долженъ вамъ объяснить свои чувства, тѣ, которыя руководили мной и будутъ руководить, чтобы вы не заблуждались относительно меня. Вы знаете, что я рѣшился на разводъ и даже началъ это дѣло. Не скрою отъ васъ, что, начиная дѣло, я былъ въ нерѣшительности, я мучился; признаюсь вамъ, что желаніе мстить вамъ и ей преслѣдовало меня. Когда я получилъ телеграмму, я поѣхалъ сюда съ тѣми же чувствами, скажу больше: я желалъ ея смерти. Но... — онъ помолчалъ въ раздумьи, открыть или не открыть ему свое чувство. — Но я увидѣлъ ее и простилъ. И счастіе прощенія открыло мнѣ мою обязанность. Я простилъ совершенно. Я хочу подставить другую щеку, я хочу отдать рубаху, когда у меня берутъ кафтанъ,

Молю Бога только о томъ, чтобы Онъ не отнялъ у меня счастія прощенія!

Слезы стояли въ его глазахъ, и свѣтлый, спокойный взглядъ ихъ поразилъ Вронскаго.

— Вотъ мое положеніе. Вы можете затоптать меня въ грязь, сдѣлать посмѣшищемъ свѣта, я не покину ея и никогда слова упрека не скажу вамъ,—продолжалъ Алексѣй Александровичъ.— Моя обязанность ясно начертана для меня: я долженъ быть съ ней и буду. Если она пожелаетъ васъ видѣть, я дамъ вамъ знать, но теперь, я полагаю, вамъ лучше удалиться.

Онъ всталъ, и рыданія прервали его рѣчь. Вронскій тоже поднялся и въ нагнутомъ, невыпрямленномъ состояніи, исподлобья глядѣлъ на него. Онъ не понималъ чувствъ Алексѣя Александровича. Но онъ чувствовалъ, что это было что-то высшее и даже недоступное ему въ міровоззрѣніи.

XVIII.

Послѣ разговора своего съ Алексѣемъ Александровичемъ Вронскій вышелъ на крыльцо дома Карениныхъ и остановился, съ трудомъ вспоминая, гдѣ онъ и куда ему надо идти или ѣхать. Онъ чувствовалъ себя пристыженнымъ, униженнымъ, виноватымъ и лишеннымъ возможности смыть свое униженіе. Онъ чувствовалъ себя выбитымъ изъ той колеи, по которой онъ такъ гордо и легко шелъ до сихъ поръ. Всѣ, казавшіеся столь твердыми, привычки и уставы его жизни вдругъ оказались ложными и неприложимыми. Обманутый мужъ, представлявшійся до сихъ поръ жалкимъ существомъ, случайною и нѣсколько комической помѣхой его счастію, вдругъ ею же самой былъ вызванъ, вознесенъ на внушающую подобострастіе высоту, и этотъ мужъ явился на этой высотѣ не злымъ, не фальшивымъ, не смѣшнымъ, но добрымъ, простымъ и величественнымъ. Этого не могъ не почувствовать Вронскій. Роли вдругъ измѣнились. Вронскій чувствовалъ его высоту и свое униженіе, его правоту и свою неправду. Онъ почувствовалъ, что мужъ былъ великодушенъ и въ своемъ горѣ, а онъ низокъ, мелоченъ въ своемъ обманѣ. Но это сознаніе своей низости передъ тѣмъ человѣкомъ, котораго онъ несправедливо презиралъ, составляло только малую часть его горя. Онъ чувствовалъ себя невыразимо несчастнымъ теперь отъ того, что страсть его къ Аннѣ, которая охлаждалась, ему казалось, въ послѣднее время, теперь, когда онъ зналъ, что навсегда потерялъ ее, стала сильнѣе, чѣмъ была когда-нибудь.

Онъ увидалъ ее всю во время ея болѣзни, узналъ ея душу, и ему казалось, что онъ никогда до тѣхъ поръ не любилъ ея. И теперь-то, когда онъ узналъ ее, полюбилъ, какъ должно было любить, онъ былъ униженъ передъ нею и потерялъ ее навсегда, оставивъ въ ней о себѣ одно постыдное воспоминаніе. Ужаснѣе же всего было то смѣшное, постыдное положеніе его, когда Алексѣй Александровичъ отдиралъ ему руки отъ его пристыженнаго лица. Онъ стоялъ на крыльцѣ дома Карениныхъ, какъ потерянный, и не зналъ, что дѣлать.

— Извозчика прикажете?—спросилъ швейцаръ.

— Да, извозчика.

Вернувшись домой послѣ трехъ безсонныхъ ночей, Вронскій, не раздѣваясь, легъ ничкомъ на диванъ, сложивъ руки и положивъ на нихъ голову. Голова его была тяжела. Представленія, воспоминанія и мысли самыя странныя съ чрезвычайною быстротой и ясностью смѣнялись одна другою: то это было лѣкарство, которое онъ наливалъ больной и перелилъ черезъ ложку, то бѣлыя руки акушерки, то странное положеніе Алексѣя Александровича на полу передъ кроватью.

«Заснуть! забыть!» сказалъ онъ себѣ со спокойною увѣренностью здороваго человѣка въ томъ, что если онъ усталъ и хочетъ спать, то сейчасъ же и заснетъ. И дѣйствительно, въ то же мгновеніе въ головѣ стало путаться, и онъ сталъ проваливаться въ пропасть забвенія. Волны моря безсознательной жизни стали уже сходиться надъ его головой, какъ вдругъ точно сильнѣйшій зарядъ электричества былъ разряженъ въ него. Онъ вздрогнулъ такъ, что всѣмъ тѣломъ подпрыгнулъ на пружинахъ дивана, и, упершись руками, съ испугомъ вскочилъ на колѣни. Глаза его были широко открыты, какъ будто онъ никогда не спалъ. Тяжесть головы и вялость членовъ, которыя онъ испытывалъ за минуту, вдругъ исчезли.

«Вы можете затоптать въ грязь», слышалъ онъ слова Алексѣя Александровича и видѣлъ его передъ собой, и видѣлъ съ горячечнымъ румянцемъ и блестящими глазами лицо Анны, съ нѣжностью и любовью смотрящее не на него, а на Алексѣя Александровича; онъ видѣлъ свою, какъ ему казалось, глупую и смѣшную фигуру, когда Алексѣй Александровичъ отнялъ ему отъ лица руки. Онъ опять вытянулъ ноги и бросился на диванъ въ прежней позѣ и закрылъ глаза.

«Заснуть! заснуть!» повторилъ онъ себѣ. Но съ закрытыми глазами онъ еще яснѣе видѣлъ лицо Анны такимъ, какое оно было въ памятный ему вечеръ скачекъ.

— Этого нѣтъ и не будетъ, и она желаетъ стереть это изъ своего воспоминанія. А я не могу жить безъ этого. Какъ же намъ помириться, какъ же намъ помириться?—сказалъ онъ вслухъ и безсознательно сталъ повторять эти слова. Это повтореніе словъ удерживало возникновеніе новыхъ образовъ и воспоминаній, которые, онъ чувствовалъ, толпились въ его головѣ. Но повтореніе словъ удержало воображеніе не надолго. Опять одна за другой стали представляться съ чрезвычайною быстротой лучшія минуты и вмѣстѣ съ ними недавнее униженіе. «Отними руки», говоритъ голосъ Анны. Онъ отнимаетъ руки и чувствуетъ пристыженное и глупое выраженіе своего лица.

Онъ все лежалъ, стараясь заснуть, хотя чувствовалъ, что не было ни малѣйшей надежды, и все повторялъ шопотомъ случайныя слова изъ какой-нибудь мысли, желая этимъ удержать возникновеніе новыхъ образовъ. Онъ прислушался — и услыхалъ страннымъ, сумасшедшимъ шопотомъ повторяемыя слова: «не умѣлъ цѣнить, не умѣлъ пользоваться; не умѣлъ цѣнить, не умѣлъ пользоваться».

«Что это? или я съ ума схожу?—сказалъ онъ себѣ.—Можетъ быть. Отчего же и сходятъ съ ума, отчего же и стрѣляются?» отвѣтилъ онъ самъ себѣ, и, открывъ глаза, съ удивленіемъ увидѣлъ подлѣ своей головы шитую подушку работы Вари, жены брата. Онъ потрогалъ кисть подушки и попытался вспомнить о Варѣ, о томъ, когда онъ видѣлъ ее послѣдній разъ. Но думать о чемъ-нибудь постороннемъ было мучительно. «Нѣтъ, надо заснуть!» Онъ подвинулъ подушку и прижался къ ней головой, но надо было дѣлать усиліе, чтобы держать глаза закрытыми. Онъ вскочилъ и сѣлъ. «Это кончено для меня,—сказалъ онъ себѣ. — Надо обдумать, что дѣлать. Что осталось?» Мысль его быстро обѣжала жизнь внѣ его любви къ Аннѣ.

«Честолюбіе? Серпуховской? свѣтъ? дворъ?» ни на чемъ онъ не могъ остановиться. Все это имѣло смыслъ прежде, но теперь ничего этого уже не было. Онъ всталъ съ дивана, снялъ сюртукъ, выпустилъ ремень и, открывъ мохнатую грудь, чтобы дышать свободнѣе, прошелся по комнатѣ. «Такъ сходятъ съ ума, — повторилъ онъ, — и такъ стрѣляются... чтобы не было стыдно», добавилъ онъ медленно.

Онъ подошелъ къ двери и затворилъ ее; потомъ съ остановившимся взглядомъ и со стиснутыми крѣпко зубами подошелъ къ столу, взялъ револьверъ, оглянулъ его, перевернулъ на заряженный стволъ и задумался. Минуты двѣ, опустивъ голову съ выраженіемъ напряженнаго усилія мысли, стоялъ онъ съ револьверомъ въ рукахъ неподвижно и думалъ. «Разумѣется»,

сказалъ онъ себѣ, какъ будто логическій, продолжительный и ясный ходъ мысли привелъ его къ несомнѣнному заключенію. Въ дѣйствительности же это убѣдительное для него «разумѣется» было только послѣдствіемъ повторенія точно такого же круга воспоминаній и представленій, черезъ который онъ прошелъ уже десятки разъ въ этотъ часъ времени. Тѣ же были воспоминанія счастія, навсегда потеряннаго, то же представленіе безсмысленности всего предстоящаго въ жизни, то же сознаніе своего униженія. Та же была и послѣдовательность этихъ представленій и чувствъ.

«Разумѣется», повторилъ онъ, когда въ третій разъ мысль его направилась опять по тому же самому заколдованному кругу воспоминаній и мыслей, и, приложивъ револьверъ къ лѣвой сторонѣ груди и сильно дернувшись всею рукой, какъ бы вдругъ сжимая ее въ кулакъ, онъ потянулъ за гашетку. Онъ не слыхалъ звука выстрѣла, но сильный ударъ въ грудь сбилъ его съ ногъ. Онъ хотѣлъ удержаться за край стола, уронилъ револьверъ, пошатнулся и сѣлъ на землю, удивленно оглядываясь вокругъ себя. Онъ не узнавалъ своей комнаты, глядя снизу на выгнутыя ножки стола, на корзинку для бумагъ и тигровую шкуру. Быстрые скрипящіе шаги слуги, шедшаго по гостиной, заставили его опомниться. Онъ сдѣлалъ усиліе мысли и понялъ, что онъ на полу, и, увидавъ кровь на тигровой шкурѣ и у себя на рукѣ, понялъ, что онъ стрѣлялся..

«Глупо! Не попалъ», проговорилъ онъ, шаря рукой за револьверомъ. Револьверъ былъ подлѣ него,—онъ искалъ дальше. Продолжая искать, онъ потянулся въ другую сторону и, не въ силахъ удержать равновѣсіе, упалъ, истекая кровью.

Элегантный слуга съ бакенбардами, неоднократно жаловавшійся своимъ знакомымъ на слабость своихъ нервовъ, такъ испугался, увидавъ лежавшаго на полу господина, что оставилъ его истекать кровью и убѣжалъ за помощью. Черезъ часъ Варя, жена брата, пріѣхала и съ помощью трехъ явившихся докторовъ, за которыми она послала во всѣ стороны и которые пріѣхали въ одно время, уложила раненаго на постель и осталась у него ходить за нимъ.

XIX.

Ошибка, сдѣланная Алексѣемъ Александровичемъ въ томъ, что онъ, готовясь на свиданіе съ женой, не обдумалъ той случайности, что раскаяніе ея будетъ искренно и онъ проститъ, а она не умретъ, — эта ошибка черезъ два мѣсяца послѣ его воз-

вращенія изъ Москвы представилась ему во всей своей силѣ. Но ошибка, сдѣланная имъ, произошла не отъ того только, что онъ не обдумалъ этой случайности, а отъ того тоже, что онъ до этого дня свиданія съ умирающей женой не зналъ своего сердца. Онъ у постели больной жены въ первый разъ въ жизни отдался тому чувству умиленнаго состраданія, которое въ немъ вызывали страданія другихъ людей и котораго онъ прежде стыдился, какъ вредной слабости; и жалость къ ней, и раскаяніе въ томъ, что онъ желалъ ея смерти, и, главное, самая радость прощенія сдѣлали то, что онъ вдругъ почувствовалъ не только утоленіе своихъ страданій, но и душевное спокойствіе, которыхъ она никогда прежде не испытывалъ. Онъ вдругъ почувствовалъ, что то самое, что̀ было источникомъ его страданій, стало источникомъ его духовной радости; то, что̀ казалось неразрѣшимымъ, когда онъ осуждалъ, упрекалъ и ненавидѣлъ, стало просто и ясно, когда онъ прощалъ и любилъ.

Онъ простилъ жену и жалѣлъ ее за ея страданія и раскаяніе. Онъ простилъ Вронскому и жалѣлъ его, особенно послѣ того, какъ до него дошли слухи о его отчаянномъ поступкѣ. Онъ жалѣлъ и сына больше, чѣмъ прежде. И упрекалъ себя теперь за то, что слишкомъ мало занимался имъ. Но къ новорожденной маленькой дѣвочкѣ онъ испытывалъ какое-то особенное чувство не только жалости, но и нѣжности. Сначала онъ изъ одного чувства состраданія занялся тою новорожденною слабенькою дѣвочкой, которая не была его дочь и которая была заброшена во время болѣзни матери и, навѣрно, умерла бы, если бъ онъ о ней не позаботился,—и самъ не замѣтилъ, какъ онъ полюбилъ ее. Онъ по нѣскольку разъ въ день ходилъ въ дѣтскую и подолгу сиживалъ тамъ, такъ что кормилица и няня, сперва робѣвшія предъ нимъ, привыкли къ нему. Онъ иногда по получасу молча глядѣлъ на спящее шафранно-красное, пушистое и сморщенное личико ребенка и наблюдалъ за движеніями хмурящагося лба и за пухлыми ручонками съ подвернутыми пальцами, которыя задомъ ладоней терли глазенки и переносицу. Въ такія минуты въ особенности Алексѣй Александровичъ чувствовалъ себя совершенно спокойнымъ и согласнымъ съ собой и не видѣлъ въ своемъ положеніи ничего необыкновеннаго, ничего такого, что̀ бы нужно было измѣнить.

Но чѣмъ болѣе проходило времени, тѣмъ яснѣе онъ видѣлъ, что, какъ ни естественно теперь для него это положеніе, его не допустятъ оставаться въ немъ. Онъ чувствовалъ, что кромѣ благой духовной силы, руководившей его душой, была другая, грубая, столь же или еще болѣе властная сила, которая руко-

водила его жизнью, и что эта сила не дастъ ему того смиреннаго спокойствія, котораго онъ желалъ. Онъ чувствовалъ, что всѣ смотрѣли на него съ вопросительнымъ удивленіемъ, что не понимали его и ожидали отъ него чего-то. Въ особенности онъ чувствовалъ непрочность и неестественность своихъ отношеній съ женой.

Когда прошло то размягченіе, произведенное въ ней близостью смерти, Алексѣй Александровичъ сталъ замѣчать, что Анна боялась его, тяготилась имъ и не могла смотрѣть ему прямо въ глаза. Она какъ будто что-то хотѣла и не рѣшалась сказать ему и тоже, какъ бы предчувствуя, что ихъ отношенія не могутъ продолжаться, чего-то ожидала отъ него.

Въ концѣ февраля случилось, что новорожденная дочь Анны, названная тоже Анной, заболѣла. Алексѣй Александровичъ былъ утромъ въ дѣтской и, распорядившись послать за докторомъ, поѣхалъ въ министерство. Окончивъ свои дѣла, онъ вернулся домой въ четвертомъ часу. Войдя въ переднюю, онъ увидалъ красавца-лакея въ галунахъ и въ медвѣжьей пелеринкѣ, державшаго бѣлую ротонду изъ американской собаки.

— Кто здѣсь?—спросилъ Алексѣй Александровичъ.

— Княгиня Елизавета Өедоровна Тверская,—съ улыбкой, какъ показалось Алексѣю Александровичу, отвѣчалъ лакей.

Во все это тяжелое время Алексѣй Александровичъ замѣчалъ, что свѣтскіе знакомые его, особенно женщины, принимали особенное участіе въ немъ и его женѣ. Онъ замѣчалъ во всѣхъ этихъ знакомыхъ съ трудомъ скрываемую радость чего-то,—ту самую радость, которую онъ видѣлъ въ глазахъ адвоката и теперь въ глазахъ лакея. Всѣ какъ будто были въ восторгѣ, какъ будто выдавали кого-то замужъ. Когда его встрѣчали, то съ едва скрываемою радостью спрашивали о ея здоровьѣ.

Присутствіе княгини Тверской и по воспоминаніямъ, связаннымъ съ нею, и по тому, что онъ вообще не любилъ ея, было непріятно Алексѣю Александровичу, и онъ пошелъ прямо въ дѣтскую. Въ первой дѣтской Сережа, лежа грудью на столѣ и положивъ ноги на стулъ, рисовалъ что-то, весело приговаривая. Англичанка, замѣнившая во время болѣзни Анны француженку, съ вязаньемъ миньярдизъ сидѣвшая подлѣ мальчика, поспѣшно встала, присѣла и дернула Сережу.

Алексѣй Александровичъ погладилъ рукой по волосамъ сына, отвѣтилъ на вопросъ гувернантки о здоровьѣ жены и спросилъ о томъ, что̀ сказалъ докторъ о baby.

— Докторъ сказалъ, что ничего опаснаго нѣтъ, и прописалъ ванны, сударь.

— Но она все страдаетъ,—сказалъ Алексѣй Александровичъ, прислушиваясь къ крику ребенка въ сосѣдней комнатѣ.

— Я думаю, что кормилица не годится, сударь,—рѣшительно сказала англичанка.

— Отчего вы думаете?—останавливаясь спросилъ онъ.

— Такъ было у графини Поль, сударь. Ребенка лѣчили, а оказалось, что просто ребенокъ голоденъ: кормилица была безъ молока, сударь.

Алексѣй Александровичъ задумался и, постоявъ нѣсколько секундъ, вошелъ въ другую дверь. Дѣвочка лежала, откидывая головку, корчась на рукахъ кормилицы, и не хотѣла ни брать предлагаемую ей пухлую грудь, ни замолчать, несмотря на двойное шиканье кормилицы и няни, нагнувшейся надъ нею.

— Все не лучше?—сказалъ Алексѣй Александровичъ.

— Очень безпокойны,—шопотомъ отвѣчала няня.

— Миссъ Эдвардъ говоритъ, что, можетъ быть, у кормилицы молока нѣтъ,—сказалъ онъ.

— Я и сама думаю, Алексѣй Александровичъ.

— Такъ что же вы не скажете?

— Кому же сказать? Анна Аркадьевна нездорова все,—недовольно сказала няня.

Няня была старая слуга дома. И въ этихъ простыхъ словахъ ея Алексѣю Александровичу показался намекъ на его положеніе.

Ребенокъ кричалъ еще громче, закатываясь и хрипя. Няня, махнувъ рукой, подошла къ нему, взяла его съ рукъ кормилицы и принялась укачивать на ходу.

— Надо доктора попросить осмотрѣть кормилицу,—сказалъ Алексѣй Александровичъ.

Здоровая на видъ, нарядная кормилица, испугавшись, что ей откажутъ, проговорила себѣ что-то подъ носъ и, запрятывая большую грудь, презрительно улыбнулась надъ сомнѣніемъ въ своей молочности. Въ этой улыбкѣ Алексѣй Александровичъ тоже нашелъ насмѣшку надъ своимъ положеніемъ.

— Несчастный ребенокъ!—сказала няня, шикая на ребенка, и продолжала ходить.

Алексѣй Александровичъ сѣлъ на стулъ и съ страдающимъ унылымъ лицомъ смотрѣлъ на ходившую взадъ и впередъ няню.

Когда затихшаго, наконецъ, ребенка опустили въ глубокую кроватку и няня, поправивъ подушечку, отошла отъ него, Алексѣй Александровичъ всталъ и, съ трудомъ ступая на цыпочки, подошелъ къ ребенку. Съ минуту онъ молчалъ и съ тѣмъ же унылымъ лицомъ смотрѣлъ на ребенка; но вдругъ улыбка, дви-

нувъ его волосы и кожу на лбу, выступила ему на лицо, и онъ такъ же тихо вышелъ изъ комнаты.

Въ столовой онъ позвонилъ и велѣлъ вошедшему слугѣ послать опять за докторомъ. Ему досадно было на жену за то, что она не заботилась объ этомъ прелестномъ ребенкѣ, и въ этомъ расположеніи досады на нее не хотѣлось идти къ ней, не хотѣлось тоже и видѣть княгиню Бетси; но жена могла удивиться, отчего онъ по обыкновенію не зашелъ къ ней, и потому онъ, сдѣлавъ усиліе надъ собой, пошелъ въ спальню. Подходя по мягкому ковру къ дверямъ, онъ невольно услыхалъ разговоръ, котораго не хотѣлъ слышать.

— Если бъ онъ не уѣзжалъ, я бы поняла вашъ отказъ и его тоже. Но вашъ мужъ долженъ быть выше этого,—говорила Бетси.

— Я не для мужа, а для себя не хочу. Не говорите этого!— отвѣчалъ взволнованный голосъ Анны.

— Да, но вы не можете не желать проститься съ человѣкомъ, который стрѣлялся изъ-за васъ...

— Отъ этого-то я и не хочу.

Алексѣй Александровичъ съ испуганнымъ и виноватымъ выраженіемъ остановился и хотѣлъ незамѣтно уйти назадъ. Но раздумавъ, что это было бы недостойно, онъ опять повернулся и, кашлянувъ, пошелъ къ спальнѣ. Голоса замолкли, и онъ вошелъ.

Анна въ сѣромъ халатѣ, съ коротко остриженными, густой щеткой вылѣзающими черными волосами на круглой головѣ сидѣла на кушеткѣ. Какъ и всегда при видѣ мужа, оживленіе лица ея вдругъ исчезло,—она опустила голову и безпокойно оглянулась на Бетси. Бетси, одѣтая по крайней послѣдней модѣ, въ шляпкѣ, гдѣ-то парившей надъ ея головой, какъ колпачокъ надъ лампой, и въ сизомъ платьѣ съ косыми рѣзкими полосами на лифѣ съ одной стороны и на юбкѣ съ другой стороны, сидѣла рядомъ съ Анной, прямо держа свой плоскій высокій станъ, и, склонивъ голову, насмѣшливою улыбкой встрѣтила Алексѣя Александровича.

— А!—сказала она, какъ бы удивленная.—Я очень рада, что вы дома. Вы никуда не показываетесь, и я не видала васъ со времени болѣзни Анны. Я все слышала—ваши заботы. Да, вы удивительный мужъ!—сказала она съ значительнымъ и ласковымъ видомъ, какъ бы жалуя его орденомъ великодушія за его поступокъ съ женой.

Алексѣй Александровичъ холодно поклонился и, поцѣловавъ руку жены, спросилъ о ея здоровьѣ.

— Мнѣ, кажется, лучше,—сказала она, избѣгая его взгляда.

— Но у васъ какъ будто лихорадочный цвѣтъ лица,—сказалъ онъ, налегая на слово «лихорадочный».

— Мы разговорились съ нею слишкомъ,—сказала Бетси,—я чувствую, что это эгоизмъ съ моей стороны, и я уѣзжаю.

Она встала, но Анна, вдругъ покраснѣвъ, быстро схватила ея руку.

— Нѣтъ, побудьте, пожалуйста. Мнѣ нужно сказать вамъ... нѣтъ, вамъ, — обратилась она къ Алексѣю Александровичу, и румянецъ покрылъ ей шею и лобъ. — Я не хочу и не могу имѣть отъ васъ ничего скрытаго,—сказала она.

Алексѣй Александровичъ потрещалъ пальцами и опустилъ голову.

— Бетси говорила, что графъ Вронскій желалъ быть у насъ, чтобы проститься предъ своимъ отъѣздомъ въ Ташкентъ.—Она не смотрѣла на мужа и, очевидно, торопилась высказать все, какъ это ни трудно было ей.—Я сказала, что я не могу принять его.

— Вы сказали, мой другъ, что это будетъ зависѣть отъ Алексѣя Александровича,—поправила ее Бетси.

— Да нѣтъ, я не могу его принять, и это ни къ чему не...— Она вдругъ остановилась и взглянула вопросительно на мужа (онъ не смотрѣлъ на нее). — Однимъ словомъ, я не хочу...

Алексѣй Александровичъ подвинулся и хотѣлъ взять ея руку.

Первымъ движеніемъ она отдернула свою руку отъ его влажной, съ большими надутыми жилами руки, которая искала ея; но, видимо, сдѣлавъ надъ собой усиліе, пожала его руку.

— Я очень благодарю васъ за ваше довѣріе, но...—сказалъ онъ, съ смущеніемъ и досадой чувствуя, что то, что онъ легко и ясно могъ рѣшить самъ съ собой, онъ не можетъ обсуждать при княгинѣ Тверской, представлявшейся ему олицетвореніемъ той грубой силы, которая должна была руководить его жизнью въ глазахъ свѣта и мѣшала ему отдаваться своему чувству любви и прощенія. Онъ остановился, глядя на княгиню Тверскую.

— Ну, прощайте, моя прелесть, — сказала Бетси вставая. Она поцѣловала Анну и вышла. Алексѣй Александровичъ провожалъ ее.

— Алексѣй Александровичъ, я знаю васъ за истинно-великодушнаго человѣка, — сказала Бетси, остановившись въ маленькой гостиной и особенно крѣпко пожимая ему еще разъ руку.—Я посторонній человѣкъ, но я такъ люблю ее и уважаю

васъ, что я позволяю себѣ совѣтъ. Примите его. Алексѣй Вронскій есть олицетворенная честь, и онъ уѣзжаетъ въ Ташкентъ.

— Благодарю васъ, княгиня, за ваше участіе и совѣты. Но вопросъ о томъ, можетъ или не можетъ жена принять когонибудь, она рѣшитъ сама.

Онъ сказалъ это, по привычкѣ съ достоинствомъ приподнявъ брови, и тотчасъ же подумалъ, что, какія бы ни были слова, достоинства не могло быть въ его положеніи. И это онъ увидалъ по сдержанной, злой и насмѣшливой улыбкѣ, съ которою Бетси взглянула на него послѣ его фразы.

XX.

Алексѣй Александровичъ поклонился Бетси въ залѣ и пошелъ къ женѣ. Она лежала, но, услыхавъ его шаги, поспѣшно сѣла въ прежнее положеніе и испуганно глядѣла на него. Онъ видѣлъ, что она плакала.

— Я очень благодаренъ за твое довѣріе ко мнѣ, — кротко повторилъ онъ по-русски сказанную при Бетси по-французски фразу и сѣлъ подлѣ нея. Когда онъ говорилъ по-русски и говорилъ ей «ты», это «ты» неудержимо раздражало Анну. — И очень благодаренъ за твое рѣшеніе. Я тоже полагаю, что такъ какъ онъ ѣдетъ, то и нѣтъ никакой надобности графу Вронскому пріѣзжать сюда. Впрочемъ...

— Да ужъ я сказала, такъ что же повторять? — вдругъ перебила его Анна съ раздраженіемъ, которое она не успѣла удержать. «Никакой надобности, — подумала она, — пріѣзжать человѣку проститься съ тою женщиной, которую онъ любитъ, для которой хотѣлъ погибнуть и погубилъ себя и которая не можетъ жить безъ него. Нѣтъ никакой надобности!» Она сжала губы и опустила блестящіе глаза на его руки съ напухшими жилами, которыя медленно потирали одна другую.—Не будемъ никогда говорить про это,—прибавила она спокойнѣе.

— Я предоставилъ тебѣ рѣшить этотъ вопросъ, и я очень радъ видѣть...—началъ было Алексѣй Александровичъ.

— Что мое желаніе сходится съ вашимъ, — быстро закончила она, раздраженная тѣмъ, что онъ такъ медленно говоритъ, между тѣмъ какъ она знаетъ впередъ все, что онъ скажетъ.

— Да,—подтвердилъ онъ,—и княгиня Тверская совершенно неумѣстно вмѣшивается въ самыя трудныя семейныя дѣла. Въ особенности она...

— Я ничему не вѣрю, что о ней говорятъ,—быстро сказала Анна,—я знаю, что она меня искренно любит

Алексѣй Александровичъ вздохнулъ и помолчалъ. Она тревожно играла кистями халата, взглядывая на него съ тѣмъ мучительнымъ чувствомъ физическаго отвращенія къ нему, за которое она упрекала себя, но котораго не могла преодолѣть. Она теперь желала только одного—быть избавленною отъ его постылаго присутствія.

— А я сейчасъ послалъ за докторомъ,—сказалъ Алексѣй Александровичъ.

— Я здорова; зачѣмъ мнѣ доктора?

— Нѣтъ, маленькая кричитъ, и говорятъ у кормилицы молока мало.

— Для чего же ты не позволилъ мнѣ кормить, когда я умоляла объ этомъ? Все равно (Алексѣй Александровичъ понялъ, что значило это «все равно»), она ребенокъ и ее уморятъ. — Она позвонила и велѣла принести ребенка.—Я просила кормить, мнѣ не позволили, а теперь меня же упрекаютъ.

— Я не упрекаю...

— Нѣтъ, вы упрекаете! Боже мой! зачѣмъ я не умерла! — И она зарыдала.—Прости меня, я раздражена, я несправедлива,—сказала она опоминаясь —Но уйди...

«Нѣтъ, это не можетъ такъ оставаться», рѣшительно сказалъ себѣ Алексѣй Александровичъ, выйдя отъ жены.

Никогда еще невозможность въ глазахъ свѣта его положенія и ненависть къ нему его жены и вообще могущество той грубой таинственной силы, которая въ разрѣзъ съ его душевнымъ настроеніемъ руководила его жизнью и требовала исполненія своей воли и измѣненія его отношеній къ женѣ, не представлялись ему съ такою очевидностью, какъ нынче. Онъ ясно видѣлъ, что весь свѣтъ и жена требовали отъ него чего-то, но чего именно, онъ не могъ понять. Онъ чувствовалъ, что за это въ душѣ его поднималось чувство злобы, разрушившее его спокойствіе и всю заслугу подвига. Онъ считалъ, что для Анны было бы лучше прервать сношенія съ Вронскимъ, но, если они всѣ находятъ, что это невозможно, онъ готовъ былъ даже вновь допустить эти сношенія, только бы не срамить дѣтей, не лишаться ихъ и не измѣнять своего положенія. Какъ ни было это дурно, это было все-таки лучше, чѣмъ разрывъ, при которомъ она становилась въ безвыходное, позорное положеніе, а онъ самъ лишался всего, что̀ любилъ. Но онъ чувствовалъ себя безсильнымъ; онъ зналъ впередъ, что всѣ противъ него и что его не допустятъ сдѣлать то, что́ казалось ему теперь такъ естественно и хорошо, а заставятъ сдѣлать то, что̀ дурно, но имъ кажется должнымъ.

XXI.

Еще Бетси не успѣла выйти изъ залы, какъ Степанъ Аркадьевичъ, только что пріѣхавшій отъ Елисѣева, гдѣ были получены свѣжія устрицы, встрѣтилъ ее въ дверяхъ.

— А! княгиня! вотъ пріятная встрѣча!—заговорилъ онъ.— А я былъ у васъ.

— Встрѣча на минуту, потому что я уѣзжаю,—сказала Бетси, улыбаясь и надѣвая перчатку.

— Постойте, княгиня, надѣвать перчатку, дайте поцѣловать вашу ручку. Ни за что я такъ не благодаренъ возвращенію старинныхъ модъ, какъ за цѣлованье рукъ.—Онъ поцѣловалъ руку Бетси.—Когда же увидимся?

— Вы не стоите,—отвѣчала Бетси улыбаясь.

— Нѣтъ, я очень стою, потому что я сталъ самый серьезный человѣкъ. Я не только устраиваю свои, но и чужія семейныя дѣла,—сказалъ онъ съ значительнымъ выраженіемъ лица.

— Ахъ, я очень рада! — отвѣчала Бетси, тотчасъ же понявъ, что онъ говоритъ про Анну. И, вернувшись въ залу, они стали въ углу. — Онъ уморитъ ее, — сказала Бетси значительнымъ шопотомъ. — Это невозможно, невозможно...

— Я очень радъ, что вы такъ думаете, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, покачивая головой съ серьезнымъ и страдальчески-сочувственнымъ выраженіемъ лица; — я для этого пріѣхалъ въ Петербургъ.

— Весь городъ объ этомъ говоритъ, — сказала она. — Это невозможное положеніе. Она таетъ и таетъ. Онъ не понимаетъ, что она одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя не могутъ шутить своими чувствами. Одно изъ двухъ: или увези онъ ее, энергически поступи, или дай разводъ. А это душитъ ее.

— Да, да... именно... — вздыхая говорилъ Облонскій. — Я за тѣмъ и пріѣхалъ. То-есть не собственно за тѣмъ... Меня сдѣлали камергеромъ, ну, надо благодарить. Но главное надо устроить это.

— Ну, помогай вамъ Богъ! — сказала Бетси.

Проводивъ княгиню Бетси до сѣней, еще разъ поцѣловавъ ея руку выше перчатки, тамъ, гдѣ бьется пульсъ, и навравъ ей еще такого неприличнаго вздора, что она уже не знала, сердиться ли ей или смѣяться, Степанъ Аркадьевичъ пошелъ къ сестрѣ. Онъ засталъ ее въ слезахъ.

Несмотря на то брызжущее весельемъ расположеніе духа, въ которомъ онъ находился, Степанъ Аркадьевичъ тотчасъ есте-

ственно перешелъ въ тотъ сочувствующій, поэтически-возбужденный тонъ, который подходилъ къ ея настроенію. Онъ спросилъ ее о здоровьѣ и какъ она провела утро.

— Очень, очень дурно. И день, и утро, и всѣ прошедшіе и будущіе дни, — сказала она.

— Мнѣ кажется, ты поддаешься мрачности. Надо встряхнуться, надо прямо взглянуть на жизнь. Я знаю, что тяжело, но...

— Я слыхала, что женщины любятъ людей даже за ихъ пороки, — вдругъ начала Анна, — но я ненавижу его за его добродѣтель. Я не могу жить съ нимъ. Ты пойми, его видъ физически дѣйствуетъ на меня, я выхожу изъ себя. Я не могу, не могу жить съ нимъ. Что же мнѣ дѣлать? Я была несчастлива и думала, что нельзя быть несчастнѣе, но того ужаснаго состоянія, которое теперь испытываю, я не могла себѣ представить. Ты повѣришь ли, что я, зная, что онъ добрый, превосходный человѣкъ, что я ногтя его не стою, я все-таки ненавижу его. Я ненавижу его за его великодушіе. И мнѣ ничего не остается, кромѣ...

Она хотѣла сказать смерти, но Степанъ Аркадьевичъ не далъ ей договорить.

— Ты больна и раздражена, — сказалъ онъ; — повѣрь, что ты преувеличиваешь ужасно. Тутъ нѣтъ ничего такого страшнаго.

И Степанъ Аркадьевичъ улыбнулся. Никто бы на мѣстѣ Степана Аркадьевича, имѣя дѣло съ такимъ отчаяніемъ, не позволилъ себѣ улыбнуться (улыбка показалась бы грубою), но въ его улыбкѣ было такъ много доброты и почти женской нѣжности, что улыбка его не оскорбляла, а смягчала и успокоивала. Его тихія и успокоительныя рѣчи и улыбки дѣйствовали смягчающе успокоительно, какъ миндальное масло. И Анна скоро почувствовала это.

— Нѣтъ, Стива,—сказала она.—Я погибла, погибла! Хуже, чѣмъ погибла. Я еще не погибла, я не могу сказать, что все кончено; напротивъ, я чувствую, что не кончено. Я—какъ натянутая струна, которая должна лопнуть. Но еще не кончено... и кончится страшно.

— Ничего, можно потихоньку спустить струну. Нѣтъ положенія, изъ котораго не было бы выхода.

— Я думала и думала. Только одинъ...

Опять онъ понялъ по ея испуганному взгляду, что этотъ одинъ выходъ, по ея мнѣнію, есть смерть, и онъ не далъ ей договорить.

— Нисколько,—сказалъ онъ, — позволь. Ты не можешь видѣть свое положеніе, какъ я. Позволь мнѣ сказать откровенно

свое мнѣніе.—Опять онъ осторожно улыбнулся своею миндальною улыбкой.—Я начну сначала: ты вышла замужъ за человѣка, который на двадцать лѣтъ старше тебя. Ты вышла замужъ безъ любви, или не зная любви. Это была ошибка, положимъ.

— Ужасная ошибка!—сказала Анна.

— Но я повторяю: это совершившійся фактъ. Потомъ ты имѣла, скажемъ, несчастіе полюбить не своего мужа. Это несчастіе; но это тоже совершившійся фактъ. И мужъ твой призналъ и простилъ это. — Онъ останавливался послѣ каждой фразы, ожидая ея возраженія, но она ничего не отвѣчала. — Это такъ. Теперь вопросъ въ томъ: можешь ли ты продолжать жить со своимъ мужемъ? желаешь ли ты этого? желаетъ ли онъ этого?

— Я ничего, ничего не знаю.

— Но ты сама сказала, что ты не можешь переносить его.

— Нѣтъ, я не сказала. Я отрекаюсь. Я ничего не знаю и ничего не понимаю.

— Да, но позволь...

— Ты не можешь понять. Я чувствую, что лечу головой внизъ въ какую-то пропасть, но я не должна спасаться. И не могу.

— Ничего, мы подстелемъ и подхватимъ тебя. Я понимаю тебя, понимаю, что ты не можешь взять на себя, чтобы высказать свое желаніе, свое чувство.

— Я ничего, ничего не желаю... только чтобы кончилось все.

— Но онъ видитъ это и знаетъ. И развѣ ты думаешь, что онъ не менѣе тебя тяготится этимъ? Ты мучишься, онъ мучится, и что же можетъ выйти изъ этого? Тогда какъ разводъ развязываетъ все—не безъ усилія высказалъ Степанъ Аркадьевичъ главную мысль и значительно посмотрѣлъ на нее.

Она ничего не отвѣчала и отрицательно покачала своею остриженною головой. Но по выраженію вдругъ просіявшаго прежнею красотой лица онъ видѣлъ, что она не желала этого только потому, что это казалось ей невозможнымъ счастіемъ.

— Мнѣ васъ ужасно жалко! И какъ бы я счастливъ былъ, если бъ устроилъ это!—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, уже смѣлѣе улыбаясь. — Не говори, не говори ничего! Если бы Богъ далъ мнѣ только сказать такъ, какъ я чувствую. Я пойду къ нему.

Анна задумчивыми блестящими глазами посмотрѣла на него и ничего не сказала.

XXII.

Степанъ Аркадьевичъ съ тѣмъ нѣсколько торжественнымъ лицомъ, съ которымъ онъ садился въ предсѣдательское кресло въ своемъ присутствіи, вошелъ въ кабинетъ Алексѣя Александровича. Алексѣй Александровичъ, заложивъ руки за спину, ходилъ по комнатѣ и думалъ о томъ же, о чемъ Степанъ Аркадьевичъ говорилъ съ его женой.

— Я не мѣшаю тебѣ? — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, при видѣ зятя вдругъ испытывая непривычное ему чувство смущенія. Чтобы скрыть это смущеніе, онъ досталъ только что купленную съ новымъ способомъ открыванія папиросницу и, понюхавъ кожу, досталъ папироску.

— Нѣтъ. Тебѣ нужно что-нибудь?—неохотно отвѣчалъ Алексѣй Александровичъ.

— Да, мнѣ хотѣлось... мнѣ нужно по... да, нужно поговорить,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, съ удивленіемъ чувствуя непривычную робость.

Чувство это было такъ неожиданно и странно, что Степанъ Аркадьевичъ не повѣрилъ, что это былъ голосъ совѣсти, говорившій ему, что дурно то, что онъ былъ намѣренъ дѣлать. Степанъ Аркадьевичъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и поборолъ нашедшую на него робость.

— Надѣюсь, что ты вѣришь въ мою любовь къ сестрѣ и въ искреннюю привязанность и уваженіе къ тебѣ,—сказалъ онъ краснѣя.

Алексѣй Александровичъ остановился и ничего не отвѣчалъ, но лицо его поразило Степана Аркадьевича бывшимъ на немъ выраженіемъ покорной жертвы.

— Я намѣренъ былъ, я хотѣлъ поговорить о сестрѣ и о вашемъ положеніи взаимномъ,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, все еще борясь съ непривычною застѣнчивостью.

Алексѣй Александровичъ грустно усмѣхнулся, посмотрѣлъ на шурина и, не отвѣчая, подошелъ къ столу, взялъ съ него начатое письмо и подалъ шурину.

— Я не переставая думаю о томъ же. И вотъ что я началъ писать, полагая, что я лучше скажу письменно и что мое присутствіе раздражаетъ ее,—сказалъ онъ, подавая письмо.

Степанъ Аркадьевичъ взялъ письмо, съ недоумѣвающимъ удивленіемъ посмотрѣлъ на тусклые глаза, неподвижно остановившіеся на немъ, и сталъ читать.

«Я вижу, что мое присутствіе тяготитъ васъ. Какъ ни тяжело мнѣ было убѣдиться въ этомъ, я вижу, что это такъ и не можетъ быть иначе. Я не виню васъ, и Богъ мнѣ свидѣтель, что я, увидѣвъ васъ во время вашей болѣзни, отъ всей души рѣшился забыть все, что было между нами, и начать новую жизнь. Я не раскаиваюсь и никогда не раскаюсь въ томъ, что я сдѣлалъ; но я желалъ одного—вашего блага, блага вашей души, и теперь я вижу, что не достигъ этого. Скажите мнѣ сами, что̀ дастъ вамъ истинное счастіе и спокойствіе вашей душѣ. Я предаюсь весь вашей волѣ и вашему чувству справедливости».

Степанъ Аркадьевичъ передалъ назадъ письмо и съ тѣмъ же недоумѣніемъ продолжалъ смотрѣть на зятя, не зная, что сказать. Молчаніе это было имъ обоимъ такъ неловко, что въ губахъ Степана Аркадьевича произошло болѣзненное содроганіе въ то время, какъ онъ молчалъ, не спуская глазъ съ лица Каренина.

— Вотъ что я хотѣлъ сказать ей, — сказалъ Алексѣй Александровичъ отвернувшись.

— Да, да...—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, не въ силахъ отвѣчать, такъ какъ слезы подступали ему къ горлу.—Да, да. Я понимаю васъ,—наконецъ выговорилъ онъ.

— Я желаю знать, чего она хочетъ,—сказалъ Алексѣй Александровичъ.

— Я боюсь, что она сама не понимаетъ своего положенія. Она не судья, — оправляясь говорилъ Степанъ Аркадьевичъ. — Она подавлена, именно подавлена твоимъ великодушіемъ. Если она прочтетъ это письмо, она не въ силахъ будетъ ничего сказать, она только ниже опуститъ голову.

— Да, но что же въ такомъ случаѣ?.. какъ объяснить... какъ узнать ея желанія?

— Если ты позволяешь мнѣ сказать свое мнѣніе, то я думаю, что отъ тебя зависитъ указать прямо тѣ мѣры, которыя ты находишь нужными, чтобы прекратить это положеніе.

— Слѣдовательно, ты находишь, что его нужно прекратить?— перебилъ его Алексѣй Александровичъ.—Но какъ?—прибавилъ онъ, сдѣлавъ непривычный жестъ руками предъ глазами:—не вижу никакого возможнаго выхода.

— Во всякомъ положеніи есть выходъ,—сказалъ, вставая и оживляясь, Степанъ Аркадьевичъ.—Было время, когда ты хотѣлъ разорвать... Если ты убѣдишься теперь, что вы не можете сдѣлать взаимнаго счастія...

— Счастіе можно различно понимать. Но положимъ, что я на все согласенъ, я ничего не хочу. Какой же выходъ изъ нашего положенія?

— Если ты хочешь знать мое мнѣніе,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ съ тою же смягчающею, миндально-нѣжною улыбкой, съ которой онъ говорилъ съ Анной. Добрая улыбка была такъ убѣдительна, что невольно Алексѣй Александровичъ, чувствуя свою слабость и подчиняясь ей, готовъ былъ вѣрить тому, что скажетъ Степанъ Аркадьевичъ.—Она никогда не выскажетъ этого. Но одно возможно, одного она можетъ желать,—продолжалъ Степанъ Аркадьевичъ,—это прекращенія отношеній и всѣхъ связанныхъ съ ними воспоминаній. По-моему, въ вашемъ положеніи необходимо уясненіе новыхъ взаимныхъ отношеній. И эти отношенія могутъ установиться только свободой обѣихъ сторонъ.

— Разводъ,—съ отвращеніемъ перебилъ Алексѣй Александровичъ.

— Да, я полагаю, что разводъ, да, разводъ,—краснѣя повторилъ Степанъ Аркадьевичъ.—Это во всѣхъ отношеніяхъ самый разумный выходъ для супруговъ, находящихся въ такихъ отношеніяхъ, какъ вы. Что же дѣлать, если супруги нашли, что жизнь для нихъ невозможна вмѣстѣ? Это всегда можетъ случиться.

Алексѣй Александровичъ тяжело вздохнулъ и закрылъ глаза.

— Тутъ только одно соображеніе: желаетъ ли одинъ изъ супруговъ вступить въ другой бракъ? Если нѣтъ, такъ это очень просто,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, все болѣе и болѣе освобождаясь отъ стѣсненія.

Алексѣй Александровичъ, сморщившись отъ волненія, проговорилъ что-то самъ съ собой и ничего не отвѣчалъ. Все, что для Степана Аркадьевича оказалось такъ очень просто, тысячу тысячъ разъ обдумывалъ Алексѣй Александровичъ. И все это ему казалось не только не очень просто, но казалось вполнѣ невозможно. Разводъ, подробности котораго онъ уже зналъ, теперь казался ему невозможнымъ потому, что чувство собственнаго достоинства и уваженіе къ религіи не позволяли ему принять на себя обвиненіе въ фиктивномъ прелюбодѣяніи и еще менѣе допустить, чтобы жена, прощеная и любимая имъ, была уличена и опозорена. Разводъ представлялся невозможнымъ и по другимъ, еще болѣе важнымъ причинамъ.

Что будетъ съ сыномъ въ случаѣ развода? Оставить его съ матерью было невозможно. Разведенная мать будетъ имѣть свою незаконную семью, въ которой положеніе пасынка и воспитаніе

его будутъ, по всей вѣроятности, дурны. Оставить его съ собой? Онъ зналъ, что это было бы мщеніемъ съ его стороны, а онъ не хотѣлъ этого. Но кромѣ этого, всего невозможнѣе казался разводъ для Алексѣя Александровича потому, что, согласившись на разводъ, онъ этимъ самымъ губилъ Анну. Ему запало въ душу слово, сказанное Дарьей Александровной въ Москвѣ, о томъ, что, рѣшаясь на разводъ, онъ думаетъ о себѣ, а не думаетъ, что этимъ онъ губитъ ее безвозвратно. И онъ, связавъ это слово со своимъ прощеніемъ, со своею привязанностью къ дѣтямъ, теперь по-своему понималъ его. Согласиться на разводъ, дать ей свободу значило въ его понятіи отнять у себя послѣднюю привязу къ жизни — дѣтей, которыхъ онъ любилъ, а у нея — послѣднюю опору на пути добра и ввергнуть ее въ погибель. Если она будетъ разведённою женой, онъ зналъ, что она соединится съ Вронскимъ, и связь эта будетъ незаконная и преступная, потому что женѣ, по смыслу закона церкви, не можетъ быть брака, пока мужъ живъ. «Она соединится съ нимъ, и черезъ годъ-два или онъ броситъ ее, или она вступитъ въ новую связь, — думалъ Алексѣй Александровичъ. — И я, согласившись на незаконный разводъ, буду виновникомъ ея погибели». Онъ все это обдумывалъ сотни разъ и былъ убѣжденъ, что дѣло развода не только не очень просто, какъ говорилъ его шуринъ, но совершенно невозможно. Онъ не вѣрилъ ни одному слову Степана Аркадьевича, на каждое слово его имѣлъ тысячи опроверженій, но онъ слушалъ его, чувствуя, что его словами выражается та могущественная грубая сила, которая руководитъ его жизнью и которой онъ долженъ будетъ покориться.

— Вопросъ только въ томъ, какъ, на какихъ условіяхъ ты согласишься сдѣлать разводъ. Она ничего не хочетъ, не смѣетъ просить тебя, она все предоставляетъ твоему великодушію.

«Боже мой! Боже мой! за что?» подумалъ Алексѣй Александровичъ, вспомнивъ подробности развода, при которомъ мужъ бралъ вину на себя, и тѣмъ же жестомъ, какимъ закрывался Вронскій, закрылъ отъ стыда лицо руками.

— Ты взволнованъ, я это понимаю. Но если ты обдумаешь...

«И ударившему въ правую щеку подставь лѣвую, и снявшему кафтанъ отдай рубашку», подумалъ Алексѣй Александровичъ.

— Да, да!—вскрикнулъ онъ визгливымъ голосомъ, — я беру на себя позоръ, отдаю даже сына, но... но не лучше ли оставить это? Впрочемъ, дѣлай, что хочешь...

И онъ, отвернувшись отъ шурина, такъ чтобы тотъ не могъ видѣть его, сѣлъ на стулъ у окна. Ему было горько, ему было

стыдно, но вмѣстѣ съ этимъ горемъ и стыдомъ онъ испытывалъ радость и умиленіе предъ высотой своего смиренія.

Степанъ Аркадьевичъ былъ тронутъ. Онъ помолчалъ.

— Алексѣй Александровичъ, повѣрь мнѣ, что она оцѣнитъ твое великодушіе,— сказалъ онъ. — Но видно, это была воля Божія, — прибавилъ онъ и, сказавъ это, почувствовалъ, что это было глупо, и съ трудомъ удержалъ улыбку надъ своею глупостью.

Алексѣй Александровичъ хотѣлъ что-то отвѣтить, но слезы остановили его.

— Это несчастіе роковое и надо признать его. Я признаю это несчастіе совершившимся фактомъ и стараюсь помочь и ей и тебѣ, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

Когда Степанъ Аркадьевичъ вышелъ изъ комнаты зятя, онъ былъ тронутъ, но это не мѣшало ему быть довольнымъ тѣмъ, что онъ успѣшно совершилъ это дѣло, такъ какъ онъ былъ увѣренъ, что Алексѣй Александровичъ не отречется отъ своихъ словъ. Къ этому удовольствію примѣшивалось еще и то, что ему пришла мысль, что, когда это дѣло сдѣлается, онъ женѣ и близкимъ знакомымъ будетъ задавать вопросъ: «какая разница между мной и фельдмаршаломъ? — Фельдмаршалъ дѣлаетъ разводъ — и никому отъ того не лучше, а я сдѣлалъ разводъ — и троимъ стало лучше... Или: какое сходство между мной и фельдмаршаломъ? Когда... Впрочемъ, придумаю лучше», сказалъ онъ себѣ съ улыбкой.

XXIII.

Рана Вронскаго была опасна, хотя она и миновала сердце. И нѣсколько дней онъ находился между жизнью и смертью. Когда въ первый разъ онъ былъ въ состояніи говорить, одна Варя, жена брата, была въ его комнатѣ.

— Варя,—сказалъ онъ, строго глядя на нее,—я выстрѣлилъ въ себя нечаянно. И, пожалуйста, никогда не говори про это и такъ скажи всѣмъ. А то это слишкомъ глупо.

Не отвѣчая на его слова, Варя нагнулась надъ нимъ и съ радостною улыбкой посмотрѣла ему въ лицо. Глаза были свѣтлые, не лихорадочные, но выраженіе ихъ было строгое.

— Ну, слава Богу!—сказала она.—Не больно тебѣ?

— Немного здѣсь.—Онъ указалъ на грудь.

— Такъ дай я перевяжу тебѣ.

Онъ, молча сжавъ свои широкія скулы, смотрѣлъ на нее, пока она перевязывала его. Когда она кончила, онъ сказалъ:

— Я не въ бреду, пожалуйста, сдѣлай, чтобы не было разговоровъ о томъ, что я выстрѣлилъ въ себя нарочно.

— Никто и не говоритъ. Только надѣюсь, что ты больше не будешь нечаянно стрѣлять, — сказала она съ вопросительною улыбкой.

— Должно быть, не буду, а лучше бы было...

И онъ мрачно улыбнулся.

Несмотря на эти слова и улыбку, которыя такъ испугали Варю, когда прошло воспаленіе и онъ сталъ оправляться, онъ почувствовалъ, что совершенно освободился отъ одной части своего горя. Онъ этимъ поступкомъ какъ будто смылъ съ себя стыдъ и униженіе, которые онъ прежде испытывалъ. Онъ могъ спокойно думать теперь объ Алексѣѣ Александровичѣ. Онъ признавалъ все великодушіе его и уже не чувствовалъ себя униженнымъ. Онъ, кромѣ того, опять попалъ въ прежнюю колею жизни. Онъ видѣлъ возможность безъ стыда смотрѣть въ глаза людямъ и могъ жить, руководствуясь своими привычками. Одно, чего онъ не могъ вырвать изъ своего сердца, несмотря на то, что онъ не переставая боролся съ этимъ чувствомъ,—это было доходящее до отчаянія сожалѣніе о томъ, что онъ навсегда потерялъ ее. То, что онъ теперь, искупивъ передъ мужемъ свою вину долженъ былъ отказаться отъ нея и никогда не становиться впередъ между нею съ ея раскаяніемъ и ея мужемъ, было твердо рѣшено въ его сердцѣ; но онъ не могъ вырвать изъ своего сердца сожалѣнія о потерѣ ея любви, не могъ стереть въ воспоминаніи тѣ минуты счастья, которыя онъ зналъ съ ней, которыя такъ мало цѣнимы имъ были тогда и которыя во всей своей прелести преслѣдовали его теперь.

Серпуховской придумалъ ему назначеніе въ Ташкентъ, и Вронскій безъ малѣйшаго колебанія согласился на это предложеніе. Но чѣмъ ближе подходило время отъѣзда, тѣмъ тяжелѣе становилась ему та жертва, которую онъ приносилъ тому, что онъ считалъ должнымъ.

Рана его зажила, и онъ уже выѣзжалъ, дѣлая приготовленія къ отъѣзду въ Ташкентъ.

«Одинъ разъ увидать ее и потомъ зарыться, умереть», думалъ онъ и, дѣлая прощальные визиты, высказалъ эту мысль Бетси. Съ этимъ его посольствомъ Бетси ѣздила къ Аннѣ и привезла ему отрицательный отвѣтъ.

«Тѣмъ лучше,—подумалъ Вронскій, получивъ это извѣстіе.— Это была слабость, которая погубила бы мои послѣднія силы».

На другой день сама Бетси утромъ пріѣхала къ нему и объявила, что она получила черезъ Облонскаго положительное из-

вѣстіе, что Алексѣй Александровичъ даетъ разводъ и что потому Вронскій можетъ видѣть Анну.

Не позаботясь даже о томъ, чтобы проводить отъ себя Бетси, забывъ всѣ свои рѣшенія, не спрашивая, когда можно, гдѣ мужъ, Вронскій тотчасъ же поѣхалъ къ Каренинымъ. Онъ вбѣжалъ на лѣстницу, никого и ничего не видя, и быстрымъ шагомъ, едва удерживаясь отъ бѣга, вошелъ въ ея комнату. И не думая и не замѣчая того, есть кто въ комнатѣ или нѣтъ, онъ обнялъ ее и сталъ покрывать поцѣлуями ея лицо, руки и шею.

Анна готовилась къ этому свиданію, думала о томъ, что̀ она скажетъ ему, но она ничего изъ этого не успѣла сказать: его страсть охватила ее. Она хотѣла утишить его, утишить себя, но уже было поздно. Его чувство сообщилось ей. Губы ея дрожали такъ, что долго она не могла ничего говорить.

— Да, ты овладѣлъ мною, и я твоя,—выговорила она наконецъ, прижимая къ своей груди его руки.

— Такъ должно было быть!—сказалъ онъ.—Пока мы живы, это должно быть. Я это знаю теперь.

— Это правда,—говорила она, блѣднѣя все болѣе и болѣе и обнимая его голову.—Все-таки что-то ужасное есть въ этомъ послѣ всего, что̀ было.

— Все пройдетъ, все пройдетъ, мы будемъ такъ счастливы! Любовь наша, если бы могла усилиться, усилилась бы тѣмъ, что въ ней есть что-то ужасное,—сказалъ онъ, поднимая голову и открывая улыбкой свои крѣпкіе зубы.

И она не могла не отвѣтить улыбкой—не словамъ, а влюбленнымъ глазамъ его. Она взяла его за руку и гладила ею себя по похолодѣвшимъ щекамъ и обстриженнымъ волосамъ.

— Я не узнаю тебя съ этими короткими волосами. Ты такъ похорошѣла. Мальчикъ. Но какъ ты блѣдна!

— Да, я очень слаба,—сказала она улыбаясь. И губы ея опять задрожали.

— Мы поѣдемъ въ Италію, ты поправишься,—сказалъ онъ.

— Неужели это возможно, чтобы мы были какъ мужъ съ женой, одни, своею семьей съ тобой?—сказала она, близко вглядываясь въ его глаза.

— Меня только удивляло, какъ это могло быть когда-нибудь иначе.

— Стива говоритъ, что *онъ* на все согласенъ, но я не могу принять *его* великодушія,—сказала она, задумчиво глядя мимо лица Вронскаго.—Я не хочу развода, мнѣ теперь все равно. Я не знаю только, что̀ онъ рѣшитъ о Сережѣ.

Онъ не могъ никакъ понять, какъ могла она въ эту минуту свиданія думать и помнить о сынѣ, о разводѣ. Развѣ не все равно было?

— Не говори про это, не думай,—сказалъ онъ, поворачивая ея руку въ своей и стараясь привлечь къ себѣ ея вниманіе; но она все не смотрѣла на него.

— Ахъ, зачѣмъ я не умерла, лучше бы было,—сказала она, и безъ рыданій слезы потекли по обѣимъ щекамъ ея; но она старалась улыбаться, чтобы не огорчить его.

Отказаться отъ лестнаго и опаснаго назначенія въ Ташкентъ по прежнимъ понятіямъ Вронскаго было бы позорно и невозможно. Но теперь, не задумываясь ни на минуту, онъ отказался отъ него и, замѣтивъ въ высшихъ неодобреніе своего поступка, тотчасъ же вышелъ въ отставку.

Черезъ мѣсяцъ Алексѣй Александровичъ остался одинъ съ сыномъ на своей квартирѣ, а Анна съ Вронскимъ уѣхала за границу, не получивъ развода и рѣшительно отказавшись отъ него.

Примѣчанія къ IX тому полнаго собранія сочиненій Л. Н. Толстого.

(1-й томъ «Анны Карениной»).

Въ Публичной библіотекѣ, въ Петербургѣ, хранится интересный экземпляръ «Анны Карениной», изъ котораго намъ удалось извлечь нѣсколько интересныхъ страницъ, мало извѣстныхъ или забытыхъ русской публикой.

Этотъ экземпляръ пожертвованъ въ библіотеку покойнымъ Николаемъ Николаевичемъ Страховымъ, другомъ Льва Николаевича. Къ этому экземпляру онъ приложилъ предисловіе, въ которомъ излагаетъ его исторію. Мы приводимъ это объясненіе цѣликомъ:

«Это тотъ экземпляръ *Анны Карениной*, съ котораго печаталось отдѣльное изданіе 1878 года. Онъ состоитъ изъ листовъ вырванныхъ изъ *Русскаго Вѣстника* и содержитъ въ себѣ поправки и перемѣны, сдѣланныя рукою самого автора. Но такъ какъ тутъ встрѣчается и моя рука, то считаю нужнымъ разсказать, какъ это случилось. Лѣтомъ 1877 года я гостилъ у гр. Л. Н. Толстого въ Ясной Полянѣ (іюнь, іюль) и подалъ ему мысль просмотрѣть «Анну Каренину», чтобы приготовить ее для отдѣльнаго изданія. Я взялся прочитывать напередъ, исправлять пунктуацію и явныя ошибки и указывать Льву Николаевичу на мѣста, которыя почему-либо казались мнѣ требующими поправокъ,— преимущественно, даже почти исключительно, неправильности языка и неясности. Такимъ образомъ сперва я читалъ и наносилъ свои поправки, а потомъ Л. Н. Такъ дѣло шло до половины романа, но потомъ Л. Н., все больше и больше увлекаясь работой, перегналъ меня, и я исправлялъ послѣ него, да и прежде всегда просматривалъ его поправки, чтобы убѣдиться, понялъ ли я ихъ и такъ ли разбираю — потому что мнѣ предстояло держать корректуру. Утромъ, вдоволь наговорившись за кофеемъ (его подавали въ полдень на террасѣ), мы расходились, и каждый принимался за работу. Я работалъ въ кабинетѣ, внизу. Было условлено, что за часъ или за полчаса до обѣда

(5 часовъ) мы должны отправляться гулять, чтобы освѣжиться и нагулять аппетитъ. Какъ ни пріятна была мнѣ работа, но я, по свойственной мнѣ внимательности, обыкновенно не пропускалъ срока и, изготовившись на прогулку, принимался звать Л. Н., онъ же почти всегда медлилъ и иногда его было трудно оторвать отъ работы. Въ такихъ случаяхъ слѣды напряженія сказывались очень ясно: былъ замѣтенъ легкій приливъ крови къ головѣ, Л. Н. былъ разсѣянъ и ѣлъ за обѣдомъ очень мало. Такъ мы работали каждый день больше мѣсяца. Этотъ упорный трудъ приносилъ свои плоды. Какъ я ни любилъ романъ въ его первоначальномъ видѣ, я довольно скоро убѣдился, что поправки Л. Н. всегда дѣлались съ удивительнымъ мастерствомъ, что онѣ проясняли и углубляли черты, казавшіяся и безъ того ясными, и всегда были строго въ духѣ и тонѣ цѣлаго. По поводу моихъ поправокъ, касавшихся почти только языка, я замѣтилъ еще особенность, которая хотя и была для меня неожиданностью, но выступала очень ярко. Л. Н. твердо отстаивалъ малѣйшее свое выраженіе и не соглашался на самыя, повидимому, невинныя перемѣны. Изъ его объясненій я убѣдился, что онъ необыкновенно дорожитъ своимъ языкомъ и что, несмотря на всю кажущуюся небрежность и неровность его слога, онъ обдумываетъ каждое свое слово, каждый оборотъ рѣчи не хуже самаго щепетильнаго стихотворца. А вообще какъ много онъ думаетъ, какъ много работаетъ головою, — этому я всегда удивлялся, это поражало меня какъ новость при каждой встрѣчѣ, и только этимъ обиліемъ души и ума объясняется сила его произведеній».

1880 г. 18-го апр. Спб. Н. Страховъ.

Въ этомъ экземплярѣ, какъ всегда, оказались цѣлыя страницы, зачеркнутыя авторомъ, и или выпущены вовсе, или замѣнены другими варіантами. Наиболѣе значительныя изъ этихъ выпущенныхъ мѣстъ мы приводимъ здѣсь въ Приложеніи.

Приложенія къ IX тому полнаго собранія сочиненій Л. Н. Толстого.

(1-й томъ «Анны Карениной»).

№ 1. Часть I, гл. 2.

Но было одно несомнѣнное качество, за которое нельзя было не любить Степана Аркадьевича. Онъ, безъ малѣйшаго усилія, всю жизнь исполнялъ то, что многіе люди, желающіе быть хорошими, стараются и не могутъ исполнить. Онъ никогда ни о комъ не говорилъ дурно. Онъ, любившій такъ шутку, даже шуткой никогда не бывалъ увлеченъ въ насмѣшку. Всякая шутка казалась ему уже не весела, если она могла оскорбить или огорчить кого-нибудь.

№ 2. Часть I, гл. 24.

Прямо отъ Щербацкихъ, послѣ мучительнаго вечера, Левинъ заѣхалъ на телеграфъ и далъ знать къ себѣ въ деревню, чтобы за нимъ выѣхали лошади. Вернувшись домой, онъ зашелъ къ брату, чтобы объявить ему о своемъ отъѣздѣ. Сергѣй Ивановичъ сидѣлъ съ двумя свѣчами у заваленнаго раскрытыми книгами письменнаго стола и быстро писалъ. Онъ откинулся на спинку кресла и остановилъ свои всегда проницательные глаза на разстроенномъ лицѣ меньшаго брата. Проницательные глаза на этотъ разъ ничего не видали. Лицо старшаго брата было совсѣмъ другое, чѣмъ оно было утромъ: оно осунулось и какъ бы похудѣло, но глаза блестѣли, ничего не видя и не наблюдая. «Что, ѣдешь?—сказалъ онъ.— Что же ты такъ...—Онъ очевидно забылъ, когда пріѣхалъ братъ, зачѣмъ, на долго ли, и съ трудомъ старался вспомнить. — Что же, кончилъ ты свои дѣла?»... Левинъ понялъ, что брату будетъ стоить перерыва мысли разговоръ съ нимъ, и потому поспѣшно отвѣчалъ: «Да, кончилъ. Такъ тебѣ нужна тысяча рублей къ Святой. Я пришлю». Сергѣй Ивановичъ вдругъ нагнулся и приписалъ два слова на полѣ бумаги. «Да, да, благодарствуй,—сказалъ онъ.—Ну,

прощай, Костя, извини меня». Левинъ всталъ и направился къ двери, «Ахъ, да!—сказалъ онъ останавливаясь.—Гдѣ найти Николеньку?» Сергѣй Ивановичъ нахмурился. «Не знаю, право. У Прокофья есть адресъ. Ты не былъ у него?»—Нѣтъ, но я сейчасъ поѣду.—«Ну, какъ знаешь. Прощай, прощай!» Левинъ ушелъ въ свою комнату и сталъ укладываться.

№ 3. Часть I, гл. 25.

Дѣло это такое же важное, какъ дѣло первыхъ христіанъ. Точно такъ же эти люди гонимы и точно такъ же они люди будущаго. Крицкій, слушая, улыбался, какъ показалось Константину Левину, презрительно, и онъ не могъ удержаться, чтобы не сказать, обращаясь къ Крицкому: «Но разница въ томъ, что христіане признавали одно орудіе: любовь и убѣжденіе».—Я, съ своей стороны, не утверждалъ, чтобы мы были подобны первымъ христіанамъ; я признаюсь вамъ и не знаю, что̀ они проповѣдывали, да и не хочу знать,—сказалъ Крицкій съ улыбкой злою и враждебною, напоминавшею выраженіе собаки, показавшей зубы.—Мы предоставляемъ проповѣдывать любовь тѣмъ, кто доволенъ существующимъ порядкомъ вещей. А мы признаемъ его прямо уродливымъ и знаемъ, что насиліе побѣждается только насиліемъ.—«Такъ что же значитъ производительная артель?» обратился Константинъ Левинъ къ брату, не отвѣчая Крицкому.

№ 4. Часть I, гл. 25.

И, странное дѣло, хотя Левинъ еще только сегодня говорилъ, что не признаетъ человѣческими существами падшихъ женщинъ, онъ испытывалъ братское чувство къ этой женщинѣ, понявъ изъ этихъ немногихъ ея словъ и, главное, изъ простого, добраго выраженія ея, что она истинно и, можетъ-быть, одна во всемъ свѣтѣ любила его брата. Между тѣмъ Николай вернулся. Лицо его было весело, какъ у школьника послѣ урока; но, увидавъ, что братъ разговариваетъ съ Марьей Николаевной, онъ покраснѣлъ и опять нахмурился.

№ 5. Часть II, гл. 4.

Прошло два мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ Анна Аркадьевна вернулась въ Петербургъ, и жизнь ея пошла по-старому, но послѣ ея поѣздки въ Москву взглядъ ея на эту жизнь измѣнился. Прежде свѣтская жизнь съ свѣтскими разговорами о бракахъ, столкновеніяхъ, повышеніяхъ, перемѣщеніяхъ, съ заботами о при-

ческѣ и платьѣ для бала, жизнь съ мелкими радостями, досадами тщеславія и, главное, съ привычными и спокойными отношеніями къ мужу и сыну, наполняли ея время. Эта свѣтская жизнь, казавшаяся Аннѣ, прежде чѣмъ она вступила въ нее, такимъ страшнымъ, опаснымъ, раздражающимъ водоворотомъ, оказалась въ сущности самою тихою и смирною, не затрогивающею душевныхъ интересовъ жизни. Затрогивались только самые мелкіе интересы, и Анна въ свои послѣдніе два года петербургской жизни часто испытывала, среди визитовъ, вечеровъ и баловъ, чувство усталости и скуки однообразнаго верченія въ колесѣ. Но теперь, со времени ея пріѣзда изъ Москвы, все это вдругъ перемѣнилось. Свѣтъ уже не былъ для нея смирнымъ провожденіемъ времени; свѣтъ или озлоблялъ ее своею скукой, притворствомъ и глупостью, или она чувствовала себя въ свѣтѣ взволнованно - счастливою и раздраженною, какою она чувствовала себя, бывало, дѣвочкой на первыхъ балахъ

№ 6. Часть II, гл. 8.

Алексѣй Александровичъ былъ человѣкъ вѣрующій, во-первыхъ, потому, что религіозные вопросы никогда живо не затрогивали его и потому на него не находили сомнѣнія; во-вторыхъ, и, главное, потому, что религія объясняла и опредѣляла всѣ сложныя житейскія обстоятельства, о которыхъ размышленіе было непріятно уму Алексѣя Александровича. Религія, устраняя всѣ эти вопросы, давала досугъ и просторъ дѣятельности въ практическихъ сферахъ.

№ 7. Часть III, гл. 26.

Одно, что могъ себѣ говорить и говорилъ Левинъ о немъ: это было то, что онъ всю жизнь не зналъ ни страстей, ни утратъ, ни униженій, ни нужды. «Одна забота и горе, которыя онъ могъ знать,—думалъ Левинъ,—это была забота и горе о томъ, что̀ ему дѣлать и какъ бы повеселѣе прожить», хотя этой заботы не бывало замѣтно,—такъ естественно и просто шли у него дѣла, обязанности, забавы, одно за другимъ. Онъ былъ то, что̀ мужики называютъ: человѣкъ неламанный. Но Левинъ все-таки не могъ понять, какъ онъ могъ устроить свою жизнь такъ, чтобы не знать страстей, нужды, утратъ, униженій, разочарованій, и почему для него въ жизни была только пустая форма времени, которую надо было только наполнять какъ можно лучше.

№ 8. Часть III, гл. 29.

«Пообѣдаю, докончу потомъ о рентѣ. Завтра пріѣдетъ дворникъ, а въ середу уѣду. Какъ все просто, мило теперь, когда я понялъ свое дѣло и ничего не жду». Человѣкъ, вышедшій принять лошадь,

объявилъ что Пареенъ Денисычъ умираетъ и присылалъ за нимъ. Пареенъ Денисычъ былъ дядька Сергѣя Иваныча, жившій со многими старухами и стариками на пенсіи у Левина. Левинъ поморщился. Онъ встрѣчалъ иногда этихъ стариковъ и старухъ; но никогда не думалъ о нихъ. Онъ зналъ только, что такъ надо имъ жить у него и получать мѣсячину. И зналъ, что они стары и должны скоро умереть, но еще меньше думалъ объ этомъ. Теперь его звали зачѣмъ-то къ умирающему, и ему это непріятно и досадно было, тѣмъ болѣе, что хотѣлось ѣсть; но нельзя было отказаться. Онъ отряхнулся, какъ мокрая собака, и, не раздѣваясь, пошелъ на дворню. Ласка, встрѣтившая его, выбѣжала за нимъ и, радуясь тому, что онъ идетъ пѣшкомъ, а не ѣдетъ, махая хвостомъ, осторожно перескочивъ грязь, взвизгивая, ожидала его. Видъ Ласки напоминалъ ему то, что наканунѣ взбѣсилась гончая собака Помчишка. Онъ вернулся.

— Кузьма! Что, убили Помчишку?

— Некому пойти,—отвѣчалъ Кузьма.— Охотникъ запилъ второй день.

— Ну, такъ возьми Ласку, какъ бы не укусила. Пошла домой! Да обѣдать подавай, я сейчасъ приду.

И не думая о томъ, куда и зачѣмъ онъ идетъ, сгибая голову отъ косыхъ капель, бившихъ его въ лицо, и глядя только подъ ноги на слякоть дороги, усыпанную круглыми, желтыми листьями березы, кое-гдѣ заѣзжанными колесами, онъ дошелъ до дворни и вошелъ въ сѣни дома, гдѣ жилъ старикъ. Въ сѣняхъ никого не было. Но за дверью старика слышались голоса. Левинъ отворилъ дверь. Тяжелый больничный запахъ вырвался изъ нея. Левинъ остановился на порогѣ. Въ первой комнатѣ никого не было, но за перегородкой былъ свѣтъ, и слышны были торопливые голоса и звуки воды, которая лилась на полъ.

— Да ты говори,—сказалъ одинъ женскій голосъ:—закоченѣетъ тогда не одѣнешь.

Левинъ понялъ, что старикъ умеръ. Онъ перекрестился и вышелъ назадъ въ сѣни, но не пошелъ домой. Ему почему-то совѣстно было уйти, хотя онъ и зналъ, что здѣсь ему дѣлать нечего. Онъ испытывалъ чувство недоумѣнья о томъ, что надо сдѣлать ему при этомъ случаѣ. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что что̀-то надо сдѣлать. Онъ перекрестился, когда узналъ, что старикъ умеръ, но теперь ему было совѣстно за то, что онъ перекрестился, какъ и всегда совѣстно бывало, когда онъ дѣлалъ то, во что̀ не вѣрилъ, и, кромѣ того, совѣстно было за то, что онъ не зналъ, что̀ надо сдѣлать въ этомъ случаѣ. Онъ въ недоумѣніи остановился въ сѣ-

нях

Изъ горницы вышла старуха, ходившая за старикомъ. Увидавъ Левина, она сказала ему, что старикъ кончился и что онѣ только убрали его. Она разсказывала ему подробности его смерти, но Левинъ не слушалъ ея. «Жалко что меня не было, можетъ-быть, онъ что-нибудь хотѣлъ сказать мнѣ», сказалъ онъ и хотѣлъ выйти. Но опять чувство упрека за что-то остановило его. Въ сѣни вошла другая женщина и, поклонившись барину, прошла въ дверь. «Можетъ-быть, требуетъ приличіе, чтобъ я вошелъ», подумалъ Левинъ и вслѣдъ за старухой вошелъ къ покойнику. Старичокъ лежалъ на доскѣ, одѣтый въ синій фракъ, бѣлые панталоны и новые башмаки, еще не покрытый простыней. Левинъ постоялъ, посмотрѣлъ, перекрестился еще разъ и вышелъ, унося съ собой то же чувство недоумѣнья и упрека.

Онъ шелъ опустивъ голову. Вдругъ что-то бѣлое показалось ему направо. Онъ взглянулъ—это была Помчишка. Она лежала на почернѣвшей отъ мокроты кучѣ соломы у конюшни, положивъ свою съ бѣлою проточиной голову на лапы, и смотрѣла на Левина, какъ ему показалось. Онъ, не останавливаясь, вглядѣлся въ нее. Въ полутьмѣ онъ не могъ разобрать выраженія ея лица.

— Помчишка, ффю, на!—свистнулъ онъ.

Собака поднялась, шатаясь, и двинулась къ нему. «Пожалуй, и точно бѣшеная», подумалъ онъ и прибавилъ шагу. Въ сорока шагахъ впереди былъ домъ приказчика, въ двадцати шагахъ сзади была собака. Онъ опять оглянулся. Собака подвигалась къ нему медленною рысью. На ходу онъ разглядѣлъ ее всю. Ротъ былъ открытъ, хвостъ поджатъ, и она бѣжала, шатаясь изъ стороны въ сторону, не разбирая дороги и шлепая лапами по лужамъ. Вся эта прежде ласковая, веселая собака имѣла странный, не собачій видъ. Это была не собака, а какое-то неизвѣстное существо. Чѣмъ болѣе она приближалась, чѣмъ менѣе она была похожа на себя.......

Ужасъ, какого никогда не испытывалъ Левинъ, охватилъ его; онъ бросился бѣжать своими сильными, быстрыми ногами, что было духа. Ужасъ, который онъ испытывалъ, казалось, не могъ быть сильнѣе; но въ ту минуту, какъ онъ побѣжалъ, ужасъ еще усилился. Какъ сумасшедшій онъ влетѣлъ въ двери сѣней управляющаго и, не въ силахъ отвѣтить на вопросы жены приказчика, выбѣжавшей къ нему въ сѣни, долго не могъ отдышаться. Опомнившись, онъ посмѣялся надъ своимъ страхомъ и, взявъ кочергу, отворилъ дверь. У угла, шатаясь, стоялъ пьяный охотникъ.

— Ну, легки вы, сударь, бѣгать,—сказалъ онъ посмѣиваясь.— Чего ее бояться-то.

— Гдѣ же она? — спросилъ Левинъ.

— Да вотъ сюда влѣзла

Охотникъ указалъ на подвальное окно подъ домомъ приказчика и, чтобы показать свою храбрость, кинулъ арапникъ, опустился на колѣни, и никто не успѣлъ остановить его, какъ уже полѣзъ головой впередъ въ подвальное окно, которое только могло пропустить его тѣло.

— Вино-то что дѣлаетъ,—сказалъ приказчикъ.

— Куда ты?—крикнулъ Левинъ.

Но охотникъ уже влѣзъ до половины тѣла и барахтался слабыми, пьяными, въ широкихъ, дырявыхъ порткахъ, ногами, стараясь пролѣзть дальше или вылѣзть назадъ, но не въ силахъ сдѣлать ни того ни другого.

Левинъ подбѣжалъ, обхватилъ охотника ниже пояса, вытащилъ его назадъ и поставилъ на ноги.

— Эка, собаки испугались; небось, тоже охотники, — проговорилъ Семенъ, размазывая рукою грязь подъ глазомъ.

— Приберите его, а окно забейте,—сказалъ Левинъ и пошелъ къ себѣ.

Переодѣвшись и пообѣдавъ, Левинъ вернулся опять понемногу къ своему обычному расположенію духа. Все это послѣ-обѣда и весь вечеръ въ воображеніи Левина безпрестанно возникали впечатлѣнія, то шатающейся по лужамъ съ опущеннымъ хвостомъ собаки и ужаса предъ нею, то вымазанное грязью лицо, безжизненные пьяные глаза, раскрытый ротъ охотника и его худыя, бѣлыя ноги въ прорванныхъ порткахъ, то вывернутыя ступни мертваго старичка въ новыхъ башмакахъ. Впечатлѣнія эти представлялись то въ одномъ, то въ другомъ порядкѣ, но всегда вмѣстѣ. Онъ не останавливался на этихъ впечатлѣніяхъ, зная, что тутъ не о чемъ думать, и продолжалъ свои обычныя занятія.

Google